

STUDIORUM SLAVICORUM MONUMENTA

Е. А. Яблоков

НА БЕРЕГУ НЕБА

Роман Андрея Платонова
«Чевенгур»

STUDIORUM SLAVICORUM MONUMENTA

Tomus 22

PETROPOLIS

2001

Е. А. Яблоков

НА БЕРЕГУ НЕБА

(Роман Андрея Платонова «Чевенгур»)

С.-ПЕТЕРБУРГ

2001

В творчестве Андрея Платонова — одного из величайших отечественных прозаиков XX века — роман «Чевенгур» занимает центральное место; это самое крупное произведение писателя, яркий образец русского сюрреализма.

В монографии дан целостный филологический анализ романа, исследуются все аспекты его художественной структуры. Рассмотрена история создания произведения (социально-политические и биографические факторы). Установлены сложные связи «Чевенгура» с историко-культурным контекстом (система мифопоэтических, религиозных, философских, политических, естественнонаучных реминисценций; особый аспект — переклички с произведениями русской литературы XIX—начала XX вв.). Показано значение «Чевенгура» в творческой эволюции Платонова: прослеживаются «капиллярные» связи романа со многими художественными и публицистическими произведениями писателя. Немало внимания уделено лингвостилистическим особенностям платоновского текста — специфической сочетаемости слов, необычным оттенкам значения и тому подобным моментам.

Книга адресована не только специалистам-филологам, но будет полезна также в вузовской и школьной практике — для преподавателей, учителей, студентов и старшеклассников.

Евгений Александрович Яблоков

НА БЕРЕГУ НЕБА

(Роман Андрея Платонова «Чевенгур»)

Редактор издательства *С. А. Батюто*

Технический редактор *Н. Ф. Соколова*

Художник *Ю. П. Амбросов*, корректор *Е. М. Буланина*

Компьютерная верстка *Л. Ю. Егоровой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98

Подписано к печати 03.11.00. Печ. л. 23,5

Тираж 500. Заказ 3607

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

На дне души гудит подводный Китеж —
Наш неосуществленный сон!

М. Волошин. Китеж

...Все будет вольно и так будет просто,
что ничего не будет.

Л. Толстой. Война и мир

А ты меня не поняла
И я твоя Япония
И вся-та наша жизнь
Есть борьба.

Д. Хармс. Дневник 1925 г.

О, Господи, Господи, хоть бы ты был, что ли!

А. Платонов. Шарманка

Мы с мальчиком на озеро пошли,
Он удочку куда-то вниз закинул
И нечто, долетевшее с земли,
Не торопясь, рукою отодвинул.

Н. Заболоцкий. Сон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Творчество Андрея Платонова, одного из величайших русских писателей, интенсивно изучается чуть больше тридцати лет — срок не такой уж значительный, тем более что для многих произведений этого автора не решены даже основополагающие текстологические проблемы. Несмотря на объективные трудности, в 90-х годах в платоноведении явно обозначилась интегрирующая тенденция; появляются литературоведческие и лингвистические работы обобщающего характера, авторы которых стремятся свести воедино накопленный исследовательский опыт.

В настоящей книге подобная задача ставится применительно к одному произведению; мы исходим из предпосылки, что «Чевенгур» — не только самый крупный текст Платонова, но и своеобразный «эпицентр» его творчества. «Мозаичная» структура работы в каком-то смысле соответствует полифоническому характеру платоновского романа. Стремясь возможно полнее отразить результаты, которые к настоящему времени достигнуты совокупным трудом многих исследователей, мы старались представить как можно больше точек зрения — даже если они оказываются взаимно противоположными.

Несмотря на размеры, сопоставимые с объемом самого исследуемого текста, книга не может ответить на все вопросы, возникающие в связи с «Чевенгуром», но, по крайней мере, прояснит хотя бы часть этих вопросов.

Автор сердечно признателен Н. В. Корниенко за дружескую критику и добрые советы. Огромная благодарность всем, кто помог этой книге увидеть свет.

Часть I

«...И ОБРАТНО» КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП (ИСТОРИЯ СТРАНЫ — ИСТОРИЯ РОМАНА)

1

Вступив в середине 20-х годов в пору зрелого мастерства, Андрей Платонов за короткий период создал множество произведений — их явление оказалось настолько стремительным, что они кажутся возникшими по волшебству. Роман «Чевенгур» тоже был порожден этим феноменальным творческим взрывом, причем сыграл роль своеобразного промежуточного итога: в нем нашли полное развитие многие проблемы, мотивы, типаж, намеченные Платоновым в повестях и рассказах этого благотворного кризисного периода.

Качественный «скачок» был в какой-то мере обусловлен биографическими факторами — например, сказалась смена привычной с детства среды на новое окружение (Москва, Тамбов, затем вновь Москва), отнюдь не всегда благожелательное.¹ Однако немаловажное значение имел и «большой» контекст творческой биографии — социально-политический фон, на котором развивалась в это время судьба самого Платонова и который так или иначе воплотился в художественном мире романа. Историческая эпоха, откликнувшаяся в «Чевенгуре», — период между «военным коммунизмом» 1918—1921 гг. и «консервативной революцией» 1928—1931 гг. Основные политические коллизии этого времени достигли пика во второй половине десятилетия — как раз к тому моменту, когда Платонов активно работал над самой большой своей книгой.

Через пять лет после окончания гражданской войны в СССР «новые» тенденции в политике не только отчетливо обозначились, но уже и возобладали. В конце 1926 г. потенциал нэпа оказался, по существу, исчерпан; к десятилетней годовщине Октябрьской революции страна подошла с серьезными продовольственными трудностями; юбилейный 1927 г. ознаме-

¹ Показательна запись Платонова о первых месяцах его жизни в Москве в 1926 г.: «Безработица. Голод. Продажа вещей. Травля. Невозможность отстоять себя и нелегальное проживание. <...> Единственный выход: смерть и удержание себя» (цит. по: *Корниенко 1993а*, с. 19; отсылки на все издания, кроме романа «Чевенгур», см. ч. III, разд. 5 и 6).

новался нагнетанием военной истерии для оправдания экономического неблагополучия и облегчения борьбы с внутренней оппозицией.² К этому времени окончательно развеивается один из светлых мифов эпохи «военного коммунизма» — миф о готовой вот-вот грянуть «мировой революции».³ И хотя лозунг мировой революции продолжал использоваться для «внешнего» употребления в 1926 (IV Конгресс ИККИ) и даже в 1928 г.,⁴ стратегические цели к середине десятилетия стали иными: в партийно-верхушечной «гражданской войне» национал-большевистское направление уже одерживало победу над направлением интернационалистским.⁵

² Один из недавно обнаруженных рассказов Платонова 1927 г. — «Война» — представляет собой прямой отклик на обострение внешнеполитической ситуации.

³ При создании в 1919 г. Коминтерна председатель его Исполкома Зиновьев предполагал, что «через год вся Европа будет коммунистической, и борьба за коммунизм перенесется уже в Америку, а может быть, и в Азию, и в другие части света» (цит. по: Черных 1998, с. 11); в конце 1922 г., выступая на IV Конгрессе Коминтерна с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», Ленин говорит, что, по его мнению, перспективы эти благоприятны (Ленин ПСС, т. 45, с. 292). Стратегия большевистского руководства в те годы исходит из предпосылки, что СССР — оплот мировой революции и конфликт с капиталистическими странами рано или поздно неизбежен. В докладах и резолюциях II конгресса Коминтерна (лето 1920 г.) говорится, что компартия в капиталистическом государстве — отряд международной армии, ведущий борьбу за захват власти в своей стране (и в мире в целом) легальными и нелегальными методами; соответственно, предпринимаются систематические попытки «экспорта революции» — в Германию (1923 г.), Эстонию (1924 г.), Китай (1927 г.) и т. п. В Тезисах V конгресса Коминтерна по вопросам тактики Коммунистический Интернационал назван «организацией мировой революции», «единой пролетарской партией» (Пятый конгресс Коминтерна 1924, с. 31, 89). В брошюре 1925 г. «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» Бухарин пишет: «Мы сумели захватить власть в одной стране, мы сумели отбиться от со всех сторон наседавших на нас противников, мы сумели начать подъем нашего хозяйства, мы сумели укрепить и упрочить строй пролетарской диктатуры. Но есть ли у нас гарантия от того, что на нас не нападут иностранные хищники, что не будет никаких новых „интервенций“ с их стороны? Такой гарантией могла бы явиться лишь победа пролетариата в нескольких других капиталистических странах. <...> Вот почему наша партия совершила бы измену и предательство по отношению к интересам нашего рабочего класса и крестьянства, если бы она перестала быть партией международной революции. <...> окончательной гарантией от восстановления старого порядка, принесенного на штыках иностранных армий, может служить лишь международная революция, приверженцем, сторонником и носителем которой должна быть наша партия» (Бухарин 1988, с. 226—227).

⁴ Манифест VI конгресса Коминтерна, принятый 1 сентября 1928 г., по традиции завершается лозунгом: «Да здравствует мировая пролетарская революция!»

⁵ В конце 1924 г. Сталин провозглашает возможность и необходимость «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране», чем навлекает со стороны оппозиции обвинения в предательстве идеалов международного рабочего движения. Борьба Сталина с концепцией «перманентной революции» Троцкого, по сути, велась против сторонников «мировой революции»; поясняя термин «перманентная революция», Троцкий в 1922 г. писал: «Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. <...>

Парадоксальность ситуации с «Чевенгуром» (впрочем, не только с ним) состояла в том, что за время работы Платонова над книгой кардинальным образом (и независимо от автора) сменился ее «объект изображения». До конца 1927 г. прототипами «леваков» вроде Пашинцева, Гогнера и Чепурного могли казаться троцкисты; однако когда в 1928 г. Сталин, отбросив решения XV съезда, положил идеи разгромленной им «левой» оппозиции в основу собственной «генеральной линии», платоновские приверженцы «скачка» стали напоминать уже не оппозиционеров, а лидеров страны. Если «Чевенгур» концептуально сложился до конца 1927 г., то буквально за несколько следующих месяцев, на фоне непредсказуемого «полевения» руководящей верхушки (эта смена курса потом будет названа «великим переломом»), из произведения в целом лояльного к официальной политике он превращается в книгу, опасно солидарную со взглядами «правых» (тоже явившихся будто по мановению сталинской волшебной палочки) — т. е. тех, для кого решения XV съезда, в отличие от Сталина, не были пустым звуком.

Наступавшая «шарманочно-котлованная» эпоха еще резче подчеркнула ностальгический характер «Чевенгура» и монументальный трагизм его коллизий. Ясно, что игнорировать политические обстоятельства 20-х годов при анализе романа (и творчества Платонова в целом) нельзя: слишком много «сигналов» времени звучит в платоновских текстах. Однако всякое художественное произведение в себе самом несет допустимую меру «сцепления» с реальностью, само «диктует» модус соотношения художественного мира с жизненными фактами. И, думается, в случае с «Чевенгуром» (как ни странно это прозвучит после сказанного выше) преувеличенное внимание к социально-историческому фону может скорее исказить, нежели прояснить образ, созданный в произведении. Чересчур акцентируя эту сторону дела, неминуемо пришлось бы задать вполне логичный вопрос: на чьей стороне («за кого?») был писатель в политической борьбе того времени — оказался он «троцкистом»,⁶ «сталинистом» или, скажем, «бухаринцем»? Но в ро-

Взорвав, в силу исторической необходимости, ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, то есть должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом к революции мировой» (*Троцкий 1990, с. 147—148*). «Левая оппозиция» подверглась осуждению на XIV партконференции в апреле 1925 г., а в декабре, на XIV съезде партии, ее ожидал разгром. Смещенный с должности председателя Революционного Совета Республики, Троцкий из второго человека в государстве окончательно превращается в идеолога оппозиции. 7 ноября 1927 г., в день юбилея революции, оппозиционеры пытаются организовать «альтернативную» демонстрацию, за что Зиновьев и Троцкий, до этого выведенные из ЦК, исключаются из партии.

⁶ Кстати, один из читателей ранней редакции романа — Г. Литвин-Молотов (полный текст его письма см. ниже) в середине 20-х годов прямо намекал на опасную близость Платонова к троцкистской платформе: «Впечатление та-

мане действует иная логика, и вопрос, поставленный таким образом, неизбежно останется без ответа: вернее будет сказать, что из этой книги можно при желании «вычитывать» ответы на любой вкус.

2

Платонов — ярчайший представитель сюрреалистического направления в русском постсимволистском «барокко» 20-х годов.⁷ Автор «Чевентура» ставит своих героев на грань обычного и запредельного, однако не позволяет преодолеть ее, неизменно возвращая события в рамки «земной» логики. Никакие отчаянные трансцендентные порывы неспособны разорвать оковы «наличного» мира, и усилия энтузиастов нового бытия остаются удручающе «плоскосторонними». Любые реалии, которые, кажется, могли бы быть опознаны как обнадеживающие знаки «иного» существования, в конце концов обнаружи-

ково, что будто автор задался целью в художественных образах и картинах показать несостоятельность идей возможности построения социализма в одной стране. И это на другой день после осуждения партией оппозиции, выставившей это положение!»

⁷ Платоновский стиль был охарактеризован как сюрреалистический еще в начале 70-х годов (см.: Бродский 1995, с. 155; Пазолини 1989, с. 220); по аналогии с «ведущим» методом советской литературы 1930—1980-х годов можно было бы определить писателя как «социалистического сюрреалиста». Плодотворным представляется рассмотрение романа Платонова и в рамках так называемого «магического реализма», основные черты которого современный исследователь определяет следующим образом: а) специфическое использование категорий времени — с целью раскрытия его субъективности и относительности; б) отказ от детерминированности психологического принципа изображения человеческого сообщества, стремление изобразить функционирование этого сообщества на уровне мифического сознания; в) показ осуществления и взаимопроникновения двух реальностей: «низшей», первичной, вроде бы очевидной, но не доподлинной, и «высшей», доподлинной, на уровне которой теряют всякий смысл и значение стереотипы поведения, пригодные для жизни в обманно очевидной реальности; г) «магическое пространство» произведения, хотя и может быть вполне конкретно очерченным, не совпадает полностью с каким-либо реальным географическим и историческим пространством, поскольку пространство магического реализма не подчиняется общепринятым формам детерминизма, а живет по своим — магическим — законам, которые, однако, не имеют ничего общего с иррациональной мистикой. <...> Неотъемлемая черта магического реализма — жизнеподобие, обязательное наличие конкретных и узнаваемых черт исторической реальности. <...> Магический реализм совершенно органично использует элементы фантастики, но эти элементы играют все же подчиненную роль и по этому признаку проходит граница между магическим реализмом и научной фантастикой. Магические реалисты устраняют дилемму рационального и иррационального сознания с помощью восстановления в правах мифического/магического мировидения. <...> В обязательный «джентльменский набор» признаков магического реализма входят антиутопичность, антипрагматизм, антиидеологизм и антидогматизм. В рамках магического реализма вступают в диалог все исторические типы человеческого сознания: синкретические (миф, фольклор), рациональные, иррациональные, религиозные, атеистические, мистические...» (Гугнин 1998, с. 106—108).

вают свою «суррогатную» природу — профанируются брэнностью и смертью.⁸ Убедившись в том, что решение «мировой загадки» лежит вне земного круговорота, главный герой романа Александр Дванов — платоновский «разочарованный странник» — удаляется в «озеро-небо». Автор не дает полной уверенности в том, что новый путь окажется более плодотворным, но вместе с тем не разрушает и надежду читателя; и хотя очевидно, что трагикомичность «Чевенгура» сопряжена с тотальной революционно-эсхатологической «неудачей», эта «неудача» выглядит словно бы не окончательной. Причудливые деформации изображенной реальности, нарушения «нормальных» причинно-следственных связей неизбежно вызывают пародийный эффект, однако ирония не в силах подавить глубокий мистический импульс, который заставляет платоновского героя после очередного крушения надежд устремиться в новый круг странствий, а читателя — испытывать взаимоисключающие эмоции: удовлетворение тем, что бытие оказалось неподвластно утопии, и разочарование оттого, что мир так и не «отозвался» ни на какие сверхчеловеческие усилия.

«Чевенгур» — один из крупнейших в русской литературе «роман вопросов», итог целого периода культурного развития. В кругу художественной прозы, более или менее активно усваивавшей и разрабатывавшей философскую проблематику, эта книга выглядит как «платоновский диалог» — грандиозный «реферат» общественной мысли XIX—начала XX вв.⁹ Вряд ли Платонов мыслил себя «историком философии», однако совершенно ясно, что ему не чуждо ощущение уходящей, отмирающей культурной эпохи, которая совпала с детством и юностью писателя: не случайно в этом произведении он выступил скорее «собирателем камней», нежели их «разбрасывателем»: сплавил

⁸ Через несколько лет после «Чевенгура» мысль о «безвыходности» и «безответности» бытия открыто прозвучит в пьесе «14 Красных Избушек» в монологах Хоза — «председателя Комиссии по разрешению мировой экономической и прочей загадки»: «Какое всемирное, исторически-организованное жульничество!.. И ветер, дескать, как будто грустит, и бесконечность обширна, как глупое отверстие, и море тоже волнуется и плачет в берег земли... Как будто все это действительно серьезно, жалобно и прекрасно! Но это бушующие пустыни! <...> Природа не такая: и ветер не скучает, и море никого никуда не зовет. Ветер чувствует себя обыкновенно, за морем живет сволочь, а не ангел <...> Понять все можно, сирота моя, а спастись некуда».

⁹ Исследователи платоновского творчества приходят к выводу, что в художественном мироощущении писателя эклектично слились и органически претворились идеи позитивизма и религиозного «космизма», диалектического материализма и «философии жизни». Отмечается «присутствие» в тексте романа (в виде реминисценций или даже цитат) Л. Фейербаха, К. Маркса и Ф. Энгельса, Ф. Ницше, Г. Спенсера, А. Бергсона, О. Шпенглера, З. Фрейда, О. Вейнингера, П. Чаадаева, Н. Федорова, Ф. Достоевского, Вл. Соловьева, Л. Толстого, М. Бакунина, П. Кропоткина, В. Розанова, Н. Бердяева, С. Булгакова, Вяч. Иванова, А. Богданова, А. Луначарского, В. Ленина, Л. Троцкого, Н. Бухарина, и это, вероятно, еще не полный список.

в причудливом синтезе весьма разнообразные, порой противоречащие друг другу концепции и точки зрения, причем — что очень важно — сумел не отказаться практически ни от одной из них («философский дискурс» не разрушается даже гротескно-пародийным колоритом фабульных ситуаций). Уже отмечалось, что роман имел «резюмирующее» значение и для самого Платонова: например, в нем подвергались критическому рассмотрению многие собственные идеи, высказанные в ранней публицистике (*Шубин 1987а, с. 212*). Но, опять-таки, нельзя утверждать, что к концу 20-х годов эти утопические идеи оказались напрочь отвергнуты писателем — слово «отвергнуть» вообще мало подходит для мироощущения автора «Чевенгура». Основная черта, основной глубинный мотив платоновского романа — состояние пусть неустойчивого, но все-таки равновесия.

Исследователи давно отметили идейный синкретизм «Чевенгура» и двойственное эмоциональное впечатление, которое вызывает его художественный мир (см., напр.: *Толстая 1978а, с. 106*). Гротескно-фантастическая манера служит не только сатирическим в традиционном понимании задачам: сатира, по словам Горького, органично сочетается здесь с «спирикой». Книга Платонова написана о вечном поиске, в котором пребывает человечество, «разъединенное» с Бытием и оторванное от природы, будто ребенок от матери; о том, как пытается оно преодолеть ужас сиротства — то покушаясь на мать и пытаясь «овладеть» ею, то по-детски припадая к ней, словно надеясь вновь оказаться в уютном материнском лоне. А что до «мировой революции», то в романе это словосочетание, вырываясь из политического контекста, расширяет свой смысл до предела: речь идет о перспективах не метафорического, а буквального «конца света» — о трагической тщетности коммунистической революции, понимаемой как революция «космическая», онтологическая.

В «Чевенгуре» нашли выражение основополагающие мировоззренческие установки писателя, проявились главные черты его художественной манеры. Сквозь сюрреалистический стиль «просвечивает» глубочайшая философская проблема: дихотомия человека и бытия, фатальная «нецельность» Универсума — центральная коллизия платоновского творчества не только на тематически-фабульном, но на стилевом уровне; именно ею обусловлено у Платонова «кризисное» состояние художественной формы, начиная с языка (нетрадиционная сочетаемость слов, логическая «дискретность» — нарочитая актуализация или, наоборот, нарочитое игнорирование смысловых оппозиций и т. п.). Справедливо суждение, что «аномальность авторской речи (как в языковом, так и в литературном отношении) обусловлена <...> недоверием к „официальному“ (нормированному) языку (включая всю русскую литературную традицию) как приблизительному, неточному, ложному» (*Левин 1998,*

с. 404). Кажется, что в глубинах платоновского слова заложен «протест» против языка вообще, причем в максимально широком смысле — против «знака» как такового; конвенциональному, абстрагирующему знаку противостоит неповторимый «сокровенный» смысл, основное свойство которого (в отличие от «привычного» слова) в том, что он не разделяет субъект и объект, но воплощает их единство и нерасторжимость — «слип-ность» (Толстая 1981а, с. 250). Главным «предметом изображения», метатемой платоновской прозы оказывается постоянная «внутренняя» готовность художественной формы к «самопреодолению», к выходу в «доэстетическое» (точнее, в «постэстетическое») состояние, т. е. стремление к гармонии более высокого порядка, когда, говоря словами самого романа, «бесчувственно-прекрасное» должно слиться с «безобразно-живым». Художественный универсум «Чевенгура» пронизан этой онтологической тоской, хотя законы «новой» гармонии остаются недоступными, а все попытки «уловить» их (и тем более осуществить на практике) заведомо безрезультатны.

Авторский образ мира в полной мере проявлен в образе главного героя. Платоновский стиль сочетает «эффект присутствия» и «остранения» (Пазолини 1989, с. 219), и центральной фигурой романа оказывается парадоксальный «соучастник-созерцатель»; подчеркнутая самой фамилией «бинарность» персонажа состоит не только в наличии у него нескольких «отцов» (Дмитрий Иванович, Прохор Абрамович, Захар Павлович) или внешних «двойников» (Прокофий, Сербинов), но в первую очередь — во внутренней противоречивости характера. Личность Дванова изначально формируется в двойной перспективе: с одной стороны, это идея активного действия, «ремесленничества», преобразующего природу; с другой — сиротство, толкающее на поиски родителей и к слиянию собственного «я» с космическим «материнским» началом. Волевой импульс, заставляющий человека «превзойти» и переустроить бытие, опосредуется тягой к странничеству, к сочувственному «собира-нию» мира — показателен афоризм Захара Павловича: «Большевик должен иметь пустое сердце, чтобы туда все могло поместиться». Неслучайно Дванов не хочет давать «чужого имени открывающейся перед ним безымянной жизни», надеясь услышать от мира «его собственное имя из его же уст, вместо нарочно выдуманых прозваний». Герой Платонова отличается явным дефицитом «субъектности»; характерная его черта — эмпатия, установка на самоотождествление с любым объектом: «Он до теплотворности мог ощутить чужую отдаленную жизнь, а самого себя воображал с трудом. О себе он только думал, а постороннее чувствовал с впечатлительностью личной жизни». В этом смысле тип Дванова «наследует», например, гончаровскому Обломову (см.: Эпштейн 1990), испытывавшему ужас перед необходимостью принять «отдельную» от Целого форму — «определиться» (= «обрести предель»), стать «чем-

то», рискуя перестать быть «всеми»; или толстовскому Платону Каратаеву, полностью «согласному» (во всех смыслах) с бытием, ощущающему постоянную связь с мировым Целым и в каждый момент готовому возвратиться в «праматерию» (вспомним хрестоматийный сон Пьера о «водяном шаре», как бы иллюстрирующий идеи Каратаева). Деятельное жизнестроительное «мастерство» трудно совместимо с подобным мироощущением, поскольку позиция «преобразователя» — это прежде всего противопоставленность субъекта объекту, стремление «приспособить» объект к себе (а не «вживаться» в него самому). «Двойственность» платоновского героя — коллизия рационально-волевого и интуитивно-органического отношения к миру в пределах одной личности; в парадоксальном единстве оказываются несоединимые, казалось бы, роли — «деятель» и «посторонний»: «homo faber» и «homo spectator» (вспомним монологи повествователя о «маленьком зрителе»). Дванов, конечно, ассоциируется с Мессией, которого отец посылает в Чевенгур в надежде победить смерть; но, с другой стороны, не очень-то походит на Мессию человек, в своей «раздвоенности» напоминающий героя самой известной шекспировской трагедии. Неоднозначное впечатление вызывает и финальный поступок Александра: его уход в воду — погружение в «первобытный» хаос ради возвращения к отцу (в равной мере «подводному», «подземному» и «небесному») неизбежно ассоциируется с самоубийством.¹⁰

Основой художественного «механизма», создающего эффект амбивалентной, «лирико-сатирической» оценки событий, является принцип обратимости, зеркальной симметрии, который реализован на разных уровнях художественной структуры. В мире «Чевенгура» словно бы отменен один из основных законов формальной логики — закон противоречия:¹¹ бытие здесь вполне «податливо» для гносеологических усилий, поскольку

¹⁰ С учетом фольклорно-сказочного подтекста, а также дантовских реминисценций в платоновском романе финал может быть интерпретирован в ином ключе — время и пространство романа предстают в «вывернутом» виде: приснившийся отец-рыбак посылает Сашу в чудесный чевенгурский «коммунизм», как в «тридцатое царство», откуда герой должен принести секрет бессмертия; по пути в Чевенгур Дванов проходит «сквозь воду» (недаром при его появлении в городе идет дождь); в итоге он убеждается, что пребывание в «тридцатом царстве» бесполезно (после появления «машинальной армии» в «коммунизме» остались лишь мертвецы), и отправляется назад, к отцу. По этой логике, возвращение Дванова во «время детства» есть «нисхождение» к новому рождению (т. е. воскресению), а погружение в озеро — это, фактически, «выныривание» на противоположную поверхность (ср. «зеркальное» тождество озера и неба). Намерение рыбака Дмитрия Ивановича «пожить в смерти и вернуться» осуществлено его сыном; однако царством смерти оказывается не «тот», а «этот» свет.

¹¹ «Не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении» (Кондаков 1976, с. 488).

при всех условиях незатронутой остается его глубинная сущность; однако по той же причине оказывается, что «на всякое действие есть противодействие». Вспомним рассуждения градовского философствующего бюрократа: «Стоит ли <...> измышлять изобретения, раз мир диалектичен, сиречь для всякого героя есть своя стерва? Не стоит! <...> Не есть ли сам закон или другое присутственное установление — нарушение живого тела Вселенной, трепещущей в своих противоречиях и так достигающей всецелой гармонии?» Подобные каламбурные интерпретации законов диалектики (актуализация борьбы противоположностей при разрыве их единства) встречаются у Платонова неоднократно, в том числе и в «Чевенгуре». Характерный пример — эпизод партсобрания, на котором оратор заявляет: «Когда революция, тогда нет объективных условий <...> — Правильно! — покрывало собрание». А затем — весьма показательное замечание повествователя: «Все равно, если б было и неправильно, то людей находилось так много, что они устроили бы по-своему».¹² Перед нами образ универсума, который подвержен диаметрально противоположным интерпретациям, но все же не поддается рационализации; даже «практика» не снижает степени неопределенности и готова подтвердить правоту, кажется, любой теории.

Художественная целесообразность многих парадоксальных формулировок, звучащих в романе, состоит именно в том, что они воплощают «зеркальную» симметрию как основное качество мира; например: «Русский — это человек двухстороннего действия. Он может жить и так и обратно и в обоих случаях остается цел»; «Мужики думали и так и иначе, а отвечали честно». Характерен эпизод, когда Луй «пересказывает» Гопнеру записку Копенкина и ситуация напоминает игру в «испорченный телефон»; слова записки «Здесь коммунизм, и обратно, — нужно, чтоб ты скорей прибыл» передаются следующим образом: «Там товарищ Копенкин написал, что коммунизм и обратно»; мысль о «наличии» коммунизма явно обретает амбивалентное звучание.

Принципом «обратимости» обусловлена в романе усложненная структура художественного времени, не имеющего ли-

¹² В такой постановке вопроса слышен отголосок императива «царства сознания», декларируемого в публицистике Платонова начала 20-х годов; например, в статье «Свет и социализм» читаем: «При социализме в основе творчества человека лежит не настроение, не случай, вдохновение или интуиция, а сознание. И поэтому если фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор еще не сделан, его надо сделать сознательной волей» (*Чутье правды*, с. 179). Ср. сходную логику в ранней редакции «Чевенгура» — повести «Стронтели страны»: «Медлительность природных событий в русской равнине отставала от пульса жизни, поэтому русский человек еще до революции привык удовлетворять себя выдумкой, то есть событиями древнего происхождения. Революция отчасти была потому, что накопилось слишком много размышлений в груди — они потребовали для себя стать вольными фактами» (*Строители страны*, с. 380).

нейного и однонаправленного характера. Роман начинается «доисторической» эпохой — эпохой «безвременья», когда движение дней и лет, по существу, ничего не меняет в «большом» мире. В послереволюционную эпоху временная «фактура» резко меняется: вместо «большого», «осевого» времени читатель имеет дело с множеством параллельных «потоков»; так, странствующие Дванов и Копенкин («Гамлет и Дон Кихот») не просто преодолевают пространство, переходя от одного топоса к другому, но перемещаются между замкнутыми хронотопами. Когда же речь заходит собственно о Чевенгуре, в котором «история кончилась», то различия между хронотопами становятся еще явственнее. В чевенгурском «коммунизме» время полностью теряет «осязаемость», становится несущественным: поэтому трудно сказать, сколько времени длится история коммуны — несколько месяцев или более двух лет (есть аргументы в пользу обеих цифр). Однако в «большом» мире успевает пройти лет семь-восемь: поэтому Сербинов, отправившийся из Москвы в «пропавший» уезд (нечто вроде «невидимого» града Китежа), приезжает «из будущего в прошлое» — движется во времени вспять; из «будущего» же (но не конкретного, а «абсолютного») явится затем и «машинальная армия». Что касается Дванова, то он приходит в Чевенгур «из прошлого» (фамилия Дванов связана, в частности, со словом «давно»); и в прошлое же, причем еще более глубокое («время детства»), а затем и в «пренатальную» вечность возвратится он, когда коммуна будет уничтожена безжалостными посланцами «будущего».¹³ Таким образом, прошлое и будущее «сходятся» в чевенгурской «утопии / ухронии», где «Чепурный вместе с пролетариатом и прочими остановился среди лета, среди времени и всех волнующихся стихий»; однако «конец света», «конец истории» в «Чевенгуре» — это еще не конец романа: стихия странствования побеждает, и герои возвращаются к истокам; «осевое» художественное время восстанавливается, обретая уже не просто историческое, но и «космическое» измерение.

Попытка «выпасть» из времени-пространства, предпринятая adeptами чевенгурского «коммунизма», оказывается иллюзорной; заметим, что Чевенгур — это лишь «предельное» воплощение идеи, которая повторяется во многих платоновских произведениях: город предстает как поселение «вчерашних» странников, несет образ остановленного, «забытого» движения — возобладавшей энтропии. Лишь путешествие («собрание» пространства и «избывание» времени) может служить лекарством от тоски: как говорится в повести «Джан», «кто ходит, тому всегда легче». Однако земные странники все же обречены пребывать «на плоскости», а «истинное», по-настоящему эффек-

¹³ В финальном эпизоде романа «из прошлого» придет и Захар Павлович: не случайно здесь повторяется его диалог с Прошкой, уже прозвучавший много лет назад.

тивное движение требует смены парадигмы, перехода от «горизонтали» к «вертикали». Стремление странника к горизонту как к порогу «нового» бытия оказывается лишь иллюзией пути «вверх»: за горизонтом расстилается все та же равнина, и любое движение по ней опишет круг, возвращая в исходную точку: так Дванов после гибели Чевенгура оказывается не только в прежнем пространстве, но и в прежнем времени. В противовес «точечному» хронотопу Чевенгура, который в романном универсуме обозначает «предел» горизонтального движения, точкой «вертикальной» симметрии бытия оказывается озеро Мутево — место, где сходятся начала и концы: погружение в него (движение вглубь = вниз) тождественно вознесению (движение вглубь = вверх) — подобная двойственность реализована и в метафорическом заглавии платоновского стихотворного сборника «Голубая глубина».¹⁴ В финале романа «скрещиваются» две координаты, и по ним расходятся пути братьев Двановых: один уходит «по вертикали», второй отправляется искать его «по горизонтали». И хотя фабула исчерпана и роман окончен — последнее слово все-таки остается несказанным.

3

Рукописное наследие Платонова текстологически обработано недостаточно, и вопрос о каноническом тексте романа «Чевенгур» пока не может считаться решенным. Реконструирован и частично опубликован фрагмент ранней редакции романа (см.: *Строители страны*), однако в полном виде она не сохранилась и о первоначальном замысле можно судить лишь по косвенным свидетельствам; важнейшим из них является письмо Г. Литвина-Молотова (см. ниже), адресованное Платонову: в 1965 г. оно было обнаружено в РГАЛИ Л. Шубиным, который датировал его концом 1926 г. (см.: *Шубина 1994*, с. 215). Судя по изложенному в письме сюжету «Строителей страны», известные на сегодняшний день фрагменты повести относятся к шести ее главам — с 11-й по 16-ю.

Г. З. Литвин-Молотов (1898—1972) в годы гражданской войны был членом Воронежского губкома РКП(б) и членом редколлегии воронежской газеты «Известия»; Платонов познакомился с ним в 1919 г. С 1920 г. Литвин-Молотов возглавил в Краснодаре издательство «Буревестник», где выпустил книгу стихов Платонова «Голубая глубина», написав к ней предисловие. В 1925 г. Литвин-Молотов переезжает в Москву, стано-

¹⁴ Вспомним, что в повести «Котлован» строительство «башни» — общепролетарского дома — обернется созданием «антибашни» — вечным погружением в земные недра; идея «восхождения в глубину» истины явственна и в других произведениях Платонова «постчевенбургского» периода — «Ювенильном море», «Счастливой Москве», «Джан» и др.

вится главным редактором издательства «Молодая гвардия», в котором выходят первые сборники прозы Платонова: «Епифанские шлюзы» (1927 г.) и «Сокровенный человек» (1928 г.). На подаренном Литвину-Молотову экземпляре «Епифанских шлюзов» Платонов 11 июля 1927 г. пишет: «Георгию Захаровичу Литвину-Молотову, человеку, которому я обязан своим лучшим и чистым прошлым и, может быть, буду обязан будущим. С глубокой любовью, которую ничто не тревожит» (цит. по: *Шубин 1987а, с. 95*).

Машинописный текст письма имеет физические дефекты; слова или отточия в угловых скобках поставлены на месте неясных или не поддающихся прочтению фрагментов; сохранены орфография и пунктуация автора.

Платонову Андрею

Андрей Платонович,

Я не могу говорить о новой вашей повести вне сравнения ее с предыдущей повестью «Сокровенный человек». Последняя возбуждает по прочтении ее какое-то особенное *здоровое* чувство, в ней вместе с ростом Пухова растет и это чувство у читателя, героинка, данная в повести, несмотря на неудачи в концах героических начинаний, — передает дух прошедшей эпохи и не сдирает с нее кожу <...> Скептицизм Пухова не переходит в отчаяние <...>

Иное впечатление остается от первой трети новой повести «*Строители страны*».

В ней даны два резко отрицательных типа — Геннадий и Мрачковский (оба анархисты, или анархистски настроенные). И тот и другой резко критикуют и революцию и революционные идеи. Причем их критика заострена на таких пунктах, которые или больше всего непонятны массе или демагогически используют ее недовольство, недоедание, холод, бедность, словом *убогость* страны, в которой в силу этого кажется невозможным не только *строить* социализм, но даже просто уничтожить нищету, невежество, грязь и хамство.

И они оказываются правыми: само начало повести подтверждает все положения этих неприемлющих революционную идею людей.

О чем говорит повесть? Она начинает рассказывать, как зародилась в мозгу председателя губисполкома Шумилина мысль в ближайший срок насадить в его степной крестьянской убогой и нищей губернии социализм. Вместо того, чтобы или самому проехать по уездам, или созвать практических работников с мест, или в то же время созвать самих крестьян, проработав в активе губернии все вопросы, связанные с осуществлением его идеи (кстати, в таком голом виде она с самого начала выступает шаржированной), — вместо этих практических шагов он посылает по деревням неоперившегося юнца Дванова искать пуп социализма (еще кстати: этот мотив у вас повторяется очень часто — в «Ямской слободе» какой-то сенатор по старчеству *ищет* пуп земли, в «Диком месте» (произведение Платонова под таким названием неизвестно. — *Е. Я.*) выживший из ума «ученый» ищет пуп нации великодержавной и т. д.). В результате — глу-

пые поиски, бредовые мысли, смешные (зло!) требования к сроку вырастить социализм, чтобы он пер прямо из травы. Обычное землеустройство в революционные дни и борьба против нищеты за *восстановление* хозяйства (за которым последует его переделка, реконструкция, а затем создание социалистических отношений) — это обычное будничное революционное дело выставлено как попытка в срок построить социализм и с такими комментариями от автора и от лица действующих героев, что в результате их создается лишь одно впечатление: люди беспомощно барахтаются в несбыточных идеях, мечтаниях и делах в то время, когда надо бороться за человеческий образ жизни, что идея построения социализма — большая идея, что где-где, а в России социализм никогда не будет построен, ибо в такой отсталой стране и думать его построить нельзя, — тому порукой примеры повести.

Впечатление таково, что будто автор задался целью в художественных образах и картинах *показать* несостоятельность идей возможности построения социализма в одной стране. И это на другой день после осуждения партией оппозиции, выставившей это положение!

Кто же противопоставлен вполне законченным отрицательным типам повести — Геннадию и Мрачковскому? Шумилин, беспомощно бьющийся над практическим делом. Гратов, еще не определивший себя, мечущийся между революционным делом, к которому он не пристал еще, и любовью к занятой бесполезными разговорами девице, любующейся собой, и любовью к ней *трех* юнцов, «коммунист» Гратов, которого не видно в деле, а лишь в этих разговорах, в любви и в фантазиях о том, какова по форме будет женщина будущего, к тому же такой человек, которому привычнее вращаться в чужие следы, чем самому выдумывать пороки, наконец, такой коммунист, который отказывается идти на практическую работу учебы, которая так же, как и революция и марксизм, его в достаточной мере не полонили. Это и не фанатик и не энтузиаст; а какая-то болотная середина. Происходит он как будто бы из рабочей среды, но никакой связи с ней в романе не дано.

Дванов — просто путаник, у которого недостатки Гратова заострены. Копенкин сразу выступает с ярлыком автора и действующих лиц как советский дон-кихот, причем это <...> не органично показано, а <...> в издевательской форме: он любит <мертвую?> <...> и <если?> отнять у него эту мечту, то Копенкин превратится в <обычного?> крестьянина, который будет накапливать и бороться против Советской власти. Он выставлен как идейный крепкий большевик! А идея его держится на такой химеричной основе!

Установка в начале настолько неверна, что в конце концов создается впечатление, что автор решил написать не роман или повесть о действительном строительстве, о деле, о буднях, а о чуде, которое подстать лишь Геннадию (в плохом деле и плохие опыты сойдут). Даже крестьянство показано лишь с отрицательной стороны: перемена своих фамилий на чужие (Федор Достоевский, Христофор Колумб, Меринг, а по-уличному Мерин), дележка кулацкого добра, <и т. п.>

Кроме поисков пупа социализма, Дванов уже вместе с Копенкиным, крестьянином, ездящим на «Пролетарской Силе», додумывается до вырубки лесов ввиду невыгодности этого занятия перед хлебопашеством.

Если бы не все это — повесть была бы крепкою, здоровою и показывала бы сильный рост автора даже по сравнению с «Сокровенным человеком». А так получается возврат к тону и настроениям «Города Градова».

Теперь о конструктивной стороне повести. Ее надо перестроить, примерно, так:

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Хороша. Фамилия Сталеметный грубовата. Время действия не оправдано: пусть оно происходит не в 1919 году, а в 20, ведь 19 год сплошная большая война, а такую она не чувствуется по этой главе и по переходу к дальнейшему — слишком быстр этот переход, выпадают 20 и 21 годы. Лучше бы было и более оправдывалось бы дальнейшим изложением, если бы все это происходило в 20 году на внутреннем фронте, против Антонова, например.

ГЛАВА ВТОРАЯ: О Копенкине и бандитах. Надо показать Копенкина, как человека действия, в деле; дать бои так правдиво, как вы можете их описывать. Дать картинки жизни и борьбы бандитов и крестьянства. От первой к второй главе может быть *органический*, а не надуманный переход.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: От описания революции в действии и на фронте и в деревне в этой главе можно перейти к описанию городской жизни, посвятив ее всю Дванову. В этой главе еще не должно быть ни Геннадия, ни Софьи. Нужен в ней не менее сильный эпизод, *характеризующий* Дванова, чем первые эпизоды, характеризующие Гратова и действия Копенкина. Ее нужно расширить, в основе взяв 2-ю главу рукописи, быть может на материале о 1) Веселовском, 2) семье Дванова и 3) городских событиях.

Нужно, чтобы прошлое Гратова и Дванова было больше освещено, чтобы они не вывалились в повесть сразу, ибо они ведь подводят читателя к событиям, к повести.

Разговоры и размышления о Данте — длинные, быть может потому, что скопились в одном месте.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: У Шумилина. Только нужно, чтобы уже был показан переход от гражданской войны к восстановлению хозяйства как-нибудь поярче и сильнее, чтобы он ощущался: это тот короткий период между концом гражданской войны и нэпом, когда были трудовые армии, бандиты (а о них Шумилин не думает вообще и даже тогда, когда посылает Дванова в губернию) и большое беспорядочество: в 1921 году ведь было Кронштадтское восстание и движение против продразверстки и IX-й (ошибочно; следовало бы: X-й. — Е. Я.) сезд, отменивший продразверстку, и оппозиция.

Вот в этой-то главе <...> появляется впервые Геннадий, а в предыдущей главе о нем только <...> говорит автор лишь в связи с показом и думами Дванова.

ГЛАВА <ПЯТАЯ>: [нрзб.; речь идет о Дванове] <вер>нуться к нему. <...> А отец его <...>

<...> Дванов и Геннадий? Чем связаны они с Геннадием? Впервые упоминается Софья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ: О Софье. Первое знакомство с ней. Только меньше разговоров, поразнообразьте приемы.

Софья у вас показана не *изнутри* и потому представляется вроде недорисованного египетского портрета: только с двумя измерениями, в профиль, не выпукло, между тем как и ГРАТОВ и ДВАНОВ показаны полнее, с внутренней жизнью. Что там делается у нее внутри,

ни Гратову, ни Дванову, ни Геннадию неизвестно, но автор ведь знает.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ: Посвятите ее всю Геннадию, не в его разговорах, а в поступках, в работе и т. д. «Отругайтесь» с ним здесь, а дальше уже показывайте его изменение через любовь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ: Самая напряженная должна быть, ибо здесь нарастает и до возможных пределов катастрофы любовь трех, а у Шумилина — достигает предела <иде>я поисков вывода губернии из нищеты. Разряжается — отъездом Дванова и Софьи.

Не выпирайте любовь. Вообще историю возникновения любви не следовало бы давать подробно, да еще при длинных разговорах.

Начать ее (главу) лучше с мучений Шумилина.

Нужно не забывать также, что у ваших героев есть общественная жизнь и учеба. А что делает Софья? В этот промежуток времени как-то нельзя представить человека без дела: хорошо ли, плохо ли, но все работали.

Переписку Дванова и Софьи в некоторых местах лучше передать словами: письмо Дванова, например, длинно и похоже на письма из старых романов.

Гратов и Дванов коммунисты, но тогда незачем делать их какими-то сочувствующими чуть ли не «спиритизму». Когда они рассуждают, нужно помнить, что их рассуждения бессознательно для них корректируются исповедываемой ими программой и речами вождей, так было всегда. Можно допустить обратное, что скорее они на веру примут сказанное, чем будут утверждать прямо противоположное.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ: Дванов и С<офья> А<лександровна> (в рукописи эта часть очень невелика и несоразмерна по сравнению с другими главами).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: Гратов один остался в городе. (Также надо расширить, всюду вообще надо дать побочные *сильные* эпизоды.)

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ: Дванов в поисках причин нищеты. Встреча с бандитами, ранение, плен.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ: О библиотеках, почтах и письмах (расширить, очень хорошо у вас дано, прибавьте еще несколько эпизодов из этой практики). Гратов уезжает к Софье.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ: Все у Софьи. Мрачковский. Уход Гратова.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ: Любовь Софьи (главу расширить, показать Софью и на общественной работе в деревне).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ: Копенкин (и Дванов вместе) ищут, за что ухватиться в борьбе за новую деревню.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ: Уход Софьи <...> <между прочим, его> надо оправдать: <...>

Мрачковского не плохо бы посадить в «Дикое место» <(я использовал> ваш старый набросок).

Нужно изменить приемы: нельзя пользоваться все время для развертывания сюжета разговорами (к тому же длинными), надписями, заметками на стенах, записками и письмами, выписками из книг, кем-то когда-то написанных; стариком, помогающим автору разъяснить идею героя (разговор Дванова в курене).

Если бы вещь была плоха, я не стал бы всего этого писать, она хороша, но в таком виде не может быть *приемлема* для издания по вполне понятным соображениям. Я и хочу предупредить вас тепе<рь> же, чтобы вы исправили ее, уничтожили бы то *впечатление*, какое

она создает и какое, по вашим же словам, вы вовсе не имели целью возбудить в читателе.

С товарищеским приветом

Г. Литвин-Молотов.¹⁵

Судя по тексту письма, в нем рецензируется лишь «первая треть» произведения. Литвин-Молотов ничего не говорит собственно о Чевенгуре, и можно сделать вывод, что в той части «Строителей страны», которую он читал, не было истории Чевенгурской коммуны (Шубин 1987а, с. 266). Между тем на творческом вечере Платонова в 1932 г. Н. Замошкин утверждал, что читал «Чевенгур» вместе с повестью «Сокровенный человек» еще в 1926 г. (см.: *Стенограмма*, с. 306); возможно, однако, что имеется в виду та же повесть «Строители страны» и Замошкин лишь использовал запомнившееся название (принадлежащее, по сути, уже другому произведению).

Совет Литвина-Молотова уделить больше внимания прошлому Гратова и Дванова — «чтобы они не врывались в повесть сразу» — наводит на мысль, что первая часть романа (публиковавшаяся с 1928 г. под заголовком «Происхождение мастера»), в которой речь идет как раз о детстве и отрочестве Дванова, была написана позже «Строителей страны» (Шубина 1994, с. 216).

Первым наброском будущего «Происхождения мастера» нужно, вероятно, считать план-проспект романа «Зреющая звезда»; однако не исключено, что замысел этого романа возник у Платонова еще до того, как были написаны «Строители страны», так что писатель, превращая текст повести в «Чевенгур», воспользовался «канвой» более раннего наброска:

Живет человек — ребенок. Рабочая слобода. 1906—14 годы. Мощный паровозостроительный завод. Ребенок — сын мастерового. Изнутри, органически, мучительно — на протяжении ряда лет — показывается рост ребенка и превращение его в юношу. Дается жизнь большой группы мастеровых — заодно с отцом ребенка. В противоположность квазиреволюционному толкованию: жизнь рабочих и их детей совсем не проста и не прямолинейна: она полна мучительных исканий выхода, ошибок, тревог, любви и высокой конкретной философии. <...> Наибольшей концентрации все эти человеческие силы, своеобразно измененные общественным состоянием, достигают в герое романа — пока ребенке, потом юноше. Тревожный рост. Чтение. Искания. Попытки самоубийства. Увлечение религией. Все идет в резких линиях: что задумано, то и делается: мысль становится сердечным чувством и поведением. В этом отличие рабочей психики от всякой иной. Юноша уходит в пещеру, где живет один. Потом в

¹⁵ По сообщению О. Ласунского, в письмах начала 60-х годов к Н. Задонскому Литвин-Молотов высказывался о «Чевенгуре» однозначно отрицательно, утверждая, что Платонов в романе искажил пафос времени, разбил романтику эпохи.

скит. Скит — раскольничий: религиозные анархисты. Типы русской равнины. Дореволюционная стихийная Россия и ее утроба. У героя гибнет на заводской катастрофе отец, страстно любимый сыном. Юношу потрясает событие. Он возвращается в семью. Начинает работать на заводе. Труд душит <нрзб.> его. Религия забыта — поиски нового действительного спасения. На заводе любят юношу; у него товарищи.

Война. Завод под прессом военной администрации. У группы юноши и его товарищей — душевный кризис. Среди товарищей есть анархисты, эсеры и социал-демократы. Все левые, решительные и крайние — от молодости. <...> Сговор о взрыве силовой станции завода. Юноша полюбил одну девушку. Душевные силы расщепляются и энергия к смерти в нем иссякает. Группа молодых террористов раскалывается. Два товарища юноши и сам он, разогретый вниманием любимой, решаются довести дело до конца.

Взрыв силовой станции удается лишь частично, т. к. технически все дело продумал юноша — остроумно, но недостаточно хорошо для полного успеха.

Три друга бегут в скит, где раньше был юноша. Но в стране — ветер революции. Друзья не попадают в скит и мечутся по России. Страна — в 1917-м г., между февралем и октябрём. <...> Друзья возвращаются на завод. Девушка, которую любит герой романа, уехала за хлебом и безвестно исчезла. Юноша наливается энергией революции, и революция в нем органически переплетается с глубоко личным делом: отысканием девушки и будущей любовью. Это дает большую силу молодому человеку.

Октябрь — и дальше. Герой — большевик. В стране голод и разруха. Чуть брезжит заря технической эпохи. Юноша словно одержим интимным отношением к машинам и способностью к техническому творчеству.

Он поступает в Технический вуз. Любовь зарастает как рана.

Идет живое время. Герой романа — на последних курсах, почти инженер. Новые товарищи.

В стране — голод. Герой бросается в творческую строительную работу. Вновь, как болезнь, настигает его любовь — крутая, резкая, душная, граничащая с безумием. Герой работает. Постепенно идет в гору и получает высокий инженерный пост и большую работу. Мучительное сочетание любви и работы. Много эпизодов работы.

Творчество борется с сексуальностью на живых примерах. Человек и его любовь болеют. Строительство всасывает человека и излечивает его.

Новое ощущение жизни и мира. Любовь <нрзб.> превращается в солнечное боевое чувство.

На местах гражданских побоищ строятся каналы и работают экскаваторы. Последние главы романа несут перерожденного человека по гулкой зреющей мудрой земле. Мир почти фантастичен. Но ничего незнакомого — это наши годы, наша земля, взятая с особой точки зрения.

Почти все. Главные линии. Сюжет я понимаю здесь как рост человека под влиянием внешних благоприятных условий.

«Вехи жизни „рабочего-ребенка“ в новой „фантастической реальности“ (!) самой действительности, как они обозначены в

заявке, — голодное детство, чтение книг, анархизм, скит, любовь к девушке и т. д. — будут присутствовать в „Чевенгуре“ то почти как фабульная точка, то как сквозной или нечаянный мотив, то как „индекс персонажа“» (*Корниенко 1995, с. 315*). Поскольку намечаемая в «Зреющей звезде» политическая позиция вполне лояльна по отношению к существующему строю, Е. Колесникова, сопоставляя данный замысел с «Чевенгуром» и «Котлованом», заключает, что в динамике мировоззрения Платонова существовал «крайне малый промежуток времени между положительным отношением к революции и „охлаждением“ к ней <...>, это был не постепенный процесс, а резкий кризис» (*Колесникова 1995, с. 213*). Не будем, однако, забывать, что в середине 20-х годов писателем были созданы и другие произведения, в которых выражено скорее приятие, нежели «отторжение» революции (например, «Сокровенный человек»); а однозначные оценки мировоззренческой позиции Платонова («принимал»/«не принимал») кажутся не вполне адекватными именно потому, что проблемы, затронутые им, всякий раз оказывались «глубже» политики: эта углубленная философичность воспринимается на «внешнем» уровне как идеологическая непоследовательность.

В 1928 г. в журнале «Красная новь» (№ 4, 6) были напечатаны два отрывка из романа: «Происхождение мастера» и «Потомок рыбака». Сохранились редакционные визы на «Происхождении мастера»:

Прекрасный рассказ. За печатание в № 4. *Ф. Раскольников*. 3/III-28;

на «Потомке рыбака»:

За печатание в «Красной нови». Если возможно, в майской книжке. Автор очень талантлив, и его надо двигать, он тогда будет писать нам больше, чаще и лучше. *Всев. Ив<анов>*.

За печатание в 6 и 7. *Ф. Раскольников*. 16/IV-28.

В это время окончательное название произведения еще не определилось: на машинописи «Потомка рыбака» к заглавию приписано: «продолжение повести „Путешествие с пустым сердцем“»; по предположению Т. Лангерака, название «Чевенгур» возникнет не раньше середины 1928 г. (*Лангерак 1995, с. 187*).

Первая часть романа — под общим названием «Происхождение мастера» — вошла в одноименный платоновский сборник (М., 1929); с тех пор этот текст как самостоятельная повесть входил во многие издания.

Появление сборника «Происхождение мастера» вызвало ряд откликов. Так, Л. Левин писал:

«Открывающая сборник повесть „Происхождение мастера“ посвящена восприятию революции индивидуалистом и перерождению этого индивидуалиста в революции. <...> В книге Андрея Платонова мы имеем художника, выражающего мелкобуржуазные настроения тех групп, которые не способны творчески осмыслить значение русской революции и ее великий социальный смысл» (Левин 1930).

По мнению М. Майзеля, в платоновской повести

«морально оправданной, жизнеутверждающей силой является великий простец, инстинктивно и, что особенно важно, совершенно пассивно приходящий к социальному самосознанию. <...> Герой „Рождения мастера“ (так в тексте. — Е. Я.), Саша Дванов, сродни неудачнику Филату („Ямская слобода“). Их сближает между собой одинаковое люмпен-юродствующее положение в жизни. <...> Порой Платонов точно лобуетя блаженной пассивностью своих героев» (Майзель 1930, с. 196).

Примерно в том же ключе интерпретировала «Происхождение мастера» Р. Мессер, подчеркивавшая вместе с тем «необычайную выразительность писательских средств Платонова»:

«Природа у Платонова — мудрая и спокойная. Люди — растерянные, мятущиеся, пассивные. Люди у него пытаются понять мир, но не изменить его. Людей давит стихия, судьба. Они не могут изменить мир. Эта подспудная творчески-философская концепция Платонова и обуславливает выбор им в качестве героев — „мелких человек революции“» (Мессер 1930б, с. 208).

По поводу сборника «Происхождение мастера» критик заявляет, что «книга значительно превосходит уровень „принципиально-средней“ прозы, на котором находится известная часть попутнической молодежи»; однако «все это весьма добротное (иначе не скажешь!) мастерство не в состоянии скрыть крайнюю архаичность всей творческой позиции автора»; мировоззрение Платонова она характеризует как «философию случайного», подчеркивая отсутствие обобщающей и направляющей авторской мысли:

«Дело — не в отсутствии злободневных тем. Дело — в восприятии явлений революционной действительности как случайных, хаотических, единичных. Поэтому и получается следующее: когда Платонов пытается дать какой-то целый участок действительности — его мастерство изменяет ему и тема не повинуется».

Р. Мессер полагала, что Платонов стремится к «реставрации проблемы мелкого человека» и что индивидуалистический пафос не позволяет ему обрести масштабное видение мира:

«Погоня за „неповторимым и сокровенным“ человеком всегда приводит к открытию человека мелкого, и дело здесь не в масштабах, а в бесперспективности» (*Мессер 1930а, л. 15—17*).

Еще один отрывок из романа (история встречи Дванова с отрядом анархистов и его ранения) под заголовком «Приключение» был напечатан в 1928 г. в журнале «Новый мир» (№ 6). Автор не был удовлетворен этой публикацией; вскоре после выхода журнала он направил ответственному секретарю редакции «Нового мира» Н. Замошкину письмо следующего содержания:

В редакцию журнала «Новый мир»

В №-ре шестом напечатан мой рассказ «Приключение». Я за него несу только часть ответственности, потому что он значительно изменен редакцией — в отношении размеров и внутреннего чувственного строя.

Андрей Платонов.

11/VI-28.

Просьба *обязательно* напечатать эти четыре строчки в 7 №-ре «Нов. Мира».

Однако эта просьба выполнена не была.

Рецензируя рассказ «Приключение», Д. Тальников подчеркивал несомненный талант Платонова и усматривал в его творчестве влияние манеры Бунина — прежде всего в изображении «деревенской психики»: «Деревня Платонова — от „рюриковичей“, чеховских „печенегов“ <...> Язык Платонова — крепкий, сжатый, свежий, как и весь динамический стержень рассказа. Я бы только предостерег писателя от замечающихся у него (и в других рассказах) натуралистических излишеств» (*Тальников 1929, с. 247*). Касаясь образа главного героя, критик утверждал, что «Дванов — плоть от плоти этой же пассивной деревни, фаталист, подчиненный какой-то „извечной“ бессмысленности этого дикого быта» (*Там же, с. 248*). При этом Тальников замечает, что смысл рассказа — «не в „бытовизме“, а в <...> символичности» (*Там же, с. 249*).

Несмотря на нарушение авторской воли редакцией «Нового мира», летом 1928 г. Платонов предлагает туда в виде рассказов еще два фрагмента романа. 18 июля он пишет Н. Замошкину: «Одну из тех двух рукописей или сразу две соединенные в одну, я прошу напечатать не позднее сентябрьской книжки журнала „Новый мир“. Но перед заверстованием в журнал надо *обязательно* рукопись или гранки ее показать мне». Как полагает Е. Шубина, речь шла о «московском» фрагменте романа, представленном в виде рассказа «Двое людей». Отрывок не был опубликован, однако сохранились две внутренние рецензии на него.

В. Соловьев писал:

Копаете не ко двору и не ко времени. Механический Сербинов («механически ехал в трамвае») и «странно-счастливая женщина» даны вне времени. Словечки о социалистическом строительстве и советской стране пристегнуты искусственно. Никчемный рассказ, — в той же мере, как в наших газетах не размазывают и не смакуют дневника происшествий. 2/IX.

Н. Замошкин оценил рассказ в целом положительно:

Рассказ совершенно особенный по неподражаемой грусти и иронии. Глубокий психологизм его подается в новом обрамлении: в какой-то непринужденной интимной форме.

Проблема одиночества, тоски по людям, любви. Все это завершается половым сближением на могиле матери, как актом соучастия человека в судьбе живого человека. Вот <эти?> «двое людей» — и весь рассказ, трагический по своей сути.

Можно отметить и выразить недоумение, зачем автор взял героем <одиночества?> партийца, предупредительно оговорив, что этот партиец — «разлагающийся» субъект. Но к самой теме рассказа эта паспортная характеристика человека относится мало. Можно назвать героя просто иском и ничего не изменится, ибо рассказ касается самых корней одиночества.

Без всякого увлечения я склонен считать этот рассказ большим произведением советской литературы.

Н. Замошкин.

В рассказе все интроспективно, люди взяты как бы в изоляции от всего (словечки о соц<налистическом> строительстве и пр. тут не в счет). Н. З.

В 1929 г. Платонов предлагает полный текст романа в издательство «Федерация», однако получает отказ. Тогда автор решил обратиться за помощью к М. Горькому.

Горький был знаком с платоновским творчеством и самим Платоновым еще до того, как прочел роман. Видимо, он обратил внимание на произведения Платонова благодаря А. Воронскому (в 1921—1927 гг. тот был редактором «Красной нови»); 11 августа 1927 г. Воронский писал Горькому: «Мне нравится Андрей Платонов, он честен в письме, хотя еще неуклюж. У меня есть его повесть о рабочем Пухове — эдакий русский Уленшпигель, — занятно» (*Архив Горького 1965, с. 57*). В письмах 1927—1928 гг. Горький несколько раз рекомендует произведения Платонова своим адресатам.

В июне 1929 г. состоялась встреча Платонова с Горьким. Через десять лет, в 1939 г., Платонов запишет свои воспоминания об этой встрече; видно, что она имела для него большое значение:

В детстве я видел дешевые конфеты, завернутые в бумажки с изображением Максима Горького; под его изображением обычно была напечатана какая-либо фраза, лозунг из сочинений писателя, например — «Пусть сильнее грянет буря!» — или что-нибудь другое. Я всматривался тогда в лицо писателя на конфетной бумажке, читал его мысли и размышлял о нем. Никогда я не надеялся увидеть Горького в действительности и беседовать с ним. Теперь я видел Горького и рассуждал с ним, и он был для меня все таким же, прежним и неизменным, высшим человеком, каким запечатлелся когда-то в моем детском воображении. И, смотря сейчас на Горького, я чувствовал себя счастливым, словно моя жизнь возвратилась обратно в детство — в свое лучшее время, в то время, когда образуются на всю жизнь ум и сердце, я чувствовал себя легко, словно без труда исполнилось невыполнимое желание.

Горький, листая рукопись на столе, зорко поглядывал на меня взглядом, значение которого для меня было ясно. «Это, дескать, что еще за существо: будет ли от него какой толк для людей или так — одно пустое обольщение».

Он даже смотрел сбоку на мое туловище, точно хотел и там найти признаки неизвестного ему человека, позволяющие более безошибочно оценить его.

— М-да... Вот оно как! Вот вы какой! — сказал Горький. — Вы больны?

— Нет.

— Вы больны, — сказал Горький, веря себе, а не мне. — Вы вот что, вы поезжайте отдыхать и лечиться... Наше дело тяжелое, нам требуется большое, очень большое здоровье, чтобы вынести — в этом — в своем воображении все болезни, все грехи людей и попытаться помочь им быть здоровыми. Вот как, стало быть, надо... Денег у вас, конечно, нет. Ну, это дело мы как-нибудь устроим.

Но я был здоров и отказался отдыхать и лечиться (*Первое свидание с Горьким*).

Беседа между Горьким и Платоновым продолжалась довольно долго и касалась различных, не только литературных, тем. Однако полного взаимопонимания, видимо, все же достигнуто не было — может быть, поэтому странно начавшийся разговор окончился тоже несколько странно:

— Ну что же, до свидания, литератор!

— Я не литератор, Алексей Максимович, я писатель.

— Да, слово-то нехорошее, — произнес Горький, — и нерусское, и длинное, и даже оскорбительное. Это вы правы, что обиделись... (*Там же*).

19 августа 1929 г. Платонов передает Горькому рукопись романа «Чевенгур» вместе с письмом:

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Я у Вас был два месяца назад. Теперь я прошу прочитать мою рукопись. Ее не печатают (в «Федерации» отказали), говорят, что революция в романе изображена неправильно, что все произведение

поймут даже как контрреволюционное. Я же работал совсем с другими чувствами, и теперь не знаю, что делать. Обращаюсь к Вам с просьбой прочитать рукопись и, если будет Ваше согласие, сказать, что автор прав и в романе содержится честная попытка изобразить начало коммунистического общества.

Уважающий Вас

Андрей Платонов.

На конверте с надписью «А. М. Горькому» Горький для памяти сделал надпись: «Андрей Платонов. Писатель» (*Аннинский 1989, с. 6*). Вскоре Горький отправляется во второе за лето путешествие по стране, но 11 сентября из-за плохого самочувствия возвращается в Москву. Узнав об этом, Платонов вновь обратился к нему с письмом:

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Месяц приблизительно тому назад я отнес Вам рукопись своего романа «Чевенгур». Вы тогда уехали. Теперь я узнал, что Вы возвратились.

Прошу Вас прочитать рукопись и помочь тому, чтоб она была напечатана, — если Вы найдете, что рукопись заслуживает этого.

Уважающий Вас

Андрей Платонов.

12/IX-29.

Мой адрес: Москва, Варварка, Псковский пер., д. № 13. Бывшие меблированные комнаты. Комната 4. А. Платонову.

Через несколько дней пришел ответ Горького:

Человек вы — талантливый, это бесспорно, бесспорно и то, что вы обладаете очень своеобразным языком. Роман ваш — чрезвычайно интересен, технический его недостаток — чрезмерная растянутость, обилие «разговора» и затушеванность, стертость «действия». Это особенно сильно замечаешь со второй половины романа.

Но, при неоспоримых достоинствах работы вашей, я не думаю, что ее напечатают, издадут. Этому помешает анархическое ваше умонастроение, видимо свойственное природе вашего «духа». Хотели вы этого или нет, — но вы придали освещению действительности характер лирико-сатирический, это, разумеется, неприемлемо для нашей цензуры. При всей нежности вашего отношения к людям, они у вас окрашены иронически, являются перед читателем не столько революционерами, как «чужаками» и «полоумными». Не утверждаю, что это сделано сознательно, однако это сделано, таково впечатление читателя, т. е. — мое. Возможно, что я ошибаюсь.

Добавлю: среди современных редакторов я не вижу никого, кто мог бы оценить ваш роман по его достоинствам. Это мог бы сделать А. К. Воронский, но, как вы знаете, он «не у дел».¹⁶

¹⁶ В 1927 г. Воронский за участие в оппозиции был отстранен от руководства «Красной новью». Весной 1929 г. он был арестован и выслан в Липецк, где пробыл до осени.

Это все, что я могу сказать вам, и очень сожалею, что не могу сказать ничего иного.

Всего доброго.

А. Пешков.

Куда направить рукопись?

18.IX. 29.

Платонов пишет Горькому:

Алексей Максимович!

Благодарю Вас за письмо и за труд по чтению романа «Чевенгур». Хотя Вы сказали мне однажды, что благодарить не за что, т. к. мы все делаем одно благородное дело — советскую литературу, но я Вас все-таки благодарю.

У многих (видимо, описка; по смыслу должно быть: не у многих. — *Е. Я.*) людей есть коллективистские *чувства и действия*. Поэтому можно благодарить за такую, к сожалению, редкость. Может быть, в ближайшие годы взаимные дружеские чувства «овеществятся» в Советском Союзе и тогда будет хорошо. Этой идее посвящено мое сочинение, и мне тяжело, что его нельзя напечатать.

Рукопись просьба направить мне; если же это технически трудно (рукопись велика), то оставьте ее дома и скажите тому лицу, которое чаще всего присутствует на Вашей квартире, чтобы рукопись мне отдала, когда я приеду.

Глубоко уважающий Вас

Андрей Платонов.

21/IX-29.

Адрес: Москва, Варварка, Псковский пер., № 7, б<ывшие> меблированные комнаты, комната 4. А. Платонов.

Однако Горький еще пытался как-то помочь автору «Чевенгура»; осенью 1929 г. он направил Платонову письмо следующего содержания:

Дорогой Платонов —

о романе вашем я говорил с Берсеневым, директором 2-го МХАТа. Возникла мысль — нельзя ли — не можете ли вы переделать часть его в пьесу? Или же попробовать написать пьесу на иную тему?

Мысль эта внушена вашим языком, со сцены, из уст неглупых артистов, он звучал бы превосходно. О возможности для вас сделать пьесу говорит и наличие у вас юмора, очень оригинального — лирического юмора.

Берснев будет искать вас в Д<оме> Герцена, ибо я забыл ваш адрес, когда говорил с Берсеневым.

Всего доброго.

А. Пешков.

В психике вашей, — как я воспринимаю ее, — есть сродство с Гоголем. Поэтому: испробуйте себя на комедии, а не на драме. Дrame — оставьте для личного удовольствия.¹⁷

¹⁷ Позже, в письме от 26 июля 1931 г., Платонов вспомнит совет Горького: «Когда-то — в 1928 году — Вы мне рекомендовали писать пьесы. Я понял, что это правда, и написал их несколько» (*Мне это нужно...*, с. 179).

Не сердитесь. Не горюйте... «Все — минется, одна правда останется».

«Пока солнце взойдет — роса очи выест»?

Не выест.

А. П.

Неизвестно, состоялась ли встреча Платонова с Берсеевым, однако рукопись своего романа писатель во 2-й МХАТ передал. Ответ, впрочем, был неутешительным:

Уважаемый товарищ Платонов,

Материал «Чевенгура» очень интересен, но это чисто беллетристический материал. Думается, что воспользоваться им для пьесы почти невозможно. Рукопись возвращаем. Ждем от Вас задуманной Вами пьесы.

С приветом

Н. Соболев.

ЛИТЧАСТЬ ГМХТ 2

18-го декабря 1929 г. (Соболев 1929).

Несмотря на мнение Горького, Платонов продолжал попытки напечатать роман. После того, как в начале 1929 г. Литвину-Молотову не удалось опубликовать в «Молодой гвардии» полный текст «Чевенгура», автор в октябре 1929 г. заключил с этим же издательством договор на издание повести «Вещество существования»; судя по характеру аннотации («повесть, основанная на современном материале») и объему, речь шла о второй части «Чевенгура»; Платонов обязался представить рукопись в издательство в декабре (Корниенко 1993а, с. 117); однако издание не было осуществлено.

В декабре 1929 г. Платонов передает два отрывка из заключительной части романа в виде отдельных рассказов в журнал «Красная новь» с запиской:

Два рассказа из жизни города Чевенгура:

Ребенок в Чевенгуре.

Кончина Копенкина.

В случае пригодности печатать в одном №-ре журнала, сразу оба.

Андрей Платонов.

Визы на рукописи:

За печатание в янв<арском> №-ре «Кр<асной> нови». Вс. Иванов. 27/XII-29.

При этом предлагается:

В первом рассказе заменить везде «коммунизм» словом «свободный строй» (или просто вычеркнуть), сделать ряд купюр — тогда по-

лучится правда, парадоксальный, но возможный отрывок. То же — во втором рассказе.

Однако главный редактор эти предложения отвергает:

Против печатания. Возврат. Ф. Раскольников. 30/XII-29.

К концу 1929 г. все попытки опубликовать «Чевенгур» закончились неудачей.

Еще одно упоминание о романе встречаем в дневнике К. Чуковского, где под 27 ноября 1931 г. рассказано о встрече у Б. Пильняка:

В доме у него два писателя, Платонов и его друг, про которых он говорит, что они лучшие писатели в СССР, «очень достойные люди», друг — коммунист («вы таких коммунистов никогда не вида-ли»), и действительно этот странный партиец сейчас же заявил, что «ну его к черту, машины и колхозы (!), важен человек (?)» <...> Платонов рассказал, что у него есть роман «Чевенгур» — о том, как образовалась где-то коммуна из 14 подлинных коммунистов, которые всех не коммунистов, не революционеров изгнали из города — и как эта коммуна процвела, — и хотя он писал этот роман с большим пиететом к революции, роман этот (в 25 листов) запрещен. Его даже набрали в изд-ве «Молодая Гвардия» — и вот он лежит без движения (Чуковский 1997, с. 36).

На творческом вечере Платонова в ВССП 1 февраля 1932 г. роман хотя и упоминался, но фигурировал, скорее, в качестве отрицательного примера (см.: *Стенограмма*).

Публикации фрагментов «Чевенгура» возобновились лишь в начале 70-х годов. Один из финальных эпизодов под названием «Смерть Копенкина» напечатан в журнале «Кубань» (1971. № 4; вошел в: *Собр. соч., т. 1*); еще один отрывок, под заголовком «Путешествие с открытым сердцем», появился в «Литературной газете» (1971. 6 окт.).

Впервые на русском языке роман был издан в 1972 г. в Париже (с предисловием М. Геллера); первая часть — «Происхождение мастера» — в издании отсутствовала. Полный текст впервые — на английском языке, в переводе Э. Олкотта (Лондон, 1978).

В СССР текст романа, непосредственно следовавший за «Происхождением мастера», под названием «Чевенгур» опубликован в 1988 г. в журнале «Дружба народов» (№ 3, 4); в том же году полный текст вышел отдельным изданием.

Часть II

«ЧЕВЕНГУР»

В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Установление связей платоновского романа с историко-культурным контекстом имеет чрезвычайно важное значение для литературоведческого анализа «Чевенгура». В его мотивах и сюжетных ситуациях, репликах персонажей и повествователя откликнулись многие философские, политические, естественно-научные, эстетические и прочие теории рубежа веков — на эти прямые и скрытые связи мы стараемся обратить внимание читателя; в ряде случаев, не имея достоверной информации, мы можем лишь предполагать, что писателю были знакомы те или иные тексты, однако не отказываемся от подобных гипотез, чтобы полнее обозначить культурный «фон» эпохи, напомнить о популярных идеях, витавших в воздухе, о специфической фразеологии того времени. Разумеется, необходимо учитывать и многочисленные переклички платоновского романа с произведениями русской литературы XIX—первых десятилетий XX в.; особый аспект — использование мифопоэтических и религиозных образов и мотивов. В «Чевенгуре» отразились многие реальные события исторического периода 1910—1920-х годов — о них при необходимости дается относительно подробная информация. Касаемся мы и некоторых обстоятельств жизни самого Платонова — в той мере, в какой это целесообразно для анализа автобиографических элементов в произведении.

«Чевенгур» теснейшим образом (не только идейно, но и сюжетно, текстуально) связан со всем предыдущим и последующим творчеством писателя — как художественным, так и публицистическим; поэтому мы стремимся показать, как та или иная «чевенгурская» проблема, тот или иной существенный романский мотив или образ-понятие функционируют и в других платоновских произведениях (предшествовавших «Чевенгуру» или созданных после него): в какие смысловые контексты ставятся, какие дополнительные оттенки приобретают.

Наконец, аспект, связанный уже непосредственно с платоновской стиливой манерой, с особенностями художественной речи; в ряде случаев мы привлекаем внимание читателя к спе-

цифической сочетаемости слов, необычным оттенкам значения и прочим интересным в филологическом отношении моментам.

Материал организован по принципу комментария, каждая статья которого связана с той или иной цитатой из романа (приводимой целиком или с обозначенным пропуском). Все статьи имеют единую нумерацию, их номера даются полужирным шрифтом; при отсылке к определенной статье в тексте указывается только ее порядковый номер.

В первом разделе (комментарий «по горизонтали») материал объединен по тематическому принципу в подразделы, посвященные наиболее важным персонажам или мотивам (группам мотивов) «Чевенгура»; внутри каждого подраздела статьи идут согласно последовательности расположения ключевых цитат в тексте романа. Выделяются следующие подразделы (в скобках указаны номера соответствующих статей комментария):

1) Александр (Саша) Дванов (1—74)	14) Яков Титыч (228—233)
2) Захар Павлович (75—92)	15) Сербинов (234—248)
3) Машинист-наставник (93—97)	16) Соня (Софья Александровна) Мандрова (249—263)
4) Бог (98—101)	17) Роза Люксембург (264—265)
5) Копенкин (102—118)	18) Клавдоша (266—269)
6) Достоевский (119—123)	19) Мать (270—276)
7) Пашинцев (124—133)	20) Пролетарская Сила (277—284)
8) Гопнер (134—138)	21) Рыба; русалка (285—291)
9) Полюбезьев (139—149)	22) Вода; озеро; луна (292—304)
10) Чепурный (150—172)	23) Земля; город; топография; путешествие (305—327)
11) Прокофий (Прошка) Дванов (173—193)	24) Время; история; конец света; коммунизм (328—353)
12) Прохожий; голый; неизвестный (194—207)	25) Солнце (354—356)
13) Недоделанный; прочие (208—227)	

Во втором разделе (комментарий «по вертикали») статьи даются в «сквозном» порядке следования ключевых цитат по всему тексту «Чевенгура»; сюда отнесены, в основном, интертекстуальные, реальные, биографические, лингвостилистические комментарии.

«Чевенгур» не разделен автором на именованные или нумерованные части и главы. Поэтому для облегчения «привязки» цитат мы сочли целесообразным, исходя из логики фабулы и композиции, разбить текст романа на условные фрагменты (наше деление носит более дробный характер, чем авторское), которым присвоены номера; перечень фрагментов с кратким описанием см. в ч. III, разд. I.

Указание на принадлежность к тому или иному фрагменту особенно важно для первого раздела комментария: чтобы чи-

тателю легче было отыскивать в тексте романа цитаты, изъятые со своих «естественных» мест, каждая из них сопровождается номером соответствующего фрагмента. Номера фрагментов по нашему перечню даются в тексте в квадратных скобках [] прямым шрифтом.

Кроме того, при каждой цитате указываются номера страниц по двум массовым изданиям романа: 1) *Платонов А. Чевенгур*. М.: Худож. лит., 1988; 2) *Платонов А. Чевенгур*. М.: Высш. шк., 1991 (незначительные текстуальные расхождения между ними не отмечаются). Номера страниц по обоим источникам (разделенные косой чертой) даны прямым шрифтом с подчеркиванием.

КОММЕНТАРИЙ «ПО ГОРИЗОНТАЛИ»

(ПЕРСОНАЖИ И МОТИВЫ)

1) Александр (Саша) Дванов

1 [1] С. 27/28. Через год рыбак не вытерпел и бросился с лодки в озеро... — Ср. погружение в озеро самого Александра Дванова в финале романа (с. 411/397—398). Согласно мифологическим представлениям, водоем (река, пруд, озеро) — вход в царство мертвых (*Пропх* 1986, с. 264—265).

Д. Бегеи сопоставляет судьбы персонажей «Чевенгура» с поступками героев Достоевского, полагая, что рыбак, «подобно Кириллову из „Бесов“, попытался преодолеть смерть через смерть» (*Bethea* 1989, с. 171).

2 ...Митрий Иванович. — Имя и отчество рыбака анаграмматически «объединяются» в фамилии главного героя: Дмитрий Иванович / Дванов. Ср. также имя героя платоновского очерка конца 1929—начала 1930 г. «Первый Иван» — Дмитрий Первоиванов (*Возвращение*, с. 57); аналогия тем более примечательная, что Первоиванов — образ явно автобиографический: Платонов «отдал» этому герою идеи своих собственных статей 1924—1926 гг. «Борьба с пустыней» и «Электрическое орошение почвы» (см.: *Лангерак* 1999).

Уходя «в воду», платоновский рыбак сливается с материнским началом (см. 74); тем самым автор «Чевенгура» как бы актуализирует «женский» подтекст в мужском имени. Говоря о романе «Братья Карамазовы», М. Альтман подчеркивал, что имя Димитрий у Достоевского производно от имени богини земли Деметры: «В сущности, и ненависть Дмитрия к своему отцу — обида за ту же землю-мать» (*Альтман* 1975, с. 117). В культурно-генетическом аспекте важно подчеркнуть «преемственную» связь между образами Деметры и Богородицы: в мифологической традиции Деметра — «богиня умирная и небожественно кроткая и благостная <...> Ужасы преисподней и трагическое смерти идут мимо образа Земли-Матери. <...> Не без причины образ Богоматери, Заступницы и Теплой Предстательницы, явился человечеству как исполнение его предчувствий и исканий именно около Деметры» (*Флоренский* 1993, с. 201—202). Отношения Александра Дванова с «землей-матерью» найдут выражение в ряде фабульных мотивов «Чевенгура» (см. 38, 276).

3 [1] С. 28/28. ...сын же был малолеток... — В рассказе «Кройск» герой-рассказчик говорит о себе, что «был сыном рыбака»: «потом стал писателем, потом инженером, потом профессором. Потом я решил лишить себя всех чинов, орденов

и бронзовых медалей и уехал на родину, на Дон, на его песчаное прохладное дно, в его тихие затоны и на каменистые перекаты, где в зарю густо идет рыба на нахлыст» (*Епифанские иллюзы*, с. 266).

4 — Не нарочно, Саш... — Имя Александр в качестве «автобиографического» Платонов использует и в неоконченной эпистолярной повести, создававшейся параллельно с «Чевенгуром» (*Однажды любившие*). См. также 18.

5 [1] С. 29/30. ...Мавра Фетисовна Дванова, у которой было семеро детей. — Значение имени Мавра — «темная»; Фетис — простонародная форма имени Феоктист («освященный богами»).

6 [3] С. 38/38. ...Прохор Абрамович Дванов... — В данном сочетании своеобразно перекликаются этимологические значения имени — Прохор (руководитель хора, регент) — и отчества: Авраам — «отец множества». Библейский Авраам начинает родословие Иисуса Христа; соответственно, Прохор Абрамович является одним из «отцов» Александра Дванова, от него же герой получает фамилию.

7 ...глазами не живуч... — Т. е. глаза имеют безжизненное, отсутствующее выражение; ср. это с впечатлением от фотографии взрослого Дванова: «Человек лет двадцати пяти, с запавшими, словно мертвыми глазами, похожими на усталых сторожей» (с. 368/357). В рассказе «Алтеркэ» кухарка говорит мальчику: «Ты скоро кончишься: у тебя глазки потухли» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 168).

8 [3] С. 40/40. Так же ему было одиноко, скучно и страшно, когда он увидел склепленных собак... — Т. е. совокупляющихся. Исследователи Платонова прослеживают влияние идей психоанализа в его творчестве (см., напр.: *Найман 1988*, с. 356); имеется и свидетельство мемуариста «о глубоком и в высшей мере сочувственном интересе А. Платонова к учению Фрейда, что легко вычитывается в „Чевенгуре“, хотя имя венского ученого там, разумеется, не упомянуто» (*Нагибин 1994*, с. 75). Ср. замечание Фрейда о садистическом понимании полового акта детьми: «Что половые сношения взрослых вызывают в детях, замечающих их, страх, мы можем наблюдать сплошь да рядом» (*Фрейд 1913*, с. 419).

9 [3] С. 41/42. В такой час Прохор Абрамович вывел приемыша за околицу. — Мотив изгнания мальчика, призванного стать «спасителем» народа, реализуется и в повести «Джан», где мать прогоняет маленького Назара «к чужим» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 13).

10 [3] С. 42/42. В первый раз он подумал сейчас про себя и тронул свою грудь: вот тут я, — а всюду было чужое и непохожее на него. — Ср. в рассказе «Алтеркэ»: «Ему стало страшно от света солнца, от большого пространства, от того, что он весь тут в одном в своем теле под рубашкой, а вокруг него ему все незнакомо, один отец только его помнит, но отца

больше нету» (*Собр. соч., т. 2, с. 164*). В повести «Джан»: «Назар в недоумении попробовал свои ноги и тело: есть ли он на свете, раз его никто теперь не помнит и не любит» (*Там же, с. 14*). Среди платоновских произведений 40-х годов экзистенциальный кризис, переживаемый ребенком в связи с проблемой самоидентификации, наиболее ярко воплощен в рассказе «Железная старуха» (см.: *Там же, т. 3, с. 64—87*).

В воспоминаниях о встрече с Горьким Платонов пишет: «Я чувствовал себя счастливым, словно моя жизнь возвратилась обратно в детство — в свое лучшее время, в то время, когда образуются на всю жизнь ум и сердце» (*Первое свидание с Горьким*). Ср. также фрагмент рецензии на повесть С. Георгиевской «Бабушкино море», над которой писатель работал незадолго до смерти, в начале 1950 г.: «В начальной жизни человека бывает краткое время, когда его детскому сознанию словно впервые открывается внешний мир — во всей его действительности, резкости и несхожести с тобой, во всем, чем он подобен тебе и чем отличен от тебя, во всей его тайне и прелести. Это краткое время можно назвать духовным рождением или временем, с которого начинается воспитание и образование человека, когда закладывается основание его будущей деятельной жизни, его гражданской судьбы. Такое первоначальное ознакомление с реальным миром, не загороженным любовью матери, обычно навсегда, до конца жизни запечатлевается в памяти человека. Чем далее отдалается во времени этот момент, тем более он представляется человеку как день радости и торжества, но это лишь тушующее, смягчающее влияние времени. На самом деле — это дни труда и напряжения для юного существа, хотя, несомненно, в этих днях, когда мир впервые приобретает ясный образ и нарекается именем, есть торжественная радость, остающаяся на всю жизнь» (*Бабушкино море*).

Критик конца 30-х годов так характеризовал платоновский универсум: «Огромный и пустой мир и в нем одинокий ребенок, одинокий человек — вот излюбленный образ Платонова. <...> Немое отчаяние, одиночество Платонов неизменно видит затерявшимся в бескрайней шире, в огромном пространстве мира <...> Пространство в произведениях Платонова является не местом действия его героев, а огромным резонатором чувства одиночества. Аналогичную роль играет для Платонова время» (*Гурвич 1994, с. 366, 403*).

В платоновском творчестве несомненно сильное влияние идей О. Шпенглера (см.: *Нагибин 1994, с. 75; Полтавцева 1981, с. 78; Корниенко 1993а, с. 44—45; Дмитриевская 1995в, с. 41*); неоднократно встречаются прямые «вариации» на темы шпенглеровских произведений — ср.: «Часто в ребенке пробуждение внутренней жизни с глубокой и многозначительной идентичностью связывается со смертью родного человека. Он внезапно постигает безжизненный труп, целиком ставший веществом,

пространством, и в то же время ощущает себя одиноким существом в каком-то чужом, протяженном мире» (Шпенглер 1993, с. 327). Отмечается также тематическая близость комментируемого фрагмента «Чевенгура» и некоторых суждений О. Вейнингера (см.: Вейнингер 1991, с. 79—80), чью книгу «Пол и характер» Платонов упоминает в статье «Душа мира» (см.: Возвращение, с. 17, 200; см. также: Нагибин 1994, с. 75).

11 [3] С. 44/45. Он увидел, что сирота сам себе руками роет могилу... — Эпизод, прямо связанный с актуальным в «Чевенгуре» мотивом «смерти-рождения». Образ «рождающей могилы» получит распространение в платоновской прозе военных лет; ср. рассказ «Среди народа (Офицер и крестьянин)», главный герой которого, майор Махонин, после взятия деревни идет «по всем ее закутам, погребам и земляным щелям, чтобы найти там оставшихся жителей, успокоить их и вызвать на свет»: «Он чувствовал в тот час особое сознание, похожее на сознание отца и матери, рождающих своих детей; спасенные, худые, уstraшенные люди, таившиеся в рытой земле, открывали в сердце Махонина глубокую тихую радость, подобную, может быть, материнству: он спас их победным боем от смерти, и это казалось ему столь же важным и трудным, как рождение их в жизнь» (Собр. соч., т. 3, с. 40). В рассказе «Неодушевленный враг» центральной фабульной ситуацией является пребывание героя-рассказчика буквально под землей — «в потустороннем мире» — и выход на поверхность — «воскрешение»; ср.: «Пока мы ворочались в борьбе, мы обмяли вокруг себя сырую землю, и у нас получилась небольшая удобная пещера, похожая и на жилище, и на могилу»; «Мы в борьбе незаметно миновали сыпучий грунт и вывалились наружу, под свет звезд» (Там же, с. 63, 67; подробнее см.: Яблоков 1999а). Мальчик Егор, герой рассказа «Железная старуха», ночуя в пещере, встречается во сне с «железной старухой» — смертью — и отвергает ее искуc; выход на свет (обнаружение Егора матерью и его изъятие из пещеры, а также последующее пробуждение мальчика) может быть интерпретирован как «второе рождение» — своеобразная форма инициации (Собр. соч., т. 3, с. 88—89). См. также 74.

Данный мотив обнаруживает глубокие связи с мифопоэтической традицией. «Подземность есть всегда рождающее начало, а рождающее — подземное» (Фрейдберг 1997, с. 67). «В Ветхом Завете сохранились следы представления, согласно которому человек зарождается в недрах земли, как в материнской утробе (Пс. 138, 13—15) <...> Библейское предание о сотворении человека из праха земного является монотеистической переработкой более древних воззрений (Быт. 3, 18—19; 18, 27; Иов. 10, 9; Пс. 103, 14; 104, 9; Эккл. 3, 20; 12, 7) <...> Характерно представление о связи могилы с материнской утробой (Иов. 1, 21; Иер. 20, 17) <...> В позднейшей модификации представление о матери-земле принимает форму антро-

погонического мифа о происхождении человека от скалы и от камня (*Ис. 51, 1; Матф. 3, 9; Лк. 3, 8*)» (Франк-Каменецкий 1932, с. 128—130). М. Дмитриовская предполагает в произведениях Платонова реминисценции из диалога философа Платона «Политик», где излагается миф о расе «земнорожденных»: «Вначале люди были порождены землей, а вовсе не другими людьми»; «уделом тогдашнего поколения было снова рождаться из земли, как и встарь люди были земнорожденными» (цит. по: Дмитриовская 1998, с. 47—48).

12 [4] С. 49—50/50. Саша опомнился, но потом без забытья увидел свой сон. <...> Но рядом со сном Саша видел продолжающийся день... — Ср. замечание Фрейда: «Мы в продолжение всего состояния сна столь же твердо знаем, что нам что-то снится, как то, что мы спим. <...> Есть люди, которые несомненно сознают, что они спят и что им снится, и что им, следовательно, присуща сознательная способность направлять свои сновидения» (Фрейд 1913, с. 408—409).

13 [8] С. 65/65. Саша уже год работал учеником в депо, чтобы выучиться на слесаря. — Сам Платонов указывал в автобиографии, что с 1915 до конца 1917 г. работал поочередно литейщиком на трубном заводе, помощником машиниста в имении помещика, в мастерской по изготовлению искусственных жерновов и на складах страхового общества (см.: *Возвращение*, с. 5); однако, как свидетельствуют архивные находки, в годы Первой мировой войны будущий автор «Чевенгура» трудился в службе железной дороги, хотя и не на рабочей должности. Сохранилось прошение пятнадцатилетнего Андрея Климентова от 12 ноября 1914 г., в котором он (прибавляя себе для солидности один год возраста) просит принять его на должность конторщика в канцелярии или бухгалтерии службы пути и зданий Юго-Восточной железной дороги; по-видимому, это было сделано по совету дяди, М. В. Лобочихина, который в 1910-х годах служил в канцелярии управления Общества Юго-Восточных железных дорог. В январе 1915 г. будущий писатель стал временным конторщиком с ежемесячным жалованьем 20 рублей и работал в этой должности полтора года, пока 18 июля 1916 г. не написал прошение об увольнении по собственному желанию (см.: *Ласунский* 1999, с. 13—14, 58—59). 30 июля 1916 г. Андрей Климентов поступил литейщиком на трубочный завод, однако работал там недолго; в 1917 г., видимо, служил в Воронежских железнодорожных мастерских, а весной-осенью 1918 г. — в Контроле сборов Юго-Восточной железной дороги, после чего стал студентом университета (*Там же*, с. 60, 62—63).

14 Он скорее хотел почувствовать их, пережить их жизнь, чем узнать. — В очерке Платонова «Невозможное» о герое говорится: «Ничему почти не учившийся, он обо всем догадывался и все знал» (*Невозможное*, с. 346).

Ср. у О. Вейнингера: «Творчество гения всегда направлено к тому, чтобы во всех людях терять себя, сливаться с многообразием жизни <...> Природа гения — природа Протея. <...> Гениальность и универсальность тесно связаны между собой. Для гениального человека нет в мире того, к чему бы он не чувствовал фатально близкого отношения. <...> Гений — это живой микрокосм» (Вейнингер 1991, с. 51, 82). Вспомним один из основополагающих тезисов философии интуитивизма: «Интуицией называется тот род интеллектуального вчувствования, или *симпатии*, посредством которой мы проникаем вовнутрь предмета, чтобы слиться с тем, что в нем есть единственного и, следовательно, невыразимого. Напротив, анализ есть процесс, сводящий предмет к заранее известным элементам, то есть общим ему и другим предметам. Анализировать — значит выражать вещь через посредство того, что не есть она сама» (Бергсон 1910, с. 198).

15 ...Саша воображал себя паровозом... — Ср. потом в рассказе «Фро»: «Во многом она жила подражанием своему мужу, <...> который чувствовал машинные механизмы с точностью собственной плоти. <...> Муж Фроси имел свойство чувствовать величину напряжения электрического тока, как личную страсть. Он одушевлял все, чего касались его руки или мысль, и поэтому приобретал истинное представление о течении сил в любом механическом устройстве и непосредственно ощущал страдальческое, терпеливое сопротивление машинного телесного металла. <...> По ночам Фрося часто тосковала, что она только женщина и не может чувствовать себя микрофарадой, паровозом, электричеством, а Федор — может» (*Взыскание погибших*, с. 409).

16 [8] С. 66/66. Себя самого, как самостоятельный твердый предмет, Саша не сознавал <...> Своих целей он не имел... — Это качество личности героя интерпретировалось по-разному. В конце 30-х годов А. Гурвич писал: «Жалостливость Саши растворяет в себе всю его личность. Она становится его болезнью, единственным источником его восприятия и познания жизни. <...> Безграничная жалость вытесняет у идеального платоновского человека всякие личные чувства и желания. Для него собственная его жизнь есть самое призрачное явление жизни, и эта самоотреченность, это саморастворение кажутся ему единственной реальностью, потому что, по его представлениям, другого самосознания и самоощущения не существует в человеческой природе» (Гурвич 1994, с. 368—369); анализируя один из платоновских рассказов 1936 г., критик утверждает: «Рассказ „Бессмертие“ написан через десять лет после „Происхождения мастера“, но образ Левина ничем не отличается от хорошо знакомого нам Александра Дванова. Это один человек, их отличают только имена и возраст» (*Там же*, с. 380).

Современная исследовательница тоже полагает, что личность Александра Дванова по-своему не менее деформирована

и ущербна, чем личность Прошки. «С ранних лет Саша чувствовал себя сиротой, не знаящим своего жизненного назначения, <...> его чувствительность поэтому не отлилась в подлинное человеческое самосознание, в индивидуальное мировосприятие. Переживая мир, он растворялся в нем без остатка» (Сейранян 1978, с. 111). Другие, напротив, расценивают «протезизм» персонажа как проявление высшей гармонии души с бытием: «В концепции личности Саши Дванова преодолевается противоречие разума и чувства <...> В образе Саши художник реализует найденную им еще в начале 20-х годов формулу жизнетворческой сущности человека. Герой „пропускает“ мир через себя, желая всем своим существом ощутить сокровенные источники бытия» (Малыгина 1985, с. 53—54).

Как отмечает А. Ливингстон, практическое жизнеповедение героя соответствует авторской характеристике — большинство поступков Дванов совершает не по внутренней необходимости, а как бы в соответствии с чужой волей: Захар Павлович устраивает его в семью Двановых, Прохор Абрамович отправляет в город побираться, «партия» направляет в Новохоперск / Урочев, Шумилин командирует на «поиски социализма», явившийся во сне покойный отец посылает в Чевенгур и т. п.

17 ...ему минуло уже шестнадцать лет... — Есть возможность примерно установить год рождения героя: поскольку в это время идет мировая война, то, стало быть, Александр родился между 1898 и 1900 гг., т. е. является ровесником самого автора.

18 [9] С. 71/71. ...Александра Дванова... — Повествователь впервые употребляет по отношению к герою фамилию его приемных родителей. В первом приближении об этой фамилии можно сказать, что ее носитель имеет два «корня», двух отцов — характерно, что рыбак Дмитрий Иванович и «мастер» Захар Павлович оба лишены фамилий (см., однако, 2); при этом «истинный» Дванов — Прохор Абрамович — отец, скорее, «формальный», давший сироте лишь свою фамилию (см. 6). Как отмечает Х. Гюнтер, Александр Дванов — не единственный персонаж «Чевенгура», имеющий «несколько» отцов; отсутствие биологического отца, естественной семьи в романе компенсируется идеологическим отцом, идеологической семьей (Гюнтер 1991, с. 259) — ср. фигуру Полубезьева (см. 146, 148).

Фамилия героя, возможно, указывает на его близость к автору (= «двойник»); сходное использование мотива «двойничества» наблюдаем в неоконченной эпистолярной повести середины 20-х годов «Однажды любившие» — комментируя собственные письма, авторство которых передано герою-«двойнику» по имени Александр, Платонов пишет: «Здесь я не автор, не „сочинитель“, а, так сказать, платонический соучастник этой любви — быть может, потому, что ею обездолен и сажусь к чужому обеду горшки» (*Однажды любившие*); кстати, в повести упоминается еще об одном «двойнике», обладавшем

сходными инициалом и фамилией и находившемся в том же положении, что и автор писем: «На моей двери висит эмалированная табличка: „А. И. Павлов, Артист Императорских Театров“. Когда-то, наверное, в этой комнате жил некий „А. И. Павлов“ и, может быть, сидел за тем же столом, где сейчас сижу я, и так же скучал в этом глухом и тихом городе» (*Там же*). Можно усмотреть в фамилии Дванов и анаграмму слова «давно»: тем самым дополнительно подчеркивается автобиографичность героя, воплотившего «давний», юношеский облик самого Платонова.

По мнению Е. Толстой, носитель фамилии Дванов воплощает тип «двойственного „странника“, не приемлющего мир, несправедливого к нему, но прекрасного и отвечающего чем-то внутренней нужде людей» (*Толстая 1980, с. 202*); «основным принципом семантического построения имени у Платонова является семантический сдвиг: это сдвиг привычного звучания и смысла, возникающий в результате замены одной буквы, слияния нескольких корней в один, сочетания обычного имени с обычным же, но семантически или морфологически несовместимым суффиксом, обрубания корня»; соответственно, в фамилии Дванов «корень слит из два и Иванов, но возможно и воскрешение этимологической связи с *давить*. Результат — взаимодействие смыслов двойственности и сдавленности» (*Толстая 1978б, с. 196—197*). «Дванов как бы переродился из прежнего Иванова, словно библейский Аврам, переименованный в момент избранничества в Авраама посредством изменения одного звука» (*Гальцева, Роднянская 1988, с. 222*); в библейской книге Бытие Бог говорит Авраму: «Не будешь ты больше называться Авраомом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов» (*Быт. 17, 5*); подобно этому в «Деяниях апостолов» человек по имени Савл начинает зваться Павлом (*Деян. 13, 9*).

М. Дмитриовская полагает, что с фамилией главного героя «Чевенгура» сходна по «внутренней» форме фамилия персонажа «Счастливой Москвы» Самбикина: «В ней угадываются две части: *сам-*, содержащая указание на рефлексивность, и *би-* (лат. *bi*), указывающая на двойственность. Самбикин — это как бы Сам-дванов» (*Дмитровская 1999б, с. 159*). Отмечается также, что в один семантический ряд с фамилией Дванов может быть включена и фамилия героя рассказа «Бессмертие» — Полуторный; кстати, между ними существует и словообразовательное сходство: если Дванов — контаминация «два» и «Иванов», то фамилия Полуторный ассоциируется с фразеологизованным прозвищем «Полтора Ивана»: ср. название платоновского очерка 1930 г. «Первый Иван» (*Возвращение, с. 53*) и фамилию его героя — Первоиванов (см. также 2).

19 Сколько он ни читал и ни думал, всегда у него внутри оставалось какое-то порожнее место — та пустота, сквозь которую тревожным ветром проходит неописанный и нерасска-

занный мир. — В раннем стихотворении в прозе Платонова читаем: «Лучше всего быть ничем, тогда через тебя может протекать все. Пустота не имеет сопротивления, и вся вселенная — в пустоте <...> Если вселенная — невеста, покоящая звезда, то мы выше ее — она вся в нас, и у нас еще осталось много места» (*Жить ласково...*, с. 127—128).

Исследователи отмечали сходство Александра Дванова с героиней «Рассказа о многих интересных вещах» — Каспийской невестой; ср.: «Солнечная дрожь рожала в ее голове мысли, и эти мысли вели ее, куда она сама не знала. Она говорила не свои слова, а слова мыслей, которые сделало в ее голове солнце.

Она родилась в далекой стране, чистой и немой. В ней не было ни души, ни страсти, ни похоти, ни желаний.

Она была пустым и чистым кувшином — и туда лилась солнечная сила мира и делала ей и мысли, и душу, и слова. Она говорила чудные, но хорошие слова <...>

— Через нее мы слушаем мир, — говорил сам с собой Иван, — через нее можно со всем побрататься, быть заодно с солнцем и звездами — и не надо будет ни работы, ни злобы, ни борьбы. Будет везде, что видимо и невидимо, братство... Будет братство звезд, зверей, трав и человека...» (*Старик и старуха*, с. 65).

М. Васильева обращает внимание на то, как мотив пустоты развивается в повести «Котлован»; например, о Вощеве говорится: «Он ощущал в темноте своего тела тихое место, где ничего не было, но ничто ничему не препятствовало начаться» (*Взыскание погибших*, с. 175). См. также 89.

20 ...он не давал чужого имени открывающейся перед ним безымянной жизни. <...> вместо нарочно выдуманных прозваний. — Герой сравнивается с Адамом, который, «нарек <...> имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (*Быт.* 2, 20). По мнению исследователей, в данном фрагменте «Чевенгура» развиты мотивы «Рассказа о многих интересных вещах», где говорится, «что слово было когда-то душою, а буква — очертанием зверя», и излагаются размышления главного героя, Ивана Копчикова, о языке:

«Прислушался Иван к словам. Шипят, поют, ноют жужелицей, ласкаются и жмут ухо.

Чистые мыши, живые звери, травы, ветры, влага, либо сон и голод. У всякой душевной силы есть свое слово, и оно то ласково, как женщина, то грозно и знойно, то глухо и смутно, как нищий-немтырь или деревенский колотушечник. <...>

Таким ходом шла голова Ивана, и он припечатывал сущие вещи именами.

Слово — это ведь сокращенная и ускоренная жизнь. Если чуешь жизнь, то слово найдется сразу для каждого ее дыхания» (*Старик и старуха*, с. 48). «Слово для Платонова — естественная природная стихия, отражающая в своем звукооб-

разе первозданную основу („хаос“) мира. В звуковой материи слова Платонов видит породивший его и как бы сохраняющийся в нем предмет. В его представлении слово вещественно и действенно. Смысл слова не отделен от изначального состояния мира, связан с предметом, явлением, которое оно обозначает, и в то же время может управляться разумом» (Малыгина 1985, с. 97—98).

Гносеологические проблемы получают обостренно-трагическую реализацию в одном из военных рассказов Платонова — «Пустодушие» (название ассоциируется с мотивом «пустого сердца»: см. 89); полемика героя-рассказчика с пленным немецким лейтенантом Куртом Фоссом из политической перерастает в философскую: «Он не допускал в жизни тайны и глубины, которая бывает темной и смутной, нужно напрягать зрение и сердце, чтобы разглядеть истину во тьме и вдали. Для него все было известно, ясно, и мир, где он был еще затемнен, нуждался только в германской рациональности и четкости <...> он вообще едва ли понимал какое-либо другое существо; его научили, и он сам был склонен к такой науке — не понимать, а уничтожать непонятное и тем решать задачу. Я ему не мог объяснить, что только за гранью себя, за чертою „ясного и понятного“, может начинаться нечто значительное. Животные, не понимая, глубоко и верно ощущают разнообразие, глубину и важность природы; этот же человек, кроме себя и себе подобного, все остальное считал излишним, вредным, глупым и враждебным.

— Мы — критика чистого разума, вооруженного огнем, — сказал мне Фосс, вспомнив чужую фразу.

— Чистый разум есть идиотство, — отрезал я ему. — Он не проверяется действительностью, поэтому он и „чистый“ — он есть чистая ложь и пустодушие» (*Смерти нет!*, с. 350—351).

Проблема познаваемости мира, вопрос о возможности его адекватного выражения в слове не только чрезвычайно важны для автора «Чевенгура», но являлись на рубеже XIX—XX вв. предметом активной философской полемики. Е. Толстая отметила в платоновском творчестве влияние взглядов русского философа, естествоиспытателя, литератора и политического деятеля А. Богданова (чей труд «Эмпириомонизм» был подвергнут Лениным критике в книге «Материализм и эмпириокритицизм»). Утверждая, что «физический мир — это <...> социально-организованный опыт», Богданов пишет о недостатках этого «опыта» и, соответственно, вырабатываемых им законов: «Законы — результат познавательной обработки опыта; они не даны в нем, а создаются мышлением, как средство организовать опыт <...> Законы — это абстракции познания» (Богданов 1908, т. 1, с. 33, 37).

Французский философ А. Бергсон, работы которого были известны Платонову, утверждал: «Наш разум, неизлечимо самонадеянный, полагает, что, по праву ли рождения или по

праву завоевания, владеет всеми существенными элементами познания истины — врожденными или приобретенными. <...> Платон первым возвел в теорию, что познать реальное значит найти для него Идею, т. е. втиснуть его в предсуществующие рамки, которые были уже в нашем распоряжении, как будто мы тайно обладаем универсальной наукой. И эта вера естествона для человеческого интеллекта, всегда озабоченного тем, в какую из прежних готовых рубрик придется ему занести тот или иной предмет, и можно сказать, что в известном смысле все мы рождаемся платониками. <...> Самая живая мысль застывает в выражающей ее формуле. Слово обращается против идеи. Буква убивает дух. <...> Мы чувствуем себя свободно только в прерывном, в неподвижном, в мертвом. *Интеллект характеризуется естественным непониманием жизни* (Бергсон 1998, с. 79—80, 145, 177).

Идея «всепонимания», «эмпатии», органической слиянности субъекта с объектом оказала влияние и на эстетику; так, Вяч. Иванов, связывая интуитивный способ постижения реальности с «мистическим реализмом» Достоевского, пояснял: «Зиждется этот реализм, очевидно, не на познании, потому что познание всегда будет полагать познаваемое только объектом, а познающего только субъектом познания. Не познание есть основа защищаемого Достоевским реализма, а „проникновение“, недаром любил Достоевский это слово и произвел от него другое, новое — „проникновенный“. Проникновение есть некоторый *transcensus* субъекта, такое его состояние, при котором возможным становится воспринимать чужое я не как объект, а как другой субъект. <...> Символ такого проникновения заключается в абсолютном утверждении, всюю волею и всем разумением, чужого бытия: „ты еси“. При условии этой полноты утверждения чужого бытия, полноты, как бы исчерпывающей все содержание моего собственного бытия, чужое бытие перестает быть для меня чужим, „ты“ становится для меня другим обозначением моего субъекта. „Ты еси“ значит не „ты познаешься мною, как сущий“, а „твое бытие переживается мною, как мое“, или: „твоим бытием я познаю себя сущим“. *Es, ergo sum.* <...> Глубоко чувствуя, что такое проникновение лежит вне сферы познавательной, Достоевский является последовательным поборником инстинктивно-творческого начала жизни и утвердителем его верховенства над началом рациональным» (Иванов 1916, с. 33—34).

Шпенглер в «Закате Европы» выделяет две линии в европейской философии, противопоставляя «механической», «систематизирующей» мысли Аристотеля — Канта линию Платона — Гете, обосновавших «философию становления», в которой «интуиция противостоит анализу». Он утверждает: «В умственной процедуре, посредством которой нечто принудительным образом переносится в область и мир форм меры закона, всегда кроется какая-то утонченная ненависть. <...> Человек в очень

глубоком смысле уничтожает, начиная: телесным зачатием — в чувственном мире, „познаванием“ — в духовном. <...> Назвать что-либо своим именем — значит получить над ним власть: это существенная деталь колдовских манипуляций первобытного человечества. Можно укротить злые силы оглашением их имени. Можно ослабить или убить врага, проделывая с его именем известные магические процедуры. Что-то от этого самопервейшего выражения мирового страха сохранилось в маниакальной тяге всякой систематической философии отделяться от непостижимого, от всего превосходящего ум путем понятий или, на худой конец, наименований. Назвав какую-то неопределенность „абсолютом“, уже чувствуют себя превосходящими ее. „Философия“, любовь к мудрости, есть по самой сути своей защита от непонятного. <...> Одни созерцают, другие хотят подчинить, механизировать, обезвредить. Платон и Гете покорно приемлют тайну, Аристотель и Кант силятся оголить ее и уничтожить» (Шпенглер 1993, с. 279—280).

Ф. Степун говорил об авторе «Заката Европы»: «Главное явление, очевидно, очень глубоко пережитое Шпенглером, — это влияние Гете. Сколько ни билась европейская мысль над определением гетевского мирозерцания, мирозерцание Гете все еще не определено. Не определено потому, что оно неопределимо, неопределимо потому, что в отношении его верны решительно все определения. Всякое мирозерцание представляет собою результат созерцания мира с определенного наблюдательного пункта, а потому неизбежно и искажение картины мира, его преломляющей перспективностью. Гениальность Гете в отсутствии такого постоянного наблюдательного пункта. Каждое явление он созерцает как бы приблизившись к нему, как бы проникнув в его сердце. Отсюда та единственная глубина гетевского созерцания обликов мира, что органически не переносит стесняющих границ никакого определенного мирозерцания.

То, что дано Гете, того хочет Шпенглер. Он, в сущности, не хочет философии и мирозерцания; он хочет голого созерцания мира, никаким мнением не искаженного образа» (Степун 1922, с. 27—28). Г. Тиме подчеркивает, что, по мнению автора «Заката Европы», «вся философия» его книги была предвосхищена и выражена в изречении Гете, записанном И. П. Эккерманом в 1829 г.: «Божество действительно в живом, а не в мертвом; оно в становящемся и преображающемся, а не в ставшем и застывшем. Оттого-то разум в своей тенденции к Божественному имеет дело лишь со становящимся, живым, рас-судок же — со ставшим и застывшим, чтобы использовать его» (цит. по: Тиме 1999, с. 61).

В годы работы Платонова над романом была издана на русском языке книга философа Г. Зиммеля о Гете; ее автор, характеризую личность Гете, говорит о «невероятной силе ассимиляции его существа по отношению ко всему данному»

(Зиммель 1928, с. 23): «Для гетевского синтеза образ как таковой есть непосредственное откровение идеи <...>. Его позиция могла бы быть обозначена как интеллектуальное созерцание» (Там же, с. 58, 60); «Он проводил через себя мир как бы без задержки, равновесие его внутреннего бытия было не чем иным, как равновесием его принимающего и отдающего отношения к миру» (Там же, с. 99). Ср. суждение В. Вернадского: «Гете — синтетик, а не аналитик, великий художник, чрезвычайно ярко чувствовал единство — целое природы, т. е. биосферы, как в ее целом, так и в отдельных ее проявлениях» (Вернадский 1988, с. 262). Кстати, основополагающий постулат Гете «Мы должны быть ничем, но мы хотим стать всем» (цит. по: Свасьян 1989, с. 19) поразительно созвучен (хотя и прямо противоположен по смыслу) словам песни, которая в России 20-х годов, конечно, была самой известной, поскольку являлась государственным гимном.

Уместно привести суждение, высказанное в 1962 г. М. Бахтиным: «Мне кажется, что философскую позицию Гете очень проясняет его отношение к двум кардинальным парам понятий гносеологии: к понятиям явления и сущности и субъекта и объекта познания. Своеобразие гетевского миропонимания и его исследовательской методологии, пожалуй, ярче всего проявляется в последовательном отрицании им этих основополагающих гносеологических противопоставлений.

Противопоставление явления сущности было глубоко чуждо стилю гетевской мысли. Сущность для него не скрывается, не прячется за явление, а именно *является* в нем самолично. Надо только уметь ее увидеть. По Гете, все существенное, истинное, ценное стремится к открытости, явленности, выраженности. Поэтому он и ищет его в зоне максимальной видимости, явленности и освещенности. Отсюда и роль созерцания (в гетевском понимании этого слова). Отсюда и глубокое доверие его к мыслящему глазу и видящей мысли и недоверие к окольным путям абстрактного мышления. Гете ничего не искал „за“, „позади“ или „по ту сторону“, отказывался различать внешнее и внутреннее, оболочку и ядро и т. п. Вместо противопоставления явления и сущности Гете пользуется сопоставлением части и целого или „одного“ и „всего“. И в этом один из пунктов его соприкосновения со Спинозой.

Глубоко чуждо Гете и самое кардинальное для гносеологии противопоставление субъекта и объекта. Познающий для Гете не противопоставит познаваемому как чистый субъект объекту, а находится в нем, то есть является соприродною частью познаваемого. Субъект и объект сделаны из одного куска. Познающий, как микрокосм, содержит в себе самом все, что он познает в природе» (Бахтин 1979, с. 396). Современный исследователь пишет: «Случай Гете — едва ли не величайшая из когда-либо существовавших помех самому принципу классифи-

кации, анкетирования, определения через термин» (Свасьян 1989, с. 18).

Подобное отношение к миру, по мнению Е. Толстой, характерно как для платоновского героя, так и для самого автора «Чевенгура»: «Отказ от навязанной предмету, отдельной от объекта точки зрения <...> предполагает определенный личностный склад, руководимый эмпатией вплоть до уподобления объекту <...> Проза, где явления дано, в соответствии с идеологической „сверхзадачей“, говорить о себе своим языком, характеризуется иррадиацией или блужданием „точки зрения“. <...> Автор „прислоняется“ то к той, то к иной точке зрения <...> Позиция автора — это позиция человека, не знающего ответа» (Толстая 1981а, с. 250—251; см. также: Пазолини 1989, с. 220; Нонака 1999, с. 44). На «программный» характер описания личности Дванова в связи с философско-эстетическими принципами Платонова указывали также В. и Р. Сливовские, Т. Лангерак.

Оборотной стороной подобного мироощущения является у Платонова постоянное сомнение; Е. Толстая пишет, что фамилия «Дванов» поэтому может быть интерпретирована и как «сомневающийся»: это сближает героя Платонова с евангельским образом Фомы (т. е. «неверующего» — см.: Ин. XX, 24—29); весьма существенно и прозвище Фомы: Дидим — «близнец» (Холл 1997, с. 589). Псевдонимом «Фома Человеков» в 30-х годах пользовался сам писатель, который, как считает исследовательница, «строил свой личностный образ как „неверный“, „сомневающийся“, „еретический“» (Толстая 1981б, с. 366—367). По-видимому, данным псевдонимом в первую очередь мотивировано сравнение самого Платонова с Фомой Опискиным в письме В. Ермилова к А. Фадееву 1939 г. (см.: Ермилов 1994, с. 428); хотя, как отмечает Н. Корниенко, сравнение с героем Достоевского «подразумевало и иной литературно-политический контекст: Фома Опискин — один из псевдонимов русского писателя-сатирика А. Аверченко, редактора знаменитого журнала „Новый Сатирикон“ <...> В домашней библиотеке Платонова сохранилась книга пролетарского поэта С. Малашкина „Мускулы“ (1919), отредактированная Платоновым под именем Фомы Опискина в сатириконских традициях, с ироническими пометами на полях рукой Платонова» (Там же, с. 433).

21 Дванов опустил голову и представил внутри своего тела пустоту <...> — Вот это — я! — громко сказал Александр. — В данном эпизоде «Чевенгура» герой впервые чувствует полную гармоническую слиянность с Универсумом, не утрачивая вместе с тем ощущения собственной личности. В рассказе Достоевского «Сон смешного человека» читаем: «У них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной» (Достоевский 1972—1988, т. 25, с. 114). Ср. также слова одного из персонажей романа А. Богданова 1907 г. «Красная зvez-

да»: «Разве не возникает глубоких противоречий жизни из самой ограниченности отдельного существа по сравнению с его целым, из самого бессилия вполне слиться с этим целым, вполне растворить в нем свое сознание и охватить его своим сознанием!» (Богданов 1986, с. 251).

М. Дмитриовская интерпретирует ощущения Дванова в аспекте отождествления души и воздуха-ветра (см. 773): «Заполнение себя жизнью сравнивается с захватом в себя воздуха <...> описывается рождение у героя души, совпадающее с формированием представления о необходимости соединения собственного „я“ с окружающим миром, жизнью» (Дмитриовская 1998, с. 25).

22 — Кто — ты? — Формально эта фраза Захара Павловича является продолжением реплики Саши, однако в ней содержится и самостоятельная экзистенциальная проблема; впоследствии она будет остро поставлена в «детском» рассказе «Железная старуха», герой которого, «малолетний Егор», подобно Саше Дванову, хочет услышать «слово» от самого мира и пытается получить ответ на вопрос, который задает бытию в целом и отдельным предметам и существам (в том числе и себе самому): «Ты кто?» (Собр. соч., т. 3, с. 84—87; более полную цитату см. в 79).

23 [9] С. 72/72. И этот в воде из любопытства утонет... — По существу, уже здесь своеобразно предсказан финал судьбы Дванова.

24 Он до теплокровности мог ощутить чужую отдаленную жизнь, а самого себя воображал с трудом. — Ср. замечание Фрейда: «Эти русские как вода, которая наполняет любой сосуд, но не сохраняет форму ни одного из них» (цит. по: Эткинд 1994, с. 215).

25 [9] С. 77/77. Партия его командировала на фронт гражданской войны — в степной городок Новохоперск. — Автобиографическая деталь: в июне 1919 г. Платонов был направлен в командировку в Новохоперск от редакции газеты «Известия Совета обороны Воронежского укрепленного района». Однако в том же месяце Новохоперский уезд (как и пять других уездов Воронежской губернии) захватили деникинцы, правда, ненадолго: вскоре началось восстание против Деникина, и 22 июля Новохоперск был занят советскими войсками, которых поддерживали повстанцы (Дни грозные 1960, с. 109); вместе с тем город все еще оставался в прифронтовой полосе и положение в уезде было неустойчивым (Шубин 1987а, с. 98). Новохоперская партийная организация, в 1918 г. насчитывавшая около 100 человек (см.: Алексеев 1932, с. 92), в 1919 г. была совершенно разрушена: многие коммунисты были на фронте, а оставшиеся перестали считать себя членами партии; кстати, в течение мая-июня 1919 г. на фронт было мобилизовано 40% коммунистов Воронежской губернии — 1600 из 4000 (Дни грозные 1960, с. 114). 20—23 июня VI Воронежский съезд Советов при-

нял решение направить в уезды ответственных партийных и советских работников для оказания помощи по мобилизации населения на борьбу с Деникиным. В 1922 г. в одном из писем к жене Платонов рассказывал:

«Сейчас я вспоминаю о скучной новохоперской степи, эти воспоминания во мне связаны с тоской по матери — в тот год я в первый раз надолго покинул ее.

Июль 1919 года был жарок и тревожен. Я не чувствовал безопасности в маленьких домиках города Новохоперска, боялся уединения в своей комнате и сидел больше во дворе. В моей комнате висели иконы хозяина, стоял старый комод — ровесник учредителям города, а дверь в любой момент могла наглухо закрыть жилище большевика: через окно тоже не было спасения: под ним лежал ворох колочей проволоки» (*Письма*, с. 382).

26 [10] С. 80/79. ...«Приключения отшельника, любителя изящного, изданные Тиком»... — Полное название книги: «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком» (М., 1914); авторство этого сборника статей об искусстве принадлежит немецкому романтику В. Вакенродеру, хотя, по существу, они являются плодом совместного творчества Вакенродера и Тика. Издание 1914 г. — факсимильное воспроизведение книги 1826 г.: перевод для нее был выполнен С. Шевыревым, В. Титовым и Н. Мельгуновым, близкими к кружку «любомудров». В послесловии к репринту 1914 г. П. Сакулин писал: «Русское издание книги Вакенродера — важный памятник нашего любомудрия. Характерен для него уже самый выбор книги: на первых порах, когда у нас только еще вырабатывались основы новой, идеалистической эстетики, в „размышлениях отшельника, любителя изящного“ искали опоры для борьбы с классической теорией, и эта небольшая книжечка несла с собой подлинное благовестие романтической эстетики» (с. IV).

Имя Тика актуально и в связи с мотивом «двойника», играющим в платоновском романе важную роль (ср. фамилию главного героя): «Идея формулы двойника принадлежит Л. Тику, ее дальнейшее усовершенствование в художественной форме находим у Жан-Поля, которому принадлежит и изобретение разделенного характера-двойника, обретающего знаковый смысл для всей структуры произведения. <...> В сущности, Л. Тик популяризировал дуалистическую философию Я. Беме» (*Abraham 1993*, с. 145).

27 [10] С. 83/83. ...там Рафаэль назывался живым богом раннего счастливого человечества, народившегося на теплых берегах Средиземного моря. — «Цитата», по-видимому, принадлежит самому Платонову. В книге Вакенродера по отношению к Рафаэлю постоянно употребляется эпитет «божественный»; говорится, что он «как бы осенен спокойным, божественным духом Спасителя» (с. 122); рассказывается о его

жизни и личности (с. 130—134), однако слов, приводимых в «Чевенгуре», здесь нет.

Подчеркнутый Платоновым мотив обожествления художника-творца у романтиков возникает из мистического понимания искусства: поэт — «мессия природы, призванный одухотворить ее до конца и низвести Царство Божье на землю»; недаром «отшельник, любитель изящного» «не хочет исследовать и сопоставлять художников — он только благоговееет перед ними» (*Жирмунский 1996, с. 73—75*). Образ обожествленного художника перекликается в «Чевенгуре» и с травестированным мотивом «человека-бога» (см. 100).

Упоминание о Рафаэле своеобразно предвещает появление «рыцаря Розы» — Копенкина. Уже в первом фрагменте книги Вакенродера — «Видение Рафаэля» — цитируются слова из письма художника: «В мире так мало изображений прелести женской; посему-то я прилепился к одному тайному образу, который иногда навещает мою душу» (с. 4); затем (с. 6—8) излагается записанный Брамантом, другом Рафаэля, рассказ художника о чудесном видении Мадонны, явившейся ему; религиозный экстаз Рафаэля у Вакенродера вполне сопоставим с «мистической любовью» героя Платонова.

Рафаэль (прежде всего как автор «Сикстинской мадонны») фигурирует во многих произведениях русской литературы XIX в. — у Тургенева, Достоевского и др. «Знаковой» фигурой предстает он и в пьесе Л. Андреева 1906 г. «Савва», реминисценции из которой играют немаловажную роль в платоновском романе (см. также 329, 461); можно вспомнить реплику андреевского героя, намеревающегося «взорвать Бога», а затем устроить всемирный пожар: «Огонь, дядя, учитель хороший. Ты слышал о Рафаэле? <...> После Бога мы примемся за него. Там их много: Тицианы, Шексперы, Пушкины, Толстые. Из всего этого мы сделаем хороший костерчик и подьем его керосином» (*Андреев 1990—1996, т. 2, с. 404*). Ср. известные строки стихотворения В. Кириллова «Мы» (1917 г.): «Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля, / Разрушим музеи, растопчем искусства цветы».

Как отмечает Н. Корниенко, восприятие Рафаэля Двановым полемично по отношению к оценке рафаэлевского искусства в романе М. Пришвина 1928 г. «Кашеева цепь» (*Корниенко 1988*) — имеется в виду глава «Сикстинская мадонна» (*Пришвин 1982—1986, т. 2, с. 304—311*).

28 ...Дванов посмотрел в страницу <...> и матери умирали у маленьких детей. — Эпизод, в котором картина земного «рая» предстает в восприятии героя внутренне «ущербной» и чреватой трагическими противоречиями, перекликается с мотивом из романа Ф. Достоевского «Подросток», где Версиков рассказывает о своем сне: речь идет о картине К. Лоррена «Асис и Галатея», которую Версиков называет «Золотой век»; описывая «уголок греческого архипелага», изображенный на

полотне, он говорит: «Тут запомнило свою колыбель европейское человечество. <...> Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и рождались с людьми... О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и веселыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость. Солнце обливало их теплом и светом, радуясь на своих прекрасных детей... Чудный сон, высокое заблуждение человечества! Золотой век — мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже умереть! <...> И вот, друг мой, и вот — это заходящее солнце первого дня европейского человечества, которое я видел во сне моем, обратилось для меня тотчас, как я проснулся, наяву, в заходящее солнце последнего дня европейского человечества! Тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола» (*Достоевский 1972—1988, т. 13, с. 375*). Первоначально эти слова звучали в «Исповеди Ставрогина» (*Там же, т. 7, с. 653*).

29 [10] С. 84—86/83—86. Паровоз стоял еще горячий, и Дванов решил сам, не спеша, повести состав. <...> колесные скаты их лежали на тендере паровоза. — «В трех произведениях разных лет — „Чевенгур“, „На заре туманной юности“, „В прекрасном и яростном мире“ — повторяется одна и та же сцена: неопытному железнодорожнику приходится вести состав. Вероятно, опыт Платонова летом 1919 г. лег в основу этих сцен» (*Лангерак 1995, с. 22*). В письме к жене писатель в 1922 г. вспоминал: «Не доучившись в технической школе, я спешно был посажен на паровоз помогать машинисту. Фраза о том, что революция — паровоз истории, превратилась во мне в странное и хорошее чувство: вспоминая ее, я очень усердно работал на паровозе. <...> Позже слова о революции-паровозе превратили для меня паровоз в ощущение революции» (*Письма, с. 382*). В платоновском рассказе 1929 г. «Товарищ пролетариата» изобретатель-самоучка Климентов (явно автобиографический персонаж) называет главного героя, Всуева, «товарищем машиниста на паровозе истории» (*Товарищ пролетариата, с. 118*) — имеется в виду афоризм К. Маркса из его работы «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»: «Революция — локомотивы истории» (*Маркс и Энгельс Соч., т. 7, с. 86*).

Ср. в повести «Сокровенный человек»: «История бежала в те годы, как паровоз, таща за собой на подъем всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности» (*Взыскание погибших, с. 123*). В пьесе «Высокое напряжение» инженер Жмяков иронически перефразирует слова известной песни: «Их паровоз летит вперед, а нам всем остановка» (*Высокое напряжение, с. 169*). Вариацию мотива встречаем в очерках «Че-Че-О»,

где повествователь говорит: «Так же втучачку хотел и хочет бюрократизм зажать колеса революции, чтобы до социализма доехать немного позже того момента, когда сам паровоз, ведущий историю, сгорит от форсированной работы» (*Возвращение*, с. 79). Выразительная историсофская метафора создана в платоновском киносценарии начала 30-х годов «Отец-мать»: идущий на полной скорости паровоз осуществляет экстренное торможение перед находящимся на рельсах слепцом (*Отец-мать*).

В связи с образом паровоза как символа революции обращает на себя внимание атрибутируемый Платонову рассказ 1921 г. «Володькин муж» — речь в нем идет о машинисте, обменивающим паровоз на муку (*Володькин муж*, с. 304—305); заголовок рассказа сам по себе непонятен, однако политические аллюзии (возможно, имя «Володька» отдаленно ассоциируется с Лениным?) отчасти проясняют его смысл, актуализируя в подтексте образ революции, которая «продана» за хлеб (см. также 136).

М. Геллер обращает внимание на символический и «прогностический» смысл эпизода катастрофы в романе. Подчеркивая, что, «отправившись в революцию, Дванов на первом же этапе своего пути попадает в крушение», исследователь пишет: «Паровоз — символ революции — сталкивается с другим паровозом, идущим по тому же пути в противоположную сторону» (Геллер 1982, с. 190, 241). Соответственно, в расширенном плане толкуется и поведение Александра Дванова: «Выдержав испытание на мужество, он не сдал экзамена на руководителя, спасти поезд от крушения ему не удалось» (*Там же*).

Развитие темы железнодорожной катастрофы в рассказе «В прекрасном и яростном мире» представляет интерес в аспекте платоновской темы «мастера»: «Великий артистизм машиниста приобретает в отъединенности от мира трагический оттенок, а разомкнутость Мальцева с обычными, окружающими его людьми чуть было не приводит к гибели всего несущегося с огромной скоростью курьерского поезда с находящимися в его вагонах пассажирами. Герой „видел мир в своем воображении и верил в его действительность“ — этого и мало, и опасно. Нарушение единства с миром губительно — это болезнь и сильного и одновременно слабого человеческого организма, изъян сознания» (*Светильский* 1998, с. 78). Таким образом, рассказ может быть воспринят как «предупреждение» (задним числом) об опасности, которая могла бы подстерегать героя «Чевенгура» (конечно, для самого Александра Дванова, каким он явлен в романе, подобное «предупреждение» не актуально).

Мотив крушения, представленного как метафора мировоззренческого кризиса, встречаем в романе Замятина «Мы», где один из пунктов конспекта главного героя носит название «Столкновение поездов» — это именно тот фрагмент дневника, где обсуждается вопрос о счастливой возможности для чело-

века стать «машиноравным», подвергнувшись «Великой Операции»; поняв, что это означало бы вечную разлуку с любимой, Д-503 ощущает безысходный внутренний конфликт: «Голова у меня рассказывалась, два логических поезда столкнулись, лезли друг на друга, крушили, трещали». Восприняв вначале идею «машиноравности» с энтузиазмом и заявляя: «Вам не затемнить солнца — мы навеки приковали его цепью к зениту — мы, Иисусы Навины», герой в итоге понимает: «Все спасены, но мне спасения уже нет, я не хочу спасения» (*Замятин 1990, т. 2, с. 118—123*). Интересно, кстати, что Замятин в течение некоторого времени пользовался псевдонимом «Мих. Платонов» — так подписана часть его публицистических и критических статей 1918—1919 гг. в газетах «Новая жизнь» и «Дело народа» (см.: *Замятин 1999, с. 290—296*): имя, очевидно, «заимствовано» у чеховского персонажа — сельского учителя из «Пьесы без названия».

30 [10] С. 85/85. ...Захар Павлович, тем более отец Дванова, никогда не оставили бы горячий целый паровоз погибать без машиниста... — Трудно согласиться с суждением М. Геллера, что «коба отца Саши передали ему любовь к машине» (*Геллер 1982, с. 190*), поскольку родной отец Дванова, рыбак Дмитрий Иванович, не имел к паровозам никакого отношения. Видимо, для Платонова сюжетная логика менее важна, чем необходимость подчеркнуть морально-психологическую близость двух «отцов» героя, которую сам Дванов ощущает.

Как предполагает Р. Ходель, здесь «проявляется» первоначальный вариант романа, который был написан от первого лица и в соответствующей фразе которого, вероятно, присутствовали слова «отец мой» или просто «отец» — как выражение прямой автобиографической установки: «Ведь, в отличие от отца Дванова — рыбака, отец Платонова работал на железной дороге» (*Ходель 1999, с. 176*).

31 [10] С. 86/85. Земля была недостижима и уходила, как живая <...> и плачет своими слезами. — В моменты приближения героя к смерти актуализируется мотив «земля = женщина» — ср. 38, 319.

32 [10] С. 87/87. Станцию Разгуляй Дванов обошел, чтобы его не остановили там для проверки... — Логика этих действий героя непонятна, поскольку из Новохоперска он возвращается на вполне законных основаниях — по приказу из губернии (см. с. 79/78). Интересно, что намерение миновать населенный пункт с названием «Разгуляй» перекликается с пословицей, бытовавшей среди эсхатологически настроенных бегунов, стремившихся к Каспийскому морю — ареалу грядущего «тысячелетнего царства»: «Коли хочешь в камыши, так паспорта не пиши, а захочешь в Разгуляй, и билет не выправляй» (цит. по: *Günter 1992, с. 216*).

33 [11] С. 90/89. Дванов заболел тифом... — В автобиографии 1942 г. Платонов писал, что «в 1921 г. был демобилизо-

ван — после болезни (тиф, воспаление легких)» (*Личное дело*, с. 445).

В предисловии к журнальной публикации романа высказывалось предположение, что «основное содержание „Чевенгура“ составляет цепь сновидений героя (или видений) во время его болезни» (*Дружба народов*. 1988. № 3, с. 97). Думается, оно не может быть подтверждено текстом: все моменты активизации подсознания героя (бред, сон и т. п.) в романе оговариваются повествователем и довольно четко ограничены от «яви». К. Кантор замечает: «Я не припомню другого романа, где бы герои столько спали: в доме, в дороге, ночью и среди белого дня, где сознание героев было бы скорее дремотствующим, чем бодрствующим; сон, беспамятство в болезни, сумеречность сознания и пожирающая пустота пространства — это ведь лейтмотивные символы и „Котлована“, и „Чевенгура“» (*Кантор* 1989, с. 18).

34 [11] С. 90/89—90. Перед Пасхой Захар Павлович сделал приемному сыну гроб <...> Дванов вышел из дома новым летом... — Болезнь героя занимает около девяти месяцев — «срок, аналогичный нахождению в утробе» (*Дмитровская* 1995в, с. 42). «То, что речь здесь идет именно о воскресении в христианском смысле этого слова, ясно из календарных и стилистических подробностей, укореняющих сюжет в литургическом плане бытия. Захар Павлович готовится к Сашиной смерти „перед Пасхой“, то есть тогда, когда вся церковь хоронит Христа, а выходит Саша на улицу „новым летом“, то есть не „ранним летом“, и уж никак не „в новом году“, а как бы в плане нового времени (выражение „новым летом“ осмыслено только в литургическом контексте, где „лето“ означает временное измерение, срок, а „новое лето“ — беспрецедентное временное измерение <...> „новое лето“ — факт биографии, а точнее, анастасиографии, лишь одного героя, Саши Дванова» (*Меерсон* 1997, с. 108—109).

35 [11] С. 92/91. Может, у Саши будут ребятишки от Сони... — Мотив активной подготовки к скорому появлению детей (при отсутствии сексуальной близости персонажей) развивается в рассказе «Река Потудань» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 196, 198), где принимает еще более парадоксальный вид, поскольку сочетается с мотивом «импотенции» главного героя — Никиты. «Антисексуальная» установка платоновских персонажей по отношению к своим возлюбленным может быть сопоставлена с одним из принципиальных тезисов Вейнингера: «Любовь, откидывая все аскетические принципы, видит в половом акте что-то враждебное себе, свое отрицание. Любовь и вожделение — до того различные, исключаящие друг друга и противоположные состояния, что человеку в момент искренней любви мысль о телесном единении кажется невозможной» (*Вейнингер* 1991, с. 142).

36 [14] С. 103/102. ...Дванов разговаривал сам с собой. — Фамилия героя получает таким образом дополнительную мотивировку.

37 Лишь слова обращают текущее чувство в мысль, поэтому размышляющий человек беседует. — Ср. фрагмент работы А. Потебни «Из записок по теории словесности»: «Мы говорим не только тогда, когда думаем, что нас слушают и понимают, но и про себя и для себя. Хотя мысль существует и до слова и хотя не всякая мысль, прошедшая сквозь слово, выразима словом, тем не менее отчасти прав старинный книжник, объясняющий а priori мысль как скрытую речь. <...> Поэтому можно отдельно рассматривать: 1) действие речи на самого говорящего и 2) действие ее на слушающего и понимающего. <...> Непосредственное самопознание невозможно. Первообразное невольное действие, предполагаемое самопознанием, состоит в том, что непрерывно утекающее состояние нашего я оставляет более ощутительный след в членораздельном звуке. Воспроизведение звука облегчает, впрочем всегда неточное, воспроизведение мысли. Звук становится намеком, знаком прошедшей мысли. В этом смысле слово объективирует мысль, ставит ее перед нами, служит тем делом, без которого невозможно самосознание, как первоначально, до приобретения навыка, невозможно считать, не указывая на считаемые вещи или не передвигая их <...> Слово делит непрерывное течение восприятий на отдельные акты и, таким образом, создает объекты мысли, подлежащие действию других таких же» (Потебня 1990, с. 136—138). Следы знакомства со взглядами Потебни заметны в ранней публицистике Платонова — см., например, его статью «Пролетарская поэзия» (*Чутье правды*, с. 195—196).

Однако подобные идеи находим уже в книге Л. Фейербаха «Сущность христианства» (вероятно, это развитие мыслей В. Гумбольдта, оказавшего непосредственное влияние и на Потебню): «Животное живет единой, простой, а человек — двойственной жизнью. <...> Внутренняя жизнь человека тесно связана с его родом, с его сущностью. Человек мыслит, т. е. говорит с самим собой. <...> Человек является одновременно и „я“, и „ты“, он может стать на место другого именно потому, что объектом его сознания служит не только его индивидуальность, но и его род, его сущность»; «Разум возникает только там, где человек *говорит* с человеком; он зарождается только в речи, в акте общественном. Первые акты мышления были вопросы и ответы. Сначала мышление обуславливалось двумя лицами. На более высокой ступени культуры человек удваивается, и теперь он может одновременно играть роль первого и второго лица. Поэтому древние, чувственные народы отождествляли мышление и слово. Они мыслили только тогда, когда говорили; их мышление состояло в разговоре. Простонародье, т. е. люди, не получившие отвлеченного образования, и до сих

пор не понимают написанного, если они не читают *вслух*, не произносят текста громко» (Фейербах 1925—1926, т. 2, с. 25—26, 102).

38 [14] С. 105/104. Природа не упустила взять от Дванова <...> обветренным трепещущим крылом. — Сцена символического полового акта с землей, с почвой (см. также 319) вызывает ассоциации с мифологическими представлениями о Земле как носительнице женского начала: «Выражение *мать сыра земля* означает землю увлажненную, оплодотворенную дождем и потому способную стать матерью» (Афанасьев 1994, т. 1, с. 129). Таким образом, эпизод обретает и инцестуозный смысл: отождествление возлюбленной и матери возникает в «Чевенгуре» неоднократно — ср. хотя бы эпизод сближения Сербинова с Соней на могиле матери (см. 276).

М. Дмитровская видит в данном эпизоде романа прямое влияние идей Вейнингера; ср.: «В каждом существе перед преждевременной смертью вспыхивает сильнейшее половое влечение, как потребность продолжить себя» (Вейнингер 1991, с. 153). Понимание эроса как древнейшего, «естественного» способа борьбы со смертью выражено в ранней публицистике Платонова — например, в статье 1920 г. «Культура пролетариата»:

«Новая опасность человека — смерть.

Против нее он направил свои удары и против нее из страха развил и возвысил над всеми остальными чувствами половое чувство. Размножение, замена себя на земле своими детьми — все это удары по смерти и полет к бессмертию» (*Возвращение*, с. 29). Ср. суждение Луначарского: «Человек может победить смерть и побеждает ее — бессознательно — половой любовью, размножением, заботой о детях» (*Луначарский 1908—1911*, т. 1, с. 44). Коллизия половой любви и смерти, видимо, была воспринята Платоновым не только через учение Н. Федорова, но и из книг Н. Бердяева, в частности, писавшего: «Сексуальный акт насквозь безличен, он общ и одинаков не только у всех людей, но и у всех зверей. Нельзя быть личностью в сексуальном акте, в этом акте нет ничего индивидуального, нет ничего даже специфически человеческого. В сексуальном акте личность всегда находится во власти безличной родовой стихии, стихии, роднящей мир человеческий с миром звериным. <...> Сексуальный акт всегда есть частичная гибель личности и ее упований» (*Бердяев 1916*, с. 186—187).

39 [14] С. 107/106. ...согласился доживать голым. — «Оголение» Дванова анархистами ассоциируется с анархическим лозунгом «голый человек на голой земле», звучащим в пьесе Л. Андреева «Савва» (см. 202, 203).

40 [14] С. 108/107. ...неулыбающиеся глаза Дванова... — Ср. впечатление лермонтовского рассказчика о глазах Печорина: «Они не смеялись, когда он смеялся» (*Лермонтов 1969*, т. 4, с. 236).

41 [15] С. 115/113. Но в человеке еще живет маленький зритель <...> Это евнух души человека. — Вероятно, первая ассоциация — опять-таки слова героя Лермонтова: «Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его» (*Лермонтов 1969, т. 4, с. 313*). Уместно также вспомнить фразу Ставрогина из не вошедшей в «Бесы» главы «У Тихона»: «Никогда это чувство не покоряло меня всего совершенно, а всегда оставалось сознание, самое полное <...> Доходя во мне до совершенного огня, я в то же время мог совсем одолеть его, даже остановить в верхней точке <...> Я всегда господин себе, когда захочу» (*Достоевский 1972—1988, т. 11, с. 14*); ср. распространенный мотив «двойника» в произведениях Достоевского.

«Уже в самом имени главного героя „Чевенгура“ (Дванов: Двоякий, Раздвоенный) заложен намек на его раздвоенность, указание, что это фигура неоднозначная»; подобная структура личности имеет прямое отношение к мировоззрению героя и влияет на его место в сюжете: «Саша Дванов является <...> равно и пассивным наблюдателем, и активным участником чевенгурского эксперимента» (*Sliwowsky 1983, с. 74*). Мотив «раздвоенности» как основного антропологического признака получит развитие в романе «Счастливая Москва»: «Человека воспитал случай, он стал двойственный существом... И вот иногда, в болезни, в несчастьи, в любви, в ужасном сневидении, вообще — вдалеке от нормы, мы ясно чувствуем, что нас двое: то есть, я один, но во мне есть еще кто-то. Этот кто-то, таинственный „он“, часто бормочет, иногда плачет, хочет уйти из тебя куда-то далеко, ему скучно, ему страшно... Мы видим — нас двое, и мы надоели друг другу. Мы чувствуем легкость, свободу, бессмысленный рай животного, когда сознание наше было не двойным, а одиноким. От животных нас отделяет один миг, когда мы теряем двойственность своего сознания» (*Счастливая Москва, с. 32*). Ср. изображение героя повести «Джан»: «Стал искать глазами кого-то в этом незнакомом месте, кто его услышит и явится к нему — как будто за каждым человеком ходит его неустанный помощник и только ждет, когда наступит последнее отчаяние, чтобы показаться» (*Собр. соч., т. 2, с. 48*).

М. Геллер полагает, что в данном фрагменте романа «Платонов излагает своим неподражаемым языком место и роль подсознания в жизни человека» (*Геллер 1982, с. 197*). Э. Найман указывает на смысловую близость комментируемого эпизода и одного из разделов книги Фрейда «Толкование сновидений»: рассуждая о структуре психической деятельности человека, Фрейд говорит о сфере предсознательного (сокращенно — «Прс»), занимающей промежуточное место между сферами бессознательного («Бзс») — в соответствии со старой орфографией перевода) и сознательного. Он пишет: «В цензуре между Бзс и Прс <...> мы видим <...> стража нашего душевного

здравия. Но разве не неосторожно со стороны этого стража, что ночью он ослабляет свою бдительность, дает возможность, подавленным движениям из системы Бзс найти себе выражение <...>? Я полагаю, что нет, ибо когда критический страж отдыхает, — а у нас имеются доказательства того, что спит он не крепко, — он закрывает и доступ к моторности. <...> Система Прс стоит как бы ширмой между системой Бзс и сознанием» (Фрейд 1913, с. 405, 443.). «Важное различие, — отмечает Э. Найман, — состоит в том, что платоновский сторож „не принимает участие в человеке“, но служит в качестве морального наблюдателя. Фрейдовский „сторож“ функционирует как сенсорный механизм и „закрывает доступ к моторности“ во время сна» (Naiman 1988, с. 357).

В. Подорога считает, что образ «евнуха души» принципиально важен не только для восприятия образа Дванова, но и для уяснения самой сути платоновского стиля; позиция, подобная той, о которой идет речь в «Чевенгуре» в связи с образом «маленького зрителя», по мнению исследователя, входит как необходимый компонент в образ автора, моделирует специфику читательского восприятия. Образ «маленького зрителя» соотносится с фрагментом платоновской статьи «Пролетарская поэзия»: «Точка объективного внеотносительного наблюдения совпадает с центром совершенной организации. Только отойдя от мира и от себя, можно увидеть, что есть все это и чем хочет быть все это» (Чутье правды, с. 194). О «евнухе души» в этом смысле исследователь пишет: «Он тот, кто наблюдает и свидетельствует, движется в своем наблюдении параллельно изображаемому, ни выше, ни ниже, ни поперек, а именно параллельно, никогда не пересекаясь с ним, ибо, по определению, он лишен права на то, чтобы быть нормальным чувствующим существом, тем более вносить какой-либо свой, опять же нормальный и поэтому разумный порядок в им наблюдаемое. <...> Платоновские тексты „живут“ этим постоянно возобновляемым несоответствием между спонтанным чтением и формой изображения, которую контролирует платоновский наблюдатель. <...> Это странное существо, которое занимает привилегированную точку наблюдения, не способно видеть „души“, „приватную психологию“, „томление субъективности“ или „половое влечение“: оно не видит внутреннего вообще. Подобному описанию доступно только внешнее, а точнее, только положения, изменения и действия тел, физические события, не одушевляемые никаким внутренним авторским участием. <...> Платоновский взгляд о-страняет, о-внешняет любое из событий, претендующих на то, чтобы являть собой внутреннее переживание состояний мира и человеческих существ. <...> И тем не менее, читая Платонова, мы замечаем, как эта во внешнем выраженная боль глубоко проникает в нас. Нас поражает не точность безучастного описания боли, а то, скорее, что она никому не принадлежит, что ее внутреннее переживание несущ-

щественно для этого мира, где действуют силы, равнодушные к индивидуальному существованию» (*Подорога 1989, с. 22—23*).

По мнению М. Дмитриховской, «этот постоянный и неизменный „наблюдатель“ есть не что иное, как сверхличное или сверхиндивидуальное „я“, то, что в древнеиндийской философии называется Атман. Его свойство как раз и заключается в том, чтобы быть наблюдателем. <...> У Платонова подчеркивается сопряженность самосознания со светом. <...> При этом подчеркивается, что этот свет всегда остается тождественным себе и, озаряя сознание, не принадлежит наблюдаемому. <...> В философии веданты делается акцент на том, что состояние сна без сновидений помогает понять, чем на самом деле является наше „я“, оторванное от чувства тождественности с телом: во время сна Атман покидает человека и извне сверху наблюдает за ним» (*Дмитриховская 1995в, с. 42—43*).

Н. Дужина полагает, что мотив «маленького зрителя» свидетельствует о знакомстве Платонова с оккультными сочинениями: «О „двойственности человеческого существования“ и о „двойниках“ человека писали и Блаватская, и Штейнер, и Дюпрель. Они считали, что у всякого человека, кроме видимого физического тела, есть еще и невидимое, не воспринимаемое глазами — астральное. <...> Оно связывает человека с потусторонним миром и во время сна отделяется от физического и эфирного тел» (*Дужина 1998, с. 49—50*).

42 [16] С. 117/115. ...он видел одновременно и ночлежную хату, и самого себя, лежащего на печке. — Здесь «раздвоение» героя приобретает «зримую» форму; ср. письмо Платонова к жене из Тамбова (1927 г.): «Два дня назад я пережил большой ужас. Проснувшись ночью (у меня неудобная жесткая кровать) — ночь слабо светилась поздней луной, — я увидел за столом у печи, где обычно сижу я, — самого себя. Это не ужас, Маша, а нечто более серьезное. Лежа в постели, я увидел, как за столом сидел тоже я и, полуулыбаясь, быстро писал. Причем то я, которое писало, ни разу не подняло головы, и я не увидел у него своих глаз. Когда я хотел вскочить или крикнуть, то ничего во мне не послушалось. Я перевел глаза в окно, но увидел там обычное смутное ночное небо. Глянув на прежнее место, себя я там не заметил» (*Письма, с. 393*).

В домашнем архиве сохранилась принадлежавшая Платонову книга В. Тана-Богораза «Эйнштейн и религия» (см.: *Корниенко 1993а, с. 21*); ее автор, известный этнограф, стремится сблизить достижения современной физики с религиозными (точнее, мифологическими) представлениями традиционных культур и с бессознательными образами, утверждая, что теория относительности позволяет обосновать «смычку между реальностью и мнимостью»: «Оригинальность теории Эйнштейна в том состоит, между прочим, что он разрушил антиномию между бытием и восприятием и слил их вместе. <...>

Относительность бытия делает бесцельной и всякую поправку на объективность. Исчезает различие между знанием реальным и знанием воображаемым, условным. И все наши восприятия, в том числе и религиозные, становятся равноправными элементами нашего познания мира. <...> Мы можем, таким образом, наше воображение считать такой же познавательной способностью, как зрение и слух. Сны и галлюцинации можем считать столько же реальными или ирреальными, как явления так называемой действительности. Самые причудливые формы религиозных или поэтических представлений мы можем считать отображением каких-то незнакомых нам концепций бытия» (*Тан-Богораз 1923, с. 116—117*).

43 [17] С. 122/121. ...он у Феклуши сидит... — Заметим, что имя крестьянки, к которой попадает Дванов, напоминает имя «знакомой тетки Клуши» (с. 96/95), у которой жила в городе Соня Мандрова; характерно, что Феклуша затем отождествляется с «сестрой скончавшейся матери Дванова» (с. 125/123), т. е. тоже предстает как бы «теткой» героя.

44 [18] С. 125/123. Старая вера называла это изгнанное славное сознание ангелом-хранителем. — В записной книжке Платонова 1931—1932 гг. читаем: «Человек существо двойное вот основа его психологии, двойное в смысле не двурушника, а, м. б., скорее ангела-хранителя» (*Записные книжки, с. 108*). Ср. фразеологию приверженцев мистических течений: «К. Дюпрель считает, что в обычном и особенно сомнамбулическом сне наше „я“ распадается: сомнамбулы называют своего отделившегося „двойника“ духом-хранителем. Излагая Дюпреля, М. Аксенов <...> ставит в тот же ряд „учение нашей церкви об ангеле-хранителе“ <...> Вне этого контекста трудно понять, почему Андрей Платонов, ссылаясь на „старую веру“, называет изгнанное во время сна сознание ангелом-хранителем» (*Дужина 1998, с. 50*).

45 [18] С. 126/124. ...но — уже пустое. — Метафора «пустое сердце» имеет важное значение в романе и в других произведениях Платонова; см. 89.

46 — Вы сестры... — Здесь видим, вероятно, прямую цитату из поэмы А. Белого «Первое свидание»; ср.:

Вы, сестры —

— (Ты, Любовь — как роза,

Ты, Вера, — трепетный восторг,

Надежда — лепетные слезы,

София — горный Сведенборг!)...

(*Белый 1921, с. 53*).

Поэма связана с памятью Вл. Соловьева, и заголовок в значительной мере относится к нему (автор вспоминает философа, увиденного им 20 лет назад), варьируя название соло-

вьевской поэмы «Три свидания», в которой повествуется о Софии (см. также 249). Характерно, что Платонов впоследствии использует название поэмы Белого для своего собственного текста, в котором речь идет о Горьком: «Первое свидание с А. М. Горьким»; здесь между первой встречей с реальным Горьким в 1929 г. (см. ч. I) и «первым свиданием» ребенка с образом «буревестника революции» в виде его портрета на конфетных фантиках тоже проходит около 20 лет; показательно и то, в каком «священном» ореоле (возможно, присутствует и доля авторской иронии) представлен «великий пролетарский писатель»: «Никогда я не надеялся увидеть Горького в действительности и беседовать с ним. Теперь я видел Горького и рассуждал с ним, и он был для меня все таким же, прежним и неизменным, высшим человеком, каким запечатлелся когда-то в моем детском воображении» (*Первое свидание с Горьким*).

В свете символического смысла образа Сони неслучайным предстает и имя Феклы Степановны: Фекла — «надежда»; однако «падение» Дванова и «подмену» Сони Феклой, видимо, следует понимать как «отпадение» героя от истинной мудрости — Софии. Ср. высказывание Бердяева: «Дифференциация мужского и женского есть следствие космического падения Адама. Сотворенный по образу и подобию Божьему, человек-андрогин распадается, отделяя от себя природно-женственную стихию, отчуждается от космоса и подпадает рабской власти женственной природы. И, по гениальному учению Я. Беме, София — вечная девственность человека — отлетает на небо»; «Падение андрогина было утерей девы-Софии и возникновением женщины-Евы»; «Ева — природно-родовая женственность. <...> Власть Евы над Адамом стала властью над ним всей природы» (*Бердяев 1916, с. 178, 180, 184*).

По мнению М. Геллера, уходя от любви к Соне — Софии, герой «уходит от мудрости, ибо его сердце и ум закрыты „броней веры“» (*Геллер 1982, с. 190*); но, думается, в данном эпизоде Дванов действует не в силу фанатической «веры», а, скорее, изменяя ей: он пытается идти «естественным» путем, игнорируя личностные различия, стремится обрести мать и Соню через сближение с женщиной «как таковой».

Р. Вроон считает более вероятным источником заимствования поэму В. Хлебникова «Поэт», написанную в 1919-м, но опубликованную в 1928 г., в первом томе хлебниковского Собрания произведений; здесь главный герой, Поэт, обращается к двум героиням — Богородице (явленной в образе нищенки) и Русалке:

Вы сестры. В этом нет сомнений.

Идите вместе, — он сказал. —

Обеим вам на нашем свете

Среди людей не знаю места
(Невеста вод и звезд невеста)
(Хлебников 1928, с. 158).

Исследователь даже предполагает: «Сам Хлебников мог быть реальным прототипом Дванова и, вероятно, других эксцентричных скитальцев у Платонова. В 1920-е годы одной из наиболее привлекательных легенд, во многом основанной на реальности, была легенда об „очарованном поэте“, пересекавшем Россию вдоль и поперек, пишущем стихи и трактаты о законах времени и составляющем причудливые утопические проекты. Легенда эта стала распространяться приверженцами Хлебникова сразу после его смерти в 1922 г., причем на страницах того самого „Лефа“, который рецензировал Платонов» (Вроон 1996, с. 64). Однако гипотеза не кажется убедительной: даже если Платонов и был в курсе «хлебниковского мифа», то его герой все-таки не поэт, он не «пересекает Россию вдоль и поперек», не пишет «трактатов о законах времени» и не составляет оформленных «утопических проектов». (О Платонове и Хлебникове см. также: Heller 1984.)

47 [18] С. 126/124. Сторож-наблюдатель посмотрел вслед улетающей птице, уносящей свое до неясности легкое тело на раскинутых опечаленных крыльях. И сторож заплакал... — Можно отметить известную аналогию с эпизодом поэмы «Демон», где главный герой настаивает перед Ангелом на своем праве владеть душой Тамары:

И Ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул

(Лермонтов 1969, т. 2, с. 429).

Слово «ангел» звучит и в платоновском романе: разум Дванова, «вытесняемый» во сне «теплотой тела куда-то наружу», назван «ангелом-хранителем» (с. 125/123).

48 [18] С. 127/125. До самого утра не мог Дванов отдохнуть. <...> Он чувствовал такое утомление, словно вчера ему была нанесена истошающая рана. — Ср. в «Рассказе о многих интересных вещах»: «Обнял ее Яким. И сам заскорбел. И пал душою. Заволокся лес деревьями, закрыл небо. И сперся стволами в страшной нагретой темноте. <...> И утром очнулся Яким мокрый и уморенный. Никогда так не умаривался. Голова лежала в траве тощая. И лицо было в морщинах от изыскавшей силы, от согнувшейся, замолкнувшей души. — Мертвый я, — подумал Яким. — Смерть идет от девки» (Старик и старуха, с. 44—45). В повести «Котлован»: «После удовлетворения

любви к Прушевскому всегда приходило нормальное желание скончаться» (*Взыскание погибших*, с. 216).

Возможно, в платоновской концепции эроса отразилась гипотеза Фрейда о «влечении к смерти» как составной части живого. Целью «влечения к смерти», по Фрейду, является «возвращение всех живых организмов в безжизненное состояние», в то время как эрос (единство полового инстинкта и инстинкта самосохранения), «все шире охватывая раздробленную на части жизненную субстанцию, стремится усложнить жизнь и при этом, конечно, сохранить ее». Жизнь предстает «борьбой и компромиссом между указанными двумя стремлениями. <...> В каждом кусочке живой субстанции действуют оба рода влечений» (Фрейд 1924б, с. 39—40). Спад напряжения одного влечет к усилению другого: отсюда, полагает Фрейд, «сходство состояния, следующего за полным половым удовлетворением, с умиранием» (*Там же*, с. 47). «Важная для позднего Фрейда идея эквивалентности или, точнее, соположности любви и смерти прошла путь, не раз пересекавший в обе стороны русскую границу. Намеченная у ранних русских романтиков, эта идея была своеобразно усилена Владимиром Соловьевым и стала в России общей темой „декадентской“ культуры. Идея эта будет считаться воспринятой более всего от Ницше (который сам, возможно, находился в важный для себя момент под литературным влиянием Лермонтова). Через Шпильрейн эта идея возвращается к Фрейду (для которого, впрочем, тоже всю жизнь был важен Ницше)» (Эткинд 1996, с. 239). У Бердяева читаем: «Пол — не только источник жизни, но и источник смерти. Через пол рождаются и через пол умирают. <...> Греки уже знали, что Гадес и Дионис — один бог (афоризм Гераклита. — Е. Я.), чувствовали мистическую связь смерти и рождения. Вот почему в самой глубине сексуального акта, полового соединения скрыта смертельная тоска. В рождающей жизни пола есть предчувствие смерти» (Бердяев 1916, с. 187—188). Ср. у С. Булгакова: «Духовно-телесное соединение двух в одну плоть <...> связано в то же время и с чувством разъединения, убийства, тоски по утрате чего-то дорогого и чистого. „Post coitum animal triste“» (*Русский Эрос* 1991, с. 308).

49 [18] С. 127/125. — Я ведь помру скоро, а ты один на лошади останешься. — В сущности, этой фразой Копенкина предсказывается финал романа, где Дванов на Пролетарской Силе возвращается в «страну детства».

50 [20] С. 140/138. ...общее лицо Дванова... — Эпитет несет двойную характеристику: лицо Дванова, во-первых, ничем особенным не отличается (ср. «международное лицо» Копенкина — см. 106) — позже о Дванове будет сказано, что «лицо его, отвернувшись, уже нельзя было запомнить» (с. 368/357); с другой стороны, оно имеет отсутствующее выражение (об этом говорят и «часто останавливающиеся глаза»).

51 [21] С. 146/143. ...наступит час судьбы всей вселенной, настанет момент страшного суда человека над ней... — Ср. в статье Платонова 1921 г. «Новое Евангелие»: «Человек скоро устроит над вселенной свой страшный суд, чтобы осудить ее на смерть» (*Чутье правды*, с. 174). Центральной темой сборника стихов «Голубая глубина» является «тема Апокалипсиса, конца мира, революции как убийства мира, данная в психологическом ключе: в центре сборника — фигура странника, ищущего „у земли конца“ <...> она преобразается в богоборца-революционера, „убивающего“ мир и вызывающего „конец света“» (*Толстая 1981а*, с. 235). Заголовок «Конец света» имеет одно из платоновских стихотворений 1923 г. (см.: *Конец света*, с. 155).

52 [21] С. 148/145. Он в душе любил неведение больше культуры <...> порожним плодородным местом. — Сопоставляя эту фразу со сходными высказываниями в других произведениях Платонова, например, в рассказе «Усомнившийся Макар»: «Здесь не природа, а культура» (*Возвращение*, с. 168), М. Геллер указывает на их близость к идеям Шпенглера. Одним из известнейших положений немецкого философа является противопоставление «культуры» и «цивилизации»: «У каждой культуры есть своя собственная цивилизация. <...> Цивилизация — неизбежная судьба культуры. <...> Цивилизации суть самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они — завершение; они следуют за становлением как ставшее, за жизнью как смерть, за развитием как оцепенение, за деревней и душевным детством, засвидетельствованными дорикой и готикой, как умственная старость и каменный, окаменяющий мировой город» (*Шпенглер 1993*, с. 163—164). В ранней статье «Человек и пустыня» Платонов интерпретировал эти идеи следующим образом: «Один немецкий буржуазный мудрец, Шпенглер по фамилии, пишет, что народы и культуры гибнут потому, что исчерпывается, стихает и блекнет их душа и дальше им делать нечего в жизни» (*Возвращение*, с. 49—50). Ср. фрагмент статьи 1923 (или 1924) г. «Симфония сознания»: «Шпенглер — универсальный мыслитель Европы, он свободно и радостно, не запинаясь и не сомневаясь, играет на современной чудовищно сложной клавиатуре культуры. <...> Книга Шпенглера — до конца честная книга, книга мужественного человека, полюбившего свою гибель, не верящего и не нуждающегося ни в каком спасении» (*Симфония сознания*, с. 47—48). В рассказе «Антисексус» Платонов приводит стилизованное «под Шпенглера» высказывание: «Будущее принадлежит цивилизации, а не культуре: будущее завоюет душевно-мертвый, интеллектуально-пессимистический человек. В пошлой плоскости истинной цивилизации немыслим брак — дух Фаустовского стиля, — там мыслимо лишь механическое освобождение от избытка сырых органических сил, не могущих сублимироваться в дух. Автомат

„Антисексус“ еще раз ознаменовал ту эпоху, в которую мы входим, — цивилизацию — мертвое, удобное здание, фундамент которого уперт в зеленые травы живой, погибшей культуры» (*Антисексус*, с. 173).

Ср. комментируемую фразу «Чевенгура» и суждение С. Франка в его статье «Этика нигилизма», вошедшей в сборник «Вехи»: «Русскому интеллигенту чуждо и отчасти даже враждебно понятие культуры в точном и строгом смысле слова. <...> Поскольку русскому интеллигенту вообще доступно чистое понятие культуры, оно ему глубоко антипатично. Он инстинктивно чувствует в нем врага своего мирозерцания; культура есть для него ненужное и нравственно непозволительное барство; он не может дорожить ею, так как не признает ни одной из тех объективных ценностей, совокупность которых ее образует. Борьба против культуры есть одна из характерных черт типично-русского интеллигентского духа; культ опрощения есть не специфически-толстовская идея, а некоторое общее свойство интеллигентского умонастроения» (Франк 1909, с. 186—187).

53 И Дванов не спешил ничего сеять: он полагал, что хорошая почва не выдержит долго и разродится произвольно чем-нибудь небывшим и драгоценным... — В сущности, такая позиция героя близка к точке зрения Николая Арсакова, которую сам Дванов резко отрицал (см. с. 137—138).

54 [22] С. 150/147. — Чушь, товарищ Копенкин. Революция — это букварь для народа. — Фраза противоречит словам повествователя, что Дванов «любил неведение больше культуры» (с. 148/145; см. 52).

55 [22] С. 152/149. ...но почувствовал у себя в глубине: — смотри! — что-то неподкупное, не берегущее себя предупредило его изнутри. — Вероятно, эту фразу надо понимать как выражение подсознательных сомнений героя в правоте собственных слов (т. е. «не обещай попусту»).

56 [23] С. 161/158. ...дежурный огонь того сторожа, который не принимает участия в человеке... — Ср. в рассказе «Глиняный дом в уездном саду»: «Ум его, как сторож-старичок, спал слабо» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 122). Образ «сторожа-наблюдателя» (см. 47) получил персонифицированное воплощение в рассказе «Река Потудань»: «Даже ночью, когда Никита засыпал в пустом ящике среди умолкшего базара, к нему навевался сторож-надзиратель и приказывал ему подремывать и слушать, а не спать по-мертвому» (*Там же*, с. 201).

57 Этот огонь позволял иногда Дванову видеть оба пространства... — «Дванов и чувствует и думает. Поэтому он — Дванов. И счастлив он тогда, когда — иногда! — он видит одновременно „два пространства“, пространство чувств и пространство мысли» (Геллер 1982, с. 207).

58 [23] С. 166/163. «...Сволочь ты!» — сразу и без последовательности изменилось сознание Дванова. — Фраза адресова-

на отнюдь не «бандиту», а самому герою; вновь наблюдаем внезапный «прорыв» внутреннего голоса Дванова.

59 [23] С. 170/167. Но взрослые люди — сироты <...> и прохладное озеро неба над собой. — Созерцание «неба-озера», как и в детстве (см. с. 43/44), вызывает у героя ощущение сиротства.

60 [25] С. 181/177. ...что нам делать в будущем коммунизме с отцами и матерями? — Возможно, реминисценция из известного Платонову текста: в платоновской рецензии 1924 г. на первый номер журнала «У станка» (см.: *У станка*) говорится, в частности, о статье некоего Антона Логинова «Старый пред-рассудок» — ее автор декларативно рассуждает о классовой педагогике вообще; однако когда речь заходит о конкретных перспективах нового, «коммунистического», воспитания, выводы оказываются отнюдь не оптимистичными: «Пролетарии совершили чудеса героизма, решительности и отваги. Они разрешили огромные мировые вопросы, а в маленьком детском вопросе уперлись в тупик.

Что делать с ребятами? (курсив наш. — Е. Я.) — это задача, не разрешенная практически и по сей час» (Логинов 1924, с. 14).

В контексте романа фраза героя звучит с «федоровским» подтекстом: Дванов полагает, что отношения между родителями и детьми должны радикально измениться, перестать быть драматичными. Неадекватной кажется интерпретация данной фразы в духе стремления оторваться «от родительского корня», «разрывая с кровной традицией, обрывая органическую преемственность; ведь родители — это ближайшее звено прошлого, так сказать, его „родимые пятна“» (Гальцева, *Роднянская* 1988, с. 222); подобная точка зрения в романе, безусловно, представлена (см. хотя бы 646), однако для Дванова она не характерна в принципе.

61 [26] С. 181/177. ...он чувствовал свою жизнь в запасе и знал, что успеет обогнать ход часов. — Видимо, это своеобразное выражение идеи «конца света», «остановки времени».

62 [27] С. 190/186. — Не надо, — сказал Дванов. — Обратим внимание, что ему не приходится в голову сообщить о стихийно проявившемся «коммунизме», например, Шумилину, посылавшему Дванова именно «искать коммунизм среди самостоятельности населения» (с. 96/95).

63 [34] С. 243/237. ...Александр молчал и смотрел на Гопнера с доверчивым волнением. — Ни Дванов, ни Гопнер не вспоминают о встрече с Чепурным, который уже рассказывал им о коммунизме в Чевенгуре (см. с. 190—192/186—188).

64 [34] С. 246/240. ...вставал перед Двановым его детский день... — Платонов устойчиво сближает сны героев с мотивом детства; ср.: «Желание, изображаемое в сновидении, должно относиться к детству» (Фрейд 1913, с. 397).

65 [34] С. 247/241. ...Саша всегда и отовсюду возвратится сюда — за палкой и за отцом. — Фраза двусмысленна, поскольку неясно значение предлога «за»: во-первых, можно подумать, что Саша намерен *забрать с собой* лежащих в земле; во-вторых — что он сам намерен *уйти вслед за ними*. Намечаются два возможных варианта судьбы героя — в зависимости от судьбы Чевенгура, о котором думает Дванов: если идеалы Чепурного осуществляются в том виде, как это представляется герою, то будет достигнута победа над смертью и отец вернется к сыну в «этот» мир; если нет — сын уйдет в «тот»; ср. слова Иисуса: «Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу» (Ин. 16, 28).

66 [34] С. 248/241. Делай что-нибудь в Чевенгуре: зачем же мы будем мертвыми лежать... — Характеризуя топику сказочного «тридесатого царства», В. Пропп пишет: «В эту страну отправляются, чтобы получить власть над жизнью и смертью, над болезнью, над исцелением» (Пропп 1986, с. 290). М. Геллер интерпретирует диалог Александра с отцом в духе евангельского сюжета: «Отец посылает его с миссией в Чевенгур <...> Он мессия, являющийся не в ту утопию <...> Александр Дванов — чевенгурский Христос» (Геллер 1982, с. 224, 237). В связи с параллелью Дванов = Христос можно привести запись Платонова в блокноте 1943—1945 гг.: «Иисус был сирота. Искал отца. Иосиф — муж Марии, старик — не являлся отцом Иисуса и, вероятно, упр<екал> Марию. Тогда впечатлительный Иисус и <взял—?—утрач.> себе в родители отца <утрач.> общего. Так, возможно, из <утрач.> неисключительного случая, из обыденного детского горя все и пошло» (Записные книжки, с. 271).

Сцена разговора сына с давно умершим отцом будет одной из центральных в платоновской пьесе «Голос отца», которую М. Геллер называет эпилогом «Чевенгура» (Геллер 1982, с. 242). Эпизод вызывает ассоциации со сценой беседы Гамлета с Призраком: переключка подкрепляется и некоторым сходством характеров героев Шекспира и Платонова (собственно, «гамлетизм» и есть «фраздвоенность»).

«Шекспировский» подтекст образа Дванова сближает «Чевенгур» с романом Л. Леонова «Вор», главного героя которого — Векшина — принимаемый за его отца Манюкин называет «принцем Датским», «принцем Гамлетом» (см.: Леонов 1928, с. 207, 308).

67 [36] С. 282—283/275. ...Шумит волна на озере, / <...> / Сирота во сне... — Слова песни вызывают в памяти историю детства Саши Дванова (см. с. 27—28/28—29); в то же время песня Прокофия тематически и по общему настроению явно переключается с песней женщины-«русалки» (см. 289, 290), которую Прокофий и Пиюся не слышали.

68 [39] С. 334—335/325. ...он хотел полностью почувствовать желания Прокофия, вообразить себя его телом и его жизнью... — См. 14, 15.

69 [40] С. 339/330. Я раньше думал, что революция — паровоз... — См. 29.

70 [41] С. 368/357. Там был изображен человек лет двадцати пяти <...> уже нельзя было запомнить. — Фотография Александра была подарена Соне Захаром Павловичем (см. с. 109/107), однако на ней Дванову не могло быть более двадцати. Таким образом, либо он выглядит старше своих лет, либо давняя мимолетная встреча героев (см. с. 246/240) была не последней: с тех пор прошло уже около десяти лет (см. 346), и, возможно, речь идет о другой фотографии, на которой Дванов старше.

По «типажу» внешности герой сходен с самим автором романа — их роднит, например, аскетизм облика.; ср.: «Скромный молодой человек, очень бледный и чем-то в своем молодом облике напоминающий <...> Достоевского, хотя у пришедшего бледного молодого незнакомца бороды и в помине не было, как и усов» (Задонский 1975, с. 24); к этому портрету двадцатилетнего писателя можно добавить более позднее описание (30-х годов): «Черты некоторой старомодности <...> проскальзывали везде, и до сих пор Платонов представляется обобщенным портретом революционных демократов шестидесятых годов прошлого века» (Гумилевский 1994, с. 53).

71 ...показалось, что этот человек думает две мысли сразу... — В «бедняцкой хронике» «Впрок» Упоеву является во сне Ленин — «небольшой человек, думающий две мысли враз» (Возвращение, с. 130). В романе «Счастливая Москва» Самбинкин утверждает, что отличительным признаком человека является совместное функционирование головного и спинного мозга: «Тайна жизни состоит в двойственном сознании человека. Мы думаем всегда сразу две мысли, и одну не можем! У нас ведь два органа на один предмет! Они оба думают навстречу друг другу, хотя и на одну тему <...> Мы становимся людьми в объятиях нашей „двусмысленной“ мысли» (Счастливая Москва, с. 32).

С мотивом «двоемыслия» (конечно, не в оруэлловском значении этого слова) перекликаются в «Чевенгуре» суждения о людях, живущих «и так, и обратно», думающих «и так и иначе» (с. 102/101, 163/160).

72 [43] С. 405/391. У Дванова не было в запасе никакой неподвижной любви <...> скроются куда-нибудь или умрут постепенно. — Это противоречит словам героя в ответ на «упрек» Копенкина: «А разве мой отец не мучается в озере на дне и не ждет меня? Я тоже помню» (с. 398/385).

73 [45] С. 410/397. ...звук знакомого колокола Дванов услышал как время детства. — Вспомним возникший в начале романа мотив «детской родины» (с. 51/51). Ср. слова из неокон-

ченной повести Платонова «Дар жизни»: «Как вечное время, неподвижно стоит детство в воспоминаниях человека. Более позднее время, время юности и зрелости, течет, проходит и тратится в забвении, но детство лежит подобно озеру в безветренной стране нашей памяти и образ его хранится внутри человека неизменным до самой кончины...» (*Дар жизни*, с. 41). Мотив возвращения героя в «страну детства» будет звучать в рассказе «Такыр» и повести «Джан»: «Та детская страна находилась в черной тени, где кончается пустыня; там пустыня опускает свою землю в глубокую впадину, будто готовя себе погребение, и плоские горы, изглоданные сухим ветром, загораживают то низкое место от небесного света, покрывая родину Чагатаева тьмою и тишиной» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 14); характерно, что локусу «детской родины» приданы черты «потустороннего» мира. В финале «Глиняного дома в уездном саду» читаем: «Он никогда не узнал и не нашел точного расположения своего детского мира» (*Там же*, с. 127). В рассказе «По небу полуночи»: «Не бывает ли изредка во время человеческой жизни, что истинное движение в будущее можно начать только после возвращения в прошлое, — возвращения, когда люди словно припадают к своему детскому чувству матери, к своей забытой памяти, к первому и лучшему опыту жизни, без воспоминания о котором невозможно понять, что делать в будущем» (*Смерти нет!*, с. 169).

Платоновский образ «колокола детства» мотивирован автобиографически; в предисловии к сборнику «Голубая глубина» писатель вспоминал о своих детских годах: «Колокол „Чугунной“ церкви был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я» (*Собр. соч.*, т. 3, с. 487). Мотив колокольного звона по-своему предваряется в «китежском» очерке В. Короленко «Светлояр» (см. 305) — возникает отождествление «колокола детства» с «колоколом Китежа», зов потустороннего мира обретает амбивалентный смысл смерти-рождения; ср. рассказ о последнем светлоярском «старце», способном слышать звон «невидимого града»: «Выйду это я на зорьке на ранней на кресты невидимые помолиться, а оно и гу-у-удит и бу-у-хает, — говорил он при мне, детски радостно улыбаясь, изумленной толпе. — И колоколо-те, братцы, как наше, кузьмодемьянско. Давно я из дому, от Кузьмы-те Дамьяна ушел... Дитей малым. А колоколо наше помню. Этак же вот и здесь — ровно наше колоколо бухает на зорьке...»; «Раз утром его застали на лавочке, чистого, безмятежного и очевидно давно приготовившегося в дальний путь. Лицо его было счастливое, как у младенца... Вероятно, в последний час он слышал опять бухание родного колокола не то из глубины святого озера, не то из такого же святого детства...» (*Короленко 1971*, т. 3, с. 121—122). Ср. утверждение Фрейда: «Рай есть не что иное как массовая фантазия о детстве человека» (*Фрейд 1913*, с. 188).

Мотив «возвращения в детство» заставляет вспомнить и о характерном фольклорном сюжете: «Человек, путешествуя, оказывается в будущем времени — соответственно, возвращаясь из путешествия, он узнает, что отсутствовал целую эпоху, т. е. неожиданно для себя он возвращается во время, которое стало для него уже прошлым; путешествие в данном случае нарушает естественный временной процесс — меняя положение в пространстве, человек меняет положение и во времени. <...> Этот мотив близок к чрезвычайно распространенному мотиву посещения загробного мира» (Успенский 1994, т. 1, с. 43).

74 [45] С. 411/397 ...продолжая свою жизнь, сам сошел с седла в воду... — Учитывая амбивалентный образ «глубины-высоты», «озера-неба» (см. 293), можно воспринимать героя как парафраз образа Христа, смертью победившего смерть. Мотив возвращения к отцу в воду своеобразно реализован уже в «Эфирном тракте»; Михаил Кирпичников погибает во время катастрофы парохода в Атлантическом океане (*Собр. соч.*, т. 1, с. 189—190), а труп его сына Егора — арестованного случайно, однако отказавшегося назвать себя и потому казненного вместе с бандитами (тоже аналогия с Христом), брошен в воды Амазонки и смыт в Тихий (sic!) океан (*Там же*, с. 219). В повести «Джан» спуск Чагатаева в Сары-Камышскую впадину (где прошло его детство) может быть осмыслен как «эквивалент» погружения Дванова в озеро, тем более что путь Чагатаева к народу джан («джан» = душа) — это и метафорическое прикосновение к глубинам «душевности».

Данный мотив вновь заставляет вспомнить о влиянии идей Фрейда: анализируя сон одной из пациенток, в котором она бросалась в озеро, тот пояснял: «Сновидения этого рода — сновидения о родах <...> вместо броситься в воду — выйти из воды, — иначе говоря, родиться» (Фрейд 1913, с. 218). См. 96. «Погружение символизирует возврат к доформенному, в однообразный мир предсуществования. Всплытие повторяет космогонический акт проявления формы; погружение, напротив, равноценно разложению форм. Именно поэтому символизм Вод предполагает в равной степени как смерть, так и возрождение. Контакт с водой всегда заключает в себе некое возрождение: во-первых, потому, что за разложением следует „новое рождение“, а во-вторых, потому, что погружение „удобряет“ и множит жизненный потенциал. На антропологическом уровне водной космогонии соответствуют верования, утверждающие, что человечество зародилось в Водах. Потопу или периодическому погружению континентов (мифы, подобные мифу об Атлантиде) на человеческом уровне соответствует так называемая „вторая смерть“ человека <...> или причащающая смерть через крещение. Но как в космологическом, так и в антропологическом планах погружение в Воды означает не окончательное угасание, а временное возвращение в область

бесформенного, за которым следует сотворение новой жизни или „нового человека“» (*Элиаде* 1994, с. 83).

«Не погибая, не кончая самоубийством, но *продолжая свою жизнь*, соединяется Саша с первоначалом, хаосом, в котором когда-нибудь вновь родится жизнь» (*Ковсан* 1989, с. 63). «Смерть Дванова, как ни странно, до некоторой степени восстанавливает баланс вещества и пустоты, жизни и смерти, так как самоубийство Дванова не мотивировано ничем, кроме смутного природного чувства и уж во всяком случае не имеет ничего общего с логикой „социальной войны“. Умирая, Дванов воскрешает животворный смысл воды, превращая озеро-могилу в озеро-утробу <...> он воссоединяется не только с отцом, <...> но и с матерью. Он возвращается в утробу матери-земли (Мутево-мать), из которой появились на свет и он сам, и его отец, и все остальные люди» (*Карасев* 1995, с. 24).

Мотив «обратного рождения», соотношенный с образом «матери-земли», будет играть существенную роль в повести «Котлован», где «маточное место для дома будущей жизни» оказывается одновременно метафорой материнского лона и могилой; следует также учесть важность платоновского образа подземной «материнской воды», который станет сюжетобразующим в «Ювенильном море»; ср. «отождествление» воды и земли в повести «Джан»: «Суфьян сыграл немного на дутаре и спел про умную, сильную рыбу, плавающую в черной, глубокой земле» (*Собр. соч., т. 2, с. 105*). См. также 11.

2) Захар Павлович

75 [1] С. 23/24. ...Захар Палыч! — Имя «Захар» означает «Бог вспомнил» — ср. его пародийно-«сакральные» коннотации в повести «Город Градов»: «Сапожник Захар <...> каждый день будился от сна женою одинаковыми словами:

— Захарий! Вставай, садись за свой престол!» (*Взыскание погибших*, с. 96); персонажа зовут «Захарием Палычем», как и героя романа «Чевенгур».

76 [1] С. 32/32. ...и вышел вон из села. — Подобную «связку» мотивов — герой под влиянием паровозного гудка остро ощущает ход времени и стремится к новой жизни — встречаем в первой главе «Эфирного тракта» (данный фрагмент был исключен редакторами при публикации); ср.: «В городке звонарь отбивал часы на колокольне церкви Петра и Павла и колотушечник, старик, спрехвала постукивал. <...> Прошел час, потом еще час. Тонко, болезненно, навстречу пространству зашвистел паровоз скорого поезда и, не останавливаясь, минул городок. <...> Тогда Кирпичников встал и неожиданно догадался, что ему 20 лет, что он живет случайно и вся эта история никогда не повторится. Неужели он зря растратит свои короткие годы и не ухватится мертвой хваткой за соломинку жизни.

Неужели он проморгает такое сокровище и не поймет простого чуда: жить? Но понять это чепуха, надо завоевать все это бесхозяйственное имущество, именуемое жизнью. Кирпичников поглядел на городское поселение и сразу обрадовался» (цит. по: *Корниенко 1993а, с. 41*).

77 [1] С. 32/33. ...эта мелочь — великие мастера дружной жизни... — Эти суждения напоминают выводы А. Фореля — известного психолога и энтомолога, автора пятитомного труда «Общественный мир муравьев». Ср.: «Социализм муравейника несравнимо выше в отношении к устройству всех наших государств, штатов, союзов и обществ, в особенности поскольку дело касается единодушной общественной работы, единства действий и самопожертвования личности на благо общества. <...> В самом деле, я думаю, что постепенно накапливаемые и приводимые в систему социальные инстинкты муравьев являются значительно более мудрыми, чем те, которыми обладает *Homo sapiens*. <...> Что же мы можем сделать, чтобы стать более похожими на муравьев, оставаясь в то же время людьми? Трагические события мировой войны и последовавшей затем, начиная с 1919 г., войны экономической наводят на глубокие размышления; они побуждают нас к изысканию возможного решения человеческого социального вопроса на основании строго поставленных научных рассуждений» (Форель 1924, с. 26—27).

«Муравьиное» единство как воплощение «земного рая» вызывало в русской литературе XIX в. диаметрально противоположные оценки, становясь символом как утопии, так и антиутопии. Во-первых, актуальны ассоциации с известным фрагментом «Воспоминаний» Л. Толстого, где он говорит о старшем брате Николенке, который «объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. (Вероятно, это были Моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья.) И я помню, что слово „муравейные“ особенно нравилось, напоминая муравьев в кочке. Мы даже устроили игру в муравейные братья, которая состояла в том, что садились под стулья, загораживали их ящиками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу. <...> Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николенки закопать меня» (Толстой 1928—1958, т. 34, с. 386). Однако образ

муравьев не всегда связан у Толстого с положительными коннотациями: ср. в другом его тексте слова о жестокой «муравьиной гордости» (цитату см. в 264). Упомянутые Толстым Моравские (Богемские) братья — хилиастическая секта, членов которой считали близкими к таборитам (см. 104). Существен и образ зарытой палочки: ср. «обет» Саши Дванова — посох, оставленный им на могиле отца (с. 43/43, 247/241).

В книге М. Ласки «Утопия и революция» дан анализ функционирования «муравьиных» мотивов в истории культуры. Так, уже в книге «Притчей Соломоновых» муравей представлен как социальный идеал и образец трудолюбия: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою» (*Прит.* 6, 6—8; ср. хрестоматийно известную басню Крылова); в диалоге Платона «Федон», говоря о посмертных воплощениях душ умерших, Сократ предполагает, что добродетельные, «счастливейшие» люди окажутся среди пчел, ос или муравьев. Идеи цитированного выше труда Фореля найдут развитие в созданном в 20-х годах сочинении М. Метерлинка «Жизнь муравьев»: «Метерлинк был убежден, что <...> муравьи являются „одними из самых благородных, мужественных, милосердных, верных, щедрых и альтруистичных существ на земле“. Их „правительство“ „превосходит любое из тех, которые способны создать люди“; в социальных отношениях у них царит „мир, изобилие и полное братство“; что касается религии, то „больше добрых самаритян пробегает по тропкам муравейника, чем проходит по дороге между Иерусалимом и Иерихоном“. Вот где, оказывается, утопия для человечества, перспектива счастливой жизни <...> „Мы потеряли чувство коллективизма. Вернем ли мы его? Социализм и коммунизм, к которым мы движемся, означают шаг в этом направлении“» (цит. по: Ласки 1991, с. 173).

Отмечая, что «муравей, по крайней мере в виде интеллектуальной метафоры, вписывался в платоновский (имеется в виду древнегреческий философ. — Е. Я.), протестантский и — уж совсем хорошо — в прусский контекст», автор «Утопии и революции» приводит опубликованное в 1913 г. высказывание «железного канцлера» Бисмарка о его желании стать после смерти муравьем: «это маленькое насекомое живет в условиях совершенной политической организации <...> субординация, дисциплина и порядок достигли у них совершенства. Они счастливы, так как работают» (цит. по: Ласки 1991, с. 172). Вспомним и роман «Братья Карамазовы», где Инквизитор утверждает, что основная цель поисков человека на земле — «пред кем поклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник» (*Достоевский* 1972—1988, т. 14, с. 234—235). В первые послереволюционные годы идея «рационально» орга-

низованного человечества, представленного как нивелированная масса обезличенных «единиц», активно пропагандировалась А. Гастевым: «Пусть нет еще международного языка, но есть международные жесты, есть международные психологические формулы, которыми обладают миллионы. Вот эта-то черта и сообщает пролетарской психологии поразительную анонимность, позволяющую квалифицировать отдельную пролетарскую единицу как А, Б, С или как 325, 0,75 и 0 и т. п. <...> В его (пролетариата. — Е. Я.) психологии из края в край мира гуляют мощные грузные психологические потоки, для которых как будто уже нет миллиона голов, есть одна мировая голова. В дальнейшем эта тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления» (*Гастев 1919, с. 44*). Данные идеи вызвали, например, резкую критику А. Богданова, писавшего, что «эта чудовищная аракчеевщина есть, конечно, порождение не производственного коллективизма, а милитаристической муштровки» (*Богданов 1919, с. 50*); ср. также пародирование идей Гастева в антиутопии Е. Замятина «Мы» (где явно развиваются мотивы «Легенды о Великом Инквизиторе»). В контексте темы «Платонов и Пильняк» можно упомянуть об образе «безличностного» государства термитов в пильняковском рассказе 1925 г. «Жених во полуночи» (подробнее см.: *Кассек 1992, с. 174*).

Зловещая перспектива грядущего мирового господства муравьев в качестве «новой цивилизации» возникает в рассказе Г. Уэллса «Царство муравьев», в котором экспедиция англичан в лесах Амазонки наблюдает захватническую деятельность высокоразвитых насекомых; один из членов экспедиции, инженер Холрайд, размышляет: «В несколько тысячелетий человек из стадии варварства поднялся до такой ступени цивилизации, что почувствовал себя господином будущего и хозяином земли. Но что мешает и муравьям проделать такую же эволюцию? Почему бы им не выйти из нынешнего их состояния, как вышел человек из стадии варварства? Что если муравьи начнут накапливать знания, точь-в-точь как делали люди при помощи книг и изобретений, начнут применять оружие, основывать великие державы, вести планомерные и организованные войны?» (*Уэллс 1925, с. 34—35*). Выслушав рассказ инженера о муравьях, повествователь резюмирует: «Холрайд твердо убежден, что они, в конце концов, положат конец господству человека во всей тропической Южной Америке».

И почему бы им остановиться на Южной Америке? <...> В 1920 г. они будут уже на полпути к устью Амазонки. В 1950 или, скажем, в 1960 г. — не позднее того — они откроют Европу» (*Там же, с. 48*).

Сатирически-памфлетный образ муравьиного «царства разума» создан в одном из эпизодов написанной в 1921 г. (но не переводившейся на русский язык до 1959 г.) комедии К. Чапе-

ка «Из жизни насекомых»; ср., например, диалог Первого и Второго инженеров:

«Первый инженер. Хозяева земли — это мы.

Второй инженер. Наша Муравения.

Первый инженер. Величайшее государство мира.

Второй инженер. В-великая м-м-мировая держава.

Первый инженер. Величайшая демократия! <...> Муравения — самое миролюбивое государство на свете.

Второй инженер. Народ мира.

Первый инженер. Государство труда.

Второй инженер. Вот только нам необходимо мировое господство...

Первый инженер. Исключительно в интересах всеобщего мира...

Второй инженер. И с-своего мирного труда...

Первый инженер. В интересах прогресса...

Второй инженер. В интересах наших интересов! Когда мы покорим весь м-мир...

Первый инженер. Мы начнем покорять время. Мы хотим властвовать над временем» (*Чапек 1959, с. 252, 254*).

78 [2] С. 33/34. Без ремесла у Захара Павловича кровь от рук прилиwała к голове <...> каких при работе у него никогда не появлялось. — Противопоставление «головы» и «рук» неоднократно встречается не только в романе «Чевенгур», но и в других произведениях Платонова. Так, о герое повести «Ямская слобода» говорится: «Филат не мог, как все много работавшие люди, думать сразу — ни с того ни с сего, он сначала что-нибудь чувствовал, а потом его чувство забиралось в голову, грома и изменяя ее нежное устройство» (*Собр. соч., т. 1, с. 286*). В рассказе «Усомнившийся Макар» у героя «порожня голова» и «умные руки»: «Руки Макара находились в покое, их свободная умная сила пошла в его порожнюю емкую голову, и он стал думать» (*Возвращение, с. 157*). О героине повести «Джан» говорится, что «без труда думать она не умела» (*Собр. соч., т. 2, с. 43*).

Н. Корниенко предполагает, что в платоновских произведениях 20-х годов, возможно, отразились идеи выдающегося русского психиатра П. Ганнушкина (эту фамилию встречаем в «Чевенгуре» и в «Усомнившемся Макаре» — см. 626), уделявшего внимание «вредоносному действию умственного труда на психическое здоровье, в особенности при переключении на него работников физического труда» (*Корниенко 1998, с. 190*).

В связи с мотивом «взаимоперетекания» физической и психической энергии исследователи говорят о влиянии В. Оствальда — немецкого ученого и философа, основателя «энергетической» школы (*Дужина 1988, с. 313*); на русском языке издавался ряд его работ: «Философия природы», «Международный язык», «Энергетический императив», «Великий эликсир». По Оствальду, в мире все связано единым процессом перехода

и превращения энергии, в том числе духовная и физическая деятельность человека. «Общей задачей всех живых существ является стремление возможно дольше *задержать* процесс рассеяния энергии и во всяком случае направить его в интересах самой жизни. <...> Вся сумма технической, хозяйственной, как и государственной деятельности заключается в собирании и упорядочивании» (*Оствальд 1913, с. 104*). Высшим принципом жизнедеятельности цивилизации (который он считает ключом к счастью всего человечества) Оствальд выдвигает так называемый «энергетический императив»: не расточай энергии, но используй ее (*Там же, с. 137*).

79 ...он не мог превозмочь свою думу, что человек произошел из червя... — В книге Ницше «Так говорил Заратустра» читаем: «Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя» (*Ницше 1990, т. 2, с. 8*). По мнению В. Вундта, червь символизирует душу (связь червя и могилы): это воплощение «связанной души» (см.: *Клинггер 1911, с. 156*). Ср. также образ «царя-раба», «червя-бога» в оде Державина «Бог»; интересно, что в очерках М. Пришвина «У стен града невидимого», посвященных жизни раскольников и сектантов, описывается, как сектанты с религиозным благоговением распевают эту державинскую оду в качестве псалма (*Пришвин 1982—1986, т. 1, с. 393*).

Вариации образа червя встречаем во многих платоновских текстах. Например, в «Ответе редакции „Трудовой Армии“ по поводу моего рассказа „Чульдик и Епишка“»: «Человек вышел из червя. Гений рождается из дурачка. Все было грязно и темно — и становится ясным» (*Чутье правды, с. 88*). Фраза «Человек вышел из червя» появляется и в предисловии Платонова к сборнику стихов «Голубая глубина» (см.: *Возвращение, с. 69*).

Обратную ситуацию — превращение человека в червя — видим в рассказе «Тютень, Витютень и Протегален»:

«Жил глубоко под землей Протегален.

Сорок лет назад родила его мать в овине. Думала, что глист вылезает, глядь — ребенок. Это родился Протегален. До того он худ и длинен был, что мать звала его веревочкой, ветошкой, срамотой своей, на все лады, но не Ваней. А подросток Ваня, и прозвали его Протегаленьем, а кто тощей Верстой. <...> Пожил-пожил он, походил-походил и начал вдруг думать.

Потом нашел овраг поглубже и поглуше, выкопал в глине пещеру, набросал туда травы, наложил картошек на зиму с чужого поля и залез туда сам <...> переселился в другие края, себе по душе.

Края те просторные и пустынные и окружены черными горами. Эти горы выдолблены и внутри их живут великаны, как в землянках.

Светит неподвижное большое солнце, нет там ночей и вечеров. Тихо кругом, спят великаны в землянках, поле везде без

травы, и стоит посреди того мира Протегален, и хорошо ему, век бы стоял, он и стоит. <...> Сидел в пещере согнутый Протегален и умирал от своих радостных дум, которые сделали ему другую жизнь» (*Тютень, Витютень и Протегален*, с. 482—482).

Мотив «человека-червя» своеобразно воплотился в повести «Котлован» в образе безногого инвалида Жачева; заметим, что в силу антиутопической направленности данного произведения метафора «человек ползающий» (а не «летающий», если вспомнить хрестоматийную горьковскую антитезу) не связана здесь с отрицательной оценкой: «близость к земле» не воспринимается как недостаток.

Параллель человек — червь реализована в платоновском наброске романа «Македонский офицер»: здесь встречаем причудливый мотив «вынашивания» шелковичных червей женщиной: «Этот способ не давал смертности среди червей, самые черви были гораздо производительнее и, стало быть, вынашивание червей женщинами было весьма разумно для государственного хозяйства» (*Македонский офицер*, с. 247).

В платоновском рассказе «Броня» тема «человека-червя» сочетается с парафразом библейского мотива «возвращения в прах» (*Быт. 3, 19*); ср. сказку, которую женщина рассказывает мертвому ребенку:

Жили-были люди,
Померли все люди.
Нарожались черви,
Стали черви люди.
Черви все подошли,
И осталась глина

(*Смерти нет!*, с. 17).

В большинстве произведений Платонова 30—40-х годов червь лишается отрицательных коннотаций, предстает как составная часть космического единства всего живого, объединившегося против смерти; ср. в рассказе «Неодушевленный враг»: «Я понимал, что и комар, и червь, и любая былинка — это более одухотворенные, полезные и добрые существа, чем только что существовавший живой Рудольф Вальц» (*Собр. соч.*, т. 3, с. 67—68). Ср. в рассказе «Железная старуха» «диалог» маленького Егора с червем:

«— Ты кто? — спросил Егор, приблизив червя к лицу.

Червь дремал, он не шевелился в разжатой руке. От него пахло рекою, свежей землей и травой; он был небольшой, чистый и кроткий, наверно, детеныш еще, а может быть, уже худой маленький старик. <...>

— Давай я буду тобою, а ты будешь мною, — сказал червю Егор. — Я тогда узнаю, кто ты, а ты станешь как я, ты будешь человеком, тебе лучше будет.

— Червь не соглашался; он, наверное, уже спал, не подумав о том, кто такой Егор» (*Собр. соч., т. 3, с. 85—86*).

В рассказе «Любовь к родине, или Путешествие воробья» примечателен также образ старой змеи, живущей в райской стране «вечного лета»; несмотря на вероятный библейский подтекст эпизода, змея не вызывает никаких «дьявольских» ассоциаций: «У нее не было яда и зубов, она питалась тем, что глотала влажную почву, как червь <...> Воробей подружился с этой змеей. Он часто являлся к ней и смотрел в ее темные, приветливые глаза, и змея тоже глядела на воробья. Затем воробей уходил, и ему становилось легче жить в одиночестве после свидания со змеей» (*Там же, с. 264*).

80 [2] С. 35/36. Многими свойствами наделен человек; если страстно думать над ними, то можно ржать от восторга даже собственного ежесекундного дыхания. — Возможно, реминисценция из книги Л. Фейербаха 1841 г. «Сущность христианства», автор которой считает «самолюбование» и «самообожествление» человека важным фактором возникновения религии: «Сознание — это самоосуществление, самоутверждение, любовь к себе самому, наслаждение собственным совершенством. Сознание есть отличительный признак совершенного существа. Доказательством этого служит человеческое тщеславие. Человек смотрит в зеркало и испытывает удовольствие, созерцая свою фигуру. Это удовольствие является необходимым, произвольным следствием совершенства и красоты человека. Красивая форма довольна собой и естественно радуется этому, она отражается в себе самой» (*Фейербах 1925—1926, т. 2, с. 30*); здесь же, в поддержку собственных суждений, Фейербах приводит высказывание Цицерона: «Человек — апогей красоты для человека».

81 [4] С. 52—53/53. Он специально выходил ночью глядеть на звезды — просторен ли мир <...> но никак не мог почувствовать бесконечности. — Умонастроение Захара Павловича, воспринимающего Вселенную как огромную «мастерскую», диаметрально противоположно состоянию героя «Епифанских шлюзов» Бертрана Перри, на которого в ночь перед смертью «находит прозрение, похожее на прозрение Пьера Безухова во французском плену. Характер этого состояния не детализируется, но оно связано с осознанием огромности и архаичности русского неба и самой России <...> Эта «догадка» так непохожа на разум и расчет, на которых жизнь Перри зиждилась до сих пор. Она и есть *epiphany* (явление божественной истины, прозрения), давшее топоним и название повести» (*Найман 1998, с. 65*).

82 [6] С. 60/60. ...сам он поздно освоился с людьми и долго считал их умнее себя. — Практически то же самое говорилось о Дванове: «Саша же думал мало, потому что считал всех взрослых и ребят умнее себя и поэтому боялся их» (*с. 47/47*).

83 [6] С. 61/61. Захар Павлович последил за ним глазами <...> выше любого человека. — Здесь, вероятно, реминисценция из романа «Братья Карамазовы» — имеется в виду разговор Ивана с Алешей о «высшей гармонии», которая, по мнению Ивана, «не стоит <...> слезинки хотя бы одного <...> замученного ребенка»: «И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены» (*Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 223*). См. также 171, 362.

84 [8] С. 64/64. ...Захар Павлович слишком утомился и действительно предчувствовал свою тихую смерть <...> ловить рыбу и додумывать последние мысли. — Однако, вопреки предчувствиям, Захар Павлович остается в живых до самого конца романа.

85 [8] С. 66—67/66—67. Послали бы меня к германцу <...> это несерьезное, нарочное дело. — В этом парадоксальном высказывании намечена важная оппозиция умники — дураки, имеющая большое значение не только в романе «Чевенгур», но и в других произведениях Платонова. Так, герой повести «Сокровенный человек» Фома Пухов заявляет: «Я — природный дурак!» (*Собр. соч., т. 1, с. 396*). В повести «Строители страны» встречаем следующее определение (в «Чевенгуре» оно будет отнесено к Копенкину — см. с. 121/119): «Дураки — это те, кто считают общую жизнь умней своей головы» (*Строители страны, с. 366*). «Простак, дурак — эти слова у Платонова имели определенную окраску, менее всего уничижительную — скорее, ближе к сказочному значению. Обычно это человек, наделенный инстинктивной мудростью, вытекающей из доброты и естественной связи с миром природы и действительности, творцом которой он сам является (явное продолжение традиции федоровского деления на «ученых» и «неученых»)» (*Slivowscy 1983, с. 71*) — вспомним подзаголовок крупнейшего сочинения Н. Федорова: «Записка от неученых к ученым...» (*Федоров 1995—1997, т. 1, с. 35*). Ср. у ап. Павла: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее» (1 Кор. 1, 27—28); эти слова имеют прямое отношение и к платоновским «прочим» (см. 219).

Мотив «глупости», в нравственном отношении стоящей выше «учености», встречаем в рассказе Достоевского «Сон смешного человека»; здесь рассказчик говорит о заблуждениях людей после грехопадения: «„У нас есть наука, и через нее мы отыщем вновь истину, но примем ее уже сознательно. Знание выше чувства, сознание жизни — выше жизни. Наука даст нам премудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья — выше счастья“. Вот что говорили они, и после слов таких каждый возлюбил себя больше всех, да и не могли они

иначе сделать. <...> Стали появляться люди, которые начали придумывать: как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всех, в то время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе как бы и в согласном обществе. Целые войны поднялись из-за этой идеи. Все воюющие твердо верили в то же время, что наука, премудрость и чувство самосохранения заставят наконец человека соединиться в согласное и разумное общество» (*Достоевский 1972—1988, т. 25, с. 116—117*).

86 [9] *С. 73/73. ...у власти опять умнейшие люди дежурят — добра не будет. <...> Там дураки власть берут, может, хоть жизнь поумнеет.* — см. 85.

87 *Захар Павлович искал самую серьезную партию...* — Эти поиски представляют собой как бы «реализованную» метафору матримониальных намерений: ср. выражение «подходящая партия».

88 [9] *С. 76/76. ...за пятьдесят лет не принес никакой радости и защиты...* — Можно установить, что Захар Павлович родился во второй половине 1860-х годов.

89 [9] *С. 77/76. Большевик должен иметь пустое сердце, чтобы туда все могло поместиться...* — «Путешествие с пустым сердцем» — заглавие, которое первоначально было дано Платоновым первой части «Чевенгура». Ср. в платоновском стихотворении в прозе «Чтобы стать гением будущего...» (март 1921): «Кто ничего не знает и не умеет думать, тот великий художник. <...> Лучше всего быть ничем, тогда через тебя может протекать все. <...> Если вселенная — невеста, поющая звезда, то мы выше ее — она вся в нас, и у нас еще осталось много места» (*Жить ласково...*, с. 127—128). В заметке «Вечер Некрасова в коммунистическом университете» (авг. 1921): «Бессознательность — душа художника. Он должен быть пуст, чтобы смог вместить все. Он радостный, самозабвенный, нищий духом, в который входит мир, и потому художник блажен и стон превращает в восторг» (*Вечер Некрасова*). В очерке 1921 г. «Новогодняя фантазия. Жажда нищего (Видения истории)»: «Я настолько ничтожен и пуст, что мне мало вселенной и даже полного сознания всей истины, чтобы наполниться до краев и окончиться. Нет ничего такого большого, чтобы уменьшилось мое ничтожество, и я оттого больше всех. Во мне все человечество со всем своим грядущим и вся вселенная с своими тайнами» (*Жить ласково...*, с. 127).

Ср. мироощущение героя «Счастливой Москвы» Сарториуса, у которого «эмпатия», характерная и для Александра Дванова (см. 14, 16), выливается уже в стремление к реальному «перевоплощению»: «Воображение другой души, неизвестного ощущения нового тела на себе не оставляло его. Он думал о мыслях в чужой голове, шагал не своей походкой и жадно радовался пустым и готовым сердцем» (*Счастливая Москва*, с. 53; см. также 120). В художественном мире Платонова «срд-

цу эгоистическому, закрытому для людей (к примеру, полностью отданному машинам) противостоит открытое (пустое) сердце» (*Краснощечкова 1978, с. 11*). В статье 1937 г. «Андрей Платонов» А. Гурвич писал, что большевик в повести «Происхождение мастера» — «кроткий, нищий, освободивший свою душу от всего личного для всего чужого»; переходя к рассказу «Бессмертие» и обращая внимание на такую деталь, как любимая котомка Левина, критик заключает: «Нищая пустая котомка — это сердце „большевика“» (*Гурвич 1994, с. 369, 380*).

Вместе с тем в повести «Котлован» «опустошение сердца» означает лишение души, выветривание подлинной человеческой сути; о крестьянах, перешедших в «будущую жизнь» (т. е. ставших колхозниками), говорится: «После целования люди поклопились в землю — каждый всем, и встали на ноги, свободные и пустые сердцем» (*Взыскание погибших, с. 247*). С образом-понятием «пустое сердце» явно связан распространенный в платоновских рассказах военных лет мотив «пустодушия» — здесь мотив «пустоты» сопровождается резко отрицательными коннотациями: ср. рассказы «Пустодушие» (*Смерти нет!, с. 350—351*), «Одухотворенные люди», «Неодушевленный враг» (*Собр. соч., т. 3, с. 15, 64—64*).

Уместно привести дневниковую запись М. Пришвина от 5 ноября 1925 г.: «Пустота непременно входит в состав души поэта, все равно, как на мельничном колесе пустые ящики, в которые льется вода. Льется чужая жизнь в пустоты поэтического колеса и тут принимается на мгновение, как своя собственная, а этот миг пребывания чужого в своем дает не менее полезное движение, чем то же очень кратковременное наполнение пустой ячейки турбины.

Душа поэта непременно должна быть пуста, как турбина» (*Пришвин 1999, с. 350*).

Интересно, что как раз во время работы Платонова над романом, в 1927 г., была переведена на английский язык и стала доступна для европейского читателя «Тибетская книга мертвых»; согласно ей, умерший, встречаясь с Чистым Светом, воспринимает его «как он есть в Мире Бардо, где все вещи подобны ясному безоблачному небу, а обнаженный незамутненный разум — прозрачной пустоте, у которой нет ни границ, ни центра» (*Книга мертвых 1992, с. 39*). Комментируя этот фрагмент, К. Юнг писал: «„Пустота“ — есть состояние за пределами каких бы то ни было суждений или утверждений, однако вся полнота ее многообразных проявлений скрытно пребывает в душе» (*Юнг 1992, с. 12*).

Ср. также в одной из поздних статей М. Хайдеггера: «Пустота сродни собственному существу места и потому она вовсе не отсутствие, а про-изведение. <...> В глаголе „пустить“ звучит впускание в первоначальном смысле сосредоточенного со-бирования, царящего в месте.

Пустой стакан значит — собранный в своей высвобожденности и способный впустить в себя содержимое. <...> Пустота не ничто» (*Хайдеггер 1993, с. 315*).

90 [9] С. 78/77. У всякого человека в нижнем месте целый империализм сидит... — «Буквальное» воплощение получает идея «власти пола». Еще в ранней публицистике Платонов резко противопоставляет разум и инстинкт: «Мы живем в то время, когда пол пожирается мыслью. Страсть темная и прекрасная изгоняется из жизни сознанием. <...> Пол — душа буржуазии. Сознание — душа пролетариата. <...> Наша общая задача — подавить в своей крови древние горячие голоса страсти, освободить себя и родить в себе новую душу — пламенную победившую мысль» (*Собр. соч., т. 3, с. 519*). Ср. также интерпретацию Платоновым романа Достоевского «Идиот»: «Достоевский бился на грани мира пола и мира сознания. <...> Мышкин — родной наш брат. Он вышел уже из власти пола и вошел в царство сознания. Только одно осталось у него от прежнего — сожаление. <...> Князь Мышкин — пролетарий: он рыцарь мысли, он знает много; в нем душа Христа — царя сознания и врага тайны» (*Там же, с. 519—520*). «Коммунистическое общество — это общество мужчин по преимуществу <...> Равноправие мужчин и женщин — это благородные жесты социалистов, а не истина — и истиной никогда не будет. <...> Человечество — это мужество, а не воплощение пола — женщина. Кто хочет истины, тот не может хотеть и женщины» (*Чутье правды, с. 118*).

Здесь слышатся явные отголоски идей Н. Федорова, который, критикуя буржуазную цивилизацию, писал: «В нынешнем <...> обществе, следующем природе, т. е. избравшем себе за образец животное, все направлено к развитию половых инстинктов. Вся промышленность, прямо или косвенно, возникает из полового подбора» (*Федоров 1995—1997, т. 1, с. 278*). «Говоря о мотиве целомудрия у Платонова, необходимо принять во внимание общую атмосферу, в которой возникал этот мотив. Это была реакция на эксцессы теории и практики так называемой „свободной любви“, считавшейся в то время признаком освобождения человека. Платонов к тому же придерживался традиций революционного аскетизма, идущего от Чернышевского и „Катехизиса революционера“ Нечаева. В философии звучали еще наставления В. Соловьева, который, особенно в „Оправдании добра“, ратует за преодоление полового инстинкта ради высшего идеала» (*Любушкина 1988, с. 408*).

91 [34] С. 244/238. ...рабочий человек — очень слабый дурак... — Смысл фразы неясен; вспомним, что ранее Захар Павлович отдавал «дуракам» явное предпочтение перед «умниками» (см. с. 66—67/66—67, 73/73).

92 [34] С. 244/238—239. В вашем Чевенгуре целое отношение людей нужно <...> Из железа я тебе что хочешь сделаю.

а из человека коммуниста — никак! — Противопоставление «целого отношения» (т. е. целостной системы отношений) и материального объекта напоминает логику героя повести «Сокровенный человек»: «Вы делаете не вещь, а отношение! — говорил Пухов, смутно припоминая плакаты, где говорилось, что капитал не вещь, а отношение; отношение же Пухов понимал как ничто» (*Взыскание погибших*, с. 135).

Но оппозиция вещь — отношение заставляет вспомнить и об источниках иного рода, нежели «плакаты»: например, о произведении Бергсона. Так, автор «Творческой эволюции» говорит о соотношении инстинкта и интеллекта: «Интеллект не дает <...> врожденного знания о каком-либо предмете. <...> Что же может он знать, — он, не знающий ни одной вещи? Наряду с *вещами* есть *отношения*. Новорожденное дитя не познает ни определенных предметов, ни определенного качества какого-либо предмета; но когда потом при нем припишут какое-либо свойство предмету, дадут какой-нибудь эпитет существительному, он сразу же поймет, что это значит. Отношение сказуемого к подлежащему схватывается им естественным путем. <...> Итак, если рассмотреть, *что в инстинкте и в интеллекте относится к врожденному знанию, то окажется, что это знание в первом случае касается вещей, а во втором — отношений*. <...> Материя — это то, что дается способностями восприятия, взятыми в их первозданном виде. Форма — это совокупность отношений, устанавливаемых между этими материальными данными для получения систематического знания. <...> интеллект — в том, что в нем есть врожденного, — является познанием формы, инстинкт предполагает познание материи» (Бергсон 1998, с. 161—162). В работе, посвященной анализу теории относительности Эйнштейна, Бергсон пишет: «Старение и длительность принадлежат к категории качеств. Никакое усилие анализа не в состоянии разложить их на количества. Вещь остается здесь отличной от своей меры, которая принадлежит скорее пространству, представляющему время, а не времени самому по себе. Совсем иначе дело обстоит с пространством. Его мера исчерпывает его сущность. В этом случае особенности его структуры, открытые и определенные физикой, принадлежат самой вещи, а не точке зрения на нее нашего сознания. Еще лучше, если мы скажем: они — сама реальность; вещь является на этот раз *отношением*» (Бергсон 1923, с. 152).

3) Машинист-наставник

93 [2] С. 36/36. ...он все паровозы поставил бы на вечный покой... — Смысл фразы парадоксален: «вечный покой» — синоним смерти, поэтому получается, что высшим проявлением «ревнивой любви» машиниста-наставника к паровозам было

бы их «умерщвление». Определение, данное этому персонажу («сомневающийся в живых людях старичок»), тоже намекает на глубинную «смертоносность» его мироощущения.

94 Он считал, что людей много, машин мало; люди — живые и сами за себя постоят, а машина — нежное, незащитное, ломкое существо... — Ср. рассуждения героя платоновского рассказа военных лет «Житейское дело» Антона Гвоздарева: «Душа машины есть расчет, — понятно? А глупость, что делается без расчета. Это вот когда человека лечат или сначала строят, там можно как попало, там все равно выйдет, потому что живому больно, он запищит и скажет, где у него сделано неладно <...> А машина — это вам не человек и не скотина, ее надо строить точнее, чем живое существо: она ведь не скажет, где у нее больно и плохо, она будет терпеть до разрушения! Вот где труд-то, это вам не любовь!» (*Собр. соч., т. 3, с. 151*).

95 [5] С. 54/54. Ты возьми птиц! Это прелесть, но после них ничего не остается — потому что они не работают! — В слове «прелесть», наряду со значением «красота», актуализируется значение «обольщение, обман, соблазн, совращение от злого духа» (*Даль 1979—1980, т. 3, с. 393*). В кругу вопросов, решаемых героями романа, один из важнейших — проблема целесообразности труда. Высказывание машиниста-наставника содержит прямую полемику с одним из известнейших в христианской культуре суждений на эту тему — словами Иисуса из Нагорной проповеди: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. <...> Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. <...> Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут, но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. <...> Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (*Матф. 6, 25—34*).

96 [8] С. 68/68. ...никакой смерти он не чувствовал <...> от своего слишком большого старого роста... — Актуализированный в сцене смерти машиниста-наставника мотив «возвращения в воду» своеобразно предвосхищает финал романа — погружение Александра Дванова в озеро (см. 74). С другой стороны, эпизод можно осмыслить как символическую «отмену» рождения персонажа, идеология которого оказалась несостоятельной: в свете «технократических» лозунгов машиниста-наставника его собственное существование и рождение (как, впрочем, и любого человека) оказываются в конечном счете ненужными.

Э. Найман, вслед за М. Геллером, обращает внимание на данную сцену в контексте сопоставления Платонов — Фрейд. Ср. цитату из книги «Толкование сновидений»: «Бывают

сновидения о местностях и ландшафтах, о которых спящий еще в самом сновидении утверждает категорически: „Там я уже был когда-то!“ Эта местность всегда — половая сфера матери; <...> В основе большого числа сновидений, сопряженных обычно с чувством страха и имеющих своим содержанием прохождение по узким улицам и плавание в воде, лежат мысли об утробной жизни, о пребывании в утробе матери и об акте рождения» (Фрейд 1913, с. 217—218); связь образа воды с символикой рождения рассмотрена Фрейдом в «Лекциях по введению в психоанализ» (см.: Фрейд 1922—1923, т. 1, с. 167—168). Мотив возвращения в материнское лоно, соотносящегося со смертью, раем и т. п., в романе Платонова напоминает концепцию О. Ранка, изложенную в его книге 1924 г. «Травма рождения» («Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse»); ее довольно подробное резюме находим в: Волошинов 1927, с. 61—63.

«Возвращение в чрево» (regressus ad uterum) — распространенный мотив «второго рождения» в обрядах посвящения (Элиаде 1994, с. 123; Элиаде 1995, с. 84—90). «Смерть в сознании первобытного общества является рождающим началом <...> Образ рождающей смерти вызывает образ круговорота <...> Три наших понятия — „смерть“, „жизнь“, „снова смерть“ — для первобытного сознания являются единым взаимно-пронизанным образом. Поэтому „умереть“ значит на языке архаических метафор „родить“ и „ожить“, а „ожить“ — умереть (умертвить) и родить (родиться)» (Фрейденберг 1997, с. 63—64).

«Второе рождение», ожидаемое платоновским персонажем, напоминает реинкарнацию, представление о которой распространено в традиционных восточных культурах. Так, например, вторая часть «Тибетской книги мертвых» — «Сидпа Бардо» — это наставление для пребывающего в Промежуточном Состоянии, когда умерший устремляется к Новому Рождению (Книга мертвых 1992, с. 111). Вместе с тем наиболее ценной признается способность воздержаться от нового рождения, хотя сделать это непросто: «Не найдя тела, чтобы войти в него, ты останешься недовольным и почувствуешь себя так, будто тебя проталкивают в узкие щели и расщелины скал и валунов. Эти страдания возникают в Промежуточном Состоянии при устремлении к новому рождению. Ты ищешь тело и не находишь ничего, кроме страданий. Отринь свою жажду иметь тело; смири свой ум; действуй так, чтобы там остаться» (Там же, с. 125—126). По этому поводу К. Юнг отмечает, что состояние Сидпа характеризуется мощным потоком кармы, уносящим умершего к «воротам материнского чрева» — к новому рождению, в сферу животного инстинкта; переход из состояния Сидпа к более высокому состоянию Чёнид характеризуется сознательным отказом от устойчивого «я» и подчинением крайней неопределенности, воплощенной в хаосе форм, т. е. к

потере «самости», устранению антитезы субъекта и объекта (Юнг 1992, с. 16, 20).

Ср. мнение одного из известных исследователей индийской мифологии: «В таких формах современного искусства, как живопись и поэзия, встречаются элементы, которые можно интерпретировать как отражающие пренатальный опыт, и отдельные специалисты, как и художники, по-видимому, вполне осознают этот аспект и значение психиатрической теории. <...> В индийской культурной традиции, внутри которой ряд индивидуумов верит и им верят, что они хранят воспоминание о прежнем существовании, память о собственной пренатальной жизни не находится в противоречии с общей культурной моделью»; «Современная „секуляризованная“ жизнь западного мира не имеет ничего равного архаическим обрядам, которые давали возможность человеку через определенные промежутки уничтожать время и переживать обновление своего мира. <...> Если современная наука подтвердит, что возможно припомнить и снова пережить начало собственного существования, культурное воздействие такого развития вряд ли можно переоценить. Кажется, что современные художники сейчас одними из первых исследуют интуитивно путь, ведущий к миру, который был забыт и индивидуально, и западной культурой, и снова открывают возможности расширения сферы человеческого знания» (Кейпер 1986, с. 129, 146).

Возможно, сцена «Чевенгура» содержит евангельскую реминисценцию — ср. эпизод беседы Иисуса с фарисеем Никодимом: «Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3, 4—5).

Укажем также на пародийное использование отмеченного мотива в щедринской «Истории одного города»: «Яшенька, с своей стороны, учил, что сей мир, который мы думаем очима своима видети, есть сонное некое видение, которое насылается на нас врагом человечества, и что сами мы не более как странники, из лона исходящие и в оное же лоно входящие» (Щедрин 1947—1950, т. 2, с. 356).

97 [8] С. 68—69/68—69. В протоколе написали, что старший машинист-наставник получил смертельные ушибы <...> Происшествие имело место благодаря неосторожности самого машиниста-наставника... — М. Геллер видит здесь многозначительный символ: «Паровоз убивает машиниста» (Геллер 1982, с. 183). На первый взгляд явно неподходящее к ситуации слово «благодаря» может быть воспринято не только как ошибка составителей протокола, но и как авторская характеристика: смерть персонажа словно представляется желательной.

Эпизод «убийства» человека машиной может быть соотнесен с популярной в литературе первой половины 1920-х

годов темой «бунта машин»: ср., например, одноименную пьесу А. Толстого, написанную в 1924 г. по мотивам пьесы К. Чапека «RUR» (1920; рус. пер. — 1924). Отметим, что названия «Восстание машин» и «Мятеж машин» носят неоконченные рассказы В. Брюсова (соответственно, 1908 и 1915 г.) — см.: *Брюсов 1976, с. 95—103*. Тема «бунта машин», по существу, лежит в основе «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка (см.: *Яблоков 1992а*). Ср. также финальный эпизод «Чевенгура»: явление безжалостной «машинальной армии» (см. 970).

4) Бог

98 [13] С. 98/97. ...психической, самодельно постриженной бородкой. — Вероятно, имеется в виду не только неправильная, дикая форма бородки (вследствие неумелой стрижки), но и то впечатление, которое она придает лицу (нервное, пугливое и т. п.).

99 — Эй мешаный, уходи отсюда! — «Мешанец» — животное или человек от смеси разных пород, убоженок, выродок (*Даль 1979—1980, т. 2, с. 373*); более вероятной кажется связь со словом «помешанный».

100 ...этот человек считал себя богом и все знал. — Ср. в рассказе «Тютень, Витютень и Протегален»: «Тютень считал себя богом и потому был покоен, доволен и благ. <...> Сатаной же Тютень считал Витютня. <...> Тютень <...> хотел избить Витютня: нету царя кроме бога, бог же есть он, а Витютень — главный черт, раз не видит бога в Тютне» (*Тютень, Витютень и Протегален, с. 480, 482*). В статье Платонова 1920 г. «О нашей религии» читаем: «Но что такое Бог, тайна... Это тоже человек, его же образ, но далеко отодвинутый им от себя. Человек долго шел к этому своему дальнему образу — и теперь дошел.

Он сам теперь Бог, но не тайна, т. к. тайна самой для себя быть не может — себя знает каждый, в этом и есть разгадка жизни, ее свет, непогасимое пламя — знание себя» (*Чутье правды, с. 85*).

Ср. рассказ «В звездной пустыне»: «В последнее время, время накануне восстания масс на вселенную, много стало таких людей, которые поклонялись человеку, молились на него и часто умирали от своей безысходной, невыносимой любви» (*В звездной пустыне*).

В записной книжке 1921 г., цитируя афоризм Ницше: «Бог умер, теперь хотим мы, чтоб жил сверхчеловек» (см.: *Ницше 1990, т. 2, с. 57*), — Платонов замечает: «Т. е. Бог приблизился ко мне, стань мною, но самым лучшим, самым высшим мною — сверхмною, сверхчеловеком. Это просто „реализация

Бога", как и все учение о сверхчеловеке» (*Записные книжки*, с. 17). Ср. также запись 1926 г.: «Бог есть и бога нету»:

Он рассеялся в людях, потому что он Бог и исчез в них, и нельзя быть, чтобы его не было, он не может быть и вечно в рассеянности, в людях, вне себя» (*Там же*, с. 257).

Мотив появления бога среди людей не без комизма будет обыгрываться в «бедняцкой хронике» «Впрок»: появляющийся в деревне «бог-отец» — с электрическим нимбом вокруг головы и голубем в руке — остается «трудиться второстепенным кузнецом. Он оказался кочегаром-летуном астраханской электростанции, тронувшимся в путь в виде бога-отца для проповеди святой коллективной жизни и для подыскания себе почетного счастья в колхозе» (*Возвращение*, с. 118). В повести «Джан» один из персонажей — «старый перс по прозвищу Аллах» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 91).

Идея «превращения» человека в бога имеет в истории культуры давнюю традицию. Одной из составных частей историко-культурного контекста, в который «вписан» платоновский роман, является богатая история хилиастических учений, настаивавших на возможности и необходимости осуществления Царства Божия на земле. Например, в 20-х годах XVI в. Т. Мюнцер заявлял: «Мы, земные люди из плоти, сделаемся богами в силу воплощения Христа и будем учениками бога, и он будет поучать нас, и мы будем обожествляться. Да, мы совсем превратимся в него, и земная жизнь перейдет в небесную» (цит. по: *Каутский 1924—1925*, т. 1, с. 123). Мотив обожествления человека — неотъемлемый атрибут истории раскольниковских, сектантских общин в России. Исследователь сектантства А. Пругавин писал о секте хлыстов: «Хлысты прежде всего верят в *обожествление* людей, <...> верят в то, что „живой Бог“ может воплотиться в человека» (*Пругавин 1917*, с. 68); в начале XVIII в. среди них появился первый «Христос» — Иван Суслов, «за Сусловым явился, как говорит хлыстовская легенда, второй Христос, Прокопий Лупкин, за Лупкиным — множество других» (*Никольский 1988*, с. 281). «Хлысты не различали между Богом-отцом, Богом-сыном и Святым Духом, соединяя три ипостаси в одну и, далее, сливая их с собственными лидерами» (*Эткинд 1998*, с. 49). Ср. также эпизод из истории секты духоборов: «Подлинным основоположником секты духоборцы считают Илариона Побирохина <...> Он в 80-х годах XVIII в. объявил себя Христом и выбрал из числа своих последователей 12 „апостолов“ <...> Карьера Побирохина кончилась на том, что он со своими апостолами торжественно вступил в Тамбов, объявляя, что идет судить вселенную, но был арестован и сослан в Сибирь» (*Никольский 1988*, с. 301). Можно вспомнить также об идеях Г. Сковороды, считавшего Бога «умнейшим человеком» и утверждавшего, что «истинный человек и Бог — одно и то же» (см.: *Багалей 1923*, с. 31).

Немалое влияние на культуру XIX—XX вв. оказала книга Л. Фейербаха «Сущность христианства», в которой, вместо религиозного культа, проповедовался культ человека — «антропотейзм, или по русскому выражению Достоевского, человекобожие» (Булгаков 1993, с. 176); ср.: «Сознание бога есть самосознание человека, познание бога — самопознание человека. <...> В религии <...> выражается отношение человека к самому себе, или, вернее, к своей сущности, которую он рассматривает как нечто постороннее. Божественная сущность — не что иное как человеческая сущность, очищенная, освобожденная от индивидуальных границ»; «Номо homini deus est — таково высшее практическое основание, таков и поворотный пункт всемирной истории. Отношение ребенка к родителям, мужа к жене, брата к брату, друга к другу, вообще человека к человеку, короче, моральные отношения сами по себе суть истинно религиозные отношения» (Фейербах 1925—1926, т. 2, с. 36—37, 278). См. также 185.

Ср. «богочеловечество» — возникшее в 70-х годах XIX в. в среде интеллигенции религиозно-этическое учение, приверженцы которого «доказывали, что во всех религиях человек, в сущности, всегда боготворил самого себя <...> что, постепенно совершенствуясь морально, человек <...> может приблизиться к самому Богу, слиться с ним, объединиться с Богом <...> При таком состоянии людей естественно должны прекратиться и исчезнуть из мира всякие антагонизмы» (Пругавин 1918, с. 56—57); в 1874 г. члены секты эмигрировали в Америку и основали в штате Канзас общину, которая, однако, просуществовала лишь два года. Члены общины поддерживали связь с Л. Толстым, который, например, писал одному из них: «Мне радостно думать, что у нас с вами вера одна» (Там же, с. 74). Проблема «человекобожия» — одна из важнейших в творчестве Достоевского; ср., например, рассуждения Кириллова в романе «Бесы»: «Если нет бога, то я бог» (Достоевский 1972—1988, т. 7, с. 574). В начале XX в. революционное «человекобожие» нашло выражение в ряде произведений Горького — «Человек», «На дне», «Мать».

Характерен эпизод очерков М. Пришвина «У стен града невидимого», когда старый сектант по имени Дмитрий Иванович просит автора передать в Петербурге привет Д. С. Мережковскому, с которым, однако, у него имеются разногласия: «Он плотского Христа признает, а, по-нашему, Христа во плоти нельзя разуместь. Коли Христос плотян, так он мужик, а коли мужик, так на что он нам нужен, мужиков и так довольно» (Пришвин 1982—1986, т. 1, с. 451). В очерке «Астраль», входящем в цикл «По градам и весям», Пришвин вспоминал о поездках на Светлое озеро и встречах с миром мистического сектантства: «Я видел там, как наивная народная вера в бога — дедушку с седой бородой и в Христа — адвоката грешников перед строгим Судьей исчезала у простых людей и

заменялась верой в божественность своего личного „я“ и как это „я“ совершенно так же, как у наших декадентов, не достигая высшего „я“, равного „мы“, где-то на пути своего развития застревало, и каждый такой „сознательный человек“ делался маленьким богом, царем своего маленького царства» (*Там же*, т. 2, с. 583).

По предположению М. Геллера, Платонову была известна книга К. Каутского «Предпшественники новейшего социализма», выдержавшая до и после 1917 г. несколько изданий на русском языке. Первое из них вышло в 1907 г. с предисловием автора, который писал о важности сообщаемых им сведений именно для России, «ибо нигде оппозиционные секты, порождаемые христианством, до самой реформации включительно, не могут встретить столько понимания и интереса, как в России, в которой и донныне еще существуют религиозные секты, носящие такой же характер. То, что для нас, в Западной Европе, представляет собою только исторический интерес, — то в России является средством для уразумения известной доли настоящего. <...> Соответствие духовной жизни многих русских сект с духовной жизнью коммунистов, рассматриваемых в моей книге, представляет собой новое доказательство верности материалистического понимания истории и ошибочности того воззрения, согласно которому все мышление русского крестьянина представляет собою продукт совершенно особенного славянского или русского народного духа, оригинальность которого осталась совершенно непонятной и необъясненной. Те же самые формы мышления религиозной оппозиции, какие в XIX столетии существуют в России, существовали также в средние века в Германии, в эпоху Римской империи в странах, окружающих Средиземное море, когда были даны аналогичные социальные или политические условия <...> Чем, кроме сходства социальных и политических условий, можно объяснить тот факт, что все оппозиционные движения низших, беднейших классов, как в эпоху Римской империи, так и в Средние века и в России XIX столетия заимствовали у христианства всегда одни и те же идеи, истолковывали его всегда в одном и том же смысле?» (*Каутский 1907, с. IX—X*).

Каутский считал, что влияние сектантства в России стало уже довольно слабым: «Прежний русский „народный дух“ исчез, а вместе с ним исчезло и христианское сектантство, как одна из форм живой оппозиции против государства и общества. Сектантство это может просуществовать еще некоторое время, но не будет иметь влияния на национальное развитие» (*Там же, с. XII*). Однако российские авторы смотрели на вещи иначе. Так, Бердяев писал: «Официальный русский мессианизм, связанный с господствующей церковью и господствующим государством, прогнил и разложился. Но жив иной мессианизм, связанный с русскими странниками и искателями Града Божьего и правды Божьей» (*Бердяев 1916, с. 317—318*). Социал-демо-

краты видели в сектантах потенциальную революционную силу, которую намеревались использовать: «С водворением сектантства в деревнях мы имеем в наличии весьма восприимчивый материал для всякой социально-политической пропаганды» (*Бонч-Бруевич 1902, с. 324; см. также: Эткин 1998, с. 633—635*). В этом же духе оценивал характер будущей революции Луначарский: «Христианство России переживает уже издавна тяжелый религиозный кризис, истинная подкладка которого, несомненно, социально-экономическая. Раскол и сектантство многие рассматривают как издавна грозящие элементы чего-то вроде Реформации XVI века, а потому иные полагают даже, что в России предстоит революция, скорее, в одежде религиозной, чем откровенно-экономической, ибо по количеству своему крестьянство сыграет-де в ней главную роль, наложит на нее свою печать. <...> Часть этого обширного класса деревенской бедноты уйдет в промышленный пролетариат и здесь постепенно естественно воспримет религию научного социализма. Значительная же часть деревенского люда долго будет метаться между надеждой и отчаянием. <...> Тут раздолье фантастическим христианско-коммунистическим настроениям. Возможно тут появление апокалиптически настроенных движений, готовых с диким фанатизмом исполнять волю Божию и на развалинах господской культуры построить неясно маячащую идиллию какой-то смутно чаемой Правды Божией» (*Луначарский 1908—1911, т. 2, с. 180, 182*).

Несмотря на то, что после большевистского переворота в стране развернулась агрессивная (а подчас и репрессивная) антирелигиозная пропаганда, один из исследователей сектантства во второй половине 20-х годов констатировал: «Мы стоим перед фактом несомненного роста сектантских организаций. <...> Если в царской России сектанты исчислялись в 5 миллионов человек, то теперь мы не ошибемся, если определим их число в семь с половиной миллионов <...> сектантскими юношескими организациями по СССР охвачено 1 700 000 человек, т. е. приблизительно столько же, сколько комсомолом» (*Клибанов 1928, с. 40, 55*); к тому же, наряду с трудолюбием членов сект, для них была характерна достаточно активная политическая позиция: «В сектантской деятельности громадное место занимает организация трудовых коммун, и сектанты при каждом удобном случае говорят, что они-то и есть истинные коммунисты» (*Там же, с. 45*).

В связи с «человекобожескими» мотивами в «Чевенгуре» можно обратить внимание на утопический роман Г. Уэллса «Люди-боги», вышедший в русском переводе в 1923 г.: его сюжет основан на том, что несколько англичан попадают как бы в иное «измерение» — в «параллельный» мир (который они называют Утопией); это «совмещение» двух пространственно-временных континуумов — следствие научного эксперимента утопийцев (*Уэллс 1923, с. 249—250*). Вдохновленный открыв-

шимся ему зрелищем идеального общества главный герой романа Барнстэпл решает по возвращении положить все силы на преобразование его родного мира: «И вдруг в душе мистера Барнстэпла родилась мысль, что отныне он духом и телом принадлежит Революции, Великой Революции, которая подготавливается на земле; она шагает вперед и никогда не остановится, не успокоится, пока старая Земля не превратится в единое государство, пока не водворится в ней утопия. <...> Земля пойдет путем, проложенным утопией. <...> И когда совершится эта Великая Революция, когда Земля выйдет на яркий дневной свет, тогда исчезнет бремя человеческих бедствий и мужество изгонит печаль из людских сердец. Земля, которая теперь не более как дикий край, иногда ужасный, в лучшем случае живописный, — дикий край, с пятнами зелени на почве, расковырянной ради пропитания, с лачугами, грязными проулками, с кучами отбросов, — Земля тоже станет обильна красотой, станет прекрасна, как прекрасна эта великая страна. <...> — Была бы только твердая воля, — сказал мистер Барнстэпл. — Была бы только воля» (*Там же*, с. 261—263). Мотивы романа Уэллса — образы «Единого государства», «последней революции» и т. п. — получают полемическое воплощение в публицистических и художественных произведениях Е. Замятина.

101 [13] С. 98—99/97—98. ...питался непосредственно почвой... — Вероятно, здесь находим пародийную реминисценцию из державинской оды «Бог» («Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь — я раб, я червь — я Бог!»): платоновский персонаж, назвавшийся богом, питается почвой, то есть остается «червем» (*Васильев 1989*, с. 175). Стремление персонажа уподобиться растению по способу питания перекликается с идеей «автотрофности»; см. также 354.

Как замечает М. Дмитриовская, первое в платоновском творчестве упоминание о питании землей встречается в «Расказе о многих интересных вещах», непосредственно после описания «рая» (см. 333): «Шли долго по лицу планеты. Питались глиной бордовой, испражнялись сухим пометом» (*Старик и старуха*, с. 91). Данный мотив получит мрачно-гротескное освещение в пьесе «Шарманка», где Щоев, организуя «вечер испытаний новых форм еды», заявляет: «Мы всю природу в яство положим, всех накормим дешевым вечным веществом...»; Евсей докладывает ему: «Суп из крапивы готов, щи из кустарника с дубовым салом — париться поставил, механические бутерброды лежат на посту, компот из деляческого сока — на крыше холодится, котлеты из чернозема жарятся. Что касается каши из саранчи и муравьиных яиц, то она преест, Игнат Никанорович! Все прочее — также мобилизуется на плите, а сладкое из клея и кваса поспело первым» (*Взыскание погибших*, с. 564, 566).

5) Копенкин

102 [15] С. 111/109. ...влечение к ней — не ради обладания, а для защиты угнетенной женской слабости. — Ср. в романе «Война и мир» сцену объяснения Андрея и Наташи: «В душе его вдруг повернулось что-то: не было прежней поэтической и таинственной прелести желания, а была жалость к ее женской и детской слабости» (Толстой 1928—1958, т. 10, с. 225).

103 Звали его Степан Копенкин. — Фамилия персонажа упоминает фамилию героя «Рассказа о многих интересных вещах» — Копчиков. В ранней редакции романа имя Копенкина — Стратилат; сам себя он именует: «Стратилат Копенкин, по-уличному Ермак» (*Строители страны*, с. 360, 375); персонаж с таким именем фигурирует и в записях Платонова начала 30-х годов: в это время писатель работал над неизвестным нам романом о Стратилате (Корниенко 1993а, с. 195). День памяти мученика Андрея Стратилата (1 сентября н. ст.) Платонов считал днем своего рождения (на самом деле он родился 28 августа); таким образом, Копенкин в повести «Строители страны» должен был, по-видимому, воплощать автобиографические черты; характерно, что в этой повести Софья предпочитала всем влюбленным в нее персонажам именно его: «Зачем ей Дванов, Гратов и Геннадий, когда теплота ее будущего скрыта в одном Копенкине, таком нелепом, благородном и милым?» (*Строители страны*, с. 374).

Как отмечал Л. Шубин, в «Памятной книжке Воронежской губернии на 1863—1864 годы» упоминаются два брата Копенкины, Алексей и Иван, которые жили в 60-х годах XIX в. в Ямской слободе, т. е. именно там, где позднее родился и вырос сам Платонов; их потомки, скорее всего, существовали в Воронеже и в начале XX в. «Копенкины (Капенкины) — нередко встречаемая в Воронежской губернии фамилия. <...> Немало Копенкиных можно обнаружить и в современном телефонном справочнике по городу Воронежу» (Ласунский 1999, с. 239).

М. Геллер полагает, что «фамилия, которую дал писатель своему герою, содержит намек на множество значений, подчеркивающих внутреннюю бесформенность персонажа, многообразие пожирающих его стремлений и желаний, их неопределенность, их благородство и бессмысленность. В имени „Копенкин“ есть значение — копна, копенка — собранная в кучу грудa сена, есть — опенок — гриб, обрастающий стволы и пни деревьев, и очевиден корень — копьё» (Геллер 1982, с. 193); сопоставление «внутренней формы» фамилии с копьём подчеркивает сходство Копенкина с героем Сервантеса, имя которого — «Кихот» — связано со словом «кихоте» — набедренник (элемент доспехов). Вспомним, что уже Г. Литвин-Молотов именовал Копенкина «советским дон-кихотом» (см. ч. I).

Е. Толстая, указывая на то, что герой Платонова — одновременно и «рыцарь бедный», и «защитник бедных», пишет: «Здесь налицо сходство с гоголевским капитаном Копейкиным, также защитником обездоленных, сниженным вариантом „благородного разбойника“» (Толстая 1980, с. 205). «Копенкин — трагикомическая фигура, сочетающая смешной и острый идеализм Дон Кихота с жадной к смерти и возмездью, ассоциирующейся с всадником Апокалипсиса» (Bethea 1989, p. 177). Об интерпретации образа Дон Кихота в русской литературе XIX — начала XX в. см., напр.: Есипова 1998.

104 [15] С. 111/110. Он командир полевых большевиков... — Возможно, образ «полевых большевиков» возник вследствие переосмысления такой исторической реалии, как полевые (военные) общины таборитов — членов религиозного «коммунистического» братства в Богемии (Чехии) начала XV в. «Полевые» табориты являлись регулярным войском (по существу, первым в Европе), необходимым для защиты Табора от церковных и светских властей (см.: Каутский 1924—1925, т. 1, с. 222—223). «Табориты считали себя частью Божьего воинства, которое должно было выступить из городов, деревень и замков с началом всемирной катастрофы. Они избрали пять городов, предназначенных к спасению от всемирного разрушения, и массы людей устремились в эти убежища, намереваясь создать там коммунальные общины» (Мэньюэль Ф., Мэньюэль Фр. 1991, с. 23—24).

То, что «рыцарь Розы» у Платонова является в то же время командиром «полевых большевиков», вводит еще одну культурно-историческую ассоциацию: противопоставление розы и лилии. «Полевые лилии» — цветы, упоминаемые в Нагорной проповеди (см. 95): как и они, командир «полевых большевиков» тоже «не заботится о завтрашнем дне». «Лилия, служившая у римлян символом надежды, у народов Востока издавна являлась символом чистоты и невинности, лишь в средние века она стала одним из атрибутов Девы Марии; любопытно, что в истории усвоения и канонизации этих атрибутов католической церковью между теологами произошел спор: одни из них высказывались в пользу розы, другие в пользу лилии; отзвуки этого спора достигли и русской письменности и встречаются, например, у Максима Грека» (Алексеев 1984, с. 369). Характерно, что платоновский «большевик», ассоциирующийся с «полевой лилией», вместе с тем стремится к «розе» (Розе Люксембург) как к иной «ипостаси» большевизма.

Следует также учитывать традиционную антитезу лилии и розы, выступающих как куртуазные эмблемы девственности и сексуальности (см. Пеньковский 1999, с. 411); ср., однако, в книге Вяч. Иванова «Rosarium» двуступище «Rosa Sophia», где эти символы имеют, скорее, обратные значения:

Плоть вздохнула: «да будет!» — и Лилия томная встала.

«Fiat» — София рекла; Роза ответила: «есмь»

(Иванов 1911, т. 2, с. 166).

105 [15] С. 112/110. Он хочет завести семейные армии. — Ср. историю красного Богучарского полка, формировавшегося из добровольцев: «Вначале Богучарский полк имел огромнейший обоз, в котором ездили жены и дети. <...> В икольских боях под Бобровом (1918 г.) и в атаках на этот город участвовали не только богучарцы, но и их жены. Наблюдались и такие случаи, когда во время перерыва боев сын являлся смелить отца, племянник — дядю, брат — брата» (*Октябрьская революция 1927, с. 80*). «Здесь были целые роты односельчан, взводы родичей и соседей. Здесь были целые семьи» (*Красненко 1939, с. 224*). «Слава Богучарского полка разнеслась далеко за пределы Воронежской губернии. Его имя наводило панику на казачьи посты, недаром казаки составили новый куплет к знаменитому „Яблочку“:

Эх, казак, куда котишься,
К богучарцам попадешь,
Не воротисься»

(*Октябрьская революция
1927, с. 81*).

Летом 1919 г. на базе Богучарского и других полков была создана 40-я Богучарская дивизия (*Очерки истории 1967, с. 52—53*; см. также: *Малаховский 1939*); интересно, что Платонов был знаком с поэтом этой дивизии Моисеем Забытым (настоящая фамилия — Шевцов): «В 1920 году М. П. Шевцов жил в Воронеже, позднее крестьянствовал в Новомеловатке Богучарского уезда и снискал себе известность как певец деревенской бедноты. Селькор бывал на губернских съездах работников печати, где встречался с Платоновым» (*Ласунский 1999, с. 250*).

106 [15] С. 112/111. Его международное лицо не выражало сейчас ясного чувства, <...> черты его личности уже стерлись о революцию. — В специфическом платоновском словоупотреблении («международное лицо») объединены две характеристики персонажа: идеологическая, социально-политическая (интернационализм) — и этнически-сословная (неброская внешность). По поводу портретных свойств платоновских героев В. Ристер говорит об «отрицательной характеристике»: «Они настолько похожи друг на друга, что именно сходство, а не дифференциация характеризует их внешность» (*Ристер 1988, с. 135*).

В ранней редакции романа Копенкин изображался с точки зрения Софьи Александровны: «Она все время рассматривала Копенкина и вспоминала, где она видела его лицо — просто-народное и нежное, некрасивое и грустное. Копенкину было

лет тридцать. Грубость солдата в нем была не своя: он надувался, когда говорил с Мрачинским или Никитой. Сам он был какой-то иной: неизвестная мечта руководила им сильнее всякой естественной страсти. Поэтому глаза Копенкина всегда глядели наоборот: он смотрит на человека, но человек может ему показать кулак, и Копенкин не сразу заметит. <...> Софья Александровна начинала понимать душу Копенкина: это хитрость и вдохновение, бережный пахарь и рыцарь-расточитель». Дванов здесь говорит о Копенкине: «Копенкин, это человек пролетарской эпохи возрождения! <...> Мы живем в первые дни гуманизма... Посмотрите, какая благородная сила дышит в этом Копенкине — это как будто современник Данте» (*Строители страны*, с. 362, 364).

107 [15] С. 113/111. Врагов Розы, бедняков и женщин я буду косить, как бурьян! — Совпадение форм родительного и винительного падежей для существительных «бедняков» и «женщин» позволяет поставить их в однородный ряд как со словом «врагов», так и со словом «Розы». Поддавшись двусмысленности, Б. Парамонов интерпретировал слова Копенкина так: «Врагов и женщин я буду косить, как бурьян» (*Парамонов 1987*, с. 340); того же мнения В. Чалмаев: «Копенкин <...> хотел крушить саблей буржуев и женщин» (*Чалмаев 1989а*, с. 335). Но, конечно, платоновский персонаж выражает намерение *защищать* женщин и бедняков наравне с Розой: недаром, увидев Соню, Копенкин «сразу почувствовал влечение к ней — не ради обладания, а для защиты угнетенной женской слабости» (с. 111/109); он же предлагает выпить, «чтобы набраться силы для защиты всех младенцев на земле» (с. 112/110). Ср. также реакцию Мрачинского на первое упоминание об убитой Розе Люксембург: «Женщин ранить до смерти недопустимо» (с. 112/111).

Слова Копенкина напоминают речи Дон Кихота, называющего себя «защитником угнетенных и мстителем за обиженных»; ср. финал его монолога о Золотом Веке: «И вот для защиты добродетели, так как время шло и зло возрастало, был учрежден рыцарский орден, чтобы охранять девушек, защищать вдов и помогать сирым и нуждающимся» (*Сервантес 1924*, с. 17, 32—33 — в этом издании роман Сервантеса дан в переводе В. Нарбута, который в 1918—1919 гг. редактировал в Воронеже журнал «Сирена» и был одним из организаторов клуба журналистов «Железное перо», где неоднократно бывал Платонов). Ср. монолог героя в ранней редакции «Чевенгура»: «В память бессмертной Розы мы сделаем земной шар домом матери и ребенка! У всякой женщины есть груди и верный взор красивого друга — то же самое, как у первой женщины всего мира — Розы! За это — все женщины охраняются моим мечом» (*Строители страны*, с. 363).

108 [17] С. 120/118. — Поедем на могилу Розы! — Для Копенкина, ведущего революционную «войну за веру», могила

Розы Люксембург подобна «Гробу Господню», к которому стремились крестоносцы.

109 Копенкин надеялся и верил, что все дела и дороги его жизни неминуемо ведут к могиле Розы Люксембург. — Л. Фоменко отмечает, что Платонов строит всю картину жизненного поведения Копенкина как конкретизацию романтической метафоры «рыцарь революции»: «Реализация и конкретизация абстрактного понятия и выражение его через поступок-жест — очень распространенный стиливой прием в прозе Платонова. На этом принципе построен целиком его роман „Чевенгур“. <...> Абстрактные понятия, входящие в систему общественного сознания, Платонов реализует, конкретизирует и выражает через поступки-жесты, удивляющие своей странностью и необыкновенностью и требующие от читателя дешифровки» (Фоменко 1985, с. 40—41). Ср.: «По жанру „Чевенгур“ — это рыцарский роман, со всеми бедами и подвигами, ему положенными» (Эпштейн 1990, с. 147—148).

110 [17] С. 121/119. Копенкин же действовал без плана и маршрута, <...> а Грошиков тем более. — Здесь находим объяснение тому, что «полевые большевики», которых их командир Копенкин «отпустил к женам на двое суток» (с. 112/110), в дальнейшем на страницах романа не появляются.

В связи с «бесплановыми» действиями персонажа можно привести суждение исследователя о стиливой манере самого автора «Чевенгура»: «В платоновской прозе очевиден отказ от изначального проектирования событий, сюжетных линий и планов поведения персонажей — все движется само собой. Изображаемое деперсонализируется, депсихологизируется и не определяется никакой внутренней телеологией» (Подорога 1989, с. 23).

111 [21] С. 149/146. В первый раз тогда Копенкин рассек кулака с яростью. — М. Геллер замечает, что «страсть к Розе вызывает у Копенкина страсть к убийству. Ибо любовь к Розе — противоестественна <...> Платонов любит своих героев, но беспощадно открывает тайну их души: любовь к революции привела одного к некрофилии — страсти к трупу, другого к отказу от живой невесты ради идеи революции» (Геллер 1982, с. 195).

Платоновский «рыцарь Розы» больше озабочен поиском врага, нежели достижением конкретной цели. Уместно привести фрагмент работы Вл. Соловьева «Смысл любви» (Статья третья): «Средневековая любовь была, конечно, связана и с жаждой подвигов. Но эти воинственные и истребительные подвиги, не имея никакого отношения к вдохновлявшему их идеалу, не могли вести к его осуществлению. Даже тот бедный рыцарь, который совсем отдался впечатлению открывавшейся ему небесной красоты, не смешивая ее с земными явлениями, и он вдохновлялся этим откровением лишь на такие действия, кото-

рые служили более к вреду иноплеменников, нежели к пользе и славе „вечножественного“» (Соловьев 1990а, с. 170—171).

112 [22] С. 152/149. ...вдруг выйдет великан — хранитель старого строя. — Борьба с великанами — одна из основных задач, которые ставил перед собой герой Сервантеса: хрестоматийно известный эпизод этой борьбы — «сражение» с ветряными мельницами (см.: *Сервантес* 1924, с. 24—25).

113 [23] С. 173/169. Копенкин больше всего боялся чужого несчастья и мальчиком плакал на похоронах незнакомого мужика обиженной его вдовы. — Ср. слова повествователя о Захаре Павловиче: «Его сильно тронуло горе и сиротство <...> он хотел бы без отдыха идти по земле, встречать горе во всех селах и плакать над чужими гробами» (с. 29/30).

114 [24] С. 174/171. ...мать и Роза было одно и то же первое существо для него... — Ср. сходное переживание в сне Дванова: «Дванову снилось, что он маленький мальчик и в детской радости жмет грудь матери <...> пугался на шее матери увидеть другое лицо — такое же любимое, но не родное» (с. 142/140). Образ «матери-цветка» получает развитие в повести «Джан» — ср. слова Чагатаева: «Гюльчатай — моя мать, горный цветок» (*Собр. соч., т. 2, с. 8*).

115 [31] С. 216/211. Копенкин и раньше встречал детские забытые места в тех уездах, где он жил, странствовал и воевал. — Ср. возвращение Дванова «в детство» в финале романа: см. 73.

116 [38] С. 309/301. ...Копенкин догадался, что в Чевенгуре нет никакого коммунизма — женщина только что принесла ребенка, а он умер. — Ср. в статье 1920 г. «Знамена грядущего»: «Большие — только предтеча, а дети — спасители вселенной <...> коммунистическая Россия есть единственная обитель детей на земле и все большие должны пасть жертвой за эту обитель грядущего» (*Чутье правды, с. 130—131*). «Дети у Платонова — инкорпорация чистого будущего человечества; по ним, по их физическому здоровью автор судит о ценности социальных проектов» (*Дрозда* 1975, с. 102).

Мотив смерти ребенка и страданий детей как антитеза грядущей «гармонии», восходящий к Достоевскому (см. 83), возникает уже в раннем творчестве Платонова — напр., в рассказе «Лунная бомба» (см.: *Собр. соч., т. 1, с. 45—46*). О пьесе «Дураки на периферии» (текст не сохранился), написанной совместно Платоновым и Пильняком, последний рассказывал, что она кончалась смертью ребенка, которого комиссия решила воспитывать «на началах науки и техники» коллегиально (см.: *Что пишут драматурги* 1928, с. 7). Смертью ребенка завершается пьеса Платонова «14 Красных Избушек, или „Герой нашего времени“» (см.: *Живя главной жизнью, с. 352—356*). Мотив этот в полной мере реализуется в «Котловане»: после смерти Насти Вошев «уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и

в убежденном впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?» (*Взыскание погибших*, с. 280).

117 [38] С. 312/303—304. — Лучше б музыка договаривала, что ей надо, — волновался Копенкин. — По звуку — это он меня к себе зовет... — Ср. в пьесе «Высокое напряжение» слова Мешкова: «О чем это всегда играет музыка? Она как будто всегда обещает человеку друга. Светлое будущее...» (*Высокое напряжение*, с. 162). В «Котловане» читаем: «Вощев слушал музыку с наслаждением надежды, <...> но ничего не мог совершить равнозначного музыке» (*Взыскание погибших*, с. 170). «Императивный» характер музыки подчеркнут и в повести «Джан»: «Музыка всегда играет ради победы, даже когда она печальная» (*Собр. соч., т. 2, с. 8*).

Аналогия музыки со звучащим словом напоминает рассуждения Г. Спенсера, который в статье «Происхождение и деятельность музыки» рассматривает ее в функциональной связи с человеческой речью, своеобразно уравнивая и отождествляя их. «Тот язык эмоций, который музыкальное образование развивает и утончает, по значению своему уступает только языку разума, а может быть, даже и ему не уступает»; «Смутные чувства неизведанного блаженства, пробуждаемые музыкой, — эти неопределенные впечатления неведомой, идеальной жизни, вызываемые ею, могут быть приняты за пророчества, орудием выполнения которых музыка сама отчасти служит. Странную способность нашу так сильно поддаваться впечатлениям мелодии и гармонии можно считать указанием как на то, что возможность достижения тех глубоких наслаждений, которые она смутно внушает, лежит в пределах нашей природы, так и на то, что мелодия и гармония сами некоторым образом содействуют достижению этих наслаждений» (*Спенсер 1900, с. 174—175*).

Ср. также монолог Позднышева, героя толстовской «Крейцеровой сонаты»: «Страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? <...> Она действует не возвышающим, не принижающим душу образом, а раздражающим душу образом. <...> Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение <...> Она, музыка, сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душою и вместе с ним переносюсь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю. <...> И потому музыка только раздражает, не кончает. Ну, марш воинственный сыграют, солдаты пройдут под марш, и музыка дошла; сыграли плясовую, я проплясал, музыка дошла; ну, пропели мессу, я причастился, тоже музыка дошла, а то только раздражение, а того, что надо делать в

этом раздражении, — нет. И оттого музыка так страшно, так ужасно иногда действует. В Китае музыка государственное дело. И это так и должно быть. Разве можно допустить, чтобы всякой, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом бы делал с ними что хочет. <...> Эти вещи можно играть только при известных, важных, значительных обстоятельствах, и тогда, когда требуется совершить известные, соответствующие этой музыке важные поступки. Сыграть и сделать то, на что настроила эта музыка» (Толстой 1928—1958, т. 27, с. 61—62). О самом авторе «Крейцеровой сонаты» его сын вспоминал: «Иногда музыка волновала его против его воли, даже мучила его, и он говорил: „Que me veut cette musique?“ (Чего хочет от меня эта музыка? — Е. Я.)» (Толстой 1965, с. 393).

118 [42] С. 374/363. Босой Копенкин поднимал степь, успешную статью целиной, силою боевого коня. — Сопоставляя образы двух платоновских «рыцарей» — Копенкина и Пашинцева, Н. Арсентьева подчеркивает, что в символике их фамилий «заключена идея настоящего жизненного предназначения героев, связанного с крестьянским трудом» (Арсентьева 1994, с. 297). Можно сказать, что в эпизоде пахоты на Пролетарской Силе «реализован» лозунг о «союзе пролетариата с крестьянством».

6) Достоевский

119 [19] С. 130/128. ...свины, наевшись, метались потом в бреду по деревне. <...> шел медленным важным шагом, обремененный неизвестным достоинством. — Явная вариация на тему евангельского эпизода, в котором Иисус изгоняет из помешанного целый легион бесов: «Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло» (Лк. 8, 32—33). Данный фрагмент Евангелия послужил эпиграфом к роману «Бесы» — видимо, отнюдь не по случайному совпадению в «Чевенгуре» среди мечущихся по деревне свиней явится «хромой гражданин», назвавшийся Федором Достоевским; в традиционных представлениях хромота — один из главных признаков дьявола: учитывая это, можем сопоставить платоновского персонажа — как пародийного «двойника» Достоевского — с чертом Ивана Карамазова.

120 [19] С. 131/129. Федор Достоевский задумал эту кампанию в целях самосовершенствования граждан... — Е. Толстая отмечает реминисценцию из книги В. Шкловского «Третья фабрика» (в которой, в частности, рассказано о встрече автора с «инженером Платоновым»): «Видали детский дом. 400 подкидышей по трое в кровати. Они больны малярией и госпитализмом. Отсутствием личной судьбы. Ребенку она нужна. Фа-

милли у этих детей новые: Тургенев, Достоевский» (Шкловский 1926, с. 130).

Намерения персонажа «Чевенгура» интерпретируются как рефлекс мифологического сознания: «Перенимая <...> „мифологизированное“ имя, новый денотат как бы старается перенять также его ценности, так как мифологическое сознание предполагает внутреннюю связь и тождество имени и его носителя» (Ристер 1988, с. 143). Исследователи говорят о коммунах из Ханских Двориков как о «перекрещенцах» (Гальцева, Роднянская 1988, с. 222), реализующих идею нового, второго рождения, что напоминает практику членов секты анабаптистов (по-русски называемых именно «перекрещенцами»).

Мотив переименования, сопряженный с идеей «новой судьбы», намечен уже в одном из первых рассказов Платонова — «Маркун»: «Ты не только то, что дышит, бьется в этом теле. Ты можешь быть и Федором, и Кондратом, если захочешь, если сумеешь познать их до конца, то есть полюбить. Ведь и любишь-то ты себя потому только, что знаешь себя увереннее всего. Уверься же в других и увидишь многое, увидишь все, ибо мир никогда не вмещался еще в одном человеке» (*Собр. соч., т. 1, с. 25*). В дальнейшем этот мотив становится все явственнее. В рассказе «Иван Жох»: «Мы так устали, что не ощущали полностью себя, сомневаясь — те ли мы самые, что когда-то были детьми и имели родных матерей; точно ли звали меня Алексеем — и не обменялся ли нечаянно я на кого-то другого в трудном фантастическом пути» (*Епифанские шлюзы, с. 101—102*). Смена имени реализует идею «перемены личности». Так, о герое «Счастливой Москвы» Сарториусе говорится, что «быть непрерывным, одинаковым человеком он не мог, в нем наступала тоска»; «он нес свое тело как мертвый вес, — надоевшее, грустное, пережитое до бедного конца»; «конституция Сарториуса находится в процессе неопределенного превращения» (*Счастливая Москва, с. 51*); герой испытывает желание «скрыться и пропасть среди всех», «жить жизнью чужой и себе не принадлежащей»: «выбирая, кем ему стать», он в конце концов становится «вторым человеком своей жизни» — «Иваном Степановичем Груняхиным, 31 года, работником прилавка» (*Там же, с. 54*). При этом «Сарториус» — уже не первая «ипостась» героя: «Его отцовская фамилия была не Сарториус, а Жуйборода» (*Там же, 24*; ср. также «отпочковавшийся» от «Счастливой Москвы» рассказ «Московская скрипка» — *Московская скрипка, л. 70, 94; Скрипка, с. 480*). В романе Сарториус говорит жене: «Лучше ты превратись в кого-нибудь другого или стань собакой, зверем, чем попало — все равно ведь будешь жить, если самой собой ты быть не можешь и злишься!» (*Счастливая Москва, с. 73*). Ср. также его фразу «Что я один? Стану как город Москва» (*Там же, с. 50*) и платоновский набросок в записной книжке 1935 г.: «Сартор<и>ус в конце своих перевоплощений убеждается, что для свершения его

жизн<енной> задачи и удовлетворения любовью (далее) ему самому необходимо стать Москвой, — и на перевоплощении в нее, в женщину — спасительницу мира, — он кончается и кончается роман» (*Записные книжки*, с. 162). Желание «перевоплотиться» испытывают и другие персонажи — так, Божко рассуждает: «Надоело как-то быть все время старым природным человеком: скука стоит в сердце» (*Счастливая Москва*, с. 40). Среди более поздних произведений Платонова обращает на себя внимание рассказ «Железная старуха», где проблема самоидентификации и идея «смены личности» даны в «наивном» выражении, усиливающим их философскую глубину: «— Давай я буду тобою, а ты будешь мною, — сказал червя Егор. <...> ты будешь человеком, тебе лучше будет. <...> — Мне надоело быть все Егором и Егором, — говорил мальчик один. — Я хочу быть еще чем-нибудь» (*Собр. соч.*, т. 3, с. 86). Мотив «перемены личности» найдет выражение и в рассказе «Девушка Роза», героиня которого после зверских пыток «не помнит теперь, кто она сама» (*Там же*, с. 124). См. также 203, 219, 233.

Мотив «переименований» напоминает об ономастических играх самого автора «Чевенгура»: Климентов (изначальная фамилия; характерно этимологическое значение патронима: «милостивый, снисходительный») / Платонов (новая фамилия — от имени отца, однако неизбежны и ассоциации с древнегреческим философом) / Фирсов (псевдоним от имени деда; имя Фирс происходит от слова «тирс» — жезл Диониса, увитый виноградом и увенчанный сосновой шишкой: символ Диониса как бога плодоносящих сил земли — *МНМ* 1991, т. 1, с. 380) / Человеков (псевдоним с предельно обобщенным значением, но вместе с тем «воскрешающий» этимологию имени Андрей — «человек»).

Касаясь реальных аллюзий, необходимо отметить, что комментируемый эпизод платоновского романа отразил распространенную практику послереволюционных лет. Например, в подготовительных материалах к книге П. Флоренского «Ономастология» имеется выписка из статьи Г. Ненарадова «Комсомольское Рождество», помещенной в газете «Известия» 8 января 1924 г.; в ней, в частности, говорится: «В Иваново-Вознесенске на рождественских праздниках стали перекрещиваться: <...> Демидов Петр — Лев Троцкий, Марков Федор — Ким, Смолин Николай — Марат Тендро, Гусев Павел — Лев Красный, Клубышев Николай — Рэм Пролетарский, Уваров Федор — Виль Радек <...> Не только комсомолы и партийцы „перекрещиваются“, но нет отбоя и от беспартийных.

— Товарищ, прошу меня перекрестить.

— Фамилия?

— Дворянкин, беспартийный.

— Как хочешь называться?

— Красный Боец» (цит. по: *Флоренский* 1993, с. 267—268).

Ср. также результаты реального социологического исследования, проводившегося в конце 20-х годов: проанализировав более 600 газетных объявлений о перемене имен и фамилий, И. Шпильрейн выделил, в частности, такую тенденцию, как «избрание придуманной фамилии, свидетельствующее о желании подражать лицам или течениям идеализируемым. Сюда относятся случаи избрания фамилии Ворошилов вместо Григорьев, Алов вместо Алтаев, Крыленко, Раковский вместо Рако, Тимирязев вместо Хренова, Майский вместо Монахова» (Шпильрейн 1929, с. 284).

Как отмечает В. Скобелев (Скобелев 1974, с. 25), мотив «переименования» в «Чевенгуре» вызывает ассоциации с эпизодом романа Артема Веселого «Страна родная» (1925 г.); ср.: «Улицы кувырком: Бондарная — Коммунистическая, Торговая — Красноармейская, Обжорный ряд — Советский. Вшивую площадь и ту припочли, — сроду на ней галахи в орлянку резались, вшей на солнышке били. Заведующий отделом управления, вчерашний телеграфист Пеньтюшкин, большой был искусник на такие штучки. Полухоноша, полупоэт, он всегда изнывал от желания творить: то подавал в чека феерический проект о поголовном уничтожении белогвардейцев во всероссийском масштабе в трехдневный срок; то на заседании исполкома предлагал устроить неделю повального обыска, дабы изъять у обывателей излишки продуктов, мануфактуры, обуви; то представлял в совнархоз проект постройки гигантского кирпичного завода; то посылал в губернский город донос на местного комиссара здравоохранения, который, по слухам, и т. д. Даже самые глухие и жителями забытые переулки — Заплатанный и Песочный — были переименованы в Дарьяльский и Демократический. В последнее время Пеньтюшкин, не досыпая ночей, лихорадочно разрабатывал проект о новых революционных фамилиях, которыми и думал в первую очередь наградить красноармейцев, рабочих и советских служащих» (Веселый 1958, с. 480).

121 [19] С. 133/131. Достоевский обрадовался: он окончательно увидел социализм. <...> жизнь настолько счастлива, что — бесшумна. — Ср. образ земного рая, Золотого века в рассказе Достоевского «Сон смешного человека» и романе «Подросток» (см. 28, 331). «Платоновский чудак Игнатий Мошонков, взяв себе имя автора „Сна смешного человека“, становится одновременно и персонажем Достоевского. Герой Платонова не случайно берет себе имя писателя, гневно высмеивавшего мечту о хрустальном дворце. „Хрустальный дворец“, социализм, строит в деревне Ханские Дворики бывший Мошонков, ныне Достоевский» (Геллер 1982, с. 198—199).

122 [19] С. 133—134/131. ...он сидит сороковые сутки без сна и в самозабвенной задумчивости: чистоплотные красивые девушки приносят ему вкусную пищу — борщ и свинину, но уносят ее целой обратно... — Сочетание мотивов «сорока дней»

и «пищи» соотносит идиллическую ситуацию с Великим постом или сороковинами — большими поминками на сороковой день после смерти. См. также 709.

123 [19] С. 134/132. — Но все-таки я вот похудел от руководства революцией в своем районе. — Понятно: ты здесь всем текущим событиям затычка, — поддерживал Копенкин достоинство Достоевского. — В сущности, слова Копенкина резко контрастируют с намерением «поддержать достоинство Достоевского»: неизбежна ассоциация с ироническим фразеологизмом «каждой бочке затычка» — тем более на фоне «реализованной» метафоры «текущие события». Даже изменение внешнего облика Достоевского («похудел») начинает восприниматься как его физическое «приспособление» к выполнению функций «затычки».

7) Пашинцев

124 [22] С. 149/147. ...товарища Пашинцева... — Фамилия Пашенцев принадлежала одному из старейших рабочих Воронежских железнодорожных мастерских (где работал П. Ф. Климентов, отец писателя); в 1927 г. И. С. Пашенцеву было присвоено звание Героя Труда (см.: *Очерки истории 1967, с. 117*).

125 [22] С. 153—154/151. Из разверзшейся двери выступил небольшой человек <...> был мал ростом и не особо страшен. — «Пашинцев выведен как пародия на рыцаря революции» (*Сейранян 1978, с. 112*). «Очередной рыцарь революции <...> носит фамилию Пашинцев, хотя не только сам не пахнет, но и не советует этого другим мужикам. Человек небольшого роста, он получил имя — Максим, ибо во всех своих действиях идет до самого конца, он максималист — до бреда» (*Геллер 1982, с. 200*).

126 [22] С. 155/152. ...бурого цвета человек, лет тридцати семи и без одного непримиримого глаза... — Одноглазый Пашинцев, обитающий в полуподвале, напоминает персонажа «Одиссеи» — живущего в пещере одноглазого циклопа Полифема:

Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несхожен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно

(*Гомер 1981, с. 142*).

Неслучайность данной ассоциации косвенно подтверждается тем, что образ циклопов возникнет и в романе «Счастливая

Москва», но здесь они, в отличие от персонажа «Чевенгура», будут представлены неутомимыми тружениками: «Греческие города, порты, лабиринты, даже гора Олимп — были сооружены циклопами, одноглазыми рабочими, у которых древними аристократами было выдвинуто по одному зранию — в знак того, что это — пролетариат, осужденный строить страны, жилища богов и корабли морей, и что одноглазым нет спасения. Прошло три или четыре тысячи лет, сто поколений, и потомки циклопов вышли из тьмы исторического лабиринта на свет природы, они удержали за собой шестую часть земли, и вся остальная земля живет лишь в ожидании их» (*Счастливая Москва*, с. 24).

127 [22] С. 155/152. — Я — личный человек... — Здесь «личный» — принадлежащий только самому себе; вероятно, актуальна и ассоциация со словом «лишний»: фонетическое сходство служит основанием для намека на семантическую общность.

128 [22] С. 156/153. — И я теперь горю отдельно от всего костра! <...> храню революцию в нетронутой героической категории... — Мысль о революции, не достигшей своих целей, отказавшейся от прежних идеалов, неоднократно звучит в советской литературе второй половины 20-х годов; например, герой романа Л. Леонова «Вор» Дмитрий Векшин говорит о своем революционном прошлом: «Ничего не осталось более, а только на стене от прежнего огня играющие тени» (*Леонов 1928*, с. 117). Будучи явно близка к тому, что произносит Пашинцев, фраза героя Леонова вызывает в памяти и аллереорию, используемую древнегреческим философом Платоном, который в книге «Государство» рисует наивных людей, верящих в реальность чувственной картины мира:

«Люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры <...> С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянь-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол. <...> За этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. <...>

— Станный ты рисуешь образ и странных узников!

— Подобных нам. Прежде всего, разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

— Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

— А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

— То есть?

— Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

— Непременно так» (Платон 1971, с. 321—322).

Если автор романа «Вор» лишь намекает на сходство Векшина с «узниками», то у Платонова герой-«нонконформист» буквально живет в «пещере» (ср. современное понятие «андеграунд»); см. также 11. Пещера имеет устойчивые мифологические коннотации: это сакральное укрытие, хранилище остатков «первобытной» стихии (ср. образ Пашинцева — «хранителя революции»), лоно земли, ее vagina, детородное место и могила одновременно (МНМ 1991, т. 2, с. 311); характерно, что дом, в подвале которого обитает Пашинцев, отмечен «космической» символикой — ср. стихи на колоннаде (с. 151/148).

Рассматривая историю недолгого творческого союза Платонова и Пильняка (см.: *Что пишут драматурги* 1928), Е. Толстая отмечает связи «Чевенгура» с повестью «Красное дерево»: «Несомненными кажутся платоновские корни знаменитого эпизода в „Красном дереве“ Пильняка, где описываются „охломоны“ — сумасшедшие, алкоголики, бывшие революционеры, идеалисты, чья жизнь кончилась с гражданской войной» (Толстая 1978а, с. 98). Ср.: «Иван полез под землю, в печную яму, — там было очень тепло и очень душно, из щелей от заслонов шел красный свет. Здесь на земле валялись оборванцы, заросшие войлоком волос, коммунисты Ивана Ожогова, люди безмолвного договора с промкомбинатом: они бесплатно жгли печь кирпичного завода, эту, огнем которой обжигался кирпич, — и они бесплатно жили около печи, люди, остановившие свое время эпохой военного коммунизма, избрав председателем себе Ивана Ожогова. <...>

— Теперь я буду говорить, сказал Ожогов. <...> В двадцать первом году все кончилось. Настоящие коммунисты во всем городе — только мы, и вот нам осталось место только в подземелье. Я был здесь первым коммунистом, и я останусь им, пока жив. Наши идеи не погибнут. Какие были идеи! — теперь уже никто не помнит этого, товарищи, кроме нас»;

«Вечером Аким ходил к дяде Ивану, переименовавшему себя из Скудрина в Ожогова. Охломон Ожогов вышел к племяннику из печи. <...>

— Выгнали? — спросил он радостно.

— Откуда? — переспросил Аким.

— Из партии, — сказал Иван Карпович.

— Нет.

— Нет? Не выгнали? — переспросил Иван и в голосе его возникла печаль, — но кончил он бодро: — Ну, не сейчас, так потом выгонят, всех ленинцев и троцкистов выгонят!

Дальше Иван Карпович бредил — в бреду рассказывал о своей коммуне, о том, как был первым председателем исполкома, какие были те годы и как они погибли, грозные годы, как потом прогнали его из революции и ходит он теперь по людям, чтобы заставлять их плакать, помнить, любить, — он опять рассказывал о своей коммуне, о ее равенстве и братстве, — он утверждал, что коммунизм есть первым делом любовь, напряженное внимание человека к человеку, дружество, содружество, соработа, — коммунизм есть отказ от вещей и для коммунизма истинным первым делом должны быть любовь, уважение к человеку и — люди. <...> Перед инженером Акимом был — нищий побирова, юродивый лазарь — юродивый советской Руси справедливости ради, молец за мир и коммунизм. <...> Он собрал вокруг себя таких же, как он, выкинутых революцией, но революцией созданных. Они нашли себе место в подземелии, у них был подлинный коммунизм, братство, равенство, дружба — и у них у каждого была своя сумасшедшесть» (*Пильняк 1991, с. 657—658, 671—673*).

Подчеркивая сходство Пашинцева с пильняковскими «охломонами», Е. Толстая обращает внимание на близость фразы героя «Чевенгура» о «костре» и мотива огня в «Красном дереве»: персонажи повести, живущие около печи, принимают фамилии «Ожогов», «Огнев», «Пожаров» (*Там же, с. 657—658*); ср. также стихи, которые пытается писать Ожогов: «Мы зажгли мировой», «Вы, которые греете воровские руки» (*Там же, с. 659*). По предположению Е. Толстой, «вся повесть „Красное дерево“ написана о Платонове» (*Толстая 1978а, с. 101*); особое внимание исследовательница обращает на фигуру Акима, племянника Ивана Ожогова: «Ностальгия по революции, возраст, профессия — инженер, указания на „левые взгляды“ и пафос делания — сближают этот персонаж с реальной фигурой Платонова» (*Там же*). Вероятно, стимулом к аллюзии мог послужить образ волка Якима из платоновского «Рассказа о многих интересных вещах»: у Пильняка волк — один из излюбленных персонажей, и одинокий троцкист — «лишний» человек второй половины 20-х годов — вполне мог вызывать ассоциации с этим зверем.

Фрагменты об «охломонах» из повести «Красное дерево» перешли в роман 1930 г. «Волга впадает в Каспийское море» (см.: *Пильняк 1990, с. 486—490, 574*). Фигуры Акима в нем нет, однако интересно, что в «Волге...» возникает тема «утонувшего города» (см. 305): например, в разговоре с одним из «охломонов», Василием Пожаровым, его отец Назар спрашивает о строящейся плотине: «Ведь это конец свету! — прямо как в Китеже-граде — тонуть нам, что ли, вместе с Акатьевом?» (*Там же, с. 537*). Кстати, с учетом того, что русские сектанты-стран-

ники в поисках «идеальной страны» тяготели именно к Каспию (см. 32), можно предположить, что подчеркнуто «банальное» заглавие пильняковского романа содержит и «хилиастический» подтекст. Знакомство Пильняка с Платоновым состоялось в то время, когда последний был, по существу, автором единственной книги, само название которой звучало знаменательно — «Епифанские шлюзы». Основой сюжета романа Пильняка стала вполне «платоновская» тема гидростроительства, трактуемая в историософском плане: гидротехника обретает планетарное значение — она призвана «остановить пустыни и народы» (*Там же*, с. 562). Разница в том, что у Пильняка основным становится мотив *поворота* реки (т. е. направление истории по «новому руслу»), а у Платонова главным является поиск *подземной*, «материнской» воды (см. 300, 492). Кстати, по предположению Е. Толстой, Платонов, в свою очередь, «отозвался» на пильняковскую «Волгу...» повестью «Котлован» (*Толстая 1978а*, с. 102—103).

129 [22] С. 156/153. ...я яблок пять кадлушек намочил <...> Будем меж деревьями друзьями жить, на траве песни петь. — Все эти детали создают образ «земного рая».

130 [22] С. 157/154. Буржуя нету, так будет труд / <...> / Земля задаром даст нам пропитанье. — Стихи Пашинцева по стилю явно напоминают творчество Степана Жаренова из рассказа Платонова «Родина электричества» (*Собр. соч.*, т. 1, с. 61, 68—71), хотя по своим взглядам герои противоположны. Это важно подчеркнуть и потому, что образ Жаренова оказал влияние также на образы «охломонов» из повести Пильняка «Красное дерево» (см. 128) «и в особенности Ожогова; на это указывает связь по семе „огня“, становящейся „отмеченной“ в их фамилиях; ср. также сходство имен Иван — Степан» (*Толстая 1978а*, с. 100). Кстати, первым, кто отмечал сходство мотивов платоновских произведений и повести «Красное дерево», был лидер РАПП Л. Авербах (см.: *Авербах 1929*, с. 14).

131 [22] ...Цветочкам полевым сдобней живется! — Реминисценция из Нагорной проповеди — переосмысление образа беззаботных «полевых лилий» (см. 95).

132 [22] — Никогда не спрашивай, рабская психология, а дари себе все сам. — Высказывания Пашинцева напоминают идеи одного из основоположников анархизма М. Штирнера, изложенные в книге 1844 г. «Единственный и его собственность»: «„Смелее вперед! Бери себе все то, что тебе нужно!“ Тем самым эгоизм возбуждает „войну всех против всех“, только я один решаю, чего мне хочется. <...> Необходимо твердо знать, что всякий акт захвата не есть нечто презренное; наоборот, подобный акт есть прямодушный, чистый акт внутреннего единого эгоиста. <...> Только тогда чернь перестанет быть чернью, если она решится на захват. <...> Когда люди разовьются до того, что утратят всякое почтение к собственности, тогда и собственность появится у

всех. <...> Если социалист мне говорит, что общество наделит меня всем, что мне необходимо, то эгоист, в свою очередь, мне говорит, что я сам должен присвоить себе все, что мне необходимо» (*Штирнер* 1922, с. 209). Один из основных принципов «Единственного...» — «Сила властнее права» (*Там же*, с. 151); интересно, что эту сентенцию Штирнера Платонов перефразировал в заглавии своего публицистического текста 1920 г.: «Сила — не право»; здесь, в частности, говорится: «По законам буржуазии только сила есть право, кто сильнее — у того и справедливость. <...> Право в первый раз победит силу» (*Чутье правды*, с. 79—80).

133 [32] С. 228/223. В камышах стояла лодка, и в ней молча сидел голый человек... — Пародируется метафора «второго рождения» персонажа. Ср. историю Моисея, который, согласно Библии, в трехмесячном возрасте был положен матерью в корзину и оставлен в тростниках на берегу реки. Дочь фараона, найдя корзину с младенцем, «нарекла имя ему: Моисей, потому что, говорила она, я из воды вынула его» (*Исх.* 2, 10). Нагота Папинцева усиливает впечатление о нем как о «новорожденном».

8) Гопнер

134 [26] С. 182/178. Слесарь Гопнер... — Не исключено, что фамилия «заимствована» у реального человека: Серафима Ильинична Гопнер (1880—1966) — старый партийный работник; находясь в 1910—1912 гг. в эмиграции в Париже, встречалась с Лениным (см.: *Гопнер* 1969, с. 292—302); в период немецкой оккупации Украины (1918—1919 гг.) — секретарь ЦК КП(б)У в Орле; в 1920—1925 гг. — член бюро и зав. агитпропом Екатеринославского, Московского, Донецкого, Харьковского губкомов партии; делегат всех семи конгрессов Коминтерна; в 1928—1943 гг. — кандидат в члены Исполкома Коминтерна. Возможно, Платонову была известна выпедная в 1925 г. в Киеве под редакцией и с предисловием С. Гопнер книга «Хрестоматия ленинизма» — пособие для преподавателей и курсантов партийных школ и вузов.

С другой стороны, диалектное слово «гопнуть» означает — прыгнуть, ударить (*Даль* 1979—1980, т. 1, с. 375). На блатном жаргоне «гоп» — 1) воровская группа, 2) ночлежка, притон; «гопник, гопушник» — 1) грабитель («гоп-стоп» — грабеж, разбой), 2) бродяга, оборванец (от старой аббревиатуры ГОП — городское общество призрения); «гопать» — ночевать на улице, не имея пристанища; «гопа — 1) место нелегальной продажи спиртного, 2) цепочка от карманных часов, 3) сплоченная воровская группа, семья» (*СТЛБЖ* 1992, с. 58—59).

135 [26] С. 184/180. — Здравствуйте, Федор Федорович... — Слесарь Федор Федорович — один из персонажей «Че-Че-О» (см.: *Возвращение*, с. 88).

136 А ты думаешь, пища с революцией сживется? <...> Сроду-то было когда, чтоб жирные люди свободными жили? — Реплики Гопнера, предвосхищающие программу чевенгурских «утопистов», прямо восходят к «Легенде о Великом Инквизиторе», герой которой утверждает, что «свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы» (*Достоевский 1972—1988*, т. 14, с. 231). В статье «Пушкин и Горький» Платонов говорит, что «народ — по мнению Инквизитора из легенды Достоевского — нуждается, как животное, лишь в покое и хлебе насущном; точно одним этим хлебным клейстером элементарной нужды можно склеить всемирное счастье» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 311).

По мнению Н. Сейранян, главный мотив, организующий дальнейшую часть романа, — это развенчание идей «грубого коммунизма» (*Сейранян 1978*, с. 112); термин «грубый коммунизм» (применительно к бабуизму) принадлежит Марксу, который в «Экономико-философских рукописях 1844 года» писал: «Коммунизм <...> в его первой форме является лишь обобщением и завершением отношения частной собственности. <...> Господство вещественной собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить все то, чем, на началах частной собственности, не могут обладать все; он хочет насильственно абстрагироваться от таланта и т. д. <...> Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. <...> Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее. <...> Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый коммунизм*, есть только форма проявления гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*» (*Маркс 1956*, с. 586—587). Характерно, что сторонники этих взглядов считали их прямым развитием учения Христа; например, в «Записках» В. Печерина приводятся слова одного из адептов учения Г. Бабефа (см. 745): «Правду сказать, Иисус был один из наших; он тоже хотел сделать, что и мы, но, к несчастью, он был бедный человек — без денег ничего не сделаешь; а тут вмешалась полиция: вот так его и повесили!» (*Печерин 1915*, с. 126—127).

Каутский прослеживает подобные настроения у ранних христиан: «Начало христианства определялось характером такого класса, как пролетарии-босяки больших городов, в своей

массе отвыкшие от работы. Производство представлялось этим элементам делом довольно безразличным; примером для них была лилия полевая, которая не сеет и не прядет и, несмотря на это, процветает. И если они стремились к переменам в распределении собственности, то имели в виду собственность не на средства производства, а на средства потребления. Для пролетариев-босяков того времени не было ничего необычного в коммунизме потребления. <...> На практике этот вид коммунизма сводился к тому, что средства производства превращались в средства потребления, и выручка раздавалась бедным. Но если бы такая программа нашла полное, всеобщее осуществление, это привело бы к окончательной гибели всякого производства» (*Каутский 1924—1925, т. 1, с. 25—26*). В. Варшавский отмечал: «В пятом веке калабрийский затворник Иоахим Флорский предсказывает наступление в 1260 году века Третьего Завета, века любви, равенства и свободы: тогда больше не будет никакого духовенства и никаких правителей, никому не придется работать, все станут жить в добровольной бедности, ни у кого никакой собственности. <...> Учение Иоахима оказало огромное и длительное влияние на развитие европейской мысли. Средневековый хилиазм не боялся антиномий. В проповедях многочисленных последователей Иоахима похвала бедности, как состоянию благодатному, соединялась с обетованием дарового изобилия и воскресшими баснями древних о золотом веке в прошлом, когда все были будто бы равны, никто не работал и не было никаких правителей» (*Варшавский 1976, с. 196—197*).

137 [26] С. 185/181. — Мы теперь с тобой ведь не объекты, а субъекты... — Гопнер, видимо, имеет в виду марксистский тезис о том, что в революционную эпоху человек становится субъектом исторического процесса. Ср. в пьесе «Шарманка» реплику Годовалова: «А что ж нам-то делать, Игнат Никанорович? Ведь объективных причин, люди говорят, нету, а есть одни субъекты...» (*Взыскание погибших, с. 596*). О проблеме субъекта и объекта см. также 20.

138 ...в жизни живут одни разности и единственные числа. — В «Тектологии» А. Богданова читаем: «Наш мир есть вообще мир разностей» (*Богданов 1925—1927, т. 1, с. 87*). Ср. также роман «Мы»: «Тебе, математику, — разве не ясно, что только разности — разности — температур, только тепловые контрасты — только в них жизнь» (*Замятин 1990, т. 2, с. 116*).

Образ «Единственного» является центральным в книге Штирнера: фундаментальным качеством «я» объявляется здесь признак невыразимой «самобытности»; обостренную форму принимает коллизия единичного и общего — самобытная сущность «эгоиста» противостоит отвлеченному «человеку» без индивидуальности. Ср.: «Кого считает либерал себе подобным? — Человека. <...> Поэтому он видит в тебе только то, что ты представляешь собою вообще. Иными словами, он

видит в тебе не тебя именно, а целый род, — не Ганса или Кунца, а человека, — не действительного или индивидуального человека, а существо или понятие твоего я — не воплощение, а *дух*. <...> Видеть во мне, в тебе только человека — это значит завершить христианское мировоззрение, согласно которому один человек является в глазах другого лишь *понятием* <...> Поэтому в либерализме мы имеем лишь продолжение давнишнего христианского пренебрежения к нашему я, к телесно-реальному Гансу. Вместо того, чтобы считаться со мной, каков я есть, считаются лишь с моей собственностью, с моими свойствами»; «Поэтому мы оба, я и государство, враги друг другу. Меня, „эгоиста“, благо этого „человеческого“ общества несколько не интересует, я ничем не жертвую ему, я только эксплуатирую его. <...> Либерализм хочет реализовать абстрактного „человека“, т. е. создает для него особый мир, мир *человеческий*, или универсальное (коммунистическое) человеческое общество. <...> Но это отнюдь не *мой* мир. Я никогда не совершаю дело абстрактно-человеческое; наоборот, я совершаю только дело *собственное*, т. е. *мое* человеческое дело, отл-ично от всякого иного человеческого дела, и только вследствие такого отличия оно является действительным, мне лично принадлежащим делом»; «О боге говорят: „Тебе нет имени“. То же самое следует сказать и обо мне. Никаким понятием меня невозможно выразить: тем, чем определяют мое существо, я не исчерпываюсь; все это — только название» (*Штирнер* 1922, с. 138—139, 143—144, 297).

Критикуя автора «Единственного...», Плеханов писал: «Штирнер наивно воображает, что он дает настоящий ответ на старый философский вопрос, служивший еще в средние века темой для споров между номиналистами и реалистами» (*Плеханов* 1923, с. 188). Однако и на рубеже XIX—XX вв. этот «старый философский вопрос» продолжал оставаться актуальным например, для представителей феноменологической школы; ср. замечание Г. Шпета: «Номинализм всякого оттенка <...> утверждает, что общие понятия, общие предметы суть фикции <...> проблема, которая здесь затрагивается, состоит именно в том, как от непосредственной данности, интуиции мы приходим не только к предмету, но прежде всего к самому вопросу о „предмете“ как некоторой „действительности“» (*Шпет* 1914, с. 33). См. также 175.

9) Полубезьев

139 [30] С. 206/201. ...добрыми были не только глаза, но и все мягкое, теплое, чистоплотное от рождения лицо. <...> у него до пятидесяти лет не испортились зубы... — Портретные детали напоминают внешность толстовского персонажа; ср.: «Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьера <...> олице-

творением всего русского, доброго и круглого. <...> Платону Каратаеву должно было быть за пятьдесят лет <...> но зубы его, ярко-белые и крепкие, <...> были все хороши и целы» (Толстой 1928—1958, т. 12, с. 48—49). Как уже отмечалось (см. ч. I), ассоциации с героем Толстого, постоянно ощущающим контакт с мировым Целым, немаловажны и в контексте платоновской темы «мастера» (в связи с коллизией «деятеля» и «созерцателя»).

140 — Алексей Алексеевич, батюшка, иди дар божий кушать... — Имя персонажа показывает, что он не только «божий человек», но и сын «божьего человека».

141 ...Алексей Алексеевич додумался личным усердием, что пищу следует жевать как возможно дольше... — В рассказе «Мавра Кузьминишна» читаем: «Мавра Кузьминишна сама по себе была ласковая и духовитая бабушка. <...> Питалась Мавра Кузьминишна, прожевывая пищу длительно, томя желудок и истекая слюной, чем добивалась высокой полезной отдачи пищи; зимой не выходила из дома без нужды (холод истощает тело), летом сидела под теплом и сиянием солнца, множа калорийные силы организма, ночами спала глубоко, как будто она рыла могилы и очень устала, и во сне видела сытную мягкую еду и сукна» (Епифанские шлюзы, с. 222).

Комментируя текст плаката в романе «Двенадцать стульев»: «Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу» (Ильф и Петров 1995а, с. 151), — Ю. Щеглов приводит действительно бытовавший в 20-х годах лозунг: «Ешь медленно, тщательно пережевывая», а также заголовок газетной статьи: «Питание — государственная проблема» (Щеглов 1995а, с. 486—487).

142 [30] С. 206/202. ...состоял членом правления кредитного товарищества и гласным городской думы... — Кредитное товарищество — общество взаимного кредита: его хозяевами являются сами заемщики, связанные круговой порукой; право на получение ссуды имеют только члены общества. Гласный — член городской думы.

143 ...постоянный запах свежего ситного хлеба, который непрерывно исходил с поверхности его чистого тела... — О сакрально-подтексте «хлебных» мотивов см. 251.

144 [30] С. 207/202. ...кооперация, о которой он прочитал в газете «Беднота». — Имеются в виду заметки Ленина «О кооперации» (январь 1923 г.), написанные после проработки трудов ряда ученых: С. Н. Прокоповича — «Кооперативное движение в России, его теория и практика»; М. И. Туган-Барановского — «Социальные основы кооперации»; Ф. Штаудингера — «Марксизм и потребкооперация»; И. Зассена — «Развитие теории кооперации в эпоху капитализма»; Н. Л. Мещерякова — «Кооперация и социализм»; А. В. Чаянова — «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» (Базин 1990, с. 147—148). Ленин писал, что в условиях «сверже-

ния эксплуататоров» «многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью»; «В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно»; «Собственно говоря, нам осталось „только“ одно: сделать наше население настолько „цивилизованным“, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. <...> Но для того, чтобы совершить это „только“, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы» (Ленин ПСС, т. 45, с. 369—373). За несколько лет до этого, в начале мая 1919 г., беседуя в Кремле с П. Кропоткиным, советовавшим шире разворачивать кооперативное движение, Ленин отвечал, что положение с кооперативным движением при социализме и капитализме неодинаково: «Неужели Вы думаете, что капиталистический мир уступит дорогу кооперативному движению? Он заберет его в свои руки» (цит. по: Малинин 1991, с. 263).

Заметки «О кооперации» были опубликованы в мае 1923 г.: таким образом, здесь в романе видим никак не оговоренный «скачок» во времени.

Как полагает М. Дмитриовская, прототипом Полубезьева мог послужить известный общественный деятель, лектор-пропагандист и литератор В. А. Поссе. Главная объединяющая черта — отношение к кооперации как к самому важному делу: в начале XX в. Поссе создал в Петербурге первый свободный рабочий кооператив «Трудовой союз»; в основанном им журнале «Жизнь для всех» помещалось много статей, освещавших кооперативное движение; в 1915 г. редакцией журнала было организовано Петербургское общество потребителей. Поссе не принял революцию, полагая, что к коммунизму и анархизму можно прийти лишь через кооперацию, эволюционным путем без насилия (см.: Поссе 1918). «Платонов наделяет своего героя взглядами, которые полностью совпадают со взглядами В. А. Поссе. <...> Поссе говорит о связи кооперативного движения и религиозного сознания: при кооперации христианская любовь упрочивается „любовью деловой“ и „трудовой“» (Дмитриовская 1995б, с. 50).

Следует учесть, что в середине 20-х годов тема кооперации постоянно обсуждалась и кооперативная политика была до 1928 г. постоянным атрибутом генеральной линии партии. Так, Бухарин в работе 1925 г. «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» называет кооперацию «столбовым путем к социализму» и пишет, что «крестьянство, исходя из интересов своего частного хозяйства, отдельного и маленького двора, неизбежно пойдет по пути своего объединения и тем самым все дружнее будет смыкаться с пролетарской государственной промышленностью. Каким образом можно представить себе это

развитие? Это развитие пойдет через *кооперацию*»; «Крестьянская кооперация будет неизбежно *врастать* в систему *пролетарских* хозяйственных органов» (Бухарин 1988, с. 169, 173). Эти идеи практически повторяет Сталин 9 мая 1925 г. в докладе активу московской организации РКП(б) об итогах XIV партконференции: «Как включить крестьянское хозяйство в систему хозяйственного строительства? Через кооперацию. Через кооперацию кредитную, кооперацию сельскохозяйственную, кооперацию потребительскую, кооперацию промышленную» (Сталин Соч., т. 7, с. 125); в ноябре 1927 г., отвечая на вопрос иностранных рабочих о том, какими средствами партийное руководство намерено осуществить коллективизм в крестьянском хозяйстве, он говорит исключительно о постепенном движении и среди экономических мер ставит на первое место кооперирование крестьянских хозяйств (Там же, т. 10, с. 221). Постановлением Политбюро от 1 октября 1927 г. была создана комиссия для подготовки тезисов по вопросу о работе в деревне для XV партсъезда (см.: Чаянов 1989); руководивший работой комиссии В. Молотов выступил в декабре 1927 г. на съезде с докладом «О работе в деревне», где, в частности, говорил: «Коллективизация в теперешних условиях находит для себя все более массовые пути, опираясь на развитие всех других видов кооперации в деревне» (Пятнадцатый съезд 1961—1962, т. 2, с. 1202). Сталин в отчетном докладе съезду заявляет: «Задача партии: расширять охват крестьянского хозяйства кооперацией и государственными органами по линии сбыта и снабжения и поставить очередной практической задачей нашего строительства в деревне постепенный перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединения» (Там же, т. 1, с. 65). Однако с 1928 г. сталинское руководство начало проводить политику, прямо противоположную идеям постепенной кооперации и органического «врастания» крестьян в социализм.

Гротескно-сатирический образ «Песчано-Овражной кооперационной системы» (Взыскание погибших, с. 595) будет создан Платоновым в пьесе «Шарманка».

145 [30] С. 207/202. ...подошел к иконе Николая Мирликийского и зажег лампаду своими ласковыми пшеничными руками. — «Житийные» интонации рассказа о Полубезье, его портрет и черты характера, а также упоминание об иконе Николая Мирликийского — все это позволяет наметить близость персонажа к данному святому — Николаю Угоднику. Будучи наиболее популярным в народе (Николу включали в Троицу, могли даже считать его «четвертым лицом» Троицы, в фольклорных текстах его смешивали и отождествляли с Богом — см.: Успенский 1982, с. 7), Никола воспринимается как добрый, защищающий угодник, как крестьянский и вообще народный святой, покровитель народа (Там же, с. 34, 55). В то же время в народном сознании Никола зачастую наделялся функциями

«начальника рая» (*Там же*, с. 25): характерно, что именно глазами Подлюбезьева мы впервые видим Чевенгур, выступающий как своего рода «рай».

146 Он почувствовал Ленина как своего умершего отца... — Ср. в повести «Джан»: «Он видел на степных маленьких станциях портреты вождей <...> один походил на старика, на доброго отца всех безродных людей на земле» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 20—21) — судя по всему, речь идет именно о Ленине. В рассказе «На заре туманной юности» читаем: «Ольга посмотрела на портрет Ленина: „Он уже старый, — подумала она, — как мой отец“ <...> Ночью, укрывшись с головой, Ольга начала думать о своей и всеобщей жизни; она представила себе Ленина как живого, главного отца для себя и для всех бедных, хороших людей — и от этой мысли она почувствовала ясное, верное счастье в своем сердце, как будто вся смутная земля стала освещенной и чистой перед нею, и жалкий страх ее утратить хлеб и жилище прошел, потому что разве Ленин может ее обидеть или оставить опять одну, без надежды и без родства на свете?..» (*Там же*, с. 217).

В произведениях Платонова 30-х годов образ «всеобщего отца», естественно, будет ассоциироваться с фигурой Сталина — например, в «Джан»: «Если бы Чагатаев не воображал, не чувствовал <Сталина>, как отца, как добрую силу, берегущую и просветляющую его жизнь, он бы не мог узнать смысла своего существования, — и он бы вообще не сумел жить сейчас без ощущения той доброты революции, которая сохранила его в детстве от заброшенности и голодной смерти и поддерживает теперь в достоинстве и человечности» (*Там же*, с. 103—104). В рукописи «Джан»: «Чагатаев давно уже жил чувством и воображением Сталина, сначала он любил его нечаянно и по-детски за то, что он стал есть пищу в детском доме <...>. Без него, как без отца, как без доброй силы, берегущей и просветляющей его жизнь, Чагатаев бы не мог ни спастись тогда, ни вырасти, ни жить теперь...» (*Записные книжки*, с. 383). В записной книжке Платонова 1935 г.: «Истина в том, что в СССР создается семья, родня, один детский милый двор, и Сталин — отец или старший брат всех, Сталин — родитель свежего ясного человечества, другой природы, другого сердца» (*Там же*, с. 157). Ср. также киносценарий 1936 г. «Отец-мать», герой которого, сирота Степка, во сне просит свою приемную мать Женю: «Мама... Пусть отцом будет Сталин, а больше никто» (*Отец-мать*). В газетной заметке Платонова 1937 г. читаем: «Нигде нет большего ощущения связи и родства людей между собой, чем у нас. Больше того, у нас, у нескольких советских поколений, есть общий отец — в глубоком, в проникновенном и принципиальном смысле. Мы идем вслед за ним» (*Преодоление злодейства*, с. 350).

За сто лет до появления «Чевенгура» П. Чаадаев говорил о патернальном отношении к власти как одной из отличитель-

ных черт русской ментальности: «Как известно, основой нашего социального строя служит семья, поэтому русский народ ничего другого никогда и не способен усматривать во власти, кроме родительского авторитета, применяемого с большей или меньшей суровостью, и только» (Чаадаев 1989, с. 204). Фрейд в статье «Достоевский и отцеубийство» употребляет выражение «заместитель отца» применительно к царю (см.: Фрейд 1991, т. 2, с. 418). В 1919 г. в книге «Психология революции» П. Федерн писал, что большевизм — это не что иное, как замена патриархальной власти, власти отца, матриархальными принципами братства. Советы представляют позитивный возврат к допатриархальным формам братского сотрудничества, но существует постоянная опасность «психологического термидора», реставрации отцовского принципа. Федерн предупреждал, что братья, лишённые отца, будут искать ему замену, и тем самым диктатуре пролетариата грозит опасность превратиться в тиранию (Эткинд 1994, с. 218).

Ленин в восприятии Полубезьева приобретает черты Николая Мирликийского — подобно тому как в народном сознании добрый Никола противопоставит суровому «громовежцу» Илье. Отметим, что и в сознании самого Платонова мифологизированный образ Ленина связывался с истоками славянской культуры, с народными корнями. Например, в очерках 1920—1921 гг. «Луначарский» и «Герои труда (кузнец, слесарь и литейщик)»: «Ленин — русский ясновидящий мужик, сумевший просто и прямо дойти до сердца другого мужика, понять его страшную нетронутую земную силу и в этой силе нашедший опору для разрушения старого несчастного мира, для умирения людей-зверей, где умным словом, а где кулаком»; Ленин «любит русскую старину и славянские письмена» (Чутье правды, с. 69, 113).

Ср. юбилейную заметку Троцкого «О пятидесятилетнем (национальное в Ленине)», опубликованную в «Правде» 23 апреля 1920 г.: «Ленин отражает собой рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека. <...> Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен, аскетичен, как и весь его уклад. <...> Это хозяйская мужицкая деловитость — только в грандиозном масштабе. <...> Когда Ленин, прищутив левый глаз, слушает радиотелеграмму, заключающую в себе парламентскую речь одного из империалистических вершителей судеб или очередную дипломатическую ноту — сплетение кровожадного коварства с полированным лицемерием, — он похож на крепко умного мужика, которого словами не проймешь и фразами не обманешь. Это — мужицкая сметка, только с высоким потенциалом, развернувшаяся до гениальности, вооруженная последним словом научной мысли» (Троцкий 1990,

с. 235—236). Нечто подобное в середине 30-х годов писал и Бердяев: «Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице было что-то русско-монгольское (ср. 154 — *Е. Я.*). В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе. По некоторым чертам своим он напоминает тот же русский тип, который нашел себе гениальное выражение в Л. Толстом, хотя он не обладал сложностью внутренней жизни Толстого» (*Бердяев 1990, с. 94*).

147 [30] С. 207/203. ...социализм назвался кооперацией... — Ср. заключительную фразу статьи Ленина «О кооперации»: «Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма» (*Ленин ПСС, т. 45, с. 373*).

148 В детстве он долго не любил бога, страхась Саваофа <...> признал бога заместителем отца. — «Мотив двойственности лика Господня — и соответственно двух ликом отца революции — появляется и в других местах романа. Когда Копенкин прибывает в город, то над входом в церковь ему бросаются в глаза слова из Евангелия <...>, но в церковном куполе, напротив, он видит изображение ветхозаветного карающего бога Саваофа» (*Гюнтер 1991, с. 259*). Возможно, данный мотив в платоновском романе связан с влиянием книги Луначарского «Религия и социализм», автор которой, вслед за Каутским, говорит о двух ликах христианского Бога: карающем и мстящем Боге Ветхого Завета и кротком Христе Евангелия (см.: *Луначарский 1908—1911, т. 2, с. 139—140, 153*).

Понимание Бога как «заместителя отца» прямо отсылает к идеям Н. Федорова, связывавшего религиозное чувство с культом предков и называвшего христианского Бога «Богом отцов»: «Первые три Евангелия заключают в себе проповедь Сына человеческого о Боге отцов, о Боге не мертвых, а живых <...> Скорбь сына над смертью отца есть истинно мировая, потому что эта смерть, как закон (или, вернее, как неизбежная случайность) слепой природы, не могла не отозваться сильною болью в существе, пришедшем в сознание, в существе, чрез которое может и должен осуществиться переход от мира слепой природы к миру, в котором царствует сознание и в котором поэтому и не должно быть места смерти. Эта истинно мировая скорбь есть и объективно мировая, насколько всеобща смерть, и субъективно мировая, насколько всеобща печаль о смерти отцов. <...> Древней истории давало смысл искание страны умерших отцов, рая, которое отчасти и заменяло стремление к воскрешению <...> И статика, и динамика человеческого рода имеют в своем основании веру или мысль об отцах; движение

и покой человеческого рода держатся на этом представлении» (Федоров 1995—1997, т. 1, с. 86, 92, 114).

С другой стороны, в платоновском романе отражаются идеи психоаналитической школы. Фрейд связывал религиозные и моральные чувства человека с «Идеальным Я» («Сверх-Я»): Идеальное Я — следствие вытеснения детского «комплекса Эдипа», т. е. внутреннего конфликта между сексуальным влечением ребенка (мужского пола) к матери и осознанием того, что отец является помехой этому влечению; поэтому стремление быть похожим на отца (отождествление) сочетается у мальчика с чувством ревливой враждебности к нему (Фрейд 1924б, с. 29—30; см. также: Фрейд 1991, т. 1, с. 368; т. 2, с. 416). Возникающее из Эдипова комплекса в процессе эволюции личности Идеальное Я «сохранит характер отца, и чем сильнее был эдипов комплекс, чем стремительнее было его вытеснение (под влиянием авторитета, религии, образования и чтения), тем строже впоследствии сверх-Я будет властвовать над Я, как совесть, а может быть и как бессознательное чувство вины. <...> Будучи маленькими детьми, мы знали высших существ, удивлялись им и испытывали страх перед ними, впоследствии мы приняли их в себя самих. <...> Идеальное Я соответствует всем требованиям, предъявляемым к высшему началу в человеке. В качестве заместителя страстного влечения к отцу оно содержит в себе зерно, из которого выросли все религии. Суждение о собственной недостаточности при сравнении Я со своим идеалом вызывает то смиренное религиозное ощущение, на которое опирается страстно верующий. В дальнейшем ходе развития роль отца переходит к учителям и авторитетам; их заповеди и запреты сохраняют свою силу в идеальном Я, осуществляя в качестве совести моральную цензуру» (Фрейд 1924б, с. 33—35; Фрейд 1991, т. 1, с. 370—372). Таким образом, идея учителя, Бога как «заместителя отца» прямо содержится у Фрейда.

149 [30] С. 212/207—208. Алексей Алексеевич смолк без вопроса и пошел вдаль <...> там Алексей Алексеевич родился, рос и плакал иногда в молодых летах. — Остается неясным, где именно родился Полубезьев: ранее говорилось, что до того, как переселиться в некий «заштатный город», он жил в Чевенгуре (см. с. 206/202, 209/204).

10) Чепурный

150 [27] С. 189/185. Человек бормотал себе свои мысли, не умея соображать молча. <...> Человек явно мучился. — Ранее точно так же изображался «речемыслительный» процесс Александра Дванова: см. 36, 37.

151 [27] С. 190/185. — Нет, ты дурак! Неужели ты думаешь, что Ленин глупей тебя... — Ср. «автодиалог» Фаддея Кирилловича Попова, героя «Эфирного тракта»: «Поспешим, Фаддей!

Поспешим, сатана души моей!.. <...> Довольно бормотать, ты мне мешаешь, дурак!..» (*Собр. соч., т. 1, с. 152*).

152 [27] С. 190/186. ...со слабым носом на лице. — Видимо, «слабый» здесь относится как к собственно носу (форма и размер: нос маленький, «не выраженный»), так и к впечатлению от лица в целом (выражающее слабость, утомленное). Портретная деталь обуславливает «этническую» характеристику — ср. прозвище персонажа — Японец и впечатление Сербинова от внешности Чепурного: «монголец на лицо» (*с. 384/372*). Интересно, однако, что в пьесе «Шарманка» подобная характеристика дана персонажу отнюдь не «восточному», а, напротив, подчеркнуто «западному»: Серена, дочь «датского профессора-пищевика» Стерветсена, — «девушка-европейка, с монгольским лицом» (*Взыскание погибших, с. 545*); ср. также в очерках «Че-Че-О» изображение танца шимми: «европейки с монгольскими лицами обнимают равнодушных воров» (*Возвращение, с. 88—89*). Вспомним и рассказ «Мусорный ветер»: здесь жена главного героя Зельда — «родом с ближнего Востока, из русской Азии» (*Взыскание погибших, с. 375*), однако оказывается, что она гораздо больше соответствует «арийскому» духу германского фашизма, нежели ее муж — стопроцентный немец Альберт Лихтенберг.

153 [27] С. 192/188. — Моя-то — Чепурный. — Как обнаружил Л. Шубин в «Памятных книжках Воронежской губернии» на 1909 и 1911 гг., в начале XX в. в Воронеже жил учитель по фамилии Чепурный.

Вместе с тем, ветеринар Чепурной — персонаж пьесы М. Горького «Дети Солнца»; заметим, что с платоновским Чепурным тоже связаны «солнечные» мотивы — кроме того, он имеет и некоторое отношение к медицине: выдержал экзамен на фельдшера (*см. с. 221/216*). Кстати, фамилию Чепурной Платонов даст герою одного из своих «военных» рассказов (*см.: Присяга*).

Фамилия ассоциируется с диалектными словами: «*Чапуриться* <...> *надыматься, важничать, чваниться* <...> одеваться щеголевато <...> *Чапурной* <...> опрятно, щеголевато одетый; <...> *чепорный*, человек мелочной, щепетильный, изысканно вежливый или ломливый; прихотливый до мелочей на одежду, с зауценными приемами» (*Даль 1979—1980, т. 4, с. 582*). Совокупность этих смыслов (разумеется, одежда тут ни при чем) подчеркивает двойственность авторской оценки данного персонажа.

Несостоятельной кажется попытка Э. Наймана возвести фамилию Чепурный к слову «чепуха»; исследователь приводит цитату из книги В. Розанова «Опавшие листья», в которой содержится данное слово. Хотя само по себе сближение имен Платонова и Розанова вполне правомерно: автор «Чевенгура» знал розановские сочинения (ср. свидетельство В. Шкловского: «Говорил Платонов о литературе, о Розанове...» — *Шкловский*

1926, с. 129); в частности, «Опавшие листья» он цитировал в статье 1920 г. «Культура пролетариата» (см.: *Возвращение*, с. 26). Мы даем приводимую Э. Найманом цитату в расширенном виде: «Жизнь происходит от „неустойчивых равновесий“. Если бы равновесия везде были устойчивы, не было бы и жизни. <...> Какая же чепуха эти „Солнечный город“ и „Утопия“: суть коих вечное счастье. Т. е. окончательное „устойчивое равновесие“. Это не „будущее“, а смерть» (*Розанов 1913б*, с. 76). Проблематика этого высказывания, бесспорно, имеет прямое отношение к «Чевенгуру»; однако, выделяя розановское слово «чепуха», исследователь полагает, что такова же авторская оценка чевенгурской «утопии», а следовательно, в самой фамилии ее создателя эта оценка «заложена» (см.: *Найман 1988*, с. 356); с этим трудно согласиться и потому, что слова «Чепурный» и «чепуха» лингвистически далеки друг от друга, и потому, что авторская позиция по отношению к утопии в романе неоднозначна.

154 Но ты пиши — Японец: весь район ориентируется на Японию. — Как предполагает Ж. Катто, прозвище Японец отражает связь Чепурного с солнцем как символом чевенгурской утопии: солнце изображено на государственном флаге Японии (*Catteau 1984*, с. 48). С другой стороны, одной из популярнейших среди легенд о «праведных» далеких землях (см.: *Чистов 1967*) была легенда о Беловодье, распространенная прежде всего среди членов старообрядческой секты бегунов (странников): согласно этой легенде, «Беловодье представлялось как архипелаг близ Японии, состоявший из 70 островов. Легенда была популярна и не раз использовалась в литературе, например, в романе „В лесах“ Мельникова, „Беловодье“ А. Новоселова» (*Лангерак 1995*, с. 116; см. также: *Günter 1992*, с. 214—215); подтверждением того, что Платонову было это известно, может служить цитата из его рассказа «Иван Жох»: «Благочестия ж нету в Москве — горит оно где-то в опоньской стране на Беловодье» (*Епифанские шлюзы*, с. 86).

По мнению Е. Толстой, прозвище связано с «монгольскими» чертами внешности персонажа и свидетельствует о влиянии концепций «евразийства»: «В 20-е годы проза Платонова полна географических названий татарского происхождения: похоже, что само реальное географическое пространство в системе ценностей Платонова идеологизировано, в духе евразийской теории об азиатской сущности России» (*Толстая 1979*, с. 249). Вместе с тем, «монголоидная» внешность Чепурного вызывает ассоциации с Лениным.

Может быть, «японский» облик персонажа, причастного к организации «конца света» в Чевенгуре, в какой-то мере мотивирован и тем, что в сентябре 1923 г. в газетных сообщениях японская тема получила вполне «апокалиптическую» окраску — речь шла о произошедшем в Японии катастрофическом землетрясении; так, соответствующая информация на первой

полосе «Воронежской коммуны» от 5 сентября дается под заголовком: «Небывалое землетрясение в Японии. Погибло 2 000 000 людей. Ряд городов превращен в пепел. Токио горит»; 9 сентября сообщается, что погибло около 400 000 человек, без крова осталось 6 миллионов, что район землетрясения — около 500 тыс. кв. км, опустошено 70% городов, местечек и деревень; 11 сентября говорится, что убытки от землетрясения составили 100 млрд руб. золотом.

155 [28] С. 195/190. При выезде с постоялого двора Чепурного окоротил сподручный хозяина и попросил денег за постой. У того денег не было и быть не могло... — Ср. аналогичные сцены на постоялых дворах в романе Сервантеса: «Хозяин спросил, имеет ли он при себе деньги. Дон Кихот ответил, что не имеет ни гроша, так как он нигде, во всех историях о странствующих рыцарях, не читал, чтобы кто-нибудь держал при себе деньги»; «Рыцари никогда и нигде не платили ни за свой ночлег, ни за что-либо иное» (*Сервантес 1924, с. 10—11, 41*).

156 — Бери что хочешь <...> — Я голый коммунист. — Здесь «голый» — беспримесный, чистый (ср. «голая правда»), но неизбежна и ассоциация с образом «голого человека» (см. 202), тем более, что заплатить за постой Чепурному нечем.

157 [28] С. 205/200. — Едем, — согласился Чепурный. — Обратим внимание, что он так и не сказал Копенкину о своем знакомстве с Двановым, записку которого «истребил» (с. 203/199). Копенкин же, действуя, как всегда, «без плана и маршрута» (ср. 110), не сообщил крестьянам Черновки о своем внезапном отъезде.

158 [30] С. 211/206. ...в голове его, как в тихом озере, плавали обломки когда-то виденного мира и встреченных событий, но никогда в одно целое эти обломки не слеплялись. — «Неструктурированное» сознание Чепурного предстает как бы эквивалентом «материнского хаоса», выключенного из времени; характерно, что именно в этом «тихом озере» рождается идея «конца истории».

159 ...знал буквально учение Ленина... — Здесь «буквально» — именно «по буквам», без проникновения в смысл, без теоретического осмысления.

160 [31] С. 220/215. Чепурный при напряжении мысли ничего не мог выдумать <...> тогда она, действительно, отлично хороша и с ней грустно разлучаться. — Способность к сохранению в памяти зрительных образов подчеркивается и у героя повести «Джан»: «Он понял, что в нем все цело, неуничтожимо и сохранно, как драгоценность, как добро хищного нищего, который бережет ненужное и брошенное другими. <...> И еще многие, едкие вечные пустяки в виде сгнившего дерева, почтового отделения в поселке, безлюдной стонущей горы на полуденном солнце, звука пропавшего ветра и нежных объятий с Верой, все это энергично вошло в Чагатаева одновременно и

жило в нем неподвижно и настойчиво, хотя в истине, в прошлом, это были текущие, быстро исчезающие факты» (*Собр. соч., т. 2, с. 61*).

161 [31] С. 221/216. Чепурный не знал, что существует всеобщая истина и смысл жизни, — он видел слишком много разнообразных людей, чтобы они могли следовать одному закону. — См. 138. Подобное мироощущение изображается в неоконченной повести Платонова «Дар жизни», главный герой которой — мальчик-сирота Иван Гвоздарев:

«Стал Иван учиться, но учился он вначале плохо. Он каждую букву в книге рассматривал как отдельную живую фигурку или картинку. Поэтому ему трудно было научиться читать. Он видел в книге разнообразие непохожих, одушевленных фигурок, живущих по своей самостоятельности, а не повторяющееся однообразие тридцати шести знаков.

Учительница прилежно учила Ивана Гвоздарева, она писала мелом на доске букву „о“, или другую, и говорила:

— Вот, Иван, ты видишь кружок, это буква „о“, и всегда, когда кружок, значит, здесь буква „о“.

— А они не ровня! — говорил Иван. — Одна буква „о“ вон пожирнее, она богаче, а другая худая, она бедная...

— А читаются они одинаково! — говорила учительница. — Ты это запомни!

— Я упомянул уже! — без охоты соглашался Иван, и думал втайне, что сколько букв в книге, столько и звуков, и нет между ними одинаковых» (*Дар жизни, с. 41*).

162 ...выдержал экзамен на ротного фельдшера... — Ср. рассказ «Иван Жох», герой которого — Сорокин — тоже военный фельдшер: будучи красным командиром, он затем восстает против красных и в конце концов уничтожается ими.

163 ...к докторам относился как к умственным эксплуататорам <...> будет угнетать ненаучных и ослабелых... — См. 577.

164 [33] С. 223/217 — У меня, товарищ Копенкин, то великое чувство в груди болит, а не в молодых местах. — Ср. в рассказе «Река Потудань»: «Никита не может мучить Любу ради своего счастья, и у него вся сила бьется в сердце, приливает к горлу, не оставаясь больше нигде» (*Собр. соч., т. 2, с. 195*).

165 [33] С. 233/228. ...Чепурный тогда промолчал, а втайне решил оставить буржуазную мелочь... — Однако, как говорилось ранее, Чепурный уже давно решил, что «в первую очередь необходимо ликвидировать плоть нетрудовых элементов» (см. с. 211—212/207).

166 [35] С. 260/253. В городе осталось одиннадцать человек жителей, десять из них спали, а один ходил по заглохшим улицам и мучился. — Разумеется, это «вариация» евангельского эпизода: «Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя не-

много, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. И приходит к ученикам, и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со мною?» (Мф. 26, 38—40). «Одиннадцать жителей — одиннадцать апостолов. В конце романа к ним присоединится двенадцатый — с библейским именем Симон» (Геллер 1982, с. 224). «Из одиннадцати человек, оставшихся в Чевенгуре, мы узнаем имена шести, другие пребывают безымянными» (Ристер 1988, с. 137); точнее, мы знаем по именам семерых чевенгурских коммунистов: это Чепурный, Прокофий, Пипоса, Кирей, Жеев, Кеша и Петр Варфоломеевич Вековой.

167 [35] С. 261/254. Чепурный затих и начал бояться — взойдет ли солнце утром и наступит ли утро когда-нибудь... — Ср. замечание А. Афанасьева по поводу мифологических представлений о солнечном затмении: «Нам <...> кажутся детскими встречающиеся в Ведах выражения: „взойдет ли солнце? возвратится ли заря, наш давнишний благодетель? восторжествует ли божество света над темными силами ночи?“ <...> Но все эти вопросы понятны и трогательны по своей искренности в устах народа, еще незнакомого с мировыми законами» (Афанасьев 1994, т. 1, с. 58).

168 [36] С. 269—270/263. ...это же буржуазия меня так прозвала, а теперь послать правильную фамилию не с кем... — Между тем, в сцене знакомства Чепурного с Двановым и Гопнером (с. 192/188) прозвище Японец было для него явно предпочтительнее фамилии.

169 [37] С. 285/278. В гораздо более раннее время своей жизни — нельзя вспомнить когда: год назад или в детстве — Чепурный видел этот курган... — Персонажи, переживающие «уже виденное», встречаются и в ранних произведениях писателя: так, в «Лунной бомбе» Крейцкопф, сознание которого замутило, передает на землю из космоса: «Все я вспоминаю как бывшее и верное, но ничего этого не было со мной» (Собр. соч., т. 1, с. 58). Можно предположить, что, описывая подобное состояние героя, Платонов следовал Фрейду, который говорит о «своеобразном ощущении, <...> будто уже раз пережил то же самое, уже был раз в том же положении, причем ясно вспомнить то прежнее, дающее о себе таким образом знать, не удается» (Фрейд 1910, с. 150), — этот феномен он называет «déjà vu» («уже виденное»). Платонов, в духе Фрейда, настойчиво связывает подобное внутреннее состояние персонажа с образом детства: в «Чевенгуре» это видно не только на примере Чепурного, но и в сцене смерти машиниста-наставника (с. 68/68), и в описании Алексея Алексеевича Подлюбезьева (с. 207/203); во «время детства» (с. 410/397) возвращается и главный герой романа.

Ср. мотив «уже виденного» в романе «Обломов», тоже связанный с актуализацией сна / смерти и возвращением героя в

детство: «На человека иногда нисходят редкие и краткие задумчивые мгновения, когда ему кажется, что он переживает в другой раз когда-то и где-то прожитой момент. Во сне ли он видел происходящее перед ним явление, жил ли когда-нибудь прежде, да забыл, но он видит: те же лица сидят около него, какие сидели тогда, те же слова были произнесены уже однажды: воображение бессильно перенести опять туда, память не воскрешает прошлого и наводит раздумье. <...> Он лениво, машинально, будто в забытии глядит в лицо хозяйки, и из глубины его воспоминания возникает знакомый, где-то виденный им образ. <...> И видится ему большая темная, освещенная сальной свечкой гостиная в родительском доме, сидящая за круглым столом покойная мать и ее гости: они шьют молча; отец ходит молча. Настоящее и прошлое слились и перемешались» (*Гончаров 1969, с. 513—514*).

Исследователи говорят о возможном метафизическом подтексте данного платоновского мотива: «Память — одна из любимых мистиками категорий. И это понятно. Если представлять человека как существо двух миров, потустороннего и потустороннего; как трансцендентального субъекта и земного человека одновременно; если верить в многократное возвращение души на землю, то, естественно, возникает проблема памяти и о трансцендентном мире, и о своих собственных предыдущих пребываниях на этой земле. <...> Платонов „пробует“ традиционный для мистиков подход к памяти — память о какой-то другой жизни. <...> Мистический смысл этого воспоминания у Платонова лишь „мерцает“ — через такую своеобразную метафору цикличности истории, непреходимости земных проблем, повторяемости жизненных ситуаций» (*Дужина 1998, с. 53*).

170 [37] С. 302/294. Чепурный вечером выехал в губернию... — Вероятно, для участия в партконференции, на которой мы впервые видели его в романе (см. с. 187/182). Принимая во внимание «новое летосчисление», введенное Чепурным (см. 343), можно заметить, что герой уезжает из Чевенгура вечером «шестого дня коммунизма»; изложенная в трех ретроспективных отступлениях история шестидневного «становления» коммунизма в Чевенгуре может быть соотнесена с шестью днями творения, о которых повествуется в Библии (*Быт. 1*).

171 [38] С. 309/301. — Одну минуту пожить сумеет, <...> только снаружи помер. — Здесь ярко проявляется религиозное отношение Чепурного к коммунизму, якобы дарующему всемогущество. «„Создайте новое общество, и — вы увидите чудеса“, эта вера передана античным социализмом всякому позднейшему. Это — та самая вера, которая владела мечтательными хилиастами средневековья и позже — мюнстерскими анабаптистами, чьими усилиями коммунистическое Царство Божье на земле стало полной ужасов действительностью» (*Пельман 1920, с. 39*). Несмотря на попытки платоновского

героя истолковать ситуацию рационалистически, его действия выглядят как попытка повторить одно из евангельских чудес — воскрешение Иисусом сына вдовы (Лк. 7, 12—15). Ср. слова Христа: «Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему» (Мк. 9, 23); в литературе начала XX в. данный мотив получил эффектное воплощение в рассказе Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского»: главный герой, о. Василий, надеясь на крепость своей веры, пытается воскресить умершего и ультимативно требует у Бога чуда (Андреев 1990—1996, т. 1, с. 551—553). Ср. также евангельский эпизод с дочерью Иаира: со словами «не умерла девица, но спит» Иисус воскрешает покойную (Матф. 9, 24—25; Мк. 5, 39—42; Лк. 8, 52—55; вариацию этого эпизода видим в «Легенде о Великом Инквизиторе», где вновь явившийся Христос воскрешает семилетнюю девочку, — Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 227).

Добавим, что эпизоды воскрешения ребенка имеются и в Ветхом Завете. Пророк Илия воскрешает сына бедной вдовы: «Простершись над отроком трижды, он воззвал к Господу и сказал: Господи Боже мой! да возвратится душа отрока сего в него! И услышал Господь голос Илии, и возвратилась душа отрока сего в него, и он ожил» (3 Царств. 17, 21—22). Что касается пророка Елисея («человека Божьего»), то вначале по его приказу на детей, дразнивших пророка «плешивым», напали две медведицы «и растерзали из них сорок два ребенка» (4 Царств. 2, 24), а затем он воскрешает в Сонаме сына женщины, дававшей ему приют и пищу: «И поднялся и лег над ребенком, и приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся над ним, и согрелось тело ребенка» (4 Царств. 4, 34).

Развитие данного мотива в платоновском творчестве — в пьесе «14 Красных Избушек», где Суенита размышляет об умершем ребенке: «Куда же девать мне его, чтобы он согрелся? В живот спрятать опять? Там тесно, он задохнется. А здесь просторно и пусто, он умрет. <...>

Антон. Он будет жить вечно в коммунизме!

Суенита. Нет, он умер теперь. <...>

Антон. Неважно, наука всего достигнет: твой ребенок и все досрочно погибшие люди, могущие дать пользу, будут бес- смертно оживляться обратно к активности! <...>

Суенита. Нет, не обманывайте меня. Дай мне ребенка — я буду плакать по нем. Больше ничего не будет» (*Живя главной жизнью*, с. 352—353).

«Антиутопический» мотив смерти ребенка имеет важное значение в повести «Котлован» (история Насти). Ср. также эпизод повести «Джан»: «Назар пересчитал людей — кто жив, кто умер — и увидел, что не хватает одного ребенка — трех- летней девочки. Никто не мог ему сказать — ни отец ее, ни мать, ни прочие, где исчезла, умерла одна незаметно эта маленькая девочка, небольшой человек. Никто не запомнил,

когда она была задута ветром и песком в пустыне и отошла от рук» (*Собр. соч., т. 2, с. 82*).

172 [38] С. 311/302. ...влил в покорные уста ребенка четыре капли постного масла. — Масло «имеет отношение к таинству миропомазания, сопровождающему в православной церкви обряд крещения и означающему помазание Святым Духом. Отметим, что в истории христианства миро первоначально представляло собой обычное растительное масло — именно его и использует Чепурный. Значимо также количество капель — четыре. Число это явно символическое — оно совпадает с количеством сторон у креста: именно столько раз нужно прикоснуться к человеку, чтобы осенить его крестным знамением» (*Дмитровская 1998, с. 27*).

11) Прокофий (Прошка) Дванов

173 [3] С. 41/41. ...Прошка... — Полное имя персонажа — Прокофий (греч. «преуспевающий, опережающий»). Вследствие идентичности уменьшительных форм от имен Прохор и Прокофий (Проша, Прошка) герой как бы уподоблен своему отцу, Прохору Абрамовичу, однако «тождество» оказывается иллюзорным.

Что касается возраста персонажа, то в различных изданиях романа на этот счет существуют разночтения. В большинстве изданий повести «Происхождение мастера» Прошка — «семи-летний» (см., например: *Собр. соч., т. 1, с. 415*; *Избр. произв., т. 1, с. 392*), в первом отдельном издании романа «Чевенгур» (*М.: Худож. лит., 1988*) — «одинадцатилетний» (*с. 41*), а в сборнике произведений Платонова «Ювенильное море: Повести, роман» (*М.: Современник, 1988*) возраст персонажа вообще не указан (*с. 205*); в машинописной редакции «Чевенгура», хранящейся в ИРЛИ РАН, Прошка назван «пятилетним». Однако представляется принципиально важным, что Прокофий Дванов — младший брат по отношению к Александру (последнему здесь около одиннадцати лет — см. *с. 40/41*); отметим, что в конце романа (см. *с. 401/388*) Прокофий будет мечтать о том, чтобы стать «старшим братом».

Персонаж по имени Прошка встречается в платоновском рассказе «О потухшей лампе Ильича»: герой-рассказчик Фрол Дерьменко вместе с братом и Прошкой строит электростанцию (*Епифанские шлюзы, с. 192—195*).

174 [3] С. 41/41. ...я воровать буду. — Обратим внимание на близость образов Прошки и Захарки из рассказа «Семен»: Захарка, в частности, тоже советует брату Семену воровать и т. п. (см.: *Собр. соч., т. 2, с. 152—159*).

175 [31] С. 217/212. ...думать буду я, а ты формулируй!.. — Ср. суждение Г. Шпета: «Тяжба номинализма и реализма не только не разрешена в истории философии, но всегда является

новым побуждением к философским спорам, и можно заметить, что всякая крупная эра в философии отмечается ее формулировкой в новых формах и в новой инсценировке. <...> Проблема логического выражения интуиций в понятиях есть только новое одевание этой вековой проблемы» (*Шнет* 1914, с. 15—16). См. также 138.

«Разделение функций» между Чепурным и Прокофием кажется парафразом библейской истории двух братьев — Моисея и Аарона. В книге «Исход» Бог велит Моисею вывести сынов Израилевых из Египта, где они находились в рабстве: «И сказал Моисей Господу: о, Господи! человек я не речистый, и таков был и вчера и третьего дня, и когда ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен. Господь сказал: кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? не Я ли Господь? итак пойди; и Я буду при устах твоих, и научу тебя, что тебе говорить. Моисей сказал: Господи! пошли другого, кого можешь послать. И возгорелся гнев Господень на Моисея, и Он сказал: разве нет у тебя Аарона брата, Левитянина? Я знаю, что он может говорить, и вот, он выйдет навстречу тебе, и, увидев тебя, возрадуется в сердце своем; ты будешь ему говорить и влагать слова в уста его, а Я буду при устах твоих и при устах его, и буду учить вас, что вам делать; и будет говорить он вместо тебя к народу; итак он будет твоими устами; а ты будешь ему вместо Бога» (*Исх. 4, 10—16*). Красноречивость считалась у древних евреев обязательным качеством предводителя народа (*Шифман* 1993, с. 293).

Н. Дужина полагает, что мотив «чтения мыслей» — одно из свидетельств использования Платоновым ситуаций из оккультной практики (см.: *Дужина* 1998, с. 48).

176 [31] С. 218/212. ...Прокофий Дванов, член партии с августа семнадцатого года. — Дата вступления Прокофия в партию (конечно, большевистскую) должна характеризовать персонажа с положительной стороны: лето 1917 г. для большевиков было нелегким временем — они находились на нелегальном положении, и новые члены их партии не могли преследовать никаких карьеристских целей (ситуация изменится после Октябрьского переворота). Кстати, получается, что Прокофий вступил в партию совсем юным — не позже, чем в семнадцатилетнем возрасте: он моложе Александра (см. 17), и можно рассчитать, что родился Прокофий между 1900 и 1903 гг.

177 [31] С. 221/216. Некогда Прокофий предложил Чепурному ввести в Чевенгуре науку и просвещение... — Подобная постановка вопроса напоминает щедринскую «Историю одного города» — ср. главу о «войнах за просвещение», который вел градоначальник Бородавкин: «Видно, что Бородавкин был утопист и что если б он пожил подольше, то наверное кончил бы тем, что или был бы сослан за вольномыслие в Сибирь, или выстроил бы в Глупове фаланстер»; ср. также один из пунктов

«Устава...», сочиненного Беневоленским: «Просвещение внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития» (*Щедрин 1947—1950, т. 2, с. 315, 390*).

178 [31] С. 222/217. ...своей узкой мыслью мои великие чувства ослабляет. — Ср. в «Веселой науке» Ф. Ницше: «Мысли суть тени наших ощущений — всегда более темные, более пустые, более простые, чем последние» (*Ницше 1990, т. 1, с. 609*).

179 [33] С. 235/230. — В среду пост — они тише приготовятся! — «Весь комплекс понятий „пост — подготовка к концу света — тихость“ обладает, именно как комплекс, библейскими и аскетически-святоотеческими коннотациями, и в этом значении слово „тише“ свидетельствует о почти инквизиторской заботе Прокофия о душах имеющих быть убитыми буржуев. Инквизиторское сознание, как известно, предполагает, что при всем еретизме убиваемых, и для них, и для инквизитора главная ценность — спасение души. Таким образом, несмотря на все корыстолюбие Прокофия, его язык обличает в нем бессознательную ориентацию на эсхатологические ценности тех, кого он пытается обмануть, причем и буржуев (в оригинале ошибочно: „кулаков“ — *Е. Я.*), и слушающих его идеалистов-коммунистов» (*Меерсон 1997, с. 122*).

180 [33] С. 235/230. ...у меня же сводки о погоде есть! — «Прокофий Дванов, единственный из апостолов революции, живет в реальном мире и реальном времени. В Чевенгуре, выпавшем из времени и пространства, из географии и истории, Прокофий не перестает поддерживать связь с внешним миром» (*Геллер 1982, с. 220*). Не очень понятно, как успех «второго пришествия» может зависеть от пасмурной погоды: вероятно, Прокофий представляет «уход на небо» буквально и полагает, что если оно скрыто за тучами, то путь туда не будет виден.

181 [33] С. 235—236/230. Прокофий же, совместно с Клавдией, обошел все дома имущих граждан <...> жалел, что не назначил второго пришествия в ночь на субботу. — «Прошка — единственный решительно отрицательный герой „Чевенгура“, воплощение зла» (*Sliwowsky 1983, с. 73*); «Прокофий — вот, вероятно, единственный враг в романе» (*Верин 1988*). Н. Полтавцева оценивает Прокофия не столь резко, ставя его в один ряд с такими платоновскими персонажами, как Филат («Ямская слобода»), Пухов («Сокровенный человек»), Макар и Петр («Усомнившийся Макар»), и считая их всех «подзащитными революции»: это «тот доставшийся в наследство от старого мира „человеческий материал“, который должен превратиться в полноценные личности» (*Полтавцева 1981, с. 50*).

Развивая сопоставление Прокофия с Аароном (см. 175), можно наметить метафорическую связь сцены «экспроприации» с ветхозаветной историей изготовления золотого тельца — фальшивого кумира. Народ в отсутствие Моисея просит Аарона «сделать бога, который бы шел перед нами». «И сказал им Аарон: выньте золотые серьги, которые в ушах ваших жен,

ваших сыновей и ваших дочерей, и принесите ко мне. И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих и принесли к Аарону. Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца» (Исх. 32, 1—4). В аспекте подчеркнутой в романе сексуальности Прокофия и Клавдюши отметим, что в Ветхом Завете «прелюбодеяние» является метафорой идолопоклонства (*Франк-Каменецкий 1934, с. 546*).

182 [39] С. 322/313. ...запер арестованного крестом... — Символическая деталь подчеркивает, что Прокофий — «из семьи „бесов“, только самый мелкий из них. Но этот бесик, ставший мародером в земле обетованной, — самый страшный» (*Ковсан 1989, с. 60*).

183 [39] С. 332/322—323. ...женщины же, прибыв в Чевенгур, заведут многодворье вместо одного Чевенгура... — Примечательно, что Прокофий выступает против женщин в принципе, хотя сам находится в постоянной связи с Клавдюшей.

184 [39] С. 334/325. — Они будут довольны <...> и нам хватит его навсегда. — М. Геллер подчеркивает текстуальную близость беседы Александра и Прокофия и монолога Великого Инквизитора. Ср., в частности, комментируемое высказывание Прокофия со словами героя Достоевского: «О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся. <...> Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. <...> Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке» (*Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 235—236*). Алеша Карамазов воспринимает слова Инквизитора как идеологию «римской армии для будущего всемирного господства, с императором — римским первосвященником во главе» (*Там же, с. 237*); ср. также в начале романа Достоевского спор по поводу статьи Ивана Карамазова, во время которого отец Паисий говорит: «По иным теориям, <...> церковь должна перерождаться в государство, так как бы из низшего в высший вид, чтобы затем в нем исчезнуть, уступив науке, духу времени и цивилизации. <...> По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более» (*Там же, с. 58*).

Возникающий в «Чевенгуре» намек на Прокофия как будущего «первосвященника» дает основание соотнести братьев Двановых с апостолами Иоанном и Петром. Иоанн Богослов — сын рыбака, любимый ученик Христа, присутствовавший при его казни; умирая, Христос завещал Иоанну сыновние обязанности по отношению к деве Марии, причем позднейшие толкователи поясняли, что девственность Иоанна делала его особенно достойным хранителем девственности Марии и что в его лице Мариею были усыновлены все христиане, но прежде

всего такие, как он, девственники. В связи с платоновским романом важно подчеркнуть символизм смерти Иоанна (по его просьбе ученики зарывают его в землю живым): согласно пространенному представлению, он не умер, но чудесно сохранен для грядущего мученического подвига во времена пришествия антихриста; ср. в «Трех разговорах» Соловьева: «Действительным, хотя неофициальным вождем православных был старец Иоанн, весьма известный среди русского народа. Хотя он официально числился епископом „на покое“, но не жил ни в каком монастыре, а постоянно странствовал во всех направлениях. <...> утверждали, что это настоящий старец Иоанн, т. е. апостол Иоанн Богослов, никогда не умиравший и открыто явившийся в последние времена» (Соловьев 1990а, с. 404). С именем Иоанна Богослова в теологии, литературе и иконографии связаны таинственные, мистические мотивы: если Петр представляет экзотерическую, всенародную сторону христианства, то Иоанн — его эзотерический смысл. По церковной традиции, Иоанн — автор не только четвертого Евангелия, но и Апокалипсиса; интересно, что, согласно апокрифическим «Деяниям Иоанна Богослова», у Иоанна есть ученик Прохор, который под его диктовку записывает Евангелие (МНМ 1991, т. 1, с. 550—551).

185 [39] С. 335/325. ...выделенный сын из отцовского двора больше уж никогда не является к отцу и не тоскует по нем, сын и отец были связаны нисколько не чувством, а имуществом... — М. Дмитриовская отмечает здесь реминисценцию из книги Штирнера «Единственный и его собственность»; ср.: «Сына до совершеннолетия сплавивала с отцом внешняя связь, а потом, после наступления совершеннолетия, он может с ним самостоятельно сближаться: до совершеннолетия они оба принадлежали к одному союзу в качестве членов семьи (были „прикреплены“ к семье), а после совершеннолетия они сближаются друг с другом в качестве эгоистов: прежние „состояния“ сына и отца сохраняются, но ни сын, ни отец теперь уже не считаются с этим своим „званием“» (Штирнер 1922, с. 111). Книга Штирнера была прямо направлена против «Сущности христианства» Фейербаха (см. 100), и «различие взглядов на коммунизм основной массы чевенгурцев, с одной стороны, и Прокофия — с другой, повторяет различие и полярность взглядов Фейербаха и Штирнера» (Дмитриовская 1995в, с. 51; см. также: Вьюгин 1995б, с. 111—112). Ср.: «Фейербах проповедует атеизм положительный, гуманистический, который отрицает бога во имя человека и человечества <...> Штирнер же понял свой атеизм дерзновенно-нигилистически, заострил его в проповедь чистого нигилизма, отрицания всяких высших ценностей, всего святого <...> он атомизировал человечество, упразднив всякий коллективизм его существования и оставив только одно „единственное“ свое я, для которого нет ни права, ни общей нормы, ни добра»; «Штирнер в свое время прошел

почти незамеченным и никого не смутил. Но, воскресши в Ницше, через головы нескольких поколений подает он свой голос теперь» (Булгаков 1993, т. 2, с. 189, 196). Ср. также суждение Вяч. Иванова в статье «Ницше и Дионис» (вошедшей в сборник 1909 г. «По звездам»): «Первоначально Ницше возвращается в круг представлений о „смерти старого Бога“ <...> и о богопреемстве человеческого я. То, что с босяцким самодовольством выговаривал Штирнер, исходя из тождественной посылки, Ницше колеблется изречь: порой мы встречаем в его текстах точки — там, где связь мысли подсказывает: „я — бог“» (Иванов 1994, с. 32).

186 [39] С. 335/326. Лучше будет уменьшать постепенно человека... — Как замечает Л. Дебюзер, «Прокофий формулирует чисто „бесовскую“ концепцию человека <...> Ту же программу формулирует от имени „бесов“ в романе Достоевского Петр Верховенский: „Чуть-чуть семейство и любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание. Все к одному знаменателю, полное равенство <...> Полное послушание, полная безличность“» (Debüser 1998, с. 98). Ср. также реплику Дмитрия Карамазова: «Широк человек, слыхком даже широк, я бы сузил» (Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 100).

187 [39] С. 335—336/326. ...ты будешь самым несчастным, тебе будет страшно жить одному и отдельно, выше всех. — Эта фраза тоже выглядит как вариация слов Великого Инквизитора: «Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя. И возьмем на себя, и нас они будут обожать как благодетелей, понесших на себе их грехи, перед богом. И не будет у них никаких от нас тайн. <...> Самые мучительные тайны их совести — всё, всё понесут они нам, и мы всё разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного. И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдалцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла» (Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 236). Ср. развитие «Легенды о Великом Инквизиторе» в романе Замятина «Мы», где Благодетель говорит: «О чем люди — с самых пеленок — молились, мечтали и мучились? О том, чтобы кто-нибудь раз навсегда сказал им, что такое счастье, — и потом приковал их к этому счастью на цепь. Что же другое делаем мы, как не это?» (Замятин 1990, т. 2, с. 142).

188 [43] С. 398/385. У одной окраинной хаты стоял на земле глиняный памятник Прокофию <...> материал для глиняного монумента скрывшемуся товарищу. — Ср. ремарку в пьесе «14 Красных Избушек»: «В средней части сцены стоит

чучело, устроенное из глины, соломы и различной ветоши. Чучело похоже на сурового человека ростом в полтора человека. Правая рука чучела высоко поднята в неопределенной угрозе» (*Живя главной жизнью*, с. 320); сделавший его Антон поясняет, что назначение чучела — «пугать классового врага»: «Чучело больше человека и страшней» (*Там же*, с. 329).

Мотив изготовления людей из глины встречается в платоновских произведениях неоднократно. Так, о герое рассказа «Ерик» повествуется: «Раз приходит к нему враг рода человеческого и говорит:

— Хошь, я тебя научу людей из глины лепить?

— Давай, — сказал Ерик.

— А что дашь?

— Лапоть.

— А еще чего?

— Чего ж еще: бери вон корчажку, чуни, юбку... Не обижу, не бойсь.

— Да ладно уж, вижу, — сказал враг и научил Ерика людей лепить из глины, из земли и всякой пакости, если ее наслонявить.

Наделал Ерик людей целый полк и распустил их по всему пузу земли искать у нее четырех концов. Разошлись вражьи и Ериковы дети и пропали: ни слуху, ни духу» (*Старик и старуха*, с. 28); затем усилиями этого «Ерикова полка» совершается светопреставление.

В рассказе «Река Потудань» Никита лепит «из глины фигурки людей и разные предметы, не имеющие подобия и назначения, — просто мертвые вымыслы в виде горя с выросшей из нее головой животного или корневища дерева, причем корень был как бы обыкновенный, но столь запутанный, непроходимый, впившийся одним своим отростком в другой, грызущий и мучающий сам себя, что от долгого наблюдения этого корня хотелось спать» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 197); образ глиняных человечков обретает здесь особый смысл в связи с «импотенцией» героя и неоправданно интенсивной подготовкой Любы и Никиты к скорому появлению у них детей.

В рассказе «Одухотворенные люди» двое детей, мальчик и девочка, «играют в смерть» — хоронят глиняные фигурки: «Мальчик поглядел, что принесла сестра. Он поднял с земли мало похожее туловище человечка, величиною вершка в два, слеplенное из глины. На земле лежали еще шестеро таких человечков, один был без головы, а двое без ног — они у них откошились.

— Они плохие, такие не бывают, — с грустью сказал мальчик.

— Нет, такие тоже бывают, — ответила сестра. — Их танками пораздавило: кого как» (*Собр. соч.*, т. 3, с. 14).

Данный мотив «Чевенгура» напоминает традиционный сюжет о сотворении Адама: Яхве лепит человеческую фигуру

из красной глины; ср. сформировавшийся на этой основе в еврейских фольклорных преданиях миф о Големе — глиняном великане, оживляемом средствами магии (МНМ 1991, т. 1, с. 308). Тема «идолопоклонства», связанная с Прокофием, вызывает ассоциации с библейской «Книгой Премудростей Соломона»: «Суетный труженик из той же глины лепит суетного бога, тогда как сам недавно родился из земли и вскоре пойдет туда же <...> Сердце его — пепел, и надежда его ничтожнее земли, и жизнь его презреннее грязи; ибо он не познал Сотворившего его и вдунувшего в него деятельную душу и вдохнувшего в него дух жизни» (Прем. 15, 8—11).

Вспомним также содержащийся в Книге пророка Даниила сюжет об «истукане» на глиняных ногах (Дан. 2, 31—35); явную вариацию на тему сна Навуходоносора, истолкованного Даниилом, видим в рассказе «Усомнившийся Макар» — ср. сон главного героя о «научном человеке», чьи «глаза были страшны и мертвы от нахождения на высоте и слишком далекого взора»: «силой своей любопытной глупости Макар долез до образованнейшего и тронул слегка его толстое, громадное тело. От прикосновения неизвестное тело сразу шевельнулось, как живое, и сразу рухнуло на Макара, потому что оно было мертвое» (см.: *Взыскание погибших*, с. 369).

189 [43] С. 398—399/386. Памятник Прокофию был похож слабо <...> в первый раз вижу вещь без лжи и эксплуатации. — По мнению Е. Толстой, представления чевенгурцев о смысле и задачах искусства напоминают идеи теоретиков ЛЕФа: «Пуританская этика Чевенгура отвергает искусственность <...> Новое искусство, рожденное внутренней потребностью, соответствует проецируемому левыми теоретиками непрофессиональному, некоммерческому искусству <...> Новое искусство — искусство памятников — диктуется „прагматической“ задачей, сохранением памяти. Это сближает его с федоровским „искусством действительности“. <...> По сути, это культовое искусство без культа» (Толстая 1981а, с. 249). Ср.: «Эстетика есть наука о воссоздании всех бывших на крохотной земле» (Федоров 1995—1997, т. 2, с. 231).

190 [43] С. 400/387. Прокофий любил отдыхать на кровати и видеть пешее хождение мух по теплому потолку, так же бродили мухи в его деревенском детстве по потолку хаты отца и матери... — Ср. тифозный бред Никиты в рассказе «Река Потудань»: «Сначала он видел все время потолок и двух поздних предсмертных мух на нем, припотившихся греться там для продолжения жизни, а потом эти же предметы стали вызывать в нем тоску, отвращение, — потолок и мухи словно забрались к нему внутрь мозга, их нельзя было изгнать оттуда и перестать думать о них все более увеличивающейся мыслью, съедающей уже головные кости. Никита закрыл глаза, но мухи кипели в его мозгу, он вскочил с кровати, чтобы прогнать мух с потолка, и упал обратно на подушку: ему показалось, что от по-

душки еще пахло материнским дыханием — мать ведь здесь же спала рядом с отцом» (*Собр. соч., т. 2, с. 190*).

191 [43] С. 401/388. Оглядев еще раз небеса, Прокофий считал <...> ему надо теперь же признать Чевенгур семейной горницей... — Ср. размышления Нур-Мухаммеда в повести «Джан»: «Он ценил теперь себя дороже, выше — ему больше достанется добра в пустыне и на всей земле, потому что живых становится меньше. Неизвестно, получил бы он больше наслаждения, когда продал бы весь этот народ в рабство, или теперь, когда потерял его, когда в природе стало просторней» (*Собр. соч., т. 2, с. 67*). В рассказе военных лет «Иван Великий»: «Любой фашист, пока он не убит, считает себя до тех пор обиженным, пока весь свет еще не принадлежит ему и все добро мира он еще не снес в одно место, к себе во двор» (*Там же, т. 3, с. 128*).

192 [43] С. 401/388. ...чтобы стать в ней старшим братом и наследником всей мебели под чистым небом. — В контексте этих рассуждений Прокофия можно говорить еще об одной библейской реминисценции — имеется в виду сюжет о братьях Исаве и Иакове (см. также 230), первый из которых назван «человеком полей», второй — «человеком кротким, живущим в шатрах» (*Быт. 25, 27*); ср. выше: «Ты ведь жил на озере, а не в хате, кроме неба тебе не было покрытия» (с. 400/387). Александр Дванов ассоциируется с Исавом, который старше Иакова; Прокофий, подобно Иакову, мечтает приобрести «первородство» (как известно, библейский Исав уступил старшинство Иакову за «хлеб и кушанье из чечевицы»).

193 [43] С. 404/390. ...когда ж у Прошки горе будет, чтоб он остановился среди места и заплакал? — Ср. финальную сцену романа (с. 412/398).

12) Прохожий; голый; неизвестный

194 [12] С. 93/92. Мы куда попало идем <...> — Тогда идите лучше вперед... — Характерный пример нарушения логики, вызванного взаимной противоречивостью «точек зрения»: в сознании Шумилина существует «система координат», связанная с представлениями о прогрессе и «векторном» движении, однако с позиции странников совет «идти вперед» выглядит абсурдно.

195 ...в кабинете он вспомнил про одно чтение научной книги <...> оттого люди в несчастьи стараются двигаться. — Ср. затем в повести «Джан»: «Пусть движутся куда-нибудь <...> Кто ходит — тому всегда легче» (*Собр. соч., т. 2, с. 51*); в рассказе «Житейское дело»: «Ходит человек, — подумала она, — себя обманывает, что ль, или, правда, ветер в дороге

тоску его остужает и ему легче! Пусть ходит тогда, пусть ходит!» (*Там же*, т. 3, с. 152).

Вероятно, Платонов специфически «интерпретирует» идеи Эйнштейна (см. *Эйнштейн* 1922), употребляя морально-психологические характеристики как физические понятия, используя «реализованные» метафоры («сила тяготения, вес тела и жизни») и проводя мысль о зависимости массы тела (то есть как бы сосредоточенной в нем «тяжести жизни») от скорости, интенсивности перемещения. Исследователи указывают (см.: *Корниенко* 1993а, с. 21), что в домашнем архиве Платонова сохранилась принадлежавшая ему научно-популярная книга Ш. Нордманна «Эйнштейн и Вселенная», где, в частности, говорится: «Размеры тела, его форма, видимое *пространство*, занятое им, зависят от его скорости <...> время есть четвертое измерение в пространстве»; «Наше представление о материи совершенно опрокинуто. То, что мы называли материей, было прежде всего массой, тем, что нам казалось наиболее осязаемым и прочным. И вот эта масса больше не существует, как и время и пространство, среди которых мы ее расположили. Эти реальности были, оказывается, призраками» (*Нордманн* 1923, с. 50, 75).

196 [13] С. 97/96. На заре он проснулся от тяжести другого тела <...> а я без тебя узнаю, чего хочу. — Характерный пример эпизода, не связанного непосредственно с сюжетом, не имеющего прямых последствий в дальнейшем.

197 [14] С. 106/105. ...«Приключения современного Агасфера»... — В «Строителях страны» — ранней редакции «Чевенгура» — Мрачинский в разговоре с Софьей Александровной сравнивает с Агасфером Копенкина: «Я как-то назвал Копенкина современным Агасфером и прочел стихи Беранже. Вы, конечно, помните это замечательное создание? Копенкину особенно понравились вот эти строчки:

За пир, за угощение —
Мое благодарение.
Но слишком я томлюсь,
Когда остановлюсь»
(*Строители страны*, с. 361).

В. Вьюгин отмечает, что стихи, приписываемые Беранже, на деле принадлежат перу самого Платонова, который стремится подчеркнуть в характере своего героя жажду бесконечного движения. Для платоновского персонажа невыносима остановка, в то время как для героя Беранже мучительным становится движение:

Минуто я прошу всего —
Но в полной вечности мученья

Небесный гнев ни одного
Не уступает мне мгновения

(*Легенда об Агасфере 1919,*
с. 58);

рефрен стихотворения:

И вечность, вечность впереди...
Иди! Иди! Иди! Иди!

Вариацию на тему «современного Агасфера» находим в «Че-Че-О» — ср. эпизод, где герой-рассказчик передает впечатление от музыки шимми: «Никто из присутствующих не видел этого танца, <...> зато тем глубже трогала их какая-то нежная и энергичная тоска шимми, грусть безымянного близкого человека, заблудившегося в сложном устройстве мира, среди людей, холодных, как сооружения. И вот мечется человек — в пиджаке, в кепке, взволнованный и хороший — новый Каин буржуазии, Агасфер земного шара, интернациональный пролетарий» (*Возвращение*, с. 88—89).

Л. Геллер отмечает значительное число совпадений между текстами Платонова и творчеством анархистов, в том числе братьев Гординых, «активных деятелей 1917—1920 годов, лидеров анархистов-коммунистов, организаторов Дома Анархии и Черной гвардии, издателей анархистских органов: „Свободной коммуны“ и „Буревестника“ в Петрограде, газеты „Анархия“ в Петрограде и Москве, наконец, необычайно плодовитых публицистов и писателей» (*Heller 1998*, с. 144). Намеченная в платоновском романе «связка» темы анархизма и образа Агасфера позволяет сопоставить «Чевенгур» с опубликованной в 1919 г. «утопией-поэмой» Гординых «Анархия в мечте», где повествуется о пяти персонажах, путешествующих в «Страну Анархию»: это герой-рассказчик, рабочий, женщина, юноша и «угнетенная нация», которую символизирует именно Агасфер; этот образ интересен потому, что как бы предваряет «интернационал» платоновских «прочих» (см. с. 287—292/280—284):

«Издали виднеется облако пыли. А может, это черная, грозная туча, которая так и несется по земле.

Она приближается.

Мы отличаем людей.

Все они в рваном платье, в худой обуви. Лица исхудалые. Смотреть страшно. Некоторые избиты, искалечены. И какая смесь одежд. Какая рваная пестрота.

Они подходят ближе. Слышим: будто, говорят. Какая смесь языков и наречий. <...> Передо мной будто один человек.

Но какой он странный, и какой он страшный.

Он жалок и грозен.

Он — нищий и он величественный.

Он — маленький и он — такой великий.

Кто передо мною? — силюсь припомнить. — Я его где-то встречал, где-то видел.

Да, это — Агасфер.

Вечный странник передо мною. Вот его горящие глаза, в них горит факел жажды неутоленного искания, в них и презрение, в них и вечное прощение, в них — и безбрежная, нездешняя любовь ко всему живущему и страждущему, в них — и великое достоинство и гениальное высокомерие, в них — и самоунижение и бездонное самоуничтожение.

Да, это — он.

Вот его всклокоченные волосы, которые омывали и буйные, грозные ливни, и тихая, вечерняя роса, которые осыпали и лепестки цветущих деревьев и снега дикой, бушующей, крутящейся, как колесо рока, лютозимней выюги и метелицы, и пепл разрушенных городов, сел, храмов и храмин.

Да, это — он.

Нет, это — не он. Тут вообще не один, а какое-то множество, какое-то многообразие и лиц, и черт, и языков. <...> Тут я заметил, что передо мной, в сущности, стоит один человек, но как в костюме, так и в чертах лица он носит частицы богатого разнообразия разных стран и народов.

— Кто я? Кто я? — он переспрашивал и тихо ответил:

— Угнетенная нация. <...> Сие означает — нация угнетенная, преследуемая, истекающая кровью от своих насильников, наций-разбойников, которые грабят, обируют ее и, в конце концов, доводят до вырождения или убивают насильственно.

— Да какая же ты нация?

— Да я же сказал: угнетенная. Нация, у которой нет своей территории, своей страны. И меня терзают, отнимают у меня моих детей, моих сыновей и дочерей, мои богатства, мою культуру, мое человеческое достоинство народы-хищники, насильники, территориалисты, народы державные.

— А какой же нацией ты будешь?

— Всякой, но только угнетенной. Я — и армянин, и индус, и латыш, и литовец, и белорус, и еврей, и цыган, и черный негр, я — угнетенная нация.

— Откуда идешь?

— Я не иду, а бегу, я спасся от погрома, от разгрома, меня хотят там уничтожить, переварить в большом-большом котле великодержавия, так что и помину не останется, а кости мои перемолоты и унаваживать ими их культурные поля и нивы... Я спасся бегством.

— Куда бежишь?

— Куда глаза смотрят.

— Все же куда?

— Ищу другой страны, другого края, ищу убежища, где можно будет голову приклонить, где можно будет жить, не боясь вечно вечной смерти; ищу страны, где люди живут без

держав, без мечей, без штыков, без войн, без бойнь, ищущи счастья!» (*Гордины 1919, с. 10—13*).

В предисловии к сборнику «Легенда об Агасфере» М. Горький писал: «На тему о странствованиях Агасфера создано множество романов и поэм, причем некоторые из них изображают в лице Агасфера уже не еврея, а вообще человечество, бессмертное, на протяжении тысячелетий идущее к какой-то неведомой цели сквозь великие страдания» (*Легенда об Агасфере 1919, с. 39*).

Образ Агасфера будет присутствовать в художественном мышлении Платонова и в дальнейшем; ср. запись 1942 г.: «Встреча с самым печальным человеком мира (после войны) — „вечным жидом“» (*Записные книжки, с. 227*); с мотивом «Агасфера» связан и образ Гершановича в рассказе «Седьмой человек». Агасфер является эпизодическим персонажем пьесы Платонова «Ноев ковчег», над которой писатель работал в последние месяцы жизни (см.: *Ноев ковчег, с. 123*).

198 [14] С. 107/106. ...человек, живущий один на самой черте горизонта. — Ср. образ выходящего в «большой» мир Саши Дванова — «на черте сельского горизонта» (*с. 43/44; см. 293*).

199 [19] С. 129/127. — Что ты, прокаженный, делаешь? — Платонов «смешивает» производные двух омонимов: проказа — название тяжелого хронического заболевания и в то же время — озорная шутка, дурачество; хотя ситуативно подразумевается именно это второе значение, однако вместо ожидаемого «проказник» употреблено слово со значением «больной»; ср. переносный смысл: «прокаженный» — отчужденный, подвергаемый остракизму. Вероятно, играет роль и сходство слова «прокаженный» со словом «скаженный» — сумасшедший (см.: *Даль 1979—1980, т. 4, с. 189*).

200 [23] С. 162/159. — Мы международные! <...> — Евреи, што ль? — Ср. персонификацию всемирного пролетариата — «угнетенной нации» — в образе Вечного Жида — Агасфера (см. 197). Сходный мотив встречаем в платоновском рассказе «Бучило»: «Абабуренко Евдоким стал по отчеству именоваться Соломоновичем».

Соломоновичем стал он теперь не потому, что роду был иудейского, а потому, что считался нищим, не помнящим родства, сиротой и безотцовщиной» (*Епифанские шлюзы, с. 73*).

201 [26] С. 186/182. ...в каждом лице было что-то самодельное, словно человек добыл себя откуда-то своими одинокими силами. — Можно видеть здесь «реализацию» метафоры «self-made man» (букв. «самодельный человек», т. е. человек, пробившийся в жизни без посторонней помощи). Возможно также, что образ-понятие «самодельность» возник у Платонова под влиянием идей классиков марксизма; например, Энгельс в работе «Диалектика природы» (ее первый перевод на русский язык появился в 1925 г.) характеризует человека как вид следующим образом: «Его нормальное состояние соответствует его сознанию, он должен сам

его создать» (Энгельс 1925, с. 41; в несколько ином переводе: Маркс и Энгельс Соч., т. 20, с. 510).

Подчеркивая важное значение понятия «самодедельность» в образно-логической системе Платонова, Н. Байтов пишет: «Все главные герои Платонова — провинциалы. Проблемы они ставят всегда „крайние“ и решают их не чистым мышлением, а как бы *страданием* своего целостного существа. <...> „Провинциальное сознание“ у Платонова всегда „самодельно“ и направлено на „самодеятельность“. Оно и не может быть образовано „извне“, поскольку ощущает себя первой и последней инстанцией, ответственной за себя и за мир. <...> Угрюмая дикая самодеятельность „провинциального сознания“ не имеет, таким образом, в себе ничего *романтического*. Это не яркость гениальной сильной личности, которая хочет своей властью изменить мир, а, напротив, скромная серость, действующая лишь вместе со всеми и благодаря всем. Это, по сути, „общее дело“ Федорова, глухо враждебное гениальности „городских“ выскочек, несущее пафос кропотливого и незаметного труда» (Байтов 1987, с. 316—317).

202 [27] С. 193/189. ...а мне хочется какого-то пустого места, <...> чтобы сделать все сначала... — Ср. реплику главного героя пьесы Андреева «Савва»: «Нужно, чтобы теперешний человек голый остался на голой земле. Тогда он устроит новую жизнь» (Андреев 1990—1996, т. 2, с. 385).

203 [28] С. 201—202/197. ...чесавшийся в свете зари человек не имел и признаков карманов или каких-либо прорех, где бы могли храниться необходимые ему документы. — Логично предположить, что на человеке не было никакой одежды. Связь образа «голового человека» и «солнечных» мотивов наблюдаем уже в раннем платоновском «Рассказе о многих интересных вещах»; примечательно, что появление «голового» сопровождается здесь эсхатологическими интонациями: «Пришли на великую гору. Глядят наверх — спускается к ним оттуда пожилая личность — человек, сам голый, и заметок никаких нет, не то мужик, не то баба. <...> Подошел человек, поглядеть — не поглядел и пошел прочь дальше в пустыню, где незакатное солнце мигало и, должно быть, тухло.

Иван и инженер оглянулись — на человека прошедшего и на замигавшее солнце. Человек остановился, а солнце вдруг потухло.

И далеко в небе что-то зарычало, расступилось и ухнуло в голосистой последней тоске.

Стал быть мрак» (Старик и старуха, с. 91—92).

Ср. запись Платонова конца 20-х годов: «Типичн<ый> человек н<ашего> времени:

это голый — без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое» (Записные книжки, с. 42).

Эпизод «Чевенгура» приобретает символическое звучание: «новый» человек, «человек как таковой» противостоит «орга-

низующей» силе — Копенкину. Платонов явно варьирует здесь диалог из андреевской пьесы «Савва»:

«С а в в а. Голая земля — понимаешь? Голая земля, и на ней голый человек, голый, как мать родила. Ни штанов на нем, ни орденов на нем, ни карманов у него — ничего. Ты подумай: человек без карманов — ведь это что же! <...>

Кондратий. <...> И документов, значит, нет — сгорели!» (Андреев 1990—1996, т. 2, с. 403—405). См. также 39, 202, 329, 461.

Тема «одежды» и, соответственно, «наготы» имела важное значение, например, в творчестве Гоголя и Достоевского; однако можно указать еще на один источник, который, возможно, обусловил ее актуализацию у Платонова (как, между прочим, и у Гоголя с Достоевским, а затем у Андреева): это философский памфлет Т. Карлейля «Sartor Resartus», написанный в 1831 г. и переведенный на русский язык в 1902 г.; латинское название переводится как «Заштопанный портной» (ср., кстати, в «Ямской слободе» ругательство «дурак заштопанный» — Собр. соч., т. 1, с. 275). Книга Карлейля — стилизованный реферат основных положений «философии одежды», созданной неким профессором Диогеном Тейфельсдрекком и изложенной в его труде «Одежда: Ее происхождение и влияние»; основная посылка Тейфельсдрека состоит в том, что философы традиционно принимали «одежду» за истинный облик человека, т. е. не добивались до его глубинной, неизменной сущности: «Во всех своих рассуждениях они молчаливо представляли человека как *животное одетое*, в то время как он есть по природе своей *животное нагое* и только в известных обстоятельствах, сознательно и намеренно, скрывается в одежду» (Карлейль 1902, с. 3). Тейфельсдрек утверждает, что «общество основано на Одежде»: «Разве мы Опоссумы? Разве мы имеем естественные сумки, подобно Кенгуру? Или каким образом могли бы мы без одежды обладать основным органом, сидлищем души и истинной мозговой железой Социального Тела: я подразумеваю Кошелек?» (Там же, с. 54, 69); однако существует и «голый мир», располагающийся под «одегтым»: «Вещь видимая, даже вещь Воображаемая, вещь каким бы то ни было образом мыслимая как Видимая, — что она такое, как не Покров, как не Одежда для высшего небесного невидимого <...> Начало всякой Мудрости заключается в том, чтобы смотреть на Одежду пристально, даже вооруженным глазом, до тех пор, пока она не станет *прозрачной*»; Тейфельсдрек провозглашает «великую идею-мать» — «Общество в состоянии Наготы» (Там же, с. 54, 71, 68). Возможно, название «Sartor Resartus» «откликнулось» в фамилии одного из главных героев романа «Счастливая Москва» — Сарториус (Золотоносов 1994а, с. 133); звучащая здесь идея «перемены личности» (см. 120, 233) по своему коррелирует с «философией переодевания» Карлейля.

Добавим, что мотив «голого человека» был достаточно распространен в литературе первой половины 20-х годов — ср., например, одноименные повести С. Семенова (Семенов 1924; см. 288) и Ю. Слезкина (Слезкин 1924), а также образ «голого» в рассказе М. Булгакова «Ханский огонь» (подробнее см.: Яблоков 1997, с. 136—139); не исключено, что одним из стимулов к актуализации темы «наготы» явился роман Б. Пильняка «Голый год». В аспекте уже отмечавшихся перекличек «Чевенгура» с романом «Вор» (см. 66, 128) обращает на себя внимание монолог леоновского Фирсова: «О голом человеке интересуюсь я <...> Человек без орнамента и есть голый человек. Тем и примечательная революция наша, что скинула с человека ветхий орнамент <...> Теперь снова все устанавливается по будничному ранжиру <...> Организм обтягивается новой кожей, ибо без кожи жить и страшно, и холодно. Голый исчезает из обихода, и в поисках его приходится спускаться на самое дно» (Леонов 1928, с. 34—35).

204 [38] С. 317/308. ...значит, жили где-то люди, кроме коммунизма, и даже ездили куда-то. — Эта фраза обозначает, по существу, окончание «расцвета» и начало кризиса чевенгурской утопии, связанное, конечно, с только что случившейся смертью ребенка; обнаруживается, что чевенгурцы, стремившиеся «стянуть» пространство в одну точку, не преуспели в этом, поскольку люди все равно «ездят куда-то». Именно как реакция на это обстоятельство у некоторых персонажей (Луй, Кирей) появляется желание уйти из Чевенгура, возобновить странствие. См. также 900.

205 [39] С. 328/319. — Я люблю женщин дальних. — Ср. в пьесе «Высокое напряжение» слова Мешкова, который смотрит на спящую Ольгу Крашенину: «Какое действительно хорошее существо — <...> любит что-то далекое и меняет на это далекое свою текущую молодость» (Высокое напряжение, с. 166). В повести «Котлован» о деревенских «девушках и подростках» говорится, что «они жили как чужие в деревне, словно томились любовью к чему-то дальнему» (Взыскание погибших, с. 267); под заголовком «Любовь к дальнему» Платонов опубликовал в 1934 г. в журнале «30 дней» (№ 2) главу романа «Счастливая Москва», посвященную «гражданину мира» эсперантисту Божю.

Образ «дального» и идея «любви к дальнему» в разные периоды творчества получают у Платонова различную оценку. Например, в статье 1921 г. он писал: «Что такое коммунисты? Это лучшие люди, передовые борцы человечества. Люди, которые умеют любить больше дальнего человека, чем ближнего. Люди, которые любят себя больше в будущем человечества, чем себя в настоящем, и, несмотря на их физическую зависимость от сегодня, умеют духовно всецело отдаться завтра» (Коммунист принадлежит будущему). Статья вызвала ответную реплику Г. Плетнева, который, в частности, утверждал: «Ком-

мунист в первую очередь принадлежит скверному, тяжелому сегодня, а уже потом великому, светлому завтра» (Плетнев 1921). Платонов резко возразил Плетневу (см.: *Ответ мещанину*), однако в дальнейшем и сам подверг императив «любви к дальнему» переосмыслению. В течение 30-х годов в платоновском творчестве нарастает гуманистический пафос «любви к ближнему»; ср., например, чувства героини рассказа «На заре туманной юности»: «...девочка хотела, чтобы ее снова любил кто-нибудь, — отдельный человек, подобный отцу и матери, а не все люди, которые сейчас ее кормят и учат, но которых она хорошо не знает» (*Собр. соч., т. 2, с. 215*).

К началу XX в. коллизия «любви к дальнему» была глубоко разработана в философской литературе. Ср. реплику Ивана Карамазова: «Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних» (*Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 215*). Яркое выражение получил этот мотив в книге Ницше «Так говорил Заратустра»: «Вы жметесь к ближнему, и для этого есть у вас прекрасные слова. Но я говорю вам: ваша любовь к ближнему есть ваша дурная любовь к самим себе. <...> Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему» (*Ницше 1990, т. 2, с. 43*); по этому поводу С. Франк в 1903 г. писал: «Сам Ницше — убежденный и восторженный апостол „любви к дальнему“. Но он не только ее проповедник: он творец целой грандиозной моральной системы, основанной на этом нравственном чувстве»; «Этика „любви к ближнему“ в своем развитии превращается в этику сострадания, смирения и, наконец, пассивного мученичества. Этика „любви к дальнему“ <...> становится религией *активного героизма*» (*Франк 1990, с. 15, 25*).

206 [39] С. 329/320. ...уходили несколько человек: в Чевенгур они пришли вместе, а расходились одинокими... — Ср. затем в повести «Джан»: «Чагатаев <...> поднялся на самую высокую террасу <...> Оттуда он рассмотрел десять или двенадцать человек, уходящих поодиночке во все страны света. <...> Чагатаев вздохнул и улыбнулся: он ведь хотел из своего одного небольшого сердца, из тесного ума и воодушевления создать здесь впервые истинную жизнь, на краю Сары-Камыша, адова дна древнего мира. Но самим людям виднее, как и лучше быть. Достаточно, что он помог им остаться живыми, и пусть они счастья достигнут за горизонтом...» (*Собр. соч., т. 2, с. 93*).

207 [40] С. 340/330—331. По горизонту степи, как по горе, шел высокий дальний человек, все его туловище было окружено воздухом <...> — Мы думали, он к нам идет, а он скрылся. — Яркий пример того, как жизнеподобная в целом ситуация становится откровенно символической: определение «высокий», обозначающее, возможно, местоположение персонажа (шел «по горе», т. е. высоко), в свете нормативного словопотребления воспринимается как характеристика самого чело-

века; тогда получается, если учесть удаленность в пространстве, что персонаж этот имеет громадный рост — даже на большом расстоянии кажется «высоким». В то же время фраза «все его туловище было окружено воздухом» создает впечатление, что воздух имеет некую «фактуру»: он плотен и похож на облака. Подчеркивая вдобавок, что его «подолы еле касались земной черты» (вполне вероятный зрительный эффект при движении по ровной поверхности), Платонов в итоге добивается того, что изображенный человек приобретает вид сверхъестественного существа, летящего на облаках. «Слова „по ту сторону видимости“ (вместо „горизонта“) заставляют предполагать, что речь может идти и об ангеле, представителе мира невидимого» (Мерсон 1997, с. 58).

Но, скорее всего, чевенгурцы принимают «человека» за Мессию. Образ «Бога на облаках» возникает в Библии неоднократно — «от бога-громовика сохранилось, в частности, представление о том, что Бог является своим adeptам <...> в громе и буре, что он пребывает в облачном столпе, в облаке (ср. угаритские представления о Силаче Балу, скачущем на облаке)» (Шифман 1993, с. 37); ср.: «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий» (Дан. 7, 13); «Увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных» (Матф. 24, 30; 26, 64); «Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ним восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4, 16—17); «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око» (Откр. 1, 7). Как замечает А. Киселев, в этой сцене, изображающей явление Христа, Платонов в описании Божественных Сил «не позволяет себе никаких вольностей. Он описывает их по образцам икон, фресок <...> В Италии, в городе Равенна, в церкви-базилке св. Аполлинария, есть мозаика „Поклонение волхвов“, очень напоминающая по динамике описание А. Платонова» (Киселев 1994, с. 244).

Устремляясь навстречу «мессии», чевенгурцы фактически демонстрируют свое весьма незначительное отличие от поголовно истребленных ими «старых» жителей города, которые пребывали в постоянном ожидании «второго пришествия» (см. 334). По мнению М. Дмитриховской, идея «второго пришествия» переосмысливается в романе в духе «антропотизма» Фейербаха: «У чевенгурцев есть напряженное переживание религиозного чувства к ближнему, которое должно оставаться чистым и целостным. Утратив в своем сердце Бога, люди не перестали ждать Спасителя, уже не Бога, а человека. <...> Мессия, Спаситель, обязательно должен быть дальним, потому что человек чувствует экзистенциальную невозможность спасения в тех, кто его окружает, в ближних. Это ожидание есть чистый вектор, чистое стремление, которое никогда не может разрешиться,

ибо никогда в своей земной жизни человек не может достичь слияния с мировым целым» (Дмитровская 1995в, с. 51).

С другой стороны, вспомним, что в романе анархиста Мрачинского «Приключения современного Агасфера», описывается «человек, живущий один на самой черте горизонта» (с. 107/106): можно предположить, что показывающийся перед чевенгурцами «высокий дальний человек», идущий «по горизонту», — это и есть Агасфер. Ср. в статье Платонова «Невозможное»: «Вот недавно, на дорогах нашего мира появился этот неумирающий Агасфер и пропал навсегда, ничего не сделав, присланный сделать все, зажечь или взорвать эту окаменевшую громаду — вселенную, отворить тяжкие двери тайн к вольным пространствам силы и чуда. <...> Печальный и ласковый странник — Агасфер прошел и показал дорогу, ничего не показывая и не говоря. Мы должны увидеть мир его мутными тоскующими глазами» (Невозможное, с. 348). См. также 197.

Мотив «горизонта» позволяет сопоставить данную сцену платоновского романа с фрагментом книги Богданова «Новый мир», вышедшей в 1904 г. и переиздававшейся в 1918 и 1920 гг.; по мнению ее автора, основная цель социализма — создание нового типа существования, «собрание человека»: оно «совершается в действительности там и постольку, где и поскольку отношения авторитаризма и специализации сменяются товарищескими <...> Если человеком мы признаем существо развитое, а не эмбриональное, целостное, а не дробное, то наш вывод будет такой:

Человек еще не пришел, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте» (Богданов 1920, с. 36, 40).

13) Недоделанный; прочие

208 [19] С. 135/133. ...не имел официального года рождения и имени, а формально вовсе не существовал... — Образ «социально неполноценного» — т. е. без имени, без документов, без классовой принадлежности — человека возникает у Платонова неоднократно: например, в повестях «Город Градов» и «Ювенильное море», в рассказе «Усомнившийся Макар», в романе «Счастливая Москва». «Окончательная утеря имени общественно всегда означала гражданскую и историческую смерть, окончательное исчезновение с горизонта истории; <...> окончательный разрыв с бытием равносителен забвению Богом имени или уничтожению его в Книге жизни» (Флоренский 1993, с. 64—65).

209 [19] С. 136/133. ... соседи прозвали дезертира Недоделанным... — Слово «недоделанный» в соседстве с фамилией Достоевского заставляет вспомнить «Легенду о Великом Инквизиторе»: Инквизитор считает, что люди — «недоделанные проб-

ные существа, созданные в насмешку» (Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 238).

210 «Прочие — 1; пол: сомнительный». — Ср. образ «прочих» в собственно «чевенгурских» эпизодах романа (см. 216, 218, 219).

211 ...прибавил одну лишнюю голову к крупнорогатому скоту... — Ср. логику героя рассказа «Государственный житель», который предлагает порядка ради числить козла «младшим бычком» (Собр. соч., т. 1, с. 101).

212 [19] С. 136/134. ...Достоевский чернилами вписал его в гражданский список под названием «уклоняющегося середняка без лично присвоенной фамилии» и тем самым прочно закрепил его существование... — Даже проводя кампанию «переименования», Достоевский не наделил Недоделанного фамилией — видимо, потому, что тот ее «недостойн» в принципе. Выражение «прочно закрепил» несет, по существу, прямо противоположный смысл: Недоделанный исключен из социума и «закреплен» в качестве вечного «маргинала».

Данный ономастический парадокс напоминает приводимый Флоренским исторический анекдот времен Великой Французской революции, когда председатель революционного суда отказался рассматривать дело некоего де Сен-Сира на том основании, что все три части его фамилии — «де», «Сен» и «Сир» — имеют, соответственно, дворянское, религиозное и монархическое происхождение и потому уже не могут быть «действенными»; подсудимый заявил, что он, стало быть, является лишь «отвлеченностью», «абстракцией», а следовательно, неподсуден, — и, действительно, был оправдан, причем суд постановил: «Гражданину Абстракции предлагается на будущее время избрать себе республиканское имя, если он не желает навлекать на себя дальнейших подозрений». «После того, как обнаружилось у подсудимого отсутствие имени, он стал невиден трибуналу как юридическое лицо, и наиболее правильным со стороны судей было бы сделать жест удивления, где же подсудимый и ради чего они заседают. Трибунал смог не поступить так потому, и только потому, что тут же дал подсудимому личное имя Абстракция» (Флоренский 1993, с. 63).

213 ...как бы родил Недоделанного для советской пользы. — Блистательный пример амбивалентной платоновской фразы: с одной стороны, Достоевскому приписываются функции Творца; с другой — употребление прямолинейного «родил» (вместо, скажем, «создал», «сотворил») вносит элемент натурализма и тем самым пародийности; к тому же словосочетание «родил Недоделанного» вызывает сильные сомнения в полезности «акта творения». В этой связи характерна «бесполоая» внешность Недоделанного: «человек длинного тонкого роста, но с маленьким голым лицом и девичьим голосом» (с. 135/133).

214 [32] С. 226/221. ...и нездешних по лицу. — Вероятно, имеются в виду какие-то этнические признаки; см. 227.

215 [36] С. 266/260. ...попросил Прокофия сейчас же ийти куда-нибудь и звать бедных в Чевенгур. — В повести «Джан» читаем: «Советская власть всегда собирает всех ненужных и забытых, подобно многодетной вдовице, которой ничего не сделает один лишний рот» (*Собр. соч., т. 2, с. 15*), — вспомним эпизод усыновления сироты Саши многодетной семьей Двановых (см. 5, 6). Ср. переписку Божко в романе «Счастливая Москва»: «Дорогой, отдаленный друг. Я получил ваше письмо, у нас здесь делается все более хорошо <...> Лет через пять-шесть у нас хлеба и любых культурных удобств образуется громадное количество, и все миллиарды трудящихся на пяти шестых земли, взяв семьи, могли бы приехать к нам жить. <...> Негр Арратау сообщал, что у него умерла жена; тогда Божко отвечал сочувствием, но приходить в отчаяние не советовал — надо сберечь себя для будущего, ибо на земле некому быть, кроме нас. А лучше всего — пусть Арратау немедленно приезжает в СССР. Здесь он может жить среди товарищей счастливой, чем в семействе» (*Счастливая Москва, с. 11—12*).

Подобный мотив встречаем в истории реального Мюнстера: когда 10 февраля 1534 г. анабаптисты под предводительством Иоганна Лейденского взяли город, представлявший им «Новым Иерусалимом», они разослали во все страны письма к своим единомышленникам, приглашая их к себе: «Здесь вы найдете в достаточном количестве все, в чем вы нуждаетесь. Самые бедные среди нас <...> теперь ходят <...> в дорогих платьях» (цит. по: *Каутский 1924—1925, т. 2, с. 187*).

216 [36] С. 267/260. — Зови всяких прочих, <...> увидишь бедного, ве́ди его к нам в товарищи. — А прочего? — спросил Прокофий. — И прочего ве́ди. — Яркий пример того, как слово лишается своего лексического значения и переосмысливается, приобретая «терминологический» характер. В реплике Прокофия слово «прочий» должно было бы, в соответствии с нормативным употреблением, означать небедный, т. е. богатый: ясно, что подобные «компаньоны» для Чепурного неприемлемы и соглашается он на «прочих» потому, что вкладывает в это слово собственный смысл.

«У прочих нет ни обозначающего, ни обозначаемого, т. е. их обозначающим является „отсутствие обозначаемого“ (на семантическом уровне), а денотат, т. е. характеристика, свидетельствует о несуществовании свойств, отличий. <...> Слово „прочие“ становится наименованием / именем, обозначающим группы класса, рода, вида, несмотря на то, что в современном русском языке „прочий“ обозначает как раз то, что в какую-либо группу и подобное не вошло, что осталось <...> В слове „прочие“ корень „прок“ отличается многозначительностью: „1) перед, предки, будущее; 2) прочее, иное, остальное; 3) надежность, прочность, крепкое, стойкое; 4) польза, толк“

(В. Даль). <...> Конечным денотатом оказывается „никто“, и только этимологически понятное обозначающее показывает, что они и предки и будущее, надежность и постоянство, польза и смысл» (*Ристер* 1988, с. 138—139). См. также 219.

Подобное переосмысление на грани каламбура напоминает хрестоматийно известную сцену романа «Обломов», где главный герой, уязвленный тем, что слуга сравнивает его с другими дворянами, объясняет Захару разницу между собой и «другим»: «Да ты подумал ли, что такое *другой*? <...> *Другой* — кого ты разумеешь — есть голь окаянная <...> Другой есть такой человек, который сам себе сапоги чистит, одевается сам, хоть иногда и барином смотрит, да врет, он и не знает, что такое прислуга; послать некого — сам сбегает за чем нужно; и дрова в печке сам помешает, иногда и пыль оботрет...

— Из немцев много этаких, — угрюмо сказал Захар.

— То-то же! А я? Как ты думаешь, я „другой“?

— Вы совсем другой! — жалобно сказал Захар, все не понимавший, что хочет сказать барин. <...>

— Я совсем другой — а? Погоди, ты посмотри, что ты говоришь! Ты разбери-ка, как „другой“-то живет? <...> Я „другой“! Да разве я мечусь, разве работаю? <...>

Захар потерял решительно всякую способность понять речь Обломова» (*Гончаров* 1969, с. 115—116).

217 [36] С. 283/276. Скоро солнце взойдет, и он сойдет с кургана в Чевенгур... — Парафразы библейского сюжета об исходе «избранного народа» в «землю обетованную» встречаются в нескольких произведениях Платонова. Так, в «Рассказе о многих интересных вещах» «возникновение „большевицкой нации“ не может не напомнить исхода израильского народа из Египта, где Копчиков играет роль нового Моисея» (*Лобушкина* 1988, с. 417). В романе «Чевенгур» происходит своеобразная «подмена»: Прокофий, сопоставленный нами с Аароном (см. 175, 181), выполняет функции Моисея; вспомним, что в Библии Аарон признан в итоге недостаточно праведным и недостойным земли обетованной: по повелению Бога он умирает (*Числ. XX, 23—29*). После «Чевенгура» подобные мотивы ярче всего проявятся в повести «Джан» (см.: *Турбин* 1965, с. 302—307; *Аннинский* 1968, с. 94—97).

Ср. суждения С. Булгакова в работе 1910 г. «Апокалиптика и социализм»: «Социализм — это рационалистическое, переведенное с языка космологии и теологии на язык политической экономии переложение иудейского хилиазма <...> Избранный народ, носитель мессианской идеи, или, как позднее в христианском сектантстве, народ „святых“, заменился „пролетариатом“ с особой пролетарской душой и особой революционной миссией, причем избранность эта определяется уже не внутренним самоопределением как необходимым условием мессианского избрания, но внешним фактом принадлежности к проле-

тариату, положением в производственном процессе, признаком сословности» (Булгаков 1993, с. 424—425).

218 [37] С. 286/278. — Какие прочие? Опять слой остаточной сволочи? — Интересно, что здесь Чепурный не понимает значения слова «прочие», хотя ранее оно не вызывало у него никаких сомнений (см. 216).

219 [37] С. 286/279. Прочие и есть прочие — никто. — Ср. в повести «Котлован»: «— Я никто, — сказала девочка» (*Взыскание погибших*, с. 212); эти же слова произносят мальчик-сирота в «Глиняном доме в уездном саду» (см.: *Собр. соч.*, т. 2, с. 123) и приемная дочь Юшки из одноименного рассказа (*Взыскание погибших*, с. 480). Сходна реплика Ольги в рассказе «На заре туманной юности»: «Я ничья, я сама себе своя. <...> Меня в люди не принимают!» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 214). В пьесе «Высокое напряжение» Мешков, думающий лишь о самоубийстве, хвастливо говорит Крашениной: «А вы думали — я уже ничто. Нет, подружка дорогая, — я организационно подготовился» (*Высокое напряжение*, с. 167); в романе «Счастливая Москва» Комягин дает себе следующую характеристику: «Я вневойсковик, почти ничто»; «Я ведь и не живу, я только замешан в жизни»; «Я человек ничто» (*Счастливая Москва*, с. 20, 35, 36); вариацию последней фразы видим в пьесе «Ноев ковчег», где инженер-радист Полигноис задается вопросом: «Неужели я такое ничто?» (*Ноев ковчег*, с. 131). Ср. также «детские» рассуждения героя рассказа «Железная старуха»: «— А кто я? — думал Егор и не знал. — Кто-нибудь я тоже есть. Так не бывает, чтобы я был никто!» (*Собр. соч.*, т. 3, с. 87). Затрудненность самоидентификации (ощущение неизбыточной «пустоты» или, по крайней мере, экзистенциального дискомфорта) может приводить платоновских персонажей к намерению «сменить» собственную личность, буквально стать «другим человеком» в прежнем теле — ср. желание героя «Счастливой Москвы» Сарториуса «исследовать весь объем текущей жизни посредством превращения себя в прочих людей» (*Счастливая Москва*, с. 50). См. также 120.

Слово «никто» в сочетании с мотивом бесконечного странствия ассоциируется с эпизодом гомеровской «Одиссеи», в котором путешественники попадают к циклопу Полифему (см. также 126); на вопрос циклопа об имени Одиссея тот отвечает:

Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают
(Гомер 1981, с. 147—148).

Благодаря вымышленному имени Одиссей, ослепив Полифема, ускользает вместе со своими спутниками.

Платоновский образ «бывших людей» — всемирных люмпенов, вернувшихся к дообщественной, «доисторической» форме

существования («большевицкая нация» в «Рассказе о многих интересных вещах», джан в одноименной повести и т. п.) может быть сопоставлен с центральной метафорой горьковской драмы «На дне» (мотив «дна» важен и в связи с актуальным для Платонова отождествлением «поднебесного» и «подводного» миров — см. 305). Мотив «бывших людей», «подей дна» смыкается и с темой «голового человека»; ср. у Горького реплики Бубнова: «Снаружи как себя ни раскрашивай — все сотрется»; «все слиняло — один голый человек остался» (*Горький 1968—1975, т. 7, с. 114, 123*).

Стремление чевенгурских коммунистов видеть в «прочих» начало нового человечества можно рассматривать как «реализованную» метафору из «Интернационала»: «Кто был ничем — тот станет всем». См. также 208, 216.

220 Это еще хуже пролетариата. — Т. е., по логике Прокофия, «лучше» пролетариата; еще более нищие и обездоленные, чем он.

221 [37] С. 289—290/281—282. Прочие же заранее были рождены без дара <...> за отсутствием охраняющих продолжающихся материнских сил. — Можно отметить смысловую и интонационную близость фрагмента, посвященного «прочим», и Первого «Философического письма» П. Чаадаева (написанного в 1829 г. — ровно за сто лет до платоновского романа), автор которого говорил о национальной психологии и исторической судьбе русской нации: «Мы все имеем вид путешественников <...> В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками <...> Что такое жизнь человека, говорит Цицерон, если память о прошлых событиях не связывает настоящего с прошедшим! Мы же, придя в мир, подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию. Каждому из нас приходится самому связывать порванную нить родства» (*Чаадаев 1989, с. 41—44*). Исследователи (см.: *Мильдон 1989, с. 81*) обращают внимание на близость этих идей Чаадаева и одного из фрагментов «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя: «Вот уже почти полтора ста лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза чистилищем просвещения европейского, дал в руки нам все средства и орудья для дела, и до сих пор остаются так же пустыни, грустны и безлюдны наши пространства, так же бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашею крышей, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге» (*Гоголь 1976—1978, т. 6, с. 255*).

222 [37] С. 289—290/282. ...кругом был внешний мир, а прочий ребенок лежал посреди него и плакал... — См. 10.

223 [37] С. 290—291/282—283. Никто из прочих не видел своего отца <...> У прочих не хватало среди белого света только одного — отца... — «Для Платонова основной раздел между людьми идет не по классовому, имущественному или национальному признакам, а по отношению к отцу. Писатель излагает свою точку зрения, в которой влияние Федорова смешано с влиянием Фрейда» (Геллер 1982, с. 230). «Платонов продолжает линию Розанова, пересматривая социальный конфликт во фрейдистском духе: в его трактовке Эдипова комплекса ребенок мстит отцу за его отсутствие: радикализм есть результат отпечатавшейся в психике семейной трагедии» (Толстая 1981а, с. 259).

224 [37] С. 291/283. ...это были сплошь самодельные люди... — Практически то же самое говорилось в эпизоде собрания о коммунистах (см. 201).

225 ...в голую глину или в странствующий песок падают семена из безымянного бурьяна... — Возможно, переосмыслена евангельская притча о зерне, которое «упало на места каменные, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока; Когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня; засохло» (Матф. 13, 5—6; Мк. 4, 5—6; Лк. 8, 6). Ср. в Ветхом Завете уподобление человека, народа растению: «Гибель народа изображается как превращение плодоносной страны в пустыню (Иер. 4, 26); ожидаемое спасение — как превращение пустыни в плодоносную землю (Ис. 32, 15). Судя по некоторым эсхатологическим текстам, можно подумать, что избавление от вавилонского плена должно повлечь за собой небывалый расцвет растительности (ср.: Ис. 41, 18—19; 43, 19—20; 58, 11) <...> Возвещенный расцвет растительности символизирует возрождение народа, который сам мыслится как растение» (Франк-Каменецкий 1932, с. 134). Интересно, что в этом контексте все «мелиоративные» мотивы платоновского романа обретают символический смысл.

«Идея бесполого воспроизведения, превращения человека в кроющие растения (пролетарски мыслящий Платонов вместо тростника сравнивает человечество с бурьяном), в содружество цветов, не убивающих для поддержания жизни, а получающих питание из элементарных веществ, — идея эта преследует Платонова все тридцатые годы» (Толстая 1980, с. 194—195).

226 [37] С. 291/284. ...словно они всю жизнь грелись и освещались не солнцем, а луной. — Этим сравнением подчеркивается сходство прочих с пришельцами из загробного мира, мира «теней»; ср. метафору «луна — солнце мертвых» (Карр 1858, с. 145). Интересно, что древнеримский «храм Дианы, считавшейся олицетворением луны, стал излюбленным местом культа для происходивших из переселившихся в Рим или взятых в плен латинян, плебеев и рабов; годовщина основания храма считалась праздником рабов <...> Это обеспечило Диане по-

пулярность среди низших классов» (МНМ 1991, т. 1, с. 376). См. также 303.

Образ «бесплотных» душ станет центральным в повести «Джан»: «все мелкие племена, семейства и просто группы постепенно умирающих людей <...> называют себя одинаково — джан <...> джан есть душа, а у погибающих бедняков ничего нет, кроме души, то есть способности чувствовать и мучиться» (Собр. соч., т. 2, с. 112).

В конце 30-х годов А. Гурвич писал: «Утрата чувства жизни, физического и духовного самосознания <...> знакома многим героям Платонова. Для многих из них грань между жизнью и смертью стерта, неразличима. <...> Поэтому полная физическая смерть не страшит их. Переход от безразличия к небытию. Где тут грань? Где переход? Единственное различие в том, что окончательное небытие еще не испытано, неизвестно» (Гурвич 1994, с. 364—365).

227 [37] С. 292/284. ...сделало их лица нерусскими. — По сути, это определение значит то же, что и «международное» лицо Копенкина (см. 106). Ср. также образ Агасфера — «утнетной нации» — в поэме бр. Гординых «Анархия в мечте» (197).

14) Яков Титыч

228 [38] С. 306/298. Пока слово не скажешь, то умным не станешь, оттого что в молчании ума нету — есть одно мученье чувства... — См. 37, 150.

229 [39] С. 327/318. Яков Титыч любил поднимать с дорог и с задних дворов какие-нибудь частички <...> жить и дальше мучиться. — Ср. аналогичное поведение героя повести «Котлован»: «Вощев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение своего мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности»; «Вощев иногда наклонялся и подымал камешек, а также другой слипшийся прах, и клал его на хранение в свои штаны»; «Вощев, не полностью соображая, со скупостью скопил в мешок вещественные остатки потерянных людей, живших подобно ему без истины и которые скончались ранее победного конца» (Взыскание погибших, с. 172—173, 186, 262). Сходен и главный герой рассказа второй половины 30-х годов «Юшка»: «Он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жуков, которые пали замертво, и долго всматривался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим» (Там же, с. 478), — причем данный персонаж, по-видимому, прямо «продолжает» образ Якова Титыча: они объединены портретным сходством, неопределенностью возраста, профессией (кузнечное дело), наличием тяжелого хронического заболевания; можно предположить и своеобразное «тождество» их имен, принадлежащих одному из устойчивых «ономастических

комплексов» платоновского художественного мира — Ефим / Яким / Яков, элементы которого объединены сложными мифопоэтическими коннотациями; ср. также сходство уменьшительных форм: Юшка / Яшка. Вспомним, наконец, что тема «праха / утиля» имеет важнейшее значение и в платоновской пьесе «Голос отца», причем ее главного героя также зовут Яковом (см. 646).

230 [39] С. 331/322. Хорошо быть ангелом <...> Человеку иногда скучно с одними людьми. — Ср. рассказ «Глиняный дом в уездном саду», герой которого (имеющий то же имя — Яков, что персонаж «Чевенгура», и ту же профессию — кузнец) встречает мальчика, принимаемого им за ангела:

«„Может, это ангел ходит ночью! — подумал Яков Саввич. <...> — Ангелу ходить пора! <...>“ Он прислушался далее. Ангел по-прежнему постукивал в окно, но все более редко и без ответа.

„Застынет! подумал Яков Саввич и встал с места. — Зори теперь холодные“.

Он вышел наружу и позвал: „Эй, чертенок, иди сюда!“ — однако звука из его рта не раздалось, — от стеснения или от страха он говорил только в уме. <...>

Ребенок постоял немного, погладил деревянную стену рукой и пошел к кузнице, ступая по крапиве привычными ногами.

— Ты чей? — спросил его Яков Саввич.

— Я ничей, я отца-мать хожу ищу, — сказал мальчик лет четырех или пяти на вид.

— А я думал, ты — ангел, стервец!

— Нет, я никто, — отказался мальчик. <...>

— Вон что, — произнес среди своего молчания кузнец. — Жалко, что ты не ангел» (*Собр. соч., т. 2, с. 122—123*). Сходный эпизод в киносценарии Платонова «Отец-мать» — здесь Безгадов, услышав ночью шаги мальчика-сироты, ищущего мать и отца, произносит фразу: «Какой это ангел блуждающий ходит?» (*Отец-мать*).

Все эти мотивы вносят дополнительные черты в «культурный ореол» персонажа «Чевенгура» Якова Титыча: он отождествляется с библейским Иаковом — родоначальником «двенадцати колен Израиля»; ср. сон Иакова о лестнице, по которой восходят и нисходят ангелы (*Быт. 28, 12*), а также эпизод, когда Иаков ночью борется с Богом, принявшим вид ангела (*Быт. 32, 24*), — примечательно, что в Библии противник Иакова именуется «Некто». Не в силах одолеть Иакова, Бог благословляет его (как первородного сына) и нарекает новым именем — Израиль (что свидетельствует о перерождении героя). О мотиве «первородства» в платоновском романе в связи с темой «Иакова» — см. 192. Библейский подтекст образа Якова в пьесе «Голос отца» отмечен А. Харитоновым (*Харитонов 1995, с. 399*).

Вместе с тем, у Платонова несомненны ассоциации и с евангельским персонажем: Иаков — апостол от Семидесяти, прозванный братом Господним, — сын Иосифа и Марии. Ср. запись Платонова 1935 г.: «Человек с лицом брата Господня — Якова» (*Записные книжки*, с. 155). Один из персонажей пьесы Платонова «Ноев ковчег» — «Иаков, брат Иисуса Христа, брат Господень» (*Ноев ковчег*, с. 97): по его собственным словам, он — «порочного зачатия» (*Там же*, с. 103). В финале пьесы Иаков становится капитаном корабля-«ковчег» и «комендантом Арабата» (*Там же*, с. 128).

Связанная с образом Иакова коллизия «ангельского» и «человеческого» станет центральной в рассказе «По небу полуночи», герой которого, немецкий летчик Эрих Зуммер, размышляет: «Мне пора быть ангелом, человеком надоело, ничего не выходит» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 257); кстати, здесь тоже возникает образ мальчика, которого «ангел» Зуммер заживо уносит с земли и вместе с ним «уходит в высоту» (*Там же*, с. 264). Ср. также рассказ «На заре туманной юности», где тетка главной героини, Ольга, не желающая принимать девочку в семью, говорит: «Советская-то власть, она что, она думает, что люди — это ангелы-товарищи, а они возьмут нарожают детей, а сами помрут, — вот пусть она их и кормит, власть-то Советская!..» (*Там же*, с. 211); далее в рассказе возникает образ мальчика Юшки, чье имя вызывает ассоциации с Иаковом (см. 229) и чьей «матерью» становится героиня (см.: *Там же*, с. 221—222, 229).

В связи с данным мотивом интересно отметить противопоставление ангельского и человеческого начал у Вл. Соловьева: «Само монашество считает и называет себя чином *ангельским*; истинный монах носит образ и подобие ангела, он есть „ангел во плоти“. <...> Но с христианской точки зрения ангел не есть высшее из созданий: он ниже человека по существу и назначению» (*Русский Эрос* 1991, с. 88). Эта мысль развита Бердяевым в книге «Смысл творчества»: «Человек не только выше всех иерархических ступеней природы, — он выше ангелов. Ибо ангелы — лишь оправа Божьей славы. Природа ангелов — статическая. Человек — динамичен. Человеком, а не ангелом стал Сын Божий, и человек призван к царственной и творческой роли в мире, к продолжению творения. Человек сотворен по образу и подобию Божьему; зверь — по образу и подобию ангельскому. Поэтому в мире есть динамически-творческая бого-человеческая иерархия и нетворческая, статическая ангело-звериная иерархия. <...> Когда в центре вселенной иерархии хотят поместить ангела вместо человека, папу, епископа, священника — вместо человека, тогда статика побеждает динамику и человечество легко впадает в зверство. <...> Ангел, пожелавший стать царем космоса, стал дьяволом. <...> Человек, вместо того, чтобы дерзновенно определить себя как свободного творца, подчинил себя падшему ангелу. Дьявол ли-

шен творческой, динамической силы, потому что и ангел не обладает ею и не призван к ней. <...> Человек же призван прославлять творца своей творческой динамикой в космосе. Он должен выйти из покоя» (Бердяев 1916, с. 68—69). Сходно суждение С. Аскольдова: «Ангельская природа, поскольку она мыслится прошедшей мимо познания добра и зла и сохранившей в себе первобытную невинность, во многом гораздо ближе и родственнее природе зверя, чем человека» (Аскольдов 1990, с. 33). В плане отождествления «ангела» и «зверя» обратим внимание на один из эпизодов в черновиках «Счастливой Москвы» — Самбикин объясняет Сарториусу, что человек, в отличие от животного, внутренне раздвоен: «Мне бабка говорила, — продолжал он, — у каждого есть ангел-хранитель. А внук ее открыл, что этот ангел — зверь, сознание из костного мозга» (*Счастливая Москва*, с. 71).

231 [40] С. 338/328. ...Яков Титыч относился к нему бережно и даже тайне уподоблялся ему. — Т. е., вероятно, сам себе представлялся похожим на таракана. Данный мотив в романе Платонова перекликается с эпизодом «Бесов», где капитан Лебядкин читает Варваре Петровне Ставрогиной сочиненную им «басню Крылова, под названием „Таракан“» (*Достоевский 1972—1988, т. 7, с. 170*).

232 [42] С. 374/363. ...хотел забыть себя, скрыться от тоски неотлучного присутствия с одним собой. М. Дмитриовская (см.: *Дмитриовская 1994а, с. 78*) соотносит это стремление платоновского персонажа с «болезнью к смерти», описанной С. Кьеркегором в одноименной работе: философ говорит, в частности, об одной из разновидностей отчаяния — «нежелании быть собой, желании избавиться от своего Я» (*Кьеркегор 1993, с. 255*). Исследовательница проводит также параллель с философией дзэн-буддизма, где «центральной проблемой является восприятие сатори, или просветления, при котором сознание достигает состояния, которое носит название „одной мысли“ <...> Состояние сатори возможно только после уничтожения „сознания сознания“ и „раздвоения реальности“. <...> Таким образом, приведение человека в состояние гармонии с природой возможно только при трансформации человеческого сознания от двойственности к сингулярности, при переходе от того, что Платонов называет „двумя мыслями“, к тому, что в дзэн-буддизме называется „одной мыслью“» (*Дмитриовская 1995в, с. 44*).

233 Он желал стать лошастью. Копенкиным, любым одаренным предметом... — Здесь намечен мотив «смены личности» (см. 120, 203), развитый затем в романе «Счастливая Москва», о героине которого говорится: «Ей было по временам так хорошо, что она желала покинуть как-нибудь самое себя, свое тело в платье, и стать другим человеком — женой Гунькина, Самбикиным, вневойсковиком, Сарториусом, колхозницей на Украине...» (*Счастливая Москва, с. 23*); героиня проходит ряд

«переименований», напоминающий историю Сарториуса: из девочки по имени Оля становится Москвой Ивановной Честновой, затем — Мусей Комягиной (*Там же*, с. 9, 46—47).

15) Сербинов

234 [41] С. 357/346. Симон Сербинов... — Значение имени Симон — «Бог слышащий».

По мнению Е. Толстой, прототипом персонажа явился В. Шкловский: «На это указывают такие черты Сербинова, как ненасытность к людям (он ведет книгу учета друзей; ср. „Третью фабрику“ — это, по крайней мере на треть, „книга учета друзей“), стремление забежать „вперед прогресса“, и, в особенности, циничный, мощный и грустный ум. Сербинов ездит по стране (Шкловский по возвращении в Россию искал командировок в провинцию), но он не интересуется отдельным рабочим человеком и не любит его. Сербинов беспощаден, судя людей, но делает исключение для тех, кого он хочет приобрести в друзья (ср. „нетипичную“ мягкость платоновского эпизода в „Третьей фабрике“); кроме всего, фамилия „Сербинов“, по внешности непохожая на фамилию „Шкловский“, имеет ту же семантическую структуру: производную от топонима, причем приблизительно одного и того же ареала (Сербинов — распространенный польско-украинский топоним)» (*Толстая 1981а*, с. 272; см. также: *Галушкин 1994*, с. 174, 181). Отметим, что Платонов полемично относился к эстетическим идеям Шкловского, — об этом свидетельствует статья 1926 г. «Фабрика литературы», где «Платонов доводит до абсурда тезисы одного из ведущих теоретиков левого искусства» (*Корниенко 1993а*, с. 33—35). Характерна также запись, которую сделал Платонов на подаренной ему Шкловским в 1927 г. книге А. П. Миллера «Быт иностранцев в России»: «Эта книга подарена мне высокоуважаемым трагическим маэстро жизни и кинематографии В. Б. Шкловским, и притом даром и навеки. Привет изобретателю формализма — бюрократизма литературы! Аллилуя и аминь. А. Платонов» (*Там же*, с. 35).

235 Он был усталый, несчастный человек, с податливым быстрым сердцем и циническим умом <...> он чувствовал лишь энергию печали своей индивидуальности. — Явно сходен с Сербиновым персонаж пьесы «Высокое напряжение» инженер Мешков, который, в частности, говорит о себе: «Я и запах потерял... Я засыхаю — мне конец» (*Высокое напряжение*, с. 167). Сближая Сербинова с инженером Прушевским из повести «Котлован», Н. Байтов приходит к выводу, что интеллигенты у Платонова «описаны нарочито по-федоровски: с распадающимся сознанием, отравленные городским разумом, вконец изнуренные своей бесплодностью, замкнутостью разума

на себя. Оба они движутся из города в провинцию» (Байтов 1987, с. 315).

Характеристика, данная Сербинову, сближает его с героем романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (кстати, его автор скончался в декабре 1927 г., когда создавался платоновский роман); ср.: «Среди этого томления на улицах и в домах, под этим отчуждением с неба, по нечистой и бессильной земле, шел Передонов и томился неясными страхами, — и не было для него утешения в возвышенном и отрады в земном, — потому что и теперь, как всегда, смотрел он на мир мертвенными глазами, как некий демон, томящийся в мрачном одиночестве страхом и тоскою.

Его чувства были тупы, и сознание было растлевающим и умертвляющим аппаратом. Все доходящее до его сознания превращалось в мерзость и грязь. В предметах ему бросались в глаза неисправности и радовали его. <...> У него не было любимых предметов, как не было любимых людей, — и потому природа могла только в одну сторону действовать на его чувства, только угнетать их» (Сологуб 1988, с. 72).

Платоновский «опустошенный» интеллигент отчасти напоминает также героя книги Горького «Жизнь Клима Самгина»; к работе над ней Горький приступил в конце 1924 г., и начиная с мая 1927 г. она печаталась по главам в различных журналах, газетах и альманахах; первые две части опубликованы в 1927 и 1928 гг. Думается, что «московский» фрагмент «Чевенгура» был написан не раньше этого времени, и можно предполагать известное влияние горьковского романа на Платонова. Ср. высказывание Горького о замысле «Жизни Клима Самгина»: «В центре романа — фигура „революционера поневоле“, из страха перед неизбежной революцией — фигура человека, который чувствует себя „жертвой истории“»; главный герой характеризуется автором как «невольник жизни», «человек, который выдумал себя» (Горький 1968—1975, т. 25, с. 47, 49—50).

Кстати, с учетом «китежского» подтекста в романе «Чевенгур» (см. 73, 305), интересно отметить, что первоначально Горький намеревался предпослать «Жизни Клима Самгина» эпиграф в виде фрагмента нотной записи из либретто оперы Н. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» (сцена «Сеча при Керженце»); см.: Горький 1968—1975, т. 25, с. 15—16.

236 ...читал вслух Глеба Успенского в избах-читальнях. — Судя по всему, речь идет об очерковых циклах конца 1870—начала 1880-х годов «Из деревенского дневника», «Крестьянин и крестьянский труд», «Власть земли», в которых Успенский показал процесс социально-экономического расслоения крестьянства и распада крестьянской общины.

Возможно, сыграли роль воспоминания Платонова о реальных событиях почти десятилетней давности: 2 июня 1919 г.,

выступая перед членами воронежского союза журналистов (Комсоможа), направлявшимися на работу в уезды, комендант укрепрайона и одновременно главный редактор «Известий Совета обороны Воронежского укрепленного района» (см. 25) К. Еремеев «говорил об опыте русской публицистики в изучении жизни деревни. Особенно близок нам, говорил он, опыт Глеба Успенского, отметившего типы русского крестьянства: пролетарий-бунтарь, трудовик, кулак-богачей» (Шубин 1987а, с. 96—97). Видимо, именно об этой встрече говорил в 1922 г. Платонов в письме к жене из Новохоперска, рассказывая о редакторе, подписывавшемся псевдонимом «Сталеметный» (персонаж под этой фамилией упомянут и в письме Литвина-Молотова к Платонову — см. часть I): «Я уже два раза писал в губернскую газету, которая командировала меня сюда, что в Новохоперске положение неважное. Но редактор был одновременно комендантом укрепленного района, и от занятости он не отвечал мне. Он мне в напутствие цитировал на память Глеба Успенского, советуя хорошенько провариться на самом дне, на огневой линии пролетарской революции и помочь там неграмотным преданным людям, которых губит не белая сила, а собственное невежество» (Письма, с. 382—383).

237 [41] С. 357/347. ...он предпочитал иметь их [людей] в массе, а не в отдельности. — Ср. в романе «Братья Карамазовы» рассказ старца Зосимы о некоем знакомом докторе: «Я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на себя самого: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц. <...> Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще» (Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 53).

238 [41] С. 361/350. ...лежал в тишине прохладного гостиничного номера... — Судя по этой детали, Сербинов — не москвич; однако это противоречит замечанию о том, что он ходил «по родным очагам Москвы» (с. 357/347); кроме того, именно в Москве умрет и будет похоронена мать Сербинова (с. 370—371/359—360).

239 [41] С. 365/354. ...некогда прицепил себя к большевикам — из страха остаться позади всех... — Ср. похожую характеристику Дванова: «Александр Дванов не слишком глубоко любил себя, чтобы добиваться для своей личной жизни коммунизма, но он шел вперед со всеми, потому что все шли и страшно было остаться одному, он хотел быть с людьми, потому что у него не было отца и своего семейства» (с. 323/314).

240 [41] С. 366/355. Иногда он доставал дневник и заносил туда под порядковыми номерами мысли и проклятья... — Герой романа «Жизнь Клима Самгина» ведет тетрадь заметок под девизом: «Человек только тогда свободен, когда он совершенно одинок»; одна из записей в ней: «„Двух станов не бо-

ец" — я не имею желания быть даже и „случайным гостем“ ни одного из них» (*Горький 1968—1975, т. 22, с. 89, 206*).

241 ...«И в обществе я буду не член, а стынувшая конечность». — Ср. в пьесе «Шарманка» реплику Серены: «Мне говорил в Москве ваш одинокий член — вы любите ударников и таких, какие трудятся догнать и перегнать» (*Взыскание погибших, с. 570*). Сходный каламбур встречаем уже в повести «Город Градов»: «Захарий вставал, закуривал трубку и говорил:

— Я в мире человек сверхштатный! Не живу, а присутствую, и учета мне нет... На собрания я не хожу и ничего не член!

— Ну, будя, будя тебе, Захарий, — говорила ему жена. — Будя бурчать, садись чай пить. Член! Обдумал тоже. Член!» (*Взыскание погибших, с. 96*). О возможном автобиографическом подтексте мотива «членства» — см. 642.

242 [42] С. 378/367. Но вот птицы взлетели и их застлала медленная пыль — тройка лошадей вывезла наружу экипаж... — По мнению В. Васильева, непосредственное соседство «птиц» и «тройки» — реминисценция из поэмы «Мертвые души» с ее знаменитым образом «птицы-тройки»; платоновская тройка «везет не Чичикова, скупающего мертвые души и выдающего их за живые, а Симона Сербинова, бюрократа и дельца новой эпохи, превращающего души живые в мертвых» (*Васильев 1989, с. 181*). Ср. «дантовско-гоголевские» реминисценции в платоновском фельетоне «Душа человека — неприличное животное (Фельетон о стервецах)»:

«МЕРТВЫЕ ДУШИ В СОВЕТСКОЙ БРИЧКЕ

Едет советская бричка. В ней солидный мужчина, разбрюгшая на воровских харчах барыня, кучер и кобелек.

Это едут по всем мостовым, улицам и переулкам мертвые души в советских бричках. Едут и едут, никак не доедут. А ведь доедут — придет время. Доедут до рабочего ада, и им там воткнут железный шток сквозь пупок. Мечутся мертвые тени в живых городах, и ждут они страшного суда, рабочей расправы» (*Возвращение, с. 38*).

Обратим внимание на известное сходство между образами Сербинова и Платона Платонова — скукающего помещика из второго тома «Мертвых душ»: этот герой принимает предложение Чичикова путешествовать вместе, хочет «проездиться по разным губерниям; авось-либо это вылечит от хандры» (*Гоголь 1976—1978, т. 5, с. 296*).

243 [42] С. 382/370. ...похож на камень в реке... — А. Галушкин (см.: *Галушкин 1994, с. 182*) высказывает предположение, что в самохарактеристике платоновского персонажа воспроизведен образ из книги Шкловского «Сентиментальное

путешествие»: «Я — только падающий камень»; «Я — падающий камень» (Шкловский 1923, с. 187, 317).

Подобное сравнение сближает Сербинова с апостолом Петром, который первоначально звался Симоном: «Блажен ты, Симон, сын Ионин <...> и Я говорю тебе: ты — Петр (камень), и на сем камне я создам Церковь Мою» (Матф. 16, 17—18; Ин. 1, 42).

Ср. также слова Печорина в повести «Тамань»: «И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну» (Лермонтов 1969, т. 4, с. 252).

244 [42] С. 385/373. Своим выводом Сербинов поместил соображение <...> предлагал сделать самому губернскому центру. — М. Геллер полагает, что именно «доклад-донос становится причиной гибели города Солнца» (Геллер 1982, с. 238), а образы Дванова и Сербинова интерпретирует в духе мотива «Христос — Иуда».

245 ...получилось умно, двусмысленно, враждебно и насмешливо над обоими — и над губернией, и над Чевенгуром. — С учетом возможного автобиографического подтекста образа Сербинова можно видеть здесь платоновскую «автохарактеристику» собственного стиля: ср. распространенное мнение о двойственности авторской позиции в «Чевенгуре», об амбивалентности отношения к персонажам. Разница в том, что в писаниях Сербинова отсутствует гуманное, «лирическое» начало, а есть лишь холодная ирония.

246 [43] С. 397/384—385. — Вы ведь знали Софью Александровну? <...> он остался бы навсегда, как в обвалившемся доме. — «Писатель подчеркивает близость Александра Дванова и Симона Сербинова: они оба интеллигенты, оба члены партии, через Софью они связаны телесно — Александр думает о ней, Симон обменивается с ней „кровью и телом“. Софья отдается Симону, но думает об Александре» (Геллер 1982, с. 237).

247 [43] С. 403/390. ...сзади бревно поддерживал Сербинов, неумело и на восьмую веса, как интеллигент. — Возможно, пародируется известная фотография Ленина на коммунистическом субботнике.

248 [44] С. 408/395. ...и оттуда ничего не вышло — ни крови, ни внутренностей. — «Опустошенность» Сербинова получает таким образом как бы физическое соответствие. Ср. в платоновском рассказе «Размышления офицера» сцену гибели подполковника Ф., о которой рассказывает его ординарец: «Он все допрашивал меня: „А еще что вышло из меня? Кровь — пустяк, еще что вышло из меня, изнутри?“ Я говорю: „Боле ничего, товарищ подполковник, что может быть такого, что из человека выходит...“ А он: „Нет, врешь, говорит, из меня важное вышло, главное, говорит, вышло: чем я жил, чем дер-

жался, а теперь я весь пустой, дешевый стал“, — и умер скоро, умер смирно» (*Смерти нет!*, с. 330—331).

16) Соня (Софья Александровна) Мандрова

249 [11] *С. 90/90. ...Соня Мандрова...* — В ранней редакции романа имя и отчество героини были такими же, однако она носила фамилию Крашенина (см.: *Строители страны*, с. 359), близкую по звучанию к фамилии Марии Кашинцевой, ставшей женой Платонова и явившейся в какой-то мере прототипом героини «Чевенгура» (как и ряда других платоновских произведений); фамилию Крашенина Платонов отдал героине пьесы «Высокое напряжение».

По поводу имени «Софья» приведем вначале суждение П. Флоренского: «Этимологически *софия* отнюдь не есть мудрость в современном смысле слова, как преисполненность чистым созерцанием и теоретическим ведением. Если бы задаться передачею слова *софия* на наш современный язык, то наиболее правильно было бы сказать *художество* в смысле жиздительной способности, воплощение идеального замысла в конкретном мире, а по-церковнославянски хитрость» (Флоренский 1993, с. 134).

Как отметила Е. Толстая, имя «Софья» у Платонова ассоциируется с софийными идеями Вл. Соловьева и с культом Софии в ранней поэзии Блока и Белого; оно «может указывать сквозь контекст Белого на Соловьева как центральную фигуру русской модернистской апокалиптики» (Толстая 1980, с. 195). Уместно привести фрагмент опубликованных в 1922—1923 гг. воспоминаний А. Белого, где он пересказывает размышления Блока о Софии: «Она открывается индивидуумам; коллективному сознанию Она не доступна; индивидуум созерцает Ее как Владычицу Мира; в мистическом восприятии Она — душа мира; но может раскрыться Она, как душа человечества; и такую Она мнилась мистикам; Ее откровения могут гласить и народам; тогда выявляет душою народ себя; и русскому Она, например, — существо всей России (не таково ли было отношение к России у Гоголя) <...> Наконец, А. А. Блок признает важность разницы в восприятии Ее и Христа. Христос — Добрый; и Он для всех. Она — ни добра, ни зла: „окончательно“: в окончательности — Неподвижна. Она для А. А. — значительнее Христа; и „Она“ — ему ближе» (Белый 1995, с. 38—39).

По предположению К. Уокера, особое значение для Платонова мог иметь рассказ Вл. Соловьева «На заре туманной юности», написанный в 1892 г. и предвосхищающий ряд мотивов в одноименном платоновском рассказе 1938 г. (в обоих существенна «железнодорожная» тема, в обоих героиня носит имя Ольга и т. п.). Главная героиня соловьевского рассказа,

земное воплощение Вечной Женственности, целиком захвачена стихией любви; в ее любвеобильности сочетаются сакральное и профанное начала: «Горе мое в том, — сказала она, — что меня за что-то очень многие любят, а мне ужасно тяжело обижать и огорчать тех, кто меня любит. Самое ужасное для меня — в чем-нибудь отказывать. Вообще я хотела бы всех любить и делать всем приятное. Но ведь это здесь совершенно невозможно. Здесь так гадко устроено, что все друг к другу ревнуют, завидуют, все друг другу мешают. Поллюбишь одного, чтобы не огорчать его, — обижаешь этим другого. Это просто ужас! <...> Знаете, я иногда думаю о будущей жизни, и мне представляется, что там будет совсем наоборот: никто никому мешать не будет, и можно будет всех, всех любить, и никому это не будет обидно» (Соловьев 1990б, с. 147).

Учитывая, что в «Чевенгуре» проявился определенный интерес Платонова к идеям немецких романтиков (см. 26, 27), можно предположить его знакомство с предисловием З. Венгеровой к изданному в 1914 г. роману Новалиса «Гейнрих фон Офтердинген» — история мистической любви Новалиса к юной Софии фон Кюн напоминает многие «пары» платоновского романа (Соня / Дванов, Софья Александровна / Сербинов, Роза / Копенкин, Клавдюша / Чепурный); ср. фрагмент предисловия: «Он (Новалис. — Е. Я.) писал, что „она (София. — Е. Я.) ничем не хочет быть, ибо она есть нечто (sie will nichts sein, sie ist)“. <...> Заключительное суждение о Софии и ее значении для него содержится в словах Новалиса: „У меня к Софии не любовь, а религия“. Это значило на мистическом языке Новалиса, что в чувстве к Софии ему открылось единство земного и вечного. <...> Смерть Софии пробудила в Новалисе любовное отношение к небытию» (Венгерова 1914, с. XIV—XV).

Уже в ранней платоновской публицистике женщина (при явно негативном отношении писателя к «власти пола» и т. п.) приобретает черты идеального, «совокупного» человека, одухотворяющего природу, преодолевающего телесное начало ради чистой духовности. Так, в статье 1920 г. «Душа мира» Платонов писал: «В женщине живет высшая форма человеческого сознания — сознание непригодности существующей вселенной, влюбленность в далекий образ совершенного существа. <...> Женщина знает, что мир и небо, и она — одно, что она родила все, оттого у нее нет личности, оттого она такая неуловимая и непонятная, потому что отдалась всему, приобрела сердцем каждое дыхание <...> Женщина — тогда женщина, когда в ней живет вся совесть темного мира, его надежда стать совершенным, его смертная тоска» (*Возвращение*, с. 15—16). Подобный образ реализуется и в раннем художественном творчестве Платонова — это, например, Каспийская невеста в «Рассказе о многих интересных вещах». Известно, что в православной традиции святая Софья является матерью трех дочерей — Веры, Надежды и Любви: интересно с этой точки зрения сопоставить

ставить имя героини «Чевенгура» с именами героинь других платоновских произведений: Вера («Джан»), Надежда («Ювенильное море»), Любовь («Река Потудань»); в повести «Город Градов» упоминается о коммуне «Вера, Надежда, Любовь», которая «была ликвидирована губернией за свое название» (*Взыскание погибших*, с. 73).

Что касается фамилии платоновской героини, то Л. Шубин связывал ее с названием слободы Мандровой, существовавшей в Воронежской губернии; строго говоря, населенных пунктов с подобными названиями было три: две слободы Мандрово близ города Валуйки (юго-запад Воронежской губернии) и слобода Мандровка Богучарского уезда Петропавловской волости в южной части губернии (см.: *Алфавитный указатель 1925*, с. 59); в одном из эпизодов «Чевенгура» Дванов оказывается в слободе Петропавловке (см. с. 98/97), т. е. в той самой волости, где находилась реальная Мандровка.

«Фамилия „Мандрова“ прямо указывает на роман Белого „Москва“ (1926), вышедший в то время, когда писался „Чевенгур“: в нем фигурирует демонический провокатор Мандро. В сочетании имя и фамилия героини сужают объект аллюзии до широкого контекста Андрея Белого, куда входит и роман „Петербург“, героиня которого, Софья Петровна, выступает как пародийный двойник „Софии“. <...> Однако звуковое подобие „Мандро“ — „Мандрова“ не сопровождается смысловыми связями. Светлая героиня „Чевенгура“ никак не ассоциируется с ужасным Мандро. Вместо этого Платонов дает своей героине другую, также символистскую мотивировку: Софья Мандрова говорит, что не хотела бы рожать людей — она предпочла бы рожать цветы (см. с. 261 — Е. Я.); предлагается осмысление „Мандрова“ — „мандрагора“, то есть человек-растение. <...> В системе взглядов Федорова назначение женщины — быть дочерью. В „Чевенгуре“ Софья носит отчество по имени своего любимого, то есть как бы приходится ему дочерью. На сюжетном уровне этому соответствует отказ героев от женщин как жен: но они рады им в качестве матерей, дочерей и сестер. (Может быть, с этим отрицательным аспектом женского начала у Платонова согласуется и откровенно непристойный звуковой облик женских имен: ср. Мандрова — *м-м-м*; или второй женский персонаж «Чевенгура» — Клавдия Клобзд.)

Отказ от пола в федоровской эсхатологии совпадает с идеями Вл. Соловьева, у которого прекращению истории сопутствует триумф андрогинизма» (*Толстая 1980*, с. 194—195).

Видимо, допустимо сопоставление фамилии Мандрова и со словом мандра — материк, земля, берег (см.: *Даль 1979—1980*, т. 2, с. 296); подобная этимологизация позволяет сблизить героиню «Чевенгура» с мифологическим мотивом «женщины-города», «женщины-страны» (исследователями отмечались подобные черты в образе Клавдюши — см.: *Günther 1992*, с. 217) и наметить ее связь с Настей-«эсесершей» (см.: *Взыскание погиб-*

ших, с. 281) из повести «Котлован» и с героиней романа «Счастливая Москва» (см. 257). Греч. $\mu\alpha\upsilon\delta\rho\alpha$ — хлеб, овчарня; в переносном значении — духовный хлеб, монастырь (ППБЭС 1992, т. 1, стб. 247): ср. архимандрит — настоятель монастыря, «пастырь»; соответственно, фамилия Мандрова может быть истолковано как «Монастырева» (наблюдение А. Ливингстон). Ср. также слово мандорла — сияние в форме овала, среди которого изображались на христианских иконах Христос и Богородица (ППБЭС 1992, т. 2, стб. 1553; Холл 1997, с. 343); в более широком смысле мандорла — область пересечения и взаимопроникновения двух кругов — неба и земли, символ всего существующего (Керлот 1994, с. 309).

Что касается «сниженных» вариантов этимологизации фамилии, то можно отметить бытовавшее в начале века жаргонное слово примандровать — явиться, прибыть (см., напр.: Амфитеатров 1997, с. 211), возникшее как русифицированное укр. мандрувати — путешествовать; ср. также укр. мандрований — бродячий, мандривнык — путешественник, странник, скиталец; мандрюха — шлюха (ср. вышеприведенную цитату из рассказа Вл. Соловьева; о семантике «блуда» в образе платоновской героини см. 261).

Отметим известное сходство имен героинь двух романов — «Чевенгура» и «Преступления и наказания»: Соня Мандрова / Соня Мармеладова (соответственно, и фамилия Дванов может быть рассмотрена как своеобразная вариация фамилии Раскольников — в обеих реализована сема «раздвоенности»).

250 [11] С. 91/90. ...я теперь учусь на курсах!.. — Выпускницей педагогических курсов является и героиня рассказа «Песчаная учительница» Мария Нарышкина (см.: Собр. соч., т. 1, с. 75).

10 мая 1919 г. в Воронеже были открыты одногодичные педагогические курсы при 1-й учительской семинарии, куда принимались лица в возрасте от 17 лет; для поступления от них не требовалось никаких дипломов или аттестатов, уровень знаний кандидатов определялся на собеседованиях. С 1 февраля 1920 г. в Воронеже функционировал Институт народного образования для подготовки работников по дошкольному воспитанию, а также школьных работников I и II ступеней единой трудовой школы (т. е. начальной и средней школы); он существовал до 23 ноября 1921 г., затем на его базе был создан педагогический факультет университета (*Культурное строительство* 1965, с. 156, 197). Будущая жена писателя Мария Кашинцева (см. 249), поступившая в августе 1920 г. на филологический факультет Воронежского университета, перевелась в августе 1921 г. на педагогическое отделение факультета общественных наук (Ласунский 1999, с. 95).

251 ...мы вонючее тесто, а он из нас сделает сладкий пирог. — Эта фраза вводит еще один ассоциативный ряд: фамилия героини может быть осмыслена в связи со словом «манд-

ра, мандро» — хлеб, продукты, которое в современном языке относится к блатному жаргону (см.: *СТЛЕЖ* 1992, с. 135); по свидетельству Л. Копелева, слово это достаточно широко бытовало в Москве конца 20—начала 30-х годов; ср. украинско-жнорусское «мандрыки» — лепешки с сыром или «ватрушки, которые пекутся к Петрову дню» (*Афанасьев* 1994, т. 3, с. 728) — слово, по-видимому, позаимствованное из цыганского языка (см.: *Сумцов* 1890, с. 45).

«Хлеб — наиболее сакральный вид пищи <...> Осмыслиется как дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо или даже образ самого божества» (*СМ* 1995, с. 384; см. также: *Фрейденберг* 1997, с. 53—54); одна из евангельских метафор пришествия Царства Божия — закваска, квасящая все тесто; в евангельских эпизодах, когда Христос кормит хлебами толпы, затем апостолов во время Тайной вечери, воплощена символика хлеба как тела Христова (пресуществление). Приверженцы хлебопоклоннической ереси отрицали пресуществление — «поклонялись не Телу и Крови Христовой, а простому хлебу и вину» (*ППБЭС* 1992, т. 2, стб. 2285); сходные взгляды высказывал Л. Толстой (см., например, эпизод богослужения в романе «Воскресение»). Возможно, не случайно в «Чевенгуре» дважды упоминается и «церковное вино — висант»: особенно знаменательно, что таким вином Соня Мандрова будет угощать Симона Сербинова (с. 363/352). Ср. также «хлебные» мотивы в образе Полдобезьева (см. 143).

Что касается собственно педагогических принципов, отразившихся в комментируемой реплике, то она вполне соответствует тенденциям официальной педагогики 20-х годов, отказывавшейся от учета индивидуальной и возрастной психологии и рассматривавшей человека в качестве «материала», «глины» в руках «ваятелей» (*Черных* 1998, с. 100).

252 [12] С. 94/94. Дома она имела уже много растений, и больше всего среди них было бессмертников, что росли на солдатских могилах. — Название любимых цветов Сони содержит предпосылку метонимического функционального переноса: на фоне значения «бессмертный» (т. е. невянувший) развивается значение «дающий бессмертие». Ср. рассказ 40-х годов «Цветок на земле», в котором растение предстает средством победы над смертью, «инструментом бессмертия»: «Цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мертвого праха. Стало быть, он мертвую сыпучую землю обращает в живое тело, и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда все берется. Цветок этот — самый святой труженик, он из смерти работает жизнь» (*Собр. соч.*, т. 3, с. 182). Цветок — «поэтическое выражение найденного Платоновым пути обращения сил смерти в силы жизни» — ассоциируется в художественном мышлении писателя с женским началом, образом жен-

щины-матери (Малыгина 1985, с. 36—37). Ср. также платоновский образ розы как «лекарства» от смерти (264).

253 [12] С. 96/95. ...Соню с подругами выпускали с курсов досрочно, потому что в деревне собирались банды из неграмотных людей и туда посылались учительницы наравне с отрядами Красной Армии. — Платоновская героиня прерывает учебу и оставляет город по той же причине, по какой покинул Воронеж летом 1919 г. сам автор «Чевенгура» (см. 25, 236); на состоявшемся 15—18 июня 1919 г. губернском чрезвычайном съезде по народному образованию был выдвинут лозунг «Город — в деревню»: перед работниками образования ставилась задача организовать работу по просвещению сельского населения в целях его привлечения к активной борьбе с белогвардейскими бандами (*Культурное строительство* 1965, с. 229—230). Ср. эпизод биографии Марии Кашинцевой (см. 250): будучи студенткой филологического факультета, она с мая 1921 г. была командирована уездным отделом народного образования в Верхне-Хавскую волость в качестве школьной работницы для ликвидации неграмотности, предварительно пройдя специальные трехнедельные курсы; «ликвидационная» кампания открылась в сентябре и продолжалась до апреля 1922 г. (Ласунский 1999, с. 96, 98).

254 [15] С. 108/107. Соня Мандрова приехала на подводе в деревню Волошино и стала жить в школе учительницей. — Ср. в повести «Эфирный тракт»: «Кирпичниковы поехали в Волошино — дальнюю деревню Воронежской губернии, где когда-то учительствовала Мария Кирпичникова, жена Михаила» (*Собр. соч., т. 1, с. 169*). В 1921 г. М. Кашинцева действительно служила учительницей в селе Волошино, примерно в 60 км от Воронежа.

255 [25] С. 181/177. «При социализме Соня станет уже Софьей Александровной, — подумал Дванов. — Время пройдет». — Хотя героиня уже была названа по имени-отчеству (см. с. 110/109), Дванов относит момент ее «переименования» (переход от уменьшительной формы имени — к полной) в будущее; дело не только в естественном взрослении и смене социального статуса героини, но и в том, что при «социализме» (когда мир перейдет в качественно иное состояние, наряду с полным именем «Софья» (мудрость), будет актуализировано и отчество, сближающее ее с главным героем — Александром Двановым; намек на то, что «соединение» двух имен (и, соответственно, их носителей) окажется возможным лишь при социализме.

256 [38] С. 317/308. — В ней имелось особое искусство личности <...> семь лет одну педагогику изучала... — Подмеченное Прокофием в его случайной знакомой «чувство личности» очень напоминает то впечатление, которое произведет на Симона Сербинова Соня Мандрова (с. 360/349); указание на профессию также дает основание предположить, что женщиной, встреченной Прокофием, была именно она.

257 [41] С. 358/347—348. ...женщина была чем-то счастлива <...> Она была похожа на одинокое стойкое растение на чужой земле, не сознающее от своей доверчивости, что оно одиноко. — «Софья Александровна — единственный персонаж романа, знающий счастье» (Геллер 1982, с. 236). «Московский эпизод Сони Мандровой с Сербиновым во многом предвосхищает „Счастливую Москву“» (Друбек-Майер 1994, с. 252).

Что касается подчеркнутой «самодостаточности» героини и ощущения ее превосходства над окружающими, то интересно сопоставить эти черты с «ономатологической» характеристикой имени «Софья», которую дает П. Флоренский: «София слишком устойчива в себе, чтобы быть вещей. <...> София привыкла жить, защищенная от неожиданностей в надежно построенном ограждении от внешнего мира, среди хотя бы скромного, но по заведенному порядку идущего изо дня в день духовного хозяйства. <...> София самодовлеющая, она живет не принимая мысли о несоизмеримости ее собственного уюта с мировым целым. <...> Ее снисходительность к миру имеет корнем не признание правды мира и не сознание своей, общей с миром, немощности, а выделение себя из мира и противопоставление себя как власти, как источника мироустройства, миру <...> У Софии есть врожденное самоощущение себя как по природе превосходящей окружающих, — не личными своими достоинствами, а самым рождением. Это можно сравнить, вероятно, с самоощущением коронованных особ, которые могут весьма скромно думать о себе, сознавать свои недостатки, быть простыми в обращении и предупредительными и однако чувствовать себя отделенными от прочих людей и особым родом, природною властью» (Флоренский 1993, с. 136—138). Характерно, что Сербинов не только размышляет о духовном «аристократизме» своей случайной знакомой, но и прямо называет ее «аристократкой» (см. с. 360—361/349—350).

258 [41] С. 362/352. Комната была порожня, <...> под покрытием бедной занавески. — Сходное описание встречаем в романе «Счастливая Москва» (комната Божко, в которую попадает героиня): «В комнате было бедное суровое убранство, но не от нищеты, а от мечтательности: железная кровать эпидемического образца с засаленным, насквозь прочеловеченным одеялом, голый стол, годный для большой сосредоточенности, стул из ширпотребного утиля, самодельные полки у стены» (Счастливая Москва, с. 11).

259 [41] С. 364/353. ...есть какая-то дорога от этих свежих женских ног до необходимости быть преданным и доверчивым к своему обычному, революционному делу... — Ср. в повести «Ювенильное море»: «Эта женщина одним своим существованием показывает верность линии партии, и вся голова, туловище, всякое движение Босталоевой соответствуют коммунизму и обеспечивают его близкую необходимость» (Взыскание погибших, с. 303).

260 [41] С. 365/354. Софья Александровна была чистильщицей машин на Трехгорной мануфактуре... — Вспомним профессию Захара Павловича в начале романа — обтирщик (см. 385); отметим, что причины, по которым героиня перестала быть учительницей, никак не объясняются.

Трехгорная мануфактура — ткацкая фабрика в Москве; интересно, что депутатом Моссовета созыва 1923 г. от Трехгорной мануфактуры был Ленин (см.: *Воспоминания 1970*, с. 353).

261 — Любила, но не родила <...> Если бы из меня мог вырасти цветок, его бы я родила. — В своей любвеобильности героиня «Чевенгура» «предшествоует» сексуально неразборчивой героине «Счастливой Москвы»; в платоновских образах женщин, символизирующих город (о «женщине-городе» см.: *Франк-Каменецкий 1934*), воплотились архаические представления о «воскресительном» значении блуда: «подлинная семантика «блудницы» раскрывается в том, что она, как и «спаситель», связана с культом города и с победой как избавлением от смерти» (*Фрейденоберг 1997*, с. 79).

Характерна и подчеркнутая любовь Сони к цветам: уже указывалось, что цветок в творчестве Платонова выступает как символ победы над смертью (252, 264). «Важное место принадлежит в романе образной параллели „человек — растение“, которая последовательно проходит через весь роман, устанавливая точки соприкосновения между разными его персонажами» (*Кожжевникова 1992*, с. 33).

262 [41] С. 369/358. Когда темнело, Софья Александровна дожилаась животом на подоконник и дремала в своем ожидании. — Ср. времяпрепровождение Москвы Честновой, которая «свеживалась из своего окна в вечера одиночества» (*Счастливая Москва*, с. 14).

263 [41] С. 370/359. — Я ехать никуда не могу. — Смысл фразы не вполне ясен; допустимо предположить намек на то, что героиня не может покинуть город, поскольку олицетворяет «душу Москвы»; более явственно данный мотив прозвучит в романе «Счастливая Москва», где образ «женщины-города» получит полное развитие (см.: *Яблоков 1995а*).

17) Роза

264 [15] С. 112/110. ...в память прекрасной девушки Розы Люксембург! — Люксембург Р. (1871—1919) — деятель немецкого и международного коммунистического движения, один из лидеров германской социал-демократии и основателей Коммунистической партии Германии; была убита в Берлине вместе с Карлом Либкнехтом (см. 545). Уже этимологически фамилия «Люксембург» («светлый, сверкающий город») ассоциируется с апокалиптическим образом «Нового Града», несет «эсхатологический» смысл; ср. также фамилию героя «Мусорного

ветра»: Лихтенберг — «светлая гора». (Правда, существует точка зрения, согласно которой топоним Люксембург не имеет никакого отношения к имени Люкс-Люмьер — «свет», а восходит к старогерманскому «Lucilinburhuc»: «маленькая крепость», — см.: Килль 1965, с. 41.) Интересно, что город под названием Люксембург в годы гражданской войны некоторое время существовал... в Советской России: г. Мелекес Самарской губ. (ныне — Димитровград Ульяновской обл.) в январе 1919 г. решением местного исполкома был переименован «в память убитого товарища Розы Люксембург» (Скобелев 1974, с. 26).

Образ Розы имеет своеобразную предысторию в творчестве Платонова: имя героини «Чевенгура» связано с цветком, который встречается в ряде его произведений 20-х годов. В платоновском рассказе «Родоначальники нации, или Другие беспокойные происшествия» (переработка «Рассказа о многих интересных вещах») герой, Иван Копчиков, говорит о розе, розовом масле как о «лекарстве от смерти» (в «Рассказе...» таким лекарством являлось электричество, солнечный свет). Затем фрагмент о розах почти полностью перешел из «Родоначальников нации...» в повесть «Эфирный тракт»; здесь Михаил Кирпичников на вопрос о цели его путешествия в Америку отвечает: «Слышал про розовое масло? <...> Из розового масла знаменитые лекарства делают — человек не стареет, кровь бодрят, волос выращивают — я по книжке изучал» (*Собр. соч., т. 1, с. 182*); в конце 20-х годов Платонов пытался также оформить этот фрагмент в виде отдельного рассказа (см.: *Масло розы*). Роза — антитеза смерти (см. также 252): этот мотив имеет прямое отношение к героине «Чевенгура». Данный мотив найдет продолжение в рассказе 1944 г. «Девушка Роза», героиню которого убивают немцы (как и реальную Розу Люксембург), однако она непостижимым образом остается жива: «Своей жизнью, равно и смертью, эта русская Роза подвергала сомнению и критике весь смысл войны, власти и „новой организации“ человечества. Такое волшебство не может быть терпимо — разве бесцельно и напрасно легли в землю германские солдаты?» (*Собр. соч., т. 3, с. 122*). Образ героини открыто символичен: «В городе явно баловали и любили Розу оставшиеся люди, как героическую истину, привлекающую к себе все обездоленные, павшие надеждой сердца» (*Там же, с. 124*); поэтому «мгновенное сияние, свет гибели» Розы (на минном поле) обретает едва ли не мистическое значение.

В истории европейской культуры образ розы имеет достаточно яркий и устойчивый смысловой «ореол»; роза — символ завершенности, полноты и совершенства (Керлот 1994, с. 440). В статье 1898 г. «Из поэтики розы» А. Веселовский отмечал, что в языческой традиции роза «являлась вестницей весны, поры желаний и любви; символ весны стал символом любви, эмблемой Афродиты и Харит. <...> И в то же время роза — символ смерти

<...> Дело не в философском или романтическом отождествлении этих идей, а в наивном представлении древнего человека, держащемся еще и теперь, что весной не только обновляется все живущее, но и усопшие, души предков временно оживают, показываются на земле, общаются с людьми, желанные и страшные, таинственные. И для них наставала весна, расцветала роза: весной, когда совершались по ним поминки, на римской тризне (*escae rosales*) главную роль играли розы; их делили между присутствовавшими, гирляндами украшали гробницы; обряд этот называли *Rosaria* или *Rosalia*. Он обобщился: розы стали принадлежностью похорон, их возлагали на изображения ларов — предков, домовых, и у Гекаты был венок из роз» (*Веселовский 1990, с. 86—88*). Символика розы была усвоена и христианством: «Средневековый рай полон роз: Богородица представляется сидящей среди розовых кустов, на которых щебечут птички; ее венчают розами; розы распускаются на гробницах святых, вырастают по смерти из их уст, глаз и ушей; алые и белые розы расцвели в январе из шипов и терний, на которые бросился св. Франциск, чтобы умертвить вожделения тела. <...> В средние века, со времени св. Амвросия, роза стала символом крови Христовой, самого Христа, Христа страдающего. <...> Символика розы распространилась и на Богородицу. Это — жезл от корня Иессея, и цвет (Христос) выйдет из корня — так понимали пророчество Исайи; с другой стороны, жезл Аарона (*Числ. XVII*) стал символом Пресвятой Девы <...> У св. Бернарда роза — уже символ Богородицы, и этот символ остался в христианской поэзии и искусстве: *rosa mystica* западного иносказания. В применении к жезлу Иессея Богородица — розовый куст, роза — Христос» (*Веселовский 1990, с. 88—91*). «Строго говоря, сочетание Богоматери с розой имеет не католическое происхождение, это сравнение принадлежит Ефрему Сирину» (*Мурьянов 1999, с. 101*). «В искусстве самый ранний тип Девы Марии Четок можно встретить в конце XV века. Богоматерь изображена в обрамлении мандорлы, образованной из роз; в ней каждый одиннадцатый цветок больше, чем остальные, как это у бусин четок» (*Холл 1997, с. 203*). По поводу русской традиции Веселовский пишет: «Легенды и иносказания о розе у нас не свои. Таков символ Богородицы-розы. По малорусскому поверью, несомненно отеченного происхождения, она и зачата от розы» (*Там же, с. 95*).

Судя по письму Г. Литвина-Молотова (см. ч. I), в ранней редакции «Чевенгура» значительное место занимали реминисценции из Данте. В заключительных песнях третьей части «Божественной Комедии» («Рай») возникает образ Богородицы — розы; Беатриче говорит рассказчику:

Зачем ты так в лицо мое влюблен,
 Что красотою сада неземного,
 В лучах Христа расцветшей, не прельщен?

Там роза, где божественное Слово
Прияло плоть; там веянье лилей,
Чей запах звал искать пути благого

(Данте 1992, с. 461);

«слипиями» здесь названы апостолы. В XXX—XXXIII песнях рай изображается в виде раскрытой розы: это огромный амфитеатр, на ступенях которого восседают души, достигшие блаженства, в том числе Мария, библейские персонажи. Герой-рассказчик говорит:

Так белой розой, чей венец раскрылся,
Являлась мне святая рать высот

(Там же, с. 494).

Узрев Святую Троицу, Данте достигает высшего духовного подъема: зрение изменяет ему, но все его существо с этого момента подчиняется ритму мироздания, которым движет божественная Любовь. Этим «растворением» рассказчика, слиянием его с миром, собственно, и завершается «Божественная Комедия».

В аспекте переключек платоновского романа с произведениями немецких романтиков (см. 26, 27) можно упомянуть цикл К. Брентано «Романсы о розах»; здесь три сестры (Роза-роза, Розабланка и Розадора) символизируют три розы: алую — небесную, белую — земную, золотую — розу искусства, объединяющую небесное и земное; они образуют «веноч», причем слово *Rosenkranz* (*Rosarium*) имеет двойное значение: веноч из роз и католические четки (*Жирмунский 1919, с. 66 (2-я паг.)*).

Смысловая двойственность концепта розы, соединяющего язычески-«телесную» и христиански-«возвышенную» семантику, послужила основой для гривуазных аллегорий. В истории русской литературы один из ярчайших примеров подобного рода дает творчество Пушкина — например, стихотворения «Монах» и «Роза», поэмы «Тень Баркова» и «Гавриилиада» (*Пеньковский 1999, с. 411—412*). В «Гавриилиаде», где главной героиней является Мария, автор переосмысливает «богородичную» символику розы и придает этому слову куртуазно-эротический смысл (употребляя также перифрастические формулы «тайный цвет», «цветок любви»); ср.: «В ее окно влетает голубь милый, / Над нею он порхает и кружит, / И пробует веселые напевы, / И вдруг летит в колени милой девы. / Над розою садится и дрожит, / Клоует ее, копышется, вертится, / И носиком и ножками трудится» (*Пушкин 1974—1978, т. 3, с. 118*).

«Роза — имя, соединяющее в себе понятия святого и женского. Роза — цветок Афродиты, символ женского лона, и одновременно роза — атрибут „святой девы“, богоматери, ве-

ликомученицы. Отождествление этих понятий в прозе писателя началось еще со времени „Родины электричества“ (изображение простой русской богородицы) и „Чевенгура“ <...> Тогда же входят в связи с темой рыцарственного служения женщине-девушке и два „вечных образа“: пушкинский „рыцарь бедный“ <...> и „рыцарь бедный“ Достоевского — князь Мышкин» (*Полтавцева 1981, с. 72—73*).

Через Пушкина и Достоевского (помимо их собственного влияния) тянется к платоновскому роману цепочка от «Дон Кихота». Можно указать и еще на одно звено связей Платонова с Сервантесом — это русский символизм, и прежде всего творчество А. Блока: «никто из русских поэтов, за исключением, пожалуй, Вячеслава Иванова, не мог с ним соперничать по пристрастию к розам и виртуозности использования этого на редкость емкого образа» (*Мурьянов 1999, с. 99*). «Если роза есть символ влюбленности, то именно „розу“ воспевают А. Блок в своих стихах. Но он не хочет, чтобы это была „простая“ роза, та роза, которую он дарит возлюбленной <...> Нет, его роза должна быть — *Lumen Coeli Sancta Rosa*, и любовь его должна быть любовью к Прекрасной Даме» (*Иванов-Разумник 1919, с. 18*). Образ блоковской Прекрасной Дамы, имеющий прямое отношение к платоновскому роману, генетически восходит к мифу о Дульсинее (см.: *Бэлза 1969, с. 229; Базно 1986, с. 384—405*). Учитывая трансформацию женского образа в творчестве Блока, можно сказать, что все составляющие этого образа присутствуют и в содержании платоновского романа: «Выстраивается сложное соответствие: Роза Люксембург — Богородица — Прекрасная дама — Революция» (*Толстая 1981б, с. 366*).

Образ розы в культуре русского символизма был прямо обусловлен романтической традицией. «Несбыточная голубая роза стала эмблемой одного из направлений русской символистской живописи, оно повторяет в новом, высшем качестве знаменитый голубой цветок поэзии, введенный в мировую литературу Новалисом на заре романтизма, и даст впоследствии А. В. Луначарскому повод назвать Блока „Новалисом заката русской помещицкой интеллигенции“» (*Мурьянов 1999, с. 106*); один из наиболее характерных примеров — драма Блока «Роза и Крест». Позже, в «Стихах о предметах первой необходимости» (1919 г.) поэт использует образ розы в пародийных целях, с горькой иронией говоря о несовместимости высокой мистики с реальностью «военного коммунизма»:

Нет, клянусь, довольно Роза
Истошала кошелек!
Верь, безумный, он — не проза,
Свыше данный нам паек!
<...> Вялой прозой стала роза,

Соловиный сад поблек,
<...> Где же дальше Совнархоза
Голубой искать цветов?

(Блок 1971, т. 3, с. 317).

Развитие романтического образа видим и в стихотворении К. Бальмонта 1903 г. «Голубая роза» — применительно к роману «Чевенгур» важно подчеркнуть, что Бальмонт именует так *озеро* — вспомним платоновскую метафору «голубая глупина», в которой «взаимоотражаются» небесная и водная сферы (см. 293, 305):

Для кого расцвела ты, красавица вод?
Этой розы никто никогда не сорвет.
В водяной лепесток — лишь глядится живой,
Этой розе дивясь мировой.

Горы встали кругом, в снеге рады цветам,
Юной Девой одна называется там.
С этой Девой далекой ты слита Судьбой,
Роза-влага, цветок голубой

(Бальмонт 1990, с. 213).

Совмещаются три значения — «реальная форма озера, символ новалисовского „голубого цветка“, <...> символ розы <...> Озеро из пусть прекрасной, но все-таки обычной реальности земного мира становится „Розой Ветров“, „розой мировой“. „Голубая роза“ Бальмонта — это центр мира, центр мироздания» (Давыдова 1996, с. 68). Вероятно, для поэта, придававшего весьма большое значение «звукописи», было существенно и «анаграмматическое» сходство слов «роза — озеро». Ср. также одно из последних стихотворений О. Мандельштама, «Реймс — Лаон»: «Я видел озеро, стоявшее отвесно, — / С разрезанною розой в колесе / Играли рыбы...» (Мандельштам 1990, т. 1, с. 246).

Яркое воплощение в литературе начала века мотив розы обрел в творчестве Вяч. Иванова (который, как и Блок, был знаком с «Поэтикой розы» Веселовского); прежде всего — в книге «Rosarium», вошедшей во вторую часть сборника 1911 г. «Cor ardens»: «У Вяч. Иванова роза связывает бесконечное число символов. Какой бы момент судьбы мы ни взяли, какой бы символ мы ни взяли, они сопровождаются у него розами. Движение розы соединяет все и проникает во все. <...> Символ розы у Вяч. Иванова расширен даже больше, чем у Данте <...> все символы — колыханье, брачный чертог, смерть — переплетаются и соединяют розы. Роза всюду: она как бы в миниатюре сжимает весь мир» (Бахтин 1979, с. 383).

«В средние века роза имела еще одно значение, неизвестное в древности: значение тайны. Изображение розы над столом знаменовало, что нужно сохранить в тайне беседу приглашенных к обеду. Отсюда произошли выражения „sub rosa“, „unter den Rosen“ в памятниках немецкой литературы XV и XVI столетий, сохранившиеся и до настоящего времени для обозначения тайны» (Сумцов 1899, с. 959). Ср., например, у Вяч. Иванова в цикле двустийший «Антология Розы» стихотворение «Sub Rosa»:

Тайна, о братья, нежна: знаменуйте же тайное — розой,
Нежной печатью любви, милой улыбкой могил

(Иванов 1911, т. 2, с. 168).

Что касается реальной Розы Люксембург, то в ее образе (который в общественном сознании подвергся явной и скорой «мифологизации») «телесное» и «духовное» начала оказались разведены уже в начале 20-х годов — до того, как Платонов начинал работу над романом; ср., например: «При оценке Розы Люксембург никому не придет в голову определить ее как „великую женщину“. Люксембург — мыслитель, политик, борец, политический вождь, все, что хотите, только не „великая женщина“. В своем развитии Люксембург переступила ту ступень, на которой грань пола стирается, ступень выветривается» (Коллонтай 1921, с. 12).

М. Геллер и Е. Толстая полагают, что Роза Люксембург привлекала Платонова своим пафосом борьбы с тоталитарной властью. В написанной в 1918 г. в тюрьме «Рукописи о русской революции» она утверждала: «Найденное Троцким и Лениным целебное средство — устранения демократии вообще — еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить. <...> Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма „справедливости“, а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если „свобода“ становится привилегией. <...> Ленин и Троцкий поставили на место представительных учреждений, вышедших из всеобщих народных выборов, Советы как единственное истинное представительство трудящихся масс. Но с подавлением политической жизни во всей стране неизбежно будет все более затухать и жизнь в Советах. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с

неуемной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути — это хозяйничанье клики» (*Люксембург 1991, с. 324, 327, 330*). Данная статья Люксембург была опубликована в 1922 г. в Германии, но ее фрагменты содержались в книге К. Цеткин (*Цеткин 1924*), которая могла быть известна Платонову. Когда в марте 1919 г. в Москве собрался «международный съезд коммунистов» для основания нового Интернационала, в мире существовали всего лишь две коммунистических партии — РКП(б) и «Союз Спартака», организованный Р. Люксембург. Хотя «пламенной Розы» к тому моменту уже не было в живых, представитель немецких коммунистов на съезде выражал ее мнение, заявив, что создание Интернационала преждевременно, поскольку лидерство в нем заведомо будет принадлежать российским большевикам; тем не менее III Интернационал (Коминтерн) был основан, на долгие годы став оплотом (и каналом экспорта) «мировой революции». Так что, объективно говоря, для реальной Розы Люксембург не очень подходил тот «всемирно-революционный» ореол, которым она окружена в восприятии Копенкина.

Возможно, Платонов был знаком со статьями Р. Люксембург, посвященными русской литературе: некоторые ее суждения о писателях XIX в. справедливы и в отношении платоновского творчества. Так, интересны замечания о мотиве детства и детских образах в русской литературе: «Для русских ребенок и его психика составляют самостоятельный и полноценный объект художественного интереса; это такой же человеческий индивидум, как и взрослый, только более естественный, менее испорченный и, главным образом, более незащитный перед лицом социальных влияний. <...> Как жертва социальных условий, детский мир с его героем и радостями особенно близок сердцу русских писателей и изображается ими не в фальшивых, искусственных тонах, с которыми взрослые большею частью считают нужным спускаться в мир детей, а в прямом, серьезном тоне товарища, без всякого бесосновательного возвеличения себя как старшего, даже с внутренним страхом и благоговением перед нетронутым „человеческим“, дремлющим в каждой детской душе, как перед Голгофой жизни, предстоящей каждому ребенку» (*Люксембург 1922, с. 14*); знаменательно, что Копенкин предлагает выпить не только в память Розы Люксембург, но и «чтобы набраться силы для защиты всех младенцев на земле».

Как замечают Э. Найман и А. Несбет, внимание Платонова могла привлечь статья Р. Люксембург о Л. Толстом, опубликованная в 1928 г. журнале «Красная новь» (№ 8) в подборке материалов к 100-летию юбилею писателя (в том же году

в «Красной нови» публиковались и отрывки из «Чевенгура»). Особый интерес представляет мнение по вопросу о благодетельности труда для человека; Люксембург заявляет, что Золя «в подлинно мелкобуржуазном духе поднимает на пьедестал труд как таковой» (Люксембург 1991, с. 244), и цитирует статью Толстого 1893 г. «Неделание», к полемическому пафосу которой присоединяется и сама: «Г-н Золя говорит, что труд делает человека добрым; я же замечал всегда обратное: сознанный труд, муравьиная гордость своим трудом делает не только муравья, но и человека жестоким <...> Но если даже трудолюбие не есть явный порок, то ни в каком случае оно не может быть добродетелью. Труд так же мало может быть добродетелью, как питание. Труд есть потребность, лишение которой составляет страдание, но никак не добродетель. Возведение труда в достоинство есть такое же уродство, каким было бы возведение питания человека в достоинство и добродетель. Значение, приписываемое труду в нашем обществе, могло возникнуть только как реакция против праздности, возведенной в признак благородства и до сих пор еще считающейся признаком достоинства в богатых и малообразованных классах <...> Труд не только не есть добродетель, но в нашем ложно организованном обществе есть большею частью нравственно анестезирующее средство вроде курения и вина, для скрывания от себя неправильности и порочности своей жизни» (Толстой 1928—1958, т. 29, с. 187). Интересно, что сходные идеи звучат уже в ранней публицистике Платонова — см. 939.

265 [15] С. 113/111. ...за убийство своей невесты. — Ср. образ Каспийской невесты в «Рассказе о многих интересных вещах».

18) Клавдюша

266 [31] С. 218/213. Из этой женщины исходил медленный и прохладный душевный покой. — Исследователи сопоставляют Клавдюшу с героиней «Рассказа о многих интересных вещах»: «Романтическая Каспийская невеста обернется в „Чевенгуре“ приземленной Клавдюшей, напоминая перевоплощение блоковской Прекрасной Дамы в Катюку поэмы „Двенадцать“» (Мальгина 1988).

Этимологическое значение имени Клавдия — «хромая». Отметим, что параллельно с платоновским романом сходное «женское» имя получило символическое воплощение в книге М. Пришвина «Журавлиная родина» (1929 г.), где важное значение для героя-рассказчика имеет судьба реликтовой шарообразной водоросли Клавдофоры, «от claudio — замыкаю и fe-go — ношу: носительница тайного, или просто клад»; это «сердце Земли, сохраняющее лучистую энергию солнца, тайну

всеобщего творчества жизни» (Пришвин 1982—1986, т. 3, с. 108—109).

267 [31] С. 222/217. ...пусть порадуются — все мы одинаковые пролетарии. — Идея «общности жен» на протяжении многих веков была устойчиво связана с концепциями утопического социализма. Подобное требование для идеального государства было выдвинуто еще Платоном: «Все жены <...> должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок — кто его отец» (Платон 1971, с. 254). В «Городе Солнца» Кампанеллы «жены общи и в деле услужения, и в отношении ложа». Сходные тенденции у хилиастов Каутский связывает с экономической необходимостью: моногамная семья противоречит идеалам «коммунизма потребления».

Активные в начале 20-х годов лозунги «свободной любви», «сексуальной революции» (выступления А. Коллонтай и т. п.) к середине десятилетия стали подвергаться осуждению; в 1926 г. в печати развернулась бурная дискуссия по вопросам пола. «Начинается постепенный отход государственной политики в сфере семейно-брачных отношений от теории свободной любви и ориентации на разрушение семьи, <...> на место свободного проявления всех сексуальных интересов приходит запрет на нерегламентированную, вне рамок семьи, половую жизнь, и в качестве новой добродетели выдвигается антисексуализм» (Черных 1998, с. 178); см. также 905. Отголоски этих коллизий звучат в рассказе Платонова «Антисексус», где осмеивается принципиальная для идеологов «свободной любви» дихотомия телесного и духовного.

268 [35] С. 260/253. Двенадцатой была Клавдюша, но она хранилась в особом доме, как сырье общей радости, отдельно от опасной массовой жизни. — Ранее упоминалось, что Чепурный выступает перед одиннадцатью большевиками (см. с. 256/250): по-видимому, в их число включалась и Клавдюша. «Она представляет будущую эпоху, однако в скомпрометированном виде <...> В то время как в раннем „Рассказе“ образ Каспийской невесты еще сохранил вполне положительную оценку, в „Чевенгуре“ женское олицетворение грядущего Царства Божья уже принимает явно пародийные черты» (Günther 1992, с. 218). В чевенгурском коммунизме Клавдюша играет «подрывную» роль; сравнивая ее с евангельским Иудой, Б. Парамонов вместе с тем замечает, что «при любой попытке спроецировать „Чевенгур“ на эмпирическое поле Клавдюша окажется единственным „положительным“ персонажем романа — именно потому, что она живая и живет элементарными инстинктами „размножения“» (Парамонов 1987, с. 343).

269 [43] С. 393/381. ...гражданка Клобзд? — Б. Парамонов полагает, что «Клобзд» — «отвратная фамилия» платоновской героини (Там же, с. 339); такая же точка зрения отражена в

предисловии к публикации романа в журнале «Дружба народов» (1988. № 3, с. 96). Но, скорее всего, это шутливо усеченная форма скабрезного прозвища Клавдоши — «Клабздоша».

19) Мать

270 [18] С. 125/123—124. ...точно она была сестрой скончавшейся матери Дванова, <...> с необходимостью сделать благо для Сони через ее сестру. — Мотив инцеста, кровосмешения с матерью неоднократно возникает в романе. «Все сексуальные пары в „Чевентуре“ (Дванов — Фекла, Копенкин — Роза Люксембург и др.) являются инцестуозными, так как они насыщены любовью к близкородственным мертвым телам» (*Полорога 1989, с. 22—23*).

Резюмируя в середине 20-х годов идеи фрейдистов, В. Волошинов отмечал, что ученики Фрейда (О. Ранк, Ш. Ференчи) «прямо считают все последующие любовные отношения человека только суррогатом его первой эдиповой любви, которой предшествовало полное органическое единство с ее объектом — матерью» (*Волошинов 1927, с. 64*). Еще в античной традиции с инцестом связывался сложный набор значений: брак с матерью во сне рассматривался как «хороший сон для всякого народного вождя и политического деятеля <...> ведь мать означает отечество <...> сновидец овладеет всем составом государственных тайн»; «Мотив инцеста с матерью был символически сопряжен с идеей овладения и обладания узурпированной властью. Но он выявлял связь не только с символикой власти, но и с символикой знания, и притом знания экстраординарного, сокровенного, запретного <...> инцестуозный сон благоприятствует не одним только претендентам на личную власть: он хорош для всякого мастера и ремесленника, ибо ремесло принято звать „матерью“»; «Символ инцеста связан с двумя семантическими линиями: одна ведет к идее экстраординарной власти тиранна, другая — к идее экстраординарного знания тайноведца» (*Аверинцев 1972, с. 93, 95—96, 98*). Такая двунаправленность реализована и в омонимии слова «познать» — получить знание / иметь интимную близость; ср. в этой связи фразу из записной книжки Платонова 1934 г.: «Всех понять, всех освоить = всех уеть» (*Записные книжки, с. 149*).

271 [20] С. 142/140. ...[Дванов] пугался на шее матери увидеть другое лицо — такое же любимое, но не родное. — Ср. слова повествователя о том, что родной матери Дванов «не помнил и не мог любить» (*с. 125/123*).

272 [24] С. 174/170. ...в первый раз она снилась ему [Копенкину] перед женитьбой... — Фраза подчеркивает важность оппозиции мать — жена в философской системе Платонова.

273 [37] С. 285/278. ...хотя я [Чепурный] и мать хоронил дважды... — Ср. сны Копенкина, которого мать дважды укоряет за то, что он забыл ее, предпочтя другую женщину (см. с. 174—175/170—171).

274 [41] С. 370—371/359. Сегодня утром скончалась его [Сербинова] забытая мать <...> откуда уже начинается уезд и волость. — Ср. упоминание о «забытой матери» Саши Дванова (см. 370). Обратим внимание, что Платонов никак не мотивирует то обстоятельство, что Симону каким-то образом стало известно о смерти матери. Данный мотив, видимо, имел автобиографическую основу: в 1929 г. умерла мать самого автора «Чевенгура» — Мария Васильевна Климентова (правда, по поводу даты ее смерти существуют расхождения — см.: Ласунский 1999, с. 16).

В 1937 г. критик А. Гурвич писал: «У Платонова есть навязчивые мысли, которые почти никогда не покидают его, и среди них вечный, неотступный образ — образ умирающей матери. <...> Герои Платонова не знают матери, не имеют ее, они сохранили ее в своей памяти лишь как мечту. Поэтому и образ ее возникает у Платонова как мечта, а не как конкретная живая личность. Мать дана с точки зрения тех, кто ее не знает, не видит, с точки зрения тех, кто ее ищет, с точки зрения сирот. „Родители ничего не означают, кроме детской мечты в сердце“. Мать описывается почти всегда покидающей этот мир, оставляющей сирот. Смерть ее — судьба ее детей, судьба детства. Трудно встретить у Платонова героя, который не видел бы свою умирающую мать во сне.

Смерть матери описана Платоновым давно в некоторых его повестях. Мы встречаемся с ней и в большинстве последних произведений Платонова, в рассказах „Такыр“, „Нужная родина“ (первоначальное название „Глиняного дома в уездном саду“. — Е. Я.), „Третий сын“, „Семен“ <...> Даже взрослый человек, потерявший мать, не перестает чувствовать себя сиротливым ребенком» (Гурвич 1994, с. 358, 367).

275 [41] С. 371/360. И Сербинов пришел к Софье Александровне, чтобы побыть с женщиной — мать его тоже была женщиной. — Вспомним, что Дванов представлял Феклу Степановну «сестрой скончавшейся матери» (см. 270). «Платоновский герой (Сербинов — который почти то же, что *евнух души*) одновременно и стремится к тому, чтобы воскресить в себе воспоминания о родном человеке, и пытается стереть из памяти его образ. Но тем самым он просто как бы выворачивает перед читателем содержание своего — если по Фрейду, устроенного амбивалентно — бессознательного. В платоновских героях обычно тщательно скрываемое нами бессознательное намеренно выведено наружу — словно они не хотят, да и не считают нужным его стыдиться (в отличие от того же Фрейда, усматривавшего причины умственных расстройств в противоречиях сознания с бессознательным и предлагавшего специаль-

ную технику для их взаимного „примирения“)» (Михеев 1999, с. 71).

276 [41] С. 374/362. Симон утрюмо обнял ее <...> вынесенный лопатой из глубины. — Мотив «секса на могиле» реализован в романе «Счастливая Москва»: Честнова и Сарториус соединяются в землемерной яме (см.: *Счастливая Москва*, с. 28). «Мифологическая арханка „соития = убийства = рождения“, осложненная тождеством невесты и матери», окрашивает также отношения Чагатаева и Айдым в повести «Джан» (Исупов 1992, с. 107). М. Геллер интерпретировал сближение Сербинова и Софьи Александровны как «символический половой акт с матерью» (Геллер 1982, с. 236); см. также 270. Вместе с тем через материнское начало актуализируется и мифологический мотив совокупления с землей — ср. эпизод ранения Дванова (см. 38).

Сцену свидания и сближения героев прекрасным осенним днем на кладбище встречаем в романе С. Сергеева-Ценского 1907 г. «Бабаев», который, кстати, был переиздан в 1928 г., как раз в период работы Платонова над «Чевенгуром». Ср.: «Себя самого, эту страшную тяжесть, которую он вечно носил, захотелось отдать ей, просто как-то вынуть из себя все целиком и отдать. <...> С каждым поцелуем вдавливал в нее что-то свое: тоску и одинокую злобу, страх пустых черных ночей, когда хочется то зажечь, то потушить свечу, огромную загадку, которую нельзя было разгадать, бессмыслицу жизни, которой не искал уже оправдания» (Сергеев-Ценский 1928, с. 129).

20) Пролетарская Сила

277 [17] С. 120/118. ...конь питался молодыми плетнями, соломой крыш <...> запивал небольшим прудом в степи. — В образе коня Платонов сочетает конкретно-бытовые и фантастически-сказочные черты (ср. богатырский конь в былинах и т. п.). Можно указать на сходство данного описания и эпизода из рассказа «Цыганский мерин», вошедшего в сборник 1927 г. «Епифанские шлюзы»: в этом рассказе приятель рассказчика Серега покупает мерина, чтобы отправиться на нем в кругосветное путешествие. «Серега поставил мерина в плетеную огорожу, крытую соломой, и пошел отсыпаться и собираться в дальний путь. Перед этим Серега положил мерину пуда четыре сена и дал резки. <...> Мерин, съев резку и сено, закусил соломенной крышей сарая и заел все это плетневой огорожей. Мерин не превозмог только кольев, хотя тоже глодал их, тщетно ища в них своего пропитания» (Старик и старуха, с. 119—120).

278 ...Пролетарская Сила!.. — «Сказочность» животного подчеркивается необычностью имени и неопределенностью пола: употребляются слова как «конь», так и «лошадь»; хотя

именование «конь» более частотно, однако имя Пролетарская Сила — женского рода.

279 [17] С. 120/119. Конь вырос в луговой долине реки Битюга... — Битюг — левый приток Дона, текущий по территории Воронежской обл. примерно с севера на юг. Примечательно, что название реальной реки «перекликается» с обликом коня, выросшего на ее берегах.

280 [17] С. 121/119. Пролетарская Сила самостоятельно предпочитала одну дорогу другой и всегда выходила туда, где нуждались в вооруженной руке Копенкина. — Н. Арсентьева сопоставляет данный мотив с романом Сервантеса «Дон Кихот» — ср.: «Он поехал дальше, предоставив лошади идти, куда она пожелает, полагая, что в этом и состоит вся тайна приключений»; «Подъехав к месту, где дорога расходилась на четыре стороны, Дон Кихот вспомнил о перекрестках, на которых странствующие рыцари обыкновенно останавливались, раздумывая, какую из дорог им выбрать. Чтобы последовать их примеру, он тоже остановился на мгновение и, после того, как хорошенько подумал, опустил поводья Росинанте и подчинил свою волю воле коня» (*Сервантес 1924, с. 7, 17*).

281 [17] С. 122/121. Лошадь стояла, как машина <...> на таком коне только целину пахать да деревья выкорчевывать. — См. 417. Ср. роман Золя «Человек-зверь» — здесь погибающий после аварии паровоз сравнивается с лошадью: «Лежавшая вверх колесами „Лизон“ производила впечатление чудовищной лошади, распоротой ударом рога какого-то дикого зверя. Ее искривленные шатуны, изломанные цилиндры, распиленные золотники и эксцентрики — все это вместе образовало страшную зияющую рану, через которую жизнь продолжала вытекать с ревом бешеного отчаяния. Как раз возле самого паровоза лежала живая еще лошадь с оторванными передними ногами и через свое прорванное брюхо так же теряла свои внутренности»; «Вся в пене и грязи, „Лизон“, всегда такая чистенькая и блестящая, лежала теперь на боку, в луже, почерневшей от угля, и умирала такой же трагической смертью, как умирает выездная лошадь, ставшая посреди улицы жертвой несчастного случая» (*Золя 1928, с. 413, 422*). Кстати, Золя употребляет по отношению к паровозу «Лизон» местоимения и мужского и женского рода, как и Платонов по отношению к Пролетарской Силе (см. 278).

282 [32] С. 224/218. — А пожалуй, на коня человек больше схож... — Ср. в повести Платонова «Джан» внешность одной из героинь — Веры: «Глаза же ее были грустны и терпеливы, как у большого рабочего животного»; «женщина с лошадиным лицом» (*Собр. соч., т. 2, с. 9, 10*); в рассказе «Уля» — портрет девочки Груши: «Груша была из себя длиннolicaя, за что ее прозвали „кобылей головкой“» (*Там же, т. 3, с. 255*); в «Ювенильном море» встречаем словосочетание «лицо коровы» (*Взыскание погибших, с. 333*) — ср. название стихотворения За-

болоцкого 1926 г. «Лицо коня» (при жизни Платонова не было опубликовано; о соотношении платоновского стиля с творчеством обэриутов см.: Heller 1984).

Вспомним слова «Жития старца Зосимы» из романа «Братья Карамазовы»: «Посмотри <...> на коня, животное великое, близ человека стоящее, али на вола, его питающего и работающего ему, понурого и задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая доверчивость и какая красота в его лике. Трогательно даже это и знать, что на нем нет никакого греха, ибо всё совершенно, всё, кроме человека, безгрешно, и с ними Христос еще раньше нашего» (Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 267—268).

Л. Геллер отмечает стиливую (хотя речь идет о различных видах искусства) общность платоновских произведений с творчеством П. Филонова: «„Чевенгур“ представляет собой совершенный пример композиции, полностью построенной на повторениях, замедлениях и ускорениях. Описания пейзажей, персонажей, их размышлений почти одинаковы, и все же каждый раз другие. Время в „Чевенгуре“ идет, последовательность дней, ночей, времен года заботливо отмечается, продолжительность действия ограничена и может быть высчитана, но его развитие остается трудным для восприятия. Я думаю, это происходит потому, что платоновское время не движется по единой линии: смешиваются различные виды времени — время реальное и ментальное, настоящее и прошедшее. И рассказ может развиваться, только беспрестанно возвращаясь к сказанному, повторяясь и варьируясь. Повествование, которое не может свободно развиваться, густеет, становится очень плотным. Каждый фрагмент текста, каждая фраза оказываются предельно нагруженными. Это делает Платонова трудным писателем: такого же рода затруднение испытывает зритель перед картиной Филонова, где любой квадратный сантиметр холста равно интенсивен» (Heller 1984, с. 360; см. также: Подорога 1989, с. 25—26). Комментируемый фрагмент «Чевенгура» напоминает впечатление Хлебникова от его портрета филоновской работы:

Я со стены письма Филонова
Смотрю, как конь усталый, до конца,
И много муки в письме у оного,
В глазах у конского лица.

«Поэт очень тонко подметил характерный для картин Филонова психологический антропоморфизм конских голов и, напротив, сближение с обликом животного лица человека» (Ковтун 1988, с. 24). У Филонова «в картине „Животные“ среди каменной пустыни домов бродят чудовищные звери с ан-

тропоморфными лицами. Разрыв с природой, который отвергали и Филонов, и Хлебников, оборачивается духовным одичанием человека. <...> В большом цикле картин — „Крестьянская семья“, „Поклонение волхвов“, „Трое за столом“, „Цветы мирового расцвета“, „Победитель города“ и другие — Филонов создает свою социально-художественную утопию о братской, справедливой жизни людей на Земле» (*Там же*, с. 38). Конфликт между «природным» и «сознательным», весьма важный в эстетике Платонова, обуславливал и художественные принципы Филонова: «Сцепление с природой у кубистов казалось ему недостаточным, облегченным. Геометризации, не реализующей и малой доли тех свойств и процессов природы, которые могут быть пластически выражены, он противопоставляет принцип органического роста художественной формы (как растет дерево). „Организм“ против „механизма“ — так можно определить пафос филоновской поэзии <...> Он хочет подражать не формам, которые создает природа, а методам, которыми она „действует“. Это путь органики в создании искусства, предвосхитивший идеи бионики, возникшей несколько десятилетий спустя» (*Там же*, с. 30, 32).

Вспомним, что тенденция к «отождествлению» человека и лошади по-своему проявилась и в эпизоде ранения Дванова: «Он сжал ногу коня обеими руками, нога превратилась в благоухающее живое тело той, которой он не знал и не узнает, но сейчас она стала ему нечаянно нужна» (с. 105/104).

283 [45] С. 411/397. Дванов понудил Пролетарскую Силу войти в воду по грудь... — Ср. мифопоэтическое представление о хтонической и замогильной природе коня (см.: *Пропп* 1986, с. 173—180).

284 [45] С. 411/398. Пролетарская Сила слышала <...> и отпавилась бережливым шагом домой, на Чевенгур. — «В древних мифах конь мог быть связан с водой, из коей он, „чистый“, возникал; о коне говорилось, что ему „способствуют воды в озерах“» (*Ковсан* 1989, с. 62).

21) Рыба; русалка

285 [1] С. 27/28. Рыба между жизнью и смертью стоит <...> она все уже знает. — «Немота» рыб в народной культуре наполняется мифологически значимым содержанием; она «играет определенную роль и в представлениях о рыбах как *душах*: беззвучность, немота — признак, соотнесенный с миром мертвых, сближающий рыбу и душу человека, отошедшего в мир иной, или ребенка, еще не появившегося на этот свет. Этим определяется символическая амбивалентность рыбы: она является одновременно и символом смерти, и символом рождения» (*Гура* 1997, с. 746—747). «Рыба выступает как некий эквивалент нижнего мира, царства мертвых (для того, чтобы вос-

креснуть к новой жизни, нужно побывать в нем). <...> Согласно библейской традиции, рыбу получит мессия и разделит ее с праведными в конце мира (в Талмуде мессия обозначается как *Dag*, „рыба“) <...> Не случайна в этом отношении „рыбная“ метафорика Иисуса Христа, прослеживаемая как на формальном уровне (греческое слово *ἰχθῦς*, „рыба“ расшифровывалось как аббревиатура греческой формулы „Иисус Христос, божий сын, спаситель“), так и по существу (ср. рыбу как символ веры, чистоты, девы Марии, а также крещения, причастия (где она заменяется хлебом и вином; в этом же ряду стоит евангельский мотив насыщения рыбами и хлебами)); Иисус Христос иногда называется в ранней христианской литературе „Рыбой“ (ср. этот образ в катакомбном искусстве), а христиане „рыбаками“; ср. образ апостолов-рыбарей Петра и Андрея, который Иисус Христос обещал сделать „ловцами человеков“ (*Матф.* 4, 19); отсюда иносказательная окраска сцен ужения и ловли сетью рыбы в средневековом европейском искусстве (ср. также образ Будды как рыбака)» (*МНМ* 1991, т. 2, с. 392—393). Рыба осознается, в частности, как «символ углубленной духовной жизни, духовного мира, скрывающегося под поверхностью вещей, знак поднимающейся жизненной силы <...> Рыбная ловля приравнивается к извлечению бессознательных элементов из глубоко запрятанных источников — „ускользающего сокровища“, легенды, иными словами, мудрости» (*Керлот* 1994, с. 444—445). Существовало представление «о стране блаженных рахманов (иначе говоря, царстве мертвых), которые, по мнению буховинских рутенов, наполовину люди, а наполовину рыбы <...> ср. в русской статье „О человецех незнаемых во восточной стране“ упоминание о людях, которые определенное время года живут в воде» (*Успенский* 1982, с. 146—147; см. также: *Гура* 1997, с. 749).

286 [1] С. 29/30. ...про удочку, которую сделал ему отец <...> у меня рыба поймалась в воде... — Рыба предстает как бы посланцем «от отца» — с того света. Ср. в пьесе «14 Красных Избушек» название колхозного рыбацкого корабля — «Дальний свет» (*Живя главной жизнью*, с. 322).

287 [11] С. 89/88. Китайцы поели весь рыбный суп <...> «Мы любим смерть! Мы очень ее любим!» — См. 285. «В этой сцене все значимо. Особое восточное отношение к смерти (небоязнь, культ смерти) прочитывается в акте поедания китайцами рыбного супа (рыба „все знает“ и живет в „воде-истине“), от которого отказались русские матросы. Таким образом, непосредственно съев истину, китайцы „сытыми ложатся спать“, то есть символически умирают, получив „окончательное“ знание о мире» (*Карасев* 1994, с. 116). Характерно, что более «сознательные» русские матросы отказываются от этого своеобразного «причастия».

Учитывая интерес Платонова к идеям Шпенглера и работам других философов о «Закате Европы» (см. 10, 20, 52),

можно привести суждение Ф. Степуна: «Как всякий романтик, Шпенглер любит смерть как эстетическое *arctio* жизни. В этом смысле он любит цивилизацию как скорбное *arctio* культуры» (Степун 1922, с. 31).

В плане «перекличек» платоновского романа с произведениями Толстого можно указать на эпизод «Войны и мира», в котором Пьера принимают в масоны; здесь ему сообщают семь масонских добродетелей, последней (и труднейшей) из которых оказывается именно *любовь к смерти*: «— Старайтесь, — сказал ритор, — частым помышлением о смерти довести себя до того, чтобы она не казалась вам более страшным врагом, но другом... который освобождает от бедственной сей жизни в трудах добродетели томившуюся душу, для введения ее в место награды и успокоения» (Толстой 1928—1958, т. 10, с. 77—78).

288 [34] С. 241/235. ...спит на берегу худой усталый человек, а у ног его само собой шевелится удилище. Луй подошел к человеку и вытащил удочку с подлещиком... — С учетом мотива пойманной, но не вытасченной рыбы показательно, что рыба (= «истина») оказывается здесь в руках у странника.

Можно предположить перекличку с рассказом С. Семенова «Голый человек» (см. 203) — ср. фрагмент воспоминаний его героя, Николая Глебова, о своем детстве: «Любимым моим удовольствием скоро сделалось ужение рыбы — на озере <...> Я трепетал, когда выдергивал серебристую, изогнувшуюся от боли, рыбку. Но сладострастного в моем трепете ничего не было. Мне вовсе не доставляло удовольствия сдергивать рыбку с крючка — так, чтобы намеренно распороть ей рот или глаза <...> И все-таки иногда я умышленно срывал рыбку, с желанием разорвать ей рот, глаза, губы. Почему? <...> При вытаскивании рыбки из воды у меня мелькали мысли вроде таких: она — рыбка, а я — человек. Пусть я не могу жить в воде, как она, — я все-таки *могу* ее поймать. Человек изобрел удочку...» (Семенов 1924, с. 29). Показателен также эпизод, когда мальчик, увидев в воде большого линя, заявляет приятелю Афоньке, что сейчас поймает его, на что тот отвечает: «— Не поймашь. Большая рыба никогда не будет клевать, если видит человека <...> Она умная. — Рыба — умная? — Умная» (Там же, с. 30—31). Попытавшись все же поймать линя, герой падает с лодки и едва не тонет.

289 [36] С. 276/269. Приснилась мне в озере рыбка, / Что рыбкой я была... — Песня подкрепляет мотив «несостоявшегося рождения» (с психоаналитической точки зрения, символический смысл сна вполне ясен: см. 96).

Можно отметить, что «в фольклорных текстах образ рыбы обычно наделяется *женской* символикой. В свадебных песнях рыбица, пойманная в сети, символизирует невесту, а жених часто изображается рыбаком. <...> Образ девушки-рыбки присутствует и в любовно-лирических песнях» (Гура 1997, с. 751—752).

290 И песня никак не кончилась, хотя большевики были согласны ее слушать дальше... — Женщина, грустно покоящая, как она когда-то была «рыбкой», напоминает русалку. «Водяные духи и девы то совершенно превращаются в рыб, то являются смешанными формами человека и рыбы» (Афанасьев 1994, т. 2, с. 246); в славянском фольклоре русалки — преимущественно «водяные красавицы»; упоминаются, однако, русалки лесные, полевые и даже домашние (см.: Там же, т. 3, с. 124—125; Померанцева 1975, с. 74—81). Русалки губят людей, завораживая их музыкой и пением (Афанасьев 1994, т. 3, с. 147—148); ср. фразу Чепурного: «У нее голос трогательный» (с. 277/269).

А. Веселовский отмечает связь образа русалки с образом розы как символа смерти (см. 264); он пишет: «Славянские названия для цветка: рожа, ружа, роза — указывают на латинское происхождение; к нам оно перешло от южных славян, вместе с ним переселилась и память о русалиях-тризнах и русалках, духах усопших, которых когда-то на далеком юге чествовали жертвою роз. <...> Две символики розы встретились на почве русской народной поэзии, языческая и христианская: русалки, олицетворение древних Розалий, и мистическая роза — Богородица» (Веселовский 1990, с. 88, 92). Ср. поэму Вяч. Иванова «Феофил и Мария» (из книги «Rosarium»), в которой образ розы занимает центральное место, а основное действие происходит на фоне праздника Русалий: «Веселая встреча весны соединялась с угощением усопших („навыи гостины“), души которых выходили в эту пору из подземного царства и смешивались с толпою пирующих живых родичей, а потом изгонялись последними, при посредстве заклинаний, с лица земли в подземные жилища» (Иванов 1911, т. 2, с. 208).

Эпизод с «русалкой» в каком-то смысле предвосхищает финал романа — смерть Дванова в воде (хотя герой и не слышит пения женщины): ср. сопутствующий ему образ пойманной, но не вытащенной из озера рыбы (см. 286, 288, 291). Можно наметить параллели платоновского романа и поэмы «Мцыри» — в предсмертном бреду ее герой представляет себя лежащим на дне реки и слышит песню золотой рыбки, зовущей юношу остаться с ней:

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Слиwała тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

(Лермонтов 1969, т. 2, с. 400).

Важно, что в поэме Лермонтова, как и в «Чевенгуре», тема возвращения в страну детства (т. е. в «другое» время / пространство) совмещается — через мотив подводного царства — с темой смертного покоя и блаженства: начало и конец жизни «смыкаются»; стремление героев Лермонтова и Платонова обрести «детскую родину» получает амбивалентную реализацию в образе «кругового», циклического движения (хотя финал «Чевенгура» все же более оптимистичен).

291 [45] С. 411/397. ...Дванов узнал, что это была его удочка, забывтая здесь в детстве. — См. 286, 288. Если в ранней публицистике Платонов утверждал: «Грядущая жизнь человечества — это поход на Тайны во имя завоевания Истины, источника вечного и последнего нашего блага» (*Возвращение*, с. 32), то в романе он приходит к иным выводам: «Тайна остается, и ничто во всем дальнейшем творчестве писателя не будет противоречить этой интуитивной констатации: не символичен ли, например, возврат платоновского героя к озеру Мутево и особенно оставленная им там детская удочка?» (*Любушкина* 1988, с. 418). Рыба-«истина» (см. 285) поймана на удочку, но так и не вытащена «на свет».

Ср. вариации на «рыболовную» тему в книге «Так говорил Заратустра»:

«В твои глаза заглянул я недавно, о жизнь! И мне показалось, что я погружаюсь в непостижимое.

Но ты вытащила меня золотой удочкой; насмешливо смеялась ты, когда я тебя называл непостижимой.

„Так говорят все рыбы, отвечала ты; чего не постигают они, то и непостижимо.

Но я только изменчива и дика, и во всем я женщина, и притом не добродетельная.

Хотя я называюсь у вас, мужчин, 'глубиною' или 'верностью', 'вечностью', 'тайною'.

Но вы, мужчины, одаряете нас всегда собственными добродетелями — ах, вы, добродетельные!“; «Если мир похож на темный лес, населенный зверями, на сад для улады всех диких охотников, то, по-моему, он еще больше и скорее похож на бездонное богатое море <...> Особенно человеческий мир, человеческое море — в него закидываю я теперь свою золотую удочку и говорю: развернись, человеческая бездна!

Развернись и выбрось мне твоих рыб и сверкающих раков! Своей лучшей приманкой приманиваю я сегодня самых удивительных человеческих рыб! <...> смейся, смейся, моя светлая, здоровая злоба! С высоких гор бросай вниз свой сверкающий, презрительный смех! Примани мне своим сверканьем самых прекрасных человеческих рыб!

И что во всех морях принадлежит мне, что мое и для меня во всех вещах, — это выуди мне, это извлеки ко мне наверх: этого жду я, злейший из всех ловцов рыб» (*Ницше* 1990, т. 2,

с. 77, 171—172). Конечно, Ницше перефразирует евангельскую метафору «ловицы человеков» (*Матф. 4, 19*).

В аспекте параллели Чевенгур = Китеж (см. 305) можно привести любопытный диалог из очерка Короленко «Светлояр» — беседу со старичком-рыболовом, убежденным, что озеро в действительности не существует, а на его месте находится город; автор спрашивает его: «Ведь озеро-то... Одна видимость? <...> И воды тут нет, а есть дорога в главные ворота? <...> Так как же вот окунь-то? Выходит, и он только видимость». Примечательна парадоксально спокойная реакция старичка: «— Поди ты вот... А? — сказал он с недоумевающей благодушной улыбкой. И потом прибавил: — А мы-те, дураки, жарим да кушаем». Автор называет его человеком, «таскающим из кажущегося озера несуществующих рыб» (*Короленко 1971, т. 3, с. 129—130*).

22) Вода; озеро; луна

292 [1] С. 27/28. ...рыбака с озера Мутево... — Уже «внутренняя форма» гидронима заключает (в «сниженном» виде) образ тайны как «непрозрачности». «Помимо противопоставления воды чистой и затхлой, в „Чевенгуре“ есть и антитеза воды прозрачной и мутной <...> Прозрачность, чистота воды связана у Платонова с мыслью, умом-светом. <...> Мутная вода — это вода рождения, вода жизни в ее сугубо природнотелесном измерении. Из названия озера Мутево видно, что вода его мутна: это смесь земли и воды — своего рода коллоидный раствор, первосмесь, животворящая эмульсия» (*Карасев 1995, с. 24*).

293 [3] С. 43/44. ...на черте сельского горизонта, он стоял над кажущимся глубоким провалом, на берегу небесного озера. — Мотив горизонта как «абсолютного будущего» проходит через весь роман; заметим, что в волшебной сказке на горизонте (ср. «край света») нередко располагается «другой» мир — «тридесятое царство» (см.: *Пропп 1986, с. 284*). Рассматривая историю живописи, О. Шпенглер говорит о «философии» горизонта как элемента перспективы: «В дали пространство становится временем. Горизонт означает будущее. *Парк барокко* — это парк поздней осени, близкого конца, опадающих листьев. Только перспектива вызывает в памяти предчувствие чего-то преходящего, мимолетного, последнего. <...> Здесь, в переживании горизонта как будущего, непосредственно проступает идентичность времени с „третьим измерением“ пережитого пространства, живого саморасширения» (*Шпенглер 1993, с. 415*).

Автор «Чевенгура» активно соединяет мотивы воды и неба, стремится снять противопоставление «глубины» и «высоты», верха и низа (см. 305); ср. устойчивый литературный мотив со-

зерцания неба, которое ассоциируется с морем (или его «сухопутным» эквивалентом — образом земной равнины, степи), вызывая мысли о бессмертии: данный мотив связан, в терминологии Фрейда, с «океаническим чувством» (см.: Топоров 1995, с. 586—606). Например, у Платонова в повести «Епифанские шлюзы»: «Перри видел океаны, но столь же таинственны, великолепны и грандиозны возлежали перед ним эти сухие, косные земли» (*Епифанские шлюзы*, с. 27). См. также 320.

Подтекстное отождествление небесной, водной и земной «глади» подготавливает далекий финал «Чевенгура»: здесь «погружение / вознесение» героя (уход «вглубь») — приобщение одновременно к стихии водной и небесной.

Ср. «синтез» мотивов глубины и высоты, воды и неба в одной из главных сцен мистической поэмы Вяч. Иванова «Феofil и Мария» (см. 264, 290) — сцене сна героя:

Я на молитве задремал, и сон
Мне снился дивный. Будто, голубые
Покинув воды, в зёркальный затон

Заплыли мы в ладье. Струи живые —
Бездонная прозрачность. Из челна
Цветы берем прибрежные. Мария —

Вдруг уронила розу. Глубина
Ее не отдает. И дале, дале
Тонула роза. Нет затону дна.

Тонула — и росла в живом кристалле,
И светит солнцем алым из глубин.
Мария сходит, в белом покрывале,

В текучий блеск — достать небесный крин,
Как некий дух по лестнице эфирной, —
Все дале, дале... Я в челне — один.

Глубоко подо мной, во мгле сафирной,
Как пурпур — солнце несказанных недр;
А сверху слышу пенье братьев клирной:

Прям на горе, стреми, ливанский кедр,
В лазурь широколиственные сени,
А корни в ночь; и будь, как Матерь, щедр!

И голос, авва, твой: Когда колени
Склонит Мария наземь, припади
К земле ты сам, и смело на ступени,

Ведущие в чертог ее, сойди!
С ней браком сочитайся и могилой, —
И солнце обретешь в ее груди

(Иванов 1911, т. 2, с. 190—191).

Во втором сне Феофил вновь видит Марию сходящей «в голубеющий кристалл», на дне которого рубином блещет «Святая Роза Нового Завета» (Там же, с. 194). Ср. платоновскую повесть «Эфирный тракт», где образу розы придается мистический смысл: «Эфир уже сочетался с розой в сознании Кирпичникова, и, экономя образ, он иногда воображал себе розу, опущенную в синий дух эфира» (Собр. соч., т. 1, с. 184).

294 [23] С. 161/158. ...плотиной от напора вздымающегося озера чувств <...> уже превращенные в поток облегчающей мысли. — Образ озера получает психоаналитическое истолкование: «Вода является чаще всего встречающимся символом бессознательного. <...> Психологически вода означает ставший бессознательным дух» (Юнг 1991, с. 109). «Воды символизируют вселенское стечение потенциальных возможностей, fons et origo („источник и происхождение“), предшествующее всем формам и всему творению. Погружение в воду означает, с одной стороны, смысл смерти и уничтожения, а с другой — возрождения и восстановления» (Керлот 1994, с. 116). Уход в озеро — растворение в эмоциональной сфере, в «душевности» (ср. фрейдовское «Оно»), отказ от «облегчающей мысли», от утопической простоты. По существу, в данном фрагменте развивается основной подтекстный мотив «Епифанских шлюзов», проявленный в самом названии этой повести и связанный с этимологией основного топонима: греч. епифания — откровение.

Как уже отмечалось (см. 128), платоновские «гидротехнические» метафоры психологических процессов найдут развитие в романе Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» — многозначителен, например, пассаж о страхе перед водой: «Каждый инженер-гидравлик чуть-чуть боится воды, ибо он знает ее силу, и каждый гидравлик видел страшные сны, когда во сне он стоял перед плотиной в спутанном времени, руки инженера распростирались бессильно перед ломающимся, гнущимся гранитом, из-за которого рвалась вода» (Пильняк 1990, с. 544).

295 [23] С. 169—170/166. Река застарела, девственный травостой ее долины затянулся смертельной жидкостью болот... — Ср. в платоновском очерке 1923 г. «Река Воронеж, ее настоящее и будущее»: «Некогда многоводная сильная река одряхла, истощилась, сошла до поганой лужи. И в значительной степени это случилось оттого, что человек приложил к реке свою руку» (Чутье правды, с. 211). Образ заглохшей, умирающей реки создан в рассказе Платонова «Луговые мастера».

296 [26] С. 188/184. Из какой-то маленькой разлухи вверх
с чердака проходила мутная вода. — Происхождение этой воды
неясно: она не может быть ни дождевой, ни водопроводной,
поскольку небо безоблачно — на нем «цветущие звезды»
(с. 189/184), а водопровод, по словам Гопнера, не работает
(с. 189/185). Эпитет «мутная» вызывает ассоциации с названием
озера Мутево (см. 292).

297 [27] С. 192/187. На небе луна, а под нею громадный
трудовой район — и весь в коммунизме, как рыба в озере! —
«Чевенгур можно рассматривать как водяной город. На это на-
мекает Чепурный, сравнивая Чевенгур с рыбой» (Карасев 1995,
с. 17). «Связь Чевенгура с подводным миром нельзя признать
случайной. Она служит знаком „внемирности“ Чевенгура, его
ирреальности» (Дмитровская 1996, с. 32). См. также 303.

298 [30] С. 205/201. Ему нравилась текущая вода <...> достиг-
нув своего покоя прежде Чевенгура. — Эпизод слабо связан с
сюжетом, но имеет символическое значение; смертельному
покою, энтропии Чевенгура Фирс предпочитает «покой» теку-
щей воды. Возможны ассоциации с известными афоризмами
Гераклита, уподоблявшего мир воде («в ту же реку вступаем и
не вступаем», «на входящих в ту же самую реку набегает все
новые и новые воды»). Х. Гюнтер (см.: Günther 1992, с. 215) со-
ставляет мироощущение Фирса с идеологией старообрядче-
ской секты странников (бегунов), считавших реки источниками
правого учения (Пятницкий 1906, с. 94), и отмечает, что симво-
лика воды в «Чевенгуре» напоминает бегунские стихи:

И журчаньем рек текущих
утешаюсь я всегда,
мирских прелестей влекущих
чтоб не помнить никогда

(Срезневский 1908, с. 236).

«В языке алхимиков Вода и Пневма (Дыхание, Дух) явля-
ются синонимами, как и в языке первохристиан, у которых
Вода — Spiritus veritatis (Дух истины). В христианском культе
крещения Вода символизирует приобщение к таинству духов-
ного бытия. А алхимик Т. де Хогеланде в сочинении «Труд-
ности алхимии» писал: «spiritus, qui in ventre (corporis) occultus
est, et fiet aqua» (дух, сокрытый в лоне природы, станет
водой)» (Гильманов 1994, с. 34).

299 [32] С. 227/222. ...когда я в воде — мне кажется, что я
до точности правду знаю... — Слова Чепурного явно сходны с
мироощущением нищего Фирса. Отмечая переключки платонов-
ского романа с книгой Фейербаха «Сущность христианства»,
можно привести рассуждения ее автора о «природных»
предпосылках сакрализации воды: «Крещение должно пред-
ставлять нам чудесное и вместе с тем естественное действие

воды на человека. И действительно, вода оказывает не только физическое, но также нравственное и интеллектуальное влияние на человека. Вода очищает человека не только от грязи тела, но в воде спадает у него также и слепота с глаз: он видит, он мыслит яснее; он чувствует себя свободнее; вода утешает пыл страстей. <...> Вода есть сближение с природой. Водяная баня есть как бы химический процесс, в котором наше я претворяется в объективные сущности природы. <...> Вода, как всеобщий элемент жизни, напоминает нам о нашем происхождении от природы, и это напоминание роднит нас с растениями и животными. При крещении водой мы преклоняемся перед могуществом чистых сил природы; вода есть материал для естественного равенства и свободы, зеркало золотого века» (*Фейербах 1925—1926, т. 2, с. 282—283*).

300 [33] С. 237/231. ...проступило наружу волос материнское сырое вещество... — Ср. образ подземной «материнской воды» в повести «Ювенильное море», а также в военном очерке «На могилах русских солдат»: характерно, что погибшему сержанту, намеревавшемуся пробурить скважину до «великого подземного ювенильного моря — водоема девственной воды», Платонов дает собственную фамилию — Никита Климентов (*Собр. соч., т. 3, с. 138*); см. также 492.

301 [38] С. 308/300. — Я хочу спать и плавать в воде... — Ср. ощущения умирающего машиниста-наставника (см. 96).

302 [39] С. 331/322. ...Тот свет проникал в чевенгурскую кузницу... — Фраза звучит двусмысленно, поскольку «тот свет» — устойчивое словосочетание. «Лунные» мотивы в романе устойчиво связаны с темой потустороннего мира (см. 226). Ср. в рассказе военных лет «Офицер и солдат»: «Над горизонтом поднялась бледная луна, почти невидимая от немого зарева дальних пожаров, словно безмолвный печальный образ в память всех мертвых» (*Смерти нет!, с. 51*).

303 [39] С. 333—334/324. Над ними, как на том свете, бесплотно влеклась луна <...> оставался один истинный мертвый свет. — В книге Розанова «Люди лунного света» бесплотность, бестелесность луны («лунная аномалия») противопоставит животорному, плотскому «солнечному началу»; ср.: «Луна запрещает „очень любиться“ <...> Это — монашеская любовь. <...> Это — несчастная или преступная любовь, не нормальная, ничем не кончающаяся, которой положены роковые пределы. Мечтательное начало с тем вместе есть и жестокое <...> Идеал и „луна“ не знают компромиссов... Луна и ночь — *уединенны*: опять — это *монашеский* зов! Все это совершенно обратно горячему солнышку <...> Солнце — супружество (совокупление), солнце — факт действительности. Луна — вечное „обещание“, греза, томление, ожидание, надежда: что-то совершенно *противоположное действительному*, и очень *спиритуалистического*; «Лунный — *светящий свет*, в отличие от *солнечного — греющего, органического*... Да, еще вот слово: лунный свет — не органи-

ческий. А какой? — *Спиритуалистический*. Пожалуй, spiritus в нас — отражение лунного в каждом свете „девства“, частицы которого никто не лишен» (Розанов 1913а, с. 10, 276).

В контексте темы «Платонов и Пильняк» «лунный» мотив в «Чевенгуре» может быть соотнесен с «Повестью непогашенной луны», где образ луны связывается с темой «механического» существования и потенциальной диктатуры (подробнее см.: Яблоков 1992а).

Связь образа луны с сновидческими мотивами будет актуализирована в военном рассказе Платонова «Челюсть дракона»: «Поверх туч светила луна, и ее неподвижный магический свет слабо проникал сквозь тучи, еле озаряя землю из невидимого светильника, как бывает в сновидении» (*Смерти нет!*, с. 63).

304 [43] С. 386/374. ...ее покорный свет ослабевал во влажной мгле тумана и озарял землю, как подводное дно. — «Лунные» мотивы у Платонова актуализируя семантику «потустороннего мира», оказываются связаны с образом «подводного царства», символизирующего смерть / рождение (в плане мифопоэтических ассоциаций важно подчеркнуть связь образа Луны с женским началом; см. также 226).

Ср. в рассказе военных лет «Дед-солдат» размышления десятилетнего Алеши, тематически перекликающиеся с «Чевенгуром»: «В синей глубине озера росла подводная трава, и ослабевшее в воде, тихое солнце, как луна, освещало там неподвижные стебли темных и худых былинков. <...> Алеша решил стать самым главным в подводном царстве ихнего пруда и считать все это царство своим, чтобы всем былинкам в воде и каждому, кто там живет и шевелится, не было больше скучно. <...> Алеша вынул из штанов у деда крошку хлеба, раскрошил ее и посеял с плотины хлебные крошки в воду.

— Кормитесь, — сказал он подводному царству. — Теперь я у вас кормилец и председатель, а вы рожайтесь и живите. И я у вас буду считаться отцом, чтоб вы не были как сироты, — произнес Алеша вдовавок» (*Смерти нет!*, с. 254—256).

23) Земля; город; топография; путешествие

305 [1] С. 27/28. ...он видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды... — Одна из важнейших структурообразующих метафор «Чевенгура»: отождествление поднебесного и подводного миров (см. 293) — «посюсторонней» и потусторонней реальности; ср. отмеченное В. Проппом сказочное представление о потустороннем мире: «И там свет такой же, как у нас» (Пропп 1986, с. 287); о «тридцатом царстве», которое может находиться под водой (Там же, с. 282). Мотив «подводной» жизни в романе вызывает отчетливые мифопоэтические

ассоциации, напоминая о Китежской легенде (Bethea 1989, с. 170); показательно в этой связи сравнение Чевенгура с «рыбой в озере» (см. 297) — кстати, возможно каламбурное переосмысление Платоновым слова «утопия» — по глаголу «утопнуть, утонуть» (о сходном явлении см. 584). Три наиболее распространенных варианта китежской легенды включали представления о городе подземном, подводном или невидимом (см.: Дурылин 1914, с. 20—22); в среде старообрядцев-бегунов под влиянием Апокалипсиса сформировался также сюжет о воздушном городе. «В утопических легендах Китеж считался населенным праведниками, нечестивцы туда не допускались, в городе царила социальная справедливость. Сказания о Китеже включали рассказы о людях, давших обет уйти в Китеж и писавших оттуда письма, о колокольном звоне, который можно слышать на берегу озера» (СМ 1995, с. 223—224; см. также: Комарович 1936). В очерке В. Короленко «Светлояр» приведена история о человеке, отправившемся в «подводный город», которая в каком-то смысле напоминает судьбу рыбака из романа «Чевенгур»: «Стал звон слышать. <...> А там уже и видеть стал. Туман, говорит, на озере-те, а в тумане так обозначает, что город, и церкви, и княжецки палаты, и монастыри великолепные. Сам говорит, а сам плачет, бороденка трясется. Теперича, говорит, надобно мне туда попадать небеспреренно. Оттуда уже известно дело: престаившись в экой благодати, прямо в рай. <...> После этого не в долгом времени пропал старичок без вести. <...> Как в воду канул» (Короленко 1971, т. 3, с. 126—127); излагается также быличка о появившихся из озера и возвращавшихся в него монахах на подводе, запряженной лошадыми (Там же, с. 128). М. Пришвину местные жители рассказывали о письмах, якобы приходивших к ним из «невидимого града» (см.: Пришвин 1982—1986, т. 1, с. 445).

Как подчеркивает Т. Лангерак (см.: Лангерак 1995, с. 117), именно в год начала работы Платонова над романом «китежская» тема явилась предметом довольно острой полемики: весной 1926 г. в Большом театре в Москве и Академическом театре оперы и балета была поставлена опера Н. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии»; многие критики осудили спектакль, заявив, что он может вызвать всплеск религиозных настроений. 27 июля 1926 г. в газете «Известия» в защиту постановки выступил А. Луначарский, опубликовав статью «Боги хороши после смерти» (см.: Луначарский 1964, с. 316—319).

306 [10] С. 79/79. Город опускался за Двановым из его оглядывающихся глаз в свою долину... — Здесь тоже видим своеобразную реализацию мотива «тонущего» города.

307 [11] С. 89/89. ...когда уже Александр давно оставил вагон, утром второго дня. — Заканчивается первый «круг» странствий Александра Дванова — его путешествие из Новохоперска в родной город (т. е. Воронеж). Целесообразно вспом-

нить маршрут героя, чтобы проследить, как использует Платонов реальные и вымышленные топонимы и как обращается с географией мест, хорошо ему знакомых. Названия проверялись по изданиям: *Алфавитный указатель 1925*; *Списки населенных мест 1927*; учитывая, что со времени событий, описанных в «Чевенгуре», до момента составления данных указателей прошло всего около пяти лет, трудно предполагать, что за это время могли произойти какие-либо существенные изменения в названиях населенных пунктов.

Итак, из девяти топонимов, упоминающихся на с. 80—89/79—88, реально существуют на «должном» месте, по-видимому, лишь пять: это Новохоперск, Балашов (город восточнее Новохоперска на территории Саратовской губернии), Пески, Поворино (населенные пункты на юге Тамбовской губернии) и Лиски (слобода в Острогожском уезде Воронежской губернии). Некоторые топонимы, возможно, «перенесены» из других мест: так, село Марьино находилось в Воронежском уезде; название хутора Завалишный могло быть произведено от названия села Завальное в Усманском уезде. Названий Разгуляй и Шкарино или похожих на них в упомянутых указателях нет.

Что же касается направления движения Дванова, то, как легко убедиться с картой в руках, Платонов постоянно заставляет героя двигаться в направлении, диаметрально противоположном тому, какое ему требуется «на самом деле». Так, в Новохоперске он садится в поезд, на котором красноармейцы едут до Разгуляева: в Разгуляеве Дванов якобы «будет ближе к дому» (с. 80/79). Красноармейцы, как сказано, «две недели сражались под Балашовым и тяжело устали» (Там же): можно ожидать, что они едут через Новохоперск из Балашова (т. е. примерно с востока на запад). На самом деле — все наоборот: в Шкарино «местный человек» говорит, что на Поворино проехать нельзя (с. 82/82), стало быть, эшелон идет на восток, в сторону Балашова, и Дванов не приближается к дому, а удаляется от него. Но интересно при этом, что в сцене столкновения поездов герой полагает, будто встречный эшелон идет «с Лисок» (с. 84/84), в то время как со стороны Лисок (с запада) идет как раз поезд, ведомый самим Двановым. После аварии Дванов «двинулся пешком на Лиски» (с. 87/86): т. е. опять-таки, если следовать географии, в обратную сторону — туда, откуда ехал, а не вперед по ходу движения его поезда. Наконец, «в Лисках он влез в поезд, <...> на Царицын» (с. 89/88) — и, стало быть, поехал опять в прямо противоположном направлении, поскольку Воронеж от Лисок находится к северу, а Царицын (ныне Волгоград) — на юго-востоке: поезд на Царицын от Лисок мог идти или в южном, или, скорее, в восточном направлении — в сторону Новохоперска, откуда двигался Дванов. Конечно, трудно предположить, что «ошибки» были допущены Платоновым случайно: подобная путаница — яркий показатель того, как писатель об-

ращается с реальной географией; пространство «Чевенгура» лишь на первый взгляд похоже на реальное. Ср. сходный момент в повести «Эфирный тракт» — Михаил Кирпичников с семьей едет на автомобиле из Москвы в Воронежскую губернию, т. е. на юг, однако, описывая окружающие героя ландшафты, повествователь говорит: «На север от Москвы дождеватели исчезали» (*Собр. соч., т. 1, с. 169, 172*); в этой же повести Амазонка фактически впадает в Тихий океан (см. 74).

308 [15] С. 114/112—113. ...хороший паровоз со звездой впереди, едущий порожняком по рельсам неизвестно куда... — Обратить внимание, что такое представление о «паровозе истории» создает образ абсолютно бессмысленного и бесцельного движения, даже на фоне гротескного содержания приводимого выше плаката.

309 [25] С. 178/174. Дванову городские дома показались слишком большими... — Заканчивается второй «круг» странствий Александра Дванова, географически связанный с южной частью Воронежской губернии. Подобно тому, как это делалось раньше (см. 307), сопоставив встречающиеся на с. 98—170/97—167 топонимы с: *Алфавитный указатель 1925*, получаем следующую картину. Из шестнадцати топонимов географически точно в «Чевенгуре» упомянуты два: слобода Петропавловка (с. 98/97) и Лиманный хутор (с. 108/107) — хутор Лиман в Богучарском уезде. Ряд названий образован, видимо, по звуковой ассоциации: «Битгермановское лесничество» (см. 564), «Верхне-Мотнинская волость» (с. 141/139) — от названия Верхне-Мамонской волости в Богучарском уезде, «Посошанская волость» (с. 150/147) — должно быть, Россошанская. Под слободой Черная Калитва (с. 149/147) имеется в виду, вероятно, Старая Калитва — волостной центр в Россошанском уезде. Ряд названий «перенесен» из других уездов: «Каверино» (с. 102/101) — это, возможно, село Каверье Воронежского уезда; о названии «Волошино» см. 254. Топонимы «Малое» (с. 122/120), «Средние Болтаи» (с. 124/122), «Ханские Дворики» (с. 130/127), «Новоселовский уезд» (с. 143/140), «Великоместный сельсовет» (с. 150/147), «Исподние Хутора» (с. 163/160), «Черновка» (с. 169/166), видимо, вымышлены Платоновым. Коммуны «Дружба бедняка» (с. 143/140) в «Указателе» также нет, однако встречаются названия коммун, по стилю схожие с платоновским: например, «Пробуждение пахаря», «Корабль Невредимый», «Братский труд».

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Территория реальных Россошанского и Богучарского уездов, по которым (как кажется) путешествуют Дванов и Копенкин, — это земли вокруг Дона; однако образа этой реки в романе «Чевенгур» нет, ее присутствие не «ощущается».

310 Дванов оставил город строгой крепостью <...> они проверяли документы у взволнованных полночных граждан. — М. Золотоносов сопоставляет это описание с фрагментом ста-

тии Н. Федорова «Выставка 1889 года», где философ, в частности, писал: «Город есть общество, находящееся под надзором постоянно усиливающимся, общество, держащееся карою наказаний; это не братство, а гражданство, не отечество, а безродное государство, и на выставке город может и должен быть представлен: изнутри — острогом или тюрьмою, <...> извне же город должен быть изображен крепостью» (Федоров 1995—1997, т. 1, с. 447—448). «Город периода „военного коммунизма“ изображен „по Федорову“: как сила, противостоящая деревне, селу» (Золотоносов 1990, с. 182).

311 [27] С. 190/186. Пункт есть такой <...> По-старому он назывался Чевенгур. — Слово «коммунизм» предстает как бы в качестве топонима (Дмитровская 1996, с. 28); правда, в дальнейшем ни персонажи, ни повествователь нигде не употребляют название «Коммунизм» вместо «Чевенгур».

312 [27] С. 192/188. Дванову понравилось слово Чевенгур. Оно походило на влекущий гул неизвестной страны... — Сближая слова «Чевенгур» и «гул», автор романа будто намечает направление этимологизации топонима. Первый вариант «расшифровки» был предложен еще в середине 60-х годов: «Чевенгур — слово сложное. Первая его часть означает — ошметок, обносок лаптя, вторая — шум, стукоту» (Дорофеев 1965, с. 8); к этой точке зрения присоединяется ряд исследователей (см.: Геллер 1982, с. 211, Коробков 1989, с. 415; и др.).

«Возможно, слово чевен-гур означает могила лаптей (от че-ва — лаповище, обносок лаптя; гур — могила, гробница, склеп)» (Васильев 1989, с. 177); ср. албанское слово «gur» (камень, скала), сопоставимое с русским «гора» (Иванов, Топоров 1974, с. 11).

По мнению Т. Лангерака, первая часть названия Чевенгур включает анаграмму слова «вечен» — ср. в платоновском рассказе «Иван Жох» образ Вечного-Града-на-Дальней-реке (Епифанские иллюзы, с. 105—107).

Видимо, допустима ассоциация со словом «чванный — чеванный — чваный» — смешанный (Срезневский 1958, т. 3, стб. 1554); ср. также современные слова «чваниться, чванный». Представляется возможной и связь со словом «щавый» (тчий, чивый): «тщетный или суетный, ради светского тщеславия; тчивый, чивый, торватый; роскошный, мотовской» (Даль 1979—1980, т. 4, с. 651) — при таком понимании топоним «Чевенгур» несет противоречивый образ благотворной, избыточно-активной и одновременно бесполезной деятельности или образ идеальной цели, отрицающей себя самое; в целом сохраняется такое же значение — соединение разнородных частей, противоположностей.

Исследователи стремятся соотнести платоновский город с реальными населенными пунктами Воронежской и Тамбовской губерний: «Название романа-города <...> лепится из бесконечных раскатистых: Богучар, Качугуры, Карачан, Чагоры, Кара-

чун, Карабут...» (*Шубина 1994, с. 150*). Вл. Гусев полагает, что в названии города «легко прозревается <...> Богучар» (*Гусев 1988, с. 164*); действительно, этот населенный пункт расположен в тех местах, где происходит действие последней части романа, — на юге Воронежской губернии (по сообщению С. Рвачева, именно в Богучарском уезде были созданы две первые в губернии коммуны, одна из которых в начале 1921 г. была уничтожена восставшими крестьянами); с Богучарским уездом связано также действие в одном из неоконченных рассказов Платонова конца 20-х или начала 30-х годов (см.: *Умственный хутор, с. 227*).

Интересно, что населенный пункт со сходным названием обрел «эсхатологический» ореол в одном из самых известных произведений русской литературы — романе «Война и мир»: здесь подчеркнуто резкое своеобразие крестьян села *Богучарово*, по сравнению с жителями другого владения Болконских — Лысые Горы: «Мужики богучаровские имели совсем другой характер от лысогорских. Они отличались от них и говором, и одеждой, и нравами. Они назывались степными». Конечно, оба названия по-своему значимы: автором «Войны и мира» обыгрываются «внутренняя форма» и культурные коннотации топонимов: Лысые Горы ассоциируются с «Голгофой», а в слове Богучарово просвечивает семантика «очарованности», «завороженности», подкрепляющая суждение о мистицизме и «хилиастичности» богучаровцев; ср.: «Между ними всегда ходили какие-нибудь неясные толки, то о перечислении их всех в казаки, то о новой вере, в которую их обратят, то о царских листах каких-то, то о присяге Павлу Петровичу в 1797 году <...>, то об имеющем через семь лет воцариться Петре Федоровиче, при котором все будет вольно и так будет просто, что ничего не будет. Слухи о войне и Бонапарте и его нашествия соединились для них с такими же неясными представлениями об антихристе, конце света и чистой воле. <...> В жизни крестьян этой местности были заметнее и сильнее, чем в других, те таинственные струи народной жизни, причины и значение которых бывают необъяснимы для современников. Одно из таких явлений было проявившееся лет двадцать тому назад движение между крестьянами этой местности к переселению на какие-то теплые реки. Сотни крестьян, в том числе и богучаровские, стали вдруг распродавать свой скот и уезжать с семьями куда-то на юго-восток. Как птицы летят куда-то за моря, стремились эти люди с женами и детьми туда, на юго-восток, где никто из них не был. <...> Подводные струи не переставали течь в этом народе и собирались для какой-то новой силы, имеющей проявиться так же странно, неожиданно и вместе с тем просто, естественно и сильно» (*Толстой 1928—1958, т. 11, с. 142—143*); ср. затем эпизод «богучаровского бунта» (*Там же, с. 152—154*).

Е. Толстая полагает, что уже в самом звуковом комплексе «Чевенгур» обнаруживается внутренний конфликт — конфликт частей на «досемантическом», фонетическом уровне: «Топоним *Чевенгур* — центральная фонетическая тема одноименного романа Платонова, коррелирующая с сюжетом „устремления вдаль и погрязания в ужасе реальных событий“» (Толстая 1978б, с. 203). Как уже отмечалось, исследовательница подчеркивает перекличку названий «Чевенгур» и «Петербург»: если Петербург у А. Белого — воплощенная государственность, то «Чевенгур — полный идеологический антипод Петербурга: антигород, антигосударство, победа стихии бесформенности, азиатского стихии, той самой, которой навязывал свою волю „рациональный“, „европейский“, „исторический“ Петербург. При этом звукообраз „Чевенгур“ — это звуковой слепок „Петербурга“, данный в тюркском, азиатском звуковом материале» (Толстая 1980, с. 195). Действительно, слова «Петербург» и «Чевенгур» тождественны в ритмико-интонационном отношении; гласные звуки, входящие в то и другое слово, практически одинаковы; как и «Петербург», слово «Чевенгур» интуитивно воспринимается как двухчастное, образованное двумя основами: это отражается во всех попытках его этимологизации (в том числе и в наших). Кстати, ассоциативное сходство воронежских и петербургских реалий обусловлено исторически, поскольку оба региона связаны с деятельностью и образом Петра I: так, в платоновском рассказе «Пустодушие» упоминается, что Воронеж некогда назывался «младшим Петербургом» (*Смерти нет!*, с. 343).

«Чевенгур не есть центр, но он и не периферия по отношению к губернскому городу или Москве. Он по сути *экстерриториален* и как бы нависает, парит над всеми другими возможными в романе пространствами. <...> Чевенгур не утопия, но *апопия* или *политопия*. <...> Пространство самого Чевенгура выглядит уже просто мощной географической точкой-пространством или локусом-пространством, которое захватывает все промежуточные пространства, пригодные для путешествия в него. В этом смысле географический образ Чевенгура как бы прижат к образам губернского города, Москвы и самой степи — расстояние между этими географическими объектами в романе как-то преодолевается, но оно фактически „сглатывается“ и выпадает из поля зрения. В Чевенгур попадают неожиданно, достаточно быстро, и без особых событий на пути к нему. Собственно говоря, путешествия в Чевенгур не происходит; основные герои (Дванов, Копенкин, Сербинов) попадают в него как-то сразу, что и определяет разрастание самого образа Чевенгура» (Замятин 1999а, с. 84, 87—88).

313 [30] С. 211/206. Алексей Алексеевич говорил, что есть ровная степь <...> а город остался, надеясь на бога. — Изображение города как утопического поселения «осевших» странни-

ков-«богомольцев» встречается у Платонова неоднократно. Ср. в «Рассказе о многих интересных вещах»:

«Город. Што он такое?

Шли-шли люди, великие тыщи, шли по немаловажному делу, уморились. Стали на горе — реки текут тихие, вечереет в степи, опустились на землю люди, положили сумки и позаснули, как сурки.

Поднялись и забыли, куда шли, сном изошла тревога, которая вела их по дорогам земли.

Встали, как родились — ничего никому неведомо.

И силу телес люди направили в тщету своего ублаготворения.

Животами оправились и размножились, как моль» (*Старик и старуха*, с. 77). Почти дословно этот фрагмент повторен в «Родоначальниках нации...» (см.: *Епифанские иллюзы*, с. 233; *Старик и старуха*, с. 121).

Платонов подчеркивает в образе города мотив «позабытой цели», утраты смысла движения: чевенгурцы, потомки «прохожих рабочих», превратились в мечан, и эсхатологические настроения у них лишены какой-либо активности, выродились в пассивный фатализм. В этой связи большое значение в качестве «предыстории» романа имеет рассказ «Иван Жох», в котором повествуется об осуществленной раскольничье-сектантской утопии; при этом воплощенное Царство Божие выглядит как умирающая цивилизация, царство энтропии; ср. описание «Вечного-Града-на-Дальней-реке»:

«В немоющем свете бесшумного солнца — светился каменный вечный невозможный город.

Стиль города был надменен и задумчив, как гордость мудреца, достигнувшего последнего предела понимания» (*Епифанские иллюзы*, с. 103). Здесь «народная утопия о земле обетованной показана как царство немногих сытых, свято оберегающих свои границы и устои. Раскол и вольность <...> превратились в равнодушие, «бучило», скопчество духовное и физическое» (*Полтавцева 1981*, с. 39). Т. Лангерак отмечает сходство Вечного-Града-на-Дальней-реке с городом Градовом из одноименной повести: «Градов наделен признаками утопии — тишиной и покоем; в городе время остановилось, а служащие уверены, что и за пределами города в будущем остановится история» (*Лангерак 1995*, с. 159); характерно, что название «Город Градов» может быть истолковано как «город городов», т. е. «вечный» город. Развитие мотива утопии / энтропии наблюдаем в повести «Котлован», где Прушевский «на конце природы» видит «белые спокойные здания, светящиеся больше, чем было света в воздухе. <...> Как остров, стоял среди остального новостроящегося мира этот белый сюжет и успокоенно светился» (*Взыскание погибших*, с. 215).

Заметим, что образ «поселения осевших странников» сопровождал Платонову с самого детства: район Воронежа, где ро-

дился и вырос писатель, назывался Ямской (т. е. придорожной) слободой; данный топоним станет заглавием одной из его повестей.

Коллизия странничества / оседлости имела немаловажное значение в экспозиции «Эфирного тракта» (эти фрагменты повести были выброшены под давлением редактора): «В бассейнах рек Верхнего Дона, Оки, Цны и Польского Воронежа приютились тихие земледельческие страны, населенные разнородными и даже разноречивыми племенами. Это неправда, что в этих равнинных и полулесных краях живет сплошной русский народ. Там живут потомки уставших диких странников-людей, в неукротимой страсти искавших счастья на земном шаре, гонимых из дальних стран лихою природой и алчными повелителями. <...> И весь этот давно утомившийся народ сеял теперь просо, ходил пешком, а не скакал на коне, и любил свой приют благодарной семейной любовью» (цит. по: Корниенко 1993а, с. 39).

Подобные мотивы находятся в прямой связи с идеями Платона, сформировавшимися под влиянием историософской концепции Шпенглера и наиболее отчетливо выраженными в статье «Симфония сознания»: «Природа есть тень истории, ее отбросы, экскременты, — то, что было когда-то живым и движущимся, т. е. временем, полетом, будущим, и то, что стало теперь прошлым, пространством, материей, формой, одиноким забытым камнем на покинутой дороге. <...> Человечество в природе-пространстве это голодный в зимнем поле: ему нужны не ветер и воля одному умирать, а хлеб и уют нетопленной (по смыслу больше подходит: натопленной. — Е. Я.) хаты <...> И природа — есть закон, путь, оставленный историей, дорога, по которой когда-то прошла пламенная танцующая душа человека. Природа — бывшая история, идеал прошлого. <...> Природа — законченное время; законченное потому, что оно остановилось, а остановившееся время есть пространство. <...> Историю нельзя познать, предопределить: предопределенное несвободно, и погасает желание его достигнуть. Сейчас историю точно предопределяют и этим облегчается путь человечества. Но это совсем не история. Это сдвиги, обвалы, сбросы еще не остывшей, не уравновесившейся, недавно рожденной временем природы» (*Симфония сознания*, с. 50—52).

Ср. рассуждения главного героя романа «Мы»: «Вся человеческая история, сколько мы ее знаем, это история перехода от кочевых форм ко все более оседлым. Разве не следует отсюда, что наиболее оседлая форма жизни (наша) есть вместе с тем и наиболее совершенная (наша)?» (*Замятин 1990, т. 2, с. 9*); см. также 335.

Вместе с тем образ города в платоновском романе явно связан с сектантской традицией (см. 100, 154): «Русское сектантство использовало, как миф, библейскую историю исхода из Египта и странства Израиля в землю обетованную, в землю,

текущую млеком и медом (целое движение назвало себя Израилем), а также естественно восприняло апокалиптический миф о грядущем граде — Новом Иерусалиме. <...> Построение, <...> тождественное с социальной мифологией всего мира. Вспомним затерявшиеся два чистых колена Израиля, „потерянный рай“, который искал Колумб, „Гималайское братство“ Теософского О-ва, прекрасные мифы рыцарства о Граале и о горе Монсальват, легшие в основу музыкальных драм Вагнера и Гетевского стихотворения „Тайны“, вспомним также поиски „истинного масонства“, так волновавшие время Екатерины II, наконец, воскресшую теперь перед лицом науки Атлантиду, из которой, по В. Брюсову, вышли учителя учителей, и т. д.» (П. А. 1926, с. 24—25).

В контексте разговора об историко-культурной традиции восприятия покоя и движения уместно привести суждение Г. Гачева: «Россия осуществляется как бесконечный диалог Петербурга и Руси, города и дороги. Прочтите „город“ наоборот — выйдет „дорога“: они антиподы. Петербург есть „место“, точка, а Русь — путь-дорога» (Гачев 1988, с. 386).

314 [32] С. 223/218. Луй убедился, что коммунизм должен быть непрерывным движением людей в даль земли. — Ср. в «Рассказе о многих интересных вещах» и других платоновских текстах образ города как поселения «остановившихся» странников (см. 313). «Коренное свойство географического пространства „Чевенгура“ — это его постоянное движение, которое ведет к его опустошению и рассеиванию, уничтожению и размыванию всяческих границ <...> Пространство Платонова нарушает принцип центр — периферия и концентрирует в себе пустоту, то, что между; оно создано по модели катастрофического пространства» (Замятин 1999а, с. 89).

315 [32] С. 225/220. После губернии Луй решил не возвращаться в Чевенгур и добраться до самого Петрограда, а там — поступить во флот и отправиться в плавание... — Мотив заморского путешествия, планируемого или совершаемого героем-«странником», встречается во многих произведениях Платонова 20—начала 30-х годов: он присутствует в «Рассказе о многих интересных вещах», «Родоначальниках нации...», «Эфирном тракте», «Ювенильном море» и др.

316 [32] С. 225/220. «Должно быть, бродяга на Харьков поворачивает...» — Развивая «прототипическую» линию Богучар = Чевенгур (см. 312), отметим, что Луй, направляющийся «в губернию» (т. е. в Воронеж), должен был бы двигаться в северо-западном направлении; Харьков же расположен к западу от Богучара.

317 [32] С. 227/221. О берег реки Чевенгурки волновалась неутомимая вода... — Соотношение Чевенгур = Богучар подкрепляется и тем, что реальный Богучар стоит на реке Богучарке — название, явно схожее с гидронимом «Чевенгурка».

318 [36] С. 269/262. ...над этим первоначальным городом... — Т. е. сосредоточившим в себе «первоначало», исходный принцип «нового» бытия.

319 [36] С. 273/266. ...легли на степь... — Вследствие замены слова «земля» происходит сужение значения слова «степь» по аналогии с моделью «земля как сфера обитания / земля как внешний слой, поверхность»: слово «степь» приобретает значение второго типа, включая при этом семантический компонент вертикального предела. В то же время не утрачивается и первое значение, поскольку данное употребление окказионально.

«Опредмечивание» степи придает фразе эротический оттенок (земля = женщина: см. 38) — ср.: «Чепурный лег на землю <...> и вспомнил то, чего он никогда не вспоминал, — жену. Но под ним была степь, а не жена, и Чепурный встал на ноги» (с. 275/268). Ср. в повести «Эфирный тракт» реплику Матиссена: «Мы оба спешим — ты к жене <...>, а я — к почве», — и впечатление Кирпичникова: «Матиссен явно насиловал природу» (*Собр. соч., т. 1, с. 173, 175*). В повести «Сокровенный человек» читаем: «Пухов шел, плотно ступая подошвами. Но через кожу он все-таки чувствовал землю всей голой ногой, тесно совокупляясь с ней при каждом шаге. Это даровое удовольствие, знакомое всем странникам, Пухов тоже ощущал не в первый раз. Поэтому движение по земле всегда доставляло ему телесную прелесть — он шагал почти со сладострастием и воображал, что от каждого нажатия ноги в почве образуется тесная дырка»; «Хотелось соскочить с поезда, прощупать ногами землю и положить на ее верном теле» (*Взыскание погибших, с. 135, 145*).

320 [36] С. 274/267. Степь была здесь ровная, как озерная вода, и постороннее тело не принадлежало местной земле. — Русская литература традиционно актуализирует в образе степи «транспонированный „морской комплекс“». Но реализуется он не прямо или через „лобовые“ морские сравнения, уподобления, метафоры, а через те общие признаки, которые равно характеризуют и степь и море <...>. Основная характеристика того и другого — „континуализация“ пространства через слияние, смешение того, что в нем находится, через вовлечение в более общее движение — видимое, слышимое, иногда ощущаемое. Общий эффект этого движения — мелькание, мельтешение, кружение, размахивание, качание-убаюкивание <...> волнение, колебательно-колыхательные движения, выступает как наиболее существенный и интенсивный признак, объединяющий море и степь. <...> Существенно, что обычно <...> степь определяется через море, а не море через степь; <...> море более емкий и «сильный» образ, отсылающий к экзистенциальным глубинам человеческого сознания и напряженно и остро выдвигающий перед человеком тему смерти; <...> в отличие от степи море бесосновно; у степи — твердая опора, земля, у моря — опоры нет, и человек в своих усилиях к спасению должен

сделать опорой самое бездну, ничто» (Топоров 1995, с. 602—604). Исследователь подчеркивает, что такая традиция изображения степи в русской литературе восходит к Гоголю; ср.: «Степь чем далее, тем становилась прекраснее. <...> Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. <...> Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов» (Гоголь 1976—1978, т. 2, с. 45).

321 [36] С. 281/274. ...коммунизм был на одном острове в море... — Имеется в виду сочинение Т. Мора (1516 г.) «Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия»: во второй ее части развернута картина идеального общества. Влияние книги Т. Мора ощутимо уже в раннем творчестве Платонова, например, в «Рассказе о многих интересных вещах» (образ «дома-сада» и др.).

«Поэтический образ страны благополучия, расположенной на острове, известен фольклору многих народов и генетически восходит, вероятно, к представлению об острове, на который переселяются души умерших предков, либо первоначально к представлению о параллельном существовании двух, трех и более миров, которые эпизодически сообщаются друг с другом. В дальнейшем своем развитии представление об острове — другом мире — в ряде случаев дает материал для поэтического оформления социально-утопических легенд (Офир, Венета, Туле, Рунхольд, Атлантида и т. п.)» (Чистов 1967, с. 313). «Остров как место, где существует прекрасный, не похожий на повседневный, мир, — обычен для европейской литературы Нового времени, да, пожалуй, и для „европейского воображения“ вообще <...> остров совмещает в себе черты реального и ментального миров. С одной стороны, остров — вполне реальное место, куда можно добраться, хотя бы и с трудностями и даже с риском кораблекрушения. С другой стороны, остров <...> это место и не вполне реальное: там царит какое-то иное устройство жизни» (Степанов 1997, с. 140). Соотнесение Чевенгура с «островом» подкрепляется у Платонова и метафорой степь = океан (см. 320); ср., например, в «Епифанских шлюзах»: «Перри видел океаны, но столь же таинственны, великолепны и грандиозны возлежали перед ним эти сухие косные земли» (Епифанские шлюзы, с. 26).

Сопоставляя «Чевенгур» с романом Сервантеса, Н. Арсентьева проводит параллель между платоновским утопическим городом и «островом», на котором губернаторствует Санчо Панса; это местечко с населением около тысячи жителей, «которое <...> должно было изображать остров» (Сервантес 1924, с. 180, 183): «Образ такого же сухопутного острова являет собой и Чевенгур» (Арсентьева 1994, с. 296).

322 [37] С. 301/293. ...может, мы дома потесней перенесем, чтобы ближе жить друг к другу. — Ср. в одной из статей Пла-

тонова 1922 г.: «Человечество — одно дыхание, одно живое теплое существо. <...> Долой человечество-пыль, да здравствует человечество-организм» (*Равенство в страдании*, с. 168).

«Как известно, в христианстве важным является понятие ближнего, причем это понятие толкуется не только в чисто духовном, но и в пространственном смысле. <...> В чевенгурской коммуне реализация этого принципа приобретает гротескный характер. <...> Если жизнь в тесноте призвана свести на нет разделяющее людей пространство, то в пределе это должно иметь своей целью соединение тел, уничтожение физической границы между ними. <...> В последовательном ряду решения проблемы отдельности человеческих тел у Платонова возникает проблема промежуточного, соединительного вещества. Пусть наличие разделяющего людей пространства неизбежно, но оно должно быть заполнено. Этой цели и призван служить коммунизм. <...> Коммунизм получает у Платонова точную пространственную локализацию: он находится в телах людей, где одновременно является и чувством, и веществом. <...> Он обладает и некоторым сверхсуществованием, причем и в качестве единой сущности имеет отношение к телесности составляющих его людей. <...> Эти свойства чевенгурского коммунизма позволяют усмотреть прямую аналогию между ним и пониманием Церкви в христианстве. <...> В своих посланиях ап. Павел указывает, что Церковь имеет свое собственное метафизическое существование и одновременно связана с людьми, которые в нее входят. Но и как самостоятельная сущность Церковь связана с принципом телесности, есть Тело по своему существу. <...> Таким образом, чевенгурский коммунизм есть новая Церковь, в которой, как и в Церкви христианской, должна быть преодолена раздробленность человеческого рода и восстановлено первоначальное единство» (*Дмитровская 1995а*, с. 92—94).

Мотив перемещения дома возникает в платоновском рассказе военных лет «Старый Никодим», герой которого, чтобы отвлечь немцев, сооружает ложный аэродром, для чего перевозит свою избу, запрягши в нее лошадь Боевую Подругу (*Смерти нет!*, с. 235): кличка напоминает имя лошади Копенкина — Пролетарской Силы.

323 ...дома переставить, а также обеспечить прогон свежего воздуха посредством садов... — Н. Малыгина отмечает преемственность мотива по отношению к «Рассказу о многих интересных вещах»: «В Сурже достраивался уже один большой дом на всех людей. Строился он круглый, кольцом. А в середине сажался сад. А снаружи также кольцом обсаживался дом садом. Так что окна каждой обители-комнаты выходили в сад» (*Старик и старуха*, с. 66). Конечно, идея превращения Чевенгура в «город-сад» обретает в романе трагифарсовую окраску.

324 [37] С. 303/295. ...звезды двигались как товарищи — не слишком далеко, чтобы не забыть друг друга, не слишком близко, чтобы не слиться в одно... — Ср. принятое на заседании ревкома решение о передвижке домов и садов (см. 322): звезды, таким образом, представляют собой идеальную организацию, в отличие от «солнечной системы» жизни чевенгурцев, стремящихся к полному взаимному «слиянию».

325 [40] С. 339/329. ...город сметен субботниками в одну кучу, но жизнь в нем находится в разложении на мелочи, и каждая мелочь не знает, с чем ей сцепиться, чтобы удержаться. — Сходно впечатление героини романа «Счастливая Москва», бродящей по городу: «Всеобщая жизнь неслась вокруг нее таким мелким мусором, что Москве казалось — люди ничем не скреплены и недоумение стоит в пространстве между ними» (*Счастливая Москва*, с. 34).

Ср. описание жизни таборитов, сделанное в середине XV в. поэтом Энеа Сильвием Пикколомини (впоследствии папа Пий II): «Дома в Таборе построены из дерева и глины и скучены без всякого порядка. Те люди <...> в одно место снесли добычу, взятую со многих народов. Некогда они хотели устроить все дела своей жизни по образцу церкви и все имели общее» (цит. по: *Каутский 1924—1925, т. 1, с. 229*). Вместе с тем вероятно реминисценция из «Истории одного города» — вспомним образ «идеального» казарменного города Непреклонска, который градоначальник Угрюм-Бурчеев мечтает воздвигнуть вместо прежнего Глупова: «Все живут каждую минуту вместе, и всякий чувствует себя одиноким» (*Щедрин 1947—1950, т. 2, с. 366*). Кстати, в 1926 г. отмечалось 100-летие со дня рождения Салтыкова-Щедрина: не исключено, что юбилей автора «Истории...» стимулировал в творчестве Платонова мотив «антиутопического» города («Город Градов», «Иван Жох», «Чевенгур» и др.).

326 [41] С. 362/351. ...командировку в далекую губернию, чтобы исследовать там факт сокращения посевной площади на 20 процентов. — Возможно, это аллюзия на реальные обстоятельства: в 1925 г. посевные площади в СССР действительно составляли 80% от довоенных (см.: *Чаянов 1927, стб. 12*).

Тема «пропавшей территории» звучит и в повести «Город Градов»: «Всплыло событие об исчезновении Градовской губернии. Центр вдруг перестал посылать циркуляры. <...> Так и повис Градов без государственного причалу» (*Взыскание погибших*, с. 86). В «Че-Че-О»: «У нас в одной волости пять лет подряд двадцать тысяч десятин без обложения налогом существовали, а говорят, город Лондон меньше этой площади. Значит, у нас город Лондон вроде бы стоял, а мы его и не видели... А найди виноватого! Учесть виноватого еще труднее, чем пропавшую площадь: та хоть травой зарастает, отговорка есть...» (*Возвращение*, с. 81).

Командирование Сербинова для поисков исчезнувшей посевной площади напоминает посылку Дванова на «поиски социализма» (с. 94/93).

327 [41] С. 368/357. Сербинов сказал ей губернию, где исчезло 20 процентов посевной площади... — «Чевентур выходит из истории. В определенном смысле он выходит даже из пространства. Поскольку жители города Солнца перестали пахать землю — пространство вокруг него исчезает из сводок посевных площадей» (Геллер 1982, с. 189). Мотив «пропавшей» земли актуализирует подтекстную ассоциацию с Китежем (см. 305): Чевентур наделяется признаками «невидимого града».

24) Время; история; конец света; коммунизм

328 [1] С. 31/32. Малый колокол — подголосок — начал звонить <...> Колоколом я время сокращаю и песни пою... — Мотив колокольного звона пройдет через весь роман (ср. финальный эпизод: с. 410/397). В народных представлениях колокольный звон — принадлежность культурного пространства, он показателен с точки зрения разграничения «чистого» и «нечистого» времени. Как нечто освященное свыше и в известном смысле являющее собой присутствие этой силы (ср. колокол — «глас Божий») колокольный звон связывается с истиной (СМ 1995, с. 225—226).

329 [9] С. 74/73. ...это был бы конец света. — Его-то нам и надо! — Ср. в андреевской пьесе «Савва» (см. 202, 203, 461) диалог главного героя с послушником Кондратием:

«Кондратий. А нельзя как-нибудь иначе, без огня? Очень страшно, Савва Егорович. Что же это такое будет! Светопреставление.

Савва. Нельзя, дядя, иначе: светопреставление и нужно. Лечили их лекарством — не помогло; лечили их железом — не помогло. Огнем теперь их надо — огнем!» (Андреев, т. 2, с. 406).

330 [9] С. 77/77. ...верил, что революция — это конец света. — У самого Платонова в начале 20-х годов социально-политические идеи были в значительной степени опосредованы эсхатологическими настроениями; ср. в статье 1920 г. «Христос и мы»: «Пролетариат, сын отчаянья, полон гнева и огня мщения. И этот гнев выше всякой небесной любви, ибо он только родит царство Христа на земле.

Наши пулеметы на фронтах выше евангельских слов. Красный солдат выше святого.

Ибо то, о чем они только думали, мы делаем. Люди видели в Христе бога, мы знаем его как своего друга.

Не ваш он, храмы и жрецы, а наш. Он давно мертв, но мы делаем его дело — и он жив в нас» (Чутье правды, с. 51). См. также статью «О нашей религии» (Там же, с. 85—87).

Осмысление социалистических идей в духе христианской апокалиптики — распространенное историко-культурное явление начала XX в. Так, «богостроители» (А. Луначарский, В. Базаров, П. Юшкевич, М. Горький и др.) стремились соединить научный социализм с религией — например, Луначарский говорил о социализме как об одной из «религиозных систем», утверждая, что учение Маркса — «пятая великая религия, сформулированная иудейством, <...> религия развития вида» (*Луначарский 1908—1911, т. 1, с. 145*); по мнению С. Булгакова, в богостроительских идеях нашла развитие концепция Э. Ренана, который в «Философских диалогах» писал, что универсальная задача всего живущего — «создать совершенного бога», «организовать бога» (цит. по: *Булгаков 1993, с. 205*). Впоследствии Луначарский продолжал типологически сближать христианство и марксизм как «две величайшие идеологии, выдвинутые и созданные пролетариатом, <...> две пролетарские доктрины», однако определенно высказывался против внедрения христианских элементов в марксизм и создания христианского социализма (*Луначарский 1923, с. 4, 24*).

В первые пореволюционные годы переосмысление политических реалий в религиозно-мистическом духе характерно для представителей группы «скифов»; ср.: «На языке социальном — «да здравствует Интернационал!»; на языке философском — «проблема вечного мира»; на языке религиозном — «чаем Града Нового»; <...> Да, меч прошел через наши души, да, все мы разделились на два стана, и пропасть между нами. И по одной стороне провала — остались все люди Ветхого Завета, обитатели Старого Мира, озабоченные спасением старых ценностей. <...> А по другой стороне — стоят те, кто не боятся душу погубить, чтобы спасти ее, стоят люди Нового Завета, стоят чающие Мира Нового. И нет перехода, нет понимания, нет примирения — нет и не будет надолго» (*Иванов-Разумник 1918, с. 203, 205*). Сходные идеи в первые послереволюционные годы прослеживаются у А. Блока, Н. Клюева, А. Белого, С. Есенина, М. Пришвина.

Е. Толстая отмечает, что Платонов, вероятно, был знаком со статьей Бердяева «Духи русской революции», автор которой говорит о религиозно-сектантском характере революционных устремлений определенных слоев народа; эти идеи Бердяев развивал в книге 1921 г. «Миросозерцание Достоевского»: «Вопрос о социализме — религиозный вопрос, вопрос о Боге и бессмертии. <...> Социализм решает вековечный вопрос о всемирном соединении людей, об устройении земного царства. Религиозная природа социализма особенно видна на социализме русском. Вопрос о русском социализме — апокалиптический вопрос, обращенный к всеразрешающему концу истории. Русский революционный социализм никогда не мыслится как относительное переходное состояние в социальном процессе, как временная форма экономического и политического устрое-

ния общества. Он мыслится всегда как окончательное и абсолютное состояние, как решение судеб человечества, как наступление царства Божьего на земле. <...> Социализм есть явление духа. Он претендует говорить о последнем, а не о предпоследнем. Он хочет быть новой религией, ответить на религиозные запросы человека. <...> Социализм идет на смену христианства, он хочет заменить собою христианство» (*Бердяев 1968, с. 139, 140—141*). Ср. в романе Достоевского «Братья Карамазовы»: «Социализм есть не только рабочий вопрос, или так называемого четвертого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю»; «Социалист-христианин страшнее социалиста-безбожника» (*Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 25, 62*).

Анализируя платоновский роман в аспекте вопроса об «апокалиптическом вдохновении большевистской революции», В. Варшавский делает вывод, что «„Чевенгур“ — трагическая эпопея соблазненного и обманутого Лениным русского люмпен-пролетариата. В изображении Платонова эта эпопея настолько напоминает эгалитарно-коммунистические мессианские движения европейского средневековья, что с удивлением чувствуешь: тут не только сходство, а прямое, хотя и скрытое, подземное преемство. <...> Революционный хилизм не кончился с Фомой Мюнцером и Новым Иерусалимом Иоанна Лейденского. Он вдохновлял крайне левые потоки всех революций 17, 18, 19 и 20 веков, менялся только язык, на каком он выражался, но суть оставалась все той же» (*Варшавский 1976, с. 194, 202*; см. также: *Эткинд 1998, с. 11—13*). Ср. оценку христианских коммунистических движений Луначарским; по его мнению, эти «революции абсолютного, революции мечтателей» всегда приносили больше вреда, чем пользы: «Лишь изредка, и обыкновенно в силу возможности соединить коммунистические чаяния пролетариата с революционным движением крестьян, рождалось на свет *активно-революционное христианство*. Коммунисты, преобразенные энтузиазмом, охваченные палящим фанатизмом, становились во главе и с изумительным, самоотверженным героизмом боролись до последней капли крови за победу Христа, т. е. коммунистической общины на земле. Грозный лик Христов носился тогда над их обреченными смерти рядами. Если бы они победили, результаты были бы ужасающи, ибо ни один анархист в мире не мог бы с таким глубоким убеждением в правоте своей предать огню и гибели всю аристократическую культуру, которая является ведь необходимой ступенью в развитии культуры всечеловеческой. Все или ничего! Правда должна царить! Костер сует, возженный Савонаролой, — это тень того пожара, которому готов был отдать мир христианин-революционер. Космический переворот, второе пришествие, очищение огнем земли

и неба — вот носящиеся перед ним картины, и, почуяв, признав себя за орудие Иисуса, с небес сходящего, Христа, вторично грядущего, он удивил бы мир своим разрушительным гением.

Но победить он не мог. К счастью. Ибо справедливость, восторжествовавшая прежде времени, — это смерть надежды на истинную справедливость; справедливость всеобщей нищеты и убожества во Христе есть смерть и справедливости всеобщего богатства и мудрости в истинном святом Духе, к которой идет человечество.

Но если бы они и победили, после остановки, подобной тем, которые наступали в цивилизации всегда за нашествием варваров, — опять поднялись бы ростки жизни <...> Христианский коммунизм вредоносен не только аскетическими своими склонностями, но главным образом своею неисторичностью: христианин, верующий в чудо, считает во всякую минуту возможным пришествие правды на землю, ему нет дела до фазисов строительства человеческого на земле» (*Луначарский 1908—1911, т. 2, с. 153—154*).

331 В своем ясном чувстве Александр уже имел тот новый свет, но его можно лишь сделать, а не рассказать. — Прямое отождествление будущего общества с раем видим в повести Платонова «Джан», герой которой, Назар Чагатаев, спрашивает:

«— Что мне там делать? Социализм?

— Чего же больше? — произнес секретарь. — В аду твой народ уже был, пусть поживет в раю» (*Собр. соч., т. 2, с. 23*).

Ср. фрагмент из рассказа Достоевского «Сон смешного человека», где герой говорит о своих проповедях: «Я видел истину, — не то что изобрел умом, а видел, видел, и *живой образ* ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в такой восполненной целостности, что не могу поверить, чтоб ее не могло быть у людей. Итак, как же я собою? Уклонюсь, конечно, даже несколько раз, и буду говорить даже, может быть, чужими словами, но ненадолго: живой образ того, что я видел, будет всегда со мной и всегда меня поправит и направит. <...> Но как устроить рай — я не знаю, потому что не умею передать словами» (*Достоевский 1972—1988, т. 25, с. 118*).

Исследователи (см., напр.: *Багно 1986, с. 361*) указывают на связь рассказа Достоевского с речью Дон Кихота о Золотом веке (см.: *Сервантес 1924, с. 32—33*). Современники улавливали интонации романа «Дон Кихот» и в творчестве самого Платонова; так, П. Слетов, выступая на платоновском творческом вечере, говорил: «Откуда произошел стиль Платонова, я не знаю. Для меня есть связь в его творчестве с Сервантесом, романтическая сатира присутствует, я почувствовал эту связь» (*Стенограмма, с. 309*), — приводя в качестве примера сцену из «Чевенгура» (названного им, правда, «мелким рассказом из

колхозной жизни») — эпизод голосования в коммуне «Дружба бедняка» (с. 145—146/143—144).

332 [27] С. 190/186. — Деревня, что ль, такая в память будущего есть? — Характерный пример того, как вследствие «неправильной» сочетаемости слов прошлое и будущее теряют различия: будущее мыслится как осуществленное, возможность превращается в действительность.

333 — Чему ж конец-то? <...> — Да всей всемирной истории... — Реплика напоминает заголовок работы Вл. Соловьева: «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории...»; в платоновской повести «Лунная бомба» встречаем название философского сочинения некоего Горгонда: «Всегда ли была и будет история и что она такое, наконец, в самом деле» (*Собр. соч., т. 1, с. 53*). В статье «Симфония сознания»: «Из мертвеющей, пропахшей трупами России (Муании) вырастает новая, венчающая человечество и кончающая его цивилизация» (*Симфония сознания, с. 53*). В тамбовский период Платонов намеревался написать фантастический рассказ «Как началась и когда кончится история» (*Свительский 1989, с. 20*). Ср. повесть «Котлован»: «Воцев <...> глядел с телеги вверх — на звездное собрание и в мертвую массовую мусть Млечного Пути. Он ожидал, когда же там будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни» (*Взыскание погибших, с. 223*).

Идея преодоления, «отмены» времени прямо связана с идеей земного рая. Образ «рая» впервые возникает у Платонова в «Рассказе о многих интересных вещах» — герой рассказа, Иван Копчиков, попадает в место, которое напоминает пустыню («Бордовая земля»), находившуюся на месте библейского Рая в Месопотамии (*Любушкина 1988, с. 417*): «Все было не по-людски и не по-мужички. Земля стоит непаханая, почва — бордовая, как барская попонка, жидкостей нету, тварей тоже незаметно. <...> Глядь, движется к ним какой-то алахарь. Одежд на нем нет, головы тоже не наблюдается, так, одна хилая ползучая мочь и в ней вздыхание.

— Остановись! — крикнул Иван. — Кто такой будешь, и что это за место на небе?

И вдруг, весьма вразумительно, по-русски, по-большевицки, движущееся вещество изрекло из глубин своих:

— Тут, товарищи, рай. Место это Пашенкино называется. <...> С земли мы родом, а тут превратимшись... <...> А мы тут рай учредили... <...> Рай — это блаженство. Питание и совокупление, равновесие всех сил.

— Веди нас в рай, — сказал Иван, — дай опомниться. Как в таком незавидном месте рай учрежден, на бордовом грунте...

Пошли. Невелик был путь и одинаков по всей поверхности своей.

И засияли странникам вдруг в высоте четыре каланчи из бордовой глины. <...>

Вошли в каланчу одну. Стояли торцом такие же живые скудности и скулили.

— А вы все были людьми прежде? — Это Иван спрашивает.

— Людьми, а как же? — ответила тварь.

— До чего ж вы дошли? Неужели ж вам хорошо тут?

— Отлично. Покойно и благопристойно.

— Да брось ты, чучел! Вы плодитесь, аль нет?

— Мы бессмертны.

— А еще кто есть на этой планете?

— Дальше в пустынях есть кто-то. Но они к нам не приходят, и мы к ним, потому что мы в раю» (*Старик и старуха*, с. 89—90). В послесловии к повести «Котлован» И. Бродский писал: «Идея Рая есть логический конец человеческой мысли в том отношении, что дальше она, мысль, не идет; ибо за Раем больше ничего нет, ничего не происходит. И поэтому можно сказать, что Рай — тупик; это последнее видение пространства, конец вещи, вершина горы, пик, с которого шагнуть некуда, только в Хронос — в связи с чем и вводится понятие вечной жизни» (*Бродский 1995*, с. 49). См. также 330.

Сближая идеи платоновского героя с позицией самого автора, Е. Толстая утверждает: «В согласии с традицией русской символистской литературы Платонов объявляет войну „оцепенению“ природной жизни и „безвозвратности“ времени. <...> Платонов не просто утомлен временем — вечным возвращением <...> его мир глубоко трагичен <...> Апокалипсис Платонова растет из его одержимости идеей Федорова об аморальности прогресса, освящающего смену поколений и забвение отцов. Как для супраморалиста, для Платонова соучастие в прогрессе — дело стыдное. <...> В системе Платонова время приравняется к таким фактам природы, как пожирание друг друга животными, как любовь к женщине <...> Выход для Платонова — в прекращении времени <...> Тема времени и отношения ко времени оказывается вовлеченной в систему этических координат и становится основным психологическим критерием оценки личности как этической или неэтической» (*Толстая 1979*, с. 243, 246).

С. Булгаков в 1909 г. писал: «Известная неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божием, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества — если не от греха, то от страданий — составляет, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции. <...> В этом стремлении к Грядущему Граду, в сравнении с которым бледнеет земная действительность, интеллигенция сохранила, быть может, в наиболее распознаваемой форме черты утраченной церковности. <...> Самый социализм остается для нее не собирательным понятием, обозначающим постепенное социально-экономическое преобразование, которое складывается из ряда частных и вполне конкретных реформ, не „историческим движе-

нием“, но над-исторической „конечной целью“ <...>, до которой надо совершить исторический прыжок актом интеллигентского героизма. <...> Сознательно или бессознательно, но интеллигенция живет в атмосфере ожидания социального чуда, всеобщего катаклизма, в „хилиастическом“ настроении» (Булгаков 1993, с. 307, 318—319). Ср. фрагмент статьи О. Мандельштама 1915 г. «Петр Чаадаев»: «Есть великая славянская мечта о прекращении истории в западном значении слова <...> Это — мечта о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое „миром“. Мечта о духовном разоружении так завладела нашим домашним кругозором, что рядовой русский интеллигент иначе не представляет себе конечной цели прогресса, как в виде этого неисторического „мира“. Еще недавно сам Толстой обращался к человечеству с призывом прекратить лживую и ненужную комедию истории и начать „просто“ жить. <...> Навеки упраздняются, за ненадобностью, земные и небесные иерархии. Церковь, государство, право исчезают из сознания как нелепые химеры, которыми человек от нечего делать, по глупости, наделил „простой“, „Божий“ мир, и, наконец, остаются наедине, без докучных посредников, двое — человек и вселенная» (Мандельштам 1990, т. 2, с. 154—155).

Ср. также концепцию времени у Шпенглера: «Слово „время“ апеллирует всегда к чему-то в высшей степени личному <...> Живое неделимо и необратимо, однократно, никогда не повторимо и в своем течении совершенно неопределимо механически: все это принадлежит к сущности судьбы. Но и времени — тому, что мы действительно чувствуем при звучании этого слова, что музыка может уяснить лучше слова, а поэзия лучше прозы, — присущ, в отличие от мертвого пространства, этот органический характерный признак <...> Пространство — это понятие. Время есть слово, намекающее на что-то непонятное. <...> Для первобытного человека слово „время“ лишено значения. <...> Лишь миропонимание высоких культур <...> набрасывает пространственную картину, фантом некоего времени, долженствующий удовлетворить его потребность все понять, измерить, каузально упорядочить. И это-то побуждение, очень рано выступающее в каждой культуре, симптом утраченной невинности существования, сотворяет по ту сторону подлинного жизнеощущения то, что именуется на всех культурных языках временем и что стало для городского духа вполне неорганической, столь же сбивающей с толку, сколь и расхожей величиной» (Шпенглер 1993, с. 277—279). «Не без участия Бергсона выработалось <...> в Шпенглере его понимание времени как направленности переживания и пространства как мертвого времени» (Степун 1922, с. 30).

334 [30] С. 208—209/204. Считались они с более крупными происшествиями <...> и обращены в голые, неимущие души. — Данное описание содержательно и интонационно близко к опи-

санию города Градова (см.: *Взыскание погибших*, с. 70—73). Травестийный мотив ожидания конца света звучит и в предвещающем «Котлован» киносценарии Платонова 1929 г. «Машинист» — здесь Активист обращается к крестьянам: «Зачем готовите гробы? Или полагаете, что этот свет наш, а тот — будет вашим? Упреждаю, что тот свет будет организован по одному началу с этим: деваться вам некуда. Хотите живите, хотите кончайтесь» (*Машинист*, с. 234); чевенгурские коммунисты поступили несколько более «справедливо», предоставив «буржуям» «все бесконечное небо, оборудованное звездами и светилами, на предмет организации там вечного блаженства» (с. 235/229).

Рисуя умонастроения горожан, Платонов имел в виду тенденции, особенно широко распространенные среди членов разнообразных мистических сект (см. 330): «В ряду крестьянских выступлений против эксплуатации и господства крепостников в XIX в. нашли место и не изученные пока массовые хилиастические движения. Такие движения как в России, так и в странах феодальной Западной Европы имели распространение всякий раз в условиях тех или иных кризисных общественных ситуаций. В исторически переломное для России время второй половины XVII в. тысячи и тысячи крестьян-староверов забрасывали поля, пастбища, дома в ожидании „кончины мира“, „страшного суда“ надо всеми „причастными греху“. <...> В условиях разложения феодально-крепостнической системы во второй половине XVIII в. в свою очередь пользовались широким хождением учения о „светопреставлении“ и последующем утверждении „святейшего жития на земле“. <...> Так было и в XIX в.» (*Клибанов 1978*, с. 34). Известный исследователь сектантства А. Пругавин писал в 10-х годах XX в.: «И сейчас, как в былые далекие времена, вновь оживают эсхатологические чаяния, т. е. ожидания близкого конца мира, скорого второго пришествия Христа. И, пожалуйста, не думайте, что эти верования захватывают только какие-нибудь темные низы крестьянской массы. Совсем нет! И среди привилегированного общества, среди столичной интеллигенции вы можете встретить немало людей, взволнованных и встревоженных идеей скорого второго пришествия» (*Пругавин 1917*, с. 115). Ср. замечание Бердяева: «Злоупотребление апокалипсисом особенно свойственно русским православным. Все, что не нравится, все, что разрушает привычное, легко объявляется торжеством антихриста и приближением конца мира. Это есть ленивое решение вопроса» (*Бердяев 1989*, с. 148).

Отметим, что, по мнению исследователей, «первоначальным районом распространения сектантства являлся Центрально-Черноземный район Европейской России, <...> в особенности губернии Воронежская, Тамбовская и Орловская» (*Путинцев 1974*, с. 79). По некоторым оценкам, в 1928 г. в Воронежской

губернии общее количество членов сектантских общин достигало 10—15 000 человек, причем в большинстве сект основную массу составляли бедняки и середняки (Зарин 1974, с. 88, 92). В конце 20—начале 30-х годов подобные факты оценивались однозначно негативно, поскольку одним из элементов начавшегося государственного террора явилась развернувшаяся в годы первой пятилетки борьба с церковью и религией вообще. Трудно установить, до какой степени в публикациях того времени искажалось действительное положение вещей, но приводимые «устрашающие» примеры подчас кажутся заимствованными из платоновских сюжетов: «Некоторые крестьяне под влиянием проповеди конца мира кое-где частично раздают свое имущество и отказываются от своего хозяйства (село Никольское Новохоперского уезда), бывают и несчастные случаи с людьми в результате этой проповеди. Так, в селе Н. Байгара Усманского уезда под влиянием проповеди о близости конца света и второго пришествия местный крестьянин Литвинов хотел заблаговременно улететь на небо, но упал с крыши мельницы и разбился» (Там же, с. 101). Часть подобных эпизодов относится прямо к тем местам, где происходит действие платоновского романа; ср.: «В 1927 году пробовал лететь на небо в деревне Новый Лиман, бывшей Воронежской губернии, вождь секты „федоровцев“ Федор Рыбалкин. Одна из его последовательниц в селе Новая Калитва, вдова-беднячка Королева, пытаясь улететь на небо, повредила себе ногу» (Путинцев 1930, с. 23). «Федоровцы <...> назначили время „светопредставления“ (на 1 января 1926 г.). <...> Богомольцы шли в село Новый Лиман, Богучаровского уезда, где жил сам Федор Рыбалкин, именем которого стали впоследствии называть всю секту. <...> Федоровщина охватила Богучарский уезд, часть Россошанского и Бобровского уездов, то есть южную часть Воронежской губернии, как наиболее зажиточную, где кулачество и кулацкий бандитизм были наиболее развиты. Наибольший успех федоровщина имела не в Н. Лимане, где жил Федор, а в Новой Калитве и прилегающих селах <...> Ново-Калитвянский район знаменит тем, что здесь когда-то белобандит Колесников пользовался симпатиями зажиточных крестьян, производил мобилизации крестьян и держал десяти-тысячную армию» (Там же, с. 45—46).

Образы «богостроителей», раскольников, сектантов встречаем в ряде произведений Платонова второй половины 20-х годов. Ср. в «Сокровенном человеке»: «Человек — сволочь, ты его хочешь от бывшего бога отучить, а он тебе Собор Революции построит!»; «Коммунистический Собор, назло всему народу построенный летом на Базарной площади» (Взыскание погибших, с. 163, 164). В «Городе Градове»: «Испотрошу всяку сволочь, всяку баптистскую ересь»; «Религия пошла новая и посерьезней православной <...> А язычник у нас хлеба не най-

дет!» (Там же, с. 78, 88). Особенно показателен в этом отношении рассказ «Иван Жох» (см. 313).

335 [30] С. 212/207. Какой тебе путь, когда мы дошли? <...> Теперь, братец ты мой, путей нету — люди доехали. — Исследователи (см.: Лазаренко 1993, с. 44) обращают внимание на сходные мотивы в романе «Мы»; здесь доктор, в ответ на отчаянный вопрос героя о том, почему ни у кого, кроме него, Д-503, не образовалась «душа», иронически спрашивает: «А почему у нас нет перьев, нет крыльев — одни только лопаточные кости — фундамент для крыльев? Да потому что крылья уже не нужны — есть аэро, крылья только мешали бы. Крылья — чтобы летать, а нам уже некуда: мы — прилетели, мы нашли» (Замятин 1990, т. 2, с. 61). Это прямая перекличка с антиутопическим монологом I-330 о невозможности назвать «последнее число»: «А какую же ты хочешь последнюю революцию? Последней — нет, революции — бесконечны. Последняя — это для детей: детей бесконечность пугает» (Там же, с. 116). См. также 29.

336 [31] С. 222/217. ...труд раз навсегда объявлялся пережитком жадности <...> создаются лишние вредные предметы. — Здесь тоже воспроизведен традиционный комплекс утопических идей; ср., например, «Письма о нравственности» Сенеки, где автор рассуждает о жизни людей «Золотого века»: «Они сообща пользовались благами природы. Ее материнского покровительства было достаточно, чтобы обеспечить обладание общественным богатством. <...> В этот прекрасный порядок вторглась жадность. <...> Что бы мы ни сделали, мы будем иметь много; а имели мы всё. Сама земля без обработки была плодороднее» (цит. по: Предшественники 1928, с. 32—33).

337 Однако каждую субботу люди в Чевенгуре трудились <...> идет добровольная порча мелкобуржуазного наследства. — В свете библейских реминисценций эти «субботники» приобретают у Платонова глубокий смысл: чевенгурцы поступают диаметрально противоположно тому, как предписывает Третья заповедь: «Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай в них всякие дела твои; А день седьмой — суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его» (Исх. 20, 8—11). «Если Бог почил на седьмой день от трудов шести предыдущих, то у чевенгурцев, наоборот, вся неделя превращена в то, чем она и должна быть в понимании русского языка — не-делей, сплошным отдыхом, чтобы в день субботы, или „покою“, устроить праздник труда. Но праздник в том и состоит, что прежние трудовые накопления должны перейти в со-

стояние полной и окончательной негодности и достойно завершить неделку деятельным неделанием» (*Эпштейн 1990, с. 146*).

338 [32] С. 226/221. А продукт ее — дружба и товарищество! — Ср. в «Че-Че-О»: «В дружестве и заключается коммунизм: он есть как бы напряженное сочувствие между людьми» (*Возвращение, с. 87*). Е. Толстая отмечает параллели с высказываниями Ивана Ожогова из повести Пильняка «Красное дерево»; ср.: «Он утверждал, что коммунизм есть первым делом любовь, напряженное внимание человека к человеку, дружество, содружество, соработа,— коммунизм есть отказ от вещей, и для коммунизма истинного первым делом должны быть любовь, уважение к человеку и — люди» (*Пильняк 1991, с. 672*). «Попытка создать в Чевенгуре коммуны на основе товарищеской любви есть по сути сектантская, хлыстовская попытка превратить людей в „ангелов“» (*Толстая 1979, с. 247*).

Подобные представления платоновских героев о коммунизме обнаруживают связь и с этическими воззрениями П. Кропоткина; в последние годы жизни он работал над книгой «Этика» (завершить которую не успел): главную идею анархизма — уничтожение государства — Кропоткин обосновывал тем, что основную роль в человеческих отношениях играют, по его мнению, нравственные представления, заимствованные из мира природы. Альтруизм и самопожертвование (т. е., по Кропоткину, нравственность) — стадия, к которой эволюция живой материи приходит еще до появления человека: «Взаимопомощь — Справедливость — Нравственность — таковы последовательные шаги восходящего ряда настроений, которые мы познаем при изучении животного мира и человека. Они представляют органическую необходимость, несущую в самой себе свое оправдание, подтверждаемую всем развитием животного мира <...> Говоря образным языком, мы имеем здесь всеобщий, мировой закон органической эволюции: вследствие чего чувства Взаимопомощи, Справедливости и Нравственности глубоко заложены в человеке, со всею силою прирожденных инстинктов» (*Кропоткин 1922, с. 26*).

339 [33] С. 233/228. Он собрался перебить в Чевенгуре всех жителей... — Ср. в повести «Котлован»: «Жачев еще с утра решил, что как только эта девочка и ей подобные дети мало-мало возмужают, то он кончит всех больших жителей своей местности; он один знал, что СССР населен сплошными врагами социализма, эгоистами и ехиднами будущего света, и втайне утешался тем, что убьет когда-нибудь вскоре всю их массу, оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство»; «Плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало» (*Взыскание погибших, с. 212, 218*).

М. Геллер соотносит подобные намерения с ментальностью средневековых хищников, для которых убийство грешников являлось необходимым условием построения царства Божия на

земле. Так, после захвата Мюнстера анабаптистами (1534 г.) их предводитель Ян Матис объявил, что всех неверующих следует истребить; впрочем, бургомистр «Нового Иерусалима» Книппердолинк заменил смерть изгнанием. «27 февраля 1534 г. раздался призыв Матиса: „обратитесь, неверующие! Меч Божий над вами!“ — затем анабаптисты наполнили улицы с криком: „вон детей Исава! Наследие принадлежит детям Иакова!“ При отвратительной сцене фанатизма одни принимали вторичное крещение целыми массами, другие были выгнаны из города среди снежной метели» (Лавров 1917, с. 261).

Сходный мотив встречаем в рассказе Достоевского «Сон смешного человека»: «„премудрые“ старались поскорее истребить всех „непремудрых“ и не понимающих их идею, чтоб они не мешали торжеству ее» (Достоевский 1972—1988, т. 25, с. 117). Ср. также в «Истории одного города»: «Перебивши и перетопивши целую уйму народа, они основательно заключили, что теперь в Глупове крамольного греха не осталось ни на эстолько. Уцелели только благонамеренные» (Щедрин 1947—1950, т. 2, с. 272).

Религиозный характер чевенгурского коммунизма получает специфическое освещение, если вспомнить, что в написанном в 1921 г. наброске брошюры «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» И. Сталин формулировал свое понимание роли партии в обществе следующим образом: «Компартия как своего рода *орден меченосцев* внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность» (Сталин Соч., т. 5, с. 71). (Исторический орден меченосцев — военно-религиозный союз немецких католиков, основанный в начале XIII в. для захвата Восточной Прибалтики; в результате слияния Ордена меченосцев с Тевтонским орденом в 1237 г. образовался Ливонский орден.)

340 [34] С. 242/236. ...коммунизм и обратно... — В интерпретации Луя слова Копенкина: «Здесь коммунизм, и обратно, — нужно, чтоб ты скорей прибыл» (с. 218/213), — обретают совсем иной смысл: просторечное «обратно» (т. е. «опять», «снова») получает значение «наоборот», «напротив». Тем самым фразе Копенкина навязывается двусмысленность: получается, что существуют одновременно и коммунизм, и нечто прямо противоположное; ср. высказывание о русском как человеке «двухстороннего действия» (с. 102/101). См. также 934.

Подобный мотив будет комично реализован в пьесе «14 Красных Избушек» в репликах «колхозника в возрасте» Филиппа Вершкова: «Да, можно сказать, что это так точно, а можно и нет! <...> Как хочешь, Иван Федорович: и вперед, и назад, в общем — загадочно!»; на вопрос, за социализм он или против него, Вершков отвечает: «Я за него, Иван Федорович, и напротив. Я считаю одинаково: что социализм, что нет его»

(Живя главной жизнью, с. 333, 342). Из-за постоянных сомнений и «шатаний» Вершкова его называют «двояким человеком» (Там же, с. 337) — ср. фамилию главного героя «Чевенгура». После смерти Вершкова герои дают ему взаимоисключающие оценки, которые, однако, оказываются равно справедливыми:

«Антон. Филька Вершков не кто иной, как разоблаченный до конца классовый враг, опасный двурушник, надевший маску премированного ударничества.

Суенита. Врешь! Он был настоящий ударник!

Антон. А зато классовый враг!

Суенита. И классовый враг тоже настоящий!

Антон. Вопрос исчерпался» (Там же, с. 344).

341 [35] С. 254/248. ...чтобы кротко пройти по адову дну коммунизма... — Название одной из глав в рассказе «Приключения Баклажанова» — «Сокрушитель адова дна» (Приключения Баклажанова); такое же заглавие в повести «Эфирный тракт» носит рукопись Попова (Собр. соч., т. 1, с. 154). Ср. в рассказе «Родина электричества»: «Большевики кричат лихие и сокрушают ад до дна!» (Там же, с. 68). В повести «Сокровенный человек»: «Один плакат перемалевали из большой иконы — где архистратиг Георгий поражает змея, воюя на адовом дне» (Взыскание погибших, с. 111). Конечно, в наиболее развернутом виде образ «адова дна» будет реализован в повести «Джан», где Сары-Камыш именуется «адам для всей земли», «всемирным адом» (Собр. соч., т. 2, с. 14, 28—29, 93).

Образ «адова дна», вероятно, имеет источником «Божественную комедию»: в финале ее первой части автор, ведомый Вергилием, достигает глубин гигантской воронки (где в центре Земли торчит вонзившийся при падении с небес Люцифер) и, как бы преодолев «адово дно», оказывается уже в другом полушарии, начиная таким образом подъем к Чистилищу (см.: Данте 1992, с. 173—175).

342 ...про лето господне, про тысячелетнее царство Христово... — Лето Господне — один из традиционных символов грядущего счастья, спасения; слова из библейской книги пророка Исайи, предвещающего славу Иерусалиму: «Господь помазал меня <...> проповедывать лето Господне благоприятное» (Ис. 61, 1—2); слово «лето» употребляется здесь в значении «год». Тысячелетнее царство Христово — образ из «Откровения Иоанна Богослова», где описывается, в частности, царство последователей Христа: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение» (Откр. 20, 4—5). Идея «Тысячелетнего царства» (метафора «земного рая») была

ключевой в хилиастических учениях (синонимы «хилиазм» и «милленаризм» восходят к слову «тысяча», соответственно, в греческом и латинском языках).

343 [36] С. 280/273. ...«Летом 5 ком.». — «Время действия романа — мифическое время начала, сотворения, и платоновские герои не только создают новый мир, но написанным словом пытаются его окончательно установить, узаконить, учредить. <...> Только написанный и записанный мир действительно существует» (*Ристер* 1988, с. 142).

Планы введения нового, «революционного», календаря активно обсуждались в конце 20-х годов; ср. один из проектов:

«1) Эру от рождества христова упразднить и ввести эру от Великой Октябрьской революции.

2) Начало года перенести на 7-е ноября. <...>

4) Все революционные праздники для удобства летосчисления и простоты календаря не разбрасывать по всему году, как предполагалось, а ввести в одном месте — в конце каждого года 5—6 дополнительных дней — *дни пролетарской свободы*.

5) Прежние названия месяцев и дней недели заменить новыми.

6) Субботу, воскресенье и все религиозные праздники упразднить.

7) Ввести пятидневную неделю и перевести на пятидневку всю хозяйственную и общественную жизнь нашего Союза» (*Каменищikov* 1929, с. 18).

344 [36] С. 283/275. ...мы с Пашкой Пикусей верст тыщу проехали... — С момента отъезда Прокофия и Пикуси из Чевенгура прошло всего три дня; если Прокофий не преувеличивает длину пути, то можно сделать вывод, что в «большом» мире и в Чевенгуре время течет разными «потоками» и движется в различном темпе.

345 [36] С. 283/276. ...пустил в ход давно остановившиеся бесхозяйственные стенные часы. — Подобно тому, как, ставя дату, Чепурный обозначал начало «новой эры» (см. 343), введенные часы тоже обозначают «сдвинувшееся» время. Е. Толстая подчеркивает символику образа часов в связи с мотивом «нового», «другого» времени в рассказе Платонова «Глиняный дом в уездном саду»; ср.: «Яков Саввич тут же выдумал часы вечного хода, идущие без завода и остановки вплоть до конца света и второго пришествия.

Попу понравилась такая мечта, однако он высказал сомнение: не лучше ль будет, чтобы часы не шли, а стояли, потому что нижняя, земная жизнь есть остановочное томление, а за сутки до небесного суда тронулись бы сами и пошли, считая истинный божий срок» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 121).

346 [39] С. 320/311. ...я его не видел двадцать лет... — Если учесть, что в момент последней встречи Александра и Прошки первому было одиннадцать, а второму — семь лет, то сейчас Александру примерно тридцать. Учитывая, что родился он, ви-

димо, в 1899 г. (см. 17), мы должны сделать вывод, что действие в этом эпизоде происходит уже в 1929 г. Сколько времени прошло по «чевенгурскому летоисчислению», сказать трудно, поскольку Чевенгур — «город Солнца, в котором построен коммунизм, в котором — на ограниченном пространстве города и его ближайших окрестностей — остановилось время» (Геллер 1982, с. 189). Таким образом, к этому моменту в романе четко фиксируется наличие разных «временных потоков».

Возможно, изображение неравномерности движения времени в разных точках пространства — следствие интереса Платонова к идее относительности времени, который проявился еще в конце 10-х годов. Так, слова Попова из повести «Эфирный тракт»: «Одно существо век чувствует как целую эру, другое — как миг. Это „множество времен“ — самая толстая и несокрушимая стена меж живыми» (*Собр. соч., т. 1, с. 158*), — напоминают тезис Эйнштейна: «Каждое исходное тело (система координат) имеет свое особое время.<...> До теории относительности физика всегда молчаливо принимала, что указания времени обладают абсолютным, т. е. не зависящим от состояния движения исходного тела значением» (*Эйнштейн 1922, с. 20*). Знакомство с теорией относительности проявилось и в «Лунной бомбе»: «Тысячелетия прошли с момента моего отрыва от земного шара. <...> (С момента отлета Крейцкопфа прошло девятнадцать часов)» (*Собр. соч., т. 1, с. 59*). Эйнштейн явился прототипом героя платоновского рассказа «Мусорный ветер» Лихтенберга, носящего имя Альберт и являющегося «физиком космических пространств» (см. также 195). Мысль о том, что время по-разному протекает в неживой и живой природе, могла быть почерпнута Платоновым и у А. Богданова.

Характеризуя социально-политическую обстановку, в которой создавался роман, А. Урбан делает вывод, что в конце 20-х годов сама жизнь наталкивала на мысль о том, что эпоха «повторилась»: «В известном смысле возвращался тот же „коммунизм“ с продразверсткой, уничтожением „капиталистических“ классов, а потом и середняка для полного торжества бедноты во всех отношениях — социальном, материальном, моральном».

Две эпохи неожиданно начали совпадать, и потому платоновский их анализ имел не только смысл исторический, не только современный смысл, но и смысл прогностический» (Урбан 1989, с. 185).

347 [39] С. 323/314. В мире было как вечером... — Ср. в пьесе «Высокое напряжение» реплику Мешкова: «Я живу и все время чувствую какой-то вечный вечер» (*Высокое напряжение, с. 163*). В пьесе «14 Красных Избушек» Хоз говорит: «Уже поздно стало на свете!» (*Живя главной жизнью, с. 354*).

Как отмечает Т. Радбиль, одной из черт мифологического представления времени в платоновском романе является «осмысление коммунизма (социализма) в качестве определенной

поры, срока человеческой жизни, который наступает в определенный промежуток времени, которого ожидают (как время года, как любую значимую для личности фазу природного времени). <...> Нетрудно заметить, что в концептуальном содержании слова коммунизм (социализм) у А. Платонова утрачивается идея *протяженности* во времени (линия сворачивается в точку), присутствующая в общеязыковом содержании слова. Это, на наш взгляд, также является конкретизацией, своеобразным опредмечиванием временного плана содержания. Причем такое опредмечивание усиливается его включенностью в сферу человеческого существования, в значимые для человека временные рамки» (*Радбиль* 1998, с. 44).

М. Дмитриовская полагает, что Платонов использовал и развернул в зрительно наглядный образ «завершающегося» времени метафору Шпенглера, ставшую названием его труда, — «Закат Европы» (*Дмитриовская* 1997, с. 310—311). Вероятным источником представляется и книга Ницше «Так говорил Заратустра»; ср.: «Солнце давно уже село, <...> луг стал сырм, от лесов веет прохладой.

Что-то неведомое окружает меня и задумчиво смотрит. Как! Ты жив еще, Заратустра?

Почему? Зачем? Для чего? Куда? Где? Как? Разве не безумие — жить еще? —

Ах, друзья мои, это вечер вопрошает во мне. Простите мне мою печаль!

Вечер настал: простите мне, что вечер настал!» (*Ницше* 1990, т. 2, с. 78). Кстати, в главе «Танцевальная песнь», которая завершается вышеприведенными словами, звучит и мотив пойманной на удочку рыбы (см. 291).

348 [39] С. 330/321. ...теперь будущее настанет... — Ср. замечание Хайдеггера: «Говорят: „Будущее уже началось“, что не отвечает делу, потому что будущее просто никогда и не может начинаться, ведь его отсутствие как присутствие еще-не настоящего нас всегда каким-то образом уже задевает, т. е. присутствует так же непосредственно, как осуществившееся» (*Хайдеггер* 1993, с. 398—399). Но, конечно, платоновский персонаж исходит из презумпции «конца света»: метафоры «новое время», «новый мир» и т. п. он понимает буквально.

349 [40] С. 340/330. Дванов догадался, почему Чепурный и большевики-чевенгурцы так желают коммунизма <...> а в человеке стоит тоска. — Ср. концепцию времени в истории и природе, высказанную в платоновской статье «Симфония сознания» (см. 313).

350 [40] С. 345/335. ...коммунизм или обратно... — См. 340. Интересно, что Копенкин, не могущий знать о том, как Луй искажил слова его записки, сам использует оборот, «созданный» Луем.

351 [41] С. 373/362. ...обмен кровью и телом вызывает затем обмен прочими житейскими вещами... — В романе

неоднократно воспроизводится богдановская идея «обмена кровью» — ср. также: «эти люди закрепились бы еще обменом тел, жертвенной прочностью глубокой крови» (с. 378/366). Уже в ранней публицистике Платонов говорит о перспективах «со-вокупления человечества в одно физическое существо» (*Чутье правды*, с. 179); ср. также в очерке 1921 г. «Новогодняя фантазия. Жажда нищего (Видения истории)»: «На земле, в том веке сознания, жил кто-то Один, Большой Один, чьим отцом было коммунистическое человечество» (*Жить ласково...*, с. 124).

У Вл. Соловьева встречаем высказывания о «всемирном теле» как «цельности реально-идеальной, психо-физической» (Соловьев 1911—1913, т. 7, с. 54); см. также 322. «Неприятие телесных и психических границ человеческого Я и почти навязчивое стремление эти границы разрушить» (Эткинд 1994, с. 51) характерно и для рассуждений Вяч. Иванова: «В глубине глубин, нам не достигаемой, все мы — одна система вселенского кровообращения, питающая единое всечеловеческое сердце. Но не должно упреждать чувствования, данного нам только как отдаленное и смутное предчувствие, и подменять сокровенную святую реальность вымышленными ее подобиями» (Иванов, Гершензон 1921, с. 54).

Однако если в подобных высказываниях речь идет скорее о реальности мистической, то у Богданова и Платонова — еще и о физической. Ср. роман Богданова «Красная звезда», где «обмен крови между двумя человеческими существами» представлен как средство «обновления жизни» — способ борьбы с болезнями, старостью и даже со смертью. Марсианин Нэтти поясняет герою-рассказчику: «Мы <...> устраиваем обмен крови между двумя человеческими существами, из которых каждое может передавать другому массу условий повышения жизни. <...> Практикуемое в вашей медицине <...> переливание крови имеет какой-то филантропический характер: тот, у кого ее много, дает другому, у которого в ней есть острая нужда, вследствие, например, большого кровотечения из раны. У нас бывает, конечно, и это, но постоянно применяется другое, — то, что соответствует всему нашему строю: товарищеский обмен жизни не только в идейном, но и в физиологическом существовании» (Богданов 1986, с. 255—256). В своей книге «Тектология» Богданов развивает эту идею в научном плане (см.: Богданов 1925—1927, т. 2, с. 103—110). В 1923 г. им была создана организация «Физиологического коллективизма», проводившая опыты «повышения жизнеспособности людей методом обменного переливания крови» (Богданов 1993, с. 34), затем из нее возник Институт переливания крови в Москве, руководителем которого стал Богданов. Он и его помощники вели эксперименты на себе: с 1924 по 1928 г. Богданов сделал себе 12 обменных переливаний крови (Кончаловский 1928, с. XIII); весной 1928 г. он погиб вследствие обмена кро-

вью с молодым человеком, больным туберкулезом и малярией (см.: *Семашко 1928, с. VII; Богданов 1989, с. 42—44; Дорофеев 1988*). На гражданской панихиде по Богданову Н. Бухарин говорил: «Он был коллективистом и по чувству, и по разуму одновременно. Даже его идеи о переливании крови покоились на необходимости своеобразного физиологического коллективизма, где отдельные сочеловеки смыкаются в общую физиологическую цепь и повышают тем самым жизнеспособность всех вместе и каждого в отдельности» (*Бухарин 1928, с. X*). Вряд ли смерть Богданова могла остаться незамеченной для Платонова, работавшего в ту пору над «Чевенгуром».

Еще в 1900-х годах Богданов задумывался о возможности не только физиологического, но и духовного «обмена» между личностями. Так, он писал: «А не возможен ли случай, когда <...> „переживания“ обоих существ окажутся *прямо в одном поле*, две ассоциативные связи *прямо объединятся*? Это было бы настоящим слиянием душ... На этот вопрос можно ответить, что *в нашем опыте* таких случаев, по-видимому, не встречается; но с другими живыми существами это, по-видимому, бывает. Я подразумеваю *конъюгацию* одноклеточных организмов и половых клеток. Слияние двух клеток в одну едва ли может выражать что-либо иное, как объединение двух раньше независимых рядов переживаний в один ряд. Для людей такой метод слияния душ, очевидно, не годится, хотя греческая мифология и нашла один такой случай (история Гермафродита и нимфы).

Могут ли впоследствии быть найдены людьми какие-нибудь способы и средства прямого общения их психических организаций — вопрос, который здесь бесполезно обсуждать» (*Богданов 1908, т. 1, с. 167—168*).

Помимо Богданова, в платоновском романе сказывается, возможно, и влияние Циолковского: «Мечта об обществе как бессмертном сверхорганизме сравнима с представлениями Циолковского о бессмертии цепочки, „клубка“ личностей» (*Толстая 1981а, с. 244; см. также: Македонов 1987, с. 204—206*).

352 [42] С. 384/372. — Мы живем между собой без паузы... — А. Эткинд отмечает связь подобных идей в культуре рубежа веков с практикой религиозного сектантства: «Русские сектанты поклонялись телу особенному, претворенному в коллективе <...> В экстатическом радении отдельные тела участников сливались в одно большое тело. Содержанием ритуала было не поклонение отдельному телу как воплощению индивидуальной личности, но, наоборот, слияние тел в сверхличное коллективное тело. В этом, видимо, была социальная функция экстатического ритуала хлыстов, скопцов и других близких сект. К переживанию такого телесного абсолютно реального соединения сводится смысл всех входящих в радение ритуальных элементов <...> Смыслом радения было отречение от индивидуального тела с его страстями и

страхами, приобщение к коллективному телу с его самодостаточностью и величием. Радея, кружась, впадая в свальный грех, сектанты приобщались к общинному чувству интенсивным и необычно буквальным способом» (Эткинд 1998, с. 80—81).

353 [42] С. 386/374. ...ему представлялось, что не только пространство, но и время отделяет его от Москвы. — Деталь, подчеркивающая, что Чевенгур лежит как бы в ином «потоке» времени, нежели весь остальной («большой») мир. С этой точки зрения, Сербинов может быть представлен «двойником» Дванова, явившимся к нему «из будущего»; Дванов и Сербинов — как бы два автопортрета Платонова, относящиеся к разным эпохам (начало и конец 20-х годов).

25) Солнце

354 [31] С. 222/216—217. ... за всех и для каждого работало единственное солнце, объявленное в Чевенгуре всемирным пролетарием. — Ср. сказочное «тридцатое царство» — потусторонний мир, осмысляемый в образе страны дарового изобилия, и его устойчивую связь с солнечными мотивами (Пропт 1986, с. 283, 291—293). Представление о солнце как «всемирном пролетарии» напоминает о чевенгурской идее «соединения» пролетариев: солнце воспринимается как персонифицированный «небесный интернационал».

Солнце — один из центральных символов в утопической традиции. Как писал Луначарский, «среди стихийных богов был один как нельзя более приспособленный стать представителем обожествленного труда — это был бог солнца. <...> Человек подметил, что солнце есть великий источник энергии, что именно оно непрерывно производит ряд перемен в природе, и он постиг его также как труженика» (Луначарский 1908—1911, т. 1, с. 99). «Представление о Солнце как олицетворении справедливости глубоко укоренилось в культуре народов Средиземноморья. В реформах, проводимых в Египте фараоном XVIII династии Аменхотепом IV (Эхнатон — 1372—1354 гг. до н. э.) и связанным с учреждением солнечного культа Атона — Ра, на передний план выступало представление о Солнце как универсальном божестве, едином для всех народов, отрицающем их разделение на „варварские“ и „цивилизованные“» (Гуторов 1989, с. 224). Ср. «эксперимент» Алексарха (брата царя Кассандра), основавшего около 316 г. до н. э. вблизи города Акрофои (на вершине горы Афон) Уранополь, «Небесный город»: «Утопические устремления Алексарха вполне определенно выражены в самоотожествлении с Солнцем — Гелиосом, издавна рассматриваемым греками в качестве защитника и гаранта справедливости, делающего явным любое зло и преступление» (Там же, с. 223—224). «Этот же круг идей про-

смаатривается и в знаменитом египетском пророчестве Исаяи, предсказывавшем появление «города Солнца» в день, когда господь Саваоф будет судить Египет (Ис. 19, 18), а много веков спустя — в восстании Аристоника в Пергаме (133—129 гг. до н. э.), называвшего своих сторонников — бедняков и рабов — «гелиополитами», «гражданами города Солнца» (Гуторов 1989, с. 224).

Идею равенства людей под солнцем находим у философа-гностика Эпифана: «Никто не может отнять у своего ближнего его долю света, чтобы самому наслаждаться двойной. Солнце производит для всех родов живых существ общую пищу, потому что общая справедливость распространяется равно на всех» (*Предшественники* 1928, т. 1, с. 47). Иосиф Флавий писал о раннехристианском братстве ессеев: «Приезжающие из других мест члены ордена могут располагать всем, что находится у их собратьев, как своей собственностью, и к сочленам, которых они раньше никогда не видели в глаза, они входят, как к старым знакомым <...> каждый из своего дает другому то, что тому нужно, равно как получает у товарища все, в чем сам нуждается; даже без всякой взаимной услуги каждый может требовать необходимого от кого ему угодно. <...> Они <...> обращаются к солнцу с известными древними по происхождению молитвами, как бы моля его о восходе» (Флавий 1991, с. 151—152); об аналогичном ритуале в религиозной общине терапевтов сообщает Филон Александрийский (*Там же*, с. 476—477).

«Солнечные» мотивы издревле осваивались и художественной литературой — например, в романе, написанном в III в. до н. э. Ямбулом («социально-экономический Жюль Верн» (Пельман 1910, с. 321)), рассказано о путешествии на «острова Солнца», жители которых называют себя «гелионеситами» и «почитают богами весь небесный свод и солнце и вообще все небесные явления» (цит. по: Гуторов 1989, с. 237). Но, конечно, самой известной социальной утопией на эту тему является «Город Солнца» (изд. в 1623 г.) Т. Кампанеллы: во главе города стоит «священник, именующийся на их языке Солнце» (Кампанелла 1954, с. 35), причем автор вместо названия имени этого священника употребляет в тексте астрономический знак Солнце, как бы стирая разницу между небесным светилом и человеком; жители города именуются у Кампанеллы солариями. П. Лафарг предполагал, что автор «Города Солнца» читал рассказы о государстве инков в Перу, которое было открыто в начале XVI в.: «Возможно, что они ему внушили некоторые организационные детали и даже самое название его государства» (Лафарг 1926, с. 65). В конце XIX в. Р. Пельман писал, что «солнечное государство давно уже предвосхитило те идеи, которые Маркс через две тысячи лет превозносит как итог социально-теоретического познания» (Пельман 1910, с. 325).

«Детями солнца» называет жителей идеального государства и герой рассказа Достоевского «Сон смешного человека». Что касается русской литературы начала XX в., то здесь внимание привлекают драмы М. Горького «Дети Солнца» и Л. Андреева «К звездам», возникшие из «коллективного» замысла (см.: *Андреев 1990—1996, т. 2, с. 542—543; Горький 1968—1975, т. 7, с. 647*); источником центрального мотива послужила популярная в России книга Г. Клейна «Астрономические вечера»: «Когда Рафаэль рисовал Сикстинскую мадонну, когда Ньютон размышлял над законом тяготения, когда Спиноза писал свою «Этику» или Гете своего «Фауста», — в них работало Солнце. Все мы, гении и нищие, все мы — дети солнца» (*Клейн 1900, с. 181*). Ср. в пьесе «К звездам» слова Трейча: «Товарищи, солнце ведь тоже рабочий!», — а также слова песни: «Слава веселому солнцу! Солнце — рабочий земли!» (*Андреев 1990—1996, т. 2, с. 344, 347*). Образ солнца имеет первостепенное значение в мистической символике сборника Вяч. Иванова «*Cor ardens*», особенно в начальных его книгах (см.: *Иванов 1911, т. 1*).

Вместе с тем, по мнению Бердяева, «привязанность» цивилизации к солнцу является знаком неполноценности человека: «Великий знак унижения человека виден в том, что человек свет получает от солнца и что жизнь его вращается вокруг солнца. То, что солнце извне светит человеку, есть вечное напоминание о том, что люди, как и все вещи мира, сами по себе находятся в вечной тьме, лишены внутреннего излучения света. <...> Человек пал, и солнце ушло из него. <...> Утерев свою солнечность, человек впал в солнцепоклонство и огнепоклонство, сделал себе бога из внешнего солнца» (*Бердяев 1916, с. 72*).

Попытки земного воплощения мифа о «небесном», «солнечном» городе — неотъемлемая часть практики религиозных сектантов. Так, в 1894 г. на состоявшемся в Воронеже тайном съезде «Нового Израиля» (одно из течений секты духовных христиан) их лидер — «Христос» секты — В. Лубков объявил «новое домостроительство по новому плану»; 3 февраля 1895 г. в одном из хуторов в присутствии 800 человек под руководством Лубкова состоялось «содействие — оказательство народу построения града великого Иерусалима, сошедшего на землю» (*П. А. 1926, с. 27, 32*). Отметим также любопытный факт середины 20-х годов, возможно, ставший известным автору «Чевенгура»: «Вождь русских евангелистов Проханов только в сентябре 1926 года вернулся из Соединенных Штатов Америки. <...> Евангелисты решили построить в СССР специальный евангелический город, „Город солнца“, как называют они его. Глава евангелистов Проханов, со своими спутниками сумевший каким-то образом получить у наркомзема рекомендательные письма, посетил Сибирь, выбрал там лучшее место и произвел... закладку города. 11 сентября 1927 года экспедиция в сопровождении представителя местных политических властей

приступила к посадке на территории будущего „города солнца“ трех кедров (главных) и трех многовековых американских кленов, — пишут об этом евангелисты» (Клибанов 1928, с. 79—80). Интересно, что подобная практика существует и в наши дни: так, 19 октября 1998 г. в телепрограмме «Время» прошел репортаж о секте некоего Виссариона, «нового Христа», которая обитает в сибирской тайге в 400 км от Красноярска и члены которой заняты постройкой «Города Солнца» на вершине таежной сопки.

«Солнечные» мотивы в творчестве Платонова тесно связаны и с естественнонаучными представлениями начала XX в.; в частности, ощутимо влияние Тимирязева, с трудами которого писатель был знаком: указания на это имеются в его статьях 20-х годов (Малыгина 1985, с. 24). Идея заставить солнце работать «за всех и для каждого» была чрезвычайно близка юному Платонову — например, в статье 1922 г. «Свет и социализм» он писал: «Социализму нужна эквивалентная ему физическая сила <...> Имя этой силы — свет, обыкновенный солнечный дневной рассеянный свет, но также свет луны и звезд. <...> Свет и электричество — одно и то же. <...> На свете и из света надо отлить и выточить коммунизм. <...> Использование света для промышленности есть самое совершенное решение энергетического вопроса для нашего времени. Вспомним, что база мира растений есть свет. Сделаем же свет также и базой мира человека. И вся техника для этого должна быть сведена к светотехнике, вся физика (м. б., и химия) к электрике. <...> Свет должен лечь в основу социалистического производства — или не будет никогда социализма, а будет вечная „переходная эпоха“. Социализм придет не ранее (а немного позднее) внедрения света, как двигателя, в производство. И только тогда из светового производства вырастет социалистическое общество, новый человек, — существо, полное сознания, чуда и любви, коммунистическое искусство — это вселенская скульптура, планетная архитектура, и только тогда совершится совокупление человечества в одно физическое существо» (Чутье правды, с. 177—179). Ср. также очерк начала 20-х годов «Невозможное»: «Если жизнь не земного происхождения, то только солнечного. Эти микроорганизмы приплыли к нам с солнца — и больше ниоткуда. <...> Жизнь — солнечного происхождения. Мы потомки солнца — не в переносном смысле, а в прямом — физическом. <...> Свет заслуживает главного внимания всей науки всего земного человечества: вся техника сведется в конце концов к светотехнике. <...> Овладев светом, человечество будет почти всемогущим, и история его переступит решающую черту <...> человек только тогда освобожден будет от труда — работы, от боя с материей и предается творчеству и любви» (Невозможное, с. 343—345). Название «Потомки солнца» носит один из платоновских рассказов, где, в частности, говорится: «В нашу эпоху история достигла экстаза:

обнажена душа солнечного света, и свет качает воду, делает хлеб в бессильных и пыльных пустынях и им питает мозг человека» (*Старик и старуха*, с. 40—41). В статье 1924 г. «Борьба с пустыней» читаем: «Земля должна быть цела и девственна, а вся пышная жизнь человечества пусть идет целиком за счет солнца» (*Возвращение*, с. 51—52); эта мысль повторяется в очерке 1930 г. «Первый Иван» (*Там же*, с. 55). В повести «Эфирный тракт»: «Солнце спешило работать, люди смеялись от избытка сил и жадничали в труде и в любви.

Всем их обеспечивало солнце над головой, <...> — старое солнце, которое сияет тревожной страстной радостью, как мировая катастрофа и зачатие вселенной» (*Собр. соч.*, т. 1, с. 204).

Большое значение у Платонова (особенно в связи с типом героя-«странника») имеет мотив непосредственного контакта человека, живого организма с природным светом — человек предстает как своеобразный генератор энергии, рассеянной во Вселенной. Ср. в «Эфирном тракте» размышления Егора Кирпичникова: «Только бродя по земле, под разными лучами солнца и над разными недрами, я способен думать. <...> Нужны внешние силы для возбуждения мыслей. Эти силы рассеяны по земным дорогам, их надо искать и под них подставлять голову и тело, как под ливни» (*Там же*, с. 219).

«Платоновская „антропотехническая“ концепция явно соприкасается с разрабатываемой в 20-е годы А. Л. Чижевским теорией органического электрообмена. <...> В 1926 г. Чижевский проводил опыты по лечению людей электричеством» (*Малыгина 1985*, с. 36, 28—29). Ср. в «Рассказе о многих интересных вещах»: «Бессмертная Плоть уже делается из Прочной целомудренной плоти посредством электричества. <...> Жизнь в среде сложной электросферы, поражающей насмерть все виды смертоносных и болезнетворных микробов в теле человека, — вот что такое бессмертие» (*Старик и старуха*, с. 75, 77); платоновский образ «мастерской прочной плоти» — это вариация на тему «мастерской человеческих воскрешений» из комедии Маяковского «Клоп» (*Малыгина 1995*, с. 39) — заметим, однако, что впервые данный мотив возник в поэме «Про это» (см.: *Маяковский 1955—1961*, т. 4, с. 181), которую Платонов не мог не знать, ибо рецензировал, в частности, именно тот номер журнала, где она была напечатана (см.: *ЛЕФ*), а его «Рассказ о многих интересных вещах» появился через несколько месяцев после поэмы Маяковского.

Сходные мотивы звучат и в «Эфирном тракте»: «В книге описывались опыты по устранению смерти какого-то небольшого животного, срок жизни которого — четверо суток; сфера жизни этого животного (пища, атмосфера, тело и проч.) подвергалась беспрепятственному воздействию целого комплекса электромагнитных волн; причем каждый вид волны был рассчитан на убийство отдельного рода губительных микробов в

теле животного; так, держа жизнь подопытного животного в поле электромагнитной стерилизации, удалось добиться увеличения срока его жизни в сто раз» (*Собр. соч., т. 1, с. 165—166*).

Стоит также отметить, что в 1926 г., как раз в пору «Эфирного тракта» и начала работы над «Чевенгуром», вышла в свет книга В. Вернадского «Биосфера», основной смысл которой, по словам М. Пришвина, состоит в том, что «мы — дети солнца» (*Пришвин 1982—1986, т. 8, с. 207*); вспомним и о высказанной Циолковским идее «автотрофности»; кстати, А. Бергсон также предполагал для животного возможность питаться как бы непосредственно солнечным светом: анализируя процесс развития жизни, он говорит о царствах растений и животных как о параллельных ветвях этого процесса; роль растений, по Бергсону, — в накоплении солнечной энергии, а животных — в ее расходовании; далее он пишет: «Весьма вероятно, что жизнь стремилась сначала к тому, чтобы добиться разом и фабрикации взрывчатого вещества (т. е. энергии. — Е. Я.), и взрыва, который бы его использовал. В этом случае один и тот же организм, непосредственно накапливая энергию солнечного лучеиспускания, расходовал бы ее в виде свободных движений в пространстве. Вот почему мы должны предполагать, что первые живые существа, с одной стороны, стремились к тому, чтобы непрерывно накапливать энергию, заимствованную от солнца, и с другой — расходовать ее с перерывами, наподобие взрывов, в движениях перемещения» (*Бергсон 1998, с. 135*).

355 [37] С. 293/285. ...свет солнечной жизни на земле должен быть заменен искусственным светом человеческого ума. — Данное утверждение противоречит основному принципу «солнечной системы» Чевенгура и больше напоминает декларации «космистов». В этой связи укажем на текст, явно известный Платонову: в рецензировавшемся им в 1924 г. журнале «У станка» помещена статья В. Попова-Дубовского «Поэты и космизм», где пролетарские поэты (названы Герасимов, Обрядович, Садофьев, Кириллов, Арский) критикуются за абстрактность пафоса и высокомерие: «Ну, конечно, за солнцем и звездами великому человеку и не видать нашей потной рабочей жизни. <...> Так смело и решительно обращаться с небесными светилами умели только горьковские босяки. <...> Нет ничего бесплоднее космизма <...> Вся их вселенная с планетами и кометами — жалкая смешная игрушка, взятая из десятых рук, на которую, к сожалению, потрачено много времени и бумаги» (*Попов 1924, с. 39*). Статья иллюстрирована забавным шаржем Д. Моора: человечки-пигмеи (пролетарские поэты) зажигают «новое солнце», накачивая огромный примус. Характерно, что Платонов в своей рецензии обошел эту статью о космистах молчанием, хотя отметил другую статью того же автора, по-

мешенную в журнале, назвав ее «прекрасной» (см.: *У станка*, с. 74).

356 [42] С. 383/371. Дванов выдумал изобретение: обра-
щать солнечный свет в электричество. — Идея подобного уст-
ройства занимала Платонова много лет. Ср. статью «Свет и
социализм»: «Светотехника должна сконструировать тот ме-
ханизм, который превращает свет солнца в обыкновенный
рабочий электрический ток, годный для наших элек-
тродвигателей. Этот механизм уже наполовину сконструирован.
Называется он фотоэлектромагнитный резонатор-трансфор-
матор. Его назначение — свет, этот небесный поток, переде-
лывать в земной человеческий ток. В случае удачного разре-
шения этой технической задачи (мы не входим тут в ее де-
тали) свет, а с ним вся вселенная станет „пролетарием“
человечества на многие неисчерпаемые века, и человечество
не истощит эту энергию никакими машинами, сопротивле-
ниями и сооружениями. Даже энергия расколотого Резерфор-
дом атома ничто в сравнении с энергией светового океана»
(*Чутье правды*, с. 179). Эти рассуждения повторяются и в
статье «Невозможное» (*Невозможное*, с. 344). Подобное уст-
ройство описывается в рассказе «Потомки солнца»: «И вот
явился институт изобретений Елпидифора Баклажанова, в ко-
тором был сделан первый тип фотоэлектромагнитного резо-
натора-трансформатора: аппарата, превращающего свет со-
лнца и звезд, и луны в электрический обыкновенный ток.
<...> Вселенная была вновь найдена как купель силы — оби-
тель переменного тока ужасающей мощи» (*Старик и ста-
руха*, с. 39); в повести «Эфирный тракт» говорится об «ап-
парате, состоящем из сложных зеркал, преобразующих свет
неба в тепло и в живую силу металла» (*Собр. соч.*, т. 1,
с. 200). С электромагнитным резонатором-трансформатором
сходен прибор «Антисексус» из одноименного рассказа: «В
основу обоих аппаратов положена идея об использовании
элементарных сил природы. Резонатор-трансформатор превра-
щает элементарную стихию внешнего мира во что-то полез-
ное, „Антисексус“ превращает дикого, стихийного человека в
„нормализованного работника“» (*Лангерак* 1995, с. 129).

В рассказе Платонова 1929 г. «Товарищ пролетариата» по-
жилой шлифовщик линз Климентов (фамилия указывает на его
явную «близость» к автору) излагает главному герою, инженеру
Всуеву, идею производства электричества из солнечного
света: «Коммунизм должен вертеться силой, добытой впрямую
из солнца — без антрацита, без дров, без водопадов, без тем-
пературы, без химии — безо всякого терпения»; Всуев размыш-
ляет по этому поводу: «Шлифовщик был прав, говоря однаж-
ды на высоте энтузиазма, что, подобно зеркалу, производяще-
му из лица одинокого человека призрак второго друга, —
оптическая наука откроет на земле солнечный родник, взойдет
заря вечной энергии, и в математической поверхности оптиче-

ской машины изобразится целое человечество, как второй товарищ каждому склоненному лицу» (*Товарищ пролетариата*, с. 117).

«Прототип» электромагнитного резонатора-трансформатора встречаем в утопическом романе Э. Золя 1901 г. «Труд» (выдержавшем к 1927 г. не менее десяти изданий на русском языке); ср.: «Перед мыслью Жордана встала задача простая и вместе с тем величаво-грандиозная; предстояло обратиться прямо к самому солнцу, захватывать его тепло и превращать это тепло, при помощи особых аппаратов, в электрическую энергию. <...> И Жордан успешно решил задачу: благое и светозарное светило уступило человеку долю неистощимого пламени» (*Золя 1927*, с. 118—119); см. также 551. В мифопоэтическом аспекте данное техническое устройство может быть осмыслено на фоне мотива похищения небесного огня, а его создатель, соответственно, ассоциируется с Прометеем.

КОММЕНТАРИЙ «ПО ВЕРТИКАЛИ»

(РЕАЛИИ И РЕМИНИСЦЕНЦИИ)

[1]

357 С. 23/24. Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов. Туда люди приходят жить прямо из природы. — В данном контексте «слово „ветхий“ стремится учесть все существующие узусы слова: неутраченный этимологический смысл слова („изношенный“), литературный, общекультурный, мелиоративно-геополитический („За тысячелетия земля страшно истощилась“ — статья „Ремонт земли“, 1920), библейский. А также учесть, включить в себя все способы выражения одного смысла: опушка, отмеченная знаком присутствия Божия, и опушка умирающая, ждущая прихода Спасителя. Сама структура первого предложения — это жесткая пространственно-временная сетка, в которой уже содержится будущая мистерия жизни-смерти в странствиях героев: предложение может читаться и как „Есть жизнь“, „Есть Бог“, „Есть смерть“, „Есть пустота“. <...> Роман начинается с опушки и кончается ею» (Корниенко 1998, с. 196). «„Опушка леса и города“ как межа, пограничное место в культурно-просветительном, социоэкономическом и языковом смыслах — не случайное место „происхождения мастера“»; подобное восприятие природы и пространства предшествует понятию пространства в «первоначальном городе» Чевенгуре: «Это утопическое место выделяется тем, что расплываются границы между внешним и внутренним пространством, т. е. природой и городом. (Город „зарос травой“ и „стоит на просторе“; Александр Дванов сравнивает его с огромной комнатой, где потолок равняется небу, и над которым летают птицы, как мухи в родной хате Двановых)» (Hodel 1998, с. 154).

358 Появляется человек... — Несколько дальнейших эпизодов представляют собой как бы «пролог» романа: в них рассказана история жизни Захара Павловича до его появления в городе (см. 376).

359 ...подкидывать подметки... — Т. е. подшивать.

360 В зимние вечера он иногда делал ненужные вещи <...> исключительно для собственного удовольствия. — Ср. мотив изготовления «ненужных вещей» в рассказе «Глиняный дом в уездном саду», герой которого, Яков Саввич Еркин, осознает «убыточность полезного труда»: «Он уже знал теперь, что ненужные вещи ценятся дороже и покупаются охотнее, чем необходимые» (Собр. соч., т. 2, с. 118, 119). Сопоставляя данный рассказ с повестью «Происхождение мастера», А. Гурвич

писал: «Самые ненужные вещи, с точки зрения платоновского беспризорного „мудреца“, — это так называемые полезные вещи. Полезность вещи, ее необходимость — свидетельство рабской зависимости человека. Самые нужные вещи — это вещи бесполезные. Они нужны душе, воображению, любопытству» (Гурвич 1994, с. 390). «Захар Павлович — человек, который „приходит жить прямо из природы“. <...> Не менее тесно связан он и с миром людей. Он делает вещи, которые заполняют этот мир. <...> Они — вещи, а значит — принадлежат миру людей. Они — „ненужные“, т. е. еще не названы, еще не утратили связь с миром природы. Кажется, что делание ненужных вещей и есть искомая онтология встречи, бахтинская „граница“, пересекая которую, аморфные смыслы, неформленность оформляется и застывает в четких и устойчивых структурах именования. <...> Но, увы... это только кажется. И мир людей, и мир природы отторгает „ненужные вещи“. <...> Они не посредничают, не связывают противостоящие онтологии, а существуют „исключительно для собственного удовольствия“» (Бляхер 1998, с. 44—45). «То, что Захар Павлович „делает ненужные вещи <...> исключительно для собственного удовольствия“, сразу переводит его из уровня хорошего ремесленника на уровень художника, изобретателя, беспокойного, ищущего ума» (Копытянская 1998, с. 168).

361 С. 24/25. ...стали есть сырую траву, глину и кору и одичали. — «Возвращение» человека в животное состояние, «в природу» становится признаком приближающейся смерти. Так, в рассказе «Мусорный ветер» о собаке говорится, что «она — бывший человек, доведенный горем и нуждой до бессмысленности животного» (*Собр. соч., т. 1, с. 121*); ср. распространенный в народных легендах сюжет о превращении человека в собаку (Успенский 1994, т. 2, с. 115). Герой «Мусорного ветра» Лихтенберг в итоге сам превращается в «обезьяну или прочее какое-нибудь ненужное для Германии, ненаучное животное» (*Собр. соч., т. 1, с. 128*): «По телу его — от увечных ран и загрязнений — пошла сплошная темная зараза, похожая на волчанку, а поверх ее выросла густая шерсть» (*Там же, с. 119*); ср. в «Чевенгуре» сцену с умирающим мальчиком (с. 309/300); сходно описание умершей женщины в повести «Котлован»: «Длинные, обнаженные ноги были покрыты густым пухом, почти шерстью, выросшей от болезней и бесприютности, — какая-то древняя, ожившая сила превращала мертвую еще при ее жизни в обрастающее шкурой животное» (*Взыскание погибших, с. 211*). Что касается такого персонажа «Котлована», как медведь-молотобоец, то остается не вполне ясно — настоящий это зверь или «бывший человек»; ср., кстати, легенду, которая была распространена в Воронежской губернии в XIX в.: «Здешний крестьянин расскажет вам дивную историю происхождения медведя, который будто бы был когда-то человеком, да вздумал подшутить над одним святым

пустынником, стал за кустом, а когда тот проходил мимо, то он внезапным криком испугал его, за что и был им проклят и обращен в зверя» (*Малыхин 1861, с. 294—295*).

В контексте возможных реминисценций библейского сюжета об Исаве и Иакове (см. 192) можно вспомнить, что имя первого из братьев означает «косматый, волосатый» и буквально характеризует внешность этого персонажа: «Иаков сказал Ревекке, матери своей: Исав, брат мой, человек косматый, а я человек гладкий» (*Быт. 27, 11*).

362 ...она им давала грибной настойки... — Фактически роман начинается с убийства детей (ср. затем эпизод смерти ребенка в Чевенгуре — с. 307—311/299—303; см. также 83, 171, 172). В ранней редакции романа сходный факт стимулировал духовные поиски героев: «Они стояли осенью над могилой умершего двухлетнего брата Дванова. <...> Дванов и Гратов решили отомстить природе за смерть детей и осуществить нежную мечту о вечной памяти. Друзья были молоды и гневны: победа революции обнадежила их на более могучие дела» (*Строители страны, с. 359*).

Эпизод связан с печальными для самого писателя воспоминаниями: в июле 1921 г. его четырнадцатилетняя сестра и двенадцатилетний брат умерли, отравившись грибами. Память об этом сохранялась у Платонова в течение всей жизни; ср. запись 1942 г.: «Если бы мой брат Митя или Надя — через 21 год после своей смерти вышли из могилы подростками, как они умерли, и посмотрели бы на меня: что со мной случилось? — Я стал уродом, изувеченным, и внешне, и внутренне.

— Андрюша, разве это ты?

— Это я: я прожил жизнь» (*Записные книжки, с. 229*).

363 ...с одним бобылем. — Ср. псевдоним Бобыль, под которым выступал в 20-е годы Борис Бобылев, работавший с Платоновым в воронежских газетах с 1919 по 1925 г. На первом организационном собрании ВСПП 18 августа 1920 г. он выступал с докладом о целях и задачах союза и вместе с А. Платоновым и С. Бунтарем был избран в члены временного правления (см.: *Воронежская коммуна. 1920. 21 авг.*); в 60—70-х годах написал небольшие воспоминания о Платонове (см.: *Бобылев 1978*). Возможно, образ бобыля в «Чевенгуре» в какой-то мере отражает платоновское отношение к Бобылеву.

364 С. 25/26. ...на женский брак... — Нетрадиционная сочетаемость актуализирует в слове «брак» значение «порок»: женитьба оценивается заведомо негативно.

365 С. 27/27. ...так и умер, ни в чем не повредив природы. — Поскольку образ жизни бобыля осуждается, то глагол «повредить» в контексте данного эпизода обретает положительное значение («исправить»).

366 С. 27/28. На бобыля он не посмотрел: мертвые невзрачны: хотя Захар Павлович знал одного человека... — Мертвый рыбак не был столь же «невзрачен», как остальные покойники: слово «невзрачны» обретает дополнительное значение («неинтересны»), поэтому характеризует уже не только внешний облик, но и более широкое впечатление.

367 «...так, что-нибудь тесное». — Ср. в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» слова Свидригайлова: «Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот вся вечность» (Достоевский 1972—1988, т. 5, с. 272).

368 С. 28/28—29. Захар Павлович приходил на похороны и вел мальчишку за руку <...> рубашку надели для гроба — отец утонул в другой. — В романе Платонова обнаруживается ряд реминисценций из романа Л. Леонова «Вор», опубликованного в период работы Платонова над «Чевенгуром»; настоящий фрагмент выглядит как перифраз эпизода, в котором Дмитрий Векшин видит «мальчика в васильковой рубашке», идущего за гробом отца, и отождествляет себя с этим мальчиком (см.: Леонов 1928, с. 221—222). Имеются и другие совпадения биографий двух героев — например, связанные с «железнодорожной» темой: Векшин, сын путевого обходчика, в годы Первой мировой войны поступает в депо обтирщиком (Там же, с. 49, 65). Как и Александр Дванов, герой Леонова не помнит матери — он представлен как бы сыном самой природы: «Иная мать вскормила его земляникой, воспестовала лишеньями, воспитала в сердце природы» (Там же, с. 392).

369 С. 28/29. ...они хоньжи! — Т. е. ханжи.

370 ...обручальное кольцо в честь забытой матери. — Пример языковой игры писателя: «неправильное» употребление слов «в честь» и «забытой» создает впечатление, будто кольцо надето не ради памяти, а именно для того, чтобы вернуть забыть мать. Кроме того, имеется неопределенность в отношении субъекта действия, обозначенного словом «надето»: с одной стороны, это явно рыбак, однако слово «матери» (т. е. жены рыбака) переносит акцент на мальчика — сына: создается впечатление, будто это он надел кольцо на палец отца.

Ср. и такую реалию, как «кольцо рыбака» — один из атрибутов сана папы Римского, связанный с «рыбацкой» символикой апостола Петра: кольцо украшено резным образом Петра в лодке, тянущего сеть (Холл 1997, с. 303).

371 ...он так грустил по мертвому отцу, что мертвый мог бы быть счастливым. — Это противоречит сказанному ранее (с. 28/28) о рыбаке: «Ни одно сердце он не огорчил своей смертью, ни одни уста его не помнили».

372 С. 29/30. ...староста ему дал чинить стенные часы, а священник — настраивать рояль. — Вариацию мотивов видим в рассказе «Глиняный дом в уездном саду»: «Попы собирались сделать подношение архиерею <...> Яков Саввич тут же выдумал часы вечного хода, идущие без завода и остановки вплоть до конца света и второго пришествия» (*Собр. соч., т. 2, с. 121*). См. 345.

373 С. 30/31. ...Захар Павлович понял тайну смешения звуков... — Фраза напоминает слова Сальери из «маленькой трагедии» Пушкина:

...Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию

(Пушкин 1974—1978,
т. 4, с. 279).

В аспекте темы «мастера» в платоновском романе вполне актуальна пушкинская коллизия гений / ремесленник. Ср. также выдвинутый в конце 20-х годов «перевальцами» тезис о том, что подлинное искусство может быть лишь «моцартианским» (см.: *Лежнев 1930, с. 18*).

374 С. 31/31. ... он дал из себя отросток щелюги... — Щелюга — ива, верба.

375 С. 31/32. ...еще стоял у паперти... — Паперть — крыльцо перед входом в церковь.

376 С. 32/33. ...далеко человеку до умельца-муравья — Этой репликой Захара Павловича завершается «пролог» романа.

[2]

377 С. 32/33. Появился Захар Павлович на опушке города... — Повествование возвращается к началу (ср. с. 23/24).

378 ...дверь чулана приперли рогачом. — Рогач — ухват.

379 С. 33/34. Мои ребята гонели постом... — Говение — полное воздержание от еды в течение двух-трех дней накануне исповеди и причащения в период поста (обычно Великого).

380 С. 34/35. ...при шестидесяти осях в составе? — Т. е. с составом из пятнадцати вагонов.

381 Откроешь тормозной кран... — Тормозной кран — элемент управления тормозом Вестингауза: кран для пуска сжатого воздуха из главного резервуара в главный воздухопровод или выпуска его из воздухопровода в атмосферу; при выпуске воздуха и понижении давления происходит торможение (колеса зажимаются колодками), при впуске — оттормаживание.

382 ...под тендером из-под колодок синее пламя бьет, вагоны в затылок прут, паровоз дует с открытым паром... — Тен-

дер — прицепленная к паровозу отдельная повозка, несущая запас воды и топлива; открытый пар — режим работы машины с максимальной мощностью.

383 С. 35/35. — А ты что завок? — Завок — загрузил, скис: от «кваситься», «кваснуть» — кинуть (см.: *Даль 1979—1980, т. 2, с. 103*).

384 За гривенник пуд, нищеврод, купил... — Нищеврод — «шатуший нищий, побирушка, попрошайка» (*Там же, с. 548*).

385 ...может, в обтирщики возьмут! — Обтирщик — рабочий, занимающийся чисткой топки, парового котла и механизмов.

386 ...лучше б я обтирочными концами закусил... — Обтирочные концы — обрезки ткани, веревок, употребляемые на производстве в качестве обтирочного материала.

387 ...машина, брат, это — барышня... <...> с лишним отверстием машина не пойдет... — Родственно-«эротическое» восприятие паровоза встречаем в ряде платоновских произведений; примечательна, например, характеристика героя в проспекте романа «Зреющая звезда» (см. ч. I): «Юноша словно одержим интимным отношением к машинам». Ср. рассказ «Старый механик»: «У него палец греется... — сказал Петр Савельич. <...> — А может, Петр, Савельич, у тебя там на дышлах либо в шатуне масло сорное! — сказала жена. — <...> ты мне всю машину искалечишь, а чего тогда с тебя взять?»; «Семья Петра Савельича была небольшая: она состояла из него самого, его жены и паровоза серии „Э“»; «А ты паровоз любила, — огорченно произнес старый механик, — и меня иногда вдобавок» (*Собр. соч., т. 2, с. 265, 267, 271*). В киносценарии «Отец-мать» машинист-негр Люсьен драматически переживает чувство к своей помощнице Жене: «Склоняет голову. Смотрит себе на грудь.

— Сердце захотело полюбить Джену!

Бьет себя кулаком по груди.

— Нельзя! Финиш! Люби паровоз» (*Отец-мать*).

Подобные черты платоновских героев заставляют вспомнить роман Э. Золя «Человек-зверь» (1890 г.), который был переиздан в составе Полного собрания сочинений (см.: *Золя 1928*) именно в период работы Платонова над «Чевенгуром»; за год до этого исполнилось 25 лет со дня смерти Золя, и эта дата довольно широко отмечалась в СССР. Любовь главного героя «Человека-зверя», Жака Лантье, к своему паровозу носит извращенный характер и может быть названа «машинофилией»: он «любил свой паровоз, как любят нежную, добрую, преданную женщину», — при том, что нормальная, естественная любовь к женщине для него недоступна, поскольку эротическое чувство сопровождается у Жака тягой к убийству (подробнее см.: *Яблоков 1995б*).

388 С. 36/36. — Сифоню. — Сифон — устройство для усиления тяги воздуха в топке (и, соответственно, ускорения сгорания топлива) при малой работе машины или на стоянке.

389 ...свой хлеб в олеонафт макать... — Олеонафт — смазочное масло, изготавливаемое из нефти.

390 ...холуй, наверное... — Современный смысл слова «холуй» — холоп, раболепствующий человек; однако Платонов постоянно использует его в ином значении: «невежа, грубый неуч» (см.: *Даль 1979—1980, т. 4, с. 541*).

391 ...стеклышко на манометре протереть... — Манометр — прибор для измерения давления пара.

392 С. 36/37. ...а они уже регулятором орудуют! — Регулятор — рукоятка прибора для регулировки количества пара, выпускаемого из котла в цилиндры.

393 С. 37/37. Какую гайку? Основную! А ты контргайку мне свернул... — Контргайка — дополнительная гайка, накрученная после основной для ее закрепления.

394 С. 37/38. Понимаешь: топка! — Топка — часть паровозного котла, внутри которой разводится огонь для образования пара; состоит из огневой коробки (собственно топки), окруженной кожухом — резервуаром для воды и пара.

395 Лежали обкатанные рельсы... — Т. е. пришедшие в негодность от долгого употребления.

396 С. 38/38. ...новый искусный мир... — Определение не только означает «ладный, мастерски сделанный», но и реализует значение «искус, искушение» — соблазн. См. также 716.

[3]

397 С. 38/38. ...старикам помирать надежней... — Фраза двусмысленна; ее положительный смысл — «умереть с надеждой на остающихся в живых» (т. е. на детей) — опосредуется парадоксальным значением «умереть надежно»: прочно, основательно и как бы «безвозвратно».

398 С. 38/39. ...он всем казался добрым человеком. Лишь почти ежегодная беременность жены его немного радовала... — Ср. в рассказе «Семен»: «Отец и мать семилетнего Семена Пономарева были люди добрые, поэтому мать постоянно рожала детей <...> — Пускай живут, — говорил отец, узнав, что жена опять понесла» (*Собр. соч., т. 2, с. 149*).

399 С. 39/39. — Паруешь, Марь Матвевна? — Ср.: паровое поле — не занимаемое в течение года посевами, «отдыхающее».

400 С. 41/41. ...хлеба со Спаса не видим!.. — Спас — название трех церковных праздников в августе; имеется в виду, вероятно, последний из них, именуемый в народе «Хлебным Спасом».

401 ...удобный и уемистый мешок из старого ряда. — Уемистый — вместительный; рядом — грубая холстина.

402 ...принес из риги жердь... — Рига — помещение с печью для сушки снопов хлеба и местом для обмолота.

403 С. 42/42. ...много хлеба на ссыпках. — Хлебная ссыпка — место хранения зерна, элеватор.

404 С. 42/43. Могилы без крестов были еще лучше... — «Лучше» — по-видимому, «интереснее» для героя.

405 С. 45/45. Купырей летом нарву... — Купырь — дягиль, высокое травянистое растение с зеленовато-белыми цветками, собранными в зонтики; стебли его съедобны.

406 ...мокрый подхлюсток! — Вероятно, от диал. «подхлюстать», захлостать подол», т. е. заляпать его грязью (*Даль 1979—1980, т. 4, с. 553*).

407 С. 46/47. Олев материну шушунку... — Шушунка, шушун — крестьянское женское верхнее платье, жакет.

[4]

408 С. 47/47. ...полудевушка Настя... — Контекстный смысл слова «полудевушка» — недозрелая, слишком юная; однако в литературном языке XIX—начала XX в. слово «полудева», «полудевушка» (калька с фр. «demivierge») обозначало девушку легкого поведения; ср. также диалектное слово «полудевка» — гермафродит (*Даль 1979—1980, т. 1, с. 509*).

409 С. 48/48. ...желвак-человек! — Желвак — затвердение, опухоль в виде шишки.

410 С. 49/49. ...когда будет месяц обмываться. — Т. е. когда будет новолуние. Слова «молодой месяц обмывается» связаны с народным представлением о том, что в новолуние меняется погода. О молодом месяце: «Новичок умылся, и нас обмоет» (*Даль 1984, т. 2, с. 337, 305*).

411 С. 49/50. ...ударил его с навеса... — Т. е. с размаху, наотмашь.

412 С. 50—51/51. Туда побежала собака и съела все... — В соответствии с правилами народной медицины, послед (плаценту) вместе с пуповиной после родов полагалось закопать под полом, под закладным бревном дома или в другом каком-нибудь «чистом» месте; нарушение этого правила, по народным представлениям, грозит болезнью роженице (см.: *Зеленин 1991, с. 321*).

413 С. 52/51. Хочешь, на гумне переночуй... — Гумно — помещение для хранения сжатого хлеба и молотбы, крытый ток.

[5]

414 С. 52/52. Захар Павлович уважал уголь, фасонное железо... — Фасонное железо — прокат, имеющий сложное поперечное сечение: угловое, коробчатое (швеллерное), тавровое, двутавровое (балки), колонное (квадратное) и др. (*ТЭ 1927—1936, т. 7, с. 746*).

415 С. 52/53. Передний паровозный скат, называемый катушкой... — Т. е. передние (т. н. поддерживающие) колеса на оси.

416 С. 53/53. ...куда его посылали за бандажами. — Бандаж — стальной обод, надеваемый на колесо и предохраняющий его ребро от износа.

417 С. 54/54. Паровоз стоял великодушный, громадный, теплый на гармонических перевалах своего величественного высокого тела. — Машина явно сравнивается с живым существом: паровоз — «лошадь будущего» (*Bethea 1989, с. 172*).

418 Где у них угол опережения своей жизни? — Машинист-наставник употребляет технический термин в значении «перспективный взгляд», «предвидение». Ср. очерк Платонова 1920 г. «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик», где он пишет о своем отце, П. Ф. Климентове: «Климентов с товарищем по работе Терентьевым (теперь уже умершим человеком) изобрели особый прибор для определения угла опережения при насадке паровозных кривошипов» (*Возвращение, с. 34*; см. также: *Песков 1931, с. 58*).

419 С. 55/55. ...чтобы прогнать резьбу в сорванной гайке. — Т. е. восстановить нарушенную резьбу.

420 ...нет ли у кого болта в три осьмушки... — Т. е. диаметром три восьмых дюйма (около 1 см). Ср. эпизод романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (гл. X): «— До чего дожились, — иронически сказал Полесов, — вчера весь город обегал, плашек три восьмых дюйма достать не мог» (*Ильф и Петров 1995а, с. 165*). Аргументом в пользу неслучайности совпадения может служить то обстоятельство, что Платонов заимствует реалию в диаметрально измененном виде (плашка служит для нарезки внешней резьбы, болт — в данном случае — для восстановления резьбы внутренней): подобное «переворачивание» заимствованных деталей из романа «Двенадцать стульев» прослеживается и в другом эпизоде «Чевенгура» — см. 664; можно предположить, что это род литературной игры.

421 С. 56/56. ...менять контрольные пробки в котле паровоза... — Легкоплавкие пробки в верхней части топки (в потолке огневой коробки), которая окружена водой, служат для предохранения от перегрева: при критически низком уровне воды над потолком пробки плавятся и через образовавшиеся отверстия вода из котла заливает топку.

[6]

422 С. 59/59. — А ты нито дядя Захарка? — Нито — что ли.

423 ...хотя бы и негодное в отделку. — Т. е. в обработку.

424 ...похожий на лишенного звания монастырского послушника... — Послушник — готовящийся стать монахом прислужник в монастыре.

425 С. 61/60. ...теперь давай денег за Сашку! — Отсюда берет начало проходящий сквозь весь роман мотив «продажи», «выкупа» (ср. заключительный фрагмент «Чевенгура» — с. 411/398).

426 С. 62/62. Он снял номер в проходной будке и затем повесил его обратно. — Здесь «номер» — индивидуальный регистрационный жетон.

427 ...после смерти последнего мастера оживут последние сволочи, чтобы пожирать растения солнца и портить изделия мастеров. — Заметим, что эта мрачная перспектива — как бы предсказание будущей истории «солнечной» Чевенгурской коммуны.

[7]

428 С. 63/63. ...но всегда живьем тушили огонь... — Т. е. на ранней стадии.

429 С. 64/63. «...в могиле гнить не будешь и не провоняешь никогда!» — Стилистически маркированное слово «провоняешь» отсылает к эпизоду смерти старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» и мотиву ожидания чуда — нетленности его тела: когда надежда на чудо оказывается напрасной, отшельник отец Ферапонт, юродствуя, заявляет: «Покойник, святой-то ваш, <...> чертей отвергал. <...> А днесь и сам провонял» (*Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 303*). Сам Достоевский в письме к Н. А. Любимову от 16 сентября 1879 г. так комментировал это слово: «Выговаривает его отец Ферапонт, а он не может говорить иначе, и если б даже мог сказать: *пропах*, то не скажет, а скажет *провонял*» (*Там же, т. 30, с. 126*).

[8]

430 С. 65/65. Поезда начали ходить очень часто — это наступила война. — Ср. финальный эпизод романа Золя «Человек-зверь» — паровоз, ведущий воинский эшелон, остается без управления: «Капризная и упрямая машина могла, наконец, дать себе полную волю. <...> Что могли значить для паровоза попадавшиеся на его пути жертвы, которые он немедленно уничтожал! Разве не мчался он к будущему, не обращая внимания на пролитую кровь? Он мчался во мраке, без всякого руководителя, словно слепой и глухой зверь, брошенный в смерть. Он несся, увлекая за собой поезд, нагруженный пушечным мясом, солдатами, которые, одурев от усталости и водки, орали во все горло песни» (*Золя 1928, с. 520, 522*).

431 С. 66/66. ...еще более безымянными, чем он сам. — Т. е. безвестными, неведомыми.

432 С. 67/67. ...набивал сальники в цилиндрах... — Сальник — уплотняющее приспособление, препятствующее прорыву пара из цилиндра.

433 ...чтобы из них не капали во всеуслышание слезы. — Вследствие «неправильной» сочетаемости слов создается впечатление, что окружающие могли услышать звук капающих слез — словно он был чрезвычайно громким.

434 С. 68/68. — Чего вы стоите и плачете, когда гудка не было! — Т. е. в рабочее время, вместо того, чтобы заниматься делом.

435 ...грязной, испорченной на работе рукой. — «Испорченной» — по-видимому, не только «травмированной», «раненой», но и «испачканной» (из-за соседства со словом «грязной»).

436 — Нового человека соберись и сделай... Гайку, сволочь, не сумеешь, а человека моментально... — Данное высказывание рассчитано не только на буквальное понимание, но отсылает к одной из самых распространенных метафор в политической фразеологии 20-х годов. Ср.: «А человека улучшить неужели не сможешь? Нет, сможем! Выпустить новое, „улучшенное издание“ человека — это и есть дальнейшая задача коммунизма» (*Троцкий 1927, с. 110*); «Человек приметя наконец всерьез гармонизировать себя самого. <...> Человеческий род, заставший homo sapiens, снова поступит в радикальную переработку <...> Человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять себя на новую ступень — создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно — сверхчеловека» (*Троцкий 1991, с. 196—197*).

Мотив «нового» человека неоднократно возникает и в публицистике самого Платонова. Например, в статье 1920 г. «Нормализованный работник» предлагалось «создание путем целесообразного воспитания строго определенных рабочих типов», «решение вопроса о трудовой нормализации членов общества, их нарочном воспитании, искусственном развитии характеров, соответствующих производственным целям общества»: «С первого вздоха два ребенка должны жить в разных условиях, соответствующих целям, для которых их предназначает общество. Если один ребенок будет со временем конструктором мостов, а другой механиком воздушного судна, то и воспитание их должно соответствовать этим целям, чтобы механик атмосферного судна чувствовал себя среди моторов, в своем специфическом трудовом процессе счастливым, как в рубашке по плечам. Иначе говоря, чтобы он был в своей полной органической норме, психофизиологической гармонии с внешней средой. И тогда его производство будет в высшей степени продуктивным, чего и добивалось коммунистическое общество от этого своего члена» (*Чутье правды, с. 136—137*). И в 1926 г., в неопубликованной статье «Питомник нового человека», Платонов писал: «Если мы хотим вырасти выше капитализма, то наш человек должен быть биологически лучше

оборудован, чем человек капитализма. То есть он должен иметь лучший мозг. И притом лучший мозг в непосредственном биологическом смысле. Марксизм знает, как податлив человек, даже биологически, под влиянием социальных и экономических условий. Сейчас мировые и исторические условия для человека советских стран таковы, что ему нужно подаваться в сторону выращивания своего мозга или быть растертым капитализмом. В этом — внутренне-биологическое последствие Октябрьской революции» (*Жить ласково...*, с. 150).

437 ...при перегонке холодного паровоза, сцепленного с горячим... — Т. е. паровозов, соответственно, с неразожженной и разоженной топками.

438 С. 69/69. Для Саши — в ту пору его ранней жизни <...> не повторявшаяся в будущем... — Здесь впервые в романе наблюдаем пример того, как повествователь дистанцируется во времени от изображаемых событий, оценивая их «из будущего».

[9]

439 С. 70/70. Колосники затекают — уголь плохой... — На колосниковой решетке в нижней части паровозной топки лежит горящее топливо; всякое топливо имеет негорючие примеси — шлаки, причем некоторые из них легко плавятся и заливают колосники — тогда доступ воздуха в топку почти прекращается и топливо горит плохо.

440 ...тяни спрохвала. — Спрохвала — полегоньку, исподволь.

441 Посмотри мне в сальник — туго затянули, поршневую скалку нагрею на ходу. — Т. е. имеет место чрезмерное трение между штоком (скалкой) поршня и вкладышем сальника (см. 432).

442 Отдавал болты на сальнике. — Т. е. ослаблял затяжку болтов.

443 ...все равно на ходу парят. — Т. е. пропускают наружу пар, протекают. Ср. в рассказе Платонова «Корова»: «Пар пробил набивку в сальнике поршневого штока и при каждом ходе поршня вырывался наружу» (*Собр. соч., т. 3, с. 243*).

444 ...там шток посредине разработан... — Т. е. диаметр средней части штока от трения уменьшился, и через зазор между ним и вкладышем сальника прорывается пар. Поршневой шток (скалка) — стержень, на который насаживается диск поршня; другим концом шток соединен с крейцкопфом (ср. фамилию главного героя платоновской повести «Лунная бомба» — Крейцкопф), через который движение поршня передается шатуну и кривошипу ведущего колеса.

445 С. 71/71. ...которым он позднее все равно не последовал. — Пример дистанцирования повествователя во времени.

446 С. 72/72. ...у паровоза серии Ще... — Серия паровозов Щ была разработана при непосредственном участии Комиссии подвижного состава и тяги под руководством проф. Н. Л. Щукина; являлась модификацией серии Ш, которую имели товарные паровозы Владикавказской и Китайско-Воронежской железных дорог. К серии Щ принадлежали паровозы, имеющие одну пару передних поддерживающих колес, четыре пары движущих колес и не имеющие задних поддерживающих колес; они были оснащены двухцилиндровой машиной компаунд, принцип действия которой состоит в том, что пар, совершивший работу в первом цилиндре (цилиндр высокого давления), переходит во второй (цилиндр низкого давления) и также производит в нем работу: там самым достигается экономия пара и топлива.

447 ...ум — это слабосудная сила... — Слабосудная — по-видимому, недейственная: не объясняющая и не влияющая на реальность.

448 С. 73/73. Но в одну октябрьскую ночь он услышал стрельбу в городе... — Захват власти большевиками в Воронеже произошел 30 октября (по ст. ст.) 1917 г. (см.: *Октябрьская революция 1927, с. 50*).

449 Одни отвечали, что счастье — это сложное изделие, <...> которая будет длиться вечно. — М. Геллер полагает, что речь идет о партиях социал-демократов (меньшевиков) и социалистов-революционеров (эсеров) (*Геллер 1982, с. 184*).

450 У религии и то было торжество православия... — Торжество православия — церковный праздник, отмечаемый в первое воскресенье Великого поста; его возникновение связано с победой над иконоборчеством и восстановлением иконопочитания в Византии (IX в.).

451 С. 74/74. ...весь мир окончательно построит... — Возможно, это реминисценция из «Интернационала»: «Мы наш, мы новый мир построим».

452 С. 76/75. — Имущество надо унижить... — Слово «унижить» буквализируется, обнажая «внутреннюю форму»: «снизить, уменьшить»; однако сохраняется и нормативный смысл: отнестись пренебрежительно, умалять значение.

453 — А людей оставить без призора... — Фраза звучит двусмысленно: герою состояние «без призора» представляется идеальным, но для читателя неизбежна ассоциация со словом «беспризорный», имеющим устойчиво негативное значение.

454 ...просто себе сдельная жизнь! — Ср. в Словаре Даля: сделка — соглашение, полюбовные мирные взаимные обязательства по согласию; сдело — успешный конец, удача; сделье, сдельная работа — побочная, случайная работа, кроме главной (*Даль 1979—1980, т. 4, с. 168*).

455 С. 76/76. ...он думал о том кронциркуле, которым можно было бы проверить большевиков. — Кронциркуль — ин-

струмент в виде циркуля для определения наружных размеров деталей.

456 С. 78/77. ...не надо этим делом нарочно заниматься... — Т. е. самоцельно.

457 С. 78/78. ...но постепенно находя себе утешение. — Здесь завершается фрагмент, публиковавшийся при жизни автора романа под заголовком «Происхождение мастера». Ср. в ранних статьях Платонова: «Что значит мастер-коммунист? <...> Это значит изобретатель, искатель новых лучших методов труда»; «мастер — начало художника» (*Чутье правды*, с. 122, 128).

Не всеми исследователями смысл данного названия понимается одинаково; расхождение вызывает прежде всего вопрос о том, кого именно имел в виду Платонов под словом «мастер». «Главный герой романа „Чевенгур“ — Александр Дванов — мастер» (*Шубин 1987а*, с. 210). «„Происхождение мастера“ — в этом названии сказывается традиция воспитания героя романа Александра Дванова и его самобытной позиции в мире среди других человеческих позиций и отношений к жизни и как бы из них» (*Бочаров 1991*, с. 456). Е. Краснощекова тоже считает, что в заглавии подразумевается Александр Дванов, который «недаром поименован высоким словом — „Мастер“: его сердце вместило в себя и влюбленность в механизмы, и влечение к людям» (*Краснощекова 1978*, с. 11). Как утверждает М. Геллер, «под „мастером“ Платонов, по-видимому, имел в виду себя»; исследователь полагает, что «мастером» «не может быть Захар Павлович, человек с золотыми руками, потерявший интерес к жизни и работе, ибо не нашел идеи, которая могла бы наполнить пустоту в его сердце. Им мог бы быть Саша Дванов, вступивший в партию и вдохновленный идеей немедленного сооружения рая на земле. Но Саша умирает в конце романа, кончает самоубийством, ибо разочаровывается в утопии, которую строил, и возвращается к отцу, воскресить которого не смог» (*Геллер 1982*, с. 182).

Заметим, что в самом романе «мастером» прямо назван именно Захар Павлович (см. с. 90/89); кроме того, на своеобразном платоновском языке слово «происхождение» означает не только «генезис», но и нечто прямо противоположное — «исход», «избывание», «исчерпание»: в этом смысле оно тоже вполне адекватно образу Захара Павловича, ставшего мастером — и переставшего им быть: «от душевного смущенья действительно терял свое усердное мастерство» (с. 62/62).

Приведем также суждение Т. Богдановича: «Наименование рода занятий в названии произведения создает „праобраз“ дела, которым занят человек. Семантическое поле этого понятия не ограничивается обозначением конкретной профессии. Скорее это „образ-понятие“, определение трудовой деятельности человека вообще. <...> Человек призван „объять необъ-

ятное“ даже тогда, когда это в принципе невозможно. Хотя это необъятное и иррационально для героя, именно оно призывает его к действию, манит и одновременно исчезает, как сон, как призрачная идея той могучей новой и непостижимой энергии, которая движет мир стальной машины» (Богданович 1988, с. 13—14, 15). С этой точки зрения, «мастерство» — квинтэссенция «человечности»; кстати, заголовок «Происхождение мастера» вызывает ассоциации с названием труда Ч. Дарвина «Происхождение человека» (Вьюгин 1995б, с. 109), а в начале 20-х годов Платоновым была написана статья «Дарвин» — по-видимому, утерянная (см.: Переписка с Госиздатом, с. 446).

Нам представляется, что платоновский образ «мастера» мог быть связан и с одной из центральных метафор Бергсона — «*Homo faber*» (человек-мастер); основным видовым признаком человека Бергсон считает способность к «фабрикации»: «Если бы мы могли отбросить все сомнение, если бы, при определении нашего вида, мы точно придерживались того, что исторические и доисторические времена представляют нам как постоянную характеристику человека и интеллекта, мы говорили бы, возможно, не *Homo sapiens*, но *Homo faber*. Итак, интеллект, рассматриваемый в его исходной точке, является способностью фабриковать искусственные предметы, в частности орудия для создания орудия, и бесконечно разнообразить их изготовление» (Бергсон 1998, с. 154). Отметим, что Н. Трубецкой связывал слово «faber» с рус. «добрый» через общую сему «ловкости, приспособленности», «адекватности идее» (ср. «доброе вино»); в статье «Верхи и низы русской культуры», напечатанной в 1921 г. в сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев», он, в частности, писал: «Прилагательное *добрь* (нем. TAPFER, лат. FABER из индоевр. DHABROS) первоначально было лишено этического смысла и обозначало чисто техническую „добродетель“, ловкость, приспособленность к известной работе» (Трубецкой 1992, с. 335).

[10]

458 С. 78/78. Город Новохоперск... — В прижизненных публикациях фрагментов романа Платонов употреблял, наряду с этим, название «Урочев» (см.: Лангерак 1987б, с. 478—480). По замечанию Л. Шубина, оно напоминает названия реально существовавших в Воронежской губернии слобод Уразово и Урыв (см.: Шубина 1994, с. 150). Использование реального топонима «Новохоперск» не противоречит стилю платоновского романа: «При всей необычности происходящих событий они у Платонова происходят в конкретном пространстве — времени. Герои живут и действуют в Воронежской губернии (даже названий местности автор не изменяет): появляются, таким обра-

зом, связанные с его биографией Лиски, Новохоперск, Волошино и другие» (Sliwowsky 1983, с. 70; см. также 307).

459 Но учитель Нехворайко <...> потому что их лошади были босые. — Здесь видим практически полное текстуальное совпадение с фрагментом письма Платонова к жене (см.: *Письма*, с. 383).

460 ...пожаловались на отсутствие бязи для красноармейского белья... — Бязь — плотная хлопчатобумажная ткань.

461 — Революция — рыск: не выйдет — почву вывернем и глину оставим, пусть кормятся любые сукины дети, раз рабочему не повезло! — Ср. уже цитировавшийся (см. 329) диалог персонажей пьесы Андреева «Савва»:

«Савва. Будут люди лучше, свободнее, веселее. И, свободные от всего, голые, вооруженные только разумом своим, они сговорятся и устроят новую жизнь, хорошую жизнь, Кондратий, где можно будет дышать человеку.

Кондратий. Любопытно. Только позвольте сказать вам, Савва Егорович... народ — он хитрый, припрячет что-нибудь или как. А потом, глядь, на старое и повернули, по-старому, значит, как было. Тогда как?

Савва. По-старому. (Мрачно.) Тогда совсем надо его уничтожить. Пусть на земле совсем не будет человека. Раз жизнь ему не удалась, пусть уйдет и даст место другим» (Андреев 1990—1996, т. 2, с. 405). Можно обратить внимание на тематическую связь этого диалога с фрагментом книги Ницше: «Если вам не удалось великое, значит ли это, что вы сами — не удались? И если не удались вы сами, не удался и — человек? Если же не удался человек — ну что ж! <...> Чем совершеннее вещь, тем реже она удается. О высшие люди, разве не все вы — не удались? <...> Что ж удивительного, что вы не удались или что удались наполовину, вы, полуразбитые! Не бьется ли и не мечется ли в вас — будущее человека? <...> Учитесь смеяться над собой, как надо смеяться! О высшие люди, сколь многое еще возможно!» (Ницше 1990, т. 2, с. 211—212). См. также 202, 203.

462 С. 79/79. Десять или более безымянных людей... — Т. е. их имена не были известны Дванову.

463 ...и двух классных вагонов. — Т. е. пассажирских.

464 С. 80/80. «Наша надежда стоит на якорю на дне морском»... — Переосмысленная цитата из «Послания к евреям» ап. Павла: «Твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за предлагающую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий» (Евр. 6, 18—19). Обратим внимание и на смысловую переключку надписи с мотивом пойманной, но не вытешенной рыбы (см. 286, 288, 291).

465 ...писал неизвестный военный странник... — Ср. финал лермонтовской «Тамани», где Печорин называет себя «странствующим офицером» (Лермонтов 1969, т. 4, с. 252).

466 С. 83/82. Сколько раз он встречал <...> и исчезнуть в воздухе степи. — Пример дистанцирования повествователя во времени.

467 С. 84/84. ...быстрая отсечка пара из трубы... — Т. е. частые выхлопы отработанного пара (отсечка — прекращение выпуска свежего пара в цилиндр).

468 С. 85/84. Вестингауз не действовал... — Т. е. тормоз системы Вестингауза (см. 381).

469 Оставался обратный ход: контрпар. — Контрпар применяется при экстренной остановке паровоза: свежий пар из котла выпускается в цилиндр навстречу движению поршня и таким образом тормозит его; для этого переводной рычаг или винт переводится в положение, соответствующее обратному движению паровоза.

470 ...начал переводить реверсивную муфту на задний ход <...> еле осилил тугой червячный вал. — Винтовой реверс — приспособление для перестановки кулисного механизма при обеспечении движения паровоза передним или задним ходом. Червячный вал — вал с винтовой нарезкой, при вращении которого (вручную, с помощью рукоятки) по нему передвигается муфта — гайка с прикрепленным к ней концом переводной тяги, соединяющей золотник с эксцентриком переднего или заднего хода.

471 С. 85/85. ...паровоз его взял с пробуксовкой, ударив водой в трубу. — Т. е. вследствие предельного давления вода из котла вместе с паром поднялась до уровня трубы.

472 ...порвал крышки у цилиндров... — Т. е. сорваны крепления заглушек, которыми цилиндры закрыты с торцов. В пьесе «Высокое напряжение» Абраментов во время аварии говорит: «Перекачали в компрессорной. Крышки цилиндров порвало» (*Высокое напряжение*, с. 164). Ср. также в рассказе «На заре туманной юности» диалог наставника и ученицы:

«— А вот если я сейчас разгоню машину вперед, а потом как шарахну реверсом назад, а регулятор оставлю на всем открытым, — предлагал Подметко, — то что у меня тогда получится?

— Если ты продувных кранов не откроешь, крышки цилиндров порвешь, либо поршневой шток согнешь, либо дышла искалечишь, — сообщила ему Ольга» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 223).

473 ...давал по три свистка, прося у бригады ручных тормозов. — Т. е. подавал сигналы, чтобы члены поездной бригады воспользовались аварийными стоп-кранами в вагонах.

474 С. 86/85. ...на непривычных, опасных ногах... — Здесь «опасный» — не только «вызывающий опасения, ненадежный», но и «осторожный, опасаящийся». См. также 604.

475 С. 86/85—86. Оба паровоза резали сиренами и предохранительными клапанами... — Т. е. пар со свистом выходил через клапаны.

476 С. 86/86. ...только рама согнулась... — Рама — конструктивная база паровоза: спаренные продольные металлические балки, на которых установлены котел и машина; рессорная подвеска соединяет раму с колесными осями.

477 ...врезался колесами в балласт. — Балласт — верхний слой железнодорожного полотна (щебень, гравий или песок), на который укладываются шпалы.

478 ...колесные скаты их лежали на тендере паровоза. — Скат — ось с напесованными на нее колесами.

479 С. 87/87. — Ох и скучно мне — нету никого со мной! <...> Закрой мне зрение! <...> Но глаза не закрывались, а выгорали и выпцетали, превращаясь в мутный минерал. В его умерших глазах явственно прошли отражения облачного неба — как будто природа возвратилась в человека после мешавшей ей встречной жизни... — Ср. в пьесе «Высокое напряжение» слова гибнущего Распопова: «Где товарищи, я ничего не вижу... Мне скучно одному» (*Высокое напряжение*, с. 174).

Мотив «возвращения» природы в человека, оставленного жизнью, напоминает суждение Бергсона: «Жизнь есть движение, материальность есть обратное движение <...> материя, формирующая мир, есть неделимый поток, неделима также и жизнь, которая пронизывает материю, вырезывая в ней живые существа» (*Бергсон 1998*, с. 246—247).

480 ...он думал, что путевые сторожа спокойны и умны в своем уединении. — В свете метафоры «паровоз истории» образ путевого сторожа также приобретает символическое значение: это человек, стоящий как бы в стороне от исторического процесса, причастный вечности.

481 С. 88/88. ...так Дванов его больше и не увидел и не увидит никогда. — Пример дистанцирования повествователя во времени.

[11]

482 С. 90/89. ...а то я здесь один остался. — Обратим внимание, что никак не объяснено исчезновение жены Захара Павловича, Дарьи Степановны.

483 ...уткнувшись лицом в печурку... — Печурка — небольшое углубление в печной стене для спичек, мелких вещей и т. п.

484 В минуты сознания Дванов лежал пустой и засохший <...> и прижимал себя к постели, ему казалось, что он может полететь, как летят сухие, легкие трупки пауков. — Ср. в пьесе «Высокое напряжение» слова Мешкова: «Я весь уже легкий, скучный, как усталое насекомое, которое несется ветром в старую осень» (*Высокое напряжение*, с. 176). В «Котловане»: «Мужик-то который день уткнулся и лежит... Баба, говорит, посуй мне пищу в нутрё, а то я весь пустой лежу, душа ушла изо всей плоти, улететь боюсь — клади, кричит, какой-нибудь

груз на рубашку. Как вечер, так я ему самовар к животу при-
вязываю» (*Взыскание погибших*, с. 236—237).

«Мотив падения вверх, встречающийся нередко в русской поэзии начала века, проступает у Платонова как реальная, хотя и невероятная возможность» (*Карасев 1994*, с. 117). Ср. в рассказе «Неодушевленный враг» состояние героя-рассказчика после выхода из «могилы» на поверхность земли: «Мы оба лежали, точно свалившиеся в пропасть с великой горы, пролетев страшное пространство высоты молча и без сознания» (*Собр. соч.*, т. 3, с. 67).

Данный эпизод «Чевенгура» напоминает описание болезни Никиты в рассказе «Река Потудань»: «Сильный жар уносил его в своем течении вдаль ото всех людей и ближних предметов <...> Болезнь все время стремилась увлечь его на сияющий, пустой горизонт — в открытое море» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 190).

485 ...с фланцами и болтами... — Фланец — отогнутая под углом кромка с отверстиями под болты для соединения деталей (в данном случае — крышки с гробом).

**486 С. 92/91. Захар Павлович потихоньку вынес гроб и рас-
колот его на топку. «Теперь надо детскую качалку сделать. —
думал он...** — Платоновым подробно разработана «художественная мифология смерти = рождения, связанной с древнейшей семантикой рождающей и хоронящей Матери-земли и почвенно-хтоническим контекстом старинных мифологем „колыбели = могилы“, „смерти = обновления“ <...> Мифологема „колыбель = гроб“ занимает в русской классике обширное пространство от масонов и Пушкина („И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть“) до Чехова („Ионыч“) и Мандельштама („И вальс из гроба в колыбель / Переливающей, как хмель“). На рубеже веков и в начале XX в. эту тему разрабатывает символизм. <...> Ср. у Флоренского: „Колыбель потому и колыбель, т. е. почка жизни, а не просто малая кровать, что она же и гроб“ <...> Старинная мифологема могилы, чреватой новой жизнью, усилила свое присутствие в массовом сознании XX в. За гробом В. Ленина несли плакат: „Могила Ленина — колыбель человечества“. <...> Ср. в „Котловане“ гротескно-ироническое остранение образа „колыбели-гроба“: Чиклин отдает один из припасенных героями повести впрок гробов малолетней девочке, из него устраивается „постель на будущее время, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок“» (*Исупов 1992*, с. 106—107). Амбивалентность «смерти-рождения» отмечалась в эпизоде гибели машиниста-наставника (см. 96).

[12]

487 С. 92/92. ...предгубисполкома Шумилина... — Предгубисполкома — председатель исполнительного комитета губернского Совета рабочих и крестьянских Депутатов.

488 ...чертил ветряной двигатель, который будет тянуть за веревку плуг и пахать землю под хлеб. — Подобное устройство будет изображено в платоновском рассказе военных лет «Ветер-хлебопашец» (см.: *Собр. соч., т. 3, с. 117*).

489 С. 95/94. — Цветы и так любят почти все, а чужих детей редко кто, только родители. — Возможна связь с афоризмом «Дети — цветы жизни». Обратим внимание на логическое противоречие во второй части фразы героини: в сущности, родители ведь тоже любят не чужих детей, а лишь своих.

490 Дворник числился тогда санитаром двора... — Пример дистанцирования повествователя во времени.

[13]

491 С. 96/95. Выходя на водоразделы... — Водораздел — возвышенность, разделяющая бассейны рек, сток вод по двум противоположным склонам.

492 С. 97/96. ...люди селились по следам воды <...> на высоте водораздела. — Ср. в «бедняцкой хронике» Платонова «Впрок»: «Я видел в зерновых районах не меньше ста громадных сел, и все они согнаны на водопой в низы — в долины речек, в балки и прочие провалы рельефа.

Высокие же, самые тучные земли — далеки и пустынные» (*Возвращение, с. 109*). Эти мотивы напоминают о профессии Платонова, который в 20-х годах работал мелиоратором и гидротехником. Вопросов мелиорации, орошения Платонов неоднократно касался в ранней публицистике, например, в статье 1924 г. «Человек и пустыня» (*Возвращение, с. 49—51*). Фрагменты не публиковавшейся при жизни писателя статьи середины 20-х годов «Страна бедняков (Очерки Черноземной области)» близко напоминают описания в «Чевентуре»; ср.: «Села расположились и разрослись в древних долинах рек у природной воды. Огромное большинство населения живет в многодворных поселениях, где число дворов достигает 1000 и выше» (*Страна бедняков, с. 354*).

Следует упомянуть о значительном влиянии на писателя идей В. В. Докучаева — русского ученого-естествоиспытателя, основателя современного научного генетического почвоведения и комплексного исследователя природы, учителя В. И. Вернадского. В 1892 г., в связи с тяжелыми неурожаями 1891—1892 гг. (голод 1891 г. стимулировал и размышления Н. Федорова о «регуляции метеорического процесса» (см., напр.: *Федоров 1995—1997, т. 1, с. 38—41; т. 2, с. 267—276*)), Докучаев в книге «Наши степи прежде и теперь» обосновывает мероприятия по борьбе с засухой, предлагая «комплекс мер воздействия на всю природу степной зоны: создание системы полезных лесных полос; регулирование рек; укрепление оврагов; устройство системы прудов и водоемов; снегозадержание и регулирование стока талых вод, борьба с эрозией почв и др.»

(СХЭ 1971, т. 2, стб. 325). В 1892—1895 гг. под руководством Докучаева проводились работы по рациональному ведению лесного и водного хозяйства на трех опытных участках, один из которых — Хреновский («Каменная степь»), в междуречье Волги и Дона, — располагался на территории Воронежской области. Б. Бобылев вспоминал лето 1922 г. в Воронеже, когда Платонов проводил свободное время на опытном орошаемом огороде неподалеку от города: «У Андрея был на участке шалаш <...> В дни наших встреч он превращался в своеобразный клуб или агитпункт. Здесь велись беседы на самые разнообразные темы... Мне особенно запомнился его рассказ о великом ученом-естествоиспытателе В. В. Докучаеве <...> Андрей в подробностях знал работу Каменно-Степной опытной станции, созданной Докучаевым» (Бобылев 1978, с. 136).

493 С. 98/97. — Надо же вас на чистую воду в степь вывести! — Обратим внимание на контаминацию переносного и прямого смыслов словосочетания «выводить на чистую воду»: «разоблачать» — и «переселять ближе к чистой воде».

494 С. 98/98. ...покуда кора не заголится. — Т. е. потрескается и задерется.

495 С. 99—100/98—99. Две девочки походили уже на баб <...> какими-то тягостными, стыдными существами. — При всей важности для Платонова понятия «сиротство», его отношение к рано повзрослевшему ребенку неоднозначно. Ребенок, имеющий родителей, но до времени взрослеющий в силу их жизненной беспомощности (в т. ч. Прошка Дванов или Захарка из рассказа «Семен»), выглядит существом деспотичным и несколько извращенным. К персонажам того же типа принадлежит Петрушка из рассказа «Возвращение», однако авторское отношение к нему в целом позитивно, как и к Семену из одноименного рассказа.

496 С. 100/99. Варя собрала овчинные гуни... — Гуни — обноски, ветошь, тряпье.

497 ...зрели влекущие звезды. — Ср. заголовок задумывавшегося Платоновым в середине 20-х годов романа — «Зреющая звезда» (см. ч. I).

498 С. 101/100. На дворе вызвездило — дорога поусадистей пойдёт! — Усадистый — плотный, массивный, толстый.

499 ...как дорога провянет — так война начинается! — Провянет — высохнет.

500 Ништ, стал бы каждый женщину мучить... — Ништ — неужто, разве.

501 ...с таким карогодом? — Карогод — хоровод.

502 С. 102/101. Нюжли Советская власть по усердию судит? — Нюжли — неужели.

503 Ей тогда удобней разверсткой крыть! — Разверстка, продразверстка — государственная система заготовок сельхозпродуктов в годы «военного коммунизма» (1919—1921 гг.): обязательная, часто принудительная, сдача крестьян-

нами по твердым ценам всех излишков (оставшихся сверх установленных норм на личные нужды). Разумеется, крестьяне всеми силами сопротивлялись изъятию их продукции: так, на пленуме Воронежского Губпрофсовета 9 февраля 1921 г. констатировалось, что продразверстка по губернии за 1920 г. выполнена лишь на 54% (*Пленум Губпрофсовета 1921, с. 12*).

504 ...русский — это человек двухстороннего действия. Он может жить и так и обратно и в обоих случаях остается цел. — В ранней редакции романа этот афоризм принадлежал персонажу, отсутствующему в «Чевенгуре» (Геннадий), и пояснялся фразой повествователя: «Геннадий намекал на революцию: ею русский народ запущен наоборот, против законов жизни, и ничего — действует» (*Строители страны, с. 346*).

Ср. характеристику толстовского Платона Каратаева: «Часто он говорил совершенно противоположно тому, что он говорил прежде, но и то и другое было справедливо» (*Толстой 1928—1958, т. 12, с. 50*). Бердяев также подчеркивал в русском национальном характере сочетание диаметрально противоположных качеств: «Достоевский отражает все противоречия русского духа, всю его антиномичность, допускающую возможность самых противоположных суждений о России и русском народе. <...> Русские люди, когда они наиболее выражают своеобразные черты своего народа, — апокалиптики или нигилисты. Это значит, что они не могут пребывать в середине душевной жизни, в середине культуры, что дух их устремлен к конечному и предельному. <...> Антиномическая полярность русской души совмещает нигилизм с религиозной устремленностью к концу мира, к новому откровению, новой земле и новому небу. Русский нигилизм есть извращенная русская апокалиптичность» (*Бердяев 1968, с. 12—14; Бердяев 1990, с. 38*).

С другой стороны, обратим внимание на оценку Бергсоном объясняющей способности интеллекта в его традиционном («кантовском») понимании: «Материя послушно повинуетеся нашим рассуждениям; но эта материя, в том, что в ней есть умопостигаемого, — наше собственное творение: реальности «в себе» мы не знаем, и никогда ничего о ней не узнаем, ибо мы постигаем только ее преломление сквозь формы нашей способности восприятия. Если мы хотим что-либо утверждать о ней, тотчас возникает противоположное утверждение, равно доказуемое, равно вероятное» (*Бергсон 1998, с. 209*).

[14]

505 С. 103/101. ...ее пересыпали овражные выносы... — Т. е. то, что было вынесено ручьями, стекающими в реку по береговым расщелинам, оврагам.

506 С. 103/102. ...непохожее на его чувство сознания. — Ср. фрагмент из наброска романа «Зреющая звезда» (см. ч. I): «Все

идет в резких линиях: что задумано, то и делается: мысль становится сердечным чувством и поведением. В этом отличие рабочей психики от всякой иной». Образы-понятия «чувство мысли», «сердечный ум», «сердечная мысль» в эти же годы использовал М. Пришвин.

507 С. 104/103. Слазь к безначальному народу! — Образ анархистского «красно-зеленого» партизанского отряда присутствует также в рассказе Платонова «Иван Жох».

508 С. 105/104. ...и шевелилась колкими остьями крыльев. — Остье, ость — острие, игла, шип.

509 С. 106/104. Рука была большая и горячая. <...> без соот-ветствия покою жизни, хранившемся в его руке... — «Жар убивающей руки и ответная ласка руки жертвы — это близость рук, как бы отделенных от голов, замысляющих убийство <...> В руке убийцы хранится смерть <...> но рука — сердечнее головы, давшей приказ убивать. <...> Противопоставляя руку и голову, инстинкт и интеллект, Платонов видит в инстинкте, который символизирует руку, силу убивающую, но и связывающую людей, в интеллекте, рождающем идеи, — силу, убивающую и разъединяющую людей» (Геллер 1982, с. 192, 222).

510 С. 106/105. ...отряд не банда, а анархия! — На творческом вечере в ВССП 1 февраля 1932 г. Платонов, в частности, говорил: «Я не знаком с анархическим движением организационно. <...> Литературу анархическую я читаю — Кропоткина, но не стоял близко к анархистам» (*Стенограмма*, с. 298). Вместе с тем одна из первых статей Платонова — «Об искусстве» — была опубликована в журнале «Жизнь и творчество русской молодежи» (1919, № 19), который был органом Всероссийской федерации анархической молодежи, — правда, в «Декларации» журнала отмечалось, что Федерация не принимает участия в политической жизни русского анархизма и не разделяет его тактики (см.: *Возвращение*, с. 198). См. также: Вьюгин 1995б. Проследивая контакты между анархистами и пролеткультовцами, имевшие место в 1918—1920 гг., Л. Геллер высказывает предположение, что идеи анархизма могли дойти до Платонова через пролеткультовские круги (Heller 1998, с. 145). Но уже в 1920 г., в статье Платонова «Анархисты и коммунисты», не заметно никакого сочувствия анархизму: «Анархизм <...> есть утверждение капитала, старых форм, топтание на месте, его простое развертывание, желание одного человека победить других и стать „свободным“ человеком — буржуем и даже сделать из себя Бога» (*Чутье правды*, с. 127).

Добавим, что через полтора месяца после выхода этой статьи, 22 января 1921 г., газета «Воронежская коммуна» информировала о состоявшемся 17 января в Большом советском театре Воронежа диспуте «Анархизм и коммунизм»; основным докладчиком на нем был В. А. Поссе (см. 144), который, по словам газетного отчета, «защищал ту мысль, что анархизм и коммунизм — не враги, а друзья, что учение о безвластии и

общинной жизни близки друг к другу по своему идеологическому построению, что и в учении Маркса, и в сочинениях Ленина мы находим элементы анархизма. Лично себя докладчик относит к той группе коммунистов, которые страдают детской болезнью левизны». Тема диспута, вероятно, должна была привлечь Платонова, однако в газетном отчете он не назван среди выступавших. Кстати, касаясь возможных реминисценций из книги М. Штирнера «Единственный и его собственность» в платоновском романе (см. 132, 185), можно отметить, что Поссе был одним из пропагандистов анархических идей Штирнера; так, Горький в письме Груздеву от 7 января 1930 г. сообщает, что Поссе в свое время «обрабатывал его Штирнером», и называет его в числе прототипов своего Клим Самгина: «На днях прочитал его книгу. Зеркало, в котором он видит себя, превосходно увеличивает и украшает фигуру. <...> Поссе — один из тех моих современников, которым особенно не понравится Самгин» (*Горький 1968—1975, т. 25, с. 56—57*). См. также 235.

Конечно, полемика социал-демократов с анархистами велась еще до рождения Платонова; одна из основополагающих работ такого рода — брошюра Плеханова «Анархизм и социализм» (1894 г.), автор которой писал, что анархисты, отвергая легальную политическую деятельность и «парламентскую развращенность», приходят «к восхвалению воровства»: «Как угадать, где кончается „товарищ“ и начинается бандит? Даже самим анархистам это не всегда удается <...> есть немало индивидуумов, которые одновременно „бандиты“ и „анархисты“. <...> Во имя революции анархисты служат делу реакции; во имя нравственности они одобряют самые безнравственные действия; во имя индивидуальной свободы они попирают ногами все права своих ближних» (*Плеханов 1923, с. 242—244*).

511 Мрачинский! — Фамилия персонажа явно родственна фамилии Мрачковский, встречавшейся в ранней редакции «Чевенгура» (см. ч. I — письмо Литвина-Молотова Платонову); возможно, это свидетельство того, что персонажи, которым принадлежат эти фамилии, ассоциировались для Платонова с реальной исторической личностью. С. В. Мрачковский (1888—1936) — старый революционер, член партии с 1905 г., после Октябрьской революции находился на политической и командной работе в Красной Армии, играл большую роль в разгроме Колчака на Урале. С 1923 г. — активный троцкист: в частности, руководил нелегальной типографией т. н. «левой» оппозиции; в 1927 г. вместе с другими работниками этой типографии арестован, исключен из партии и осужден; в 1929 г. освобожден и восстановлен в партии; в 1932 г. в связи с делом Рютина выслан в Верхнеуральск; в 1936 г. вновь исключен из партии и осужден.

М. Геллер предполагает связь образа Мрачинского с эпизодическим образом Леонида Маевского — белого офицера из

повести Платонова «Сокровенный человек»; для умонастроений Маевского характерны пессимизм и мизантропия: «Никто не прав: человечеству осталось одно одиночество. Века мы мучаем друг друга, — значит, надо разойтись и кончить историю» (*Собр. соч., т. 1, с. 389*).

512 ...кость целая, а рану салом затянет... — Высказывание парадоксально, если помнить, что Никиток намерен убить Дванова; здесь прослеживается отношение к бытию, подобное тому, что было у рыбака Дмитрия Ивановича, отца Дванова: рыбак намеревался «пожить в смерти и вернуться» (см. с. 27/28). Ср. в платоновском «Рассказе о мертвом старике»: размышления героя, раненного в грудь «немецким железом»: «Врастет, обживется, салом подернется, и я сам про него забуду, что есть оно, что нет» (*Смерти нет!, с. 206*).

513 — Останутся. — ответил Дванов. — Не совсем ясно, кого имеет в виду герой: если Захара Павловича, то он к этому моменту, как было сказано выше, «один остался» (см. с. 90/89).

514 С. 107/106. Вы там глядели на человека, как обезьяна на Робинзона... — Ср. в «бедняцкой хронике» «Впрок»: «Нам смешон новый человек, как Робинзон для обезьяны» (*Возвращение, с. 102*). Возможно, образ ассоциативно связан с одним из фрагментов книги Богданова «Эмпириомонизм», где символом рассудочного одиночества, отрыва от живой реальности предстает «познавательный Робинзон» — «этот невероятный солипсист, который чаще всего выступает героем гносеологических анализов, который познает совершенно самостоятельно от других людей и лишь при помощи разных тонких уловок успевает перебраться за пределы своего „внутреннего мира“ в более просторный мир „внешний“, где обыкновенно и начинает создавать различных фетишей: „материю“, существующую независимо от нашего опыта, а также иные „субстанции“» (*Богданов 1908, т. 1, с. 31*).

515 С. 108/106. ...бей, говорит, огарок... — Ср. название повести Скитальца 1906 г. «Огарки», где это прозвище дано босякам, людям «дна»; показателен монолог одного из ее главных героев — Толстого: «Мы — огарки, дети бедняков, дьяконов, мастеров, дворовых людей, крестьян, ку-хар-ки-ны дети, черт возьми! Мы — олицетворение пауперизма! Цинизм принципов нашего голоштанного существования совершенно игнорирует все абстрактные теории, так же как и теория игнорирует нас! Она — не предусматривает нашего бытия в подонках культурной изолированной расы, а культурная раса даже ощутила бы некое торжество справедливости, если бы с поверхности земного шара исчезли такие индивидуумы, какими являются огарки! <...> Мы находимся на границе босячества — да! Но мы не пойдем в босяки, мы будем добиваться ответа у жизни, чтобы узнать, где же, наконец, наше место в природе? И — я уверен — она укажет нам его, не в отбросах общества —

нет! Напротив, снизу поднимемся мы на самый гребень волны и, быть может, еще скажем свое огарческое слово! Придет время, и все огарки воспрянут и соберутся вместе! Тогда и мы найдем себе поле, и поднимем свое знамя и будем держать его твердо!» (*Скиталец* 1955, с. 252—253). Ср. несколько более ранний текст — пьесу Горького «На дне»; здесь реплика Сатина: «Старик! Что ты надул в уши этому огарку?» (*Горький* 1968—1975, т. 7, с. 163). Исходя из «внутренней формы» слова «огарки», можем соотнести этот образ с мотивом огня у Платонова и Пильняка (см. 128, 130).

516 Балакать тебе время не пришло. — Балакать — разговаривать, болтать.

[15]

517 С. 109/108. Но письма тогда читали посторонние люди. <...> Библиотеки тогда не работали... — Пример дистанцирования повествователя во времени.

518 С. 111/109. Пошукай у себя меду... — Шукать — искать.

519 С. 111/110. ...при уничтожении отъявленного имущества! — Т. е. отнятого, изъятого, экспроприированного; но актуально и нормативное значение слова отъявленный — «обладающий высшей степенью какого-либо отрицательного качества».

520 С. 112/110. — Механик, сукин сын! — Если машинист-наставник нерадивого слесаря называл «лесорубом» (см. с. 37/37), то неприспособленный к сельскому быту Никита назван «механиком».

521 Не мог корчажку найти! — Корчажка, корчага — глиняный горшок, кринка.

522 С. 113/111. ...а он летошних мух пугает! — Летошний — прошлогодний.

523 С. 114/112. «Советский транспорт — это путь для паровоза истории» — См. 29.

524 С. 115/113. Вот чему он был свидетелем. — Все происходящее далее с Двановым в течение двух дней (с. 115—129/113—125) должно восприниматься как изображаемое «со стороны», поскольку сознание героя «отключено» от реальности: с учетом возможных оккультных реминисценций (см. 41, 42, 44) состояние Дванова можно сблизить с сомнамбулическим.

[16]

525 С. 115/114. ...каждое утро выпивал по жбану квашонки... — Квашонка — вероятно, простокваша или сыворотка. Ср. в «Епифанских шлюзах»: «Перри пил целыми жбанами квашонку, в которой он нашел немалый вкус и способствование дорожному пищеварению» (*Епифанские шлюзы*, с. 24); в рассказе «Июльская гроза»: «И холодную квашонку давай,

<...> мы в нее блины будем макать» (*Взыскание погибших*, с. 463).

526 С. 117/115. При тогдашней озабоченной жизни... — Пример дистанцирования повествователя во времени.

527 С. 118/116. ...другим оцарапал подошвой щеку... — Ранее говорилось, что он ушел из Волошина в чулках (см. с. 114/112).

528 С. 119/117. ...перевернул повязку навзничь... — «Навзничь» (по отношению к ткани) — изнанкою вниз, лицевой стороной вверх (*Даль* 1979—1980, т. 2, с. 385); но в платоновской фразе это слово, по-видимому, приобретает значение: «наоборот».

529 ...свет с востока сегодня походил на вспугнутую стаю белых птиц... — «Свет с востока» — устойчивое сочетание в церковном словоупотреблении: «Востоком свыше» именуется Христос, просветивший и спасший людей, косневших во тьме и сени смертной (*ППБЭС* 1992, т. 1, стб. 572).

[17]

530 С. 119/117 Никита сидел <...> а Копенкин и другие боевые люди спали на полу. — Вероятно, ошибка Платонова: из приехавших накануне в Волошино «боевых людей», кроме Никиты и Копенкина, остался лишь Мрачинский (Дванов ночью исчез); поэтому множественное число («люди») неоправданно.

531 С. 122/120. На конце села наступила ночь... — Т. е. когда Копенкин добрался до конца села. Фраза обретает оттенок двусмысленности: создается впечатление, будто ночь наступила только «на конце» (на краю) села, но не в других его частях.

532 ...женщина в сытой шубке... — Острый пример метонимии: на одежду переносится характеристика ее обладательницы.

533 С. 123/121. — Нет, я отсюда никуда не поеду. — Судя по тому, что говорилось выше (см. 524), к этому моменту Дванов еще не вышел из состояния беспамятства.

534 С. 124/122. Чего я буду таскать за собой расстроенных людей? — Т. е. оказавшихся «вне строя», дезорганизованных.

[18]

535 С. 124/122. ...некоторые части трехлужимовок шли шерстобитам... — Шерстобит — кустарь, который особой тростью — смычком — пушит, взбивает шерсть перед валянием или прядением.

536 ...пал-брицы для мельничных поставов. — Пал-брица — искаж. параплица (порхлица, поролица) — металлическая деталь, формой напоминающая плоскую трехконечную звезду; с ее помощью мельничный жернов, вращающийся в горизонтальной плоскости, соединяется с вертикальным валом (веретеню).

537 С. 127/125. Дванов еле просыпался и видел сплошной голубой туман. — Здесь заканчивается двухдневный период его «беспамятства» (см. 524).

[19]

538 С. 128/126. — У тебя никто из разных людей не был? <...> — Теперь у них смутно получилось. — Интересно обратить внимание на явные «нарушения» в употреблении видо-временных форм глаголов в этом эпизоде: создается впечатление, что изображаемые здесь конкретные события выводятся за рамки единичного случая — и то, что происходит, казалось бы, «здесь и сейчас», получает на деле «вневременной» характер. Диалог Копенкина и сторожа текстуально близок диалогу Ивана Копчикова с Мирликийским Чудотворцем из «Рассказа о многих интересных вещах»:

«— Чем-то эт завоняло? — спросил Иван.

Странник уставился в небо.

— Ет-то? Ет радий несется. Беспрерменно он. <...> Жжет дух и несется.

— Какой радий? — спросил Иван, замерев от непонятного.

— Машина такая. Слова горелые, горькие по воздуху пу-
щат.

— Давай послушаем!

— Ен орудует неслышимо — я слухал уже несколько разов. Одна гарь чутся. Аж в глаза лезет вонь жжена... Чуеть?

— Да, — ответил Иван, — будто бы она» (*Старик и старуха*, с. 69). Совпадением диалогов подчеркивается «родственность» фамилий двух персонажей — Ивана Копчикова и Степана Копенкина, хотя прямого сходства между характерами нет.

539 С. 129/127. ...иначе суходольная земля хохлам отойдет... — Суходол — безводная долина, склон, луг, получающие влагу только от дождевых и снеговых вод.

540 ...проведем трудгужповинность... — Гужевая повинность — возложенная государством на крестьян обязанность перевозить казенные грузы на личном гужевом транспорте (телегах, санях).

541 ...наши водоразделы — это отродье закаспийской пустыни. — Ср. в платоновской статье середины 20-х годов «Страна бедняков (Очерки Черноземной области)»: «Почву у нас разъедают овраги, умерщвляет суховей (в Область уже просунулся язык пустыни с юго-востока)» (*Страна бедняков*, с. 355). Ср. также замечание Д. Замятина о совмещении в платоновском романе двух моделей пространства: «Фактически здесь происходит наложение базисного, материнского реального географического пространства (некая часть реальной Воронежской губернии) и гораздо более условного и по сути метафизического пространства центрально-азиатских степей и полупустынь» (*Замятин 1999а*, с. 83).

542 С. 129—130/127. ...покрыл за свою жизнь расстояние до луны. — Чтобы действительно преодолеть такое расстояние (около 400 тыс. км), необходимо, например, в течение 30 лет проходить более чем по 35 км ежедневно.

543 С. 130/128. ...а я полномочный волревкома... — Т. е. уполномочен волостным революционным комитетом.

544 С. 131/129. Я-то знаю все ихние похоронки... — Похоронка — спрятанная вещь (*Даль 1979—1980, т. 3, с. 367*); ср. также слово «ухоронка», обозначающее действие по глаголу «ухоронить» — спрятать, схоронить (*Там же, т. 4, с. 527*).

545 Кто прозывается Либкнехтом... — Либкнехт Карл (1871—1919) — деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии; убит вместе с Р. Люксембург (см. 264). У Платонова есть стихотворение 1921 г., посвященное памяти Либкнехта, — «Последний шаг» (см.: *Собр. соч., т. 3, с. 499*).

546 Степан Чечер стал Христофором Колумбом... — Ср. в неоконченном рассказе Платонова «Немые тайны морских глубин»: «Незначительная группа молодых людей отбивала ногами „чечер“, национальный танец этой благой страны» (*Немые тайны...*).

547 ...Францем Мерингом... — Меринг Ф. (1846—1919) — деятель германского рабочего движения, философ-марксист, историк и литературный критик.

548 С. 132/130. Гони березку в рост. / Иначе ее съест коза Европы! — Данная «цитата» заимствована Платоновым из его собственного стихотворения «Вождо оппозиции»:

Ты помнишь сказку про березку и кору
и про козу про злую капитала?
Ты говорил: гони березку в рост,
иначе съест ее коза Европы!..
Березовой стране мы клали в рот:
Питайся, милая,
жируй младенческой утробой!
И деревце росло по младости и силе,
а ты схватил и поглотил из почвы:
Расти скорей!..
И тут-то мы завывли:
Брось дерево, бузила! —
на дереве живые листья были,
ты хочешь, чтобы стали клочья?..

(*Жить ласково..., с. 142*)

Данный платоновский текст носит сатирический характер — Дванов же относится к «газетному лозунгу» явно сочувственно.

Отметим, что стихотворение «Вождо оппозиции» написано, вероятно, «по мотивам» статьи Н. Бухарина «Заметки эконо-

миста», опубликованной в «Правде» 30 сентября 1928 г. и направленной против Троцкого (находившегося в ссылке в Алма-Ате и опубликовавшего открытое письмо Коминтерну «Июльский пленум и правая опасность»). Говоря о лозунге «сверхиндустриализации» в решении «„проклятого“ вопроса о соотношении города и деревни», Бухарин называет троцкистов «садовниками, дергающими растение за верхушку, чтобы оно „скорее росло“» (курсив наш. — Е. Я.), и делает вывод: «Троцкисты не понимают <...>, что развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства» (Бухарин 1988, с. 398—399). Однако, учитывая, что именно в 1928 г. Сталин начал крутой «поворот» в политике, приняв на вооружение многие идеи опального Троцкого (см. ч. I), можно сказать, что статья Бухарина заострена, скорее, против самого Сталина.

Если стихотворение Платонова действительно относится к осени 1928 г., то оно было создано параллельно с очерками «Че-Че-О».

549 С. 133/131. ...прикинет горизонты... — Водоносный горизонт — слой водонепроницаемых пород, трещины, поры и другие пустоты которых заполнены подземными водами.

550 Какой же ты Ленин тут, ты советский сторож: темп разрухи только задерживаешь... — Фраза двусмысленна: Копенкин хочет упрекнуть Достоевского за то, что он «консервирует» разруху, однако словосочетание «задерживать темп» воспринимается как «снижать темп», «замедлять» (т. е. в положительном смысле). Обратим внимание, что и слово «советский» в устах Копенкина получает скорее негативное звучание.

551 ...усилится обмен влаги, небо станет голубей и прозрачней! — Возможно, Платонов варьирует мотивы романа Золя «Труд» (см. 356), где, в частности, нарисована картина социалистического общества, благоденствие которого основано на активном использовании электрической энергии: «Завоевав землю, человек стремится подчинить себе и небо со всеми светилами. По утрам, в дни больших праздников, электричество будет разгонять тучи, прояснять небо, которое станет еще глубже и синее (курсив наш. — Е. Я.), меж тем как солнце будет сиять в полном блеске, подобно громадной люстре, повешенной в роскошном зале природы» (Золя 1927, с. 82).

Ср. в повести «Котлован»: «Он даже начинал сомневаться в счастье будущего, которое представлял в виде синего лета, освещенного неподвижным солнцем» (*Взыскание погибших*, с. 194); о реминисценциях из «Труда» в «Котловане» см.: *Naiman, Nesbet* 1992.

552 Ветер коллективно чуть ворошит сытые озера угодий... — Поскольку коллективные действия в одиночку («ветер») невозможны, логично предположить, что в данном случае слово «коллективно» относится не к субъекту, а к объектам действия.

553 С. 135/133. ...ради сокрушения видимого и невидимого врага. — Видимо, имеется в виду враг близкий и далекий (т. е. пока невидимый), однако, учитывая мистические коннотации образа Розы, эти слова можно воспринимать и буквально: речь идет не только о «земных» врагах, но и о «потусторонних» враждебных силах.

554 ...о революционном дележе скота без всякого изъятия. — Т. е. без какого бы то ни было исключения; фраза внутренне парадоксальна, ибо ясно, что подобный «дележ» совершенно невозможен без обязательного «изъятия», т. е. экспроприации, скота у имущих.

555 — Да пралич ее завозьми совсем... — В повести «Епифанские шлюзы»: «Удобен да статен, пралич, и не стар будто, а с бабами не жирует» (*Епифанские шлюзы*, с. 53); в «Ямской слободе»: «У-у, бестолковый пралич!» (*Собр. соч.*, т. 1, с. 266); в неопубликованном очерке 1930 г. «Факт (Очерк про двух отсталых рабочих)»:

«— Абморов! — удивился Пугачев. — А где же ваши колокола?»

— Поснимали, праличи, — сказал Абморов. <...>

— Ну, приходи ко мне, — произнес Пугачев, — теперь я тебя буду причащать.

— Эк! — размахнулся Абморов. — Убью, пралич!» (*Записные книжки*, с. 285—286).

Диал. «пралич», «пралик» употребляется как экспрессивное, бранное слово со значением «баловник, озорник, пострел»; «праликой» — проклятый (*СРНГ 1965—1998*, т. 31, с. 65—66). Кроме того, «пралик» — паралич (*Даль 1979—1980*, т. 3, с. 381); ср. в пьесе «14 Красных Избушек»: «Жижки тебе надо навозной, старый паралич!» (*Живя главной жизнью*, с. 354).

556 С. 137/135. Социализм придет моментально и все покроет. — В контексте разговора о приплоде, который выше вел Недоделанный, слово «покрыть» (т. е. «заполнить») начинает звучать двусмысленно: в нем актуализируется значение «оплодотворить», и, таким образом, абстрактное понятие как бы наделяется способностью «телить маток».

557 С. 138/136. Гляди, чтоб к лету социализм из травы виднелся! — Ср. в стихотворении Платонова «Вождю оппозиции» (см. 548):

А где ж металл и механизмы,
где прочность революции — бетон?
Какие тут в траве социализмы?!
По зипуну не скроишь мировой фасон!..

(*Жить ласково...*, с. 142)

558 С. 139/136. — Там будет кордон. — Лесной кордон — пост охраны леса.

559 С. 139/137. ...произведение Николая Арсакова, изданное в 1868 году. — «Это может быть аллюзия на Николая Аксакова, писателя круга Стрхова, как и Розанов» (*Толстая 1981а, с. 261*). Аксаков Н. П. (1848—1909) — философ и богослов, публицист, литературовед и литератор; идеологически был близок к славянофилам; автор ряда неоромантических произведений в стихах и прозе на темы средневековой русской и европейской истории (см.: *РП 1988—1999, т. 1, с. 34—35*).

«В 1868 году Достоевский заканчивал „Идиота“. Спустя год он приступил к „Бесам“, доказывая в этом романе, по существу, то же самое, что Н. Арсаков своим сочинением <...> Если к году издания „Второстепенных людей“, 1868-му, добавить пятьдесят лет, которые Николай Арсаков отводил на „достижение без усилий упоительного благополучия“, сразу определится следующий исторический период, давший большую пищу для тех же самых размышлений над вмешательствами в ход истории, над процессом превращения идей, теорий в практику» (*Золотоносов 1990, с. 179*).

Ср. также фамилию «Арчаков», встречающуюся в платоновском рассказе 1927 г. «Надлежащие мероприятия» (см. 574).

560 Сочинение называлось «Второстепенные люди»... — М. Геллер отмечает, что образ старинной книги, апокрифического сочинения — почти неперменный атрибут произведений Платонова 20—начала 30-х годов. По мнению исследователя, введение «чужого» текста позволяло Платонову «высказать сокровенные мысли» (*Геллер 1982, с. 199*); но, думается, позиция Николая Арсакова вряд ли полностью совпадает с авторской.

561 Откуда вы? — думал надзиратель про большевиков <...> без воровства существовавшего. — По мнению Х. Гюнтера, в этой фразе содержится указание на традицию «христианского социализма», продолжением которой в романе Платонова представлен русский большевизм.

562 С. 140/137—138. «Люди, — учил Арсаков, очень рано почали действовать <...> все грехи общежития растут от вмешательства в него юных разумом мужей. — Подобной идеологией пронизана книга об Иване Грозном, которую в повести «Ювенильное море» читает Умрищев, делая следующий вывод: «Чем старина сама себя пережила: она не совалась!..» Затем об Умрищеве говорится: «он старался постигнуть тайну и скуку исторического времени, все более доказывал самому себе, что вековые страсти-страдания происходят оттого, что люди ведут себя малолетним образом и всюду неустанно суются, нарушая размеры спокойствия» (*Взыскание погибших, с. 289*).

563 С. 141/139. ...для всех крестьян-бедняков Верхне-Мотвинской волости. — Ср. слово «мотня» — ширинка, «отвислая

середина малорусских, турецких шаровар, в шаг, которая мотается на ходу» (Даль 1979—1980, т. 2, с. 351).

564 ...вырубить лес Биттермановского лесничества. — Ср. название реально существующего неподалеку от Новохоперска Теллермановского леса — одной из крупнейших дубрав в Воронежской губернии (Воронежский край 1928, с. 123). В платоновском очерке 1946 г. «Житель родного города» читаем: «В те времена вокруг Воронежа произрастали мачтовые корабельные леса, и до сих пор сохранились остатки их — Шипова и Теллермановская рощи» (Старик и старуха, с. 192).

[21]

565 С. 143/141. ...названия же должностей изменились в сторону большего уважения к труду <...> и другие обслуживающие должности. — Возможно, реминисценция из второго тома «Мертвых душ» — ср. сцену приезда Чичикова к полковнику Кошкареву: «Выстроены были какие-то дома вроде присутственных мест. На одном было написано золотыми буквами: „Депо земледельческих орудий“, на другом: „Главная счетная экспедиция“, на третьем: „Комитет сельских дел“, „Школа нормального просвещения поселян“, — словом, черт знает, чего не было!» (Гоголь 1976—1978, т. 5, с. 298). Воплощенный в Кошкареве тип «бюрократа-утописта» нашел развитие во многих платоновских произведениях («Город Градов», «Государственный житель» и т. п.).

566 С. 144/141. ...великое дело — коммуна! Усложнение жизни! — По мнению Е. Толстой, здесь переосмыслены идеи Богданова, в книге которого «Всеобщая организационная наука (Тектология)» понятие «усложнение» играет важную роль. Богданов пишет о благотворности (до известных пределов) усложнения для системы, о расхождении, возрастании различий, ведущих «ко все более устойчивым структурным соотношениям» (Богданов 1925—1927, т. 2, с. 17). «Системное расхождение, — подчеркивает он, — заключает в себе тенденцию развития, направленную к дополнительным связям» (Там же, с. 27).

567 С. 145/143. Он принял во внимание ту смертельную опасность, которая грозит коммунам, расселенным в безлюдной, враждебной степи, от бродящих бандитов. — По удивительному совпадению, история одной из таких коммун на юге Воронежской губернии изложена в 1931 г. в небольшой книжке, автором которой был... А. Платонов — однофамилец писателя: в предисловии к книге говорится, что ее написал «практический работник коммуны» (Платонов 1931, с. 3). Коммуна имени Карла Маркса была организована в начале 1920 г. членом партии Сорокиным в большом селе Верхняя Гнилуша Верхнемамонского района в 27 км от Богучара; в апреле 1920 г. коммунары переселились в бывшее имение Суханова-

Подколзина при слободе Козинка Павловского района, в 24 км от Павловска и в 45 км от Россоши (*Там же*, с. 5—7, 12). «Прошло всего несколько месяцев после переселения в Козинку, как на коммуны был сделан ночью внезапный налет банды Колесникова. Раздетых, сонных детей пришлось наскоро закутать во что попало и бежать. Некоторые коммунары прыгали со второго этажа, оставили имущество и скот, инвентарь. Эвакуировались в город Павловск, пробыли там неделю. А когда вернулись, многое было разграблено. Через день после возвращения — снова налет и снова бегство на 4 дня. Вернулись второй раз в коммуны, а через неделю пришлось опять бежать. И так 4 раза убегали и два раза снимались, но не выезжали из коммуны. <...> Осенью 1921 года, днем, когда все коммунары работали на молотилке, около 30 человек всадников из банды Колесникова сделали налет на коммуны. После перестрелки банда была отбита, но коммунары потеряли одного своего товарища» (*Там же*, с. 7—9).

568 С. 146/144. ...с однообразным массовым лицом... — Ср. «общее лицо» Дванова и «международное лицо» Копенкина (см. 50, 106).

569 С. 147/144. — Лежащая восьмерка означает вечность времени, а стоячая двухконечная стрела — бесконечность пространства. — По мнению Е. Толстой, в описании памятника революции выражена «идея конца времени как уничтожения асимметрии <...> Вечность, тем самым, уравнивается с обратимостью» (*Толстая 1979*, с. 244).

570 С. 148/145. — Тернии иль нет? — Термины... — Использование паронимической пары подчеркивает иронию по отношению к «учености» (ср. 85).

[22]

571 С. 149/146. ...счастье взаимной жизни... — Т. е. коллективной, альтруистически-самоотверженной.

572 С. 149/147. Мы б вас шпокнули... — Шпокнуть — застрелить.

573 По закутам, гады, сидят, говядину трескают. — Закут — «всякого рода шалаш, конура или землянка; соломенная будка, сторожка, караулка; теплый хлевок на зиму для мелкой скотины; помещение на псарне для собак; клеть, чулан, кладовая» (*Даль 1979—1980*, т. I, с. 594). Трескать — жадно или много есть или пить.

574 Революционный заповедник... — Здесь «Чевенгур» перекликается с написанным в октябре 1927 г. платоновским рассказом, который был опубликован в 1991 г. под заголовком «Надлежащие мероприятия» (см.: *Корниенко 1991б*, с. 135); ср.: «Особым торжественным законодательным актом организовать на пространстве Союза 10 революционных заповедников, в коих бы и собирать атрибуты и живых участников великих со-

бытий — для вечного показа потомкам и поучения их. Следовало бы открыть такие ревзаповедники на Перекопе, в Самаре, Ярославле, в Донских пунктах, в Ленинграде и прочих местах обширного соотечества. Атрибуты и живые участники должны состоять в нетронутом и естественно-героическом покое... Зав. п/отделом ликвидации убытков Ф. Арчаков» (*Надлежащие мероприятия*, с. 134).

575 С. 150/147. ...уполрайревкома по обеспечению безопасности... — Т. е. уполномоченный районным революционным комитетом.

576 «Пашите снег, — говорилось там, — и нам не будут страшны тысячи зарвавшихся Кронштадтов». — Ср. в повести «Котлован»: «Труба радио все время работала, как выюга, а затем еще раз провозгласила, что каждый трудящийся должен помочь скоплению снега на коллективных полях» (*Взыскание погибших*, с. 208).

Снежная пахота — использование т. н. снежного плуга (снегопахы) в целях снегозадержания — накопления снега на полях для увеличения количества влаги в почве и утепления зимующих растений. Общий смысл лозунга в том, что повышение урожайности должно компенсировать недовольство крестьян сельскохозяйственной политикой Советской власти; наиболее ярким показателем этого недовольства стал Кронштадтский мятеж — выступление части гарнизона крепости и экипажей кораблей против Советской власти весной 1921 г. В восстании участвовали до 18 тыс. матросов и солдат; оно было вызвано теми же причинами, что и крестьянские выступления 1920—1921 гг. «Лозунг свободы торговли, выдвинутый в Кронштадте, был <...> осуществлен, независимо от того, что восстание было подавлено. Трагедия Кронштадта дала Ленину, думавшему и раньше об изменении всей экономической политики в стране, лишние доводы для того, чтобы наконец сделать это. И не случайно на Десятом съезде не было никакой оппозиции энпу — так все были напуганы Кронштадтом» (*Медведев 1983*, с. 76—77; см. также: *Геллер, Некрич 1995*, с. 112—115).

Интересно, что в традиционной культуре «снежная пахота» (как и севание снега) могла выступать как форма ритуального антиповедения (например, при гадании), когда бессмысленностью и невозможностью происходящего демонстрируется причастность к потустороннему миру, миру мертвых (см.: *Успенский 1994*, т. 1, с. 323—324). Таким образом, в подтексте лозунга «просвечивает» некий магический смысл. Символично и то, что реальный Кронштадт — это крепость-остров (вспомним об «островных» чертах самого Чевенгура (см. 321)); данная деталь как бы актуализирует «космогонический» подтекст «снежной пахоты»: в космогонических мифах «существовали разные теории относительно того, каким путем началась жизнь земли. Одна из них заключается в том, что земля возникла в ре-

зультате процесса уплотнения — идея, встречающаяся также в семитской мифологии. <...> Наиболее известный вариант этой теории — „пахтание океана“» (Кейпер 1986, с. 118; см. также: МНМ 1991, т. 1, с. 224; Топоров 1995, с. 584). Обещанный как итог «нового творения» (т. е. «снежной пахоты») мир должен многократно «превзойти» по качеству надменный «зарвавшийся Кронштадт».

Стиль газетной заметки, о котором мы можем судить по комментируемой фразе, гротескно сочетает обыденно-бытовое и возвышенно-риторическое: это заставляет вспомнить фрагмент одного из писем Платонова 1922 г. к жене, где он вспоминает о редакторе газеты и военном коменданте, подписывавшемся фамилией «Сталеметный», который издавал приказы в таком стиле: «Красные бойцы, вечные славные трупы с Пер-Лашез ожидают смертельной мести общему врагу за свою гибель» (Письма, с. 383); см. также 236.

577 Грамотный умом колдует, а неграмотный на него рукой работает. — Ср. в «Рассказе о многих интересных вещах» объяснения, которые инженер дает Ивану Копчикову: «Знанием люди торгуют, как товаром. И таких больше всего. Раньше люди угнетали одних других собственностью, имуществом, а теперь знанием. Знание стало имуществом и товаром, кто его имеет, тот торгует им и живет богато» (Старик и старуха, с. 82—83).

К. Каутский подчеркивал, что стихийный коммунизм народных масс был «аскетическим и мистическим коммунизмом, коммунизмом самоотречения, коммунизмом, питавшим надежду на вмешательство таинственных, сверхчеловеческих сил. <...> Массы требовали чуда <...> науку, служившую их мучителям, они стали ненавидеть» (Каутский 1924—1925, т. 1, с. 128—129); в качестве примеров приводятся взгляды Т. Мюнцера и таборитов, богемских братьев и анабаптистов (Там же, с. 131—132, 218, 235; т. 2, с. 192; Лавров 1917, с. 267).

Тенденция рассматривать интеллигенцию как чуть ли не главного эксплуататора рабочего класса была характерна для анархистов. Подозрительное отношение к науке и «ученым» выражено, например, в работах Бакунина «Наука и народ» и «Наука и насущное революционное дело» (см.: Бакунин 1989, с. 124—187): «Более всего ему ненавистна власть ученых. Научный социализм для него есть власть ученых. Нельзя допустить управления жизни наукой» (Бердяев 1990, с. 55). Основная причина недоверия Бакунина к «ученым» — принципиальная неспособность науки преодолеть дихотомию абстрактного и конкретного (проблема эта вполне «близка» платоновским героям — см. 138, 161); ср.: «О людях науки как таковых можно сказать <...>: у них нет ни ума, ни сердца для индивидуальных и живых существ <...> Поскольку они люди науки, они не могут интересоваться ничем, кроме обобщений, абсолютных законов, и питать уважение к чему-либо другому»; «Так как

абстракция составляет истинную природу науки, то она может довольно хорошо понимать принцип реальной и живой индивидуальности, но не может иметь дела с реальными и живыми индивидами» (*Бакунин 1918, с. 58, 61*). Кропоткин тоже говорит о противоречии между «аристократией знания и чернью с мозолистыми руками» (*Кропоткин 1994, с. 344*), впрочем, достаточно осторожно и не слишком преувеличивая роль этого фактора в социальных конфликтах.

М. Геллер и Е. Толстая отмечают, что в платоновском романе нашли отражение взгляды анархиста В.-К. Махайского, который в книге «Умственный рабочий», противопоставляя «ручных рабочих» (пролетариат) «умственным» (интеллигенции), утверждал, будто в результате социалистической революции выиграют лишь последние. Критикуя марксизм «слева», Махайский призывает «объявить нападение на общественную силу, тщательно скрывающуюся в социалистическом движении, для которой примирение социализма с существующим строем является не ошибкой, а естественным интересом, неотвратимым стремлением. <...> Искомая общественная сила есть образованное общество в его новейшей формации; растущая армия умственных рабочих, интеллигенция» (*Махайский 1905, с. VI*). Кстати, Махайский умер 19 февраля 1926 г. в Москве, где работал техническим редактором журнала ВСНХ «Социалистическое хозяйство» (*Генкин 1927, с. 186*); извещение о его смерти было напечатано 21 февраля в «Правде», а 2 марта здесь же появилась статья-«некролог», посвященная, однако, не столько самому Махайскому, сколько критике его идей: «Махаевщина зародилась в Сибири и более или менее безмятежно прозябала и в других медвежьих углах России. При попытках проникнуть в крупные рабочие центры она потерпела, конечно, неудачу. Вероятно, под влиянием этой неудачи махаевцы договорились до того, что объявили даже и рабочий класс „привилегированным“, „реакционным“ и потому уже развращенным социалистической пропагандой. Настоящим же „авангардом“ они провозгласили безработных, босяков и даже хулиганов» (*Батулин 1926*). Еще в начале века Р. Иванов-Разумник в специальной работе о Махайском писал: «Махаевщина питает особенно нежные чувства к lumpen-proletariat'у, к „босьякам, лобузам и хулиганам“, по ее выражению <...> А отсюда уже два шага до апологии черносотенных погромов; и махаевщина храбро делает эти шаги, дает целую философию черносотенства и оправдывает эти погромы, видя в них возрастание lumpen-proletariat'a против ненавистного ей класса интеллигенции. <...> Вопрос о производстве ей глубоко безразличен, ее интересует только распределение богатств <...> Махаевщина есть некоторое течение русской общественной „интеллигентской“ мысли, течение, претендующее быть идеологией пролетариата и являющееся только идеологией lumpen-proletariat'a» (*Иванов-Разумник 1908, с. 85, 87, 93, 120*).

Ср. сходные с махаевскими высказывания анархиста Я. Новомирского: «Социальная революция будет иллюзией и обманом, если она, рядом с собственностью и государством, не уничтожит третьего столь же опасного врага человеческой свободы. Этот новый заклятый враг наш есть монополия знаний. Носительница ее — интеллигенция. <...> Обладание умственными знаниями <...> коренится в той же почве, что и обладание материальным имуществом. Знания — так же мало результат личного накопления, как и собственность. <...> Уничтожение экономической и политической эксплуатации оставляет рабочего безоружным перед лицом умственного господина, оставляет нетронутым третий вид рабства — рабства духовного <...> Современного собственника социализм только заменяет интеллигентом. Отсюда задача рабочего класса — уничтожение интеллигенции как класса» (*Новомирский 1994, с. 365—367*). Ср. также одно из направлений анархизма-индивидуализма — «пананархизм», возглавлявшееся братьями В. и А. Гордыными (см. 197): в конце 10—начале 20-х годов они призывали к немедленной анархии, считая наиболее революционным элементом общества босняков («революционный народ», в их понимании), которые и должны были «творить анархию» (см.: *Ермаков 1996, с. 111*).

Однако лозунг борьбы с «умственной эксплуатацией» выдвигался не только теоретиками анархизма; подобные идеи звучали и из уст высокопоставленных официальных деятелей. Идея разделения науки на «буржуазную» и «коммунистическую» вызвала саркастический отклик Е. Замятина, который в статье «О равномерном распределении» (середина 1918 г.) резко полемизировал с Луначарским именно потому, что тот призывал с недоверием относиться к «буржуазной науке» и утверждал, что в буржуазном обществе «источники пламени, машины, как и пламя нематериальное, свет знания, оказались достоянием особой аристократии, которая направила эти великие силы на наживу немногих» (цит. по: *Замятин 1999б, с. 39*).

578 С. 150/148. — Надо мне в губернию отчет послать. Давно ничего не знаю, что там делается. — Между двумя этими фразами предполагается причинно-следственная связь, однако обратим внимание, что намерение «послать отчет» (т. е. отправить информацию) отнюдь не тождественно желанию узнать новости (получить информацию).

579 С. 151/148. Вселенная — бегущая женщина <...> А в глазах начинаются звезды. — По предположению Я. Шимака-Рейфера, «четверостишие является предельно сжатым описанием популярного среди гностиков изображения Души Мира» (*Шимака-Рейфер 1994, с. 269*).

580 ...шесть стройных ног трех целомудренных женщин. — Возможна аллюзия на мифологический образ трех граций (харит) — благодетельных богинь, воплощающих доброе, радостное и вечно юное начало жизни; в мифах они связаны с

вегетативными силами природы и упорядочением человеческой жизни, трудовой и художественной деятельностью (МНМ 1991, т. 2, с. 583).

581 С. 151/149. ...а не срамные лыдки. — Лыда, лыдка — нога, голень.

582 С. 152/149. ...след огромных человеческих ног... — Ср. колонны в форме женских ног, образующие портик (с. 151/148).

583 С. 152/150. — Выйди сюда, односельчанин! — Наряду с нормативным смыслом, слово «односельчанин» приобретает дополнительное ситуативное значение: «одинокое селящийся», «отшельник».

584 С. 153/150. ...сам от детонации обратно в мать полезешь! — По предположению Э. Наймана, Платонов здесь каламбурно обыгрывает слово «детонация»: «Выражение, превращающее взрыв в деторождение (дето-нация = деторождение), — каламбур, ведущий, по нашему желанию, к Рабле или к Федорову» (Найман 1998, с. 62). Ср. также эпизод смерти машиниста-наставника (с. 68/68; см. 96).

585 ...прими пакет от товарища Троцкого. — В 1918—1924 гг. Л. Троцкий был наркомом по военно-морским делам и председателем Реввоенсовета Республики.

586 Мне коменданты революции не товарищи. — Противопоставление искренне-стихийного и бюрократически «организованного» начал в революции было характерным мотивом ранней публицистики Платонова; ср. фрагмент его фельетона 1921 г. «Душа человека — неприличное животное (Фельетон о стервецах)»:

«РЕВОЛЮЦИОНЕР В ПОЛНОМ ОБЛАЧЕНИИ

Площадь. Красные войска, рабочие, женщины, дети. После дождя вся земля под стеклом. Гремит и движется под солнцем живая революция. Никто не верит, что есть невозможное.

Парад. Черные чертики — фотографии — снимают пролетариат. Люди в полном облачении, т. е. галифе, нагана, коже и т. д., устанавливают порядок, чтобы было приличное лицо у революции.

К суевающейся хохочущей толпе, повторившей на квадратной сажени Октябрь, подсказывает официальный революционер, бритый и даже слегка припудренный. Так, чуть-чуть, чтобы нос не блестел.

— Осади, осади назад, — говорят вам.

Рабочие и женщины осадили. Они вполне поняли. Революция затихла. Галифе скакнуло дальше.

Революция сменилась „порядком“ и парадом» (*Возвращение*, с. 37).

Отголосок этих мыслей звучит в речи Шмакова из повести «Город Градов»: «Кто мы такие? Мы за-ме-сти-те-ли пролетариев! Стало быть, к примеру, я есть заместитель революционера и хозяина! Чувствуете мудрость? Все замещено! Все стало подложным! Все не настоящее, а суррогат! Были сливки, а стал

маргарин: вкусен, а не питателен!» (*Взыскание погибших*, с. 90); в рукописи после последних слов идут фразы: «Мастеровой воевал, а чиновник победил! Чувствуете, граждане? Так наша цель, я считаю, с честью оправдать историческое доверие пролетариата и стать его достойным заместителем» (цит. по: *Корниенко 1993а*, с. 74).

В годы, когда шла работа Платонова над «Чевенгуром», подобные настроения проявились у целого ряда писателей (см. 128). Один из ярких примеров — написанный в 1928 и опубликованный в 1929 г. в журнале «Молодая гвардия» (№ 5) «полурассказ» Артема Веселого «Босая правда»; его герои — бывшие красные бойцы — в письме к своему командиру Михаилу Васильевичу (явный намек на Фрунзе, которого к тому времени уже более трех лет не было в живых) жалуются, что идеалы, за которые они боролись, через десять лет после боев гражданской войны оказались преданы: «Мы остались в живых по нашему счастью или по нашему несчастью. Тлеем в глухих углах, как искры далекого пожара, и гаснем. <...> За что мы, Михаил Васильевич, воевали — за кабинеты или за комитеты? <...> Голоса наши когда-то гремели на кровавых полях, а нонче они робко звучат в стенах канцелярий. Много погибло наших дорогих товарищей, но о них и помину нет местной властью. Нас, защитников и завоевателей, восхваляют и призывают только по большим праздникам да когда в нос колет — во время проведения какой-нибудь кампании, а потом опять отсовывают в темный угол. Закомиссарились прохвосты, опьянели властью. Ежели таковые и впредь останутся у руля, то наша республика еще сто лет будет лечить раны и не залечит» (*Веселый 1988*, с. 159—160). По поводу «полурассказа» 8 мая 1929 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП(б): в нем редакции «Молодой гвардии» объявлялся выговор за публикацию данного произведения, которое квалифицировалось как «однобокое, тенденциозное и в основном карикатурное изображение советской действительности, объективно выгодное лишь нашим классовым врагам» (цит. по: *Там же*, с. 160). Резкая критика «полурассказа» в печати велась с середины 1929 до начала 1930 г.

587 С. 154/151. — Не ищи, чумовой, несчастного дела! — В соседстве с фамилией Троцкого слово «чумовой» заставляет вспомнить о персонаже платоновского рассказа «Усомнившийся Макар» Льве Чумовом (см.: *Взыскание погибших*, с. 358), образ которого содержит явные аллюзии на Троцкого.

588 ...освещенная получерным светом коптильника. — Необычный эпитет, видимо, должен подчеркнуть, что свет сопровождается черным дымом.

589 С. 154/152. — Ослобони меня на ночь! — Ослобонить — освободить.

590 С. 155/152. Дванов тоже не понимал вина... — Т. е. не принимал, не употреблял.

591 С. 155/153. ...как будто какой черт на весах вешал человека... — «Взвешивание души» — распространенный мифологический мотив. Например, египетский бог мертвых Осирис воспринимался как царь и судья загробного мира: «Считалось, что перед ним предстает покойный, когда его сердце взвешивается на весах, где на одной чаше лежало изображение богини Маат, а на другой — сердце умершего. Оправданный попадал на „райские поля“ Иару, наслаждался вечной жизнью» (МНМ 1991, т. 2, с. 268). Ср. в библейской Книге пророка Даниила сюжет о царе Валтасаре, который во время пира видит кисть руки, начертавшей на стене непонятные буквы; Даниил объясняет царю смысл надписи: «...вот, что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: <...> Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан. V, 25—27). Сцена взвешивания душ постоянно присутствует на живописных изображениях Страшного Суда: «Св. Михаил (архангел), с крыльями и одетый в воинские доспехи, держит весы. На каждой чаше маленькая обнаженная фигура — человеческая душа. Душа праведника обычно тяжелая: фигура может стоять на коленях и молиться. Демон может перетянуть чашу весов — популярный мотив в нидерландской живописи. Взвешивание души, или психостазис, было в античной мифологии одной из функций Меркурия, который в этом и некоторых других аспектах был языческим прототипом Св. Михаила» (Холл 1997, с. 537).

592 С. 157/154. ...Опять у мужика гужа на шее. — Гужа, гуж — петля, привязь; в конной упряжи — кожаная петля на конце дуги, соединяющая ее с оглоблей.

593 Пятый год добро отсюда возим... — Косвенное указание на время действия: зима 1921—1922 гг.

594 С. 158/155. ...кафель из нее колоть будем. — Кафель — эмалированная керамика, изразец; здесь, видимо, в более широком значении — облицовочный материал.

595 С. 159/156. В свое детское погубленное время... — Эпитет «погубленное» не только дает характеристику времени (прошедшее, минувшее), но относится и к слову «детское», создавая вполне определенный образ детства героя (тяжелое, безотрадное).

596 ...безжалостно выберут по ветелке... — Т. е. по стельку, по веточке — все до единого.

597 ...васильки, донник и ветрянку. — Донник — травянистое кормовое и медоносное растение семейства бобовых; ветрянка — по-видимому, ветреница: один из видов анемонов, травянистое растение семейства лютиковых, с желтыми цветами.

598 Но такая трава живей и терпеливей квелых хлебов... — Квельй — слабый, безжизненный, вялый.

599 С. 160/158. — Блажной ты, а не грустный... — Блажной — беспокойный, шальной, взбалмошный, суетливый, капризный.

[23]

600 С. 163/160. Мужики думали и так и иначе... — Ср. определение русского как «человека двустороннего действия» (с. 102/101).

601 У нас Тимофей Плотников гостит с Исподних Хуторов. Вчерашний день продотряд от нас с жертвами отступил... — Возможно, автор «Чевенгура» вполне сознательно связал крестьянские волнения именно с Калитвой: «В октябре 1920 г. граждане с<ела> Ст. Калитвы восстали на почве изъятия продразверстки. Организатором восстания был Марк Гончаров. Потом во главе его стал житель Ст. Калитвы Иван Колесников <...> Отряд быстро вырос до 5000 чел., состоял преимущественно из конницы <...> Высланный для ликвидации Колесникова Павловским ревкомом полк был почти целиком уничтожен на ночлеге в сл<ободе> Терновке» (*Октябрьская революция 1927*, с. 86). В декабре 1920 г. воронежские газеты много писали об убийстве колесниковцами ряда представителей губернской власти: 11 декабря в слободе Смаглевке, на пути из Богучара в Кантемировку, в столкновении с отрядом Колесникова (под его предводительством) погибли заместитель председателя губисполкома Алексеевский, губвоенком Мордовцев, комендант губернской чрезвычайной комиссии Бахарев, начальник штаба особого отряда Бабкин, председатель Богучарского уездного ревкома Авдеев, следователи Поляков, Перекоресов и Розин (см.: *Воронежская коммуна. 1920. 14 дек.*).

Обратим внимание на известное сходство фамилии Колесников с фамилией платоновского персонажа — Плотников. Отряд Колесникова действовал до мая 1921 г., однако и летом 1921 г. подобные отряды на территории Воронежской области насчитывали в целом до 10—15 тыс. членов (*Октябрьская революция 1927*, с. 89). См. также 567.

Свои действия Колесников обосновывал мистически: будучи членом секты «краснодраконовцев», он провозглашал себя князем бесплотных, т. е. ангельских, сил (см.: *Путинцев 1930*, с. 45—46, 15) — ср. в «Чевенгуре» слова о том, что Плотникова мужики «уважают вместо скончавшегося попа» (с. 169/165); кстати, в середине XVIII в. фамилию Колесников носил первый руководитель («предтеча») общины «духовных христиан» — духоборов (см.: *Никольский 1988*, с. 301).

602 ...сразу понес свирепым карьером... — Карьер — самая быстрая скачка, ускоренный галоп.

603 С. 164/161. Деревенские собаки сначала осторожно и одиноко залаяли... — В слове «одиноко» актуализируются два значения: «однократно» и «поодиночке».

604 С. 164—165/161. Эти топтавшиеся были опасней бегущих... — Пример неожиданной смены «точки зрения»: слово «опасней», поскольку перед этим шла речь о нападающих Копенкине и Дванове, должно относиться вроде бы к ним (т. е. «опасней для них»); однако на деле оказывается, что «топтавшиеся» опасны как раз для их противников — защищающихся. Возможно также, что слово «опасней» — окказиональное употребление прилагательного «опасный» в значении «опасливый, трусливый». См. 474.

605 С. 165/162. Дванов удивился, что он не похож на бандита, а был обыкновенным мужиком и едва ли богатым. — Недовольство «продовольственной диктатурой» вызвало кризис, отразившийся в целой серии крупнейших восстаний. В 1920—21 годах гражданская война становится крестьянской войной; в 1921 г. центр РСФСР был охвачен почти сплошным кольцом восстаний; для борьбы с восстанием под предводительством Антонова в Тамбовской губернии была брошена армия под командованием М. Тухачевского, насчитывавшая 35 тыс. пштыков, 10 тыс. сабель, несколько сотен пулеметов, 60 орудий, имевшая на вооружении броневики и самолеты (Геллер, *Некрич*, 1995, с. 107—108). «Характерно, что во главе восстаний часто становились красные командиры, а участвовали в них демобилизованные красноармейцы <...> Тогда подобных людей называли бандитами, но это были именно рядовые крестьяне» (Медведев 1983, с. 76).

По мнению М. Геллера, «парадоксальная логика крестьянской войны опрокидывает брошюрные представления Дванова» (Геллер 1982, с. 187); но, думается, не следует переоценивать глубину изменений, которым подвергается здесь сознание героя: насколько можно судить, его политические убеждения в основном остаются прежними.

606 С. 166/163. ...революция — насильная штука и сила природы... — Идея созвучности политических преобразований внутренним тенденциям самой природы выражена уже в ранней публицистике Платонова; подобная мысль высказана и в финале повести «Сокровенный человек»: «Во второй раз — после молодости — Пухов снова увидел роскошь жизни и неистовство смелой природы, неизменной в тишине и в действии. <...> Отчаянная природа перешла в людей и в смелость революции» (*Собр. соч., т. 1, с. 396*). В повести «Котлован» трагикомическим символом «природы», пришедшей на помощь большевикам, выглядит гротескный образ медведя — молотобойца Мишки Медведева. В повести «Ювенильное море» читаем: «Большевизм идет впереди всей мучительной природы и потому ближе всех к ее радости» (*Взыскание погибших, с. 303*).

607 — Каюсь тебе, милый человек: никого... — Словом «каюсь» крестьянин как будто выражает чувство вины за отсутствие в Калитве «белых офицеров», точно их наличие было бы весьма желательно для Дванова.

608 С. 168/165. — Ему ништо нипочем: сволочь-человек! — Слово «нипочем» имеет значение «легко, необременительно, не причиняет вреда», однако Копенкин вкладывает в него прямо противоположный смысл: «не подходит», «не устраивает» (общий компонент — «не волнует», «не задевает»).

609 С. 170/166. ...непроходимой мочажинной... — Мочажина — заболоченное место.

610 С. 170/167. В то время Россия тратилась на освещение пути всем народам... — Пример дистанцирования повествователя во времени.

611 С. 171/167. ...все власти их оставили, жить стало жутко. — Нам бы хоть кого-нибудь, — просили крестьяне. — Эпизод ассоциируется с полуполюгендарной историей призвания славянами варягов на княжение.

612 Разве ж можно без власти: ветер без начала не подует, а мы без причины живем. — Ср. рассуждения Веретенникова в рассказе «Государственный житель»: «Без государства ты бы молочка от коровы не пил <...> Может, и трава бы не росла. <...> В африканской Сахаре вон нету государства, и в Ледовитом океане нет, от этого там и не растет ничего: песок, жара да мертвые льды!» (Собр. соч., т. 1, с. 102).

613 С. 171/168. ...культурный пробел прошел... — Пример языковой игры: сочетание, в котором употребляется слово «пробел», восстанавливает его «забытое» значение — «просвет» (ср.: «свет знания»); однако при этом не отбрасывается и нормативное значение — пропуск, пустота, отсутствие содержания. Столкновение двух оценочно противоположных значений рождает комический эффект.

614 С. 172/168. Хотя хлысты он уже себе нарезал в бывшей казенной даче... — Хлыст — цельный ствол поваленного дерева с неотрубленной вершиной, очищенный от сучьев; дача — часть лесничества, выделенная в самостоятельное хозяйство (в данном случае — государственное).

615 ...должен, по общественному приговору, соблюдать чужие интересы. — Т. е. быть представителем общественных интересов.

616 С. 172/169. ...разверстку теперь не берут... — Еще один знак исторического периода: решение о замене продразверстки продналогом было принято на X съезде РКП(б) в марте 1921 г.

617 С. 173/169. ...к Ленину в кремлевскую башню мужики ходили: три ночи сидели и выдумали послабление. — Здесь «сказочный» облик придан вполне реальным событиям. 11 февраля 1921 г. в «Правде» была напечатана докладная записка крестьянина О. И. Чернова под заглавием «Взгляды на сибирское крестьянство как на социальный элемент»: за несколько дней до этого Чернову, два месяца добиравшемуся в Москву из Сибири, удалось встретиться с Лениным и изложить ему свои соображения о замене разверстки налогом (см.: Чернов 1970, с. 300—301). По-видимому, под влиянием этой встречи

Ленин 8 февраля делает первый набросок соответствующих тезисов (см.: *Ленин ПСС, т. 42, с. 333*), а также решает дополнительно обсудить этот вопрос с представителями крестьянства. 1 марта Ленин подписал подготовленную наркомом продовольствия Цюрупой телеграмму председателю Уфимского губисполкома с предписанием обеспечить приезд «в Москву теперь же для совета по важным делам, касающимся крестьянства и крестьянского хозяйства», крестьян Уфимского уезда А. Р. Шапошникова и Т. Г. Кондрова (*Там же, т. 52, с. 311*); выбор был, по-видимому, неслучайным, поскольку в телеграмме, помимо фамилий крестьян, названы их имена и отчества; встреча с ними состоялась прямо перед X съездом, открывавшимся 8 марта. Крестьяне пожаловались на непосильную тяжесть продразверстки, попросив «заместо нее ввести свободную торговлю, как было раньше»; на предложение Ленина о переходе к натуральному продналогу они ответили, что «народ будет доволен этим» (*Котомкин 1957, с. 245—246*).

618 ...привыкнув к бестолковым ходатайствам. — Т. е. к безрезультатным, однако сохраняется и нормативное значение: «невразумительный, несвязный».

[24]

619 С. 173/169—170. Вечером Дванов и Копенкин поцеловались среди дороги... — «Мужская дружба, с удивительной лиричностью изображенная в „Чевенгуре“, представлена писателем как единственное реальное чувство, которым живы рыцари революции» (*Геллер 1982, с. 205*).

620 С. 174/170. ...во сне продолжается та же жизнь, но в обнаженном смысле. — Ср. в статье Платонова 1926 г. «Питомник нового человека»: «Во сне лишь продолжалась дневная работа мозга, только в более бесформенном и чувственном виде» (*Жить ласково..., с. 147*). Формулируемое в «Чевенгуре» соотношение сна и реальности по классификации Фрейда соответствует «сновидениям детского типа»: это «сновидения, представляющие неоттесненные желания в незамаскированном виде» (*Фрейд 1924а, с. 69*); автор сохранившейся в домашней библиотеке Платонова книги «Эйнштейн и религия» говорит о Фрейде: «Он приводит ряд детских сновидений и каждое из них является естественным продолжением дневной жизни наяву, но только в более приятной, так сказать, исправленной форме» (*Тан-Богораз 1923, с. 85*).

621 ...чтобы построить ей курень. — Курень — изба.

622 С. 175/171. В черноте ее волос вековала неженская седина... — «Женщина» здесь, в первую очередь, возрастная категория: седина, по-видимому, свойственна не для «женщины», а для «старухи».

623 С. 176/172. Сколь ни прекрасны ласточки, но они улетают осенью в роскошные страны, а воробьи остаются здесь —

делить холод и человеческую нужду. — «Патриотизм» воробьев будет подчеркнут и в позднем рассказе Платонова «Любовь к родине, или Путешествие воробья» (см.: *Собр. соч., т. 3*). Можно указать на противопоставление воробьев и ласточек в традиционной культуре: воробей — птица, наделенная преимущественно отрицательными свойствами; в народной легенде о распятии Христа воробей своим чириканьем выдал его преследователям, во время мучений Христа кричал *жив-жив!*, призывая продолжать эти мучения и не желая поверить в смерть распятого; за это Господь проклял воробья. В этих легендах (как и в некоторых сказках и поверьях) воробей противопоставит ласточкам, которые старались спасти Христа (*СД 1995, с. 430—431; Гура 1997, с. 586—587*).

624 С. 176/172. ...такие живородные существа, как мужик и воробей... — «Живородный» — то же, что и живородящий (см.: *Даль 1979—1980, т. 1, с. 539*), однако в отношении воробья такой эпитет, конечно, невозможен. Видимо, слово употреблено в значении «живучий».

625 С. 176/173. ...маленький, а какой цопенький... — Цопенький, цопкий — цепкий, настойчивый, расторопный.

626 С. 177/173. ...Плотниковы, Ганушкины да Цельновы. — Фамилию Ганушкин носит герой платоновского рассказа «Усомнившийся Макар».

627 ...на езд ужимистый... — «Ужимистые приемы — с кривляньем, с разными ужимками» (*Даль 1979—1980, т. 4, с. 477*).

[25]

628 С. 178/174. Теперь Дванов увидел город не местом безлюдной святости, а праздничным поселением, освещенным летним светом. — Подобное описание вызывает ассоциации с Пасхой (хотя действие происходит летом): «военный коммунизм», связанный с хроническим недоеданием, окончился, подобно Великому посту.

629 С. 178/175. «Ардулянц, Ромм, Колесников и К°». — Платонов дает одному из этих «первопроходцев» новой экономической политики фамилию председателя крестьянского восстания, которое было вызвано именно недовольством «старой» политикой, — Колесников (см. 601).

630 Дванов решил, что это нарочно... — Т. е. для вида, для видимости, не всерьез. Ср. в рассказе «Река Потудань»: «Бесмысленность жизни, так же как голод и нужда, слишком измучили человеческое сердце, и надо было понять, что же есть существование людей, это — серьезно или нарочно?» (*Собр. соч., т. 2, с. 184*).

631 С. 179/175. — Это тебе не губраспред! — Т. е. губернский распределитель — пункт «отоваривания» продовольственных карточек.

632 — На дрожжах ставите? — На закваске... — Закваска, в данном случае, старое тесто, добавляемое в новое и служащее возбудителем брожения.

633 ...размол не пайковый... — Т. е. хлеб изготовлен из более качественной муки, нежели тот, что выдавался в качестве пайка по карточкам.

634 Это белое черкасское мясо... — Т. е. вырезка, филе.

635 С. 179—176. ...упорядочивали разновески. — Т. е. весовые гири.

636 С. 180/176. Это были родоначальники улучшателей государственных служб, опередившие свое время. — Пример дистанцирования повествователя во времени.

637 ...Ленин взял, Ленин и дал. — Измененная фраза из Библии: «Господь дал, Господь и взял» (*Иов. 1, 21*). Ср. половицу «Бог дал — Бог взял».

638 С. 181/177. Вчера многие ели мясо <...> Было воскресенье... — Еще одна «пасхальная» деталь (см. 628).

639 ...сидели нищие и сознательно ругали Советскую власть <...> пропали нищие и голуби. — «Сознательно» — целенаправленно, осмысленно; хотя с «классовой» точки зрения ругающие Советскую власть поступают как раз «несознательно». «Несознательность» проявляется и в том, что нищие ведут себя «архаично» — в соответствии с устаревшей культурной традицией: стремясь разжалобить публику, они представляют себя жертвами «сильных мира сего»; однако подобная логика выглядит неадекватной: в новую эпоху появление нищих является признаком не понижения, а повышения общего уровня жизни, поскольку наметившееся имущественное расслоение — это положительное отличие от времен «военного коммунизма», когда все были равно «нищими» и потому профессионального нищенства не существовало.

Что касается голубей, то, с учетом традиционной христианской символики (голубь = Святой Дух), появление этих птиц (по аналогии с нищими) должно, по-видимому, восприниматься в контексте общей «пасхальной» атмосферы «обновленного» города.

[26]

640 С. 181/177. Люди начали лучше питаться и почувствовали в себе душу. — Ср. в повести «Джан»: «Здесь еда служит сразу для питания души и для того, чтобы опустевшие смиренные глаза снова заблестели и увидели рассеянный свет солнца на земле» (*Собр. соч., т. 2, с. 75*).

641 — Пище вариться некогда... — Т. е. нет времени на то, чтобы переварить пищу в бездействии.

642 С. 181/178. Пора уж на партсобрание идти... Ты пойдешь иль умней всех стал? — Ср. в повести «Город Градов»: «Теперь на собрание — ко всеобщей — попробуй не сходи!

Давайте, скажут, ваш билетик, мы отметочку там сделаем! Отметочки четыре будет, тебя в язычники зачислят» (*Взыскание погибших*, с. 88).

Реплика Шумилина — прямая аллюзия на реальные факты биографии автора «Чевенгура». В 1920 г. Платонов (с рекомендацией Г. З. Литвина-Молотова) был принят в кандидаты РКП(б), однако действительным членом партии так и не стал. В июле 1921 г. Платонова направляют на партийную учебу, и начавшуюся осенью 1921 г. чистку в партии он проходил как курсант Губсовпартишколы. В протоколе Комиссии по пересмотру, проверке и очистке личного состава РКП(б) от 30 октября 1921 г., содержащем материалы отчета курсантов, отмечено: «Платонов А., канд<идат> РКП с 20 г., билет № 33/54, рабочий, курсант. Отзыв ячейки как об отказывающемся посещать партсобрания, говоря, что я все, мол, знаю». Комиссия постановила: «Тов. Платонова исключить из кандидатов РКП как шаткого и неустойчивого элемента, недисциплинированного члена РКП, манкирующего всякими парт<ийными> объяс<анностями>, несмотря на свое развитие, сознательно уклоняется» (цит. по: *Ласунский 1999*, с. 164—165). 26 ноября газета «Воронежская коммуна» информировала, что секретарям партийных ячеек предписано отобрать партбилеты и кандидатские карточки у исключенных: среди них, в списке «вычищенных» членов ячейки Губсовпартишколы, значится и фамилия «Платонов», правда, без инициалов (см.: *К чистке партии 1921*). 30 декабря 1921 г. Платонов был исключен и из Губсовпартишколы (переименованной в Комуниверситет) «ввиду систематического непосещения лекций» (*Ласунский 1999*, с. 163).

2 февраля 1924 г., в ходе Ленинского набора в партию, Платонов, служивший тогда в Воронежском Губземотделе, вновь подал заявление о приеме в кандидаты РКП(б) — здесь эпизод с исключением из партии был представлен в ином духе: «С конца 1919 г. по конец 1921 г. (точных дат не помню) я был в партии большевиков, прошел чистку и вышел по своему заявлению, не поладив с ячейкой (вернее, с секретарем ее). В заявлении я указывал, что не считаю себя выбывшим из партии и не перестаю быть марксистом и коммунистом, только не считаю нужным исполнять обязанности посещения собраний, где плохо комментируются статьи „Правды“, ибо я сам их понимаю лучше, считаю более нужной работу по действительному строительству элементов социализма, в виде электрификации, по организации новых форм общежития, собрания же нужно превратить в искреннее постоянное, рабочее и человеческое, общение людей, исповедующих один и тот же взгляд на жизнь, борьбу и работу.

Я считаю, что такой поступок мой был отрицательным, я личное счел обязательным для всех, я теперь раскаиваюсь в этом ребяческом шаге и не хочу его ни приуменьшать, ни за-

малчивать. Я ошибся, но больше ошибаться не буду» (цит. по: Ласунский 1999, с. 211).

22 февраля 1924 г. бюро комячейки Губзо проголосовало за то, чтобы вновь принять Платонова в кандидаты РКП(б), однако этому воспротивился райком партии (о чем сам писатель информирован не был). В итоге президиум 2-го райкомпарта Воронежа 4 марта 1926 г. постановил: «Воздержаться от приема в партию т. Платонова», поскольку он «как интеллигент (именно так было написано в протоколе) недостаточно политически подготовлен» (*Там же*, с. 212—214); судя по всему, Платонов об этом решении так и не узнал.

643 С. 182/178. Набрал каких-то огарков и пошел бродить... <...> Они не огарки, товарищ Шумилин... — См. 515. Заметим, что в предыдущем повествовании не было эпизода, который бы в полной мере соответствовал данному диалогу: неясно, почему оба собеседника говорят о спутниках Дванова во множественном числе, ибо путешествовали они лишь вдвоем с Копенкиным.

644 Шумилин не стал разговаривать: значит, его бумаги были вернее людей. — «Исторический перепад провел резкую черту в поведении даже одних и тех же людей. В холодном, голодном, тифозном городе Шумилин отдает себе отчет в исчерпанности периода военного коммунизма. <...> Поэтому он посылает Дванова в губернию. <...> Давая задание герою, Шумилин понимает несовершенство руководства „из комнаты“ <...> Однако при следующей встрече в начале нэпа Саша общего языка с Шумилиным не находит. Тот уже знает, как жить и руководить, и кабинетное руководство его устраивает» (*Сви-тельский 1998, с. 13*).

645 — Ты все ходишь и думаешь, <...> — А уж пора бы нам всем молча и широко трудиться. — Ср. начало повести «Котлован», где Вощева увольняют с завода «вследствие <...> задумчивости среди общего темпа труда» (*Взыскание погибших, с. 170*).

646 С. 182—183/178—179. Прошлое же он считал навсегда уничтоженным и бесполезным фактом <...> Теперь он заведовал губутилем... — Губутиль — ведомство, занимающееся переработкой отходов в качестве вторичного сырья. Ср. в «Котловане»:

«— Вощев, а медведя ты тоже в утильсырьё понесешь? — озаботилась Настя.

— А то куда же? Я прах и то берегу, а тут ведь бедное существо!

— А их? — Настя протянула свою тонкую, как овечья ножка, занемогшую руку к лежащему на дворе колхозу» (*Взыскание погибших, с. 274*).

Образ персонажа-«позитивиста», для которого прошлое не имеет самостоятельной ценности, а является лишь мертвым «материалом» для будущего, встречаем в одноактной пьесе

«Голос отца»; здесь Служащий, уничтожая кладбище, где похоронен отец главного героя, Якова, объясняет последнему: «Мы любим строить красоту и пользу из утиля!» (*Голос отца*, с. 424). В рассказе «Счастливый корнеплод» о главном герое, младшем лейтенанте Харчеватых, говорится: «Он заботился о красоте и пользе, которые можно создать из подручного утиля» (*Избранное*, с. 756).

Трепетное отношение Платонова к «утилю», «праху» (т. е., по существу, к самой земле, почве) — результат соединения «супраморализма» Н. Федорова и открытий В. Докучаева (см. 492). «В. В. Докучаев открыл новое, особое естественносторическое тело — почву, новое, как он писал, четвертое царство природы, наравне с известными уже царствами минералов, растений и животных» (*Соболев 1961*, с. 26). По Докучаеву, почва — это наглядное органическое единство живой и неживой природы; она в значительной степени представляет собой останки живых существ, ранее на ней обитавших. Ср. высказывание М. Горького в статье 1926 г. о Пришвине, где Горький упоминает об идеях Докучаева и Вернадского: «Миллиарды людей удобрили землю своей плотью; поистине, это — наша земля» (*Горький 1929*, с. 11—12).

647 С. 183/179. ...либо мочалочки какой-нибудь... — В контексте рассуждений о созидании «нового мира» образ «мочалочки» вызывает неожиданную параллель с «Повестью временных лет»: здесь под 1071 г. изложена легенда о сотворении человека, которую языческие волхвы рассказывают воеводе Яну Вышатичу: Бог мылся в бане и вспотел, утерся ветошкой и бросил ее с неба на землю; Сатана заспорил с Богом, кому из нее сотворить человека; и сотворил дьявол человека, а Бог вложил в него душу — поэтому, когда умирает человек, тело идет в землю, а душа — к Богу (*Лаврентьевская летопись 1997*, стб. 176—177; в иной связи данный эпизод упоминается Т. Сейфридом (см.: *Сейфрид 1998*, с. 53)).

648 ...не наглядного продукта... — Здесь слово «наглядный» употреблено в буквальном значении: доступный для непосредственного наблюдения, «очевидный»; однако в сочетании с частицей «не» оно воспринимается и как «ненаглядный» — любимый, дорогой: тем самым как бы подчеркивается любовное отношение Фуфаева к изыскиваемым отходам.

649 С. 184/180. — Как вы поживаете? — Регулярно, — ответил Гопнер. — Здесь «регулярно» — нормально, упорядоченно (ср. «регулярная армия»); однако сохраняется и наиболее распространенное значение этого слова — «устойчиво повторяясь», «периодически»: вследствие этого возникает комичное впечатление, будто Гопнер «поживает» лишь время от времени.

650 ...больраненым красноармейцам... — Т. е. больным и раненым: распространенная в годы гражданской войны аббревиатура.

651 С. 185/181. В повестке дня стоял единственный вопрос — новая экономическая политика. — Десятая Воронежская губернская партийная конференция, посвященная обсуждению решения X съезда партии о переходе к нэпу, состоялась в сентябре 1921 г. (*Очерки истории 1967, с. 89*).

652 ...когда революция, тогда нет объективных условий... — Ср. рассмотрение вопроса о «компромиссах» в книге Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (см. 765). В докладе на XV партконференции в ноябре 1926 г. Сталин обвинял троцкистов в том, что те движутся по пути «„сверхчеловеческих“ прыжков и „героических“ вторжений в область объективного хода вещей» (*Сталин Соч., т. 8, с. 282*).

653 ...строить социализм ручным способом... — Т. е. непосредственно, конкретно-практически.

654 С. 187/183. ...реки Польного Айдара, на которой стоял их город... — Реальный Воронеж стоит на одноименной реке (неподалеку протекает и Дон); в первоначальной редакции повести «Эфирный тракт» встречается гидроним «Польской Воронеж» (см.: *Корниенко 1993а, с. 39*). Реальная река Айдар берет начало около пос. Ровеньки, относившегося в 20-х годах к Россошанскому уезду Воронежской губ. (ныне — Белгородская обл.) и течет с севера на юг по Луганской обл. (в начале века — территория Харьковской губ.), впадая в Северский Донец неподалеку от Луганска. В диалекте казаков айдар — «круглая казачья стрижка, <...> кругло обрубом, не в скобку» (*Даль 1979—1980, т. 1, с. 7*); польный — полевой (*Там же, т. 3, с. 258*).

655 С. 187/183. ...что такое товарообмен с крестьянами в пределах местного оборота... — Уже в первом наброске тезисов о переходе к продналогу 8 февраля 1921 г. Ленин намечал: «Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога» (*Ленин ПСС, т. 42, с. 333*). В докладе на X съезде РКП(б) о замене разверстки натуральным налогом он, в частности, говорил: «Я заранее предвижу и из бесед с товарищами знаю, что предварительный проект, который вам роздан, больше всего вопросов, законных и неизбежных, вызывает насчет того, что обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота. <...> громадная земледельческая страна с плохими путями сообщения, с необъятными пространствами, различным климатом, различными сельскохозяйственными условиями и проч. неизбежно предполагает известную свободу оборота местного земледелия и местной промышленности в местном масштабе. <...> Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата» (*Ленин ПСС, т. 43, с. 62—64*).

656 С. 188/184. — Надо буржуазию в местный оборот взять... — Термин «местный (товаро)оборот» переосмыслен в

духе фразеологизма «взять в оборот», т. е. решительно воздействовать.

657 В те времена не было определенного кадра знаменитых людей... — Пример дистанцирования повествователя во времени.

658 С. 189/185. Ему там было скучно... — Образ скучающего пожарного есть и в «Городе Градове»: «Проходя мимо пожарной каланчи, Шмаков слышал, как вздыхал наверху одинокий пожарный, томясь созерцанием.

„А все-таки он не спит, — с удовольствием гражданина подумал Иван Федотыч, — значит, долг есть! Хотя пожаров тут быть не может: все люди осторожны и порядочны!“ <...> А утром Градов горел; сгорели пять домов и одна пекарня» (*Взыскание погибших*, с. 85, 92).

[27]

659 С. 190/186. ...вот у меня коммунизм стихией прет — могу я его политикой остановить или не надо? — Видимо, имеется в виду «новая экономическая политика» (которая должна сменить «военный коммунизм»).

660 ...одетый в прозодежду коммуниста... — Прозодежда — производственная одежда, униформа.

661 — Чевенгур от Новоселовска недалеко? <...> — Конечно, недалеко. Только там гамаи живут и к нам не ходят, а у нас всему конец. — «Под Новоселовском, возможно, подразумевается Острогжск» (*Ласунский 1999*, с. 245). Гамай — видимо, сущ. по глаголу «гамить» — гомонить, шуметь (*Даль 1979—1980*, т. 1, с. 343). Что касается последней фразы, то она варьирует реплику одного из обитателей рая в «Рассказе о многих интересных вещах» (см. 333): «Дальше в пустынях есть кто-то. Но они к нам не приходят, и мы к ним, потому что мы в раю» (*Старик и старуха*, с. 90).

662 С. 191/186. ...должно быть, ушел на чердак спать. — Образ заснувшего пожарного обретает символический смысл: если учесть то, что говорилось выше о «зрителе», «свидетеле» (см. 56), то заснувший наблюдатель, эпизод с которым введен параллельно с рассказом Чепурного о Чевенгуре, — это знак того, что Дванов, слушающий рассказ, способен им увлечься: «нейтральная» составляющая его души дремлет, «активная» — бодрствует.

663 ...остановился формальный человек... — Т. е. «официальный», находящийся при исполнении служебных обязанностей (и, возможно, «одетый в форму»).

664 — Распопов! Наблюдатель! К вам обращается инспектор пожарной охраны! — Фамилию Распопов носит один из персонажей пьесы «Высокое напряжение» — «рабочий-ударник аварийной службы» (*Высокое напряжение*, с. 162); как и в «Че-

венгуре», эта фамилия связана с мотивом огня: Распопов заживо сгорает во время аварии (*Там же*, с. 174—175).

По наблюдению А. Яблокова, вероятно реминисценция из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (гл. XIX); ср. сцену дележа «должностей» между членами «Союза меча и орала»:

«— А Распо-опов? — обидчиво протянул Виктор Михайлович. — Вы же уже назначили Распопова?

— Да, в самом деле, куда девать Распопова?

— В брандмейстеры, что ли?..

— В брандмейстеры? — заволновался вдруг Виктор Михайлович.

Перед ним мгновенно возникли пожарные колесницы, блеск огней, звуки труб и барабанная дробь. Засверкали топоры, закачались факелы, земля разверзлась, и воронье драконы понесли его на пожар городского театра.

— Брандмейстером? Я хочу быть брандмейстером!» (*Ильф и Петров 1995а*, с. 244). Однако у Платонова заимствованная деталь берется «с обратным знаком» (см. 420): в пожарную охрану «назначен» именно Распопов; правда, автор «Чевенгура» сделал его не брандмейстером, а «разжаловал» в «простого топорника»: интересно, что подобным образом поступит Бендер с Паниковским в романе «Золотой теленок» (см.: *Ильф и Петров 1995б*, с. 73).

665 С. 191/187. Поведут, так пойду, — согласился виновный. — Мне безразлично... — Халатное отношение наблюдателя к своим обязанностям, по-видимому, отражает тяжелое материальное положение, в котором находились воронежские пожарные (в начале 20-х годов в городе было две пожарных части, общий штат которых составлял 130 человек); в одной из журнальных заметок о пожарных говорилось: «Жизнь настолько незавидна, что нет охотников на эту службу» (*Среди пожарных 1921*, с. 15).

666 С. 193/188. В тебе слабое чувство ума. — См. 506.

[28]

667 С. 194/190. Чепурный исподволь посмотрел на него чужими глазами. — Исподволь — «помалу, помаленьку, не вдруг» (*Даль 1979—1980*, т. 2, с. 54). Чужими глазами — вероятно, недобрым или отсутствующим взглядом.

668 Крестьянин увидел валяющуюся чеку... — Чека — деревянная затычка, удерживающая колесо на тележной оси.

669 — Товарищ Ленин, пишут в газетах, учет подлобил... — В пореволюционные годы Ленин неоднократно обращается к вопросу о важности учета и контроля в социалистическом строительстве. Так, в книге 1918 г. «Государство и революция» он пишет: «Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для „налажения“, для правильного функциони-

рования *первой фазы коммунистического общества*» (Ленин ПСС, т. 33, с. 101); в работе «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.): «Без всестороннего государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться не может, возврат под иго капитализма неизбежен» (Там же, т. 36, с. 184). В докладе на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. говорит: «Переход через социалистический учет и контроль хотя бы к одному из подступов к коммунистическому обществу необходим» (Там же, т. 44, с. 158).

670 ...из недобрых рук можно и в мешок набрать... — Т. е. небережливых, неумелых (об этимологии слова «добрый» — см. 457)

671 С. 195/191. — Миллион, если в горнице не спал... — Ср. в платоновском рассказе «Бучило» фразу: «Один аллимон (миллион. — Е. Я.), чаю попить», — с примечанием: «Время было старинное: миллиарды и тысячи тысяч свободно исчисляли простые люди. Большому делу учет шел!» (Епифанские шлюзы, с. 70).

Катастрофическая инфляция в годы «военного коммунизма» привела к тому, что один «довоенный» (1913 г.) рубль по покупательной способности в начале 1920 г. соответствовал 828 167 рублям, в 1920/21 финансовом году — 4 568 333 рублям, в 1921/22 финансовом году — 322 562 500 рублям. В ходе денежной реформы 1922—1924 гг. «новые» (обеспеченные золотом) рубли обменивались на «старые» (инфляционные) в соотношении 1:50 млрд, т. е. по $\frac{1}{500}$ золотой копейки за один миллион «старых» рублей (Черных 1998, с. 15, 242—243).

672 ...и снял у себя с горла, из-под рубашки, кожаную мошонку. — Мошонка, мошна — кошелек в виде мешочка с завязкой или затяжкой.

673 С. 196/191. ...о ней некому позаботиться, кроме любого гражданина. — Слово «кроме» — с ограничительным значением — сочетается со словом «любой», смысл которого предполагает именно отсутствие ограничений. Парадоксальная фраза обнаруживает столкновение двух картин мира, двух «логик»: бесхозность, стимулирующая воровство, осознается чевенгурцем как предпосылка истинного, «коммунистического», гуманизма.

674 Поэтому-то весь скот в Чевенгурском уезде имел сытый, отменный вид и круглые обхваты тела. — Фраза неоднозначна, поскольку не проявлена четко ее связь с предыдущим контекстом. По логике Чепурного, скот упитан оттого, что о каждом животном заботятся как о своем собственном. Однако поскольку речь идет об элементарном конокрадстве, то можно предположить, что «весь скот в Чевенгурском уезде» приобретен подобным образом — оттого он и хорош.

675 С. 196/192. Придется копенкинского рысака в поводу держать — на пристяжку некуда. — Держать в поводу — т. е. за уздечку; пристяжка — запряжка второй лошади (пристяжной) сбоку от оглобель для помощи первой (коренной). Ранее Чепурный собирался использовать рысака для упряжки (см. с. 193/189); примечательно, что намерение присвоить рысака сохраняется даже когда становится некуда его запрягать.

676 ...глядел на бесконечный горизонт... — Т. е., видимо, бесконечно далекий.

677 С. 197/192. Так я дал ему малость отавы... — Отава — прошлогодняя трава, остававшаяся зимой на лугу под снегом.

678 С. 197/193. ...заметил рогач у загнетки — револьвера он с собой не взял... — Рогач — ухват; загнетка — место на шестке или в самой русской печи около устья, куда загребают жар (угли). Не вполне понятно, почему слова старика внезапно вызывают у Чепурного мысль об оружии.

679 ...по дальним закорякам... — Закоряка — завал, лесная чаща, вообще труднодоступное место.

[29]

680 С. 197/193. На столе горела лампа, освещая за окнами огромную тьму. — Конечно, лампа не «освещает» тьму, а, наоборот, «оттеняет», подчеркивает темноту за окнами.

681 С. 198/194. ...это Драбан Иваныч! — Драбан — вероятно, от «драбант» — телохранитель. В начале XVIII в. драбантами в России называли кавалергардов — возможно, здесь имеются в виду рослые кавалергардские лошади. В казачьих войсках дореволюционной России драбант — офицерский денщик (см.: Макаров, Матвеева 1989, с. 97).

Имя-прозвище «Драбан Иваныч» (применительно к человеку) встречается в одном из сатирических стихотворений Платонова 1923 г. — «Рассказ о Непачевке»; однако, по сравнению с «Чевенгуром», здесь возникает иной образ:

Вон ползет мощой Драбан Иваныч,
Тощ (как будто он опоросился),
Враг законной пролетарской рвани,
Подошел ко храму, спрохвала перекрестился

(Жить ласково..., с. 135).

В рассказе «В прекрасном и яростном мире» встречаем фамилию «Драбанов» (Собр. соч., т. 2, с. 272); интересно, что сам Платонов использовал ее в качестве псевдонима — например, рецензия на книгу В. Закруткина «Академик Плющов» (изд. в 1940 г. в Ростове-на-Дону) подписана «И. Драбанов» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 20).

682 С. 199/194. ... но бандиты как будто умолкли. — Лишнее доказательство тому, что «бандитское» движение стимулировалось продразверсткой и затихло после ее отмены (см. 605).

683 ...в Совет с дворовой злобой не появляйтесь. — Т. е. со «злобой дня», с повседневными мелочами.

684 С. 199/195. Лишь бы бедность поблизости была, а где-нибудь подальше — белая гвардия... — Важно не только то, что «белая гвардия» должна быть «подальше», т. е. не должна мешать коммунизму, но и прямо противоположная идея: «белая гвардия», в принципе, непременно должна быть, существовать — наличие врага для «рыцаря» Копенкина необходимо. Ср. повесть «Котлован», где Сафонов заявляет: «Мы уже не чувствуем жара от костра классовой борьбы, а огонь должен быть: где ж тогда греться активному персоналу!» (*Взыскание погибших*, с. 221). Вероятно, в романе и в повести звучат отголоски известного тезиса об обострении классовой борьбы в ходе строительства социализма, который был выдвинут Сталиным на Июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б); на Апрельском (1929 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) резко критиковалось «отрицание тт. Бухариным, Рыковым и Томским неизбежности обострения классовой борьбы в нынешних условиях реконструктивного периода и попытки объяснить факт обострения классовой борьбы не социально-экономическими условиями, а так называемыми плановыми просчетами и недостатками местного аппарата» (*КПСС в резолюциях 1970, т. 4, с. 184*); эти драматические события разворачивались в то самое время, когда Платонов завершал работу над «Чевенгуром».

685 С. 200/195. ...под темным волнением весенней ночи... — Ранее говорилось, что действие происходит летом (см. с. 178/174, 181/177).

686 ...броситься наискосок к германскому кладбищу... — Т. е., вероятно, кратчайшим путем, не разбирая дороги.

687 С. 201/196. От скорости Копенкин чувствовал, как всплывает к горлу и уменьшается в весе его сердце. — См. 195.

688 ...слишком комплектна для долгой скачки... — Т. е. имеет «чрезмерную» комплекцию, чересчур массивна.

689 С. 202/197. Копенкин добрался до него через полчаса... — Получается, что Копенкин впервые заметил этого «далекого отчетливого человека», когда был на расстоянии нескольких километров от него.

690 С. 202/198. ...на нежность всемирного сожительства. — «Сожительство» употреблено в значении «сосуществование»; однако слово «нежность» актуализирует иной, сексуальный, смысл: «всемирное сожительство» предстает глобальным «содомом».

691 С. 203/198. ...и в тех оврагах ютились люди в счастливой тесноте — знакомые люди спящего, умершие в бедности труда. — Неразграничение планов сна и яви создает впечатле-

ние, будто «счастливой теснотой» названо существование «умерших»: овраги предстают чем-то вроде братской могилы, однако обитающие здесь «мертвецы» сохраняют и признаки живых («отились»).

692 ...любую шапку вмах заготовят... — Т. е. «одним махом». Мотив «шапочной работы» звучит и в повести «Ямская слобода» (см.: *Собр. соч., т. 1, с. 272—273*).

693 ...давно привыкший к массам людей. — Т. е. к их широкому разнообразию.

694 С. 203/199. Там живет общий и отличный человек... — Слово «отличный» (т. е. высококачественный) связано со значением «отдельный, частный»; поэтому по отношению к слову «общий» (т. е., в данном случае, «объединенный») оно предстает антонимом, а чевенгурский «человек» (характерно употребление этого слова вместо «люди») как бы получает прямо противоположные характеристики.

695 С. 203—204/199. — Ну, как же, понятно, есть <...> Их-то вне очереди выдумали... — Трудно определить, правду ли говорит Чепурный; во всяком случае, непонятно, о каком «сельском населенном пункте» идет речь, поскольку, как явствует из дальнейшего изложения, свое влияние чевенгурские коммунары распространяют лишь на сам город; впрочем, герой и раньше утверждал, что коммунизмом охвачен «громадный трудовой район» (см. с. 192/187).

696 С. 204/199. Копенкин спрашивал уже иным голосом, <...> и верит, что уже мертва старушка. — В слове «верит», вследствие «неправильной» сочетаемости, актуализируется значение «надеяться», что придает фразе странный смысл: «положительная» вера и «отрицательная» вера отождествляются; тем самым допускается, что смерть матери желательна — подобно тому, как желателен для Копенкина «социализм на водоразделах».

697 ...демобилизовал общество, одновременно с царской армией... — Слово «одновременно», по-видимому, употреблено в значении «наряду», «наравне».

698 С. 204/200. ...любая кочка — международное имущество! — Т. е. в равной мере принадлежит «пролетариям всех стран»; ср. фразу Копенкина: «Мы международные» (с. 162/159).

699 Скот мы тоже скоро распустим по природе <...> А ей человеком тоже быть охота! — Одним из известнейших источников подобных представлений является библейская книга пророка Исайи, в которой создана идеальная картина мирного сосуществования хищников и травоядных, животных и человека (см.: *Ис. 11, 6—9*). По-видимому, на этот источник ориентировался Достоевский в рассказе «Сон смешного человека»: «Они указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с которою они смотрели на них: точно они говорили с себе подобными существами. И знаете, может быть, а не

ошибусь, если скажу, что они говорили с ними! Да, они нашли их язык, и убежден, что те понимали их. Так смотрели они и на всю природу — на животных, которые жили с ними мирно, не нападали на них и любили их, побежденные их любовью» (*Достоевский 1972—1988, т. 25, с. 113*).

Мотив родственности, нерасторжимой связи человека и животного звучит уже в раннем платоновском творчестве. Так, в статье 1920 г. «Клуб-школа» читаем: «Самый хороший, самый разумный и сильный человек вышел бы тогда, если бы ребенка выкормила волчица в лесу, а когда он подрос и ушел бы от нее, то построил бы курень на реке, ел бы траву, а потом стал охотником, а потом пришел в города и одолел все книги и всякое человеческое знание, стал бы сам человеком, развил бы до конца ту возможность, которую он имеет, но рожденную от отца-человека» (*Чутье правды, с. 134*). В «Рассказе о многих интересных вещах» эта «программа» реализована; герой — сын женщины и волка: «В волчьей тоске зачал Ивана волк — Яким, Яким, человек почти существующий. По обличию — скот и волк, по душе, по сердцу, по глазам — странник и нагое бьющееся сердце» (*Старик и старуха, с. 44*); возможно, данная фраза содержит скрытую цитату — ср. образ сфинкса у Н. Федорова: «По голове — человек, по туловищу — скот и зверь. <...> Сфинкс — это изображение человеком самого себя в его нынешнем состоянии; это соединение двух природ и двух воль (хотений), человеческой и животной» (*Федоров 1995—1997, т. 3, с. 310*).

Приведем еще один фрагмент из «Рассказа о многих интересных вещах», предвосхищающий слова Чепурного:

«Иван уже подумывал, как бы и лошадей и коров приравнять во всем к людям, поселить в одном доме — и делать всем вместе одну жизнь — ласковую, простую, счастливую и глупую».

Но до поры отложил это.

Бродяги не пожелали.

— Лошадь, — говорили, — существо с рассудком и телом, благонравное, коровы и волы еще ничего себе, вот козлы — чертячи бельма, вонючи звери...

— Ну, обождем пока. Я дом еще лучше сделаю. Тогда всем вместе можно селиться. Более зверей и людей не будет — будут и близко друг к дружке телесами и душой. Зверь, брат, тоже большевик, но молчит, потому что человек не велит. Придет время, вскоре, заговорят и звери, остепенятся и образуются. Это дело человека. Он должен сделать людьми все, что дышит и движется. Ибо в кои-то веки он наложил на зверя гнет, а сам перестал быть зверем. Это потому, что еды мало было. Теперича еды хватит на всех, и зверя можно ослобонить и присоединить к человеку» (*Старик и старуха, с. 67*).

Образ «человека-зверя» появится в повести «Котлован», в рассказе «Мусорный ветер». Идеи Чепурного будут повторены

Високовским — героем повести Платонова «Ювенильное море»: «Коммунистическое естествознание сделает, вероятно, из флоры и фауны земли более близких родственников человеку... Пропасть между человеком и любым другим существом должна быть перейдена» (*Взыскание погибших*, с. 307).

Как предполагает Р. Вроон, подобные мотивы у Платонова могли возникнуть под влиянием Хлебникова: Платонов не мог не знать поэмы «Ладомир», опубликованной во втором номере журнала «ЛЕФ» за 1923 г., поскольку рецензировал, среди прочих, и этот номер журнала (см.: *ЛЕФ*).

700 С. 205/200. ...на урезе неба и земли... — Переосмысление термина: урез воды — граница воды у берега водоема.

[30]

701 С. 205/200. ...шел нищий Фирс... — Учитывая символику платоновских имен, можно предполагать в этом персонаже «Чевенгура» нечто чрезвычайно близкое, родственное его автору. Фирс — имя деда писателя по отцу (которого звали Платоном Фирсовичем, «Фирсанычем» (см.: *Чутье правды*, с. 115)); Фирсов — псевдоним, неоднократно использовавшийся самим Платоновым: вполне логичная замена фамилии-псевдонима (имя деда вместо имени отца). Ср. относящийся к началу 30-х годов замысел романа «Македонский офицер», героя которого зовут Фирсом (*Македонский офицер*, с. 245), а также имя главного героя рассказа «Река Потудань» — Никита Фирсов.

702 ...в степях обнажилось свободное место... — Здесь «свободное» — не только «пустое», но и место, «где царит свобода» (ср. «ревзоповедник» Пашинцева).

703 С. 206/201. ...у пожилого человека, смотревшего на тот город, слезились добрые глаза... — Имеем дело с резкой смелой «точки зрения»: описание «пожилого человека» по инерции воспринимается как портрет Фирса, о котором только что шла речь; однако впечатление оказывается ошибочным.

704 С. 208/203. ...небо над садами, над уездными малыми храмами и недвижимым городским имуществом... — Понятие «недвижимое имущество» утрачивает свой привычный смысл, поскольку сады и дома в Чевенгуре передвигаются (см. с. 207/202).

705 Это солнце веками освещало бы благосостояние Чевенгура... — Здесь начинается первое ретроспективное «отступление» — воспроизводятся воспоминания Полубезьева, однако вместе с тем содержится и взгляд на этого персонажа «со стороны».

706 С. 208/204. ...старые чевенгурцы... — Т. е. «дореволюционные», жившие в городе до организованного коммунарами «второго пришествия».

707 С. 209/204. Если старики в Чевенгуре жили без памяти, то прочие и вовсе не понимали, как же им жить, когда еже-

минутно может наступить второе пришествие... — Ср. характеристику русской ментальности и истории России в «Философических письмах» Чаадаева (см. 221).

708 С. 210/205. ...первым придумал ответ церковный певчий Лобочихин <...> «Живем ради бога, а не самих себя»... — Лобочихина — девичья фамилия матери самого писателя Марии Васильевны; эту фамилию в начале XX в. носили двое дядей Платонова — Михаил (опекавший сестру Марию и ее детей) и Владимир (*Ласунский 1999, с. 13—15*).

Что касается ответа, придуманного платоновским певчим, то диаметрально противоположную формулировку встречаем у Штирнера: «Мое отношение к миру таково: я ничего для него не делаю — ни бога ради, ни человека ради; все, что я ни делаю, я делаю лишь ради самого себя» (*Штирнер 1922, с. 260*).

709 ...учредил комиссию из сорока человек... — Количество членов комиссии по исследованию «божьей жизни» представляется неслучайным. «Число „сорок“ символизирует цельный цикл в процессе божественных свершений или определенную неделимую целостность: достаточно вспомнить то обстоятельство, что как Саул, так и Давид царствовали по сорок лет, Соломон также царствовал сорок лет, всемирный потоп продолжался сорок дней, Моисей был призван Богом в возрасте сорока лет и жил на вершине Синая сорок лет; Иисус Христос проповедовал сорок дней. С другой стороны, неверные евреи приговариваются к хождению в пустыне в течение сорока лет (*Числ. 32, 13*), на человечество обрушиваются дожди, которые длятся сорок ночей. У некоторых племен в жертву приносятся сорок лошадей и сорок быков. В похоронных обрядах требуется сорок дней, чтобы тело полностью освободилось от души или нескольких душ. Число сорок символизирует цикл жизни или нежизни» (*Маковский 1996, с. 396*). Ср. в повести «Джан» эпизод, когда Нур-Мухаммед «считает народ — сколько его умерло, сколько еще осталось», и на вопрос Чагатаева отвечает: «Больше сорока человек осталось <...> Много еще!» (*Собр. соч., т. 2, с. 53*) См. также 122.

710 ...смертельное старчество... — Старчество — пребывание в положении старца — отшельника, пожилого монаха. Ср. толкование старчества в романе «Братья Карамазовы»: «Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотречением. <...> Таким образом, старчество одарено властью в известных случаях беспредельною и непостижимою» (*Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 26*).

711 Чепурный не мог наглядно уяснить себе божьей жизни <...> вспомнил лозунг Ленина «Дьявольски трудное дело управлять государством»... — В послереволюционные годы Ленин в своих статьях и выступлениях неоднократно говорит

о трудностях создания нового государственного аппарата; в платоновском романе, вероятно, варьируется текст опубликованной в «Правде» 4 марта 1923 г. статьи «Лучше меньше, да лучше» (уже само ее название звучит как «лозунг»); ср.: «Надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством выше. <...> Я знаю, что это правило трудно будет выдержать и применить к нашей действительности. <...> Я знаю, что сопротивление нужно будет оказать гигантское, что настойчивость нужно будет проявить дьявольскую, что работа здесь <...> будет чертовски неблагодарной» (*Ленин ПСС, т. 45, с. 392*).

712 С. 211/206. ...председатель ликвидационного комитета по делам земства Чевенгурского уезда в старых границах. — Земство — органы губернского и уездного самоуправления, в ведении которых находились многие аспекты местной (главным образом, внегородской) жизни: пути сообщения, почта, здравоохранение, народное образование, страхование, благотворительные учреждения, ветеринарная служба, пожарная охрана и др. Словосочетание «ликвидационный комитет» (т. е. комитет по прекращению дел) звучит как мрачная пародия на «революционный комитет»: показательно, что именно после разговора с Полубезьевым Чепурный ощутил необходимость ликвидировать «плоть нетрудовых элементов» (*с. 212/207*).

713 Упразднить сегодня же явочным порядком! — Чепурный употребляет фразеологизм неправильно: «явочным порядком» означает — без предварительного разрешения, согласования; наличие же *приказа* (отдаваемого самим Чепурным) логически исключает возможность «упразднить» комитет подобным образом.

714 С. 212/207. ...необходимо ликвидировать плоть нетрудовых элементов!.. Здесь заканчивается ретроспектива, начавшаяся на *с. 208/203*.

[31]

715 С. 213/208. — А сегодня субботник... — См. 337.

716 ...искусственно жарил картошку, употребляя вместо постного масла воду... — Яркий пример языковой игры Платонова: в слове «искусственно» объединены две диаметрально противоположные оценки, два значения — «умело» (искусно) и «не по-настоящему, ненатурально».

717 — Товарищ Пиюся! — Прозвище (или фамилия) персонажа напоминает диалектное «пиюка, пиюха»: пьяница (*Даль 1979—1980, т. 3, с. 117*).

718 С. 214/209. — Да ведь теперь — наука... — Вероятно, подразумевается «научный социализм»; вспомним, однако, что раньше Копенкин высказывался об «ученых» крайне неодобительно (см. 577).

719 Был просто внезапный случай, по распоряжению обычной. — Чрезвычайки? — Ну да. — Блистательный пример нарушения причинно-следственных связей, демонстрирующего стиль жизни и мышления чевенгурцев: «внезапный случай» происходит «по распоряжению», а «чрезвычайное» и «обычное» предстают синонимами.

720 С. 215/210. — Не видите, лупачи... — Лупач — вероятно, зевака: от «лупать глазами» — бессмысленно глазеть (*Даль* 1979—1980, т. 2, с. 274).

721 ...на моей лошади революция пять лет ездила... — Судя по этой фразе, действие происходит в 1922 г.

722 ...сейчас же, на сыром месте, проверить революцию в Чевенгуре. — Т. е. без подготовки, спонтанно.

723 Я им сейчас коммунизм втугачку покажу... — Втугачку — вплотную, вблизи, тесно, крепко.

724 С. 216/211. «Совет социального человечества Чевенгурского освобожденного района». — Слово «социальное» (т. е. общественное) здесь употреблено, вероятно, в значении «объединенное». Симптоматично, что центр «освобожденного района» помещается на кладбище; с этим связан и утопический мотив покоя (ср. «вечный покой»).

725 «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и аз упокою вы». — Слова Иисуса Христа (*Матф. 11, 28*). Эта цитата актуализирует мотив «общего дома», присутствующий во многих произведениях Платонова 20—начала 30-х годов, — например, в «Рассказе о многих интересных вещах», «Иване Жохе», «Эфирном тракте», «Котловане», «Джан».

726 Нынче б ты эсером был, а я б тебя расходовал. — В данном контексте слово «эсер», скорее всего, лишается конкретного смысла и имеет широкое значение «контрреволюционер»; «расходовать» — «пускать в расход», расстреливать. Впрочем, возможно, что фраза намекает на реальное событие: летом 1922 г. в Москве состоялся политический процесс над членами партии эсеров; 12 из 32 подсудимых были приговорены к расстрелу, однако благодаря вмешательству ряда писателей (М. Горького, А. Барбюса, Р. Роллана, А. Франса), заявивших об угрозе «моральной блокады» со стороны социалистов Европы в случае приведения приговора в исполнение, он был провозглашен «условным».

727 ...бредущие летом в тайный Киев... — Т. е. таинственный.

728 С. 217/211. В тот день, когда Копенкин въехал в церковь, революция была еще беднее веры... — Пример дистанцирования повествователя во времени.

729 С. 217/212. ...открыто глядел на амвон... — Амвон — возвышение в храме, на котором совершается часть богослужения и произносятся проповеди.

730 ...за столом доброго красного цвета, сидели трое... — «Имеем дело с травестированным образом Деисуса» (Gunther 1992, с. 218).

731 ...имея на столе для справок задачник Евтушевского... — Евтушевский В. А. — автор «Сборника арифметических задач и численных примеров для приготовительного и систематического курса», выдержавшего в конце XIX—начале XX в. множество изданий.

732 ...Солнце в двенадцать раз больше Земли. — Цифра заведомо ошибочна: по диаметру Солнце превышает Землю более чем в 100, а по массе — в 333 000 раз.

733 — Ты почувствуй сам, товарищ Чепурный... — Примечательна попытка осуществить «суггестивное» воздействие сугубо рациональным способом. Анализируя рассказ «Фро», А. Жолковский называет в качестве одной из характерных черт антиутопической эпохи «волевою настройку произвольных состояний» (Жолковский 1994, с. 347).

734 Ты поласкай в алтаре Клавдошу... — По мнению Е. Толстой, мотив «любви в алтаре» восходит в эпизоду из романа Пильняка «Голый год», один из персонажей которого, Симон Зилотов, пророчит, что от совокупления «во алтаре» «начальника народной охраны» Яна Лайтиса и секретарши Оленьки Кунц (их близость символизирует для Зилотова «скрепление России с иностранным народом») родится Спаситель (см.: Пильняк 1990, с. 61).

735 ...а я дай предчувствием займусь — так оно или иначе! — Здесь видим явное нарушение фабульной логики: Чепурный ведет себя так, будто вопрос об объявлении солнца единственным работником в Чевенгуре еще только обсуждается, — однако, как явствует из дальнейшего, он давно уже решен и труд объявлен «пережитком жадности и эксплуатационно-животным сладострастием» (с. 222/217).

736 ...на лице виден старый экономический ум... — Вероятно, такой, какой был характерен для старого (т. е. буржуазного) экономического уклада.

737 С. 218/213. ...пролетарии уже вплотную соединены! — Иными словами, чевенгурцы «реализовали» лозунг «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

738 — А шагом никто в губернию не пойдет? — Т. е. пешком в губернский город.

739 С. 218—219/213. ...а люди лишь только нелюбовно дружат... — Т. е. пребывают в дружеских отношениях, не переходящих в любовные.

740 С. 219/213. ...живу как дубьект... — У Платонова неоднократно встречаются каламбуры на основе заимствованных слов: «жлоботоратория» — в «Рассказе о многих интересных вещах» (Старик и старуха, с. 79), «Родоначальниках нации...» (Епифанские шлюзы, с. 235), рассказе «О потухшей лампе Ильи-

ча» (Там же, с. 195), неоконченной эпистолярной повести (Однажды любившие); «констервация» — в «Котловане» (Взыскание погибших, с. 205).

741 С. 221/215. Подлежащее знает, а сказуемое позабыл. — В статье «О новом русском идеализме» Бердяев, критикуя современные философские системы за то, что они игнорируют реальность во всем ее живом разнообразии и богатстве, пишет: «Тут идеализм и пессимизм трогательно сходятся друг с другом и в конечном счете отстаивают одну и ту же философию сказуемого без подлежащего. Все эти гносеологически направления враждебны метафизическому познанию <...> Мы должны восстановить права живого опыта, <...> в котором мы непосредственно соприкасаемся с истинно сущим, с живой душой мира» (Бердяев 1907, с. 155).

742 С. 221/216. Революционная масса сама может успокоиться, когда поднимется! — Парадоксальность фразы в том, что действия, обозначаемые словами «успокоиться» и «подняться» (т. е. возбудиться), выглядят как одновременные.

743 ...отклонил такие попытки без всякой надежды. — Т. е. категорически.

744 Она же всей буржуазии даст обратный поворот... — Т. е. будет способствовать возвращению, возрождению буржуазного строя.

745 ...любой капиталист станет ученым и будет порошком организмы солить... — Данная фраза напоминает эпизод «Записок» В. Печерина; их автор, полагая, что «основной догмат» коммунистов: «Труд не достоин вольного человека. Всякая работа есть рабство», — саркастически повествует о встрече с неким «апостолом коммунизма», приверженцем идей Бабефа — медиком Бернацким, которому светлое будущее представляется следующим образом: «Ведь наука-то у нас сделает исполинские успехи. Изобретут, например, какой-нибудь химический порошок. Вот так посыплешь его на землю, и вдруг все родится само собою, — и рожь, и пшеница, и овес, без малейшего человеческого труда!» (Печерин 1915, с. 125—126; ср. оценку бабунизма Марксом (см. 136)). «Записки» Печерина были опубликованы в «Русских пропилеях»; косвенным подтверждением того, что они могли быть известны Платонову, служит упоминание об этом сборнике в его рецензии на книгу В. Шкловского «О Маяковском» (см.: *Собр. соч.*, т. 2, с. 355).

746 С. 221—222/216. Пускай тогда умный полезет к нему с порошком! — Копенкин отвечает на фразу Чепурного о «порошке», хотя Чепурный произнес ее когда-то в прошлом, причем в разговоре с Прокофием, так что Копенкин о ней знать не может. Проявляется характерная для Платонова тенденция: «Беседы не являются на самом деле диалогами, они приближаются к монологам: платоновские герои разговаривают „мимо“, это не обмен информацией, а самовысказывание» (Ристер 1988, с. 141).

747 С. 223/218. Революция завоевала Чевенгурскому уезду сны... — Контекстуальный смысл — «завоевала право на сны» (ср. «право на отдых»); однако во фразе актуализируется и иное значение: «перенесла в мир снов» (в иллюзорный, «потусторонний» мир); благотворность революции, «завоевавшей иллюзию», оказывается весьма сомнительной.

748 ...и главной профессией сделала душу. — Ср. в рассказе «Усомнившийся Макар»: «Дашь душу, раз ты изобретатель!» (*Возвращение*, с. 166).

749 ...и на гармонию схем! — М. Дмитриовская отмечает весьма симптоматичную ошибку персонажа: бюрократическая «гармония схем» вместо пифагорейской «гармонии сфер» — космической «музыки»; ср. в повести «Лунная бомба»: «Звезды физически гремят, несясь по своим путям <...> я у истоков земной поэзии: кое-кто догадывался на Земле о звездных симфониях и, волнуясь, писал стихи. Скажите, что звездная песня существует физически» (*Собр. соч.*, т. 1, с. 57).

750 С. 224/219. Вель освобождение рабочих — дело самих рабочих!» — По-видимому, цитируется выступление Ленина на IV конференции профсоюзов и фабрично-заводских комитетов Москвы (1918 г.): «Мы всегда говорили, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих» (цит. по: *Щеглов 1995а*, с. 618—619); Ленин воспроизводит формулу из написанного Марксом «Временного устава Международного товарищества рабочих»: «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом» (*Маркс и Энгельс Соч.*, т. 16, с. 12).

Ю. Щеглов обращает внимание на то, что фраза Ленина нашла пародийное воплощение и в романе «Двенадцать стульев»: «Дело помощи утопающим — дело рук самих утопающих» (*Ильф и Петров 1995а*, с. 358).

751 С. 225/220. ...всюду наблюдая землю, моря и людей как сплошное питание своей братской души. — Ср. в рассказе «Река Потудань»: «Никита по-прежнему ходил к Любе на квартиру, чтобы помогать ей жить и самому в ответ получать питание для наслаждения сердца» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 189). В рассказе «Старик и старуха»: «Это ведь желудок, сам устроенный из мяса, любит питаться тоже мясом, подобным себе веществом. Ум же или душа кормятся несвойственной себе пищей, тем, чего они еще не знают» (*Старик и старуха*, с. 179).

М. Дмитриовская возводит метафору «питание души» к диалогу из книги Платона «Государство»:

«— Вдумайся вот во что: голод, жажда и тому подобное — разве это не ощущение состояния пустоты в нашем теле?

— Ну и что же?

— А незнание и непонимание — разве это не состояние пустоты в душе?

— И даже очень.

— Подобную пустоту человек заполнил бы, приняв пищу или поумнев.

— Конечно.

— А что было бы подлиннее: заполнение более действительным или менее действительным бытием?

— Ясно, что более действительным» (*Платон 1971, с. 410*). Кстати, в связи с метафорой «пустота в душе» уместно вспомнить звучавшее ранее словосочетание «пустое сердце» (см. 89).

752 С. 228/222. ...если мы в губернию на тезисы отвечать не будем... — Видимо, слово «тезисы» употреблено вместо «запросы, распоряжения».

753 У нас сзади Ленин живет! — Копенкин имеет в виду либо то, что Ленин поддерживает коммунистов, либо то, что коммунисты постоянно чувствуют обязанность защищать от «гадов» самого Ленина; однако фраза несет и комически «буквальный» смысл.

754 С. 229/223. ...а ревзаповедник на сыром месте посадим. — Т. е. на новом, чистом, пустом; ср. также 722.

755 ...нагрудную рыцарскую кольчугу. — Судя по всему, имеется в виду не кольчуга, а кираса (вернее, ее нагрудная половина).

756 С. 229/224. Так там же, тебе говорят, широкую организацию совхоза назначили... — Появление Папинцева предварено разговором Копенкина с Чепурным и фразой последнего о возможной агрессии со стороны центральной власти: «оттуда у нас весь коммунизм ликвидируют» (с. 228/222), — именно в этот момент и появляется Папинцев с известием о том, что его ревзаповедник уничтожен. Данный эпизод — своеобразная «репетиция» сцены гибели Чевенгура.

757 ...тут тоже фактов не хватает, а люди сон видят. — Здесь «факты» — явь, реальная жизнь.

758 ...хоть и опасным, но живым и одетым. — Слово «опасный», по-видимому, сочетает значения «подозрительный» и «испуганный»

759 ...идет какой-то прошлый человек и, главное, пораженный армией... — «Прошлый» — одновременно «бывший» (т. е. утерявший авторитет) и «прохожий»; «пораженный» — здесь: «потерпевший поражение».

760 С. 230/224. ...доказала, сукушка. — Доказывать — доносить (*Даль 1979—1980, т. 1, с. 455*); сукушка — сучка.

761 ...тебя полубелые обидели. — Фраза комично сочетает два смысла: с одной стороны, «полубелый» — тот, кто поступает в контрреволюционном духе (похожий на белого — «наполовину белый»); но, вместе с тем, диалектное слово «полубелый» имеет значения: 1) злой, 2) глупый, придурковатый (*СРНГ 1965—1998, т. 29, с. 136*). Ср. встречавшееся ранее слово «получерный» (см. 588).

762 С. 230/225. ...шершавости в нем нет! — Видимо, имеется в виду растительность на теле.

763 С. 232/226. ...надо бы ее затрамбовать и перенести сюда на руках старый сад... По-видимому, реализован образ, принадлежащий Н. Федорову: превращение «кладбища в гульбище»; в платоновском романе он связан с отношением героев к прошлому как к «утилю» (см. 646). Коллизия «кладбища / гульбища» займет центральное место в пьесе Платонова «Голос отца», где Служащий, ломающий памятники и ограды, соблазняет Якова, чей отец похоронен на кладбище, картиной «светлого будущего»: «Камень и железо в утиль, дерева на корчевку, могилы сравнять в ничто, а сверху потом парк устроят — карусели, фруктовая вода, на баянах заиграют, девки придут и лодыри с ними — на отдых, и ты приходи тогда <...> Дай кладбище уберем, и ты все позабудешь: места тогда, где сейчас стоишь, не найдешь: тут ферверок будет иль квас по кружке отпускать — от жажды... <...> Смешно и забавно тут будет! Мороженое, компот в чашках, двор смеха в загородке. Я в Туле бывал и все видел. И тут же силомер и труба — на звезды глядеть: где, что и как там, отчего все произошло и куда потом денется; оказывается, мы все из тумана явились — так выходит по науке, — да пускай из тумана, нам одинаково!.. А дальше <...> буфет откроют; харчи, напитки, вафли, изюм, простокваша, блины, — что хочешь! Тут целый парад красоты будет, тут прелесть что такое начнется!» (*Голос отца*, с. 422—423). Мотивы пьесы «Голос отца» будут использованы Платоновым в рассказе «Счастливый корнеплод» (см.: *Избранное*, с. 758—761).

Разрушение кладбищ — постоянная черта советской действительности второй половины 20-х годов. Так, в 1927 г. Рогожско-Симоновский и Сокольнический райсоветы обратились в Моссовет с предложением полностью ликвидировать некрополи Андроникова, Алексеевского, Новоспасского, Всехсвятского, Единоверческого, Симонова, Покровского монастырей и разбить на их месте парки. Коммунальным отделом Моссовета надгробные памятники с разрушаемых кладбищ распродавались в качестве строительного материала (*Черных 1998*, с. 90).

Кстати, в допетровские времена кладбище и сад принципиально не могли сочетаться друг с другом: «Ограды около церкви и кладбища были лишены деревьев. Это считалось нечестьем на основании слов Второзакония: „не насадиши садов, ни древа подле требника Господа Бога твоего“» (*Костомаров 1993*, с. 233—234).

[33]

764 С. 233/227. У Чепурного после краткой жизни в Чевенгуре начало болеть сердце... — С этой фразы начинается второе «отступление» в прошлое; формально его начало не выде-

ляется, однако ретроспекция своеобразно подготовлена разговором Пиюси с Копенкиным об уничтожении «буржуев»: повествователь «подхватывает» тему и рассказывает о происшедшем подробно. Судя по всему, речь идет о событиях примерно двухлетней давности — ср. фразу Пиюси: «Мы <...> два года тут живем» (с. 214/209).

765 С. 233/228. — Иначе, брат, весь народ помрет на переходных ступенях. — Ср. фрагмент книги Ленина 1920 г. «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (глава VIII, из которой он взят, называется: «Никаких компромиссов?») — речь идет об оценке Энгельсом в 1874 г. позиции коммунаров-бланкистов, заявлявших, что они намерены «достигнуть своей цели, не останавливаясь на промежуточных стадиях, не идя на компромиссы, которые только отдалают день победы и удлинняют период рабства»: «33 бланкиста, — пишет Энгельс, — являются коммунистами потому, что они воображают, что раз *они* хотят перескочить через промежуточные станции и компромиссы, то и дело в шляпе, и что если — в чем они твердо уверены — на этих днях „начнется“ и власть очутится в их руках, то послезавтра „коммунизм будет введен“. <...> Что за детская наивность — выставлять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента!» Далее Ленин говорит о допустимости «компромиссов, вынужденных объективными условиями» (Ленин ПСС, т. 41, с. 50—51). См. также 652.

766 ...я читал, что человек как родился от обезьяны, так ее и убил. — Ср. рассуждения героя Ницше: «Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором. <...> Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком» (Ницше 1990, т. 2, с. 8—9).

767 С. 233—234/228. ...Комягина. <...>. Завын-Дувайло. <...> Сюсюкалова... — Фамилию Комягин будет носить персонаж романа «Счастливая Москва»; Завын-Дувайло — персонаж платоновского рассказа 1927 г. (см.: *Надлежащие мероприятия*, с. 133). Несмотря на кажущуюся литературность фамилий «буржуев», не все они вымышлены. Так, фамилия Сюсюкалов встречается в репортаже «Народный суд над бандитами» (см.: *Воронежская коммуна. 1921. 11 июня*), посвященном суду над участниками восстания Колесникова в Калитве: это фамилия одного из членов Воронежского Ревтрибунала, и характерно, что Платонов в романе «расстрелял» его самого. В номере «Воронежской коммуны» от 26 ноября 1921 г. (цитату из него см. в 642) И. Л. Сюсюкалов назван в числе коммунистов 2-го райкомпарта Воронежа (там состоял на партийном учете и Платонов), мобилизованных на постоянную работу в уезды: примечательно, что он был направлен в Богучарский уезд (см. 312).

768 С. 234/228. ...Пиюся до этого работал двадцать лет каменным кладчиком... — Как уже отмечалось (764), сам Пиюся

рассказывал Копенкину, что «новые» чевенгурцы живут в городе два года (с. 214/209).

769 С. 234/229. ...мы будем не виноваты <...> Раз мы революция, то мы кругом виноваты! — Здесь в слове «виноваты» ослаблено современное значение («являться источником чего-либо неблагоприятного») и актуализируется более архаичное и обобщенное — «нести ответственность, быть обязанным». Ср. очерк Платонова 1920 г. «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик»: «Неведров, кузнец воронежских мастерских, выштамповывает под огромным паровым молотом дышла и рамы для паровозов, как художник-творец. И ворочает накаленный металл, как великий артист железа. <...> Во всем виноват Алексей Филатыч. Но только немногие из нас „виноваты“ перед ним» (*Возвращение*, с. 33).

770 С. 236/230. Пиоса оцепил район площади красноармейцами, а внутрь буржуазной публики ввел худых чекистов. — Смысл слова «худых» не вполне ясен; скорее всего, оно обозначает не оценку («плохие»), а физический признак — «тощие»: именно благодаря своей комплекции чекисты в состоянии разместиться «внутри буржуазной публики». Обращает на себя внимание несоответствие данного эпизода дальнейшему сюжету: «В Чевенгуре в первый и последний раз, откуда ни возмись, внезапно появляются солдаты. <...> Больше в романе никаких красноармейцев в чевенгурском мире и „худых чекистов“ нет. Даже тогда, когда чевенгурцы принимают бой с кавалерийской бандой, товарищ Пиоса сражается без поддержки чекистов и красноармейцев» (*Шиндель* 1989, с. 215). Остается предположить, что красноармейцы и чекисты исчезли из Чевенгура после расстрела — тогда же, когда Пиоса был смещен с должности председателя чрезвычайки (см. с. 232/226).

771 С. 237/231. — Коцай их, ребята! — Коцать — убивать.

772 — Баба, обмотай мне горло свивальником! — Свивальник — лента, которой обвязывали запеленатого младенца; вновь своеобразно сближены смерть и «возвращение в детство» (см. 96).

773 — У меня там вся душа течет! — Ср. в повести «Ямская слобода»: «Душу же свою Филат ощущал, как бугорок в горле» (*Собр. соч., т. 1, с. 283*). В повести «Котлован»: «Сердце мужика самостоятельно поднялось в душу, в горловую тесноту» (*Взыскание погибших, с. 238*). В романе «Счастливая Москва» Самбикин извлекает «вещество жизни» из шейной железы (*Счастливая Москва, с. 43*). «В основе русского народного взгляда на душу лежит именно понятие дыхания: дух, дышать, дыхание, душа. У римлян spiritus (дуновение, дыхание, дух, душа) одного корня с глаголом spirare (дуть, веять, дышать). <...> У большинства народов слова дух, душа, дыхание, ветер — восходят к одному корню. Местожительство души — в нижней части шеи, где при дыхании „живчик бьется“» (*Гальковский* 1916, с. 82; см. также: *Котляревский* 1868, с. 192; *Клин-*

гер 1911, с. 39; Соболев 1913, с. 44—45; Дмитровская 1998, с. 24; ср. в романе Достоевского реплику Федора Павловича Карамазова, испытывающего в некоторые моменты «духовный страх»: «Душа у меня точно в горле трепещется в эти разы» (Достоевский 1972—1988, т. 14, с. 86). Можно вспомнить также о «христианской физике» Дм. Панина, стремившегося дать идее «души в горле» научное обоснование (см.: Панин 1993, с. 85—88).

774 ...лежал на земле с оскудевшим телом... — Т. е., видимо, утратившим силу, ослабевшим.

775 Либо дай поскорее руку... — Ср. 509.

776 С. 237—238/232. Пиюся взял шею Завына левой рукой, <...> а затем дважды прострелил его шею... — М. Геллер отмечает сходство этого фрагмента романа и эпизода рассказа Бабеля «Берестечко»: «Прямо под моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой. Старик взвизгивал и вырывался. Тогда Кудря из пулеметной команды взял его за голову и спрятал ее у себя подмышкой. Еврей затах и расставил ноги. Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись» (Бабель 1992, т. 2 с. 69).

777 С. 239/233. — Бедней мертвеца нет пролетария на свете. — Фраза практически повторена в «бедняцкой хронике» «Впрок» (см.: *Возвращение*, с. 153). Ср. слова Н. Федорова в одном из писем 1900 г.: «Умершие — это уже самые униженные и оскорбленные смертельно» (Федоров 1989, с. 349); такова же логика Чепурного: жизнь отнята, и к мертвому (даже «буржу») возникает уже совсем иное «классовое» чувство — он низведен смертью до положения «люмпена» и потому становится близок Чепурному, как все обездоленные. В повести «Котлован» читаем: «Моя мама тоже себя сволочью называла, что жила, а теперь умерла и хорошая стала»; «Все мертвые — это люди особенные» (*Взыскание погибших*, с. 218, 223).

Обнаруживаемое платоновскими персонажами представление о смерти не как о природно-биологическом, но прежде всего как о социальном феномене, функции общественных отношений, напоминает идеи анархистов-«биокосмистов», организации которых в начале 20-х годов существовали в Москве, Петрограде и ряде других городов. Заявляя, что «биокосмизм — это новая идеология, для которой краеугольным принципом является понятие личности, возрастающей в своей силе и творчестве до утверждения себя в бессмертии и в космосе» (*Биокосмисты* 1922), биокосмисты предельно «социологизировали» смерть, подчеркивая ее «классовый» характер; ср.: «Борьба со смертью предполагает борьбу с угнетателями, потому что смерть действует всегда в союзе с имущими массами. Как угнетатель и палач, она шадит угнетателей и палачей и поражает сельский и городской пролетариат. <...> Угнетатель-буржуа — вот самый точный образ смерти» (*Агиенко* 1922). Не

исключено, что Платонов, интересовавшийся проблемами орошения и мелиорации, был знаком с книгой одного из активных «биокосмистов», П. Иваницкого, «Искусственное вызывание дождя и управление погодой посредством регуляции атмосферного и земного электричества» (М., 1925).

778 С. 239/233. ...и жены мертвых не могли больше заплакать. — Здесь заканчивается ретроспекция, начавшаяся на с. 233/227.

[34]

779 С. 239/234. ...если же долго не выходило случая покусать, то он знал, что когда-нибудь все равно наестся, и не болел от голода. — Подобный пример «воздействия» рассудка на инстинкт встречаем в рассказе «Государственный житель»: «Мы у Советской власти по водяному делу на первой заметке стоим. Черед дойдет — и напьемся. Аль мы не пили сроду? Как в город пойдешь, так и пьешь» (*Собр. соч., т. 1, с. 98*).

780 С. 240/234. — Расскажу ему письмо своим голосом — так же складно получится! — Ср. в романе Сервантеса комичный «пересказ» Санчо Пансой якобы потерянного им письма Дон Кихота к Дульсинея (*Сервантес 1924, с. 65*).

781 ...жили люди и другим мешали жить. — Перефразированный афоризм «Живи и жить давай другим» (начальная строка стихотворения Державина 1798 г. «На рождение царицы Гремиславы»).

782 Гопнер в этот час спускался с городской горы, к реке Польному Айдару и видел мощеную дорогу <...> По этой же дороге шел невидимый отсюда Луй... — Интереснейший пример, показывающий, что платоновский повествователь близок к персонажам не только «внутренне» (идеологически, стилистически), но и «внешне» — пространственно: наблюдая ландшафт «сверху», он при этом как бы находится рядом с Гопнером (ср.: «невидимый отсюда»).

783 С. 240/235. ...четыре часа рвался подлещик... — Поскольку выше (с. 240/234) отмечалось, что панорама города открылась Лую в момент, когда Гопнер еще только подходил к реке, то получается, что Луй мог в деталях рассмотреть город, находясь не менее чем в четырех часах ходьбы от него (т. е. на расстоянии 15—20 км).

784 С. 241/235. ...постройки противоположного города. — Т. е. стоящего на противоположном берегу; однако такое словоупотребление подчеркивает и «идейную» противопоставленность города как символа «оседлости» — и вечного движения, приверженцем которого является Луй.

785 С. 241/236. — Теперь не отживет! — Отживет — ожить.

786 С. 242/236. ...сделано без всякого запаса сечения! — Т. е. без запаса прочности, с предельной нагрузкой (Гопнер

использует термин из области прикладной механики, теории сопротивления материалов).

787 С. 242/237. ...на хлыста голавликов попробовать... — Нахлыст (нахлест) — способ ужения рыбы, плавающей и кормящейся близко у поверхности воды: движение забрасываемой удочки (снаряженной без грузила и поплавка) напоминает движение хлыста. Ср. в «Епифанских шлюзах»: «в зарю густо идет рыба на нахлыст» (*Епифанские шлюзы*, с. 266).

788 С. 242—243/237. ...всюду он замечал над собою свет солнцестояния, от которого земля накапливала растения для пищи... — Вместо словосочетания «стоящее солнце» употреблен специальный термин: солнцестояние — момент, когда высота Солнца над горизонтом в полдень максимальна (летнее солнцестояние 21—22 июня) или минимальна (зимнее солнцестояние 21—22 декабря). Вследствие «неправильного» словоупотребления создается впечатление, что данное астрономическое явление (речь должна идти, по-видимому, лишь о летнем солнцестоянии) имеет бесконечную продолжительность и неизменно спутствует Люю, где бы он ни находился.

789 С. 243/237. ...тот похож на садовое дерево <...> с распушенностью ветвей и вязкой крепостью древесины. — Сам Луй, между тем, утверждал, что человек похож скорее на коня, чем на дерево, и на этом основании предлагал ревкому «немедленно стронуть Чевенгур в даль» (см. с. 223—224/218—219).

790 ...сухие руки, отвыкшие от людей. — Смысл определения неясен; вероятно, отвыкшие от рукопожатий или объятий.

791 — Они съели того козла отпущения! <...> Теперь сами будут виноваты в жизни. — Яркий пример «реализации» языковой метафоры; см. также 769.

792 С. 243—244/238. ...там жил одинокий комсомолец <...> Человека, сволочи, не видят... — Ср. статью Платонова 1921 г. «Черный спаситель»:

«Все зло в том, что все идут к верху, т. е. от труда, из полезного кровавого шарика каждый хочет сделаться вошью.

Никто не поймет, что истинное восхождение есть опускание.

Все ниже и ниже — к недрам, к корням труда и человечества. Вы увидите, какая там скрыта революционная энергия.

Да здравствуют темные низы человечества — машины и чернорабочие» (*Черный спаситель*).

Сходные мотивы звучат и в «Че-Че-О»: «Юноши, попавшие в цех, никому не дороги, да и им тоже не дорого работать за станком — ими и затыкают всякие выборные должности, а потом они сами делаются профессиональными руководителями, без всяких прочных, товарищеских связей с мастерами. Больше того, многие молодые рабочие на завод смотрят лишь как на исходную точку своей будущей общественной карьеры, как на временное, бросовое ремесло. Он поработает год, много — два, по всем документам — он уже рабочий и тогда на-

чинает идти во всякие высокие двери проф-парт и сов-организаций; а где дверь занята для него, он уже сумеет ее толкнуть. Там, наверху, в руководящих сферах, молодому человеку представляется теплота обеспеченной жизни, почетность положения и сладострастное занятие властью» (*Возвращение*, с. 90). Подобную карьеру пытается сделать один из персонажей «Котлована» — Козлов.

793 С. 244/238. ...я могу цельным масштабом руководить! — Явная переключка с рассказом «Усомнившийся Макар», центральной коллизией которого является разрыв между «целостным масштабом» и «частным Макаром» (см.: *Взыскание погибших*, с. 369).

794 ...четвертый разряд положили... — Т. е. определили заработную плату, соответствующую четвертому разряду тарифной сетки.

795 ...на всей шестой части земного круга... — Гогнер использует понятие «земной круг» в значении земля, суша. Похожее словоупотребление — в пьесе «Шарманка»: «У нас всего много — у нас одна шестая всего земного глобуса...» (*Взыскание погибших*, с. 570). Вместе с тем в одном из платоновских рассказов конца 20-х годов фигурирует «завод особого назначения имени „1/6 суши“» (*Товарищ пролетариата*, с. 115); в романе «Счастливая Москва» о потомках циклопов говорится, что «они удержали за собой шестую часть земли» (*Счастливая Москва*, с. 24).

796 С. 246/240. ...у моей бабы на пуд живого мяса пять пудов мелкобуржуазной идеологии. Вот контрвес какой висит! — Контрвес — противовес. Ср. в рассказе «Бессмертие»: «Она ровно центнер до обеда весит, мещанка такая!...» (*Старик и старуха*, с. 168).

797 С. 247/241. Его лодка-душегубка... — Душегубка — долбленая лодочка (*Даль 1979—1980, т. 1, с. 505*).

798 ...особое, всегда трудное лицо отца... — Слово «трудное» характеризует как мироощущение рыбака — отразившиеся в чертах и выражении лица трудные размышления о мире, так и напряжение памяти его сына — трудность воспоминания, зрительного представления; ср. «неуловимую» внешность самого Александра (с. 368/357).

799 ...в борьбе со своим, не видимым никому, единственным врагом. — В статье 1920 г. «О науке» Платонов называл «затаенной страстной мечтой» человечества «конечную победу над своими врагами — природой и смертью» (*Чутье правды*, с. 53).

800 — Зачем ты плачешь, шкалик? — Шкалик — маленькая бутылочка водки или стопка.

801 С. 249/242. Если же остаться работать навсегда, то этому занятию не будет ни конца, ни улучшения. — Ср. цитируемую Розой Люксембург полемику Толстого с Золя по вопросу о целесообразности труда (264); см. также 939.

802 С. 249/243. Одни сутки Копенкин прожил в Чевенгуре обнадеженным, а потом устал от постоя в этом городе, не чувствуя в нем коммунизма... — После этого момента Копенкин длительное время не будет упоминаться в тексте (до с. 303/295): начинается очередная ретроспектива — третья (см. 778).

803 ...созерцания контрреволюционной благодати природы... — Ср. эпизод пьесы «Шарманка» — на вопрос Мюд о том, почему у нее в груди «бывает то хорошо, то нет», Алеша отвечает: «Это вредительство природы, Мюд.

Мюд. Она фашистка?

Алеша. А ты думала — кто?

Мюд. Я тоже думала, что она фашистка. Вдруг солнце потухнет! Или дождь — то капает, то нет! Верно ведь? Нам нужна большевицкая природа — как весна была — правда? А это что? *(Показывает на местность.)* Это подкулачница, и больше ничего. В ней планового начала нету. <...>

Алеша. Пускай она посветится еще. *(Глядит на местность.)* Мы ее тоже ликвидируем скоро, как зажиточное привиденье. Мы ведь ее не делали, зачем же она есть?!

Мюд. Поскорей, Алеша, а то ждать скучно» *(Взыскание погибших, с. 543).*

804 Однако он организовал чтение той книги вслух... — Тем не менее Чепурный будет говорить Копенкину, что Карла Маркса «сроду не читал» (см. с. 213/208).

805 С. 250/244. ...наука еще не кончена, а только развивается: неспелую рожь не косят. — Ср. фрагмент брошюры Бакунина «Бог и государство»: «Совершенство <...> науки всегда в будущем, иначе говоря, оно никогда не будет достигнуто и завершено <...> я подразумеваю абсолютную, истинно универсальную науку, которая воспроизводила бы идеально, со всей полнотой и во всех бесконечных подробностях систему мироздания, анализируя и координируя все законы природы, проявляющиеся в непрерывном развитии мира. Очевидно, что такая наука, высшая цель всех усилий человеческого ума, никогда не будет вполне и абсолютно осуществлена» *(Бакунин 1918, с. 33).* См. также 577.

806 ...это сделает ликвилком эвакупункта... — Эвакупункт — эвакуационный пункт: объединение лечебных и эвакуационно-транспортных учреждений, занимавшихся во время войны организацией лечения и эвакуации раненых, больных и т. п.

807 Если же остатки появятся в Чевенгуре, то смертная казнь на них возвращается в двадцать четыре часа. — Ср. реальную коллизию в истории «философского парохода» (на котором в 1922 г. были высланы из России многие деятели науки и искусства как «активные контрреволюционные элементы») — с его пассажиров была взята подписка: «В случае бегства с

пути или возвращения подлежу высшей мере наказания» (см.: *Осоргин 1992, с. 236*).

808 С. 251/245. ...утомленные сокращением служащие... — Имеется в виду сокращение штатов.

809 ...сидельцы тихо поднялись... — Т. е. сидевшие; основное значение слова «сиделец» — продавец в лавке.

810 ...нарисованные мелом надмогильные кресты... — Бытовая реальность обретает характер зловещего символа, напоминая о легендарной Варфоломеевской ночи — избиении католиками протестантов в Париже 24 августа 1572 г.: накануне этой акции двери домов, где жили протестанты, были помечены крестами. Несмытые кресты как бы подсказывают, что уцелевшие пока «старые» чевенгурцы обречены пасть жертвами своеобразной войны «за веру».

С другой стороны, ср. детали быта «федоровцев» (см. 334): «Военизированный характер федоровской секты сказывается в том, что у них есть старшие и подчиненные, есть нагрудные знаки отличия и своя форма. Хаты, шапки, одежда — все отмечается крестиками. Старшие носят до 15 крестиков. На хатах ввиду скорого пришествия Христа и „страшного суда“ написаны буквы „Х“ и „В“, что значит „Христос Воскрес“» (*Путинцев 1930, с. 54*).

811 С. 252/246. ...в залежи неземлеустроенной степи... — Землеустройство — система государственных мероприятий, упорядочивающих землепользование.

812 ...в сочельник коммунизма! — Характерно употребление слова «сочельник» (канун Рождества или Крещения) в аспекте темы «светопредставления», обновления мира.

813 С. 253/247. ...в пустом и постном Чевенгуре... — Эпитет «постный» усиливает аналогии чевенгурского коммунизма с монастырским братством.

814 Кузнец Сотых уже привык к разочарованию, ему было одинаково жить, что в слободе Калитве, что в чужом городе... — Входя в состав ретроспективы (см. 802), эпизод встречи Сотых и Чепурного относится к прошлому; при этом обратим внимание, что выраженные здесь радикальные взгляды кузнеца (призывающего Чепурного к решительным действиям) резко отличны от его позиции в более поздней по времени беседе с Копенкиным и Двановым после «падения» восставшей Калитвы (см. с. 167—169/164—166): вероятно, это одно из проявлений многочисленных причинно-следственных «нестыкровок» в романе, но можно также предположить, что через какое-то время после встречи с Чепурным Сотых разочаровался в коммунистических идеалах.

815 С. 254/248. ...испытывая притворство Чепурного... — Т. е. оценивая, не притворяется ли он.

816 ...Карл Маркс глядел со стен, как чуждый Саваоф, и его страшные книги не могли довести человека до успокаивающего воображения коммунизма... — «Мифологизация» обра-

зов Ленина и Маркса связана с различным пониманием культурно-исторических источников их деятельности; по логике романа, Ленин более «народен» (см. 146, 148); «Маркс противопоставлен Ленину как письменное слово, книга, наука — устной речи» (Рустер 1988, с. 143).

817 С. 255/249. ...революция-то поменьше распускается. — Т. е. теряет организованность, дисциплину.

818 С. 257/251. ...постановлять будем затем, а сейчас надо класть. <...> словом тебе сказал — и конец. — Обыгрывается скрытая антонимия слов «постановлять» (в значении «ставить») и «класть»; кроме того, актуализируется двусмысленность последнего: Чепурный употребляет его в значении «убивать» («очищать город от остатков буржуев»), Прокофий — в значении «накладывать» (резолуцию); показательно, что Чепурный отказывается подписывать приказ.

819 ...не послушались словесной резолюции — приказа, приклеенного мукой... — Парадоксально отождествляются понятия «устный» («словесный») и «письменный». О хлебе как паллиативном средстве построения «нового мира» — см. 136, 897.

820 С. 258/251. ...запасной хлебофуражной базы... — Фураж — зерно для корма скота.

821 ...по советскому состоянию и движению образов мыслей принадлежит к революционно-благонадежным элементам. — Контаминация двух устойчивых словосочетаний: «ход (движение) мыслей» и «образ мыслей» — приводит к комичному впечатлению, будто «образы мыслей», т. е. политические убеждения, персонажа пребывают в постоянном изменении (что, конечно, несовместимо с «благонадежностью»).

822 С. 259/253. Тот наклонился на свои обездоленные руки... — Ср. 790.

823 С. 262/256. — Ты сроду крупчатки не ела... — Крупчатка — пшеничная мука высшего сорта.

824 С. 264/257. ...в дождевых лунках... — Т. е. в лужах.

825 Отвыклиши от жен и сестер... — Обратим внимание, что в романе почти ничего не говорится о предыдущей жизни чевенгурских большевиков (за исключением Прокофия Дванова).

826 ...жили самодельно... — Ср. замечание о «самодельных» лицах большевиков (201).

827 С. 264/258. ...попросил товарища Кирея... — В платоновском рассказе 1943 г. «Сампо» прозвище Кирей получит на фронте главный герой — карел Нигарэ (см.: *Собр. соч., т. 3, с. 70*).

[36]

828 С. 267/260. ...запряг ее при помощи Пикоси в фазтон. — Фазтон — конная коляска с откидным верхом.

829 ...рассматривал карту генерального межевания... — Карта, на которой обозначены границы земельных участков.

830 С. 267/261. ...потолстевший благодаря гражданской войне... — Ср. в повести «Сокровенный человек» слова Шарикова: «Я от боев и классовой солидарности всегда становлюсь гуще и комплектней телом, а как все пройдет — я сам усохну!» (*Взыскание погибших*, с. 139)

831 ...а если обратно, то гони прочь в степь! — Ср. 340, 350, 504.

832 С. 268/261. ...хотя бы как тайные товарищи. — «Тайные» — видимо, непонятные, непривычные: ср. 727.

833 ...увлечение пролетарским однородным человеком... — Т. е. буквально «одного рода» — пола: идея своеобразного «коммунистического андрогинизма».

834 С. 269/262. ...бедность и горе размножились настолько, что, кроме них, ничего не осталось... — Парадоксальным образом, исключительное распространение бедности и горя оценивается как максимально желательный результат (ибо при этом не остается «богатых»). Подобная логика была достаточно характерной для эпохи «военного коммунизма»: «Ситуацию разрухи и голода, сложившуюся в стране в результате гражданской войны, большевики пытались представить в виде коммунистической добродетели, исповедуя принцип „равенства в нищете“. Так, в докладе СНК V Всероссийскому съезду Советов 5 июля 1918 г. Ленин утверждал, что социализм „везде будет строиться во время разрухи, во время голода“» (*Черных*, 1998, с. 24). См. также 639.

835 С. 271/264. ...написал символ Чевенгура... — «Слово символ вошло в употребление в применении к тому, что на греческом Востоке называлось „учением веры“» (*ППБЭС* 1992, т. 2, стб. 2059); ср. «Символ веры» — перечень основ вероучения, основных догматов.

836 С. 273/266. — А зачем газ жег... — Газ — керосин.

837 — Я в темноте без музыки уснуть не могу, <...> Мне хоть муха, а пусть жужжит... — Ср. наблюдение Фрейда по поводу страха темноты у детей — ребенок, боящийся темноты, поясняет: «Когда кто-то говорит — становится светлее» (*Фрейд* 1922—1923, т. 2, с. 195).

838 Целого товарища бросили... — Специфически «неправильная» сочетаемость слов заставляет актуализировать в слове «целый» всю совокупность значений: «1. Весь без изъята, полный. <...> 2. Значительный, большой. <...> 3. Невредимый, без изъяна, ущерба» (*Ожегов* 1985, с. 758); поэтому однозначно интерпретировать фразу невозможно.

839 ...послушали <...> не шагает ли обратно Жеев, или он уже мертвым лежит до утра. — «Алогичность» синтаксической конструкции позволяет увидеть, как процесс восприятия («послушали») переходит в размышления («или он уже...»), хотя внешне этот переход не маркирован. Семантическая недостаточность и нелогичность строения фразы приводит к

парадоксу: создается впечатление, что смерть временна и «утром» предстоит воскрешение.

840 С. 273—274/267. Все большевики вышли из Чевенгура, один Кирей лежал, окруженный степью, как империей... — Вновь логическая «ошибка»: противопоставление фиктивно, поскольку и вне города «большевики» остаются так же (и даже более явно) «окружены степью», как и Кирей.

841 С. 275/268. — Тут теперь и звезды полетят к нам... — Н. Малыгина отмечает связь данного эпизода «Чевенгура» с драмами А. Блока «Незнакомка» и «Песня Судьбы», где возникает образ героини — «падучей звезды» (Блок 1971, т. 4, с. 79—98, 137).

842 ...птицы могут заговорить, как отжившие дети... — Возможность заговорить, существующая для людей вообще, приписывается лишь ожившим, воскресшим детям.

843 С. 276/269. — А еще она петь не будет? — Нет <...>. Она три раза уже пела. — Число «три» воспринимается как значимое (хотя и неясно, в чем именно состоит смысл «троекратного пения»); актуализируются фольклорно-мифологические ассоциации.

844 С. 276—277/269. Какая-нибудь полоумная буржуйка с братом <...> Ей, стало быть, охота начать жизнь сначала! — Сходную мизансцену видим в 4-м действии пьесы «14 Красных Избушек»: на сцене «маленький кузовок в форме цилиндра, устроенный сплошь из плетня», — «тюремный колхозный кузовок»; заключенная в нем Суенита, «невидимая, негромко поет изнутри тюрьмы» (*Жизнь главной жизнью*, с. 343); умершему брату «буржуйки» изофункционален образ умирающего ребенка Суениты (см.: *Там же*, с. 352—353).

Ср. традиционный сказочный мотив «герой в бочке», который «родствен мотиву героя в рыбе и происходит от него» (Пропп 1986, с. 243). Возражая О. Ранку, который дал образу бочки фрейдистское обоснование и рассматривал ее как метафору чрева, Пропп связывает данный мотив с инициационными обрядами: «Бочка — действительно чрево, но не материнское, а чрево животного, дающего магическую силу» (*Там же*, с. 244). Соотнося мотивы космогонических мифов с различными стадиями пренатального состояния, Ф. Кейпер приводит суждения голландского психотерапевта М. Литарта Пеерболте: «Яйцу свойственно ощущение покачивания туда-сюда, словно на большом водном пространстве, и одновременно ощущение того, что оно есть часть этой воды. Нельзя еще говорить о настоящем сознании. Существует ощущение одной лишь бесконечности и того, что яйцо составляет часть этой бесконечности» (цит. по: Кейпер 1986, с. 129).

845 С. 277/270. Восьмеро большевиков уперлись руками в бак и покатали его прочь, в обратную от Чевенгура даль... — Характерно, что чевенгурцы не открывают бак, не проникают в него, т. е. не «инсценируют» метафору оплодотворения (см.:

Топоров 1995, с. 585) и не позволяют содержащимся в нем людям выйти на свет («родиться»). Мифопоэтический мотив «герой в бочке» в платоновском романе «претерпевает сильные изменения — его героям не суждено вернуться в жизнь» (Дмитровская 1996, с. 33).

846 ...скорость его нарастала быстрее покинутого пространства. — Фраза лишь внешне логична: грамматически связанными оказываются слова, которые в языке объединены лишь ассоциативно, как принадлежащие к одному семантическому полю.

847 С. 278/270. ...приткнулся через полминуты мирным тупым ударом в потухший овражный песок, будто котел поймали чьи-то живые руки и сохранили его. — Обратим внимание на возникающую здесь совокупность мотивов: 1) утопический «город будущего» и его создатели; 2) погибающая «буржуйка» (воплощавшая лирическое, «ностальгическое» начало); 3) котел в овраге-«могиле» (напоминающий одновременно саркофаг и материнскую утробу). Такая «связка» позволяет усматривать в данном эпизоде романа «зерно» центральной сюжетной ситуации повести «Котлован».

848 С. 279/272. ...из Почепского УЗО. — УЗО — уездный земельный отдел. Почеп — город в Брянской обл., примерно в 600 км к северо-западу от мест, где происходит действие «Чевенгура» (южная часть Воронежской обл.). В Лискинском районе Воронежской обл. имеется село Почепское (Ласунский 1999, с. 247).

849 ...хотим развести плимутроков, так я сюда пришел к хозяевам — не дадут ли они нам петушка да пару курочек на племя... — Плимутрок — порода кур. «Куриный» мотив будет развит в рассказе «Бессмертие»: ср. эпизод с «составителем поездов» Полуторным, который «пришел к начальнику станции посоветоваться, где достать петуха для его плимутроковских кур. <...> Эммануил Семенович сам вышел к Полуторному. Составитель сказал ему, что он не знает, как быть, и круглые сутки тоскует: у кур его нету подходящего, достойного петуха; куры те особые, несутся круглый год и теперь мечутся, кричат без петуха, а некоторые уж летать приучились — высоко поднимаются в воздух, как форменные птицы, и оттуда кудахчут. Сумасшествие природы!» (Старик и старуха, с. 160—161). Кстати, как уже отмечалось (см. 18), фамилия «Полуторный» напоминает фамилию главного героя романа — Дванов.

850 С. 280/272. — Больше курей тут нету, — сказал Кирей. — Была намердн одна, так я ее всю скупал... — Ср. в «Рассказе о многих интересных вещах»: «Поглядел-поглядел на курицу Кондратий.

— Что ты голову мне морочишь, скорбь на земле разводись. Хоть бы две, а то одна, сука!

Поймал, защебил ее за шею и оторвал ей курью башку.

— Тварь натуральная, тебя и смерть не брала...» (*Старик и старуха*, с. 56—57).

851 С. 280/273. ...для любой нечаянной души... — Т. е. явившейся неожиданно, непредсказуемой; ср. также фразеологизм «души не чаять».

852 ...в общей обоюдности... — Слово «обоюдность» предполагает наличие лишь двух субъектов и тем самым противостоит слову «общая»; в результате переосмысления возникает образ людского множества, словно разбитого на пары: каждый с каждым находится в дружеских отношениях, однако общее интегрирующее начало не выявлено.

853 С. 281/274. ...спят себе все, как колчушки. — Колчушка — деревяшка, головешка.

854 С. 282/274. ...там жила рожь и куши лебеды... — Слово «куши» (кроны деревьев) употреблено в значении «заросли, кусты».

855 С. 283/275. ...степное море выдали... — Вероятно, имеется в виду Каспийское море — ср. в «Рассказе о многих интересных вещах» эпизод, когда «босота собирается Иваном в большевицкую нацию»; нищие бродяги, явно напоминающие чевенгурских «прочих», движутся от Каспия, ведя с собой «царицу» — Каспийскую невесту (см.: *Старик и старуха*, с. 59—61): ее образ восходит, по-видимому, к Шамаханской царице из пушкинской «Сказки о золотом петушке». См. также 32.

[37]

856 С. 286/279. ...скажи: всего мира, все равно он ихний. — Вероятно, это вариация на тему «Манифеста коммунистической партии»: «Пролетариям нечего <...> терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» (*Маркс и Энгельс Соч., т. 4, с. 459*).

857 С. 287/281. ...и все разные на вид, хотя по необходимости одинаковые — сплошной пролетариат. — Видимо, обгрывается частичная синонимия слов «необходимость» и «нужда»: по необходимости — т. е. вследствие нужды, из-за бедности.

858 С. 288/281. ...живите здесь честно — во главе ревкома! — Фразу Прокофия можно воспринять как стилистическую ошибку (правильнее было бы: «во главе с ревкомом»), однако в свете предыдущего спора с Чепурным (с. 286—287/279) ее следует понимать буквально: масса — «глава» ревкома, который, согласно Чепурному, является лишь проводником ее желаний (см. 871). Обратим внимание, что Прокофий, ранее выступавший с иных позиций, приветствуя «прочих», высказывается в духе Чепурного, видимо, «формулируя» его интуиции.

Ср. сходную логическую «ошибку» в повести «Джан»: «народ избрал свой Совет трудящихся, куда членами вошли все люди» (*Собр. соч., т. 2, с. 87*).

Отметим также, что проблема взаимоотношений массы и авангарда была одной из тем партийной дискуссии, поводом к которой послужили письма Троцкого в ЦК от 8 и 24 октября 1923 г. В письме «Новый курс» (8 декабря 1923 г.) и в брошюре под тем же названием (начало 1924 г.) Троцкий, в частности, говорит об опасности аппаратного бюрократизма в партии: «Новый курс <...> в том и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самостоятельности, самоуправления партии <...> партия должна подчинить себе свой аппарат» (Троцкий 1990, с. 199).

859 С. 289/281. Мы — не братья, мы товарищи, ведь мы товар и цена друг другу <...> лучше будет разрушить весь благоустроенный мир, но зато приобрести в голом порядке друг друга... — Антитеза «родство — товарищество» встречается во многих произведениях Платонова; так, в романе «Счастливая Москва» Божко приглашает пролетариев всего мира переселиться в СССР, где «можно жить среди товарищей счастливей, чем в семействе» (*Счастливая Москва*, с. 12). Ср. утверждение Н. Федорова: «Социализм — обман; родством, братством он называет товарищество людей, чуждых друг другу, связанных только внешними выгодами; тогда как родство действительное, кровное, связывает внутренним чувством» (Федоров 1995—1997, т. 1, с. 59). Ср. также фразеологию секты «духовных христиан», которые называли себя «„купцами русскими“, скупившими — скопившими „всех земель товары“ (духовные, конечно)» (П. А. 1926, с. 27).

Как отмечает М. Дмитриовская, слово «товарищи» понимается Чепурным в духе «народной этимологии» как производное от слова «товар», т. е. ценность, вещь; уничтожение имущества он считает одним из главных условий осуществления утопии: жизненное чувство людей-товарищей должно расходоваться не на вещи, предметы, а на ближних; «Платонов вскрывает изначальный смысл устоявшихся метафор, таких, как *иметь друзей, приобретать друзей*, обнажая при этом метафизические корни процесса обладания вообще» (Дмитриовская 1994в, с. 86).

«Приобрести в голом порядке» — т. е. в «чистом», пустом мире (после разрушения «благоустроенного» мира несправедливости; ср. «Интернационал»: «Весь мир насилия мы разрушим / До основанья...»); разумеется, при толковании данного оборота неизбежна и двусмысленность: словосочетание «в голом порядке» ассоциируется с образом «голого человека» (см. 203).

860 ...пролетарии всех стран, соединяйтесь скорее всего! — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — финальный лозунг «Манифеста коммунистической партии» (Маркс и Энгельс Соч., т. 4, с. 459). «Скорее всего» — т. е. прежде всего, в первую очередь, как можно быстрее.

861 С. 291/283. Кто отопрет мне двери / <...> / Увы — не знаю я!.. — Слова этой песни почти дословно повторены в пьесе «Шарманка» (см.: *Взыскание погибших*, с. 593).

862 С. 292/284. ...стих Карла Маркса... — Судя по тому, что эти слова звучат в контексте разговора о «нерусских», «интернациональных пролетариях», можно предположить, что «стихом» (ср. стихи Священного Писания) назван лозунг «Коммунистического Манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединитесь!»

863 С. 292/285. — Нам нужна железная поступь пролетарских батальонов... — Почти точно цитируется заключительная фраза работы Ленина «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.): «Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата» (*Ленин ПСС, т. 36, с. 208*).

864 С. 293/285. ...человек, которому можно дать от 20-ти до 60-ти лет... — Ср. в рассказе «Счастливый корнеплод»: «У него была та наружность, которая могла соответствовать возрасту от тридцати до шестидесяти лет; во всяком случае, можно было сказать, что человек жил еще свою первую сотню лет» (*Избранное, с. 755*).

865 С. 294/286. ...развязывания сил противоположных классов... — Т. е. противостоящих, враждебных.

866 С. 295/287. В уме всегда остальные лежат... — Т. е. остатки.

867 С. 297/289. — Писец плотнику хату не поставит, <...> Пока человека не кончишь, он живет дуром... — Фразы трех персонажей лишь внешне напоминают пословицы. «А. Платонов, создавая собственную, достаточно разветвленную фразеопаремиологическую систему, как характерную примету культурной вселенной своего художественного мира, вводит в тексты произведений авторские по происхождению псевдопословицы, псевдопоговорки, афоризмы, идиомы, эмоционально окрашенные и бранные выражения (практически не используя при этом традиционные, русские)» (*Савельзон 1992а, с. 320; Савельзон 1997, с. 129*). Дуром — не порядком, как попало (*Даль 1979—1980, т. 1, с. 502*).

868 — Принято почти единогласно... — Судя по слову «почти», мнение кого-то из четырех «голосовавших» воспринято Чепурным как негативное; скорее всего, это фраза Якова Титыча: «Так будет терпимо» — именно потому, что ее в целом одобрительный смысл вполне ясен, по сравнению с туманными высказываниями Жеева, Кирея и Пикоси.

869 ...бумагу пишут до смерти вперед? — Перенос ударения на предлог придает фразе двойной смысл: «до смерти» — обозначение не только временной границы, но и образа действия.

870 С. 298/291. Я одна, мальчишкой был... — Одна — однажды.

871 С. 299/291. — Так раз ты их собираешь, — стало быть, они сами друг друга хотят. — Одним из значимых контекстов для диалога Якова Титыча с Прокофием представляется толстовская философия власти; ср.: «Приказывающие принимают наименьшее участие в событии»; «всякое совершившееся событие неизбежно совпадает с каким-нибудь выраженным желанием и, получая себе оправдание, представляется как произведение воли одного или нескольких людей <...> Что бы ни свершилось, всегда окажется, что это самое было предвидено и приказано <...> исторические лица и их приказания находятся в зависимости от событий» (Толстой 1928—1958, т. 12, с. 319, 321). См. 858.

872 С. 300/292. — А я бы, товарищ Чепурный, предложил храм... — Именно в храме впоследствии (с точки зрения логики фабульного времени) Копенкин впервые встретится с членами чевенгурского ревкома (см. с. 216—217/211—212).

873 ...великий почин. — «Великий почин» — название статьи Ленина, написанной в 1919 г. и посвященной организации коммунистических субботников.

874 С. 301/293. ...а мы его жилили из ревкома... — Жилить — жалить, кусать, больно бить.

875 С. 302/294. ...на той же лошади, что ездил за пролетариатом. — Ранее говорилось, что Чепурный вернулся из губернии на лошади, которую он впервые увидел пасшейся на городской площади (с. 196/191).

[38]

876 С. 303/295. На обратном пути из губернского города Пашинцева настиг Копенкин, и они прибыли в Чевенгур рядом на конях. — Ранее описывалась встреча Чепурного и Копенкина с изгнанным из ревзаповедника Пашинцевым на берегу реки (см. с. 228—229/223—224); здесь же мы видим как бы «второй вариант» появления Копенкина и Пашинцева в Чевенгуре, поскольку ниоткуда не следует, что они на время покидали город. Отметим, что «второе» описание приезда оставляет впечатление, будто в Чевенгуре герои не впервые: об их появлении здесь говорится без особых подробностей.

877 Копенкин погружался в Чевенгур, как в сон, чувствуя его тихий коммунизм теплым покоем по всему телу... — Здесь также имеется расхождение с предыдущим повествованием: раньше впечатление Копенкина от Чевенгура изображалось по-иному — оно было явно негативным (см. с. 249/243).

878 ...через пузо у них нитки натянуты... — Смысл фразы неясен; возможно, речь идет о часовых цепочках.

879 Копенкин вспомнил хутор Пашинцева, молчаливую босоту, ночевавшую в господском доме... — Фактическое несоответствие: Копенкин, строго говоря, не может вспомнить «босоту», поскольку не видел ее в ревзаповеднике воочию, а

лишь слышал о ней от Пашинцева: «Сюда с весны вся губернская босота сходится...» (с. 158/155).

880 С. 304/296. ...если бы не ожидал Александра Дванова... — Заметим, что хотя при «втором» своем появлении в Чевенгуре Копенкин и не пишет приглашающего письма Дванову, однако все равно ждет его приезда.

881 С. 305/297. ...тогда их утешал Копенкин... — В данном фрагменте фамилия не выполняет смысловозначительной функции, поскольку братья персонажа, скорее всего, носят ту же фамилию, что и он сам.

882 С. 308/300. — Ты завтра разбуди меня, чтобы я не умер; а то я забуду и умру. — Мотив «сознательного» поддержания жизни, мысль о необходимости постоянного «жизненного усилия» звучит и в других произведениях Платонова. Так, в повести «Джан» о Гюльчатай, матери главного героя, говорится: «Маленькое лицо ее стало хищным и злобным от постоянной печали или от напряжения удерживать себя живой, когда жить не нужно и нечем, когда про самое сердце свое надо помнить, чтоб оно билось, и заставлять его работать. Иначе можно ежеминутно умереть, позабыв или не заметив, что живешь, что необходимо стараться чего-то хотеть и не упускать из виду самое себя» (*Собр. соч., т. 2, с. 36—37*). О ребенке говорится: «Девочка дышала во сне редко и почти незаметно, было страшно, что она может забыть вздохнуть и тогда умереть» (*Там же, с. 42*).

883 С. 308—309/300. ...вынимает его за голову из сумки, где ему было тепло среди мягкого хлеба, и раздает отваливающимися кусками его слабое тело... — Ср. сходный эпизод в романе «Счастливая Москва» — сон Москвы Честновой: «Она бежала по улице, где жили животные и люди, — животные отрывали от нее куски тела и съедали их <...> туловище ее ежеминутно уменьшалось, одежду давно содрали люди, наконец остались торчащие кости, — тогда и эти кости начали обламывать попутные дети <...> Она упала на жесткие камни, и все, кто рвал и ел ее в бегстве, навалились на нее тяжестью» (*Счастливая Москва, с. 42*).

Аналогия тело — хлеб вызывает ассоциации с причастием (см. 251) и предвещает пародийное «воскрешение» ребенка, которое пытается произвести Чепурный (см. 171, 172).

884 ...тело, обросшее шерстью от пота и болезни... — См. 361.

885 С. 310/302. Но там менялась погода и ветер шумел в бурьяне, а пролетарии вставали с остывающей земли и шли ночевать в дома. — Перемена погоды с «летней» на «осеннюю» сопутствует смерти ребенка, обозначая начало «заката» Чевенгурской утопии.

886 С. 313/305. Ты мне теперь за все ответишь, капитальная душа! — Т. е. приверженная «капиталу», «капиталистическая».

887 С. 314/305. ...а постоянные теперь опоздал отпустить. — Т. е. завести (ср.: «отпустить бороду»).

888 С. 316/307. — Во сне дышал, но зато сам хотел умереть <...> увидел общее удовлетворение событием с пришедшим ребенком и тоже обрадовался. — Из слов Чепурного неясно, о чем именно сне идет речь — матери или самого мальчика: судя по реакции собеседников, у них сложилось впечатление, будто Чепурный описывает реальную ситуацию, а не излагает содержание сна женщины; поэтому разговор приобретает парадоксально-каламбурный характер, и в результате смерть ребенка даже начинает вызывать радость.

[39]

889 С. 320/311. Под благовест и дождь к Чепурному пришел еще один человек... — Во время появления Дванова и Гопнера в Чевентуре звонят колокола — как бы в их честь.

890 — Говорит, иди твоего Прошку найди <...> — Пойдем искать... — Примечательно, что ни Гопнер, ни Дванов не удивляются, услышав о Прокофии, — как будто они знают о его присутствии в Чевентуре; между тем, записка Копенкина (с. 218—219/213), как мы помним, была уничтожена Луем (с. 240/234).

891 С. 321/312. Действие впредь прискоротить. — Т. е. остановить, прекратить.

892 С. 322/313. ...повел в притвор алтаря... — Притвор — пристройка.

893 ...нашел в шкафу просвирни сосуд с кутьей... — Просвирня — женщина, занимающаяся выпечкой просвир (просфор) — белых круглых хлебцев, употребляющихся в обрядах православного богослужения. Кутья — обрядовое поминальное кушанье из вареного риса или пшеницы с изюмом и медом.

894 ...через паперть и притвор... — Вернее: «через притвор и паперть», поскольку паперть находится уже снаружи здания.

895 — Вон наша база горит и не сгорает. — «Горю и не сгораю» — девиз существовавшего до революции страхового товарищества «Саламандра». Например, в фельетоне Ильфа и Петрова читаем: «Была на двери еще большая гербовая бляха с надписью: «Горю — и не сгораю». Застраховано от огня в об-ве „Саламандра“» (Ильф и Петров 1961, с. 109). Кстати, сам Платонов, окончив начальное училище, некоторое время был мелким конторским служащим в отделении страхового общества «Россия» в Воронеже; служба эта началась с осени 1914 г. (см.: Ласунский 1999, с. 57), хотя в автобиографии писатель указывал, что начал работать с весны 1914 г., в тринадцать с половиной лет (см.: Возвращение, с. 5).

896 С. 323/314. ...рыбак Дванов... — Вспомним, что «Дванов» — фамилия Прохора Абрамовича, а не рыбака Дмитрия Ивановича.

897 С. 326/317. Что ты, их слюнями склеиваешь или одной диктатурой слепил? — Ср. в «Че-Че-О» реплику Федора Федоровича: «А ты говоришь — организация: то, понимаешь ты, как мучной клей. Помнишь, им газеты к заборам приклеивали, и ни черта не держалось...»

Я понял. Кто у нас только не работает над объединением и склеиванием пролетариата? Громадные, дорогие, многочисленные организации. И многие из них, вместо горячего клея, употребляют остуженный кисель, либо мучную пыль на воде» (*Возвращение*, с. 89). Ср. также в статье Платонова 1937 г. «Пушкин и Горький»: «Народ — по мнению Инквизитора из легенды Достоевского — нуждается, как животное, лишь в покое и хлебе насущном; точно одним этим хлебным клейстером элементарной нужды можно склеить всемирное счастье» (*Собр. соч.*, т. 2, с. 311).

898 С. 328/319. — Ты хамка... — Т. е. простолюдинка, плебейка.

899 С. 329/320. ...на небе постепенно засияла луна <...> от мерцающей тишины тень человека шелестит по траве. — См. 226, 303.

900 В глубину наступившей ночи, из коммунизма — в безвестность уходили несколько человек... — Ср. 204. «Центробежное» движение сбитателей Чевенгура будет повторено народом джан из одноименной повести: обретя волю к жизни, люди расходятся в разные стороны (см.: *Собр. соч.*, т. 2, с. 93).

901 С. 330/320. — Езжай за женами народу <...> без них, говорит, дальше нетерпимо. — Говоря о победе «естественного» хода вещей над чевенгурской «идеологией», Е. Толстая вспоминает об идеях Розанова, писавшего о пагубности для христианства решительного неприятия им инстинктивно-биологического начала в структуре личности — в частности, инстинкта продолжения рода: «*Пол и действительная истинная религия имеют не только корневую близость, но и корневое тожество, единство, слиянность или, точнее, целость одного и того же существа <...> Только христианство могло отвернуться или, как теперь очевидно, попыталось отвернуться от этого <...> Попыталось и не успело: ибо люди все-таки рождали, „во грехе“ (с идеею греха) рождали, „в скверне“ — но рождали. „Рождали“, „рождали“... их проклинали, звали к другому (девство, монашество, аскетизм) — но все-таки они рождали и рождали: и в этом одном христианство, как выразился Достоевский, и „не удалось“. А „не удалось“ оно в этом одном, то „не удалось“ — и во всем» (Розанов 1913а, с. 68—69).*

902 С. 333/323. ...я лгал и вымазживал... — Вымазживать — выпрашивать, вымогать.

903 С. 333/324. ...Дванов и Прокофий выпли вместе за околицу. — Сцена беседы двух сводных братьев, которая протекает лунной ночью в поле, есть и в романе Леонова «Вор» (см.: Леонов 1928, с. 269—274); ср. реплику Леонтия: «Мы с тобой

не видались столько лет. Никогда не видались, Митрий <...> Даже не знаем точно, братья ли мы с тобою» (*Там же*, с. 273), хотя ранее Леонтий в письме именовал Дмитрия «братцем первородным» (*Там же*, с. 251). Как и в «Чевенгуре», встреча братьев у Леонова происходит через двадцать лет после того, как старший покинул родные места; при этом младший — секретарь исполкома сельсовета, т. е., подобно Прокофию Дванову, занимает административную должность.

904 С. 335/325. ...он сильно подозревал безмолвного человека. — Т. е., видимо, с подозрением относился ко всякому молчащему, молчаливому человеку.

905 С. 336/326. — Женщин, пожалуйста, но знаешь: еле-еле, лишь бы в них разница от мужика была. — без увлеченности, одну сырую стихию доставь! — Ср. утверждения самого Платонова в статье 1920 г. «Будущий Октябрь»: «Коммунистическое общество — это общество мужчин по преимуществу <...> Равноправие мужчин и женщин — это благородные жесты социалистов, а не истина — и истиной никогда не будет. Пора пересмотреть этот вопрос и решить его окончательно. Человечество — это мужество, а не воплощение пола — женщина. Кто хочет истины, тот не может хотеть и женщины, а истины начинает хотеть все человечество. Тут не гибель женщины, а другое...» (*Чутье правды*, с. 118).

«Антисексуализм» Чепурного, между прочим, перекликается с тезисами официальной пропаганды середины 20-х годов, выступившей против популярных на рубеже 10—20-х годов идей «вседозволенности» и «сексуальной революции» (см. 267); ср. например, высказывания одного из официально-авторитетных специалистов в сфере психологии и педагогики: «Сексуальность вызывает слишком много интереса и желаний. Это надо пресечь»; «Половой подбор должен строиться по линии классовой революционно-пролетарской целесообразности. <...> Половая жизнь рассматривается классом как социальная, а не как узко личная функция, и поэтому привлекать, побеждать в любовной жизни должны социальные, классовые достоинства, а не специфические, физиологические половые приманки. <...> Каково в классовом отношении будет потомство, созданное родителями, главными достоинствами которых были бессильная и кокетливо-лживая женственность матери и „широкоплечая мускулистость“ отца? Революция, конечно, не против широких плеч, но не ими, в конечном счете, она побеждает, и не на них должен строиться в основе революционный половой подбор. Бессильная же хрупкость женщины ему вообще ни к чему. Экономически и политически, т. е. и физиологически женщина современного пролетариата должна приближаться и все больше приближается к мужчине» (*Залкинд 1926*, с. 26, 55—57).

906 С. 337/327. ...висит на чугунных опорах, а на них марки... — Марка — по-видимому, знак, клеймо.

907 С. 337/328. ...острова Уединения, что стоят среди синего океана, опираясь на его коралловое дно. — Вероятно, Платонов имеет в виду острова Общества (острова Товарищества), расположенные в южной части Тихого океана, в Полинезии; что касается острова Уединения, то он расположен в западной части Карского моря. Думается, что такая «замена» — «Общество (Товарищество)» на «Уединение» — отнюдь не случайна. «Весьма интересно, что допущенную в „Чевенгуре“ географическую ошибку Платонов не забудет и „исправит“ в тексте более позднего рассказа „Корова“» (*Савельзон 1992б, с. 246*), — здесь уже упоминается «остров Уединения в Ледовитом океане» (*Собр. соч., т. 3, с. 242*).

908 С. 340/330. ...на устоявшейся Пролетарской Силе... — Т. е. застоявшейся.

909 С. 340/331. ...не видел надобности в одном далеком человеке, когда есть близко множество людей и товарищей. — Ср. коллизии «любви к ближнему» и «любви к дальнему» у Ницше (см. 205).

910 Здесь Чепурный уже ясно почувствовал, что пролетариат Чевенгура желает интернационала <...> Прокофию придется поехать в южные рабские страны и оттуда переселить в Чевенгур угнетенных. — См. 215.

911 ...отправить весь город чохом... — Чохом — без разбора, целиком, оптом (*Даль 1979—1980, т. 4, с. 608*).

912 С. 342/332. ...не мог осудить классового человека... — Т. е. «близкого по классу».

913 ...баба любит время, она опасается. — Смысл фразы не вполне ясен; возможно, подчеркнута «онтологическая» разница между полами: в отличие от мужчин, стремящихся к абсолюту — «концу истории» и выходу в вечность, женщины привержены «времени», актуальному моменту.

914 С. 344/334. ...прибывший для осмотра тревожного звука. — Употребление слова «осмотр» в значении «проверка» ведет к смешению зрительного и акустического планов; о подобном случае см. 837.

915 С. 344/334. ...самосуйку сделал. — Возможно, слово связано с архаичным прилагательным «суй» — суетный, суетливый (см.: *Даль 1979—1980, т. 4, с. 357*) — и имеет значение «самостоятельно (и бессмысленно) работающее устройство». Но, учитывая внешний вид насоса («поршень, бегающий в сухом деревянном цилиндре»), можно этимологизировать слово «самосуйка» и по глаголу «сунуть» в жаргонном значении — «совершить половой акт» (*СТЛБЖ 1992, с. 238*). Кстати, в архаичных представлениях устойчива аналогия между добыванием огня трением и процессом зарождения жизни: например,

«обе части примитивного огня носили названия мужских и женских половых органов» (Абрагам 1912, с. 47); исследователь отмечает, что первоначальное имя мифологического героя Прометея — Прамант — совмещало два значения: «создающий при помощи трения» и «похищающий огонь» (Там же, с. 49, 71). В платоновском рассказе 1943 г. «Сампо» данное слово тоже связано с образом возвратно-поступательного движения: герой рассказа «устроил от электричества маленькую машину-самосуйку, чтоб она качала потихоньку колыбель ребенка, а мать не трудилась и дремала возле него» (Собр. соч., т. 3, с. 71).

Вспомним и характерное словечко персонажа повести «Ювенильное море» Умрищева — «соваться» (Взыскание погибших, с. 283, 289); кстати, по наблюдению Х. Гюнтера, умрищевский лозунг «не соваться» откликается на слова Сталина из речи «О задачах хозяйственников» о том, что «пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство» и что пора усвоить новую установку «вмешиваться во все»; вместе с тем, «Умрищев сходством своей фамилии и любимым выражением „не суйся!“ напоминает кулацкого идеолога Плакущева из „Брусков“ Ф. Панферова» (Günther 1999, с. 166, 168). В устах Умрищева слово «соваться» по смыслу близко к «суетиться»; в этой связи обращает на себя внимание имя героини пьесы «14 Красных Избушек» — Суенита; уменьшительная форма — Суня (Живя главной жизнью, с. 311, 323). Ср. также в рассказе «Товарищ пролетариата» персонажа по фамилии Всуев — ее семантическое «ядро» воплотится затем в «Котловане» в фамилии Вощев («всуе» / «вотще»).

916 С. 345/335. ...выпустил ее в степь пасться на ночь, так он никогда не поступал... — Вероятно, Копенкин, успокоенный словами Дванова, решил, что в условиях «коммунизма» можно ослабить бдительность.

917 С. 346/336. ...пролетариат прочно соединен, но туловища живут отдельно... — См. 322.

918 С. 348/338. ...почувствовали к Якову Титычу скупое отношение, поскольку пришлось латать целую крышу, чтобы он остался цел. — Заметим, что «скупым» названо отнюдь не эгоистическое, а альтруистическое отношение; словосочетание же «латать целую крышу» звучит каламбурно из-за неоднозначности слова «целый» (см. 838).

919 ...одушевлять близких людей и предметы... — Одушевлять — здесь, по-видимому, «относиться душевно», сочувствовать.

920 ...под окладным терпеливым дождем. — Окладной — обложной.

921 С. 349/338. ...особое покойное наслаждение, которого никогда не знал в прошлой жизни. — Соседствующие словосочетания «покойное наслаждение» и «прошлая жизнь» актуали-

зируют тему смерти, подчеркивают восприятие Чевенгура как «потусторонней» реальности.

922 С. 350/340. ...испечь нежные жамки... — Жамки — лепешки.

923 С. 351/340. ...для жернова нужна была пал-брица, <...> наравне с мельницей и пал-брицей. — Возможно, реминисценция из поэмы «Мертвые души»; ср. описание водяной мельницы Ноздрева, «где недоставало порхлищы, в которую утверждается верхний камень, быстро вращающийся на веретене, — „порхающий“, по чудному выражению русского мужика» (Гоголь 1976—1978, т. 5, с. 71); см. 536.

Говоря о связи Платонова и Гоголя, Е. Толстая замечает, что автору «Чевенгура» была близка гоголевская «попытка „двойного зрения“ — прозрение в окаменевшем мертвом эстетически завершенном мире <...> неоформленного, живого начала, способности к изменению» (Толстая 1980, с. 203). Сопоставляя творческие биографии двух писателей, исследовательница предполагает, «что Платонова в Гоголе мог притягивать именно соблазн вырваться из литературы в проповедь, тайна литературно невозможного. Нельзя не вспомнить и о том, что эволюция самого Платонова как бы повторяет эволюцию Гоголя: от романтики к сатире, и от сатиры к метафизике и морализированию» (Там же).

924 С. 351/341. ...труд рождает стерву противоречия наравне с капитализмом... — Ср. подобные идеи в работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»; «Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен государством. <...> Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось в непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно» (Маркс и Энгельс Соч., т. 21, с. 161, 169—170).

925 Надо жить уместней... — Т. е. поступать адекватно ситуации.

926 С. 352/342. ...к заглохшей, давно задернутой балке... — Т. е. сильно заросшей, затянутой дерном.

927 С. 353/343. ...на сыром месте пролетарии сумели сделать огонь. — Сталкиваются переносное и прямое значения слова «сырой»: «пустой, чистый, новый» (см. 754) — и «влажный»; вследствие этого возникает впечатление, что огонь был добыт чевенгурцами «из воды».

928 ...без шпунта не обойтись... — Шпунт — свая, забиваемая в грунт для укрепления плотины.

929 С. 354/344. — Он нас пощупал от болезни... — Т. е. удостоверился, что женщины не больны, «обследовал».

930 С. 357/346. ...Нечего тебе клокву хотеть, когда морщиться не умеешь... — См. 867.

[41]

931 С. 358—359/348. Но счастливые медят жить... — Возможно, перефразированный афоризм из комедии «Горе от ума»: «Счастливые часов не наблюдают».

932 С. 360/349. Не себя же им отдавать, я хочу остаться целой... — Ср. горьковский рассказ «Старуха Изергиль»: «Ему сказали <...>, что за все, что человек берет, он платит собой <...> А он отвечал, что он хочет сохранить себя целым» (*Горький 1968—1975, т. 1, с. 80*).

933 С. 361/350. ...еле зацветшие растения они от сомнения вырвали прочь... — Вероятно, вновь использован образ из бухаринской статьи «Заметки экономиста» (см. 548) — хотя, по сравнению с ней, у Платонова «садовые» метафоры предстают в более развернутом виде.

934 С. 363/352. ...чтобы впоследствии, по законам диалектического развития души, прийти к богохульству. — Каламбурную интерпретацию законов диалектики видим и в «Ювенильном море»: «Умрищев же сумел убедить кого-то в районном городе, что он может со временем, по правилам диалектического материализма, обратиться в свою противоположность <...> Умрищев стал поступать наоборот своим мыслям: как только что надумает, так вспомнит, что его природа — это ведь оппортунизм, и совершит действие наоборот» (*Взыскание погибших, с. 307*). Ср. в пьесе «14 Красных Избушек» реплику Хоза: «Классовый враг нам тоже необходим: превратим его в друга, а друга во врага — лишь бы игра не кончилась» (*Живя главной жизнью, с. 339*). См. также 340.

Подобные идеи перекликаются с постоянным тезисом Е. Замятина — ср., например, его статью 1923 г. «О литературе, революции и энтропии»: «Если бы в природе было что-нибудь неподвижное, если бы были истины — все это было бы, конечно, неверно. Но, к счастью, все истины — ошибочны: диалектический процесс именно в том, что сегодняшние истины — завтра становятся ошибками» (*Замятин 1990, т. 2, с. 390*). Ср. рассуждения героя повести «Город Градов»: «Стоит ли <...> измышлять изобретения, раз мир диалектичен, сиречь для всего героя есть своя стерва? Не стоит! <...> Не есть ли сам закон или другое присутственное установление — нарушение живого тела Вселенной, трепещущей в своих противоречиях и так достигающей всецелой гармонии?» (*Взыскание погибших, с. 94—95*). Сходная мысль комично выражена в «Эфирном тракте» — Михаил Кирпичников в Америке видит рекламу: «Главное в жизни — Пища! И наоборот! Усовершен-

стованные экскрементарии в каждом квартале Риверсайда ждут тебя! Осознай желудок!» (*Собр. соч., т. 1, с. 187*).

[42]

935 С. 375/363. ...небольшой ствол черного дерева... — Черное дерево — здесь: древесина некоторых пород (например, дуба), приобретшая твердость и темную окраску от долгого лежания в воде.

936 С. 376/364. ...любил быть среди простонародья. — Возникает парадоксальное впечатление, будто сам Карчук к «простонародью» не принадлежал.

937 — У Юшки в груди кашель и невзгода. — Ср. рассказ «Юшка», герой которого болен чахоткой (*Взыскание погибших, с. 478*); см. также 229.

938 С. 377/365. Через два дня в третий пришли две цыганки... — Поскольку их появление уже описывалось (см. с. 354/343), следует, вероятно, считать, что повествователь, возобновив после «московского» эпизода рассказ о Чевенгуре, вновь допускает небольшое ретроспективное отступление: как бы возвращается не в ту точку фабульного времени, которую «покинул», а в более раннюю.

939 С. 378/366. — В работе все здесь забылись... — Ср. статью «Электрификация»: «Труд похож на сон. Человечество спало до сих пор в трудовом сне и благодаря этому уцелело. <...> Электрификация мира есть шаг к нашему пробуждению от трудового сна — начало освобождения от труда, передача производства машине, начало действительно новой, никем прежде не предвиденной формы жизни» (*Чутье правды, с. 158*). Ср. также реплику персонажа «Ямской слободы»: «Работа для нашего брата — милосердие! Дело не в харчах — они надобны, но человека не покрывают! В работе, брат, душа засыпает и нечаянно утешается!» (*Собр. соч., т. 1, с. 270*) В повести «Котлован» на слова Насти: «Надо трудиться. Правда, дядя Воцев?» — тот отвечает: «Неизвестно <...>. Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то умирись и помрешь. Не расти, девочка, — затоскуешь!» (*Взыскание погибших, с. 263—264*). В рассказе «Глиняный дом в уездном саду» отмечается «убыточность полезного труда» (*Собр. соч., т. 2, с. 118*). Ср. полемическое суждение Толстого о романе Золя «Труд» (см. 264).

940 С. 379/367. ...кучер вздыхал у лошадей и шептал про себя обиду — он уже рассчитывал на отъем лошадей здешними бродягами. — Нетрадиционное употребление слова «рассчитывал» приводит к парадоксальному выводу, будто «отъем лошадей» был желателен для кучера, что, однако, не согласуется с испытываемой им (хотя и не манифестированной) «обидой».

941 С. 379/368. ...вместе с брючным револьвером... — Т. е. с карманным.

942 С. 380/368. — Зря я его сак и вояж откинул прочь... — Каламбурное «расчленение» слова «саквояж» (так Копеинки называет портфель Сербинова), происходящего от двух французских слов: *sac* (сумка) и *voyage* (путешествие).

943 С. 383/371. ...двое тесали древесный стол... — Вероятно, описка и / или опечатка: по смыслу больше подходит «ствол».

944 С. 384/372. ...деревянные колеса по две сажени поперек. — Т. е. более четырех метров в диаметре.

945 ...пользы коих Сербинов вовсе не мог представить. — Ср. мотив изготовления «ненужных вещей» Захаром Павловичем в начале романа (см. с. 23/24).

946 С. 385/373. ...оба совершенно позабывшиеся. — Помимо идеи разрыва социальных связей, деклассированности (см. 208), слово «позабиться» актуализирует и буквальный, экзистенциальный смысл — «забыть себя», утратить личностное самосознание: состояние, прямо противоположное тому первоначальному ощущению собственного «я», которое подчеркивалось в связи с Сашей (см. 10). Ср. в рассказе «Река Потудань»: «Он слабо теперь чувствовал самого себя и думал немного, что лишь нечаянно появлялось в его мысли. К осени, вероятно, он вовсе забудет, что он такое, и, видя вокруг действие мира, — не станет больше иметь о нем представления; пусть всем людям кажется, что этот человек живет себе на свете, а на самом деле он будет только находиться здесь и существовать в беспамятстве и бедности ума, в бесчувствии, как в домашнем тепле, как в укрытии от смертного горя» (*Собр. соч., т. 2, с. 202*).

947 С. 386/374. ...если во мне тягость к приезжому будет. — Т. е. тяга, склонность.

948 ...словно житель пустыни или братства. — Пустынь — небольшой уединенный монастырь.

[43]

949 С. 388/376. ...над степью дуют уже вихри враждебные... — Перефразированная первая строка революционной песни «Варшавянка» (на стихи Г. Кржижановского): «Вихри враждебные веют над нами».

950 С. 389/377. ...все равно скоро все люди явятся сюда... — См. 215.

951 С. 390/378. ...среди этих прихожанок Чевенгура... — Употребление слова «прихожанки» подчеркивает «религиозный» характер чевенгурской коммуны, напоминающей монашеское братство, монастырь. Ср. реплику одного из персонажей платоновского рассказа «Война», слесаря Отчева, который говорит жене — активной общественнице: «Читаешь про войну? <...> Ты, наверно, теперь совсем из дома пропадешь и в монахини Осоавиахима пострижешься!» (*Война, с. 109*).

952 С. 391/378—379. — Дай немножко чего-нибудь <...> как источника своей пищи и счастья других — Ср. в повести «Джан»: «Она попросила у сына, чтоб он дал что-нибудь. Попросила она робко, без надежды и без жадности, лишь для того, чтобы у нее стало больше вещей и увеличилась, посредством них, житейская занятость» (*Собр. соч., т. 2, с. 44*).

953 С. 391/379. — Это восьмимесячные ублюдки, в них вещества не хватает. — Слова Чепурного противоречат его собственным требованиям, высказанным при отъезде Прокофия «за женами»: см. 905.

954 С. 393/380. — Я хочу, чтобы из меня родился теплый комочек, и что с ним будет! — В пьесе «14 Красных Избушек»: «Скоро я еще рожать буду — мне так нравится, когда из меня выходит что-то горячее, жалкое и плачущее такое, бедный комочек моей жизни» (*Живя главной жизнью, с. 321*).

955 С. 394/381. — Вась,— сказал Копенкин... — При первом появлении Папинцева на страницах романа его называют «Максимом Степанычем» (см. с. 159/154).

956 С. 394/382. ...принес хроматический инструмент... — Хроматическая гармонь — дающая не только основные музыкальные тона, но и полутона.

957 С. 396/383. ...думая над устройством дешевой пролетарской пушки... — Характерное словосочетание «пролетарская пушка» встречаем в статье В. Маяковского 1926 г. «Как делать стихи?» — здесь Маяковский иронически цитирует стихотворение «Карманьола» одного из участников литературного сборника «Лепестки» (М., 1924), составленного из произведений профессиональных рабочих: «Я — пролетарская пушка, / Стреляю туда и сюда» (*Маяковский 1955—1961, т. 12, с. 98*). Кстати, вскоре после написания статьи, осенью 1926 г., Маяковский выступал в Воронеже (см.: *Кораблинов 1950*), и не исключено, что Платонов мог присутствовать на этом выступлении.

958 С. 396/384. — Кованый деревянный диск... — Т. е. окованный железом.

959 С. 396—397/384. ...с него можно швырять в противника кирпичи, камни, мусор <...> даже пыль можно отправлять и песок... — Подобный метательный диск описан в повести «Лунная бомба»: здесь он служит для запуска межпланетного снаряда (см.: *Собр. соч., т. 1, с. 42—43*).

960 С. 397/384. ...там есть просос... — Просос — повреждение плотины, через которое уходит вода.

961 ...и боялся, что дальше будет курить. — Т. е. тревожился, что дальше курить будет нечего.

962 С. 399/386. Дванов находил различные мертвые вещи <...> до лучшего дня искупления в коммунизме. — См. 229, 646.

963 С. 399—400/386—387. ...он попал между спиц забытого с самой войны пушечного колеса. Оно по диаметру и прочно-

сти вполне подходило для изготовления из него металлической машины. — В полном соответствии с парадоксальной логикой романа Дванову не приходит в голову использовать для этой цели бесполезные «деревянные колеса по две сажени поперек», о которых говорилось выше (см. 944).

964 С. 400/387. ...как отец Прокофия пришел с империалистической войны. — Т. е. с Первой мировой войны.

965 С. 401/388. ...иль ты мало в стакан клал, не раскупал? — Т. е. не распробовал, не наелся.

966 С. 402/389. — А чего мне коммунизм? У меня Группа теперь товарищ... — Анализируя причины падения коммунизма в Таборе, Каутский писал, в частности, о возрождении моногамной семьи, которая противоречила идее «коммунизма потребления»; истребив в своей среде адамитов — «строгих коммунистов» и противников моногамии, табориты открыли дорогу частной собственности, что привело в итоге к имущественному расслоению, вырождению «коммуны» и падению Табора (Каутский 1924—1925, т. 1, с. 219—220, 226—227): «Глядя на этот печальный конец некогда такой гордой коммунистической общины, перед которой дрожала половина Европы, едва можешь подавить сожаление, что Табор не пал, как Мюнстер, в блеске своей коммунистической юности, а захирел в жалкой буржуазной слабости старчества» (Там же, с. 230). Можно сказать, что Платонов, как бы опасаясь для Чевенгура повторения судьбы Табора, выбирает «мюнстерский вариант», обуславливая гибель коммуны все же не внутренними, а внешними причинами.

967 С. 404/391. ...прошел краем мимо Чевенгура <...> природе давно известно о коммунизме в городе и она не мочит его в нужное время. — Ср. ветхозаветный мотив: «И побил град по всей земле Египетской все, что было в поле, от человека до скота; и всю траву полевую побил град, и все деревья в поле поломал; только в земле Гесем, где жили сыны Израилевы, не было града» (Исх. 9, 25—26).

[44]

968 С. 405—406/392. Враги ехали по бывшей дороге. <...> В этом спокойном наступлении была машинальная сила победы... — «Армия — нет сомнения, что это отряд Красной армии, — разыскивающая исчезнувшее из-под государственной власти пространство, уничтожает жителей Чевенгура, веривших, что можно выскочить из времени и истории» (Геллер 1982, с. 189). «Скорее всего, это регулярная часть Красной Армии, посланная из губернии для наведения порядка в Чевенгуре. <...> Такой финал лишь подтверждает платоновскую социально-историческую концепцию: чевенгурский коммунизм есть изначально антисоциалистическое и антинародное образование» (Верин 1988). Подобные выводы не лишены оснований,

если учесть, что именно регулярная армия вела в 1921 г. борьбу с крестьянским восстанием на Тамбовщине (см. 605). Однако нельзя забывать, что для платоновской поэтики характерны неожиданные, «немотивированные» развязки, придающие финалам «непрямое», символическое звучание. Армия, штурмующая Чевенгур, лишена конкретно-индивидуализирующих признаков, что позволяет видеть в ней воплощение некоей глобальной силы, противостоящей человеку в принципе: смерти, энтропии, косности, тоталитаризма, войны и т. п. «Чевенгур гибнет в результате натиска окружающего мира, который тотально враждебен ему» (*Дмитровская 1996, с. 30*).

Д. Бетей именует сцену гибели Чевенгура «пародийным Армагеддоном»: «Как старые чевенгурцы были уничтожены в результате „второго пришествия“, устроенного Чепурным и Прошкой, так теперь новые чевенгурцы в последней битве терпят поражение от силы, превосходящей их собственную. Нигде Платонов не показывает, что эта сила имеет моральное преимущество: это просто сила, пришедшая настоять на своем и разрушать, подобно тому как Чепурный и его товарищи сами разрушали все, что стояло у них на пути» (*Bethea 1989, с. 168, 184*). Вспомним в этой связи «Историю одного города»: бурная деятельность последнего из градоначальников — Угрюм-Бурчеева (который, между прочим, именуется и «коммунистом» — *Щедрин 1947—1950, т. 2, с. 363*) по возведению взамен Глупова утопического города Непреклонска прервана неким апокалиптическим «Оно» — при его появлении Угрюм-Бурчеев исчез и «история прекратила течение свое» (*Там же, с. 382*). Платонов в каком-то смысле повторяет «форсированную» развязку щедринской «Истории». «Жесткий и одновременно открытый финал „Чевенгура“ лишь подтверждал эпичность самого здания романа: как и в эпосе, здесь самодостаточен и самоценен каждый сюжет события и каждый герой» (*Корниенко 1995, с. 317*).

969 С. 406/393. ...неизвестные Чевенгuru солдаты... — Подчеркивая слово «солдаты», Л. Коробков решительно отвергает попытки отождествить военный отряд с подразделением Красной Армии: «В „Чевенгуре“ бойцы регулярной революционной армии упоминаются часто, но всегда и без единого исключения, только под именем красноармейцев. Да иного словоупотребления современники писателя просто не поняли бы. Слово „солдат“ после создания регулярной РККА либо употреблялось в контексте прошедшего времени <...>, либо без пояснений относилось к белогвардейцам <...>. Поэтому-то даже у Сербинова при слове „солдат“ не возникает мысль о красноармейцах, быть может, присланных из губцентра по его письму, он стреляет в них наравне со всеми» (*Коробков 1989, с. 424*).

Ср. в повести «Сокровенный человек» спор Пухова и Звoryчного по поводу принадлежности атаковавших город ка-

валеристов: «Вы от конных наездников целый город перепугали!

— Каких наездников? <...> Кавалерия — это тебе наездники?

— Никакой кавалерии и не было! А просто тебе — верховые бандиты! <...>

— Значит, по-твоему, на нас налетела банда?

— Ну да, банда! А ты думал — целая армия?» (*Взыскание погибших*, с. 162).

970 Машинальный враг гремел копытами по целине, <...> бежали убивать врага вручную. — Данный эпитет позволяет воспринять наступающий отряд как олицетворенное воплощение «военной машины»; эпизод гибели Чевенгурской коммуны можно соотнести со сценой смерти машиниста-наставника, тоже убитого машиной (см. 97). Ср. формулу «*deus ex machina*», традиционное наименование неожиданной развязки в художественном произведении: столь же внезапно и явление «машинального врага» (хотя финал «Чевенгура», в отличие от античного театра, трудно назвать благополучным).

Иллюзорность сопротивления, которое оказывают «машинальному врагу» чевенгурцы, вновь заставляет вспомнить о фанатичной самоотверженности мюнстерских анабаптистов: «Пророческое воодушевление, нападения деревенских мятежников, „вооруженных“ одной лишь верой в вождя, на стреляющего из настоящего оружия врага; казни и грабежи; голодающие мужчины, женщины и дети, питающиеся, как овцы, травой в ожидании пришествия, — вот печальные свидетельства обмана и безумных фантазий о рае» (*Мэньюэль Ф., Мэньюэль Фр. 1991, с. 24*).

971 С. 407/393. ...с отжогом отозвалась в руке Копенкина. — Т. е. с отдачей.

[45]

972 С. 410/397. ...Сторож церкви начал звонить часы... — Вероятно, это тот же самый сторож, который в начале романа говорил с Захаром Павловичем и которому уже тогда было 70 лет (см. с. 31/32).

973 ...сидел горбатый старик — Петр Федорович Кондаев. — По словам Прокофия, Кондаева уже нет в живых (см. с. 330/321): видимо, Прокофий мыслит Чевенгур как принципиально иной «пространственно-временной континуум» — с этой точки зрения, все, что было «до» Чевенгура, заведомо принадлежит «потустороннему» миру.

974 С. 411/397. Дванов подъехал к урезу воды. — См. 700.

975 С. 412/398. — Хочешь, я тебе опять рублевку дам — приведи мне Сашу. — Здесь видим повторение разговора, происходившего между персонажами много лет назад (см. с. 61/61).

Часть III

УКАЗАТЕЛИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Раздел 1

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ФРАГМЕНТОВ РОМАНА

Перечислены основные эпизоды, входящие в каждый фрагмент; обозначаются границы фрагментов (начальная и заключительная фразы с указанием соответствующих страниц).

[1] «Пролог». Уход Захара Павловича в город; история отца Саши — рыбака Дмитрия Ивановича.

Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов (с. 23/24). <...> «Дать бы нам муравьиный или комариный разум — враз бы можно жизнь безбедно наладить: эта мелочь — великие мастера дружной жизни; далеко человеку до умельца-муравья (с. 32/33).

[2] Захар Павлович поселяется в городе у столяра и устраивается на работу в депо.

Появился Захар Павлович на опушке города, снял себе чулан у многолетнего вдовца-столяра, вышел наружу и задумался: чем бы ему заняться? (с. 32/33) <...> Захару Павловичу представился новый искусный мир — такой давно любимый, будто всегда знакомый, — и он решил навеки удержаться в нем (с. 38/38).

[3] Саша в семье Двановых; Прохор Абрамович отправляет его в город побираться; Саша роет землянку на кладбище рядом с могилой отца.

За год до недорода Мавра Фетисовна забеременела семнадцатый раз (с. 38/38). <...> Больше Прохора Абрамовича он пугался Прошку, который каждую крошку считает и не любит никого за своим двором (с. 47/47).

[4] Прошка дразнит Кондаева, тот избивает Сашу; Прошка выгоняет Сашу из дома, и он ночует на кладбище.

Отставя зад, касаясь травы длинными губительными руками, ходил по селу горбатый человек — Петр Федорович Кон-

даев (с. 47/47). <...> Позже на кладбище приходили два мужика и негромко обламывали кресты на топливо, но Саша, унесенный сном, ничего не слышал (с. 52/52).

[5] Машинист-наставник беседует с Захаром Павловичем о машинах и людях; Захару Павловичу дают прозвище «Три осьмушки под резьбу».

Захар Павлович жил, ни в ком не нуждаясь: он мог часами сидеть перед дверцей паровозной топки, в которой горел огонь (с. 52/52). <...> ...оно было похоже на ответственную часть любой машины и как-то телесно приобщало Захара Павловича к той истинной стране, где железные дюймы побеждают земляные версты (с. 56/56).

[6] Захар Павлович встречает Прошку и просит его привести Сашу.

Когда Захар Павлович был молодым, он думал, что когда вырастет, то поумнеет (с. 56/56). <...> ...после смерти последнего мастера оживут последние сволочи, чтобы пожирать растения солнца и портить изделия мастеров (с. 62/62).

[7] Прошка находит Сашу и берет деньги за него с Захара Павловича.

Сын любопытного рыбака был настолько кроток, что думал, что все в жизни происходит взаправду (с. 62/62). <...> — Пойдем, я тебя отведу, чтобы ты больше мне не навязывался! (с. 64/64).

[8] Саша живет у Захара Павловича, работает учеником слесаря в депо; гибель машиниста-наставника.

В следующие годы Захар Павлович все более приходил в упадок (с. 64/64). <...> Но у Захара Павловича уже не было такой самозарастающей силы жизни: он был стар, а этот возраст нежен и обнажен для гибели, наравне с детством (с. 69/69).

[9] Захар Павлович разуверяется в историческом прогрессе и не может понять духовных поисков Саши; однако большевистский переворот возрождает в нем надежды, и Захар Павлович с Сашей записываются в партию; Сашу командируют в Новохоперск, Захар Павлович провожает его на вокзале.

Больше ничто не тронуло Захара Павловича в следующие годы (с. 69/69). <...> Дома он сел за угольный столик, где всегда сидел Саша, и начал по складам читать алгебру, ничего не понимая, но постепенно находя себе утешение (с. 78/78).

[10] Дванов возвращается из Новохоперска в воинском эшелоне; поезд, который Дванов ведет вместо отсутствующего машиниста, сталкивается с встречным составом; Дванов остается в живых и дальше идет пешком.

Город Новохоперск, пока ехал туда Александр Дванов, был захвачен казаками, но отряд учителя Нехворайко сумел их выжить из города (с. 78/78). <...> Дванов обещал ей почитать родителей и обрадовал старушку своим уважением (с. 89/88).

[11] Вернувшись домой, Дванов заболевает и едва не умирает. Выздоровев, он начинает дружить с Соней Мандровой, и Захар Павлович думает, что они скоро поженятся.

Долог был тот путь Александра домой (с. 89/88). <...> И еще что-то хотел вспомнить Дванов, но это усилие было тяжелее воспоминания, и его мысль исчезла от поворота сознания во сне, как птица с тронувшегося колеса (с. 92/91).

[12] Шумилин решает отправить кого-нибудь «искать социализм» и посылает Дванова по губернии; Дванов прощается с Соней.

Ночью поднялся ветер и остудил весь город (с. 92/92). <...> Захар Павлович стоял на пороге с железным недоделанным чемоданом и не моргал, чтобы не накапливать слез (с. 96/95).

[13] В Петропавловке Дванов встречает крестьянина, который считает себя богом; Дванов ночует в хате крестьянина Поганкина.

Дванов шел по губернии, по дорогам уездов и волостей (с. 96/95). <...> ...он может жить и так и обратно и в обоих случаях остается цел (с. 102/101).

[14] Дванов встречается с отрядом анархистов; они ранят его и берут в плен; отряд ночует на хуторе Лиманном.

Затем настал долгий дождь, и Дванов вышел на нагорную дорогу лишь под вечер (с. 102/101). <...> Никита смутно знал, что у живого лицо полностью не смеется: что-нибудь в нем всегда остается печальным, либо глаза, либо рот (с. 108/107).

[15] Соня живет в Волошинской школе; туда приезжают Копенкин с двумя взятыми в плен анархистами и освобожденный им Дванов; раненый Дванов ночью в бесспамятстве уходит «искать социализм».

Соня Мандрова приехала на подводе в деревню Волошино и стала жить в школе учительницей (с. 108/107). <...> Это евнух души человека. Вот чему он был свидетелем (с. 115/113).

[16] Дванов едет в поезде; сойдя с него, ночует в постоянной хате, а утром уходит.

Первый час Дванов ехал молча (115/113). <...> Дванов поднял крестам свою руку, чтобы они передали его сочувствие мертвым в могилы (с. 119/117).

[17] Соня будит Копенкина, чтобы сообщить об исчезновении Саши; Копенкин отправляется на поиски Дванова и нахо-

дит его в хате у Феклуши; однако Дванов отказывается вернуться, и Копенкин возвращается в Волошино один.

Никита сидел в кухне Волошинской школы и ел тело курицы, а Копенкин и другие боевые люди спали на полу (с. 119/117). <...> Вы теперь знаете, что я — есть, и все (с. 124/122).

[18] Дванов ложится спать с Феклой Степановной и вступает с ней в связь; наутро Копенкин вновь приезжает звать Дванова с собой: тот вначале отказывается, затем уезжает с Копенкиным.

Дванов в то затянувшееся для его жизни время сидел в уюте жилища и следил, как его хозяйка вспала белье на линии бечевки у печки (с. 124/122) <...> — Держись за мой живот руками. Будем вместе ехать и существовать (с. 127/125).

[19] Дванов и Копенкин ночуют в лесной сторожке; на следующий день приезжают в Ханские Дворики, где встречаются с Федором Достоевским, выступают на сельском сходе по поводу обобществления скота.

До самого вечера шагала вперед Пролетарская Сила, а вечером Дванов и Копенкин стали на ночлег у лесного сторожа на границе леса и степи (с. 127/125—126) <...> — Там будет кордон (с. 139/136).

[20] Дванов и Копенкин ночуют у лесного надзирателя, принимают решение о вырубке леса.

Еще только въехав в чащу сосредоточенных грустных деревьев, путники услышали скучающие голоса кордонных собак, стерегущих во тьме уединенный кров человека (с. 139/136). <...> В этот час, быть может, само счастье искало своих счастливых, а счастливые отдыхали от дневных социальных забот, не помня своего родства со счастьем (с. 143/140).

[21] Копенкин и Дванов прибывают в коммуны «Дружба бедняка», выступают на общем собрании; Дванов придумывает проект памятника революции; в пути Копенкин мечтает о Розе Люксембург.

На другой день Дванов и Копенкин отправились с рассветом солнца вдаль... (с. 143/140) <...> Он воевал точно, но поспешно, на ходу и на коне, бессознательно храня свои чувства для дальнейшей надежды и движения (с. 149/146).

[22] Дванов и Копенкин в ревзаповеднике Папинцева.

Великорусское скромное небо светило над советской землей с такой привычкой и однообразием, как будто Советы существовали исстари, и небо совершенно соответствовало им (с. 149/146). <...> Под белой колоннадой стоял Папинцев в рыцарском жестком снаряжении и глядел вслед своим единомышленникам (с. 161/158).

[23] Дванов и Копенкин «штурмом» берут восставшую Черную Калитву, затем едут в Черновку; Дванов решает вернуться в губернию.

И опять ехали двое людей на конях, и солнце всходило над скудостью страны (с. 161/158). <...> А председателем я устроюсь — здешний район надо покорять (с. 173/169).

[24] Дванов уезжает; Копенкин видит во сне мать и Розу Люксембург.

Вечером Дванов и Копенкин поцеловались среди дороги, и обоим стало бессмысленно стыдно (с. 173/169—170). <...> — Какая тебе власть? — сказал Копенкин. — Мы природная сила (с. 178/174).

[25] Дванов возвращается в город, в котором уже царит нэп; дома встречается с Захаром Павловичем.

Дванову городские дома показались слишком большими; его глазомер привык к хатам и степям (с. 178/174). <...> И Дванов, держа за тело Захара Павловича, думал: что нам делать в будущем коммунизме с отцами и матерями? (с. 181/177).

[26] Дванов и Шумилин отправляются на партсобрание, где встречаются с Фуфаевым и Гопнером; во время собрания Дванов и Гопнер вместе выходят на улицу.

Вечером Дванов пошел к Шумилину; рядом с ним многие шагали к возлюбленным (с. 181/177). <...> Пошла бы потом голая земля из-под города мужикам на землеустройство, а пожарная команда превратилась бы в сельскую дружину, а в дружине бы служба спокойней была (с. 189/185).

[27] Чепурный рассказывает Дванову и Гопнеру о чевенгурском коммунизме; Дванов посылает с Чепурным письмо к Копенкину, советуя тому ехать в Чевенгур.

Сзади себя Дванов услышал медленные шаги спускающегося с лестницы человека (с. 189/185). <...> Гопнеру хотелось не столько радости, сколько точности (с. 193/189).

[28] Чепурный ночует на постоялом дворе, а утром уезжает из города; ночью засыпает прямо в седле.

Чепурный же ни о чем не тужил: в его городе Чевенгуре и благо жизни, и точность истины, и скорбь существования происходили сами собой по мере надобности (с. 193/189). <...> Из земли густыми облаками испарялась тучная теплота, и чевенгурец, надышавшись, уснул, обняв за шею бредущую лошадь (с. 197/193).

[29] Копенкин исполняет в Черновке обязанности председателя сельсовета, позволяя крестьянам поступать по собственному усмотрению; ночью, мечтая о Розе, бесцельно едет на коне по степи и наталкивается на спящего Чепурного; вместе с ним Копенкин отправляется в Чевенгур.

Тот, к кому он ехал, сидел в эту ночь за столом Черновского сельсовета (с. 197/193). <...> — У нас супруги нету: одни сподвижницы остались (с. 205/200).

[30] Рассказ о любящем воду нищем Фирсе. Полюбецкис приходит в Чевенгур, чтобы обсудить с Чепурным перспективы кооперации; рассказ о жизни «старых» чевенгурцев; Чепурный заявляет Полюбецкову, что кооперация уже неактуальна, и тот отправляется домой.

Туманы словно сны погибали под острым зрением солнца (с. 205/200). <...> Он вспомнил свою домашнюю мебель, свой ветхий двор, супругу и был рад, что они тоже не знали Карла Маркса и поэтому не расстанутся со своим мужем и хозяином (с. 212—213/208).

[31] Пиюся рассказывает Копенкину о совершившемся в Чевенгуре «втором пришествии»; Копенкин едет в Совет, располагающийся в кладбищенской церкви, и встречает здесь, кроме Чепурного, Прокофия и Клавдошу; пишет письмо Дванову, прося того прибыть в Чевенгур, чтобы «проверить» здешний коммунизм.

Копенкин не успел прочитать Карла Маркса и смутился перед образованностью Чепурного (с. 213/208). <...> Коммунизм Чевенгура был незащищен в эти степные темные часы, потому что люди заращивали силою сна усталость от дневной внутренней жизни и на время прекратили свои убеждения (с. 223/218).

[32] Луй уходит из Чевенгура, чтобы доставить письмо Копенкина; Копенкин с Чепурным отправляются купаться и встречают сидящего в лодке голого Пашинцева, изгнанного из ревзаповедника; Пиюся показывает Копенкину место захоронения расстрелянных буржуев.

Чевенгур просыпался поздно; его жители отдыхали от веков угнетения и не могли отдохнуть (с. 223/218). <...> Буржуев в Чевенгуре перебили прочно, честно, и даже загробная жизнь их не могла порадовать, потому что после тела у них была расстреляна душа (с. 232—233/227).

[33] Ретроспективное отступление: расстрел буржуев.

У Чепурного, после краткой жизни в Чевенгуре, начало болеть сердце от присутствия в городе густой мелкой буржуазии (с. 233/227). <...> ...горе из них уже вытерпелось и жены мертвых не могли больше заплакать (с. 239/233).

[34] Луй приходит в губернский город, встречается у реки с Гопнером и «пересказывает» ему содержание письма Дванова; Гопнер сообщает Захару Павловичу и Дванову о чевенгурском коммунизме; Саша видит во сне отца-рыбака, посылающего его в Чевенгур.

Узнав, как было в Чевенгуре, Копенкин решил пока никого не карать... (с. 239/233) <...> Смирные трудящиеся тоже необходимы: они непрерывно работают в то время, когда коммунизм еще бесполезен, но уже требует хлеба, семейных несчастий и добавочного утешения женщин (с. 249/243).

[35] Ретроспективное отступление: Чепурный размышляет об «очистке» Чевенгура от жителей; ночью в степи беседует с кузнецом Сотых; по приказу Чепурного и Прокофия жители изгоняются из города; ночью после «конца света» Чепурный с волнением ожидает наступления нового дня; когда он засыпает на рассвете, Кирей и Пиюся расстреливают всех «старых» чевенгурцев из пулемета.

Одни сутки Копенкин прожил в Чевенгуре обнадуженным, а потом устал от постоя в этом городе, не чувствуя в нем коммунизма... (с. 249/243) <...> — Да оно же теперь легкое стало, товарищ Пиюся! — сказал Кирей и унес ведро на его постоянное место — в чулан (с. 266/259).

[36] Продолжение ретроспективы: Чепурный отправляет Прокофия и Пиюсю на поиски новых жителей для Чевенгура; ночью большевики встречают катящийся по степи бак с поющей женщиной внутри и сбрасывают его в овраг; затем приступают к подготовке домов для новых жителей; Прокофий и Пиюся возвращаются, ведя с собой пролетариат для заселения Чевенгура.

Постройки в Чевенгуре имели вековую прочность, под стать жизни тамошнего человека... (с. 266/259) <...> — Не трожь его, он и так мученый... Скоро солнце взойдет, и он сойдет с кургана в Чевенгур... (с. 283/276).

[37] Продолжение ретроспективы: встреча приведенного в Чевенгур пролетариата; описание прочих; торжественное заседание ревкома; отъезд Чепурного на губернскую партконференцию.

Всю остальную ночь Чепурный просидел в бессонном ожидании — он потушил лампу, чтобы не волновать спавших на кургане расходом ихнего керосина, и вынул знамя Чевенгура из чулана (с. 283/276). <...> ...не слишком далеко, чтобы не забыть друг друга, не слишком близко, чтобы не слиться в одно и не потерять своей разницы и взаимного напрасного увлечения (с. 303/295).

[38] Копенкин ожидает в Чевенгуре Дванова; смерть ребенка и попытки Чепурного воскресить его.

На обратном пути из губернского города Папинцева настиг Копенкин, и они прибыли в Чевенгур рядом на конях (с. 303/295). <...> Прочий этим довольствовался: «Так похоже», — и уходил жить (с. 319/311).

[39] Копенкин арестовывает Прокофия; в Чевенгур прибывают Дванов и Гопнер; Дванов и Прокофий разговаривают ночью в поле; Прокофий уезжает на поиски жен для чевенгурцев.

Вечером пошел дождь, оттого что луна начала обмываться; от туч рано смерклось (с. 319/311). <...> — А я того не знал, — произнес Чепурный и засунул в нос понюшку, чтобы чувствовать табак вместо горя разлуки с Клавдией (с. 337/327).

[40] Гопнер предлагает Дванову налаживать жизнь в Чевенгуре, однако тот отказывается; чевенгурцы ожидают появления каких-нибудь пришлых людей; Яков Титыч болеет, и чевенгурцы пытаются добыть огонь, чтобы сварить горячей пищи, готовят дрова; Дванов и Пиюся принимаются за постройку плотины на ручье; в Чевенгур приходят две цыганки, направленные Прокофием.

Федор Федорович Гопнер уже выпался и наблюдал с колокольни чевенгурского храма тот город и то окружающее место, где, говорят, наступило будущее время... (с. 337/327) <...> Две женщины вышли и легли спать в чулане без брачного тепла (с. 357/346).

[41] «Московский» эпизод: Сербинов и Софья Александровна.

Симон Сербинов ехал в трамвае по Москве (с. 357/346). <...> Спустя время Сербинов нашел в своих карманных трущобах маленький длинный портрет худой старушки и спрятал его в размягченной могиле, чтоб не вспоминать и не мучиться о матери (с. 374/362).

[42] Копенкин пашет на Пролетарской Силе, и все чевенгурцы трудятся; в Чевенгур приезжает командированный Сербинов; он посылает в губернский город доклад, который выывается отнести Карчук.

Гопнер в Чевенгуре сделал для Якова Титыча оранжерею... (с. 374/362) <...> Боясь потерять письма, Карчук в каждую руку взял по письму, сжал их в две горсти и так пошел (с. 386/374).

[43] Прокофий привозит женщин, и чевенгурцы выбирают себе жен и сестер; Прокофий строит планы приобретения всего Чевенгура в собственность и отправляется составлять опись имущества.

Над туманом земли было чистое небо, и там возшла луна; ее покорный свет ослабевал во влажной мгле тумана и озарял землю, как подводное дно (с. 386/374). <...> Дванов наклонился, сорвал былинку и оглядел ее робкое тело: можно и ее беречь, когда никого не останется (с. 405/391).

[44] Чевенгурцы гибнут в сражении с вооруженным отрядом; уцелевший Дванов уезжает на Пролетарской Силе.

Копенкин встал на ноги навстречу бегущему из степи человеку (с. 405/391). <...> ...иногда Пролетарская Сила останавливалась, оглядывалась обратно и слушала, но Копенкин молчал в оставленной темноте; и лошадь сама начинала шагать вперед (с. 410/396—397).

[45] Финал. Подъехав к озеру Мутево, Дванов погружается в него; в пустом Чевенгуре одинокий Прокофий встречает пришедших Захара Павловича и Карчука.

Днем Дванов узнал старую дорогу, которую видел в детстве, и стал держать по ней Пролетарскую Силу (с. 410/397). <...> — Даром приведу, — пообещал Прокофий и пошел искать Дванова (с. 412/389).

Раздел 2

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПЕРСОНАЖЕЙ ПЛАТОНОВА

- Автобиография 40, 55, 319
«Алтэркэ» 37
«Анархисты и коммунисты» 257
«Антисексус» 66, 179, 233

«Бессмертие» 41, 43, 83, 307, 313
Полуторный 43, 313
Эммануил Левин 41, 83, 313
«Борьба с пустыней» 36, 231
«Броня» 79
«Будущий Октябрь» 321
«Бучило» 141, 288
Евдоким Абабуренко 141

«В звездной пустыне» 89
«В прекрасном и яростном мире» 53, 54, 289
Драбанов 289
Мальцев 54
«Ветер-хлебопашец» 254
«Вечер Некрасова в коммунистическом университете» 82
«Вещество существования» 31
«Вождо оппозиции» 263, 265
«Возвращение» 255
Петрушка 255
«Война» 8, 327
Отчев 327
«Володькин муж» 54
«Впрок» 70, 90, 254, 259, 304
«бог-отец» 90
Ленин 70
Упов 70
«Высокое напряжение» 53, 101, 144, 151, 158, 163, 223, 251, 252, 286
Абраментов 251
Жмяков 53
Крашенина 144, 151, 163
Мешков 101, 144, 151, 158, 223, 252
Распопов 252, 286, 287

«Герои труда (кузнец, слесарь и литейщик)» 119, 243, 303
Климентов 243
Неведров 303
Терентьев 243
«Глиняный дом в уездном саду»/
«Нужная родина» 67, 71, 151, 155, 181, 222, 235, 239, 326
мальчик 155
Яков Саввич 155, 222, 235, 239
«Голос отца» 69, 155, 284, 301
Служащий 284, 301

Яков 155, 284, 301
«Голубая глубина» (сб.) 17, 66, 71, 78
«Государственный житель» 148, 267, 278, 305
Веретенников 278
«Город Градов» 20, 73, 147, 161, 165, 202, 208, 217, 267, 273, 281, 286, 325
Захар Павлович 73, 161
Шмаков 273, 286

«Дар жизни» 71, 125
Иван Гвоздарев 125
«Дарвин» 249
«Двое людей» 26
«Девушка Роза» 104, 171
Роза 171
«Дед-солдат» 195
Алеша 195
«Джан» 16, 17, 37, 38, 59, 71—73, 77, 90, 100, 101, 118, 124, 128, 137, 145, 148, 150, 154, 165, 182, 183, 212, 221, 281, 294, 296, 314, 318, 320, 328
Айдым 182
Аллах 90
Вера 124, 165, 183
Гюльчатый 100, 318
джан 72, 152, 154, 320
Назар Чагатаев 37, 38, 71, 72, 100, 118, 124, 128, 145, 182, 212, 294
Нур-Мухаммед 137, 294
Суфьян 73
«Дикое место» 18, 21
«Дураки на периферии» [совм. с Б. Пильняком] 100
«Душа мира» 39, 164
«Душа человека неприличное животное» 161, 273

«Епифанские шлозы» (пов.) 80, 191, 192, 206, 260, 265, 306
Бертран Перри 80, 191, 206, 260
«Епифанские шлозы» (сб.) 18, 110, 182
«Ерик» 135
враг рода человеческого 135
Ерик 135

«Железная старуха» 38, 39, 50, 79, 104, 151
Егор 39, 50, 79, 80, 104, 151

- червь 79, 80, 104
 «Житейское дело» 86, 137
 Антон Гвоздарев 86
 «Житель родного города» 267
- Зап. кн. 1921 г. 89
 Зап. кн. 1931—1932 гг. 62
 Зап. кн. 1934 г. 180
 Зап. кн. 1935 г. 103, 118, 156
 Зап. кн. 1942 г. 237
 Зап. кн. 1943—1945 гг. 69
 «Знамена грядущего» 100
 «Зреющая звезда» 22, 24, 240, 255, 256
- «Иван Великий» 137
 «Иван Жох» 103, 123, 125, 199, 202, 208, 218, 257, 296
 Алексей, герой-рассказчик 103
 Сорокин 125
 «Июльская гроза» 260
- «Как началась и когда кончится история» 213
 «Коммунист принадлежит будущему» 144
 «Конец света» 66
 «Кончина Копенкина» («Смерть Копенкина») 31, 32
 «Корова» 246, 322
 «Котлован» 17, 24, 44, 56, 64, 73, 79, 83, 100, 101, 110, 128, 144, 151, 154, 158, 166, 202, 213, 214, 216, 219, 236, 252, 253, 264, 269, 277, 283, 290, 292, 296, 298, 303, 304, 307, 313, 323, 326
 Вошев 44, 100, 101, 154, 213, 283, 323, 326
 Жачев 79, 219
 Козлов 307
 медведь, Мишка Медведев 236, 277
 Настя 100, 128, 165, 283, 326
 Прушевский 65, 158, 202
 Сафронов 290
 Чиклин 253
- «Клуб-школа» 292
 «Крюйс» 36
 «Культура пролетариата» 58, 123
- «ЛЕФ» 231, 293
 «Луговые мастера» 192
 «Луначарский» 119
 «Лунная бомба» 100, 126, 213, 223, 246, 299, 328
 Горгонд 213
 Крейцкопф 126, 223, 246
 «Любовь к дальнему» 144
 «Любовь к родине, или Путешествие воробья» 80, 280
 воробей 80
- змея 80
- «Мавра Кузьминишна» 115
 Мавра Кузьминишна 115
 «Македонский офицер» 79, 293
 Фирс 293
 «Маркун» 103
 «Масло розы» 171
 «Машинист» 216
 Активист 216
 «Московская скрипка» («Скрипка») 103
 «Мусорный ветер» 122, 170, 171, 223, 236, 292
 Альберт Лихтенберг 122, 171, 223, 236
 Зельда 122
- «На заре туманной юности» 53, 118, 145, 151, 156, 163, 251
 Ольга 118, 151, 156, 163, 251
 Подметко 251
 тетка Ольги 156
 Юшка 156
- «На могилах русских солдат» 194
 Никита Климентов 194
- «Надлежащие мероприятия» 266, 268, 302
 Завын-Дувайло 302
 Арчаков 266, 269
 «Невозможное» 40, 147, 230, 233
 Агасфер 147
 «Немые тайны морских глубин» 263
 «Неодушевленный враг» 39, 79, 83, 253
 герой-рассказчик 39
 Рудольф Вальц 79
 «Новогодняя фантазия» 82, 225
 «Новое Евангелие» 66
 «Ноев ковчег» 141, 151, 156
 Агасфер 141
 Иаков 156
 Полигноис 151
- «Нормализованный работник» 245
- «О нашей религии» 89, 209
 «О науке» 307
 «О потухшей лампе Ильича» 129, 297
 Фрол Дерьменко 129
 Прошка 129
- «Об искусстве» 257
 «Однажды любившие» 37, 42, 298
 А. И. Павлов 43
 Александр 42
- «Одухотворенные люди» 83, 135
 мальчик и девочка 135
 «Ответ мечтателю» 145
 «Ответ редакции „Трудовой Армии“ по поводу моего рассказа „Чудьдик и Епишка“» 78
 «Отец-мать» 54, 118, 155, 240

- Безгадов 155
 Женья 118, 240
 Люсьен 240
 Степка 118
 «Офицер и солдат» 194
- «Первое свидание с А. М. Горьким»
 28, 38, 63
 «Первый Иван» 36, 43, 231
 Дмитрий Первоионов 36, 43
 «Песчаная учительница» 166
 Мария Нарышкина 166
 «Питомник нового человека» 245, 279
 «По небу полноты» 71, 156
 Эрих Зуммер 156
 «Последний шаг» 263
 «Потомки солнца» 230, 233
 Елпидифор Баклажанов 233
 «Потомок рыбака» 24
 «Преодоление злодейства» 118
 «Приключение» 26
 «Приключения Баклажанова» 221
 «Присяга» 122
 Чепурной 122
 «Происхождение мастера» (отрыв.) 24
 «Происхождение мастера» (пов.) 22,
 24, 25, 32, 41, 129, 235, 248
 «Происхождение мастера» (сб.) 25
 «Пролетарская поэзия» 57, 60
 «Пустодушие» 45, 83, 201
 герой-рассказчик 45
 Курт Фосс 45
 «Путешествие с открытым сердцем»
 32
 «Путешествие с пустым сердцем» 24,
 82
 «Пушкин и Горький» 112, 320
 «Равенство в страдании» 207
 «Размышления офицера» 162
 ординарец 162
 подполковник Ф. 162
 «Рассказ о Непачевке» 289
 Драбан Иваныч 289
 «Рассказ о мертвом старике» 259
 «Рассказ о многих интересных вещах»
 44, 64, 94, 95, 109, 142, 150, 152,
 164, 171, 178, 179, 202, 204, 206,
 207, 213, 231, 262, 270, 286, 292,
 296, 297, 313, 314
 волк Яким 64, 109, 292
 Иван Копчиков 44, 95, 142, 150,
 213, 262, 270, 292, 314
 инженер 142, 270
 Каспийская невеста 44, 164, 178,
 179, 314
 Кондратий 313
 Мирликийский Чудотворец 262
 «Ребенок в Чевенгуре» 31
 «Река Воронеж, ее настоящее и буду-
 щее» 192
- «Река Потудань» 56, 67, 125, 135, 136,
 165, 253, 280, 293, 299, 327
 Никита Фирсов 56, 67, 125, 135,
 136, 253, 293, 299
 Люба 125, 135, 165, 299
 сторож-надзиратель 67
 «Ремонт земли» 235
 Рец. на кн. В. Закруткина «Академик
 Плющов» 289
 Рец. на кн. В. Шкловского «О Мая-
 ковском» 298
 Рец. на пов. С. Георгиевской «Бабуш-
 кино море» 38
 «Родина электричества» 110, 174, 221
 Жаренов 110
 «Родоначальники нации, или Другие
 беспокойные происшествия» 171,
 202, 204, 297
 Иван Копчиков 171
 Роман о Стратилате 95
- «Сампо» 310, 323
 Нигар / Кирей 310
 «Свет и социализм» 15, 230, 233
 «Седьмой человек» 141
 Гершанович 141
 «Семен» 129, 181, 241, 255
 Захарка 129, 255
 Семен Пономарев 129, 241, 255
 «Сила не право» 111
 «Симфония сознания» 66, 203, 213, 224
 «Сокровенный человек» (пов.) 18, 20,
 22, 24, 53, 81, 85, 131, 205, 217,
 221, 259, 277, 311, 330
 Зворычный 331
 Маевский 258
 Пухов 18, 27, 81, 85, 131, 205,
 277, 331
 Шариков 311
 «Сокровенный человек» (сб.) 18
 «Среди народа» 39
 Махонин 39
 «Старик и старуха» 299
 «Старый механик» 240
 Петр Савельич 240
 «Старый Никодим» 207
 Боевая Подруга 207
 «Страна бедняков» 254, 262
 «Строители страны» 15, 17, 18, 22, 81,
 95, 98, 138, 237, 256
 Веселовский 20
 Геннадий 18—21, 95, 256
 Гратов 19—22, 95, 237
 Дванов 18—22, 95, 98, 237
 Копенкин Стратилат, Ермак
 19—21, 95, 97, 98, 138
 Меринг, Мерин 19
 Мрачковский, Мрачинский 18,
 19, 21, 98, 138, 258
 Никита 98

- Пролетарская Сила 19
 Софья (Софья Александровна)
 Крашенина 20, 21, 95, 97, 98,
 138, 163
 Сталеметный 20
 Федор Достоевский 19
 Христофор Колумб 19
 Шумилин 18—21
 «Счастливая Москва» 17, 43, 59, 70,
 82, 103, 104, 106, 107, 143, 144, 147,
 149 151, 157, 166, 169, 170, 182,
 208, 302, 303, 307, 315, 318
 Арратау 149
 Божко 104, 144, 149, 169, 315
 Комягин, вневойсковик 151, 157,
 302
 Москва Честнова / Оля / Муся
 Комягина 104, 158, 170, 182, 208,
 318
 Самбинкин 43, 70, 157, 303
 Сарториус / Жуйборода / Груня-
 хин 82, 103, 143, 151, 157, 182
 циклопы 107
 «Счастливый корнеплод» 284, 301, 316
 Харчеватых 284
 «Такыр» 71, 181
 «Технический роман»
 «Товарищ пролетариата» 53, 233, 307,
 323
 Всуев 53, 233, 323
 Климентов 53, 233
 «Третий сын» 181
 «Тютень, Витютень и Протегален» 78,
 79, 89
 Витютень 89
 Протегален 78, 79
 Тютень 89
 «У станка» 68, 233
 «Уля» 183
 Груша 183
 «Умственный хутор» 200
 «Усомнившийся Макар» 66, 77, 131,
 136, 147, 274, 280, 299, 307
 Лев Чумовой 274
 Макар Ганушкин 77, 131, 136,
 280
 Петр 131
 «Фабрика литературы» 158
 «Факт» 265
 Абморов 265
 Пугачев 265
 «Фро» 41, 297
 Федор 41
 Фрося (Фро) 41
 «Христос и мы» 209
 «Цветок на земле» 167
 «Цыганский мерин» 182
 Серега 182
 «Человек и пустыня» 66, 254
 «Челость дракона» 195
 «Черный спаситель» 306
 «14 Красных Избушек» 11, 100, 128,
 134, 186, 220, 223, 265, 312, 323,
 325, 328
 Антон 128, 135, 221
 Вершков 220, 221
 Суенита 128, 221, 312, 323
 Хоз 11, 223, 325
 «Че-Че-О» 53, 112, 122, 139, 208, 219,
 264, 306, 320
 Федор Федорович 112, 320
 «Чтобы стать гением будущего» 82
 «Шарманка» 94, 113, 117, 122, 161,
 307, 308, 316
 Алеша 308
 Годовалов 113
 Евсей 94
 Мюд 308
 Серена 122, 161
 Стерветсен 122
 Щоев Игнат Никанорович 94,
 113
 «Электрификация» 326
 «Электрическое орошение почвы» 36
 «Эфирный тракт» 72, 73, 121, 168,
 171, 192, 198, 203—205, 221, 223,
 231, 233, 285, 296, 325
 Кирпичниковы 168
 Егор 72, 231
 Михаил 72, 73, 74, 168, 171, 192,
 198, 205, 325
 Мария 168
 Матиссен 205
 Попов 121, 221, 223
 «Ювенильное море» 17, 73, 147, 165,
 169, 183, 194, 204, 266, 277, 293,
 323, 325
 Босталоева Надежда 165, 169
 Високовский 293
 Умрищев 266, 323, 325
 «Юшка» 151, 154, 326
 «Ямская слобода» 18, 25, 77, 131, 143,
 265, 291, 303, 326
 Филат 25, 77, 131, 303

Раздел 3

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПЕРСОНАЖЕЙ ДРУГИХ АВТОРОВ

- Андреев Л. «Жизнь Василия Фивейского» 128
 о. Василий 128
 «К звездам» 229
 Трейч 229
 «Савва» 52, 58, 142, 143, 209, 250
 Кондратий 143, 209, 250
 Савва 143, 209, 250
- Бабель И. «Берестечко» 304
 Кудря 304
- Бальмонт К. «Голубая роза» 175
- Белый А. «Москва» 165
 Мандро 165
 «Первое свидание» 62
 «Петербург» 165, 201
 Софья Петровна 165
- Беранже П. «Агасфер»
 Агасфер 139
- Блок А. «Двенадцать» 178
 Катя 178
 «Незнакомка» 312
 «Песня Судьбы» 312
 «Роза и Крест» 174
 «Стихи о предметах первой необходимости» 174
 «Стихи о Прекрасной Даме»
 Прекрасная Дамы 174, 178
- Богданов А. «Красная звезда» 49, 225
 Нэтти 225
- Брентано К. «Романсы о розах» 173
- Брюсов В. «Восстание машин» 89
 «Мятеж машин» 89
- Булгаков М. «Ханский огонь» 144
- Веселый А. «Босая правда» 274
 «Страна родная» 105
 Пеньтюшкин 105
- Георгиевская С. «Бабушкино море» 38
- Гете И. «Тайны» 204
 «Фауст» 229
- Гоголь Н. «Выбранные места из переписки с друзьями» 152
 «Мертвые души» 161, 267, 324
 капитан Копейкин 96
 Кошкарев 267
 Ноздрев 324
 Платон Платонов 161
 Чичиков 161, 267
- Гомер «Одиссея» 106, 151
 Одиссей 151
- Полифем 106, 151
 циклопы 107
- Гончаров И. «Обломов» 126, 150
 Захар 150
 Обломов 13, 150
- Гордины братья «Анархия в мечте» 139, 154
 Агасфер 139, 140, 154
- Горький М. «Дети Солнца» 122, 229
 Чепурной 122
 «Жизнь Клима Самгина» 159, 160
 Самгин 258
 «Мать» 91
 «На дне» 91, 152, 260
 Бубнов 152
 Сатин 260
 «Старуха Изергиль» 325
 «Человек» 91
- Грибоедов А. «Горе от ума» 325
- Данте «Божественная комедия» 172, 173, 221
 Беатриче 172
 Вергилий 221
 герой-рассказчик 172, 173, 221
- Державин Г. «Бог» 78, 94
 «На рождение царицы Гремиславь» 305
- Дефо Д. «Робинзон Крузо»
 Робинзон 259
- Достоевский Ф. «Бесы» 36, 59, 91, 102, 157, 266
 Верховенский П. 134
 Кириллов 36, 91
 Лебядкин 157
 Ставрогин 53, 59
 Ставрогина 157
 «Братья Карамазовы» 36, 75, 81, 160, 184, 211, 244, 294
 Великий Инквизитор 75, 76, 112, 128, 132, 134, 147, 320
 Зосима 160, 184, 244
 Карамазовы:
 Алеша 81, 132
 Иван 81, 132, 145
 Дмитрий 36, 134
 Федор Павлович 304
 о. Пансий 132
 о. Ферапонт 244
 Христос 128
 черт Ивана Карамазова 102
- «Идиот» 84, 266
 Мышкин 84, 174

- «Подросток» 52, 105
Версильев 52
«Преступление и наказание» 166, 238
Свидригайлов 238
Соня Мармеладова 166
«Село Степанчиково и его обитатели»
Фома Опискин 49
«Сон смешного человека» 49, 81, 105, 212, 220, 229, 291
- Заболоцкий Н. «Лицо коня» 184
Замятин Е. «Мы» 54, 76, 113, 134, 203, 218
Благодетель 134
доктор 218
Д-503 55, 218
I-330 218
«О литературе, революции и энтропии» 325
Золя Э. «Труд» 234, 264, 326
Жордан 234
«Человек-зверь» 183, 240, 244
Жак Лантье 240
«Лизон» 183
- Иванов Вяч. «Антология Розы» 176
«Феофил и Мария» 188, 191
Мария 191, 192
Феофил 192
«Cor ardens» 175, 229
«Rosa Sophia» 96
«Rosarium» 96, 175, 188
«Sub Rosa» 176
- Ильф И. и Петров Е. «Двенадцать стульев» 115, 243, 287, 299
Виктор Михайлович Полесов 243, 287
Распопов 287
«Золотой теленок» 287
Бендер 287
Паниковский 287
- Кампанелла Т. «Город Солнца» 179, 228
Карлейль Т. «Sartor Resartus» 143
Диоген Тейфельсдрек 143
Кириллов В. «Мы» 52
Короленко В. «Светлояр» 71, 190, 196
Костер Ш. де «Легенда об Уленшпигеле»
Уленшпигель 27
Кржижановский Г. «Варшавянка» 327
- Лермонтов М. «Герой нашего времени»
Печорин 58, 162, 250
«Демон» 64
«Мцыри» 188
- Леонов Л. «Вор» 69, 107, 108, 144, 238, 320
Дмитрий Векшин 69, 107, 108, 238, 321
Леонтий 320, 321
Манюкин 69
Фирсов 144
- Малашкин С. «Мускуль» 49
Мандельштам О. «Реймс Лаон» 175
Маяковский В. «Как делать стихи» 328
«Клоп» 231
«Про это» 231
Мельников П. «В лесах» 123
Мор Т. «Остров Утопия» 206
- Новалис «Гейнрих фон Офтердинген» 164
Новоселов А. «Беловодье» 123
- Панферов Ф. «Бруски» 323
Плакущев 323
Пильняк Б. «Волга впадает в Каспийское море» 109, 110, 192
охломы 109
Пожаров Василий 109
Пожаров Назар 109
«Голый год» 144, 297
Оленька Кунц 297
Симон Зилотов 297
Ян Лайтис 297
«Жених во полночи» 76
«Красное дерево» 108—110, 219
Аким 108, 109
Огнев 109
Ожогов / Скудрин Иван 108—110, 219
охломы 108—110
Пожаров 109
«Повесть непогашенной луны» 89, 195
Потье Э. «Интернационал» 152, 247, 315
- Пришвин М. «Астраль» 91
«Журавлиная родина» 178
«Кашеева цепь» 52
«По градам и весям» 91
«У стен града невидимого» 78, 91
Дмитрий Иванович 91
- Пушкин А. «Гавриилиада» 173
Мария 173
«Жил на свете рыцарь бедный» 174
«Монах» 173
«Моцарт и Сальери»
Сальери 239
«Роза» 173
«Сказка о золотом петушке» 314
Шамаханская царица 314

- «Тень Баркова» 173
- Семенов С. «Голый человек» 144, 187
 Афонька 187
 Глебов 187
- Сервантес М. де «Дон Кихот» 174, 183, 212
 Дон Кихот 16, 19, 95, 96, 98, 100, 124, 183, 212, 305
 Дульсиня 174, 305
 Росинанте (Росинант) 183
 Санчо Панса 206, 305
- Сергеев-Ценский С. «Бабаев» 182
- Скиталец «Огарки» 259
 Толстый 259
- Слезкин Ю. «Голый человек» 144
- Соловьев Вл. «На заре туманной юности» 163
 Ольга 163
 «Три свидания» 63
- Сологуб Ф. «Мелкий бес» 159
 Передонов 159
- Толстой А. «Бунт машин» 89
- Толстой Л. «Война и мир» 95, 187, 200
 Андрей Болконский 95
 Наташа Ростова 95
 Платон Каратаев 14, 114, 115, 256
 Пьер Безухов 14, 80, 114, 187
 «Воскресение» 167
 «Воспоминания» 74
 Николенька 74
 «Крейцера соната» 101, 102
 Позднышев 101
- Успенский Г. «Власть земли» 159
 «Из деревенского дневника» 159
 «Крестьянин и крестьянский труд» 159
- Уэллс Г. «Люди-боги» 93
 Барнстэпл 94
 «Царство муравьев» 76
 Холрайд 76
- Хлебников В. «Ладомир» 293
 «Поэт» 63
- Чапек К. «Из жизни насекомых» 77
 Первый инженер 77
 Второй инженер 77
 «RUR» 89
- Чехов А. «Ионыч» 253
 «Пьеса без названия» 55
- Шекспир В. «Гамлет»
 Гамлет 16, 69
 Призрак 69
- Шкловский В. «О Маяковском» 298
 «Сентиментальное путешествие» 161, 162
 «Третья фабрика» 102, 158
 Достоевский 103
 Платонов 102, 122
 Тургенев 103
- Щедрин Н. «История одного города» 88, 130, 208, 220, 330
 Беневоленский 131
 Бородавкин 130
 Угрюм-Бурчеев 208, 330
 Яшенька 88

Раздел 4

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ (РЕАЛЬНЫХ И ВЫМЫШЛЕННЫХ)

- Азия 8, 122
Айдар 285
Акатьево 109
Акрофоя 227
Алма-Ата 264
Амазонка 72, 76, 198
Америка, США 8, 91, 171, 229, 326
Арабат 156
Атлантида 72, 204, 206
Атлантический океан 72
Афон 227
- Беловодье 123
Балашов 197
Белгородская обл. 285
Берлин 170
Биттермановское / Теллермановское
лесничество 198, 267
Битюг 183
Бобров 97
Боброваский у. 217
Богемия (Чехия) 96
Богучар 199, 200, 204, 267, 276
Богучарка р. 204
Богучарово 200
Богучарский у. 97, 165, 198, 200, 217,
302
Брянская обл. 313
- Валуйки 165
Великоместный сельсовет 198
Венета 206
Верхне-Мотнинская / Верхне-Мамон-
ская вол. 198, 266
Верхнемамонский р-н 267
Верхне-Хавская вол. 168
Верхнеуральск 258
Верхняя Гнилуша 267
Вечный-Град-на-Дальней-реке 199, 202.
Византия 247
Волга 255
Волошино 168, 198, 250, 261
Воронеж г. 95, 97, 98, 122, 166, 168,
196, 197, 201, 202, 204, 229, 247,
255, 267, 283, 285, 319, 328
Воронеж р. 192, 285
Воронежская губ./обл. 50, 95, 97,
122, 165, 183, 197—200, 216, 217,
236, 249, 255, 262, 267, 276, 285, 313
Воронежский у. 197, 198
Восточная Прибалтика 220
- Германия 8, 92, 170, 177
Глузов / Непреклонск 130, 208, 220, 330
- Градов 202, 216, 286
Градовская губ. 208
- Дон 37, 183, 198, 203, 255, 285
- Европа 8, 66, 76, 96, 263, 329
Египет 130, 203, 227, 228
- Завалишный 197
Завальное 197
Западная Европа 92, 216
- Иваново-Вознесенск 104
Иерусалим 221, 229
Исподние Хутора 198, 276
Италия 146
- Каверино / Каверье 198
Калитва, Черная / Старая Калитва
198, 276, 277, 302, 309
«Каменная степь» 255
Канзас 91
Кантемировка 276
Карабут 200
Карачан 199
Карачун 199
Карское м. 322
Каспийское м., Каспий 55, 110, 314
Качугуры 199
Киев 111, 296
Китай 8, 102
Китеж 16, 71, 109, 190, 196, 209
Козинка 268
Краснодар 17
Красноярск 230
Кронштадт 269, 270
- (Сев.) Ледовитый океан 278, 322
Лиманный (Лиман) хутор 198
Липецк 29
Лиски 197, 250
Лискинский р-н 313
Лондон 32, 208
Луганск 285
Луганская обл. 285
Лысые Горы 200
Люксембург 171
- Малое 198
Мандрова слоб., (Мандрово, Манд-
ровка) 165
Марьино 197
Мелекес / Димитровград 171
Месопотамия 213
Монсальват 204

- Москва 7, 16, 18, 29, 103, 123, 139,
 160, 170, 177, 198, 201, 225, 227,
 278, 279, 296, 304
 Муанья 213
 Муравения 77
 Мутево оз. 73, 189, 190, 193
 Мюнстер 149, 220, 329
 Никольское 217
 Новая Байгара 217
 Новая Калитва 217
 Ново-Калитвянский р-н 217
 Новомеловатка 97
 Новоселовск 286
 Новоселовский у. 198
 Новохоперск / Урочев 42, 50, 51, 55,
 160, 196, 197, 249, 250, 267
 Новохоперский у. 217
 Новый Иерусалим 204, 211, 220
 Новый Лиман 217
 Ока 203
 Орел 111
 Орловская губ. 216
 Острова Солнца 228
 Острогжск 286
 Острогжский у. 197
 Офир 206
 Павловск 268
 Павловский р-н 268
 Париж 32, 111, 309
 Пашенкино 213
 Пергам 228
 Перекоп 269
 Перу 228
 Пески 197
 Петербург, Петроград, Ленинград
 116, 139, 201, 204, 269, 304
 Петропавловка 165, 198
 Петропавловская вол. 165
 Поворино 197
 Полинезия 322
 Польской Воронеж 203, 285
 Польный Айдар 285, 305
 Посошанская / Россошанская вол. 198
 Почеп 313
 Почепское 313
 Равенна 146
 Разгуляй, Разгуляево 55, 197
 Риверсайд 326
 Римская империя 92
 Ровеньки 285
 Россия, Русь 23, 92, 93, 100, 123, 158,
 204, 213, 216, 256, 271, 278, 308
 Россошь 268
 Россошанский у. 198, 217, 285
 Ростов-на-Дону 289
 Рунхольд 206
 Самара 269
 Самарская губ. 171
 Саратовская губ. 197
 Сары-Камыш, Сары-Камышская впа-
 дна 72, 145, 221
 Сахара 278
 Светлояр, Светлое оз. 91, 190, 196
 Северский Донец 285
 Сибирь 90, 130, 229, 271, 278
 Смаглевка 276
 Советская Россия 171
 Солнечный город 123
 Средиземное м. 92
 Средиземноморье 227
 Средние Болтаи 198
 СССР, Советский Союз 7, 8, 30, 32,
 93, 118, 208, 219, 229, 240, 315
 Страна Анархия 139
 Суржа 207
 Табор 96, 208, 329
 Тамбов 7, 61, 90
 Тамбовская губ. 197, 199, 216, 277
 Терновка 276
 Тихий океан 72, 198, 322
 Токно 124
 Тула 301
 Туле 206
 Уединения / Товарищества (Общества)
 о-ва 322
 Украина 111, 157
 Ульяновская обл. 171
 Уразово 249
 Урал 258
 Уранополь 227
 Урыв 249
 Усманский у. 197, 217
 Утопия («Люди-боги» Г. Уэллса) 93
 Утопия («Остров Утопия» Т. Мора)
 123, 206
 Уфимский у. 279
 Ханские Дворики 103, 105, 198
 Харьков 204
 Харьковская губ. 285
 Царицын / Волгоград 197
 Центрально-Черноземный р-н 216
 Цна 203
 Чагоры 199
 Черновка 124, 198
 Шипова роща 267
 Шкарино 197
 Эстония 8
 Южная Америка 76
 Ямская слоб. 95, 202
 Япония 123, 124
 Ярославль 269

Раздел 5

ЦИТИРУЕМЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЛАТОНОВА

- Антисексус* — Платонов А. Антисексус // Новый мир. 1989. № 9.
- Бабушкино море* — Платонов А. Рецензия на повесть С. Георгиевской «Бабушкино море» // РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 107.
- В звездной пустыне* — Платонов А. В звездной пустыне // Огни. Воронеж, 1921. 4 июля.
- Вечер Некрасова* — Платонов А. Вечер Некрасова в Коммунистическом университете // Воронежская коммуна. 1921. 18 авг.
- Взыскание погибших* — Платонов А. Взыскание погибших. М., 1995.
- Возвращение* — Платонов А. Возвращение. М., 1989.
- Война* — Платонов А. Война // Октябрь. 1999. № 7.
- Володькин муж* — Платонов А. Володькин муж: Мои похождения на этом свете // Russian literature (Amsterdam). 1992. V. 32. N 3.
- Высокое напряжение* — Платонов А. Высокое напряжение // Современная драматургия. 1984. № 3.
- Голос отца* — Пьеса А. П. Платонова «Голос отца» («Молчание»): История текста — история замысла // Из творческого наследия русских писателей XX века: М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов. СПб., 1995.
- Дар жизни* — Платонов А. Дар жизни // Домовой. 1994. № 4.
- Епифанские шлюзы* — Платонов А. Епифанские шлюзы. М., 1927.
- Живя главной жизнью* — Платонов А. Живя главной жизнью. М., 1989.
- Жить ласково...* — Платонов А. «Жить ласково здесь невозможно...» // Октябрь. 1999. № 2.
- Записные книжки* — Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000.
- Зреющая звезда* — Платонов А. Краткий план романа «Зреющая звезда» [т. е. «Земля»] // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995.
- Избранное* — Платонов А. Избранное. М., 1988.
- Избр. произв.* — Платонов А. Избр. произв.: В 2 т. М., 1978.
- Коммунист принадлежит будущему* — Коммунист [Платонов А.] Коммунист принадлежит будущему // Воронежская коммуна. 1921. 13 июля.
- Конец света* — Платонов А. Конец света // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- ЛЕФ* — Платонов А. «ЛЕФ», 1923, № 1—4 // Октябрь мысли. 1924, № 1.
- Личное дело* — <Из личного дела А. П. Платонова>: 1942 г. // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- Македонский офицер* — Платонов А. Мак<едонский> офицер [Александр Македонский (?)] : Роман из ветхой жизни // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995.
- Масло розы* — Платонов А. Масло розы // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1.
- Машинист* — Платонов А. Машинист // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- Мне это нужно...* — Платонов А. «Мне это нужно не для славы...»: Письма М. Горькому // Вопросы литературы. 1988. № 9.
- Московская скрипка* — Платонов А. Московская скрипка // РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 64.
- Надлежащие мероприятия* — Платонов А. Надлежащие мероприятия // Новый мир. 1991, № 1.
- Невозможное* — Платонов А. Невозможное // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1.
- Немые тайны...* — Платонов А. Немые тайны морских глубин // Репейник. Воронеж, 1923. № 6—8.
- Ноев ковчег* — Платонов А. Ноев ковчег: Каиново отродье // Новый мир. 1993. № 9.

- Однажды любившие* — Платонов А. Однажды любившие // Литературная газета. 1983. 19 окт.
- Ответ мещанину* — Коммунист [Платонов А.] Ответ мещанину // Воронежская коммуна. 1921. 21 июля.
- Отец-мать* — Платонов А. Отец-мать // РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 92.
- Первое свидание с Горьким* — Платонов А. Первое свидание с А. М. Горьким // Литературная Россия. 1966. 5 авг.
- Переписка с Госиздатом* — Андрей Платонов и Государственное издательство РСФСР в 1921—1922 годах // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 1999. Вып. 3.
- Письма* — «Живя главной жизнью...»: А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках // Платонов А. Живя главной жизнью. М., 1989.
- Преодоление злодейства* — Платонов А. Преодоление злодейства // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- Приключения Баклажанова* — Платонов А. Приключения Баклажанова: Бесконечная повесть // Воронежская коммуна. 1922. 12, 17 сент.
- Присяга* — Платонов А. Присяга // Красная звезда. 1943. 25 июня.
- Равенство в страдании* — Платонов А. Равенство в страдании // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- Симфония сознания* — Платонов А. Симфония сознания // Здесь и теперь. 1993. № 1.
- Скрипка* — Платонов А. Скрипка // Платонов А. Избранное. М., 1966.
- Смерти нет!* — Платонов А. Смерти нет! М., 1970.
- Собр. соч.* — Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1984—1985.
- Старик и старуха* — Платонов А. Старик и старуха: Потерянная проза. Мюнхен, 1984.
- Стенограмма* — Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова в ВССП 1 февраля 1932 года // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- Страна бедняков* — Платонов А. Страна бедняков: Очерки Черноземной области // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1.
- Строители страны* — Повесть А. Платонова «Строители страны»: к реконструкции произведения // Из творческого наследия русских писателей XX века: М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов. СПб., 1995.
- Счастливая Москва* — Платонов А. Счастливая Москва // Новый мир. 1991. № 9.
- Технический роман* — Платонов А. Технический роман // Огонек. 1990. № 19, 20.
- Товарищ пролетариата* — Платонов А. Товарищ пролетариата // Октябрь. 1999. № 7.
- Тютень, Витютень и Протегален* — Платонов А. 10 стихотворений, 4 рассказа, 1 фельетон, 6 статей и 4 рецензии 1918—1924 гг. // Russian literature (Amsterdam). 1988. V. 23. N 4.
- У станка* — Платонов А. «У станка». Заводской журнал МК РКП(б). № 1. Москва, 1924 // Октябрь мысли. М., 1924. № 2.
- Умственный хутор* — Платонов А. [Пак<уркин>] [Григорий с умственного хутора. (Эпизод)] // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995.
- Черный спаситель* — Платонов А. Черный спаситель // Воронежская коммуна. 1921. 17 апр.
- Чутье правды* — Платонов А. Чутье правды. М., 1990.

Раздел 6

ЛИТЕРАТУРА

- Абрагам 1912 — Абрагам К. Сон и миф: Очерк народной психологии. М., 1912.
- Авербах 1929 — Авербах Л. О целостных масштабах и частных Макарах // На литературном посту. 1929. № 21—22.
- Аверинцев 1972 — Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность и современность. М., 1972.
- Азиенко 1922 — Азиенко А. Голод и биокосмизм // Биокосмист. 1922. № 2.
- Алексеев 1932 — Алексеев В. Октябрь и гражданская война в ЦЧО. Воронеж, 1932.
- Алексеев 1984 — Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984.
- Алексеев и Комаров 1931 — Алексеев В., Комаров А. Гражданская война в ЦЧО: В документах и материалах. Воронеж, 1931. Т. 1.
- Алфавитный указатель 1925 — Алфавитный указатель населенных мест Воронежской губернии. Воронеж, 1925.
- Альтман 1975 — Альтман М. С. Достоевский по векам имен. Саратов, 1975.
- Амфитеатров 1997 — Амфитеатров А. Бабы и дамы. М., 1997.
- Андреев 1990—1996 — Андреев Л. Собр. соч.: В 6 т. М., 1990—1996.
- Андрей Платонов 1988 — Андрей Платонов сегодня // Платонов А. Котлован: Избранная проза. М., 1988.
- Аннинский 1968 — Аннинский Л. Запад и Восток в творчестве Андрея Платонова // Простор. 1968. № 1.
- Аннинский 1989 — Аннинский Л. Откровение и сокровение: Горький и Платонов // Лит. обозрение. 1989. № 9.
- Арсентьева 1994 — Арсентьева Н. Н. Становление утопического жанра в русской литературе. М., 1994. Ч. 2.
- Архив Горького 1965 — Архив А. М. Горького. М., 1965. Кн. 10.
- Аскольдов 1990 — Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сб. статей о русской революции. М., 1990.
- Афанасьев 1994 — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994.
- Бабель 1992 — Бабель И. Соч.: В 2 т. М., 1992.
- Багалей 1923 — Багалей Д. И. Украинский странствующий философ Г. С. Скворода. Харьков, 1923.
- Багно 1986 — Багно В. Дорогами «Дон Кихота». М., 1986.
- Байтов 1987 — Байтов Н. Трагедия «общего дела» в произведениях А. Платонова // Выбор. М., 1987. Сб. 2.
- Бакунин 1918 — Бакунин М. Бог и государство. М.; Пг., 1918.
- Бакунин 1989 — Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989.
- Бальмонт 1990 — Бальмонт К. Избранное. М., 1990.
- Балязин 1990 — Балязин В. Н. Профессор Александр Чаянов. М., 1990.
- Батурич 1926 — Батурич Н. Памяти «махавщины» // Правда. 1926. 2 марта.
- Бахтин 1979 — Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бежцких 1989 — Бежцких М. А. Гротескный образ города в сатирической прозе Андрея Платонова. М., 1989 // Деп. ИНИОН РАН № 40222.
- Белый 1921 — Белый А. Первое свидание. Пб., 1921.
- Белый 1995 — Белый А. Воспоминания о Блоке. М., 1995.
- Бергсон 1910 — Бергсон А. Введение в метафизику // Бергсон А. Время и свобода воли. М., 1910.
- Бергсон 1923 — Бергсон А. Длительность и одновременность: По поводу теории Эйнштейна. Пб., 1923.
- Бергсон 1998 — Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998.
- Бердяев 1907 — Бердяев Н. Sub speciei aeternitatis. СПб., 1907.
- Бердяев 1916 — Бердяев Н. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. СПб., 1916.
- Бердяев 1968 — Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Париж, 1968.

- Бердяев 1989 — Бердяев Н. А. Человек и машина // *Вопр. философии*. 1989. № 2.
- Бердяев 1990 — Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Биокоσμисты 1922 — Декларативная резолюция // *Биокоσμист: Креаторий российских и московских анархистов-биокоσμистов (М.)*. 1922. № 1.
- Блок 1971 — Блок А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971.
- Бляхер 1998 — Бляхер Л. Е. Оговоренность и непоименованность: столкновение параллельных онтологий в художественных мирах А. Платонова // *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern, 1998.
- Бобылев 1978 — Бобылев Б. Об Андрее Платонове — воронежском газетчике // *Подъем*. 1978. № 5.
- Богданов 1908 — Богданов А. Эмпириомонизм: [В 2 т.] М., 1908.
- Богданов 1919 — Богданов А. О тенденциях пролетарской культуры: Ответ А. Гастеву // *Пролетарская культура*. 1919. № 9—10.
- Богданов 1920 — Богданов А. *Новый мир*. М., 1920.
- Богданов 1925—1927 — Богданов А. Всеобщая организационная наука: Тектология. [В 2 т.] Л.; М., 1925. Т. 1; 1927. Т. 2.
- Богданов 1986 — Богданов А. Красная звезда // *Русская литературная утопия*. М., 1986.
- Богданов 1989 — А. А. Богданов: Биографический очерк // Богданов А. А. Тектология. М., 1989. Кн. 1.
- Богданов 1993 — Богданов А. Пять недель в ГПУ: 8/IX—13/X 1923 г. // *De visu*. 1993. № 7.
- Богданович 1988 — Богданович Т. О творческой позиции и поэтике Андрея Платонова 20-х годов: На материале повести «Происхождение мастера» // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 1988. № 2.
- Бонч-Бруевич 1902 — Бонч-Бруевич В. Д. Значение сектантства для современной России. Женева, 1902.
- Бонч-Бруевич 1908 — Бонч-Бруевич В. Материалы к истории и изучению сектантства и раскола. СПб., 1908.
- Борисова 1987 — Борисова И. На семи ветрах // *Новый мир*. 1987. № 1.
- Боровой 1966 — Боровой Л. Ради радости // *Боровой Л. Язык писателя*. М., 1966.
- Бочаров 1991 — Бочаров С. Г. «Вещество существования» // *Платонов А. Чевенгур*. М., 1991.
- Бродский 1995 — Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова // *Бродский И. Соч.: [В 4 т.]* СПб., 1995. Т. 4.
- Брюсов 1976 — Лит. наследство. М., 1976. Т. 85.
- Булгаков 1993 — Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2.
- Бухарин 1928 — Бухарин Н. Памяти А. А. Богданова: Речь на гражданской панихиде // *На новом поле / Труды Государственного научного института переливания крови им. А. А. Богданова*. М., 1928. Т. 1.
- Бухарин 1988 — Бухарин Н. Избр. произв. М., 1988.
- Бэлза 1969 — Бэлза С. И. Дон Кихот в русской поэзии // *Сервантес и всемирная литература*. М., 1969.
- Варшавский 1976 — Варшавский В. «Чевенгур» и «Новый Град» // *Новый журнал (Нью-Йорк)*. 1976. № 122.
- Васильев 1926 — Васильев Г. П. Паровоз: Его устройство, содержание и ремонт. М., 1926.
- Васильев 1982 — Васильев В. В. Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества. М., 1982.
- Васильев 1989 — Васильев В. Национальная трагедия: утопия и реальность: Роман Андрея Платонова «Чевенгур» в контексте его времени // *Наш современник*. 1989. № 3.
- Васильева 1996 — Васильева М. О. Котлован и Небесный город: Некоторые аспекты религиозной тематики в творчестве А. Платонова на рубеже 1920—1930-х гг. М., 1996. Деп. ИНИОН РАН № 52 154.
- Вейнинггер 1991 — Вейнинггер О. Пол и характер: Мужчина и женщина в мире страстей и эротики. М., 1991.
- Веленгури 1971 — Веленгури Н. Романтик революции Степан Копенкин // *Кубань*. 1971. № 4.

- Великая 1975* — *Великая Н. И.* «Человек среди мира и человечества» и поэтика всеобщих связей в повестях А. Платонова // *Великая Н. И.* Формирование художественного сознания в советской прозе 20-х годов. Владивосток, 1975.
- Венгерова 1914* — *Венгерова З.* Новалис // *Новалис.* Гейнрих фон Офтердинген. М., 1914.
- Верин 1979* — *Верин В. Н.* Сатирический дебют Андрея Платонова: О повести «Город Градов» // *Филологические науки.* 1979. № 4.
- Верин 1988* — *Верин В.* «Я же работал совсем с другими чувствами...» // *Лит. газ.* 1988. 27 апр.
- Вернадский 1988* — *Вернадский В. И.* Труды по всеобщей истории науки. М., 1988.
- Верхейл 1994* — *Верхейл К.* История и стиль в прозе Андрея Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1.
- Веселовский 1990* — *Веселовский А.* Из поэтики розы // *Веселовский А.* Женщины и старинные теории любви. М., 1990.
- Веселый 1958* — *Веселый Артем.* Избр. произв. М., 1958.
- Веселый 1988* — «Россия, кровью умытая» Артема Веселого: По материалам личного архива писателя // *Новый мир.* 1988. № 5.
- Вознесенская, Дмитриовская 1993* — *Вознесенская М. М., Дмитриовская М. А.* О соотношении ratio и чувства в мышлении героев А. Платонова // *Логический анализ языка: Ментальные действия.* М., 1993.
- Волошинов 1927* — *Волошинов В.* Фрейдизм: Критический очерк. М.; Л., 1927.
- Воронежский край 1928* — *Воронежский край.* Воронеж, 1928.
- Воспоминания 1970* — *Воспоминания о В. И. Ленине:* В 5 т. М., 1970. Т. 5.
- Вроон 1996* — *Вроон Р.* Хлебников и Платонов: Предварительные заметки // *Язык как творчество.* М., 1996.
- Вьюгин 1995а* — *Вьюгин В. Ю.* Из наблюдений над рукописью романа «Чевенгур»: От автобиографии к художественной обобщенности // *Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы.* Библиография. СПб., 1995.
- Вьюгин 1995б* — *Вьюгин В.* Платонов и анархизм: К постановке проблемы // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2.
- Гаврилова 1990* — *Гаврилова Е. Н.* Андрей Платонов и Павел Филонов: О поэтике повести «Котлован» // *Лит. учеба.* 1990. № 1.
- Галушкин 1994* — *Галушкин А. Ю.* К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // *Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии.* М., 1994.
- Гальковский 1916* — *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1.
- Гальцева, Роднянская 1988* — *Гальцева Р., Роднянская И.* Помеха — человек: Опыт века в зеркале антиутопий // *Новый мир.* 1988. № 12.
- Гастев 1919* — *Гастев А.* О тенденциях пролетарской культуры // *Пролетарская культура.* 1919. № 9—10.
- Гастев 1921* — *Гастев А.* Наши задачи. М., 1921.
- Гачев 1988* — *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 1988.
- Геллер 1982* — *Геллер М.* Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, 1982.
- Геллер, Некрич 1995* — *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 3 т. М., 1995. Т. 1.
- Генкин 1927* — *Генкин И. И.* Среди преемников Бакунина: Заметки по истории российского анархизма // *Красная летопись.* Л., 1927. № 1.
- Гильманов 1994* — *Гильманов В.* Мифологическое мышление в сказке Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок» // *В мире Э. Т. А. Гофмана.* Калининград, 1994. Вып. 1.
- Гоголь 1976—1978* — *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1976—1978.
- Гомер 1981* — *Гомер.* Одиссея. М., 1981.
- Гончаров 1969* — *Гончаров И. А.* Обломов. М., 1969.

- Гоннер 1969 — Гоннер С. И. В. И. Ленин в Париже // Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 2.
- Гордины 1919 — Гордины братья. Анархия в мечте: Страна Анархия. Утопии поэма. М., 1919.
- Горький 1929 — Горький М. [Предисловие] // Пришвин М. Собр. соч.: В 7 т. М.; Л., 1929. Т. 1.
- Горький 1968—1975 — Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произв.: В 25 т. М., 1968—1975.
- Гугнин 1998 — Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М., 1998.
- Гумилевский 1994 — Гумилевский Л. Судьба и жизнь // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- Гура 1997 — Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гурвич 1994 — Гурвич А. Андрей Платонов // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- Гусев 1988 — Гусев Вл. ...Минуту молчания // Октябрь. 1988. № 11.
- Гуторов 1989 — Гуторов В. А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989.
- Гюнтер 1991 — Гюнтер Г. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
- Гюнтер 1994 — Гюнтер Х. О некоторых источниках миллениаризма в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1.
- Давыдова 1996 — Давыдова Е. В. Новалис и русская литература: постановка проблемы // Проблемы истории литературы. М., 1996. Вып. 1.
- Даль 1979—1980 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. [В 4 т.] М., 1979—1980.
- Даль 1984 — Даль В. Пословицы русского народа: [В 2 т.] М., 1984.
- Данте 1992 — Данте Алигьери. Божественная комедия. М., 1992.
- Дмитровская 1994а — Дмитровская М. А. Мирозерцательные истоки мифологемы «жизнь — путь» у А. Платонова // Семантика русского языка в диахронии. Калининград, 1994.
- Дмитровская 1994б — Дмитровская М. А. Природа: язык и молчание: О мирозерцании А. Платонова // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
- Дмитровская 1994в — Дмитровская М. А. Феномен пустоты: взгляд А. Платонова на особенности человеческого сознания // Художественное мышление в литературе XIX—XX веков. Калининград, 1994.
- Дмитровская 1995а — Дмитровская М. А. Антропологическая доминанта в этике и гносеологии А. Платонова (конец 20-х — середина 30-х годов) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2.
- Дмитровская 1995б — Дмитровская М. А. А. П. Платонов и В. А. Поссе // Андрей Платонов: Проблемы интерпретации. Воронеж, 1995.
- Дмитровская 1995в — Дмитровская М. А. Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова «Чевенгур» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995.
- Дмитровская 1995г — Дмитровская М. А. Эволюция понятий «истина» и «смысл» в творчестве А. Платонова // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
- Дмитровская 1996 — Дмитровская М. А. Локус «Чевенгура» // Художественное мышление в литературе XVIII—XX веков. Калининград, 1996.
- Дмитровская 1997 — Дмитровская М. А. «Загадка времени»: А. Платонов и О. Шпенглер // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997.
- Дмитровская 1998 — Дмитровская М. А. Макрокосм и микрокосм в художественном мире А. Платонова. Калининград, 1998.
- Дмитровская 1999а — Дмитровская М. А. Семантика пространственной границы у А. Платонова // Филологические записки. Воронеж, 1999. № 13.

- Дмитровская 1996 — *Дмитровская М.* Философский контекст романа А. Платонова «Счастливая Москва»: Платон, Аристотель, О. Шпенглер // *Russian literature* (Amsterdam). 1999. V. 46. N 2.
- Дни грозные 1960 — Дни грозные: Воронежская организация КПСС в годы гражданской войны 1918—1920 гг.: Документы и материалы. Воронеж, 1960.
- Дорофеев 1965 — *Дорофеев В.* Повести и рассказы Андрея Платонова // *Платонов А. В прекрасном и яростном мире.* М., 1965.
- Дорофеев 1988 — *Дорофеев В.* Оппонент, или Пояснительная записка к речи Н. И. Бухарина на одной из гражданских панихид 1928 года // *Лит. газ.* 1988. 7 дек.
- Достоевский 1972—1988 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1988.
- Дрозда 1975 — *Дрозда М.* Художественное пространство прозы А. Платонова // *Umjetnost riječi: Časopis za znatnost o književnosti.* Zagreb, 1975. № 2—4.
- Друбек-Майер 1994 — *Друбек-Майер Н.* Россия — «пустота в кишках» мира: «Счастливая Москва» (1932—1936 гг.) А. Платонова как аллегория // *Новое литературное обозрение.* 1994. № 9.
- Дужина 1988 — *Дужина Н.* «Все, что видимо и что скрыто...» // *Платонов А.* Котлован: Избр. проза. М., 1988.
- Дужина 1998 — *Дужина Н. И.* Андрей Платонов: поход на Тайны // *Литературное обозрение.* 1998. № 2.
- Дурылин 1914 — *Дурылин С.* Церковь невидимого града: Сказание о граде Китеже. М., 1914.
- Евтушенко 1988 — *Евтушенко Е.* Судьба Платонова // *Советская культура.* 1988. 20 авг.
- Ермаков 1996 — *Ермаков В. Д.* Российский анархизм и анархисты: Вторая половина XIX—конец XX веков. СПб., 1996.
- Ермилов 1994 — <В. Ермилов и А. Платонов> // *Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии.* М., 1994.
- Ерофеев 1926 — *Ерофеев Н. С.* Паровоз: Как он устроен и как работает. Берлин, 1926.
- Есипова 1998 — *Есипова О.* Русский Дон Кихот и М. Булгаков // *Булгаковский сборник.* Таллинн, 1998. Вып. 3.
- Жегалов 1965 — *Жегалов Н.* Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: Основные проблемы и образы. М., 1965.
- Жирмунский 1919 — *Жирмунский В.* Религиозное отречение в истории романтизма. М., 1919.
- Жирмунский 1996 — *Жирмунский В. М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996.
- Жолковский 1994 — *Жолковский А. К.* Блуждающие сны и другие работы. М., 1994.
- Задонский 1975 — *Задонский Н.* Интересные собеседники: Любопытная старина. Воронеж, 1975.
- Заика 1996 — *Заика В. И.* К интерпретации нарушений сочетаемости слов в романе Андрея Платонова «Чевенгур» // *Фразеологизм и слово.* Новгород, 1996.
- Залкинд 1926 — *Залкинд А. Б.* Половой вопрос в условиях советской общности. Л., 1926.
- Залыгин 1972 — *Залыгин С.* Сказки реалиста и реализм сказочника // *Залыгин С.* Литературные заботы. М., 1972.
- Замятин 1990 — *Замятин Е. И.* Избр. произв.: В 2 т. М., 1990.
- Замятин 1999а — *Замятин Д. Н.* Империя пространства: Географические образы в романе А. Платонова «Чевенгур» // *Вопр. философии.* 1999. № 10.
- Замятин 1999б — *Замятин Е.* Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М., 1999.
- Зарин 1974 — *Зарин П.* Сектанство в Воронежской губернии // *Критика религиозного сектанства: Опыт изучения религиозного сектанства в 20-х—начале 30-х годов.* М., 1974.

- Зверев 1989* — Зверев А. «Когда пробьет последний час природы...»: Антиутопия. XX век // Вопросы литературы. 1989. № 1.
- Зеленин 1991* — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Зиммель 1928* — Зиммель Г. Гете. М., 1928.
- Золотоносов 1990* — Золотоносов М. Усомнившийся Платонов: «Чевенгур», «Котлован» // Нева. 1990. № 4.
- Золотоносов 1994а* — Золотоносов М. Книга «Л. Добычин»: романтический финал // Вторые Добычинские чтения. Даугавпилс, 1994. Ч. 1.
- Золотоносов 1994б* — Золотоносов М. «Ложное солнце»: «Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994.
- Золотусский 1989* — Золотусский И. Крушение абстракций // Новый мир. 1989. № 1.
- Золя 1927* — Золя Э. Труд. М., 1927.
- Золя 1928* — Золя Э. Человек-зверь // Золя Э. Полн. собр. соч. М.; Л., 1928. Т. 17.
- Иванов 1911* — Иванов Вяч. Cor ardens. М., 1911.
- Иванов 1916* — Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Иванов Вяч. Борозды и межи. М., 1916.
- Иванов 1994* — Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994.
- Иванов, Гершензон 1921* — Иванов В., Гершензон М. О. Переписка из двух углов. Пг., 1921.
- Иванов, Топоров 1974* — Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
- Иванов-Разумник 1908* — Иванов-Разумник. Что такое «махаевщина»? К вопросу об интеллигенции. СПб., 1908.
- Иванов-Разумник 1918* — Иванов-Разумник. Две России // Скифы. СПб., 1918. Сб. 2.
- Иванов-Разумник 1919* — Иванов-Разумник Р. Александр Блок, Андрей Белый. Пб., 1919.
- Иванова 1988* — Иванова Н. Третье рождение // Платонов А. Ювенильное море. М., 1988.
- Ильф и Петров 1961* — Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 4.
- Ильф и Петров 1995а* — Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев; Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Двенадцать стульев». М., 1995.
- Ильф и Петров 1995б* — Ильф И., Петров Е. Золотой теленок; Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Золотой теленок». М., 1995.
- Исупов 1992* — Исупов К. Г. Русская эстетика истории. СПб., 1992.
- Йосихара 1995* — Йосихара М. Об отношении между странником и инженером в повестях «Эфирный тракт» и «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2.
- К чистке партии 1921* — К чистке партии // Воронежская коммуна. 1921. 26 нояб.
- Казарина 1992* — Казарина Т. В. Универсально-космическое и личное в романе А. Платонова «Чевенгур» // Воронежский край и зарубежье. Воронеж, 1992.
- Каменщиков 1929* — Каменщиков Н. К предстоящей реформе календаря // Наука и техника. 1929. № 48.
- Кампанелла 1954* — Кампанелла. Город Солнца. М., 1954.
- Кантор 1989* — Кантор К. М. Без истины стыдно жить // Вопр. философии. 1989. № 3.
- Карасев 1994* — Карасев Л. В. Знаки «покинутого детства» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1.
- Карасев 1995* — Карасев Л. В. Движение по склону: Пустота и вещество в мире А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2.
- Карлейль 1902* — Карлейль Т. Sartor Resartus: Жизнь и мысли герр Тейфельсд-река. М., 1902.
- Карр 1858* — Карр А. Клотильда // Библиотека для чтения. 1858. № 9.

- Кассек 1992 — Кассек Д. Рассказ Бориса Пильняка «Жених во полуночи» (1925): попытка анализа // Русская литература. 1992. № 2.
- Каутский 1907 — Каутский К. Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907.
- Каутский 1924—1925 — Каутский К. Предшественники новейшего социализма [В 2 т.] М., 1924. Т. 1; М.; Л., 1925. Т. 2.
- Керлот 1994 — Керлот Х. Э. Словарь символов. М., 1994.
- Кейпер 1986 — Кейпер Ф. Б. Я. Космогония и зачатие: к постановке вопроса // Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Куль 1965 — Куль Ж. Тысячелетний Люксембург. М., 1965.
- Киселев 1972 — Киселев А. Л. Социальный смысл сиротства в рассказах А. Платонова // Проблемы истории русской и советской литературы. Уфа, 1972.
- Киселев 1994 — Киселев А. Одухотворение мира: Н. Федоров и А. Платонов // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1.
- Клейн 1900 — Клейн Г. Астрономические вечера. СПб., 1900.
- Клибанов 1928 — Клибанов А. Классовое лицо современного сектантства. Л., 1928.
- Клибанов 1978 — Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: XIX век. М., 1978.
- Клингер 1911 — Клингер В. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911.
- Книга мертвых 1992 — Тибетская книга мертвых. СПб., 1992.
- Коваленко 1993 — Коваленко В. А. Становление свободы: О романе А. Платонова «Чевенгур» // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Воронеж, 1993.
- Ковсан 1989 — Ковсан М. Л. Испытание Чевенгуром: Размышления о романе А. П. Платонова // Русский язык и литература в учебных заведениях УССР (Киев). 1989. № 1.
- Ковтун 1988 — Ковтун Е. Ф. Павел Николаевич Филонов [вступ. статья] // Павел Николаевич Филонов: Каталог выставки. Л., 1988.
- Кожеевникова 1990 — Кожеевникова Н. А. Слово в прозе А. Платонова // Язык: система и подсистема. М., 1990.
- Кожеевникова 1992 — Кожеевникова Н. А. Словесно-образный строй романа А. Платонова «Чевенгур» // Воронежский край и зарубежье. Воронеж, 1992.
- Колесникова 1995 — Колесникова Е. И. Рукописное наследие А. Платонова в Пушкинском Доме // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995.
- Коллонтай 1921 — Коллонтай А. «Красная Роза» // Роза Люксембург. М., 1921.
- Колотаев 1993 — Колотаев В. А. Мифологическое сознание и его пространственно-временное выражение в творчестве А. П. Платонова. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Комарович 1936 — Комарович В. Л. Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936.
- Кондаков 1976 — Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1976.
- Кончаловский 1928 — Кончаловский М. П. Болезнь и смерть А. А. Богданова // На новом поле / Труды Государственного научного института переливания крови им. А. А. Богданова. М., 1928. Т. 1.
- Копытянская 1998 — Копытянская Н. Воссоздание социально-исторического хронотопа «особым» языком А. Платонова // Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov. Bern, 1998.
- Кораблинов 1950 — Кораблинов В. Маяковский в Воронеже // Молодой коммунар. Воронеж, 1950. 14 апр.
- Корниенко 1985 — Корниенко Н. В. В мысли о России: К истокам философско-исторической концепции творчества Андрея Платонова // Русская литература. 1985. № 1.
- Корниенко 1988 — Корниенко Н. В. Человек и природа в прозе А. Платонова и М. Пришвина: К проблеме типизации характера в советской литера-

- туре 20-х годов // Проблема характера в советской литературе. Челябинск, 1988.
- Корниенко 1991а — Корниенко Н. [Комментарий и примечания к публикации произведений Платонова] // Октябрь. 1991. № 10.
- Корниенко 1991б — Корниенко Н. В. «...Сохранить в неприкосновенности» [Вступ. статья и коммент. к публикации произведений Платонова] // Новый мир. 1991. № 1.
- Корниенко 1992 — Корниенко Н. «Эфирный тракт»: К истории текста повести // Russian literature (Amsterdam). 1992. V. 32. N 3.
- Корниенко 1993а — Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова: 1926—1946 // Здесь и теперь. М., 1993. № 1.
- Корниенко 1993б — Корниенко Н. «...Увлекая в дальнюю Америку» // Новый мир. 1993. № 9.
- Корниенко 1995 — Корниенко Н. Повествовательная стратегия Платонова в свете текстологии // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2.
- Корниенко 1998 — Корниенко Н. Повествование Платонова: «автор» и «имплицитный читатель» в свете текстологии // Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov. Bern, 1998.
- Коробков 1989 — Коробков Л. «Чевенгур»: Достоверность фантастики. Опыт комментария // Платонов А. Чевенгур. Воронеж, 1989.
- Короленко 1971 — Короленко В. Г. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971.
- Костомаров 1993 — Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
- Котляревский 1868 — Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
- Котомкин 1957 — Котомкин М. В. В Кремле у Ленина // В борьбе за власть Советов: Воспоминания коммунистов — участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957.
- КПСС в резолюциях 1970 — КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 1898—1970. 8-е изд. М., 1970.
- Красненко 1939 — Красненко Н. Боевое крещение: Из воспоминаний богучарца // Литературный Воронеж. 1939. № 3.
- Краснощечкова 1978 — Краснощечкова Е. О художественном мире Андрея Платонова // Платонов А. Избр. произв.: В 2 т. М., 1978. Т. 1.
- Кройчик 1970 — Кройчик Л. Е. Особенности сатиры А. Платонова: «Город Градов» // Творчество А. Платонова: статьи и сообщения. Воронеж, 1970.
- Кропоткин 1922 — Кропоткин П. Этика. СПб.; М., 1922. Т. 1.
- Кропоткин 1994 — Кропоткин П. А. Завоевание хлеба // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX—начала XX века: Избр. произв. М., 1994.
- Кузнецов 1927 — Кузнецов К. Д. Катехизис паровозного машиниста. М.; Л., 1927.
- Культурное строительство 1965 — Культурное строительство в Воронежской губернии: 1918—1928. Воронеж, 1965.
- Кьеркегор 1993 — Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
- Лаврентьевская летопись 1997 — Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Лавров 1917 — Лавров П. Л. Собр. соч. Пг., 1917. Сер. V. Вып. 1.
- Лазаренко 1993 — Лазаренко О. В. Проблема идеала в антиутопии: «Мы» Е. Замятина и «Чевенгур» А. Платонова // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Воронеж, 1993.
- Лазаренко 1995 — Лазаренко О. В. Сон в художественном мире романа А. Платонова «Чевенгур» // Андрей Платонов: Проблемы интерпретации. Воронеж, 1995.
- Лангерак 1981 — Лангерак Т. Андрей Платонов в переломном периоде творчества: Заметки об «Антисексусе» // Russian literature (Amsterdam). 1981. V. 9. N 2.
- Лангерак 1987а — Лангерак Т. Андрей Платонов во второй половине двадцатых годов: Опыт творческой биографии. Ч. 1 // Russian literature (Amsterdam). 1987. V. 21. N 2.

- Лангерак 19876 — Лангерак Т. Недостоящее звено «Чевенгура»: Текстологические заметки // Russian literature (Amsterdam). 1987. V. 22. N 1.
- Лангерак 1988a — Лангерак Т. Андрей Платонов в Воронеже // Russian literature (Amsterdam). 1988. V. 23. N 4.
- Лангерак 1988b — Лангерак Т. Комментарий к сборнику А. П. Платонова «Епифанские шпозы» // Dutch contributions to the Tenth international Congress of slavists. Literature (Amsterdam). 1988.
- Лангерак 1992 — Лангерак Т. Андрей Платонов во второй половине двадцатых годов. Часть вторая — «Сокровенный человек» // Russian literature (Amsterdam). 1992. V. 32. N 3.
- Лангерак 1995 — Лангерак Т. Андрей Платонов: Материалы для биографии 1899—1929 гг. Амстердам, 1995.
- Лангерак 1999 — Лангерак Т. Об одном «техническом» произведении Андрея Платонова: Очерк «Первый Иван» // Russian literature (Amsterdam). 1999. V. 46. N 2.
- Ласки 1991 — Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
- Ласунский 1999 — Ласунский О. Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова: 1899—1926. Воронеж, 1999.
- Лафарг 1926 — Лафарг П. Томас Кампанелла. М.; Л., 1926.
- Левин 1930 — Левин Л. Андрей Платонов. «Происхождение мастера» // Резец. 1930. № 7.
- Левин 1998 — Левин Ю. И. От синтаксиса к смыслу и далее: «Котлован» А. Платонова // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998.
- Легенда об Агасфере 1919 — Легенда об Агасфере — «Вечном Жиде»: Поэмы Шубарта, Ленау и Беранже / Предисл. М. Горького. Пб., 1919.
- Лежнев 1930 — Лежнев А. Разговор в сердцах. М., 1930.
- Ленин ПСС — Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55-ти т. 5-е изд.
- Леонов 1928 — Леонов Л. Собр. соч.: В 5 т. Харьков, 1928. Т. 3.
- Леонов 1930 — Леонов Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1930. Т. 5.
- Лермонтов 1969 — Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1969.
- Литвин-Молотов 1994 — Литвин-Молотов Г. З. <Письмо А. П. Платонову> // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- Логинов 1924 — Логинов А. Старый предрассудок // У станка. М., 1924. № 1.
- Луначарский 1908—1911 — Луначарский А. Религия и социализм. [В 2 т.] СПб., 1908. Т. 1; 1911. Т. 2.
- Луначарский 1923 — Луначарский А. В. Христианство и марксизм. М., 1923.
- Луначарский 1964 — Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1964. Т. 3.
- Любушкина 1988 — Любушкина Ш. Идея бессмертия у раннего Платонова // Russian literature (Amsterdam). 1988. V. 23. N 4.
- Любушкина 1995 — Любушкина М. Платонов-сюрреалист: «14 Красных Избушек» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2.
- Люксембург 1922 — Люксембург Р. Душа русской литературы. Пг., 1922.
- Люксембург 1991 — Люксембург Р. О социализме и русской революции: Избр. статьи, речи, письма. М., 1991.
- Майзель 1930 — Майзель М. Ошибки мастера // Звезда. 1930. № 4.
- Макаров, Матвеева 1989 — Макаров В. И., Матвеева Н. П. Словарь лексических трудностей русской литературы. Киев, 1989.
- Македонов 1987 — Македонов А. Николай Заболоцкий: Жизнь. Творчество. Метаморфозы. Л., 1987.
- Маковский 1996 — Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Малаховский 1939 — Богучарцы переходят в наступление: Из воспоминаний бывшего командира Богучарского полка В. А. Малаховского // Литературный Воронеж. 1939. № 3.

- Малинин 1991 — Малинин В. А. История русского утопического социализма: Вторая половина XIX—начало XX вв. М., 1991.
- Малыгина 1985 — Малыгина Н. М. Эстетика А. Платонова. Иркутск, 1985.
- Малыгина 1988 — Малыгина Н. Неизвестный Платонов // Книжное обозрение. 1988. 28 окт.
- Малыгина 1995 — Малыгина Н. М. Художественный мир Андрея Платонова: Учеб. пособие. М., 1995.
- Малыхин 1861 — Малыхин П. Город Нижнедевицк и его уезд // Воронежский литературный сборник. Воронеж, 1861. Вып. 1.
- Мандельштам 1990 — Мандельштам О. Соч.: В 2 т. М., 1990.
- Маркс 1956 — Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
- Маркс и Энгельс Соч. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
- Маркштайн 1980 — Маркштайн Э. Дом и котлован, или Мнимая реализация утопии: Читая Андрея Платонова // Россия / Russia. Турин, 1980. Сб. 4.
- Махайский 1905 — Вольский А. <Махайский В.-К.>. Умственный рабочий. Женева, 1905. Ч. 1.
- Маяковский 1955—1961 — Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955—1961.
- Медведев 1983 — <Медведев Р.> «Кронштадт был трагедией» // Юность. 1983. № 11.
- Меерсон 1997 — Меерсон О. «Свободная вещь»: Поэтика неостранения у Андрея Платонова. Berkeley, 1997.
- Мельников 1909 — Мельников П. И. Очерки поповщины // Мельников П. И. [Печерский А.] Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7.
- Мерк 1995 — Мерк А. К проблеме антиутопических стратегий в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2.
- Мессер 1930а — Мессер Р. Андрей Платонов. «Происхождение мастера». Повести. «Федерация». 1930 // РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Ед. хр. 429.
- Мессер 1930б — Мессер Р. Попутчики второго призыва // Звезда. 1930. № 4.
- Мильдон 1989 — Мильдон В. Чаадаев и Гоголь // Вопр. философии. 1989. № 11.
- Михеев 1999 — Михеев М. Ю. Мифология вместо причинности у Андрея Платонова // Вопр. философии. 1999. № 10.
- МНМ 1991 — Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. М., 1991.
- Мурьянов 1999 — Мурьянов М. Символика розы в поэзии Блока // Вопросы литературы. 1999. № 6.
- Муценко 1993 — Муценко Е. Г. Художественное время в романе А. Платонова «Чевенгур» // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Воронеж, 1993.
- Мэньюэль Ф., Мэньюэль Фр. 1991 — Мэньюэль Ф. Э., Мэньюэль Фр. П. Утопическое мышление в западном мире // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
- На новом поле 1928 — На новом поле / Труды Государственного научного института переливания крови им. А. А. Богданова. М., 1928. Т. 1.
- Нагибин 1994 — Нагибин Ю. Еще о Платонове // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- Найман 1994 — Найман Э. «Из истины не существует выхода»: Андрей Платонов между двух утопий // Новое литературное обозрение. 1994. № 9.
- Найман 1998 — Найман Э. В жопу прорубить окно: Сексуальная патология как идеологический каламбур // Новое литературное обозрение. 1998. № 32.
- Никольский 1988 — Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1988.
- Ницше 1990 — Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990.
- Новомирский 1994 — Новомирский Я. Что такое анархизм // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX—начала XX века: Избр. произв.. М., 1994.
- Нонака 1999 — Нонака С. О точке зрения как художественном приеме в романе «Чевенгур» // Филологические записки (Воронеж). 1999. № 13.
- Нордманн 1923 — Нордманн Ш. Эйнштейн и Вселенная: Луч света в царство тайны. М.; Пб., 1923.
- Ожегов 1985 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1985.

- Октябрьская революция 1927 — Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. Воронеж, 1927.
- Осоргин 1992 — Осоргин М. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж, 1992.
- Оствальд 1913 — Оствальд В. Энергетический императив. СПб., 1913.
- Очерки истории 1967 — Очерки истории Воронежской области. Воронеж, 1967. Т. 2.
- П. А. 1926 — П<ругавин?> А. Анархические устремления в русском сектантстве XVIII—XIX вв. // Михаилу Бакунину: 1876—1926: Очерки анархического движения в России. М., 1926.
- Пазолини 1989 — Пазолини П. П. «Чевенгур» Платонова: Путешествие в Россию двадцатых годов // Иностранная литература. 1989. № 6.
- Панин 1993 — Панин Д. М. Теория густот: Опыт христианской философии конца XX века. М., 1993.
- Парамонов 1987 — Парамонов Б. Чевенгур и окрестности // Континент. 1987. № 54.
- Паровоз 1929 — Паровоз: Конструкция, теория, управление и ремонт. М., 1929. Т. 1.
- Паровоз 1932 — Паровоз. М.; Л., 1932. Ч. 1.
- Пастушенко 1999 — Пастушенко Ю. Г. Мифологическая символика в романе «Чевенгур» // Филологические записки. Воронеж, 1999. № 13.
- Пельман 1910 — Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910.
- Пельман 1920 — Пельман Р. Ранний христианский коммунизм. Казань, 1920.
- Пеньковский 1999 — Пеньковский А. Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 1999.
- Песков 1931 — Песков В. О товарище Климентове // Подъем. 1931. № 6—7.
- Печерин 1915 — Автобиография В. С. Печерина // Русские Пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы. М., 1915. Т. 1.
- Пильняк 1990 — Пильняк Б. Романы. М., 1990.
- Пильняк 1991 — Пильняк Б. Повести и рассказы: 1915—1929. М., 1991.
- Платон 1971 — Платон. Государство // Платон. Соч.: В 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1.
- Платонов 1931 — Платонов А. Коммуна имени Карла Маркса. М.; Л., 1931.
- Пленум Губпрофсовета 1921 — Пленум Губпрофсовета // Рабочая жизнь. Воронеж, 1921. № 21.
- Плетнев 1921 — Плетнев Г. О коммунисте // Огни (Воронеж). 1921. 18 июля.
- Плеханов 1923 — Плеханов Г. В. Анархизм и социализм // Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1923. Т. 4.
- Подорога 1989 — Подорога В. А. Евнух души: Позиция чтения и мир Платонова // Вопр. философии. 1989. № 3.
- Полтавцева 1981 — Полтавцева Н. Г. Философская проза Андрея Платонова. Ростов н/Д., 1981.
- Померанцева 1975 — Померанцева Э. Г. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Попов 1924 — П.-Д. [Попов-Дубовской] В. Поэты и космизм // У станка. М., 1924. № 1.
- Поссе 1918 — Поссе В. А. Кооперация и коммунизм. Пг., 1918.
- Потебня 1976 — Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Потебня 1990 — Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
- ППБЭС 1992 — Полный православный богословский энциклопедический словарь: [В 2 т.] М., 1992.
- Предшественники 1928 — Предшественники научного социализма в отрывках из их произведений: [В 2 т.] М.; Л., 1928.
- Приключение идеи 1989 — Приключение идеи: К истории создания романа «Чевенгур» // Литературное обозрение. 1989. № 9.
- Пришвин 1982—1986 — Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1982—1986.
- Пришвин 1999 — Пришвин М. Дневники: 1923—1925. М., 1999.
- Пропи 1986 — Пропи В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Пругавин 1917 — Пругавин А. С. Бунт против природы: О хлыстах и хлыстовщине. М., 1917. Вып. 1.

- Пругавин 1918* — Пругавин А. С. Неприемлющие мира: Анархическое течение в русском сектантстве. М., 1918.
- Пути Евразии 1992* — Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.
- Путинцев 1930* — Путинцев Ф. Кулацкое светопреставление: Случаи помешательства и массового религиозного психоза на почве кулацко-провокационных слухов о «конце света». М., 1930.
- Путинцев 1974* — Путинцев Ф. Районы распространения сектантства прежде и теперь // Критика религиозного сектантства: Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х—начале 30-х годов. М., 1974.
- Пушкин 1974—1978* — Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974—1978.
- Пятнадцатый съезд 1961—1962* — Пятнадцатый съезд ВКП(б): Стенографический отчет: В 2 т. М., 1961—1962.
- Пятницкий 1906* — Пятницкий И. К. Секта странников и ее значение в расколе. Сергиев Посад, 1906.
- Пятый конгресс Коминтерна 1924* — Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Тезисы, резолюции и постановления. М., 1924.
- Радбиль 1998* — Радбиль Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова. Нижний Новгород, 1998.
- Ристер 1988* — Ристер В. Имя персонажа у А. Платонова // Russian literature (Amsterdam). 1988. V. 23. N 2.
- Розанов 1913а* — Розанов В. В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб., 1913.
- Розанов 1913б* — Розанов В. Опавшие листья: Короб первый. СПб., 1913.
- Розов 1872—1873* — Розов А. Странники, или бегуны, в русском расколе // Вестник Европы. 1872. № 11, 12; 1873. № 1.
- Рудаковская 1995* — Рудаковская Э. Бытийная лексика («жизнь», «жить») в романе А. Платонова «Чевенгур» // Русская филология. Тарту, 1995. Вып. 6.
- РП 1989—1999* — Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989—1999 (Изд. продолжается).
- Русский Эрос 1991* — Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.
- Савельзон 1992а* — Савельзон И. Комментарий к «Володькину мужу» // Russian literature (Amsterdam). 1992. V. 32. N 3.
- Савельзон 1992б* — Савельзон И. В. Структура художественного мира А. Платонова. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Савельзон 1997* — Савельзон И. В. Из истории русской литературы: М. А. Булгаков, А. П. Платонов. Оренбург, 1997.
- Савинков 1992* — Савинков С. В. Метафора «железной дороги» в рассказе А. Платонова «Государственный житель» // Воронежский край и зарубежье. Воронеж, 1992.
- Свасьян 1989* — Свасьян К. А. Иоганн Вольфганг Гете. М., 1989.
- Свительский 1989* — Свительский В. Испытание историей // Платонов А. Чевенгур. Воронеж, 1989.
- Свительский 1998* — Свительский В. А. Андрей Платонов вчера и сегодня. Воронеж, 1998.
- СД 1995* — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1995. Т. 1.
- Сейранян 1978* — Сейранян Н. П. Роман Андрея Платонова «Чевенгур» // Молодой научный работник. Общественные науки. Ереван, 1978. № 1.
- Сейфрид 1994* — Сейфрид Т. Платонов как прото-соцреалист // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1.
- Сейфрид 1998* — Сейфрид Т. Смрадные радости марксизма: Заметки о Платонове и Батае // Новое литературное обозрение. 1998. № 32.
- Семашко 1928* — Семашко Н. Памяти А. А. Богданова: Речь, сказанная у гроба // На новом поле / Труды Государственного научного института переживания крови им. А. А. Богданова. М., 1928. Т. 1.
- Семенов 1924* — Семенов С. Голый человек. Л.; М., 1924.
- Семенова 1989* — Семенова С. «В усилии к будущему времени...»: Философия Андрея Платонова // Семенова С. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. М., 1989.

- Семенова 1994 — Семенова С. «Тайное тайных» Андрея Платонова: Эрос и пол // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994.
- Сервантес 1924 — Сервантес М. Остроумно изобретательный идальго Дон Кихот Ламанчский. М., 1924.
- Сергеев-Ценский 1928 — Сергеев-Ценский С. Н. Бабаев. Л., 1928.
- Скиталец 1955 — Скиталец. Избр. произв. М., 1955.
- Скобелев 1974 — Скобелев В. Артем Веселый: Очерк жизни и творчества. Куйбышев, 1974.
- Скобелев 1981 — Скобелев В. О поэтике платоновской прозы // Подъем. 1981. № 9.
- Скобелев 1995 — Скобелев В. Андрей Платонов и Борис Пильняк: Романы «Чевенгур» и «Волга впадает в Каспийское море» // Борис Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения. М., 1995.
- Славин 1965 — Славин Л. Андрей Платонов // Славин Л. Портреты и заметки. М., 1965.
- Слезкин 1924 — Слезкин Ю. Голый человек. М., 1924.
- Слуцкий 1967 — Слуцкий Б. Писатель, не ставший кинематографистом // Искусство кино. 1967. № 3.
- СМ 1995 — Славянская мифология: Энцикл. словарь. М., 1995.
- Соболев 1913 — Соболев А. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913.
- Соболев 1929 — Соболев Н. [Письмо А. Платонову] // РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 14.
- Соболев 1961 — Соболев С. С. Развитие идей В. В. Докучаева // Докучаев В. В. Соч. М., 1961. Т. 9.
- Соловьев 1911—1913 — Соловьев В. С. Собр. соч.: [В 10 т.] СПб., 1911—1913.
- Соловьев 1990a — Соловьев В. С. Избранное. М., 1990.
- Соловьев 1990b — Соловьев В. «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Воспоминания современников. М., 1990.
- Сологуб 1988 — Сологуб Ф. Свет и тени: Избр. проза. Минск, 1988.
- Спенсер 1900 — Спенсер Г. Происхождение и деятельность музыки // Спенсер Г. Соч. СПб., 1900. Т. 6. Ч. 2.
- Списки населенных мест 1927 — Списки населенных мест Тамбовской губернии: По данным всеобщей переписи 1926 года. Борисоглебский уезд. Тамбов, 1927. Вып. 1.
- Среди пожарных 1921 — Среди пожарных // Рабочая жизнь. Воронеж, 1921. № 15.
- Срезневский 1908 — Срезневский В. И. Бегунские стихи // Бонч-Бруевич В. Материалы к истории и изучению сектантства и раскола. СПб., 1908.
- Срезневский 1958 — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: [В 3 т.] М., 1958.
- СРНГ 1965—1998 — Словарь русских народных говоров. Л. (СПб.), 1965—1998. Т. 1—32. (Изд. продолжается).
- Сталин Соч. — Сталин И. В. Соч.: В 13 т. М., 1951—1952.
- Степанов 1997 — Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Стенун 1922 — Стенун Ф. Освальд Шпенглер и Закат Европы // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922.
- СТЛЕЖ 1992 — Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.
- Сумцов 1890 — Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890.
- Сумцов 1899 — Сумцов Н. Роза // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1899. Т. 26а [52].
- СХЭ 1971 — Сельскохозяйственная энциклопедия. М., 1971.
- Тальников 1929 — Тальников Д. Литературные заметки // Красная новь. 1929. № 1.
- Тан-Богораз 1923 — Богораз (Тан) В. Г. Эйнштейн и религия: Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. М.; Пг., 1923.
- Тиме 1999 — Тиме Г. А. Гете на «закате» Европы: О. Шпенглер и русская мысль начала 1920-х годов // Русская литература. 1999. № 3.

- Тихомирова 1992 — Тихомирова Е. В. А. Платонов и О. Шпенглер: мотив «конца мира» // Воронежский край и зарубежье. Воронеж, 1992.
- Толстая 1978a — Толстая-Сегал Е. «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк: 1928—1929 // *Slavica Hierosolymitana* (Jerusalem). 1978. V. 3.
- Толстая 1978b — Толстая-Сегал Е. О связи низших уровней текста с высшими: Проза Андрея Платонова // *Slavica Hierosolymitana* (Jerusalem). 1978. V. 2.
- Толстая 1979 — Толстая-Сегал Е. Натурфилософские темы в прозе Платонова 20-х—30-х гг. // *Slavica Hierosolymitana* (Jerusalem). 1979. V. 4.
- Толстая 1980 — Толстая-Сегал Е. Литературный материал в прозе Андрея Платонова // Возьми на радость. Амстердам, 1980.
- Толстая 1981a — Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова // *Russian literature* (Amsterdam). 1981. V. 9. N 3.
- Толстая 1981b — Толстая-Сегал Е. К вопросу о литературной аллюзии в прозе Андрея Платонова: Предварительные наблюдения // *Slavica Hierosolymitana* (Jerusalem). 1981. V. 5—6.
- Толстой 1928—1958 — Толстой Л. Н. Полн. (Юбилейное) собр. соч.: В 90 т. М., 1928—1958.
- Толстой 1965 — Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1965.
- Топоров 1995 — Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Троцкий 1927 — Троцкий Л. Несколько слов о воспитании человека // Троцкий Л. Соч. М., 1927. Т. 21.
- Троцкий 1990 — Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990.
- Троцкий 1991 — Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991.
- Трубецкой 1992 — Трубецкой Н. С. Верх и низы русской культуры // Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.
- Турбин 1965 — Турбин В. Мистерия Андрея Платонова // Молодая гвардия. 1965. № 7.
- Турбин 1994 — Турбин В. Н. 16 июля 1933 года: Андрей Платонов и газета // Турбин В. Н. Незадолго до Водолея. М., 1994.
- ТЭ 1927—1936 — Техническая энциклопедия. [В 27 т.] М., 1927—1936.
- Урбан 1989 — Урбан А. Сокровенный Платонов // Звезда. 1989. № 7.
- Успенский 1982 — Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982.
- Успенский 1994 — Успенский Б. А. Избр. труды: [В 2 т.] М., 1994.
- Уэллс 1923 — Уэллс Г. Дж. Люди-боги. Пг.; М., 1923.
- Уэллс 1925 — Уэллс Г. В бездне. Л., 1925.
- Федоров 1989 — Из материала к третьему тому «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова // Контекст-1988. М., 1989.
- Федоров 1995—1997 — Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1995—1997. Т. 1—3.
- Фейербах 1925—1926 — Фейербах Л. Соч. [В 3 т.] М.; Л., 1926. Т. 2; 1925. Т. 3.
- Филонов 1988 — Павел Николаевич Филонов. Л., 1988.
- Флавий 1991 — Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск, 1991.
- Флоренский 1993 — Флоренский П. Имена. [Б/м], 1993.
- Фоменко 1985 — Фоменко Л. П. Человек в философской прозе Платонова. Калинин, 1985.
- Фоменко 1995 — Фоменко Л. П. «Дом» и «дорога» в романе Андрея Платонова «Чевенгур» // Андрей Платонов: Проблемы интерпретации. Воронеж, 1995.
- Форель 1924 — Форель А. Человек и муравей: Очерк о наследственности и эволюции. М.; Л., 1924.
- Франк 1909 — Франк С. Этика нигилизма: К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.
- Франк 1990 — Франк С. Л. Фр. Ницше и этика «побви к дальнему» // Франк С. Л. Соч. М., 1990.
- Франк-Каменецкий 1932 — Франк-Каменецкий И. Г. Отголоски представлений о матери-земле в библейской поэзии // Язык и литература. Л., 1932. Т. 8.

- Франк-Каменецкий 1934 — Франк-Каменецкий И. Г. Женщина-город в библейской эсхатологии // С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности: 1882—1932. Л., 1934.
- Фрейд 1910 — Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М., 1910.
- Фрейд 1913 — Фрейд З. Толкование сновидений. М., 1913.
- Фрейд 1922—1923 — Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1922. Т. 1; М.; Пг., 1923. Т. 2.
- Фрейд 1924а — Фрейд З. Психология сна. М., 1924.
- Фрейд 1924б — Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924.
- Фрейд 1991 — Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет: [В 2 т.] Тбилиси, 1991.
- Фрейденберг 1997 — Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Хайдеггер 1993 — Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
- Харитонов 1995 — Харитонов А. А. [Вступит. ст. к пьесе «Голос отца»] // Из творческого наследия русских писателей XX века: М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов. СПб., 1995.
- Хлебников 1928 — Хлебников В. Собр. произв.: В 5 т. Л., 1928. Т. 1.
- Ходель 1999 — Ходель Р. Переводы романа «Чевенгур» с точки зрения проблемы реально-ирреального пространства // Russian literature (Amsterdam). 1999. V. 46. N 2.
- Холл 1997 — Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1997.
- Хрящева 1992 — Хрящева Н. П. Жизнь сознания платоновских героев в романе «Чевенгур» в свете западного философского опыта // Воронежский край и зарубежье. Воронеж, 1992.
- Цеткин 1924 — Цеткин К. Роза Люксембург и русская революция. М.; Пг., 1924.
- Циолковский 1991 — Циолковский К. Э. Причина космоса. Воля Вселенной. Научная этика. М., 1991.
- Чаадаев 1989 — Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989.
- Чалмаев 1989а — Чалмаев В. Андрей Платонов: К сокровенному человеку. М., 1989.
- Чалмаев 1989б — Чалмаев В. «Изобрели мы мир неимоверный...»: Историко-литературный комментарий // Платонов А. Чевенгур: Роман и повести. М., 1989.
- Чанышев 1981 — Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.
- Чапек 1959 — Чапек К. Пьесы. М., 1959.
- Чаянов 1927 — Чаянов А. В. Сельское хозяйство СССР // Энцикл. словарь Русского библиографического института Гранат. М., 1927. Т. 41. Ч. 2.
- Чаянов 1989 — Чаянов А. В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.
- Чекоданова 1991 — Чекоданова К. К. Образ сферической вселенной у Андрея Платонова // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991.
- Чернов 1970 — Чернов О. И. Как я, беспартийный крестьянин из Сибири, был у Владимира Ильича Ленина и что из этого получилось // Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. М., 1970. Т. 5.
- Черных 1998 — Черных А. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998.
- Чистов 1962 — Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1962. Вып. 35.
- Чистов 1967 — Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.
- Что пишут драматурги 1928 — Что пишут драматурги: Б. А. Пильняк и А. П. Платонов // Рабис. 1928. № 46.
- Чуковский 1997 — Чуковский К. Дневник 1930—1969. М., 1997.
- Шепард 1994 — Шепард Д. Любовь к дальнему и любовь к ближнему в творчестве А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1.

- Шестаков 1995* — Шестаков В. П. Эсхатологические мотивы в легенде о граде Китеже // Шестаков В. П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М., 1995.
- Шеханова 1988* — Шеханова Т. Мчащийся в действительность // Платонов А. Избранное. М., 1988.
- Шимах-Рейфер 1994* — Шимах-Рейфер Я. В поисках источников платоновской прозы: Заметки переводчика // Новое литературное обозрение. 1994. № 9.
- Шиндель 1989* — Шиндель А. Свидетель: Заметки об особенностях прозы Андрея Платонова // Знамя. 1989. № 9.
- Шифман 1993* — Шифман И. Ш. Комментарий // Учение: Пятикнижие Моисеево. М., 1993.
- Шкловский 1923* — Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Москва; Берлин, 1923.
- Шкловский 1926* — Шкловский В. Третья фабрика. М., 1926.
- Шпенглер 1993* — Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т. 1.
- Шпет 1914* — Шпет Г. Г. Явление и смысл: Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 1914.
- Шпильрейн 1929* — Шпильрейн И. Н. О перемене имен и фамилий: Социально-психологический этюд // Психотехника и психофизиология труда. 1929. № 4.
- Штирнер 1922* — Штирнер М. Единственный и его собственность. [Б/м], 1922.
- Шубин 1987а* — Шубин Л. Поиски смысла отдельного и общего существования. М., 1987.
- Шубин 1987б* — Шубин Л. Сказка про усомнившегося Макара: Андрей Платонов. Опыт сатирической мысли // Литературное обозрение. 1987. № 8.
- Шубин 1988* — Шубин Л. Горят ли рукописи?: Или о трудностях диалога писателя с обществом // Нева. 1988. № 5.
- Шубина 1994* — Шубина Е. Созерцатель и делатель: 1899—1926 // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994.
- Щеглов 1995а* — Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев; Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Двенадцать стульев». М., 1995.
- Щеглов 1995б* — Ильф И., Петров Е. Золотой теленок; Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Золотой теленок». М., 1995.
- Щедрин 1947—1950* — Щедрин Н. (Салтыков М. Е.) Избр. произв.: В 7 т. М., 1947—1950.
- Щербаков 1995* — Щербаков А. Родство, сиротство, гражданство и одиночество в произведениях А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2.
- Эйнштейн 1922* — Эйнштейн А. О специальной и общей теории относительности: Общедоступное изложение. М., 1922.
- Элиаде 1994* — Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
- Элиаде 1995* — Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1995.
- Энгельс 1925* — Энгельс Ф. Диалектика природы // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.; Л., 1925. Кн. 2.
- Эпштейн 1990* — Эпштейн М. Обломов и Корчагин // Время и мы (Нью-Йорк). 1990. № 109.
- Эткинд 1994* — Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. М., 1994.
- Эткинд 1996* — Эткинд А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996.
- Эткинд 1998* — Эткинд А. Хлысты: Секты, литература и революция. М., 1998.
- Юнг 1991* — Юнг К.-Г. Архетип и символ. М., 1991.
- Юнг 1992* — Юнг К.-Г. Психологический комментарий к «Тибетской книге мертвых» // Тибетская книга мертвых. СПб., 1992.
- Яблоков 1991* — Яблоков Е. А. Безвыходное небо // Платонов А. Чевенгур. М., 1991.
- Яблоков 1992а* — Яблоков Е. Железо, стынущее в жилах: Проблемы и герои «Повести непогашенной луны» Бориса Пильняка // Литературное обозрение. 1992. № 11—12.

- Яблоков 1992б* — Яблоков Е. О философской позиции А. Платонова: Проза середины 20-х — начала 30-х годов // *Russian literature* (Amsterdam). 1992. V. 32. N 3.
- Яблоков 1994* — Яблоков Е. О типологии персонажей А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. Вып. 1.
- Яблоков 1995а* — Яблоков Е. Счастье и несчастье Москвы: «Московские» сюжеты у А. Платонова и Б. Пильняка // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2.
- Яблоков 1995б* — Яблоков Е. А. Egos ex machina, или На страшных путях сообщения: А. Платонов и Э. Золя // Андрей Платонов: проблемы интерпретации. Воронеж, 1995.
- Яблоков 1997* — Яблоков Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. М., 1997.
- Яблоков 1992а* — Яблоков Е. А. Мотивная структура рассказа А. Платонова «Неодушевленный враг» // Вестник МГУ. Сер. Филология. 1999. № 5.
- Яблоков 1999б* — Яблоков Е. А. Принцип художественного мышления А. Платонова и так, и обратно в романе «Чевенгур» // Филологические записки. Воронеж, 1999. № 13.
- Яблоков 1999в* — Яблоков Е. Homo Creator — Homo Faber — Homo Spectator: Тема «мастерства» у А. Платонова и М. Булгакова // *Russian literature* (Amsterdam). 1999. V. 46. N 2.
- Якушевы 1978* — Якушев Г., Якушева А. Структура художественного образа у Андрея Платонова // *American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists*. Columbus, 1978.
- Abraham 1993* — Abraham P. Роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Брно, 1993.
- Andrijauskas 1998* — Andrijauskas A. Отражение разрушающейся «гармонии мира» в языке и стиле повествования А. Платонова конца 20-х годов // *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern, 1998.
- Bethea 1989* — Bethea D. M. The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction. Princeton; New Jersey, 1989.
- Catteau 1984* — Catteau J. De la Métaphorique des utopies dans la littérature russe et de son traitement chez Andrej Platonov // *Revue des études slaves*. P., 1984. V. 56. N 1.
- Chlupáčová 1998* — Chlupáčová K. Выражение платоновского мира в слове и тексте: «Пронхождение мастера» // *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern, 1998.
- Debüser 1998* — Debüser L. О некоторых языковых лейтмотивах на первых двух страницах романа Платонова «Чевенгур» // *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern, 1998.
- Günther 1992* — Günther H. «Чевенгур» и «Опояское царство»: К вопросу народного хилиазма в романе А. Платонова // *Russian literature* (Amsterdam). 1992. V. 32. N 3.
- Günther 1998* — Günther H. Юродство и «ум» как противоположные точки зрения у Андрея Платонова // *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern, 1998.
- Günther 1999* — Günther H. «Ювенильное море» А. Платонова как пародия на производственный роман // *Russian literature* (Amsterdam). 1999. V. 46. N 2.
- Heller 1984* — Heller L. Les chemins des artisans du temps: Filonov, Platonov, Hlebnikov et quelques autres... // *Cahiers du monde russe et soviétique*. P., 1984. V. 25. N 4.
- Heller 1998* — Heller L. Свистун, Витя и Протоген, или Песня для всех угнетенных: Анархия в мире Андрея Платонова // *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern, 1998.
- Hodel 1998* — Hodel R. Углюссия — косноязычие, объективное повествование — сказ: К началу романа «Чевенгур» // *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern, 1998.

- Langerak 1998* — *Langerak Th.* Андрей Платонов на пороге тридцатых годов: «Усомнившийся Макар» // *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern, 1998.
- Livers 1998* — *Livers K.* Art and Artistic Language in Platonov's Works of the 1920's and 1930's: The Poetry of «Useless» Things // *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern, 1998.
- Mørch 1998a* — *Mørch A.* Формы художественного пространства в романной прозе А. Платонова // *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern, 1998.
- Mørch 1998b* — *Mørch A. J.* The Novelistic Approach to the Utopian Question: Platonov's *Čevengur* in the Light of Dostoevskij's Anti-Utopian Legacy. Oslo, 1998.
- Naiman 1987* — *Naiman E.* The Thematic Mythology of Andrej Platonov // *Russian literature* (Amsterdam). 1987. V. 21. N 2.
- Naiman 1988* — *Naiman E.* Andrej Platonov and the inadmissibility of desire // *Russian literature* (Amsterdam). 1988. V. 23. N 4.
- Naiman, Nesbet 1992* — *Naiman E., Nesbet A.* Mise en abîme: Платонов, Золя и поэтика труда // *Revue des études slaves*. P., 1992. V. 64. N 4.
- Seifrid 1992* — *Seifrid Th.* Andrei Platonov: Uncertainties of spirit. Cambridge, 1992.
- Sliwowsky 1983* — *Sliwowsky W. i R.* Andrzej Platonow. Warszawa, 1983.

Раздел 7

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрагам К. 323
 Авербах Л. 110
 Аверинцев С. 180
 Аверченко А. 49
 Агиенко А. 304
 Аксаков Н. 266
 Аксенов М. 62
 Алексарх 227
 Алексеев В. 50
 Алексеев М. 96
 Альтман М. 36
 Аменхотеп IV (Эхнатон) 227
 Амфитеатров А. 166
 Андреев Л. 52, 58, 128, 142, 143, 209, 229, 250
 Аннинский Л. 29, 150
 Антонов А. 20, 277
 Аристоник 228
 Аристотель 46, 47
 Арсентьева Н. 102, 183, 206
 Арский П. 232
 Аскольдов С. 157
 Афанасьев А. 58, 126, 167, 188

 Бабель И. 304
 Бабеф Г. 112, 298
 Багaley Д. 90
 Багно В. 174, 212
 Базаров В. 210
 Байтов Н. 142, 158, 159
 Бакунин М. 11, 270, 271, 308
 Бальмонт К. 175
 Балязин В. 115
 Барбюс А. 296
 Батурин Н. 271
 Бахтин М. 48, 175
 Белый А. 62, 63, 163, 165, 201, 210
 Беме Я. 51, 63
 Беранже П. 138
 Бергсон А. 11, 41, 45, 46, 85, 215, 232, 249, 252, 256
 Бердяев Н. 11, 58, 63, 65, 92, 120, 156, 157, 210, 211, 216, 229, 256, 270, 298
 Берсенеv И. 30, 31
 Бетей Д. / Bethea D. 36, 96, 196, 243, 330
 Бисмарк О. фон 75
 Блаватская Е. 61
 Блок А. 163, 174, 175, 210, 312
 Бляхер Л. 236
 Бобылев Б. 237, 255
 Богданов А. 11, 45, 49, 50, 76, 113, 147, 223, 225, 226, 259, 267
 Богданович Т. 248, 249

 Бонч—Бруевич В. 93
 Бочаров С. 248
 Брентано К. 173
 Бродский И. 10, 214
 Брюсов В. 89, 204
 Булгаков М. 144
 Булгаков С. 11, 65, 91, 134, 150, 151, 210, 214, 215
 Бунин И. 26
 Бунтарь С. 237
 Бухарин Н. 8, 11, 116, 117, 226, 263, 264, 290
 Бэлза С. 174

 Вагнер Р. 204
 Вакенродер В. 51, 52
 Варшавский В. 113, 211
 Васильев В. 94, 161, 199
 Васильева М. 44
 Вейнинггер О. 11, 39, 41, 56, 58
 Венгерова З. 164
 Верин В. 131, 330
 Верн Ж. 228
 Вернадский В. 48, 232, 254, 284
 Веселовский А. 171, 172, 175, 188
 Веселый А. 105, 274
 Волошинов В. 87, 180
 Воронский А. 27, 29
 Вроон Р. 63, 64, 293
 Вундт В. 78
 Вьюгин В. 133, 138, 249, 257

 Галушкин А. 158, 161
 Ганнушкин П. 77
 Гальковский Н. 303
 Гальцева Р. 43, 68, 103
 Гастев А. 76
 Гачев Г. 204
 Геллер Л. / Heller L. 64, 139, 184, 257
 Геллер М. 32, 54, 55, 59, 63, 66, 67, 69, 86, 88, 92, 95, 99, 105, 106, 126, 131, 132, 153, 162, 169, 176, 182, 199, 209, 219, 223, 247, 248, 257, 258, 266, 269, 271, 277, 279, 304, 329
 Генкин И. 271
 Георгиевская С. 38
 Гераклит 65, 193
 Герасимов М. 232
 Гершензон М. 225
 Гете И. 46—48, 229
 Гильманов В. 193
 Гоголь Н. 30, 143, 152, 161, 163, 206, 267, 324
 Гомер 106, 151
 Гончаров М. 276

- Гончаров И. 127, 150
 Гопнер С. 111
 Гордины братья 139, 141, 154, 272
 Горький М. (Пешков А.) 12, 27—31, 38, 63, 91, 122, 141, 152, 159, 161, 210, 229, 258, 260, 284, 296, 325
 Груздев И. 258
 Гугнин А. 10
 Гумбольдт В. 57
 Гумилевский Л. 70
 Гура А. 185—187, 280
 Гурвич А. 38, 41, 83, 154, 181, 235, 236
 Гусев В. 200
 Гуторов В. 227, 228
 Гюнтер Х. / Günther H. 42, 55, 120, 123, 165, 179, 193, 266, 297, 323
 Давыдова Е. 175
 Даль В. 86, 89, 111, 122, 141, 150, 165, 199, 240—242, 247, 261, 263, 265, 267, 268, 280, 285—287, 295, 296, 300, 307, 316, 322
 Данте Алигьери 20, 98, 172, 173, 175, 221
 Дарвин Ч. 249
 Дебюзер Л. / Debüser L. 134
 Деникин А. 50, 51
 Державин Г. 78, 305
 Дмитровская М. 38, 40, 43, 50, 56, 58, 61, 94, 116, 129, 133, 146, 147, 157, 193, 199, 207, 224, 299, 304, 313, 315, 330
 Докучаев В. 254, 255, 284
 Дорофеев В. 199, 226
 Достоевский Ф. 11, 36, 46, 49, 52, 53, 59, 70, 75, 81, 82, 84, 91, 100, 105, 112, 119, 128, 132, 134, 143, 145, 147, 148, 157, 160, 174, 184, 210—212, 220, 229, 238, 244, 256, 266, 291, 292, 294, 304, 320
 Дрозда М. 100
 Друбек-Майер Н. 169
 Дужина Н. 61, 62, 77, 127, 130
 Дурылин С. 196
 Дюпрель К. 61, 62
 Евтушевский В. 297
 Екатерина II 204
 Еремеев К. 160
 Ермаков В. 272
 Ермаков В. 49
 Есенин С. 210
 Есипова О. 96
 Жан Поль 51
 Жирмунский В. 52, 173
 Жолковский А. 297
 Заболоцкий Н. 184
 Забытый М. 97
 Задонский П. 22, 70
 Залкинд А. 321
 Замошкин Н. 22, 26, 27
 Замятин Е. 54, 55, 76, 94, 113, 134, 203, 218, 272, 325
 Замятин Д. 201, 204, 262
 Зарин П. 217
 Зассен И. 115
 Зеленин Д. 242
 Зиммель Г. 47, 48
 Зиновьев Г. 8, 9
 Золотоносов М. 143, 198, 199, 266
 Золя Э. 178, 183, 234, 240, 244, 264, 307, 326
 Иван Грозный 266
 Иваницкий П. 305
 Иванов Вс. 24, 31
 Иванов Вяч. 11, 46, 96, 97, 134, 174—176, 188, 191, 192, 225, 229
 Иванов Вяч. Вс. 199
 Иванов—Разумник Р. 174, 210, 271
 Ильф И. 115, 243, 287, 299, 319
 Иоахим Флорский 113
 Иоганн Лейденский 149, 211
 Иосиф Флавий 228
 Исупов К. 182, 253
 Каменщиков Н. 222
 Кампанелла Т. 179, 228
 Кант И. 46, 47
 Кантор К. 56
 Карасев Л. 73, 186, 190, 193, 253
 Карлейль Т. 143
 Карр А. 153
 Кассандр 227
 Кассек Д. 76
 Катто Ж. / Catteau J. 123
 Каутский К. 90, 92, 96, 112, 113, 120, 149, 179, 208, 270, 329
 Керлот Х. 166, 171, 186, 192
 Кейпер Ф. 88, 270, 312
 Килье Ж. 171
 Кириллов В. 52, 232
 Киселев А. 146
 Клейн Г. 229
 Клибанов А. 93, 216, 230
 Климентов П. 106, 243, 293
 Климентова (Лобочихина) М. 181, 294
 Клингер В. 78, 303
 Клюев Н. 210
 Книппер-Долинка 220
 Ковсан М. 73, 132, 185
 Ковтун Е. 184
 Кожевникова Н. 170
 Колесников И. 217, 268, 276, 280, 302
 Колесникова Е. 24
 Коллонтай А. 176, 179
 Колумб Х. 204
 Колчак А. 258

- Комарович В. 196
 Кондаков Н. 14
 Кондров Т. 279
 Кончаловский М. 225
 Копелев Л. 167
 Копыстьянская Н. 236
 Кораблинов В. 328
 Корниенко Н. 7, 24, 31, 38, 49, 52, 61, 74, 77, 95, 138, 158, 203, 235, 268, 274, 285, 330
 Коробков Л. 199, 330
 Короленко В. 71, 190, 196
 Костомаров Н. 301
 Котляревский А. 303
 Котомкин М. 279
 Красненко Н. 97
 Краснощекова Е. 83, 248
 Кржижановский Г. 327
 Кропоткин П. 11, 116, 219, 257, 271
 Крылов И. 75, 157
 Кьеркегор С. 157
 Кюн С. фон 164

 Лавров П. 220, 270
 Лазаренко О. 218
 Лангерак Т. / Langerak Th. 24, 36, 49, 53, 123, 196, 199, 202, 233, 249
 Ласки М. 75
 Ласунский О. 22, 40, 95, 97, 166, 168, 181, 282, 283, 286, 294, 313, 319
 Лафарг П. 228
 Левин Л. 25
 Левин Ю. 12
 Лежнев А. 239
 Леонов Л. 69, 107, 144, 238, 321
 Ленин В. 8, 11, 45, 54, 111, 115, 116, 118, 119, 123, 124, 162, 170, 176, 211, 253, 258, 264, 269, 278, 279, 281, 285, 287, 288, 294, 295, 299, 300, 302, 310, 311, 316, 317
 Лермонтов М. 58, 59, 64, 65, 162, 188, 189, 250
 Либкнехт К. 170, 263
 Ливингстон А. 42, 166
 Литарт Пеерболте М. 312
 Литвин—Молотов Г. 9, 17, 18, 22, 31, 95, 160, 172, 258, 282
 Лобочихин В. 294
 Лобочихин М. 40, 294
 Логинов А. 68
 Лоррен К. 52
 Лубков В. 229
 Луначарский А. 11, 58, 93, 120, 174, 196, 210—212, 227, 272
 Лупкин П. 90
 Любимов Н. 244
 Любушкина Ш. 84, 150, 189, 213
 Люксембург Р. 170, 171, 176—178, 263, 307
 Майзель М. 25

 Макаров В. 289
 Македонов А. 226
 Маковский М. 294
 Максим Грек 96
 Малаховский В. 97
 Малашкин С. 49
 Малинин В. 116
 Малыгина Н. 42, 45, 168, 178, 207, 230, 231, 312
 Мальхин П. 237
 Мандельштам О. 175, 215, 253
 Маркс К. 11, 53, 112, 142, 210, 228, 258, 297—299, 308—310, 314, 315, 324
 Матвеева Н. 289
 Матис Я. 220
 Махайский В. 271
 Маяковский В. 231, 328
 Медведев Р. 269, 277
 Меерсон О. 56, 131, 146
 Мельгунов Н. 51
 Мельников П. 123
 Мережковский Д. 91
 Меринг Ф. 263
 Мессер Р. 25, 26
 Метерлинк М. 75
 Мещеряков Н. 115
 Миллер А. 158
 Мильдон В. 152
 Михеев М. 182
 Молотов В. 117
 Моор Д. 232
 Мор Т. 206
 Мрачковский С. 258
 Мурьянов М. 172, 174
 Мэнкюэль Ф. 96, 331
 Мэнкюэль Фр. 96, 331
 Мюнцер Т. 90, 211, 270

 Нагибин Ю. 37—39
 Найман Э. / Naiman E. 37, 59, 60, 80, 86, 122, 123, 177, 264, 273
 Нарбут В. 98
 Некрич А. 269, 277
 Ненарадов Г. 104
 Несбет А. / Nesbet A. 177, 264
 Нечаев С. 84
 Никольский Н. 90, 276
 Ницше Ф. 11, 65, 78, 89, 131, 134, 145, 189, 224, 250, 302, 322
 Новалис 164, 174
 Новомирский Я. 272
 Новоселов А. 123
 Нонака С. 49
 Нордманн Ш. 138
 Ньютон И. 229

 Обрадович С. 232
 Ожегов С. 311
 Олкотт Э. 32
 Осоргин М. 309

Оствальд В. 77, 78

Пазолини П. 10, 13, 49

Панин Д. 304

Панферов Ф. 323

Парамонов Б. 98, 179

Пашенцев И. 106

Пельман Р. 127, 228

Пеньковский А. 96, 173

Песков В. 243

Петр I 152, 201

Петров Е. 115, 243, 287, 299, 319

Печерин В. 112, 298

Пикколомини Э. (Пий II) 208

Пильняк Б. 32, 76, 89, 100, 108—110, 144, 192, 195, 219, 260, 297

Платон 40, 46, 47, 75, 107, 108, 179, 299, 300

Платонов А. [однофамилец писателя] 267

Платонов Мих. 55

Платонова (Кашинцева) М. 61, 163, 166, 168

Плетнев Г. 144, 145

Плеханов Г. 114, 258

Побирохин И. 90

Подорога В. 60, 61, 99, 180, 184

Полтавцева Н. 38, 131, 174, 202

Померанцева Э. 188

Попов—Дубовской В. 232

Поссе В. 116, 257, 258

Потебня А. 57

Пришвин М. 52, 78, 83, 91, 178, 179, 196, 210, 232, 257, 284

Прокопович С. 115

Пропп В. 36, 69, 185, 190, 195, 227, 312

Пругавин А. 90, 91, 216

Путинцев Ф. 216, 217, 276, 309

Пушкин А. 52, 173, 174, 239, 253

Пятницкий И. 193

Рабле Ф. 273

Радбиль Т. 223, 224

Ранк О. 87, 180, 312

Раскольников Ф. 24, 32

Рафаэль 51, 52, 229

Резерфорд Э. 233

Рвачев С. 200

Ренан Э. 210

Римский—Корсаков Н. 159, 196

Ристер В. 97, 103, 126, 150, 222, 298, 310

Розанов В. 11, 122, 123, 153, 194, 195, 266, 320

Роднянская И. 43, 68, 103

Роллан Р. 296

Рыбалкин Ф. 217

Рыков А. 290

Рютин М. 258

Савельтон II. 316, 322

Савонарола Дж. 211

Садофьев И. 232

Сакулин П. 51

Свасьян К. 48, 49

Сведенборг Э. 62

Свительский В. 54, 213, 283

Сейранян Н. 42, 112

Сейфрид Т. 284

Семашко Н. 226

Семенов С. 144, 187

Сенека 218

Сервантес М. де 95, 98, 100, 124, 174, 183, 206, 212, 305

Сергеев—Ценский С. 182

Скиталец 259, 260

Скобелев В. 105, 171

Скородода Г. 90

Слезкин Ю. 144

Слетов П. 212

Сливовские В., Р. / Sliwowsky W., R. 49, 59, 81, 131, 250

Соболев А. 304

Соболев Н. 31

Соболев С. 284

Сократ 75

Соловьев В. 27

Соловьев Вл. 11, 62, 65, 84, 99, 100, 133, 156, 163—166, 213, 225

Сологуб Ф. 159

Спенсер Г. 11, 101

Спиноза Б. 48, 229

Срезневский В. 193

Срезневский И. 199

Сталин И. 8, 9, 117, 118, 220, 264, 285, 290, 323

Степанов Ю. 206

Степун Ф. 47, 187, 215

Страхов Н. 266

Сумцов Н. 167, 176

Суслов И. 90

Сюсюкалов И. 302

Тальников Д. 26

Тан-Богораз В. 61, 62, 279

Тик Л. 51

Тиме Г. 47

Тимирязев К. 230

Титов В. 51

Тициан 52

Толстая Е. (Толстая—Сегал Е.) 12, 13, 43, 45, 49, 66, 95, 96, 102, 108—110, 123, 136, 153, 158, 163, 165, 174, 176, 201, 210, 214, 219, 222, 226, 266—268, 271, 297, 320, 324

Толстой А. 89

Толстой Л. 11, 52, 74, 75, 91, 95, 102, 115, 120, 167, 177, 178, 187, 200, 215, 256, 307, 317, 326

Толстой С. 102

- Томский М. 290
 Топоров В. 191, 199, 206, 270, 313
 Троцкий Л. 8, 9, 11, 119, 176, 245, 264, 273, 274, 315
 Трубецкой Н. 249
 Туган-Барановский М. 115
 Турбин В. 150
 Тургенев И. 52
 Тухачевский М. 277
- Уокер К. 163
 Урбан А. 223
 Успенский Б. 72, 117, 186, 236, 269
 Успенский Г. 159, 160
 Уэллс Г. 76, 93, 94
- Фадеев А. 49
 Федерн П. 119
 Федоров Н. 11, 58, 81, 84, 120, 121, 136, 142, 153, 165, 199, 214, 254, 273, 284, 292, 301, 304, 315
 Фейербах Л. 11, 57, 58, 80, 91, 133, 146, 193, 194
 Ференчи Ш. 180
 Филон Александрийский 228
 Филонов П. 184, 185
 Флоренский П. 36, 104, 147, 148, 163, 169, 253
 Фоменко Л. 99
 Форель А. 74
 Франк С. 67, 145
 Франк—Каменецкий И. 40, 132, 153, 170
 Франс А. 296
 Фрейд З. 11, 37, 40, 50, 59, 60, 65, 68, 71, 72, 86, 87, 119, 121, 126, 153, 180, 181, 191, 279, 311
 Фрейденберг О. 39, 87, 167, 170
 Фрунзе М. 274
- Хайдеггер М. 83, 84, 224
 Харитонов А. 155
 Хлебников В. 63, 64, 184, 185, 293
 Хогеланде Т. де 193
 Ходель Р./Hodel R. 55, 235
 Холл Дж. 49, 166, 172, 238, 275
- Цеткин К. 177
 Циолковский К. 226, 232
 Цицерон 80, 152
 Цюрупа А. 279
- Чаадаев П. 11, 118, 119, 152, 294
 Чалмаев В. 98
- Чапек К. 76, 77, 89
 Чаянов А. 115, 117, 208
 Чернов О. 278
 Черных А. 8, 167, 179, 288, 301, 311
 Чернышевский Н. 84
 Чехов А. 253
 Чижевский А. 231
 Чистов К. 123, 206
 Чуковский К. 32
- Шапошников А. 279
 Шевырев С. 51
 Шекспир В. 52, 69
 Шимак-Рейфер Я. 272
 Шиндель А. 303
 Шифман И. 130, 146
 Шкловский В. 102, 103, 122, 158, 161, 162, 298
 Шпенглер О. 11, 38, 39, 46, 47, 66, 186, 187, 190, 203, 215, 224
 Шпет Г. 114, 129, 130
 Шпильрейн И. 105
 Шпильрейн С. 65
 Штаудингер Ф. 115
 Штейнер Р. 61
 Штирнер М. 110, 111, 113, 114, 133, 134, 258, 294
 Шубин Л. 12, 17, 18, 22, 50, 95, 122, 160, 165, 248, 249
 Шубина Е. 17, 22, 26, 200, 249
- Щеглов Ю. 115, 299
 Щедрин Н. (Салтыков М.) 88, 131, 208, 220, 330
 Щукин Н. 247
- Эйнштейн А. 61, 85, 138, 223, 279
 Эккерман И. 47
 Элиаде М. 73, 87
 Энгельс Ф. 11, 53, 141, 142, 297, 299, 302, 314, 315, 324
 Эпифан 228
 Эпштейн М. 13, 99, 219
 Эткинд А. 50, 65, 90, 93, 119, 211, 225—227
- Юнг К. 83, 87, 88, 192
 Юшкевич П. 210
- Яблоков А. 287
 Ямбул 228
- Abraham P. 51

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВСПП — Воронежский союз пролетарских писателей
ИККИ — Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург
ЛЕФ — «Левый фронт искусства» (группа и журнал), Москва
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
РАПП — Российская Ассоциация пролетарских писателей
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
ЦЧО — Центрально-Черноземная область

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Часть I. «...И обратно» как эстетический принцип (История страны — история романа)	7
Часть II. «Чевенгур» в историко-культурном контексте	33
Раздел 1. Комментарий «по горизонтали» (персонажи и мотивы)	36
Раздел 2. Комментарий «по вертикали» (реалии и реминисценции)	235
Часть III. Указатели и библиография.	332
Раздел 1. Перечень основных фрагментов романа	332
Раздел 2. Указатель произведений и персонажей Платонова	341
Раздел 3. Указатель произведений и персонажей других авторов	345
Раздел 4. Указатель географических наименований (реальных и вымышленных)	348
Раздел 5. Цитируемые издания произведений Платонова	350
Раздел 6. Литература	352
Раздел 7. Указатель имен	370
Список сокращений	375